

А. М. СЕЛИЩЕВ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

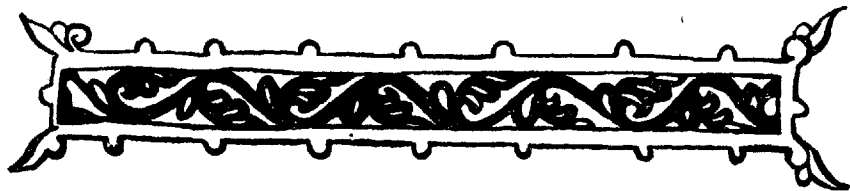
ВВЕДЕНИЕ ФОНЕТИКА

Допущено

*Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
и аспирантов филологических факультетов
университетов и факультетов русского языка
и литературы педагогических институтов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ~ 1951

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Введение. Фонетика

ВВЕДЕНИЕ

Начало славянской письменности

§ 1.	Старославянский язык	7
§ 2.	Источники по истории возникновения древнейшей славянской письменности: славянские, греческие, латинские	—
§ 3.	Главнейшие факты из истории славянской письменности	9
§ 4.	Деятельность учеников Мефодия у хорватов и в Болгарии	14
§ 5.	Судьба старославянской письменности в Моравии и в Чехии	—
§ 6.	Элементы языка кирилло-мефодиевских переводов. Исторические и лингвистические (словарные и синтаксические) указания, свидетельствующие о славяно-болгарской основе языка старославянских переводов	15
§ 7.	Фонетические и морфологические черты языка кирилло-мефодиевских переводов, указывающие на язык болгарских славян как на основу языка старославянского	20
§ 8.	Паннонская теория. Слова латинские и немецкие в языке старославянских памятников	23
§ 9.	Элементы языка славянского городского населения, отразившиеся в старославянском языке. Книжные, литературные элементы старославянского языка	25
§ 10.	Переводческая техника Константина и его учеников	28
§ 11.	Переводы более поздние, X—XI вв.	31
§ 12.	Тюркские слова в старославянских памятниках	33
§ 13.	Термины по отношению к языку древнейших славянских переводов: древнецерковнославянский, древнеболгарский, старославянский	34
§ 14.	Значение изучения старославянского языка	—
§ 15.	Славянские азбуки. Глаголица и кириллица. Анализ некоторых бунв Киевских листков по сравнению с буквами других глаголических рукописей. Моравское происхождение писца Киевских листков. Писцы других глаголических памятников	35

§ 16. Памятники, писанные кириллицей. Их писцы. Черты языка этих памятников по сравнению с языком памятников глаголических	38
§ 17. Источники кириллицы	39
§ 18. Источники глаголицы	43
§ 19. Числовое значение букв кириллицы и глаголицы	53
§ 20. Надписные знаки. Знаки препинания	—
§ 21. Взаимоотношения между кириллицей и глаголицей	55
§ 22. Возникновение кириллицы	59
§ 23. Применение глаголицы на востоке Болгарии	60
§ 24. Палимпсесты	61
§ 25. Названия „кириллица“ и „глаголица“	62
§ 26. Порядок букв в славянских азбуках	63
§ 27. Анализ статьи Храбра о письменах	64

Старославянские памятники

§ 28. Памятники глаголические	67
§ 29. Памятники кириллические	74
§ 30. Памятники, написанные на основе старославянских рукописей у восточных славян, у хорватов, у сербов, у чехов	78
§ 31. Памятники с чертами чешского языка	79
§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка	80
§ 33. Словинские (Фрейзингенские) тексты	81
§ 34. Памятники с чертами русского языка	82
§ 35. Среднеболгарские памятники	92

Звуковой состав старославянского языка

§ 36. Гласные и согласные звуки и их обозначения	94
§ 37. Актуальность некоторых фонетических тенденций, отразившихся на передаче заимствованных слов	99
§§ 38—40. Отношение старославянского языка к другим славянским языкам	100—105

ФОНЕТИКА

Общественное и языковое состояние славян доисторической эпохи

§ 41. Ранние исторические упоминания о славянах. Область ранних славянских поселений. Общественный строй славян и их занятия. Свидетельство лексики	107
§ 42. Языковое состояние славянских родовых групп доисторической эпохи	109
§ 43. Анализ языковых процессов доисторической эпохи	—

а

§§ 44—47. Гласный а. Его долгота. Происхождение	112—114
---	---------

о

§§ 48—51. Гласный о. Его краткость. Происхождение. Изменение о у славян	114—116
---	---------

и

§§ 52—55. Гласный и. Его долгота. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на и	117—119
--	---------

у (ы)

§§ 56—61. Гласный у (ы). Долгота. Происхождение. Дислабиализация гласных ѱ и ѱ. і вместо и после палатального согласного . . .	120—123
--	---------

е

§§ 62—63. Гласный е. Краткость гласного е. Его положение после непалатальных и палатальных согласных. Изменение гласного е.	123—125
---	---------

ѣ, ѣ

§§ 64—66. Гласный ѣ. Долгота ѣ. Фонетическое положение. Происхождение. Разная интонация на ѣ	125—127
§ 67. Образование ѣ	129

і

§ 68. Долгота гласного і	133
§§ 69—74. Происхождение гласного і	133—138

ѡ, ѡ

§§ 75—76. Носовые гласные ѡ, ѡ. Их образование по славянским группам	139—142
§ 77. Гласные в сочетании с носовыми п, т по славянским группам	142
§ 78. Долгота ѡ, ѡ	—
§§ 79—84. Происхождение ѡ, ѡ не в конце слова. Разная интонация на ѡ, ѡ	142—148
§ 85. Носовые гласные в конце слова	148
§ 86. Носовые гласные позднейшего происхождения	152

ѣ, ѣ

§ 87. Редуцированные гласные ѣ, ѣ. Их образование	152
§§ 88—90. Происхождение ѣ, ѣ	153—155
§ 91. Ослабленная ступень в давнем чередовании о—е	155
§ 92. Редукция слова в зависимости от значения его и от способа произношения	—

ѱ, і

§ 93. Редуцированные ѱ, і. Их происхождение	159
---	-----

tьrt, tьrt, tьt, tьt

§ 94. Слоговая функция плавных и ее судьба в славянских языковых группах	160
§ 95. Палатализация т в сочетании tьrt. Лабиовеляризация t перед согласным в языке предков восточных, поморских и полабских славян	162
§ 96. Долгота слога с тг, тг, ть, ть перед согласным	—
§ 97. Интонация этих слогов	163

trьt, trьt, trьt, trьt

§§ 98—99. Сочетания trьt, trьt, trьt, trьt	164—165
§ 100. Их судьба в славянских языках	165

or, er, ol, el перед согласными

§ 101. Сочетания tort, tert, toll, tell.	166
§ 102. Долгота и интонация or, er, ol, el перед согласным	167
§ 103. Изменения tort, tert, toll, tell.	168
§ 104. čelt, želt и их изменения.	172
§§ 105—107. ort, olt в начале слова	173—175

Положение славянских языковых групп среди других индоевропейских языков в отношении согласных

§ 108. Согласные s, z в соответствии согласным k, g некоторых других языков	176
§§ 109—111. Славянские k, g и соответствующие им согласные в других индоевропейских языках	178—179
§ 112. Славянские соответствия придыхательным согласным других индоевропейских языков	180

Небно-зубные t, d, n, s, z

§ 113. Согласные t, d	182
§ 114. Согласный n	—
§ 115. Согласные s, z	183

s—ch

§§ 116—123. Согласный ch у славян и его происхождение	184—189
§ 124. Вопрос о согласном h	190

Плавные r, ł, l, l'

§ 125. Плавный r	194
§ 126. Плавные ł, l, l'	—

m, p, b, v

§ 127. Губные m, p, b, v	195
------------------------------------	-----

u, w, v

§§ 128—130. Губно-зубной v, билабиальный w, неслоговой u	195—196
§ 131. ur, ul в начале слова	197

i, j

§§ 132—133. Неслоговой i и согласный j	197—198
--	---------

k, g, ch

§ 134. Изменение k, g, ch в č, ž, š	199
§ 135. Изменение k, g, ch в c, dz, ś перед заменой дифтонга oi, т. е. перед é, i	200—201
§ 136. kvě-, gvě- в славянских языковых группах	201
§ 137. Передача заимствованных слов с k, g перед гласными переднего ряда	204
§ 138. c', dz', s' вместо k, g, ch после i, é, ь	205

Сочетания согласных с j

§ 139. Сочетания kj, gj, chj, nj, rj, lj, sj, zj, tj, dj	208
§ 140. Сочетания губных согласных с j	—
§ 141. Сочетания skj, zgj. Сочетания stj, zdj	209
§ 142. Происхождение š, ž, č	210
§ 142a. Сочетание sk' в начале слова	—

Группы согласных

§§ 142б—147. Группы согласных	210—217
---	---------

§ 148. Согласные перед гласными переднего ряда	218
--	-----

Начало и конец слова

§§ 149—151. Начало слова	219—224
§§ 152—153. Конец слова. Фонетика конца слова	224—226

Количество слога

§ 154. Количество слога. Сокращение долгот в давнее время	233
§ 155. Позднейшие долготы	234

Интонация. Акцент

§§ 156—157. Интонация. Акцент	235—236
§ 158. Метатония	236
§ 159. Интонация на кратком слоге	239
§ 160. Изменения в месте ударения	240

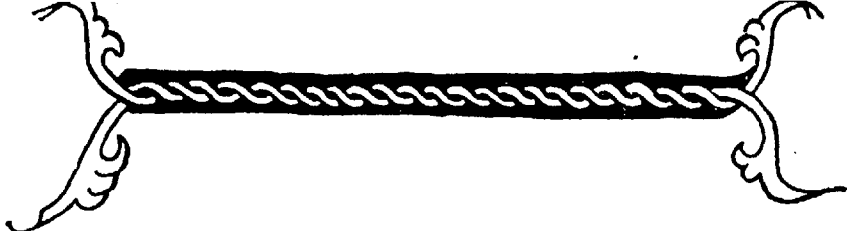
Чередование гласных

§ 161. Чередование гласных. Фонетико-морфологическое значение чередования	242
§ 162. Двухсловные базы и их редукция	245
§ 163. Чередование долгих \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} со степенью редукции \bar{e} — у славян \bar{e} , \bar{a} , \bar{y} , \bar{b}	246
§ 164. Морфологическое значение чередования гласных в языке славян	—
§ 165. Чередование e — o	247
§ 166. Чередование em (em) — om (om)	248
§ 167. Чередование er (er) — or (or)	250
§ 168. Чередование eu — ou	253
§ 169. Чередование \bar{ei} — \bar{oi}	256
§ 170. Чередование долгих \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} . Чередование с \bar{a}	257

Фонетические черты языка старославянских памятников

§ 171. Фонетические черты памятников старославянского языка	259
§§ 172—176. \bar{z} в старославянском языке	259—268
§§ 177—179. \bar{z} , \bar{a} в старославянском языке. Образование этих гласных	268—271
§§ 180—181. \bar{z} , \bar{a} в Синайской псалтыри и в Мариинском кодексе	272—277
§ 182. Дублиеты с \bar{z} и \bar{y}	277
§ 183. Дублиеты с \bar{z} и \bar{b}	278
§ 184. \bar{z} , \bar{b} в старославянском языке. Позднейшие \bar{z} , \bar{b} в передаче заимствованных слов	279
§ 185. Изменения \bar{z} , \bar{b} , отразившиеся в языке старославянских памятников. Утрата \bar{z} , \bar{b}	281
§ 186. \bar{z} вместо \bar{z} , \bar{b} в начале слова	285
§ 187. Смещение \bar{z} , \bar{b}	—
§§ 188—189. \bar{z} , \bar{b} в сильном положении. Показания старославянских и среднеболгарских памятников, с одной стороны, и современных болгарских диалектов — с другой	290—293
§ 190. Редуцированные \bar{z} , \bar{b} перед i , u (перед j и перед i). Их судьба в слабом положении	294

§ 191. Редуцированные <i>ы, и</i> в сильном положении. Условия такого положения	295
§ 192. <i>ъ, ѧ</i> перед <i>и</i> : <i>коуѣи, людьи</i>	297
§ 193. <i>ъ, ѧ</i> в конце слова перед <i>и</i> следующего слова	299
§ 194. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>ъгѣ, ѡгѣ, ѣгѣ, ѡгѣ</i> : <i>грѣдѣ, зръко</i>	301
§ 195. Их измененные	302
§§ 196—197. <i>ръ, рь, лъ, ль</i> перед согласным вместо давних <i>гъѣ, гьѣ, ѣгѣ, ѡгѣ</i> : <i>крѣкъ, съзѣ</i>	303—306
§ 197а. Группа <i>-тъѣ-</i>	306
§ 198. <i>ы</i> . Написания <i>с и</i> вместо <i>ы</i> и <i>с ы</i> вместо <i>и</i>	307
§ 199. <i>е</i>	308
§ 200. <i>і</i> после гласного	309
§ 200а. <i>ј</i> в начале слова	—
§§ 201—202. <i>ј</i> в середине слова	314
§§ 203—204. <i>Ҁepentheticum</i> в старославянском языке. Его изменение не в начале слова, отражающееся в старославянских памятниках. Значение способа образования следующего гласного	316—317
§ 205. Формы без <i>а'</i> морфологического происхождения	318
§ 206. <i>земь, zeml'a</i>	319
§ 207. Палатальные согласные <i>ѣ, ѡд</i> . Их происхождение.	—
§§ 208—209. <i>з (dz)</i> . Показания старославянских памятников в отношении судьбы аффрикаты <i>з</i>	321—322
§ 210. <i>сѣ — ст, ѣд</i> в языке старославянских памятников. Сочетание <i>сѣ</i> в славянских языках	323
§ 211. <i>л', н', р'</i> в старославянском языке	324
§§ 212—213. <i>ш, ж, т, ѣ, ѡд, ч, з (ж), ѡ (късѣ)</i> в отношении палатальности	325—326
§ 214. Согласные перед гласными переднего ряда в старославянском языке	326
§ 215. Группы согласных.	328
§ 216. Конец слова.	329
§ 217. <i>лх-и-, съ-и-, ѡъ-и</i>	—

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	<i>Стр.</i> 3
----------------------------	------------------

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Тексты. Словарь. Очерки морфологии

ТЕКСТЫ

Из Зографского кодекса (1—8)	5
Из Марининского кодекса (1—12)	10
Из Ассеманиева кодекса	16
Из Синайского требника (1—3)	17
Из Синайской псалтыри (1—3)	20
Из Листков Ундольского	21
Из Саввиной книги (1—2)	—
Из Супрасльской рукописи	23
Из Киевских листков	25
Из Остромирова кодекса (1—2)	—

Сопоставление одного текста: (таблица № 1):

1. на греческом языке;	3. по Марининскому кодексу;
2. по Зографскому кодексу;	4. по Остромирову кодексу.

Сопоставление одного текста (таблица № 2) на языках:

1. старославянском;	8. нижнелужицком;
2. новоболгарском;	9. польском;
3. сербском;	10. русском;
4. словинском;	11. белорусском;
5. словацком;	12. украинском;
6. чешском;	13. греческом.
7. верхнелужицком;	

СЛОВАРЬ

Словарь	33
-------------------	----

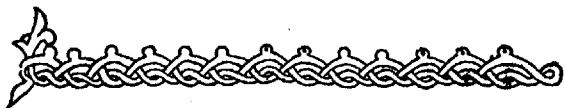
ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ

Именные основы. Их образование (§§ 1—3)	53
Суффиксы именных основ (§§ 4—18а)	55
Суффиксы прилагательных (§§ 19—29)	77

Сложные имена (§§ 30—37)	82
Склонение имен существительных (парадигмы и объяснения к ним):	
1. Прежние основы на -о, -ю, -й (§§ 38—55)	88
2. " " на ĭ (§§ 56—60)	96
3. " " на -а, -ја (§§ 61—64)	99
4. " " на согласный (§§ 65—76)	102
5. " " на -ї (§§ 77—78)	109
Местоимения:	
Личные местоимения (§§ 79—81)	111
Неличные местоимения (§§ 82—96)	114
Прилагательные (§§ 97—111)	125
Числительные (§§ 112—116)	140
Глагол:	
Настоящее время (§§ 117—131)	144
Имперфект (§§ 132—140)	159
Аорист (§§ 141—147)	166
Перфект. Плюсquamперфект (§§ 148—149)	172
Будущее время (§§ 150—151)	174
Повелительное наклонение (§§ 152—158)	177
Условное наклонение (§ 159)	181
Причастие (§§ 160—178)	182
Дательный самостоятельный (§ 179)	197
Инфинитив. Супин (§§ 180—181)	198
Форма <i>сати</i> (§ 182)	200
Причастие для глаголов <i>кати, вьдати, кести, дати</i> (§§ 183—186)	201

Часть первая

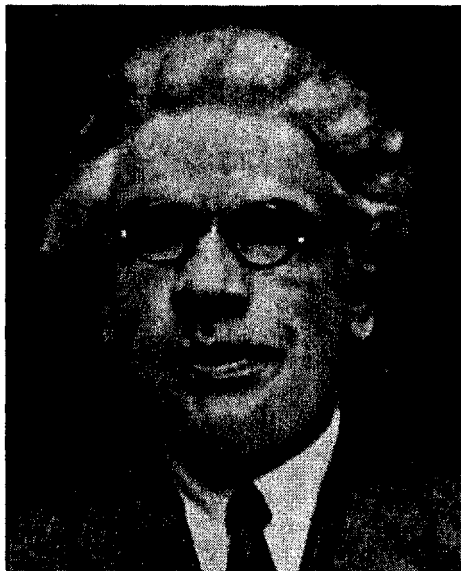

ВВЕДЕНИЕ

ФОНЕТИКА

ОТ АВТОРА

Задача курса старославянского языка заключается в том, чтобы представить необходимые лингвистические сведения, которыми должен располагать каждый приступающий к изучению истории русского и других славянских языков. По мере своих сил, я выполнял эту задачу в своих курсах, которые читал в течение многих лет в университетах и педагогических институтах. В своем изложении я не останавливаюсь на истории решения того или иного лингвистического вопроса. Дать подробное критическое обозрение мнений по излагаемому вопросу невозможно в таком вводном курсе, а ограничиться сводкой мнений, по меньшей мере, бесполезно. Поэтому я даю изучаемым фактам такие объяснения, какие считаю ближе соответствующими истине. Усвоив предлагаемый курс, студент или аспирант будет иметь возможность критически отнестись к разным мнениям по изучаемым вопросам.

Издаваемая часть моего курса старославянского языка включает в себе филологическое введение и фонетику. Острая нужда ощущается в старославянских текстах, необходимых при прохождении этого курса. Поэтому одновременно с фонетикой издается сборник текстов со словарем, а также с краткими замечаниями о словообразовании и о формах.

А. М. Селищев.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Старославянский язык — это язык славянских переводов греческих книг, — переводов, выполненных Константином и Мефодием и их учениками во второй половине IX в. До нас не дошли рукописи на этом языке, которые относились бы ко времени деятельности первых переводчиков. Древнейшие старославянские рукописи принадлежат X—XI вв. Одни из них писаны азбукой, называемой „глаголица“, другие — „кириллицей“.

Такое общее определение старославянского языка не отвечает на следующие два вопроса: 1) элементы какой славянской языковой группы второй половины IX в. были положены в основу языка первых славянских переводов; 2) какой азбукой, глаголицей или кириллицей, пользовались первые славянские переводчики.

Данные, на основании которых можно ответить на эти вопросы, извлекаются из указаний: 1) исторических, 2) лингвистических и 3) палеографических.

§ 2. Необходимо представить главные моменты и обстоятельства, относящиеся к начальному периоду славянской письменности. Источниками служат произведения на славянском, греческом и латинском языках. Это — легенды (жития) и исторические документы.

и характером), в письме архиепископа Теотмара Зальцбургского, в легенде о папе Клименте (*Vita cum translatione s. Clementis*), в полемической „Истории обращения хорутан“ (*„Historia conversionis Carantanorum“* или *„Libellus de conversione Bagoariorum et Carantanorum“*), отстаивающей интересы немецкого духовенства. См. в названной выше книге проф. Пастрнека (*„Dějiny...“*, стр. 239—278).

§ 3. В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Цель посольства, по сообщению жития Константина, заключалась в желании Ростислава получить проповедников, которые пользовались бы славянским языком. Повидимому, это желание было вызвано тем, что Ростислав хотел парализовать деятельность латино-немецкого духовенства, распространявшего христианство в Моравии: это духовенство было проводником влияния немецкого императора. Возможно полагать, что политическая цель посольства заключалась и в другом: в желании заключить союз с Византией в противоположность союзу Болгарии с государством Людовика Немецкого. Область государства Моравского граничила на западе с государством немецким, на юге, у Дуная, с княжеством Паннонским, а на востоке — с Болгарией (на севере и северо-западе границы Болгарии простирались до Днестра и Тиссы). В борьбе против моравского князя Людовик Немецкий хотел воспользоваться помощью болгарского князя Бориса. Папа Николай I, благословляя Людовика на войну с Моравией, получил в начале 864 г. сведение, что Людовик „намерен отправиться в Тулну и там укрепить мир с болгарским королем и заставить Ростислава волей или неволей подчиниться“. Союз же Бориса с Людовиком был, видимо, заключен ранее, в 861—862 гг. Несомненно, в Константинополе придавали большое значение отношению с Моравией. Открывалась перспектива распространить и укрепить влияние Византии на западе, в областях государства моравского. В пределы этого государства входили области нынешней Словакии, — в областях реки Моравы и далее на восток к Грону, Ипелю и северной Тиссе. В зависимости от моравского княжества находились и края чехов и далее на северо-запад — некоторые племена славян, живших в бассейне средней Эльбы (Лабы).

Где был центр Моравского государства? Определенного указания по этому вопросу исторические документы не дают. Историки полагали, что таким центром был или высокий Девин

у Дуная, недалеко от Братиславы, или Нитра. В последнее время получили некоторое подтверждение средневековые упоминания о Велеграде, у Угорского Градишта, как о центре Великой Моравии. Такое упоминание идет от XIII в. Недавние раскопки обнаружили недалеко от Угорского Градишта, в его предместье (Staré Město — „Старый Город“), следы крепости и многочисленного населения, которое вело оживленную торговлю с Византией. Может быть, тут-то и была urbs antiqua Rastici („старый город Растича“ — Ростислава), упоминаемая в фульдских анналах под 871 г. Византия отправила в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата-грека Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии принадлежала младшему брату, высокообразованному Константину-философу. Константин и Мефодий были уроженцы города Солуня (Фессалоники). Они хорошо знали язык славян, живших в самом городе и в окрестностях его. „Вы оба солуняне, а солуняне все говорят хорошо по-славянски“ („вы во уста солунянина, да солуняне вси чисто словяньскы вьсвѣдоуютъ“; жит. Меф.). Мефодий был некоторое время правителем какой-то славянской области („князение словяньско“; жит. Меф.) в Византии,— на юго-востоке в Македонии или в областях побережья Эгейского моря (прочие области Македонии и восточной части Балканского полуострова входили в состав болгарского государства). Константин получил блестящее по тому времени образование. Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке. Но это занятие не соответствовало настроению Константина. Он предпочел удалиться в уединенное место, „на узкое море“ (жит. Конст.) — у Босфора. Спустя некоторое время он получил назначение „уити философи свѣд зьмѣд (твѣмѣд) и странитѣд („своих и приходящих со стороны“), „и по то сѣ ить“ („и он принялся за это дело“). С эпитетом „философ“ обычно представляется в источниках его имя. Еще ранее моравской миссии на Константина была возложена миссия к сарацинам в Малую Азию и затем миссия к хозарам. В последней принимал участие и Мефодий, живший до этого в монастыре Олимп, в Малой Азии. Там некоторое время перед хозарской миссией провел и Константин, сосредоточившись на книжных занятиях („токмо книгамн вьсвѣдоуа“; жит. Конст.). Византия нередко в политических целях пользовалась религиозными миссиями. Повидимому, хозарская миссия находилась в какой-то связи с походом русских на Константи-

нополь в 860 г. В хозарской миссии обнаружались многосторонние способности Константина. По пути к хозарам, в Херсонесе, он находит евангелие и псалтырь, „рушкым писменем“ писанные, и человека, знающего этот язык,— и быстро научился читать эти книги. Он изучает древнееврейский язык. Состязался он и с самарянином, жившим в Херсонесе, и самарянские книги, принесенные им, Константин за несколько дней выучился читать, „бес порока“ (жит. Конст.). Свое знание древнееврейской, в частности самаритянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения из хозарской миссии, прочтя в Константинополе загадочную самаритянскую надпись на одной древней чаше. С древнееврейской письменностью Константин мог познакомиться и раньше, в Олимпе (в Малой Азии). Там он мог узнать и письмо коптское.

На Константина и Мефодия и была возложена миссия в Моравию. По сообщению житий и Константина и Мефодия, Константин еще до отъезда в Моравию составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам на этом языке: „сложи писмена и на тааъ вьсѣдоу писати вудгвальскоую“ (жит. Конст.); „и лѣнивъ оустранѣвъ писмена и вьсѣдоу съставлявъ, поути са итъ моравьскааго“ (жит. Меф.). Это — важное указание. Возможно полагать, что Константин не впервые только теперь, в связи с моравской миссией, занялся делом славянской азбуки. В такой непродолжительный период времени, который оставался до отбытия в Моравию, едва ли можно было составить цельную, хорошо приспособленную к славянской фонетической системе азбуку, какой является алфавит Константина. Требовал значительной подготовительной работы и перевод, приспособление славянского языка и его элементов к новой функции — к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду всего этого можно полагать, что вопрос о славянской письменности для славян Византии и для соседней с нею Болгарии давно уже занимал Константина и вызвал некоторую подготовительную работу. По каким-то обстоятельствам введение славянской письменности для этих славян замедлилось. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по формированию книжного языка для славян. Он не изменил прежней языковой основы этого языка — основы языка, какой он знал, славян солунских: по справкам, какие он мог навести у членов моравского посольства, язык солунских славян был вполне доступен пониманию моравян.

Миссия отправилась в Моравию не позднее 864 г. Константин, Мефодий и несколько лиц, знавших славянский язык и помогавших братьям в деле славянской письменности, отправились вместе с другими членами миссии в Моравию. Первые годы пребывания в Моравии прошли в подготовке кадров славянских книжных людей и в изготовлении дальнейших славянских переводов с греческого. С первых же дней славянский язык в письменности и в церковном ритуале встречен был враждебным ропотом со стороны латинского духовенства в Моравии, утверждавшего латинский язык в письменности и ритуале. К Константину и Мефодию это духовенство относилось враждебно и по другой причине: в них оно видело не без основания опасных противников своему господству.

Проработав более трех лет в Моравии, Константин и Мефодий с группой своих учеников отправились в Рим, чтобы представить папе сведения о своем деле. Вместе с тем они надеялись получить поддержку папы — поддержку в их трудном положении среди враждебно относившегося к ним латинского духовенства. По пути из Моравии они на некоторое время остановились в Паннонии. Там их радушно принял князь Коцель и дал им около 50 учеников обучить славянским книгам (жит. Konst.). Далее путешественники направились в Венецию. Там у них были горячие споры с „треязычниками“, т. е. с лицами, утверждавшими, что только на трех языках законна письменность — на еврейском, греческом и латинском. „Треязычники“ были посрамлены греческим философом. „Как вам не стыдно принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими? Мы же знаем много народов, имеющих письмена... на своем языке. Ведь известны (в этом отношении) армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы Сугдеи), готы (крымские готы), авары, турки, хозары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие“. Посрашив их многими текстами из писания, Константин оставил их. В средние века создалось представление, что в письменности могут быть допущены только три языка: еврейский, греческий и латинский. Такой взгляд был в особенности распространен на Западе в связи с тенденцией к универсальности латинского языка. Были и в Византии такие „треязычники“. Но там в господствующих верхах свободнее относились к письменности на других языках. Греческий язык не получил на Востоке того исключительного

господства, которое принадлежало латинскому языку на Западе. Глубокой давности традиция письменности существовала у египтян, сирийцев, халдеев, персов. На Востоке свободнее, чем на Западе, применялись народные языки в письменности, и Византия нередко пользовалась даже в целях политических ролью народного языка в письменности.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия. Обстоятельства сложились так, что папа в целях укрепления своего влияния в Моравии и Паннонии признал славянский язык в письменности и в литургии. Из Рима Константин не вернулся. Заболев, он умер там в 869 г. в возрасте 42 лет. Перед смертью он принял имя Кирилл. По смерти Константина Мефодий действовал некоторое время в Паннонии. В Моравии положение было смутное — война с немцами, перемены в княжестве: Ростислава сменил его племянник Святополк, признавший верховную власть Карломана. Затем Мефодий получил назначение епископом Паннонии. Неудача папского Рима в Болгарии побуждала папу Адриана II к утверждению своего влияния в Моравии и в Паннонии: для этих областей основана была особая славянская епископия. Но Мефодий попал скоро в руки немецких епископов, которые заключили его в тюрьму в Баварии. Там он просидел больше двух лет. В Моравии произошли изменения. Вспыхнуло восстание против франков. Святополк стал независимым правителем Моравии. Мефодий вернулся в Моравию. Но деятельность там славянских книжников проходила в крайне тяжелых условиях. Святополк не был защитником славянской письменности. Приобрели большее значение латинники. Интриги, ложные доносы в Рим с обвинением Мефодия в „ереси“, подложные письма — всё они пускали в ход, чтобы скомпрометировать дело славянской письменности и восстановить свое господство над населением. В особенности мрачной фигурой является в это время интриган епископ Вихинг. (Позднее он покинул Моравию и стал канцлером у короля Арнульфа.) Последние годы деятельности Мефодия были заняты изготовлением славянских переводов. В 885 г. он умер. После его смерти противники славянской письменности во главе с интриганом и фальсификатором Вихингом торжествовали. Они добились у папы Стефана V запрещения славянского языка в церковном ритуале. Ученики Мефодия были изгнаны из Моравии, а некоторые проданы в рабство. Изгнанники отправились одни на юг, к хорватам, другие — на

юго-восток, в Болгарию. Там они продолжали дело славянской книжности.

§ 4. В особенности благоприятны условия для славянской письменности были в Болгарии. Из учеников Мефодия выдающимся писателем был Климент, действовавший в Македонии и в юго-восточной Албании. Македония была областью, где было изготовлено много славянских рукописей,— изготовлено с сохранением книжных традиций в языке и в письме, как они установлены были в кирилло-мефодиевских оригиналах и их продолжениях под пером Климента и близких его учеников. Из Македонии идет и большинство тех рукописей, глаголических, XI в., которые объединяются в группу старославянских.

Во время правления Симеона (893—927) государственный центр Болгарии Преслав становится и центром славянской книжности на востоке Болгарии. Из преславского круга писателей выдающимся был Иоанн экзарх. Преславские книжные люди пользовались тем же языком, каким писали и в Македонии. Связь личная и обмен рукописями в книжной среде востока и запада Болгарии существовали в разные периоды государственной жизни этой страны и в период ее независимости, и под властью Византии (972—1186). Но в восточноболгарских рукописях отражались отступления от прежних языковых книжных норм более значительно, чем на западе, в Македонии. Отступили в Преславе и от графической традиции: глаголицу там, повидимому, заменили так называемой кириллицей. В Преславе было изготовлено много рукописей, списки с которых распространялись затем в среде восточных славян и среди сербов.

§ 5. В Моравии и Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Кое-где она продолжалась и в X—XII вв. О письменности на славянском языке в этих краях свидетельствуют Киевские листки (X в.) и Пражские отрывки (конец XI или XII в.). На том же языке была составлена там легенда о Вячеславе и некоторые другие произведения. В конце XI в. в чешском Сазавском монастыре, где ютилась еще славянская письменность, славянские книги были совсем уничтожены приверженцами латинского языка или так испорчены, чтобы никоим образом нельзя было больше по ним читать. Так сообщает современный летописец (см. „Fontes rerum bohemicarum“, II, стр. 250). Следы старославянского языка отражаются в позднейших памятниках чешской письменности, на лексике ее.

Таковы главнейшие факты из начальной истории славянской письменности. Эти факты помогают дать ответ на поставленные выше вопросы: 1) об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов и 2) о начальной славянской азбуке.

§ 6. По вопросу об элементах языка кирилло-мефодиевских переводов надо принять во внимание указание легенд, что в Моравию Константин, Мефодий и их помощники отправились с начатыми переводами. В основу языка этих переводов был положен язык тех славян, с которыми Константин и Мефодий имели общение, — славян Солуня и его района. Среди них прошли детские годы братьев. Среди славян, близко родственных с солунскими, проходила в течение некоторого времени административная деятельность Мефодия как правителя „княжества словенского“ где-то на юго-востоке Балканского полуострова.

Черты языка кирилло-мефодиевских переводов указывают также на область славян болгарских. Это была область, находившаяся рядом с греческой. Связи с греческим населением обусловили появление греческих слов в языке славян этой области. В славянской среде там употреблялись слова *сѣбота*, *параск'вѣг'ни*, (*параск'вѣг'ниа*), *ловѣг'нѣ* и др. Звуковой вид некоторых из слов греческого происхождения указывает, что они перешли в язык славян не из литературного греческого языка, а из речи народной греческой среды: *сѣбота* [1. „неделя“, 2. „суббота“] указывает на народно-греческое *σάββατον*, а не на литературно-греческое *σάββατον*. На греческое сочетание *αμψ* вместо *ββ* может указывать и передача имени 'Αββαχοῦμ, находящаяся в древнерусских книгах: *Амбакумъ*; такая передача ведет к греческому 'Αμβαχοῦμ.

На греческую народную среду указывают заимствования с *γ'* (*параск'вѣг'ни*, *ловѣг'нѣ*): народно-греч. *παρασχευή*, литератур. *παρασχευή* („день перед субботой“, „пятница“), *λευ'γ'ιτις*, литератур. *λευίτης*: *домъ ловѣг'нѣ* — *τὸν λευγί (λευί)* (Син. пс.); *в'ѣга* — *ἔυγα (εβα)*. По греческим диалектам с первых веков н. э. появился согласный *γ* после заместителя дифтонгов *ευ*, *ου*: *ευγ*, *ουγ* — *παρασχευή*, *δουλεύω* вместо *δουλεύω* „служу“ и т. д.

По народному произношению введены были и некоторые другие слова. Например, прилагат. *олъгоуннѣ* или *алъгоуннѣ* — *ἀλόης* — из *алоэ* сделанный или с *алоэ* смешанный. (Сок из *алоэ* — из дерева с длинными широкими листьями, имевшими колючки на концах, применялся на востоке при бальзамировании мертвых.)

В более поздних старославянских текстах передано это прилагательное ближе к греческому ἀλόγος — алогинъ (алогинно). Так было, например, в старославянском оригинале Остромирова евангелия. Первые славянские переводчики ввели в язык их переводов некоторые греческие слова в том звуковом виде, в каком они применялись в живой речи славянской среды. Если бы Константин и его сотрудники вводили эти слова как заимствования из литературного греческого языка, то они передали бы их в виде параскевинъ, ловитъ, алогинъ. Непосредственное соседство славян с греками было на юго-востоке Балканского полуострова.

И другие черты словаря старославянских памятников указывают на то, что славянский язык первых переводчиков принадлежал той славянской среде, в которой употреблялось много греческих терминов. В старославянских памятниках находится длинный ряд непереведенных греческих слов — не переведенных по разным обстоятельствам.

1) Это были названия должностей, должностных лиц и предметов с их специфической значимостью:

а) архитрикланъ — греч. ἀρχιτριχλῖνος („главный стольник“, „распорядитель пиршества“); ѿфмерни — греч. ἐφημερία („дежурство“, „очередной служитель“; в Зографском кодексе перевод: дньвннѣя урьда); нгемонъ — греч. ἡγεμών („вождь“, „наместник“); икономъ — греч. οἰκονόμος (слав. прнставьннкъ „управитель“, „управляющий“); коустодина — греч. κοστωδία („стража“); практоръ — греч. πράκτωρ („судебный пристав“); стратигъ — греч. στρατηγός („полководец“, „вождь“);

б) ароматъ — греч. ἄρωμα, родит. ἀρώματος; катапетазма — греч. καταπέτασμα (слав. опона — „занавес“); корвана или корванъ — греч. καρβάν („касса“, „денежный ящик“); кранново мѣсто — греч. κρανίου τόπος („лобное место“, „место казни“); соударъ — греч. σιυδάριον, слав. оуброусъ („полотенце“) и многие другие.

2) Слова отвлеченного значения: оусниа — греч. οὐσία („существо“); ѿннѣ оуснѣ нашѣмъ плѣтнѣмъ покрывъшии са (Син. тр.); сканъдѣль (Син. пс.) — греч. σκάνδαλον („соблазн“) и др.

3) Были слова, перевод которых бытовыми славянскими словами понизил бы стилевое значение их — понизил бы своей бытовой окраской. Например: кринъ — греч. κρίνον („лилия“), епвндитъ — греч. ἐπευδύτης („верхняя одежда“, „плащ“), позднее переведено так: „срауницъ“; тектонъ — греч. τέκτων („плотник“); ср. текст: не съ ли вѣтъ тектоновъ снѣ (Мариин.); петра, петръ (на семь петръ или на семь камне, по отношению к личному имени Петръ) — греч. πέτρα („огромный камень“, „скала“),

акротомъ (Син. тр.) — греч. ἀκρότομος — „твердый камень“: недвижно
оспозане на акротомъ і дѣвьянъ каменн тво[ш]мъ въръ (Син. тр.); акротомъ и
в Син. псалтыри; алекъторъ — греч. ἀλέκτωρ, слав. пѣтъль; власнница —
греч. βλασφημία („ругательство“, „злословие“); афедронъ — греч.
ἀφ᾽ ἑδρῶν („отхожее место“, „задний проход у животных“); кро-
тафъ: покоі кротафома моіма (Син. пс.) — греч. κρόταφος („висок“).

Переводчики полагали, что введение некоторых греческих
слов не затруднит понимания текста в известной им славянской
среде — в среде, близкой к грекам, — на юго-востоке Балкан-
ского полуострова.

Что касается общего словарного состава старославянских па-
мятников, то он недостаточно показателен при отсутствии све-
дений по истории слов у южных славян. В этом словаре были
такие слова, которые ясно указывали на Балканы. Таково слово
клеврътъ в значении греч. σὺβουλος, т. е. „сораб“, „товарищ по
работе“ (подоуогъ в более поздних переводах). Это слово харак-
терно для балканских областей, так как вышло из романско-
балканской среды, это — передача балкано-романского слова
collibertus. Из балкано-романской среды взято было балкан-
скими славянами название верхней одежды котыга. Это слово
находится в Супрасльско́й рукописи и в древнерусских памятни-
ках, списанных с южнославянских оригиналов. Например: въ
же котыга невшека — в Мстиславовом ев. (XII в.), Иоан., XIX, 23 —
в греческом тексте — ἦν δὲ οὐκὼν ἄρραφος; и хотащмоу съ тобою пьрати
са и ризъ твою възати остави шмоу и котыгоу (в Сборнике Святослава
1073 г.); облечеса въ зеленую котыгоу (σχήμα) (в хронике Иоанна
Малалы). В словах Ефрема Сирина (в списке XIV в.) находится
это слово в более новом звуковом виде, с гласным у: котуга
(χῦτων, tunica): котугу постру. На юго-западе Балканского полу-
острова, где в особенности сильно было романское воздействие,
сохраняется до сих пор это слово: в хорватских говорах на
острове Вресе, в Башке, в Коштрене, в Бакарце, в Чавлях:
kotiga, kōtiga. В некоторых из этих местностей так называют
только женскую верхнюю одежду из меха овец (о. Врес). Бал-
канско-славянское котыга (более позднее котуга) представляет собою
передачу среднелатинского слова cotuca — название верхней
одежды клириков (tunica clericī).

Характерны для южнославянских языков слова сланз („иней“),
акукуегъ („ящик“, „сундук“), горюшьнъ („горчиный“), градъ, гра-
дши...

Как грецизмы, так и некоторые другие явления словаря старославянских памятников указывают на юго-восток полуострова, на области болгарские. Показательное значение заключается в том, что эти слова совпадают со словарем болгарских писателей последующего времени, конца IX — начала X в. — со словарем Иоанна экзарха болгарского, действовавшего на востоке, со словарем Климента, деятельность которого относилась к юго-западу болгарских областей. Например: *градъши* в ст.-слав. памятниках у Иоанна экзарха, у Климента; *клеврътъ* в ст.-слав. памятниках и у Иоанна экзарха; *страньнъ* (в значении „чужой“, „гость“) в ст.-слав. памятниках, у Иоанна экзарха, у Климента, и ряд других слов.

Отметим еще слово *ланица* („щека“) — слово, представляемое только говорами болгарскими на юго-востоке Македонии [Неврокоп] и во Фракии.

Показательно своим архаизмом и слово *ч'ѣд* вместо *чадъ* в говорах на юго-востоке Македонии. Значение этого слова такое же, как и в давнее время: „род“, „племя“, „группа людей“. *Итъ словъше* — *проста чадъ*, по словам послов князя Моравии Ростислава [жит. Конст.].

Обратим внимание на значение глагола *поустити*: он имеет значение не только „пустить“, „отпустить“, но и „послать“, „дать“. Например: *ѣгда напишетъ ки'нгы* [„письмо, грамоту“] *и поуститъ къ мнѣ* (Супр. рук., 77^{об.}); *поуститъ же* („послал“) *мѣжа жоупаны и сѣновѣнты къ стоумоу* (Супр. рук., 147); *приде же къвѣръ зѣло* („поздним вечером“) *сѣлъ* („посол“) *поуштен' отъ того трокон'да* (Супр. рук., 147); *законъ нже сѣтъ поуштенн намъ* (Супр. рук., 75^{об.}); *поуститъ привѣтъ* („послал привет“) в Синайском патерике XI в., — в русском списке со старославянского оригинала. В значении „послать“ знали этот глагол и семиградские болгары, вышедшие в XIII в. из восточной Болгарии: *„твуйте свенте ангеле ми нусти на помощ (парамаст)“*. В том же значении применяется этот глагол и в современных болгарских говорах, преимущественно на юго-западе: *„Ако ти не втасат тије пари, пушти ми една книга, ја к'а ти пушта уште пари“* („Если этих денег тебе нехватит, пришли мне письмо, я pošлю тебе еще денег“; западная Македония).

„Кога те викаф, не дойде,

То шчо ти пушчи ф, не зеде“

(„Когда я звал тебя, ты не пришла; то, что я послал тебе ты не взяла“; там же).

„Фано, пиле материно!
Пушчи мене бела рака“.

(„Фана, птенчик материн! Дай мне белую руку“; там же).

И в говорах Солунского района до сих пор существует глагол „пусна“ в таком значении. Например: пуснала една робинка, зема за десет пари халва — „послала служанку взять на десять копеек халвы“; за вилеетут пари да пусни — „в виляет деньги послать“.

Глагол пушчи в значении „послал“ имеется также в говорах южной Македонии — в говорах Костурского края, близких по своей основе к говорам Солунского края.

Нет основания видеть в глаголе поустити, употреблявшемся с значением „послать“, „отправить“, позднейшее наслоение в языке старославянских памятников (Супрасльская рукопись); он применялся и на юго-западе, как свидетельствуют современные болгарско-македонские говоры.

На область славян Болгарии указывают и тюркские слова, перешедшие от тюрков-болгар в язык этих славян и отразившиеся в старославянском языке: *грьтогъ* — „терем“, „спальня“ (в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук.). К болгарам, как и к некоторым другим тюркам, оно перешло от каких-то иранцев (персидск. *čârtâk*, может быть, аланское *čârtak* вместо *kartaka* „дом“, „огороженное место“). Позднее из турецкого языка это слово заимствовано было южными славянами и русскими с согласным *d*: болг. чардак, сербо-хорв. *čardak*, *čerdag*, русск. чердак.

Отметим одну синтаксическую черту языка старославянских памятников, указывающую на тесные взаимоотношения славянского и греческого населения — на взаимоотношения, при которых появилось среди тех и других двуязычие: греки знали славянский язык, а славяне — греческий. Некоторые черты синтаксиса и семантики греческого языка переносились в славянскую речь. Таково происхождение двойных форм имен существительных, служащих для передачи дистрибутивности, дифференцированной множественности, отдельных частей, групп, рядов и т. п. Так, в Зографском кодексе, в VI, 39—40 Марка читается. *Ī погсаъ Īмъ посадити ѿ вса на споды на споды.¹ на травъ зеленъ. Ī възлегоша*

¹ „Группами“, „на группы“;

на лѣхъѣ. на лѣхъѣ.¹ — греч. *ουρλοια ουρλοια, ... πασιαι πασιαι*. Славянская передача не являлась лишь книжной передачей греческого текста, а отражала явление живой славянской речи. Это были славяне юго-востока Балканского полуострова — славяне болгарские. В их языке и в среднеболгарскую и в новоболгарскую эпоху представлены такие сочетания. Например: „Из полето на вълни на вълни се доносяха екливи и тъжни песни“ — „С поля доносились волнами звучные и печальные песни“ (Елин-Пелин, Разкази, I „Летен день“). Подробнее об этом сочетании говорится в отделе синтаксиса.

§ 7. Черты фонетические языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о славяно-болгарской основе этого языка. Из них особенно показательны следующие черты.

1) шт', жд' вместо ранних доисторических tj (а также kt'), dj. Изменение ранних доисторических tj (kt'), dj в шч (шт'), ждж (жд') — это давняя характерная черта славян болгарской группы. Области поселения славян этой группы были в VII—XII вв. весьма обширны. Они жили и к северу от Дуная, в пределах нынешней Румынии и восточной Венгрии; в пределы Болгарии входили области Срема, Баната, Семиградии. В особенности многочисленно было население в Семиградии. Там в долине реки Мароша находились богатейшие в то время, ценнейшие соляные запасы. Население в IX—X вв. было там славянское и тюрко-болгарское. Эта двойственность населения оставила след на топонимии Семиградии. Так, название местности Торда — тюркское, Солънокъ — славянское; имя речки Кюкюлѣ — тюркское, Търнава — славянское. Те же славянские племена занимали и восточную часть Балканского полуострова, и обширные области в Албании, в Эпире, Фессалии и по местностям Пелопоннеса. В силу общественных и экономических условий, неблагоприятно сложившихся для славянского населения, в областях к северу от Дуная и в краях Албании, северной и южной Греции получил преобладающее значение иноязычный элемент. Но следы прежнего населения, славянского, в этих областях отражаются в языке земли (в топонимии) и в языке румын, мадьяр (венгров), албанцев, греков.

Из топонимии: Реѣт (в Венгрии), Реѣтера, Граждени (в Румынии), Пештера, Лешта, Хоштова, Граждани, Либражди (в Албании), Хѣстоваз (на Пелопоннесе).

¹ „Рядами“, „в ряды“.

Из славянских слов в венгерском языке: *moštoha* („мачеха“) — болг. маштеха; *rožda* („ржа“, „ржавчина“) — болг. ржда; в румынском *măștehă, dažde* („годать“) — болг. дажде; *gražd* („стойло“, „конюшня“) — болг. гражд; в албанском: *graždi, važdoj* („идти по следу“) и др.

2) Другая фонетическая черта, характерная для языка славян болгарских по сравнению с языком других южных славян (сербов, хорватов и словинцев), а также по сравнению с языком чехов и словаков — это гласный открытый переднего ряда *ǎ*, с мягкостью предшествующего согласного, в таких случаях, как *хл'ǎбъ, дъв'ǎ рыб'ǎ* „2 рыбы“ и т. п. В глаголической азбуке этот гласный передавался знаком *ѡ*, а в кириллице посредством *ъ*. На такое образование „ять“ (точнее „ядь“) указывают все говоры славян болгарских и на востоке, и на севере от Дуная, и в Македонии, и в Греции, и в Албании. Отметим несколько примеров из топонимии областей, где некогда жили группы славян болгарских, и из славянских слов с *ъ*, перешедших к румынам, грекам.

Из топонимии Румынии: *Brează, Breastă, Deal* (слав. дѣль), *Oraev* (слав. орѣхъ), *Pleaș* (слав. плѣшь); Албания: *Леаска* (Ляска), *Дряново* (слав. дрѣново, корень дрѣн-), *Лябово* вместо *Хлѣбово*; Греция: *Λιάσχοβον* (слав. корень лѣска-), *Ἀραχόβιτσα* („орѣх-“).

Такое же указание представляют славянские слова, перешедшие в румынский, албанский, греческий языки. Нап. имер: *pleava* (болг. плѣва — „мякина“), *пгеаѣа* (болг. мрѣжа), *neveasta* (болг. невѣста) — в румын.; *храѡος* (хрѣн), *ἀστράχα* („стрѣха“, „крыша“), *τᾰνόν* — *σαῦν* (сѣно) в новогреч.; *sanë* (сѣно), *сага* (черѣн — „камень у очага“) в албанском.

На гласный *ǎ* указывают все говоры славян болгарских в их истории. И в настоящее время имеются говоры с *ǎ* вместо *ъ* на юго-востоке и на северо-востоке: б'ǎли, нед'ǎлит'ǎ (недѣлитѣ), в'ǎрен...

В глаголице знак *ѡ* служит для передачи не только *ъ*, но и древнего *а* после мягкого согласного — *ѡно, вол'ѡ* (кирилл. вол'ѡ). Такая передача была вызвана тем, что были близки звуки *ъ* и заменитель гласного *а* после мягкого согласного. Это был гласный *ǎ*. Такой гласный вместо *а* после мягкого согласного представляют и современные говоры к востоку от Солунского края.

Было бы методологически неправильным делать заключение из сопоставления языка кирилло-мефодиевских переводов с современными болгарскими говорами (XIX—XX вв.) — заключение о взаимоотношении их. Вне исторической перспективы такое заключение было бы недостаточно обосновано и вызвало бы ряд возражений относительно генетической связи языка первых славянских переводов с языком славян болгарских. Историческое же изучение болгарского языка обнаруживает все главные черты звукового и морфологического состава языка кирилло-мефодиевских переводов.

1) Носовые гласные ж, а.

2) Редуцированные гласные ъ, ѝ.

3) I — epentheticum.

4) Аффриката $\widehat{d}z$ (s): нѡсѣ.

5) Разные формы в системе склонения.

6) Окончание -тъ в формах 3-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени: нѡсѣтъ, нѡсѣтъ.

7) Форма аориста и имперфекта.

Болгарские диалекты представляют также следы таких форм сигматического аориста, которые уже в XI в. по говорам были утрачены, — форм с ѣ в корне: 1-е л. ед. нѣсѣ, вѣсѣ, рѣхѣ, 3-е л. мн. вѣса, рѣша и др. В то время, когда такие образования аориста были еще в употреблении, их основа с ѣ обобщилась в некоторых говорах для других форм: для инфинитива, для причастия прошедшего времени: донѣт[н], донѣл[ъ]. Такой процесс был пережит и в сербо-хорватских говорах: donèti, donèl → donio, donèla; аорист с новым sh: donèsh. Формы причастия *донел*, *занел* („принес“, „занес“) существуют в западноболгарских говорах. Следы аористных форм *нѣсѣ* имеются и в говорах Солунского района. В этих говорах представлены такие же следы и от форм с инфинитивной основой *лѣз-*. Вот несколько примеров: Чилиби Теодорак донел невеста от Европа; бабата утрината излела с куконата да седи („старуха утром вышла с хозяйкой посидеть“); я утрината саатю на четритя излела коконата, влезе на хамаму..., точас тос приятел излел от сандько и много си помачи да отвори вратата от хамаму, па влезел он на сандько и си затвори сам; она си умула и па излела на удаюшката („утром часа в 4 вышла хозяйка, вошла в купальную комнату..., тогда этот приятель вылез из ящика и много старался открыть дверь в купальную комнату, и влез он в ящик и там затворился,

она омылась и вышла в маленькую комнату"). Эти говоры представляют основу с *ъ* и в новообразовании для итеративного глагола с суффиксом *-ва-*: донѣвам (дон'авам, доневам — 1-е л. ед.), излѣвам (изл'авам, излевам — в других болгарских говорах излѣзвам, излизвам — „выхожу“). Такие же следы аористных форм *въсь* представлены и дальше на юго-восток, в говорах Фракии.

§ 8. Итак, теперь не подлежит сомнению, что элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян, находившихся на юго-востоке Македонии и в других областях востока и юга полуострова, — славян болгарских. Оставлена, как явно несостоятельная, паннонская теория происхождения старославянского языка — теория В. Копитаря (1780—1844), П. И. Шафарика (1795—1861), Фр. Миклошича (1813—1891). По их мнению, элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян Паннонии, т. е. предкам нынешних словинцев. Одним из главных доводов в пользу такого взгляда служили некоторые слова старославянских памятников, указывавшие на ту область, где было воздействие латинское и немецкое. Это такие слова, как *поганъ*, *ольтаръ*, *оцѣтъ* („уксус“), *миса* („обедня“), *постъ*, *цръкы*, *попъ*... Но как быть с такой языковой чертой кирилло-мефодиевских переводов, как *шт — жд* вместо давних *tj (kt') — dj?* У словинцев издавна в этих случаях были *šč — j* (*sveča — meja*), в Моравии *s — dz (z)*. Для объяснения *шт — жд* Миклошич полагал, что у славян Паннонии были такие же замены ранних *tj (kt') — dj*. Славянские слова с *шт — жд*, перешедшие в мадьярский (венгерский) язык, будто бы свидетельствуют о наличии таких звуков вместо *tj — dj* в языке славян Паннонии.

Все это несостоятельно и противоречит историческим данным.

Константин и Мефодий оказались в Паннонии только после того, как более трех лет провели в Моравии. В Моравии же, как и далее в Чехии, население было западнославянское, с *s — dz (z)* вместо *tj — dj*: *svěca (svěcā) — medza (meza)*. Киевские листки, написанные в X в. в области Моравии, ясно указывают на эту фонетическую черту: *длзъ*, *объцъннъ*.

Славянские заимствования с *шт — жд* в мадьярском языке взяты были от одной из групп славян болгарских, в VIII—IX вв. живших не только на востоке Балканского полуострова, но и далеко к северу от него (см. выше, § 7).

Такие слова латинского происхождения, как *паганъ* (лат. *paganus*), *миса* (*missa*), *альтарь* (*altare*) находились и в греческом языке, как результат взаимоотношений Византии с Западом (греч. *παγανός*, *μίσσα*, *ἀλτάρ:υ*). Из греческого источника они и могли перейти в язык кирилло-мефодиевских переводов. В греческой среде употреблялось и слово *παπάς*, откуда оно перешло и к южным славянам: *попъ*.

Среди населения на востоке Балканского полуострова были распространены и некоторые другие латинские термины — распространены римскими колонистами здесь. К таким словам относилось, например, *acetum* — слав. *оцѣтъ*.

Через балкано-романскую среду могло прийти к южным славянам и слово *црѣкы*, восходящее к греческому *τὸ κυριακόν* вместо *τὸ κυριακόν* („дом господний, храм“). Вероятно, в старославянском языке отразилось и латинское название „восприемника“ („кума“) — *comptater*: *къмотръ* („кум“), *къмотра* („кума“). Но и это слово могло прийти к южным славянам на Балканах от романского населения, находившегося там. И позднее названия для „кумы“ и „кума“ заимствовались южными славянами, болгарам, из этой среды при бытовом общении с нею. Таково происхождение слова „кумбара“ у болгар в селах Сухо и Висока Солунского района.

Вероятно, из романской же среды пришло к балканским славянам, жившим неподалеку от Эгейского моря, и название кормы или лавки для гребцов *дохѣторъ* (употреблялось также в значении „подушка“). Это слово восходит к др.-верхн.-нем. *dofta* — „лавка для гребцов“, слово, близкое по значению к латинскому *ductarius*.

Слово же *постъ*, восходящее к др.-верхн.-нем. *fasta*, проникло в разные славянские языки в разное время.

Но нельзя отрицать, что в Моравии в язык славянских переводов вошли некоторые слова, бытовавшие там, указывавшие на сферу деятельности латино-немецкого духовенства. Таково происхождение слова *црѣкы* с *-р-* в Киевских листках и в Синайской псалтыри, *папъжъ* („папа“), *рванна* в значении лат. *munera* в Киевских листках: эти слова указывают на верхненемецкий источник: *црѣкы* вместо др.-верхн.-нем. *chiricha*, *папъжъ* вместо др.-верхн.-нем. *bâbes* („папа“) и *рванна* (*рваннъ*), повидимому, вместо др.-верхн.-нем. *aravanī* — лат. *munera*; по образцу латинского *media hebdomas* стало применяться слово *сръда* (день недели). Может быть, в связи с значением латинского слова *feria* („праздник, день отдыха, покой“) стали применять слово *недѣля* — „воскре-

сень» (день недели). Но вероятнее предположение Фр. Миклошича о семантической связи старославянского слова *недѣля*, с греческим *ἀπράχτος ἡμέρα* — „праздничный (нерабочий) день“. В таком значении употреблялось это выражение не только у классиков, но и в византийский период. Например *σепτῆς χοριακῆς ἡ ἡλλης ἀπράχτου ἡμέρας* в папирусе 594 г. н. э. (H. Van Herwerden, *Lexicon graecum* s. v.).

В Моравии в старославянский язык приняты бывшие там в церковной практике и такие слова: *комѣкати* — „причащать“, *комѣкзнии* — „причащение“ (Син. тр.). В этом термине отражаются латинские *communicare, communicatio*.

В Моравии через немецко-латинскую среду был уже введен *тъпнѣчь* по образцу др.-немецкого *münich* (совр. нем. *Mönch*), вместо латинского *monachus*, а это из греческого *μοναχός* — „монах“. Имя *мъннхъ*, прилагат. *мъннхьскъ* вошли и в старославянский язык (*мъннхьскаго уна* — Син. тр.).

Из лексики славян Моравии и Паннонии могли быть взяты и некоторые славянские слова. Такого происхождения слова *амѣтъ* („даром“, „напрасно“), *рѣснѣта* („истина“, „правда“, „действительность“), *отълькъ*, („остаток“) и некоторые другие.

§ 9. Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района. В основу языка письменности положены были элементы языка городского и пригородного славянского населения, с которым имели общение греки города Солуня. Речь этих славян отличалась от языка широкой народной массы главным образом в отношении лексики. В городских слоях славянского населения было больше греческих заимствований, чем в среде сельского населения. В числе греческих заимствований были у славян города и слова городского обихода того времени. Употреблялись там и некоторые церковные и бытовые термины греческого происхождения, чуждые деревне. Например: *парасквѣг'ни* — *παρασκευή*, — в народной среде *патъкъ* („пятница“), *икѣномъ*, *днѣволь*, *афѣдронъ* и др. От греков в эту городскую славянскую среду перешли слова латинского происхождения: *вогльнъ*, *олътарь*.

Лица славянской городской среды не принадлежали к социальным верхам греческого города: лица из этой среды имели дело с греками, пользовавшимися народной греческой речью; некоторые греческие заимствования свидетельствуют об этом.

Так, славянское *сжѡта* с *сж-*, а не с *со-* восходит к народно-греческому *σάτζατον*, а не к книжному *σάββατον*; славянские заимствования с *г'* также свидетельствуют об этом источнике: *параск'вѣг'ни* — нар.-греч. *παρασκευή*, а не книжно-греч. *παρασκευή*.

Можно полагать, что и в отношении фонетики язык гордского славянского населения отличался кое-чем от языка славянских деревень. Может быть, в звуковом составе языка славян города раньше, чем в деревне, стали возможны сочетания с согласными палатальными (мягкими) *к'*, *г'*, *х'*. Такие согласные были в языке старославянских переводов. В языке же славянской деревни на юго-востоке Балканского полуострова, как и у восточных славян, долее действовала прежняя фонетическая тенденция изменять *к'*, *г'*, *х'*. В давнем языковом фонде славян не было *к'*, *г'*, *х'*: вместо этих согласных в раннюю доисторическую эпоху появились *ч*, *ж*, *ш*; в более позднюю доисторическую эпоху вместо вновь появившихся *к'*, *г'*, *х'* получились мягкие *ц'*, *ѣз*, *с'*. Новые слова, появившиеся в языке славян в историческое время, — слова с *к* — *г* перед гласным переднего ряда передавались или с палатальными *т'* — *д'* (вместо *к'* — *г'*) или с *ч* (вместо *к'*), с *ж'* (вместо *г'*). Позднее появлялись в разных славянских языковых группах *к'*, *г'*, *х'*. По отдельным славянским группам происходили дальнейшие сдвиги в их образовании. Наиболее выразительны в этой позднейшей передвижке некоторые словинские говоры: *ѣѣ* вместо *кѣ* [de]; *гѣѣ* вместо *гоке* (вин. мн.; ед. *гока* — „рука“); *ѣисло* вместо *кисело*; *ѣиѣа* вместо *чиѣа* („дом“) и др. Передача палатальных *к'*, *г'* посредством *ч'*, *ж'* представлена была в разное время и на славянском востоке.

В др.-русском языке были греческие имена с *хѡ* (*к'ѡ*), *хѣ* (*к'ѣ*). Мягкий *к'* передавался русскими посредством *ч*. Несколько примеров, извлеченных из летописей, из деловых документов, из писцовых книг, из топонимии:

Κυπριανός — Чуприан, Чупро, Чуприло, Чупря, Чупрак, Чупрун, Чиприан;

Κύριλλος — Чурило, Чурилко, Чурилец;

Κύριος, *Κόρ* — Чур, Чурей, Чирей, Чурик; но последнее может быть вместо *Κύριξ* (*Κήριξ*);

Κυριαχός — Чурьяк;

Κήριξ — Чирик, Чирей, Чирец;

Νιχηφόρος — Ничифор.

Отметим еще то же явление, отразившееся на передаче финских слов: название финского племени Ижера вместо финского *Inkeri* (*Inger*); название озера Селижар, отражающееся в имени речки „Селижаровка“; другое название озера ближе соответствует финскому оригиналу: Сегегъръ — Селигер; ср. финск. *Särkijäri*, эст. *Sär'gjär'v* — „Красноглазое озеро“.

Применялся и другой способ замены мягкого *к'* (*з'*) в заимствованных словах — его передавали посредством твердого *к* (*з*): др.-русс. Куприян (Купреян), Купря; Курило, Курил, Курилко; куриловица, Кур, Куряй, Курей; Курьяк, Курьян. Таким же способом передан был *к'* в тюркских словах, рано перешедших в славянскую среду: русск. *кочевать*, польск. *koçować* — вместо тюркск. *köç* того же значения; ст.-сл. *къпъ* — вместо тюркск. *kär* — „изображение“, „фигура“.

Палатальные *к'*, *з'*, *х'* были в языке славян солунских в IX в. Язык кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует об этом. В народной же речи юго-востока Балкан в подобных случаях были шипящие согласные (нового происхождения). Например: греческое имя *Κύριξ* (вместо *Κίρυξ*, *Κήρυξ*) передавалось раньше у этих славян с *ч* вместо *к'*: Чурикъ. Такая передача сохранилась в качестве нарицательного имени *чурици* — день 15 июля по старому стилю (день Кирика и Иулиты). В этот день в Македонии не работали: чтили жаркие, горячие дни, чтобы огонь не наделал бед. На произношение этого имени с *к'а* и *к'и* указывает др.-русская передача *Кюрикъ* — *Кирикъ* (*кю*, *ки* отражают более позднюю русскую фонетику — фонетику того времени, когда в системе ее были мягкие *к'*, *з'*). Того же происхождения *ч* вм. *к'* в имени северо-западного македонского села Ничпур, от личного имени Ничипор (*Νιχηφόρος*).

Язык первых славянских переводов представлял и такие элементы, которых не было в языке ни городского, ни деревенского славянского населения. Это был язык книжный, литературный, представлявший много слов, не существовавших в языке обиходном. Переводы с греческого требовали много новых славянских слов. Образование их нередко зависело от греческого образца. Таково, например, происхождение многих сложных слов: *благодать*, греч. *εὐεργέτης*; *благовол'ение*, греч. *εὐδοχία* и др. Примеры иных словарных образований по греческому образцу: *волнати*, греч. *μεγαλύνειν*; *вздворити са*, греч. *ἐναυλιζέσθαι*; *благословити*, греч. *εὐλογεῖν*.

Того же происхождения было и слово *нащѣньн* (хлѣбъ *нащѣньн*) — греч. ἐπιούσιος (ὁ ἄρτος ἐπιούσιος). Ст.-слав. *нащѣньн* — новообразование, произведенное в зависимости от греческой формы, представлявшей префикс ἐπι-(на-) и прилагательное οὔσιος от причастия наст. вр. глагола εἶναι, εἶμι; ѡν, ѡба, ѡу. Глагол ἐπιείμαι имел значение „быть на чем, при чем“; прилагательное ἐπιούσιος — „достаточный на день“. В славянском новообразовании основа причастия наст. вр. для глагола быти (сѣщ-) распространена посредством суффикса -ьн-, входившего в состав прилагательных и указывавшего на отношение к значению корня, на-сѣщ-ьн-ьн.

Внесено было много греческих слов без перевода.

Кроме лексики, язык первых славянских переводов отличался от обиходной славянской речи и в синтаксисе: в переводе на славянский отражался иногда синтаксис греческого оригинала.

В старославянском языке, как языке книжном, отражались элементы греческого языка не только в словаре и синтаксисе, но и в фонетике. Константин и близкие к нему ученики в передаче греческих слов, не бывших дотоле в употреблении в речи славян Солунского района, вводили некоторые особенности фонетики греческой. Так, введен был гласный *υ* (*у*) в передаче греческого *υ*, согласный *φ* и междузубной спирант *ϕ*, соответствовавший греческому *ϕ*. Например: *ϕγ'υльть*, *φιλипъ*, *αμφεμα* (см. ниже, в отделе о звуковом составе старославянского языка).

Итак, старославянский язык — это язык славянских переводов, выполненных Константином (Кириллом) и Мефодием и их учениками. В основе этого языка лежали элементы языка славянского населения Солуны и его пригорода. Кроме некоторых особенностей в лексике и в звуках, — особенностей, принадлежавших населению города, в своей основе это был язык славянского населения востока Балканского полуострова — язык славян болгарских. В отличие от обиходной речи в старославянском языке были элементы книжные — в лексике, в синтаксисе и в звуках.

§ 10. Отметим теперь некоторые черты переводческой техники первых строителей старославянской письменности. Старославянские рукописи свидетельствуют о тонком языковом чутье первых славянских переводчиков, о их глубоком знании элементов греческого и славянского языков. „Утонченность“, „ясность“, „переводческое мастерство“ характеризуют, по словам профессора Мюнхенского университета Е. Бернекера, славянские

переводы Константина и его близких учеников. Хотя в отношении синтаксиса и отражалось иногда воздействие греческого оригинала, переводчики стремились передавать содержание оригинала конструкциями славянского языка. Осуществляя это стремление, они не останавливались перед отступлениями в синтаксическом и лексическом отношении от греческого оригинала. Несколько примеров.

1) Следуя за содержанием текста, переводчик применял славянские формы двойственного числа в соответствии греческим формам множественного и единственного числа: съ беззаконникомъ къмъни са („к двум беззаконникам причислился“) — μετὰ τῶν ἀνόμων ἐλογίσθη (Марк, 15, 38); и глаголющи оуши — τρήμα βελόνη; (Матф., 19, 24; — τὸ τρήμα — „просверленное отверстие“, „дыра“, βελόνη „иголка“; в греческом единственное число); и съ носифъ и мати его уюдашта са — καὶ ἦν ἰωσήφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες; (Лука, 2, 33) — в греческом множественное число причастия; θαυμάζω („удивляюсь“).

2) Употребляются по-славянски формы сравнительной степени в таких случаях, в которых греческий текст представлял по древнееврейскому образцу положительную степень: добръи ти естъ — καλόν σοί ἐστιν (Лука, 17, 2); кль [кля] заповѣдь естъ болъши въ законъ — ποῖα ἐντολὴ μεγάλη ἐν τῷ νόμῳ (Матф., 22, 36; μεγάλη — „большая“). Иногда по славянской семантике применялась форма положительная (основная) прилагательного в соответствии сравнительной степени греческого оригинала: вгда въ юнъ — ὅτε ἦς νεώτερος (Иоанн, 21, 18). Но при конкретном сравнении и в славянском тексте представлена сравнительная степень: уловѣкъ одинъ имѣ дѣла сынъ и рече юнъи — ὁ νεώτερος (Лука, 15, 11—12).

3) В славянском языке не было членных форм (форм с артиклем). Поэтому в славянском переводе артиклевый элемент греческого имени или опускается или заменяется причастием сын (причастие наст. вр. для глагола быти) или местоимением иже: а) οἱ γραμματεῖς — кънижници; ἐκ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν δώδεκα — отъ числа обую изъ десате (Лука, 22, 2, 4); б) οἱ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ περιέτρωσαν εἰς τὰ ὄρη — сжште въ юден да възгаштъ въ горы (Лука, 21, 21); в) ὁ ἐν τῷ ἄρῳ μὴ ἐπιστρέφάτω — иже на селъ также да не възвратитъ са (Матф., 24, 18).

4) Звательные формы сочетания существительного и прилагательного греческого текста передаются посредством сочетания звательной формы существительного с формой именительного сложного прилагательного: κράτιστε θεόφιλε — славныи ѿво-

филе (Лука, 1, 3); διδάσκαλε ἀγαθὲ — учителю благин (Лука, 18, 18). Так же и прилагательное с суффиксом -ьскъ.

5) Многие отличия представляет славянский текст от греческого оригинала в отношении падежных форм:

а) После сравнительной степени употребляется форма родительного падежа: *ваше патн хлѣвъ* — *πλεῖον ἢ πάντε ἄρτοι*.

б) Родительный при глаголах *боити са*, *плакати са*, *бъжати*, *отъметати* и др.: *оубо са народа* — *ἐφοβήθη τὸν ὄχλον* (Матф., 14, 5); *оубъжати всьхъ снхъ* — *ἐκφρυεῖν πάντα ταῦτα* (Лука, 21, 36).

в) Родительный при отрицании: *не творите домоу отца моего домоу коупальнаго* — *μὴ ποιεῖτε τὸν οἶκον τοῦ πατρὸς μου οἶκον ἐμπορίου* (Иоанн, 2, 16).

б) В ряде случаев греческие конъюнктивные (безударные) личные местоимения переведены самостоятельными, ударными — переведены так, чтобы подчеркнуть высказываемое; *тебъ глаголю* — *σοι λέγω* (Матф., 16, 18); *горе тебъ хоразинъ* — *горе тебъ вифсанди* — *οὐαὶ σοι, Χοραζῖν, οὐαὶ σοι, Βηθσαῖδα* (Лука, 10, 13).

7) В переводе греческих слов, имеющих разное значение, применяются такие славянские слова, которые точно определяют содержание текста. Например: греческое наречие *δωρεάν* по требованию содержания текста переведено посредством *тоун'о* („даром“, „без платы“), в другом месте для выражения иного значения этого греческого наречия переведено посредством *спыти* („напрасно“, „вотще“): а) *δωρεάν ἐλάβετε, δωρεάν δότε* — *тоун'о принасте, тоун'о дадите* (Матф., 10, 8); б) *ὅτι ἐμίσησαν με δωρεάν* — *ѡко [шко] възнавнѣша ма спыти* (Иоанн, 15, 25).

Греческое существительное *χώρα* имеет значения: а) „страна“, „местность“ и б) „поле“. В первом значении это слово переведено посредством *страна*; во втором — посредством *н'нѡа*.

Греческий глагол *πατάσσειν* переведен: а) посредством *оударити* кого-нибудь каким-нибудь оружием и б) посредством *поразити* в значении „поразить“.

Греческий глагол *κινεῖν* — слав. а) *дѣнгижти*, б) *покивати главами* в переводе *κινεῖν τὰ κεφαλάς*.

Глагол *ἐλπίζειν* переведен посредством *надѣяти са* при сочетании с инфинитивом или с союзом: *надѣяше са знаменне стѣро видѣти* (Лука, 23, 8); *мы же надѣомъ са ѡко съ естъ* (Лука, 24, 21). Но при сочетании *ἐλπίζειν* с именем (*τινί, εἰς τινα*) — по-славянски *оупъвати*: и на нма его языци оупъважтъ — *καὶ ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ εἰρη ἐλπιοῦσιν* (Матф., 12, 21).

8) Стремясь к более яркой передаче текста, переводчик не довольствуется одинаковостью греческого термина, а вводит иногда суффиксальные элементы уменьшительного значения при выражении соответствующего стилового оттенка. Так, греческому имени $\chi\eta\rho\alpha$ в славянском тексте соответствует **вдова**: и та въ вдова (Лука, 7, 12). Но в переводе выражения $\eta\ \chi\eta\rho\alpha\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \eta\ \pi\tau\omega\chi\eta$ (Марк, 12, 42—43), в славянском тексте передан эмоциональный оттенок, передан посредством суффикса **-ница**: **вдовница си оубогаи**.

9) Нередко в славянском переводе греческие слова переданы описательно: **уловькъ добра рода** — $\alpha\upsilon\theta\rho\pi\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\epsilon\upsilon\eta\varsigma$ (Лука, 19, 12); **иже вась възъ грѣха всть** — $\acute{o}\ \alpha\nu\alpha\rho\acute{\alpha}\rho\tau\eta\tau\omicron\varsigma\ \acute{o}\mu\omega\upsilon$ (Иоанн, 8, 7) и др.

§ 11. Переводы последующего времени, выполнявшиеся в Болгарии, не стояли на той высоте, на какой находились переводы первых устроителей славянской письменности. Нередки случаи, когда переводчик, не понимая как следует греческого текста, пользовался неподходящим вариантом в значении греческого слова. Например: $\tau\rho\beta\omicron\varsigma$ („образ“, „способ“) переводится посредством **прѣвратъ**; наречие $\alpha\lambda\omega\theta\epsilon\upsilon$ в значении времени („издавна“, „в давнее время“) передано **съ горы** и др. Такие неточности и неясность в переводе представляют славянские рукописи, возникшие в X—XI вв. на востоке Болгарии, — Супрасльский кодекс (XI в.), а также произведения выдающегося книжного деятеля Болгарии X в. экзарха Иоанна. Недостаточное внимание к смыслу греческого оригинала обнаруживается у восточно-болгарских книжных людей XI в. и на следующем примере из Супрасльской рукописи: имя города Гермополя (Hermpolis, недалеко от левого берега Нила) переведено как имя нарицательное: „пустой город“. **савинъ... поуета града прѣвти благ рода съ** (145) $\dots\tau\eta\varsigma\ \epsilon\rho\mu\omicron\upsilon\pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$. Переводчик греческое $\epsilon\rho\mu\omicron\upsilon$ ($\epsilon\rho\mu\omicron\varsigma$) понял как прилагательное $\epsilon\rho\eta\mu\omicron\varsigma$ — „пустой“, „безлюдный“. В своем предисловии к переводу произведения Иоанна Дамаскина Иоанн экзарх указывает на трудности перевода. Эти трудности заключаются и в значении и в форме слов: слово одного языка „красиво“, а соответствующее ему слово другого языка серо по своему значению; слово в одном языке мужского рода, а в другом ему соответствует слово женского рода: **иже глаъ (глаголь — „слово“) въ нномъ изъщъ крсьнъ, то въ друзьмъ не крсьнъ. иже въ нномъ страшьнъ, то въ друзьмъ нестрашьнъ. иже въ нномъ устьнъ, то въ друзьмъ неустьнъ. и же има мужьско, то въ нномъ женьско, ажеже**

се гръбъскыи ватрахос [βάτραχος] и потамосъ [ποταμός], словъньскыи жаба и рѣка... и пакы главь влнньскыи панѣта та озни [πάντα τὰ ἔθνη], а словъньскыи вси изъци. Основательно замечал экзарх, что следует соблюдать смысл, содержание, а не форму слова: не бо всть льзь вьсьде съмотрити влнньска гла („слова“) нъ разума ноужда влюсти (по русскому списку XII в.). Но все-таки он уступал форме „елинского глагола“. Так, греческое τὸ τάλαντον он перевел форму среднего рода таланто.

В такой же форме передано это имя и в Супрасльской рукописи — вмоу же вѣр жуенѣ вдно таланто. Но во множественном числе форма образована по мужскому роду: таланти во съде сятъ (378).

Памятники письменности, появлявшиеся на востоке Болгарии, отличались не только тем, что качество перевода было ниже основных славянских переводов, но и тем, что современная славянская речь писателей, отражавшаяся в них, обусловила значительные отступления от более раннего типа книжного языка — более значительные, чем те, которые представляют глаголические рукописи болгарского юго-запада (Македонии). О фонетических и морфологических изменениях языка старославянских памятников говорится ниже, в отделах старославянской фонетики и морфологии. Здесь отметим некоторые отличия восточноболгарских памятников письменности в лексикальном отношении. Несколько примеров.

Глаголические рукописи

вълнати са
гоумно
достоини
дрьколь
драсель, драхль („печальный“)
жрѣва
искои
искрь, искрьни
клеврътъ
натроути
набустити („подстрекнуть“)
рздн
скълазь („монета“, др.-в.-нем.
skilling)
съньмь

Кириллические рукописи

погрѣжати са
токъ
наследни
жрьдъ
сътънь
трѣва
испрѣва
влизъ, влнжьни
подрогъ
напнѣти, напнѣти
назадити
дъль
цата
съборъ

§ 12. Супрасльскаякая рукопись — памятник, написанный на востоке болгарской области, представляет и такие указания в лексическом отношении: в нем находятся некоторые слова (тюрко-болгарского происхождения), отсутствующие в языке других старославянских памятников; на востоке Болгарии тюркское воздействие на славянскую среду было более значительно, чем на юге и на западе страны.

капъ — „образ“, „изображение“, „идол“; капнште — „место, где находятся капн (или капъ)“, или же этим словом называется самое изображение: князь рече имъ пожьрже великоуумоу богу ираклоу терснтини рече сн во возн' ажв мѣншии каменню и дрѣво и мѣдь и жельза сътъ... и не прѣпърши изъз капнштемъ неустомъ поклонити са; кер, кѣр — „форма“, „образ“ находится в разных тюркских языках; существовало оно и в тюрко-болгарском, как может указывать мадыарское кѣр, перешедшее к мадыарам от тюрков-болгар еще в то время, когда предки мадыар находились на востоке Европы.

боляринъ. В этом слове, распространившемся и в сербской среде, отражается тюркское слово boj — „рост“, „вышина“, bojlu — „рослый“ или baj — „богатый“, „знатный“, bajan, bajar — „богатый“, „властитель“. Тюркского происхождения и вост.-слав. боярин.

бѣлжъ = комнѣ, греч. $\chi\omicron\lambda\delta$ — „вельможа“, „боярин“. Тоже тюрко-болгарского происхождения. Из тюркской среды это слово заимствовано было и на славянском востоке. Из тюркских языков соответствующее слово представляет орхоно-тюркск. boila или buila. Корень тот же, что и в болярин.

Некоторые из лингвистов полагают, что тюркского происхождения был также суффикс -унн. В словах на -унн старославянских памятников (самьунн — „сановник“, „управитель“; сокаунн — „повар“; шарьунн — „художник“; крьмьунн — „кормчий“; кьнигьунн — „книжный человек“) отражается тюрко-болгарский суффикс -ѣи. Продуктивность иноязычного суффикса (-ѣи) свидетельствует о ряде заимствованных слов с этим суффиксом: от таких слов и отвлечен был суффикс и применялся к основам традиционного (славянского) языка. Но давних тюркских заимствованных слов с -ѣи язык славян болгарских не представляет. К таким словам относится только, может быть, самьунн. Вероятнее полагать, что -унн суффикс давний славянский, представлявший собою объединение суффиксов -ък- (-ьк-) с -ii (sqd-ii, ba-ii).

§ 13. В лингвистике нет одного установившегося названия по отношению к языку кирилло-мефодиевских переводов. Одни из лингвистов называют этот язык древнецерковнославянским. Но такое название недостаточно определено: церковнославянская письменность велась у разных славянских народов и позднее.

Некоторые пользуются термином „древнеболгарский“. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем „болгары“. Но этим термином надлежит пользоваться в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими: язык кирилло-мефодиевских переводов в своем звуковом составе, в своих формах представляет данные для суждения о языке этих славян во второй половине IX в. Но сам по себе термин „древнеболгарский“ недостаточно удовлетворителен по отношению к языку этих славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собою не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя „болгары“. Но и позднее, как и в IX в., это население все еще называлось „словенами“. Такое название держалось за ними и в Болгарии и за пределами ее — в Греции, в Албании. Исторические источники называют язык кирилло-мефодиевских переводов „словенским“: *словѣньскы книгы* жития Константина, Мефодия, статья Храбра); Константин и Мефодий перевели книги от влнньска азька, жеже есть гръцьскъ, на словѣньскъ (Иоанн экзарх); *litteras... sclaviniscas a Constantino quondam philosopho reperitas* (в письме папы Иоанна VIII, 880 г.).

Более удовлетворительным считаем термин „старославянский“ („старословенский“), хотя и он не вполне удачен: термин не определяет, к какой именно славянской группе относился этот язык в своей основе. Но этот термин указывает на лингвистическое значение этого языка для исторического изучения славянских языков.

§ 14. Значение изучения старославянского языка весьма важно в системе славянского языкознания. Во второй половине IX в., когда происходила фиксация элементов языка солунских славян в письменности, славянские языковые группы были еще мало дифференцированы: в своей основе они представляли одинаковые черты в звуках, в формах, в лексике. Черты различия были, но

их было немного. Поэтому-то так велико значение показаний старославянского языка как документального источника для исторического изучения славянских языков.

И в другом отношении важно изучение старославянского языка для истории отдельных славянских языков. Рукописи на старославянском языке распространялись в разных славянских областях — не только в Моравии, в Чехии, в Паннонии, но и в Болгарии, у сербов и хорватов, у восточных славян. Книжные люди усваивали тип этого языка, как языка литературного. Некоторые черты его вносились в чешский, сербский, хорватский, русский языки при применении этих языков в письменности. Некоторые слова с чертами старославянского языка распространялись и в народной среде на юге и на востоке у славян.

Рукописи на старославянском языке были образцами для книжного языка у сербов, хорватов, у русских. Памятники церковной письменности сербо-хорватской и русской писаны на основе языка старославянского со внесением тех или иных черт языка писца — серба, хорвата, русского. При лингвистическом изучении памятников церковной письменности сербо-хорватской или русской как источника для истории этих языков необходимо выделить их старославянскую основу, чтобы получить нужные сведения о чертах языка писцов памятников сербо-хорватских или русских.

§ 15. Одни из сохранившихся памятников старославянского языка писаны глаголицей, другие — кириллицей.

В отношении памятников, писанных глаголицей, отметим следующее. Один из них, Киевские листки, представляет наиболее древние начертания букв глаголицы. Так, в написании для *л* верхняя часть заканчивается петлей вверху и не соединяется с левой нижней петлей: . В начертании для *м* нижние петли разветвляются не у самой верхней линии, а несколько ниже: . Для передачи гласных *ъ*, *ь* служит модификация знака *ѡ* (о): для *ъ*, для *ь*.

В других глаголических памятниках отражаются позднейшие изменения: в написании для *л* верхняя часть соединяется с нижними петлями: ; для *м* нижние петли начинаются у самой верхней линии: ; в знаках для *ъ*, *ь* нижний овал перекинут направо: . Но в разных глаголических рукописях встречаются и более древние начертания, иногда в переходном виде.

† 1	а	Ϟ 300	т
⚡ 2	б	ϙ 400	оу
ϙ 3	в	ϙ 500	ф
⚡ 4	г	⚡ 600	х
⚡ 5	а	⚡ 700	ш
⚡ 6	е	⚡ 800	шт
⚡ 7	ж	⚡ 900	ц
⚡ 8	з	⚡ 1000	ч
⚡ 9	з	⚡	ш
⚡ 10	і	⚡	ъ
⚡ 20	н	⚡	ѡ
⚡ 10	і	⚡	ѡ
⚡ 30	ѣ	⚡	ѣ
⚡ 40	к	⚡	ѣ
⚡ 50	л	⚡	ѣ
⚡ 60	м	⚡	ѣ
⚡ 70	н	⚡	ѣ
⚡ 80	о	⚡	ѣ
⚡ 90	п	⚡	ѣ
⚡ 100	р	⚡	ѣ
⚡ 200	с	⚡	ѣ

Глаголическая азбука по письму Зографского евангелия.

В Киевских листках для носового гласного переднего ряда служит один знак: **Ѣ**. Более позднее явление отражается в удвоении этого знака: **ѢѢ** стал употребляться в соответствии с кириллицы, а правая часть глаголического знака, **Ѣ** стала применяться в соответствии с кириллицы (в Зографском, Маринском, Ассеманиевом кодексах, в Клоцовом сборнике, в Синайском требнике, в Македонском листке).

¹ Глаголическая буква **Ѣ** (кирилл. ѣ) в Зографском кодексе не встречается. Цифровое значение глаголической буквы **Ѣ** — 800.

А 1 Б 2 Г 3 Д 4 Е 5 Ж 6 С 7 Н 8 І 10 К 20

Л 30 М 40 П 50 Q 70 Р 80 С 100 Т 200 У 400

Ф 500 Х 600 Ц 300 Ч 90 Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю ІА

К̄ 600 Ж 700 ІА 900 ІА 800 9 9 90

КА ЦАТО СТРАСТАГОЛКА НСА

Азбука кириллицы по письму Остромирова евангелия (мелкий почерк).

Архаичны и языковые черты Киевских листков. Это — единственный из группы старославянских памятников (сюда не относятся памятники XI в. восточнославянские), в котором ъ, ѣ не утрачены, не заменены другими гласными, не смешиваются (кроме двух случаев местоимения въсѣхъ вместо вѣсѣхъ).

Характерной чертой языка этого памятника является ђ вместо давних tj и kt' (gt'), з вместо давнего dj, в соответствии ѣ (шт), ма языка кирилло-мефодиевских переводов: обыцѣннѣ (обыцѣннѣ — общиннѣ), подазь (подаждь). Эта черта указывает на западнославянское происхождение Киевских листков, в частности на область чешско-моравскую. Содержание памятника, месса по римскому обряду, также свидетельствует о связи его с Западом.

Итак, один из наиболее архаичных глаголических памятников происходит из области, близкой к той, где проходила деятельность Константина, Мефодия и их учеников. Можно полагать, что он написан был в X в.

Другие старославянские глаголические рукописи указывают на македонское происхождение их писцов. Так, они все представляют примеры изменения *ъ*, *ь* в сильном положении в *о*, *е*. В отношении времени написания этих памятников полагаем, что они относятся к XI в.

§ 16. В числе памятников кириллических есть один с датой, 993 г. (6501—5508); это надпись на надгробном камне, сделанная по распоряжению западноболгарского царя Самуила. Прочие памятники, писанные кириллицей, относятся к XI в., как можно полагать на основании указаний языка их. Их писцы были не из Македонии, а из восточной Болгарии.

Языковые элементы кириллических памятников заключают в себе меньше архаических слоев языка предшествующих оригиналов по сравнению с памятниками глаголическими. Так, например, в глаголических памятниках находятся формы простого аориста (типа *могъ*). В кириллических они редки; в Супрасльской рукописи совсем отсутствуют. Или сравните передачу форм имперфекта 2 л. множ. и 2—3 л. двойств. ч.: в одних глаголических памятниках употребляются эти формы только с окончаниями *-ше*, *-шта* (Зограф., Сборник Клоца); в других при формах с этими окончаниями находятся новообразования с аористными окончаниями *-сте*, *-ста*. Но эти новообразования в меньшинстве (Мариин., Ассеман.). В кириллических памятниках формы на *-ше*, *-шта* или совсем не встречаются, будучи заменены новыми формами на *-сте*, *-ста* (вост.-слав. рукопись — Остромирово ев.), или *-ште*, *-шта* употреблены только в немногих случаях (Супрасльская рукопись).

Эти наблюдения относительно места происхождения глаголических и кириллических памятников старославянской письменности и относительно общего характера графики и языка их следует учесть при решении вопроса, какая азбука была древнейшей.

Появление азбуки для одного из славянских языков было связано с переводческой деятельностью Константина и Мефодия. Какая же азбука, кириллица или глаголица, была составлена ими? Для ответа на этот вопрос следует предварительно определить

источники той и другой азбуки, выяснить взаимоотношения кириллицы и глаголицы, принять во внимание область, где применялось глаголическое и кириллическое письмо, учесть палеографические и лингвистические черты старославянских памятников.

§ 17. Источник кириллицы ясен: это — греческое унциальное письмо торжественных книг.

Греческий унциал имел неодинаковый вид на протяжении VII—X вв. Более ранний унциал с кругами и квадратами, с прямо стоящими буквами заменился в VII—IX вв. унциалом, несколько наклоненным вправо, с овалами и прямоугольниками. В X в. буквы опять стали прямыми. Но остроконечность, овальность и прямоугольная форма их удерживаются. Вот этого-то вида унциалы X в. и легли в основу кириллицы — тех букв ее, которые взяты из греческого письма. Такими буквами являются следующие: а, в, г, д, е, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ѳу, ф, х, ѿ, ѣ, ѵ, ѿ (v). Ср. снимки греческого и кириллического письма. В зависимости от греческой азбуки находятся два знака для гласного і: и, і (в греческом письме некогда они передавали разные гласные: и = ē, который позднее изменился в і; а і служило издавна для гласного і). В той же зависимости и две буквы для гласного о: ѿ, ѿ. (В греческом письме о — *ὄμιχρῶν*, т. е. „о малое“, служил для передачи краткого ѿ, а ѿ — *ὄμεγαλα*, т. е. „о большое“, употреблялся для передачи долгого ѿ).

Как в греческом письме, гласный у передан двумя буквами: ѳу. Сокращенным написанием для ѳу служил знак Ѹ: *βυβητε, набѣтите Ѹ* (Савв. кн.), *ѸмѸ* (Супрасльская рук.). Знаком Ѹ пользовались иногда в конце строки: *Ѹѳѳу рекѸѸ ||; сѸкрѸ || ѸѸѸѸ* (Супрасльская рукопись).

Из греческого письма взяты з в значении „б“ и с в значении „90“.

Греческие буквы дополнены другими, которые нужны были для передачи славянских звуков. К таким буквам относятся следующие: в, ж, з, ч, ѣ, ш, щ, њ, ѣ, ѣ (ѣи), а, ю, я, ѡ. В рукописях имеются еще буквы ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ. Но есть основание полагать, что в начальном составе кириллицы этих букв не было.

Какой источник тех букв кириллицы, которые дополнял и греческий алфавит? Ответ на этот вопрос будет дан после определения происхождения другой славянской азбуки — глаголицы.

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.

ГРЕЧЕСКОЕ.

Буквы.	Названіе.	Знаки старшіе и младшіе.	Курсивъ.
a	азъ	Ⲁ ⲁ Ⲃ ⲃ	ⲁ ⲁ ⲁ
b	боукы	Ⲅ ⲅ Ⲇ ⲇ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ
g	глаголи	Ⲉ ⲉ Ⲋ ⲋ	ⲃ ⲃ ⲃ
d	добро	Ⲍ ⲍ Ⲏ ⲏ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ
e	естъ	Ⲑ ⲑ Ⲓ ⲓ	ⲅ ⲅ ⲅ
dz	зѣло	Ⲕ ⲕ Ⲗ ⲗ	Ⲇ
l	иже	Ⲙ ⲙ Ⲛ	ⲇ ⲇ ⲇ ⲇ
i	ижен	Ⲝ ⲝ Ⲟ ⲟ	Ⲉ (i. u) i (i. u)
k	како	Ⲡ ⲡ Ⲣ ⲣ	ⲉ ⲉ ⲉ
l	людие	Ⲥ ⲥ Ⲧ	Ⲋ Ⲋ Ⲋ
m	мъсанте	Ⲩ ⲩ	ⲋ
n	наша	ⲫ Ⲭ ⲭ Ⲯ	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ
o	онъ	Ⲱ ⲱ Ⲳ ⲳ	ⲍ ⲍ ⲍ
p	покои	ⲵ Ⲷ ⲷ	Ⲏ Ⲏ Ⲏ
r	рѣци	ⲹ Ⲻ ⲻ Ⲽ	ⲏ ⲏ ⲏ ⲏ
s	слово	Ⲿ ⲿ ⲏ	Ⲑ Ⲑ Ⲑ
t	терѣдо	Ⲓ ⲓ Ⲕ	ⲑ ⲑ ⲑ
f	фрѣтъ	Ⲗ ⲗ Ⲙ	Ⲓ
x	хѣръ	Ⲡ ⲡ Ⲣ ⲣ	ⲓ ⲓ
o	штъ	Ⲥ ⲥ Ⲧ	Ⲕ ⲕ
e	дита	Ⲩ ⲩ	ⲕ
v	вѣдѣ	ⲫ Ⲭ	ⲕ
	—	Ⲯ ⲯ	Ⲗ
			!

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ.

ГРЕЧЕСКОЕ.

Буквы.	Названіе.	Знаки старшіе и младшіе.	Курсивъ.
ž	живѣте	Ж ж Ж	ζ . ζ̄ . ζσ
z	земля	З з З	ζσ . θζ
dj	ѣа	{ Д д	δ . δι
	(ѣрьвь)		δγ . τδ
и	оукъ	И и И	{ θθ = οο̄ θθ = οῡ
š	ша	Ш ш Ш	ω σσ (-σσ)
št	шта	Щ щ Щ	ω̄ σ̄ (-σ̄σ̄ = σσ̄)
c(is)	ци	Ц ц Ц	ϑ ϑ (-ϑ̄ = τϑ)
č	чръвь	Ч ч Ч	ω̄ = σ̄σ̄ = τσ̄σ̄
ci	иже	Х х Х	ξ (-ξ̄ = εξ)
ě(ja)	штъ	Б б Б	{ θ . ς = ει . ε̄ } { θ . δ = ει . ᾱ } ϣο = νο
ju	ю	Ю ю Ю	ϣο = νο
е	юсъ	Є є	δ . βγ = εδ
ѳ		Ϝ = ϝ . Ϟ	• ο + εν
и	ижица	Ϟ . ϟ	ει . νελ
o/ŷ	кръ	Ϡ ϡ . ο . Ϣ	ο . ει
у	кры	ϣ Ϥ	• ο . ει + η
e/γ	кръ	ϥ ϧ . Ϩ . ϩ	ε + ε
je	юсъ	ϫ . Ϭ . ϭ	• ε + εν
jo		Ϯ . ϯ . ϰ	• ζ + ε̄

Ἰς πρὸτ' αὐτῶν

ἔκ κ' ματ' Ἰβλὸς γενήσε

Ἰβλὸς γενήσε

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

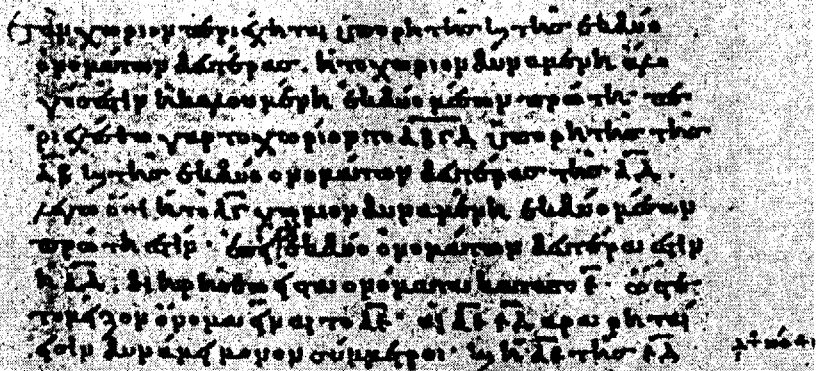
Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

Ἰσὸς ἢ αὐτῶν

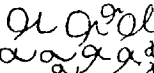
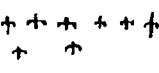
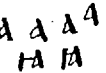
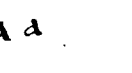
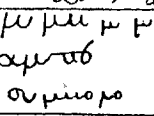
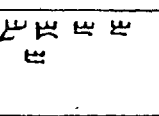
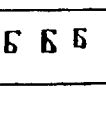
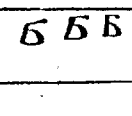
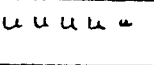
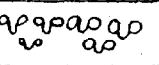
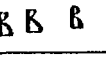

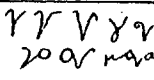
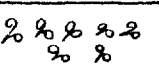
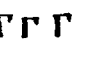

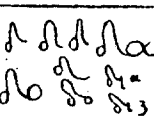
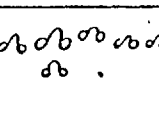
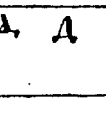
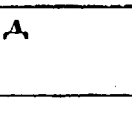
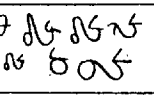
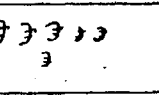
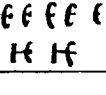
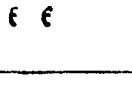
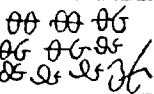
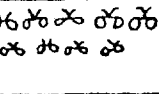
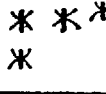

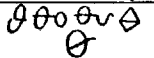
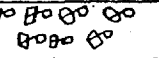

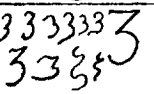
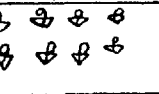
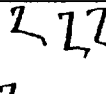
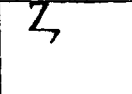
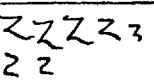
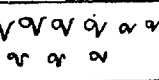
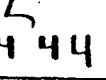

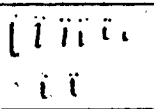
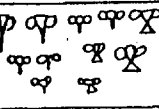
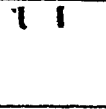
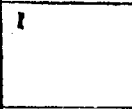
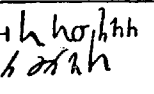
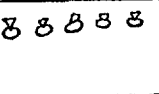
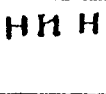

Fragment of an ancient Greek manuscript in minuscule script, showing several lines of text with some ink bleed-through from the reverse side.

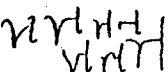
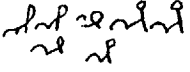
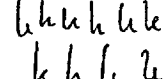
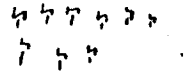
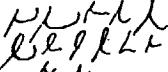
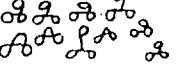
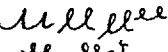
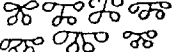
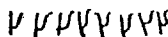
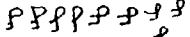
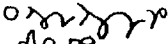
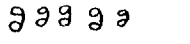
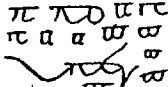
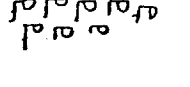
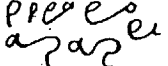
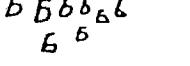
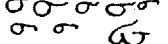
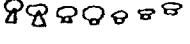
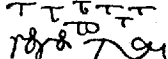
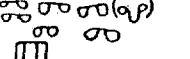
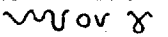
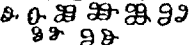
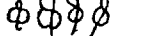
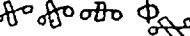
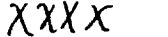
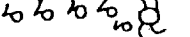

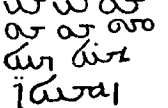
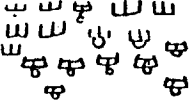
Греческий минускул IX века.

§ 18. Источник глаголицы долгое время был загадочным. В отдельных глаголических буквах уже в конце XVIII—в первой половине XIX в. видели видоизменение греческих букв. В 80-х годах XIX в. английский палеограф И. Тэйлор (Isaak Taylor) попытался для всей глаголической азбуки определить источник — греческое минускульное письмо. Эти попытки представлены в его статье „Ueber den Ursprung der glagolitischen Alphabet“ („Archiv für slavische Philologie“, т. V) и во 2-м томе его труда об алфавитах („The Alphabet“, II, 201—207, London, 1883). Мысль Тэйлора о греческом источнике глаголицы принята была профессором Казанского университета Д. Ф. Беляевым („История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы“, Казань, 1886) и проф. И. В. Ягичем. Последним в особенности много сделано по изучению глаголического письма. См. его фундаментальный труд „Глаголическое письмо“ („Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3. Графика у славян, Пб. 1911). Беляев и Ягич во всех знаках глаголицы видели греческий источник — буквы минускульного письма и их комбинацию (лигатуры). См. таблицы, представленные в книге Ягича.

Несомненно, основным источником глаголицы были греческие минускулы. Но в объяснения Тэйлора, Беляева и Ягича следует внести изменения и поправки не только в отношении греческих источников для отдельных глаголических букв, но и в отношении всей системы азбуки: в ней отразились элементы и негреческого письма.

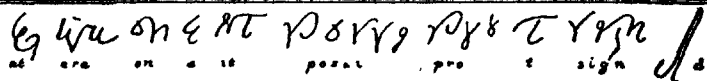
Греческие курсивные и минускульные буквы VIII—IX—X стол.	Глаголические буквы древнейших памятников X—XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы IX—X стол.
			
			
			
			
			
			
			
			
			
			
			
			

Глаголица, кирилица, греческие минускулы и унциалы в сопоставлении И. В. Ягича.

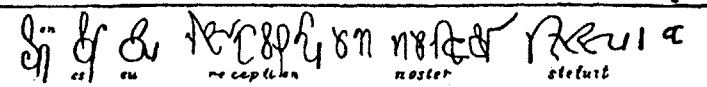
Греческие курсивные и минускульные буквы VIII—IX—X стол.	Глаголические буквы древнейших памятников X—XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы, IX—X стол.	
ϛ			α	
κ			κ	κ
λ			λ	λ
μ			μ	μ
ν			ν	ν
ξ			ξ	ξ
π			π	π
ρ			ρ	ρ
σ			σ	σ
τ			τ	τ
υ			υ	υ
φ			φ	φ
χ			χ	χ
ω			ω	ω
Ϝ ϝ Ϟ ϟ Ϡ ϡ Ϣ ϣ Ϥ ϥ Ϧ ϧ Ϩ ϩ Ϫ ϫ Ϭ ϭ Ϯ ϯ ϰ			Ϝ ϝ Ϟ ϟ Ϡ ϡ Ϣ ϣ Ϥ ϥ Ϧ ϧ Ϩ ϩ Ϫ ϫ Ϭ ϭ Ϯ ϯ ϰ	

Глаголические буквы древнейших памятников X-XI стол.	Кирилловские буквы древнейших памятников XI стол.	Греческие унциальные буквы IX-X стол.
Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ	
	ѡ ѡ ѡ	
	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ	
	Ѥ Ѥ Ѥ	
Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	Α Α
Ѩ Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ	
	Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ	
Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ	Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ	Ξ Ξ Ξ Ϝ Ϝ

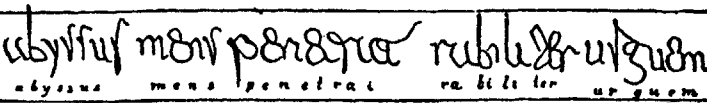
Латинские буквы курсивного письма VI-VIII стол.

e u o n e n t p o s s e p r o t s i g n u m

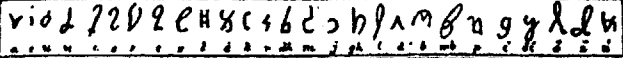

s i c u t c a p t i v u s n o s t e r s t e l u t

a b y s s u s m e n s p e n e t r a t r a b i l i t e r a r g u m

Несколько албанских букв

v i o d z z v z e n x c s b d z h l m b n g y l d b

Для большинства знаков глаголицы послужило греческое минускульное письмо. В конце VIII—начале IX в. на смену износившемуся, трудно читавшемуся скорописному греческому письму деловых грамот появился более четкий; плавный минускул. В начертания его букв вошли отдельные буквы минускульной скорописи. Отразились в нем и некоторые элементы унциального письма. Минускулами писали деловые грамоты. Реже его применяли для книг церковного обихода: для этой цели употребляли попрежнему унциал.

Вот этот минускул с некоторыми элементами скорописи и положен был в основу большинства букв глаголицы.

Многие знаки глаголицы характеризует петлеобразный рисунок их. Тенденция к петлям отражалась, хотя и не систематично, и в греческом курсиве. Если учесть эту стилевую черту глаголицы, то в ряде букв ее ясно вскрыется основа их. Так, сравните минускуло-скорописные греческие буквы и глаголические, развернув в последних петли, отсутствующие в греческих соответствиях:

Греческие	β	γ	δ	λ	μ	ο	π	χ	ω	ο
Глаголическ.	ϣ	ϣ̇	ϣ̈	ϣ̉	ϣ̊	ϣ̋	ϣ̌	ϣ̍	ϣ̎	ϣ̏

Ср. переработку минускульного ι: в глаголице она получила вид такой: ϣ̋ и ϣ̌.

В зависимости от греческой азбуки в глаголице были два знака для і: ϣ̋ („иже на круге“) и ϣ̌. Может быть первоначально эти знаки для і в глаголице применялись так: ϣ̋ в начале слова и после гласного, а ϣ̌ — после согласного. Третий знак для і в глаголическом письме ϣ̍ был введен позднее. Он представлял собою видоизменение знака ϣ̋. На то, что в первоначальном составе глаголицы „иже на ножке“ отсутствовал, может указывать то обстоятельство, что он не имел цифрового значения. (Буквы же ϣ̋ и ϣ̌ имели такое значение: ϣ̋ — „10“, ϣ̌ — „20“).

Как в греческом письме, в глаголице есть две буквы для о. По греческому образцу для и (у) служит соединение двух знаков: ο и у: глаголическое написание ϣ̎ является упрощением сочетания двух букв ϣ̋ и ϣ̌, как это сочетание еще заметно в написаниях Киевских листов.

Неясно происхождение особого глаголического знака для *x*, в виде паукообразного начертания См. таблицу на стр. 45. В Синайской псалтыри такой *x* встретился дважды на л. 149— в написании слова *хъми*. Для славянских звуков глаголические буквы составлены из элементов разных источников.

1) Подверглись изменению некоторые буквы. Так, для носового гласного заднего ряда служила буква *Ѥ*; для носового гласного переднего ряда буква *ѥ*. В состав этих букв вошли *Ѧ* (о) и *ѧ* (е), дополненные справа значком *Є* — значком, который указывал на носовой элемент в образовании этих гласных. Иногда *Є* писали вместо *Р* (и) перед задненебным согласным. Таково написание и в слове *† Є М Э Ѧ ѧ (ѤЄг'ваь)* в Синайской псалтыри.

Буквы для редуцированных гласных (в кириллице *ъ, ь*) представляли собою модификацию *Ѧ*: *Ѧ* (кириллич. *ъ*), *ѧ* (кириллич. *ь*); о дальнейшем изменении этих написаний указания были сделаны выше (*Ѧ → Ѧ̂, ѧ → ѧ̂*).

Буква для гласного среднего ряда *ы* составлена из двух букв: из *Ѧ*, *ѧ* (кириллич. *ъ*) и из *Ѧ* (*Ѧ*), *ѧ*: *ѦѦ*, *Ѧѧ* (кириллич. *ы, ьн*).

Для *шт'* (*шч*) служили знаки *Ш* или один знак *Ш* (кириллич. *ш*), представлявший собою комбинацию *ш* и *т* (т) или *ш* и *ч* (ч).

2) Для других славянских звуков источник был иной — древнееврейское письмо, главным образом в его самаритянской разновидности, и, может быть, коптское письмо. Древнееврейским письмом составитель глаголицы пользовался и для некоторых звуков, для которых имелись соответствующие знаки в греческой азбуке. Но по тем или иным соображениям составитель глаголицы предпочел в этих случаях воспользоваться не греческим, а восточным источником.

Из самаритянского источника взята была основа для *Ѧ* (кириллич. *ц*). Об этой связи свидетельствует одинаковость рисунка букв глаголического *Ѧ* и еврейско-самаритянского *צ* („tsade“) в конце слова (при письме справа налево).

В еврейском письме была и иная разновидность для „цаде“: в середине слова рисунок напоминал бокал: *צ* — рисунок, послуживший, может быть, для глаголического *Ѧ* (кириллич. *ч*). Но возможно, что для этой буквы принята была во внимание буква коптского письма *Ш* („шец“)

Для глаголического *ш* послужил, несомненно, древнееврейский „шин“ в его самаритянском виде. Сходство обнаруживается и в

*Liberus Sabinus
in conductibus
Cochanis*

*Liberus Sabinus
in
Cochanis*

2 1 4 7 6 1 1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Самаритянское письмо.

деталей: в глаголическом письме **■** был короче других букв, занимал только $\frac{3}{4}$ верхней части строки, не доходя своим основанием до линии оснований других букв,— не доходил, как и в самаритянском письме. На древнееврейский источник этих букв может указывать и порядок этих букв в системе азбуки: **У** — **Ф** — **Ш**.

Еврейско-самаритянское письмо послужило образцом и для таких букв глаголицы.

Глаголический **Л** (кириллич. г') близок к самаритянскому „jod“ **£** — во всяком случае ближе, чем к греческому сочетанию двух букв **γι**.

Восточного происхождения и знаки **Э** (е), **Ѕ** (к). Своею открытостью влево они обнаруживают их связь с таким письмом, которое производилось справа налево, т. е. с письмом древнееврейским. В основу **Э** была положена самаритянская буква „hē“ **Э**. В самаритянском письме знак „he“ обозначал собою узкий гласный е, а также ja. Возможно, что составитель глаголицы для славянского гласного е воспользовался самаритянским письмом потому, что хотел отметить палатальный элемент при славянском е,— элемент, отсутствующий в греческой передаче посредством ε: по-славянски je (jě-) в начале слова, мягкость согласного перед е.

В отношении глаголического **Ѕ** (к) следует иметь в виду не только открытость его влево, но и разрыв в написании. Это — черта древнееврейской азбуки в отношении ряда букв, в частности буквы „коф“ („koph“): **פ**. Она и послужила для глаголического **Ѕ** — послужила, вероятно, потому, что выражала собой глубоковелярный к; греческая же „κάππα“ (κ) могла выражать разные согласные: велярные и палатальные.

Ш (кириллич. в). Может быть, по образцу самаритянского **У**. Общим в глаголической и самаритянской букве является не только геометрическая форма рисунка, но и числовое значение их: „2“.

Ъ (кириллич. и). Начертание этой буквы далеко от курсивного η, с которым связывал его проф. Ягич. В этой букве обращает на себя внимание верхняя часть ее: треугольник, обращенный основанием кверху. Так писался древнееврейский „ájin“ — такой же треугольник с хвостом внизу. В глаголице сходны написания **Ъ** (и) и **Ъ** (с). Это сходство не случайно: в нем отразилось воздействие самаритянской азбуки, в которой самех“ („samech“) и „ájin“ находились рядом и имели похожие начертания.

СѢН АУУШГІІНХЕПШУНІРФШЕУІНТЕ
ГШНХОННХОМШВОЖІТЕНПШМАТІФШ
НІНПШРШУШІТІНІХАДШІГІСТОС ПШН
ВІКШРІТЕГІКМІНІТАПІНІУТАВВА
ІАШІРІКРІПШЕУІЕУОНБІТЕШОСЕРПІНІУНІМ
НІМІУШУРІІЛІНІЕ СШУШНСІНІВШ
БЕНПШВІОСНПШІІТІІТІНІТЕУМШЖІРІ
ІІТШХМІНІМНШВШУАВІТШУ
САРІФШЕУІМПШІХЕВШРОСІРШУШУ
ТЕШОСЕРПІНІМІНІТЕУТШХМ ШІНШУ
ХШІФРШУШІНІТРАШМШУАВШУСШІ
ЕРІТШІІТІХСШІТТШУРІМШІПШШМ
НІМЕТІНІШІМНІШІМНІШІМНІ

Коптское письмо.

Для глаголической буквы ж (кириллич. ж) образец был взят, повидимому, из коптской азбуки: Ж („джанджа“).

Может быть и для џ послужил коптский источник Ш („шеи“).

Глаголический а (кириллич. а и я). Источник неясен. Следует обратить внимание на общую черту в рисунках букв, указывающих на палатализацию согласного или на j. (1), на черту в виде треугольника или его изменения: А (кириллич. я), ѠЕ (кириллич. ѡ). Вероятно, такой частью написания эти буквы объединялись с Ж (я).

Из других мнений о происхождении глаголицы отметим такие:

Л. Гейтлер (L. Geitler) в своей работе „Die albanesischen und slavischen Schriften“ (Wien, 1883) полагал, что некоторые буквы глаголицы связаны были не с греческим письмом, а с албанским. Таково происхождение глаголических Э · € · Ж и некоторых других...

Нет никакого основания полагать, что особые албанские письмены были уже в IX в. Образцы албанского письма, которыми пользовался Гейтлер, не восходили ко времени более раннему, чем XVIII в., и происходили от греческого курсива того времени. О них см. в статье (в отчете об экспедиции в Албанию) Gj. Pekmezi („Anzeiger der Akademie der Wissensch., Phil.-histor. Klasse“, Wien, 1901, № IX, 39 след.). См. также критический анализ, произведенный Ягичем в „Archiv für slav. Philologie“,

VII, 444—479 и в „Четырех критико-палеографических статьях“ (Пб. 1884, 113—184).

Произвольно и случайно объяснение букв глаголицы из готского рунического письма. Такое предположение было высказано И. Ганушем (J. Hanuš) в ряде его работ о славянских азбуках: 1) *Zur slavischen Runenfrage...* в издании „Archiv für österreich. Geschichte“, XVIII, Wien, 1857; 2) *Zur Glagolica-Frage* („Slavische Bibliothek“, которую издавал Fr. Miklosich, II, Wien, 1858). Та же мысль была высказана А. Хомяковым в письме к К. С. Аксакову („Русская Беседа“, V, 1859, стр. 1—12). О связи глаголицы с рунами думал и И. Гам (J. Ham), „Postanak glagoljskoga pisma u svijetlu paleografije“, в журн. „Nastavni Vjesnik“, Zagreb, XLVI, 1937—1938).

Так же безосновательно было и мнение Ес. Миллера о связи некоторых глаголических букв (ш, ф и др.) с авестскими и со знаками на сасанидских монетах (в статье Миллера „К вопросу о славянской азбуке“, в „Журнале Мин. нар. просв.“, 1884, т. ССXXXII, 1—35).

На основании случайного и отдаленного сходства некоторых букв глаголицы с буквами армянского и грузинского алфавитов высказаны были гипотезы о кавказском источнике славянской азбуки М. Гастером и Р. Абихтом. 1) M. Gaster, „Ichester Lectures on grecko-slavonic literature and its relations to the folklore of Europe during the middel ages“ (London, 1887, 209—229); 2) R. Abicht, „Ist die Ähnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?“ (Leipzig, 1895). Непостоятельность объяснений Гастера и Абихта показана была В. Вондраком в „Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 542—544 и в „Časopis Českého musea“, LXV, 1896, 282—295.

Были попытки связать глаголицу с знаками письма у хозар и народов Кавказа. 1) М. Оболенский, Исследования и заметки по русским древностям (Пб. 1875, стр. 119—243, 245, 431—435); 2) Н. Грунский. Нова теория про походження глаголиці („Записки історично-філологічного відділу“, Української академії наук, XIX. Київ, 1928, стр. 266—267).

C. Wessely („Glagolitisch-lateinische Studien“, в изд. „Studien zur Palaeographie und Papyruskunde“, Heft XIII, Leipzig, 1913) высказал мнение о происхождении глаголицы из латинского курсива IV—VI вв.

Была также попытка найти источник для глаголицы на Западе.

Ф. Ф. Фортунатов полагал, что глаголица была связана с греческими минускулами, но некоторые знаки ее составлены были по образцу коптского письма: ш из коптского Ш (шеи), ѡ из коптского X (джанджа); глаголический ю (х) из коптского „хен“; в знаках ѧ (ъ) и Ѧ (ѣ), в первой части их, отражается нижеегипетский курсивный і (Ф. Фортунатов, О происхождении глаголицы, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVIII, 1913, кн. 4, 221—256, и в „Отчете Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1913).

§ 19. Буквы глаголицы и кириллицы по образцу греческого алфавита могли иметь числовое значение. Над буквой, употреблявшейся в значении цифры, ставился знак —, а по бокам писались точки: ѧ̄, ѧ̅. В применении букв в значении цифр глаголица более самостоятельна, чем кириллица, в глаголице цифровое значение имеют буквы алфавита и те, которым были соответствия в греческом алфавите, и те, которым не было там соответствий. ѧ̄ — 1, ѧ̅ — 2, ѧ̆ — 3, ѧ̇ — 4... В кириллице цифровое значение имеют только те буквы, которые взяты были из греческого алфавита: ѧ̄ — 1, ѧ̅ — 2, ѧ̆ — 3... Из других букв только ѧ̇ употреблялось в значении „900“; под влиянием глаголицы такое цифровое значение получила позднее буква ц.

В кириллических памятниках употребляется ѧ̈ (ѧ̈) в значении цифры „6“. Для „90“ введена была греческая коппа с. В более позднее время для обозначения этого числа стала применяться ц (видоизменение буквы у).

При обозначении чисел от 11 до 19 знак для единиц стоит перед десятью: ѧ̅ ѧ̆ — ѧ̅ѧ̆ = 12. Реже применялся иной порядок: ѧ̆ ѧ̅ ...

При следующих десятках единицы писались после цифры десятка: ѧ̅ѧ̆ ѧ̇ — ѧ̅ѧ̆ѧ̇ = 54.

Тысячи обозначались цифрой единиц со значком ѧ̈ перед ѧ̄: ѧ̄ѧ̈ — 1000, ѧ̅ѧ̈ — 2000...

§ 20. В глаголице и кириллице употребляются над буквами значки ' , ^ , -. Особо выделяются Киевские листки своими значками над буквами гласных звуков — значками, указывающими, может быть, на количество (на долготу) слога и на ударение его.

Значки ' или ^ употреблялись в старославянских памятниках для обозначения мягкости согласных, в особенности мягкости р, л, н: р', л', н': вол'а, мор'ѡ, н'нѡ (н'нѡ — Супрасльская рукопись). Также при к', х': зак'ьх'ѡ, н'всар'ь. Для мягкого г' в гла-

голице была особая буква ѡ; в кириллице употреблялась буква г' или г: парасквъѣг'ни — парасквъѣгини.

Другой способ передачи мягкости согласного — написание йотованного гласного ю, ѡ, ѣ (ѡ в глаголице = ѡ в кириллице). Иногда оба способа объединялись: ѡѡ'ѡ.

По греческому образцу писали (над начальным гласным слова, а иногда и над другими гласными: ѡтъ ѡзбѣтъ; ѡже ѡшетъ; ѡже ѡстъ; ѡне; ѡлухѡ (Савв. кн.).

Надписные значки в памятниках XI в. пишутся иногда при пропуске гласных ѡ, ѡ: м'нѣ, д'не, м'ногѣ...

По греческому образцу некоторые слова передавались на письме в сокращенном виде. В таком случае над ними писали титла, титла (гр. τίτλος). Вид титла был не одинаков: -, -, -. Под титлами писали слова, часто применявшиеся в определенной сфере языка средних веков. Например:

ѡѡ, ѡѡ (род. ед.), ѡѡ (зват.) — сокращенная передача слова ѡѡѡ, ѡѡѡ, ѡѡѡ подобно греческим письменным передачам слова θεός: θε̄, θε̄, θε̄; господь, господинь: г̄ь, г̄ь (для передачи господинь) — греч. χς (χθρις); доухъ: дх̄ь — греч. πια(πνευμα).

Были и другие слова, часто встречавшиеся в речи и потому передававшиеся на письме под титлами:

ѡтьць: ѡць — греч. πᾱτ̄ρ (πατήρ);

ѡловѣкъ: ѡлкъ, ѡкъ — греч. αῡος, αῡος, αῡος (αυθρωπος);

ѡцар'ь: ц̄рь, ц̄сар'ь, ц̄рь; ц̄сар'ьствозати — ц̄ствозати.

глаголати: г̄лати, г̄ла (аорист глагола).

Для избежания ошибки при чтении при некоторых сокращенных написаниях ставили сверху букву согласного гла = глава (а не глагола); ѡѡ = ѡѡѡѡ; ѡѡ ѡѡ = ѡѡ ѡѡ ѡѡѡѡ.

Титла ставили также над буквой в значении числа: ѡ, ѡ... И это по греческому образцу. В некоторых славянских рукописях (Ассеманиев кодекс) над десятками ставили два титла, тоже по греческому примеру.

Знаками препинания были точка (·) и точка с запятой (;). Последний знак препинания (;) имел значение знака вопроса.

Для указания на конец предложения или фразы применяли две точки (:), и более (:·, :·). Пользовались также черточками прямыми или волнистыми:

·: —; ~, —.

В одной русской рукописи XI в., содержащей в себе перевод греческого азбучного акростиха (алфавитарь), — перевод, сделанный в Болгарии, — находится запятая и акут ('), служащие для того, чтобы отделить одно предложение от другого или отметить цезуру:

люто оубогоу быти нъ лютав богатыи зъль .: . —
 шрость оубоудаван, да не от оума вънъ испадешн.: . —

Писатель конца XIV — первой половины XV в. Константин Констенческий, мудрый книжный человек, сторонник сложной орфографии арханческого направления, — орфографии, нормированной во второй половине XIV в. по инициативе болгарского патриарха Евфимия Тырновского, требовал писать гласные в начале слова или в отдельном их употреблении с надписным знаком, с дасней и с апострофом. Гласные — это женщины, а согласные мужчины. Только дома, в присутствии мужа женщина может быть без головного покрыва. Так и на письме: гласная буква в сочетании с согласной бывает непокрыта, без дасни и без апострофа. Если же женщина выйдет с непокрытой головой в город или на

улицу, или в общество, то она позорит себя: „и к тому не донна

быти къ дому мужа юе нъ съ блвнницами“. Если же будет над согласными, над мужчинами „на гптвующими“ знак — или -, то это позорит их

«срамляеть си яко и мужа женска оутварь. паце же нз' уагытва, и чина

нзводитя евангельнаго яко не быти емоу к томоу донноу въ цркви или въ

уть събора външти, яко и оци къ правнах раше“. Если в слове встре-

чаются два слога, из которых один кончается согласным, а другой начинается согласным, то между ними ставится знак ' , как сторож или свидетель, предупреждающий „претыкание“.

§ 21. Эти азбуки представляют некоторые различия в системе.

1) В глаголице один знак Э ; в кириллице ему соответствуют в и ю.

В первоначальном составе глаголицы был один знак для носового гласного переднего ряда: ЭѢ. Позднее этот знак стал употребляться в соответствии кириллическому ѡ, а вторая часть стала служить в значении ѡ. В кириллице — ѡ, ѡ.

2) В глаголице один знак Ѧ; в кириллице ему соответствуют Ѧ, ѡ.

3) В глаголице разные знаки для аффрикаты dz и для z: $\mathfrak{z} = dz$, $\mathfrak{z} = z$. В кириллице первоначально не было знака для аффрикаты dz. В кириллических рукописях, в языке которых отражается эта аффриката, она передана слегка модифицированным знаком \mathfrak{z} : \mathfrak{z} (перечеркивающая линия различной длины). Так в отрывках Хиландарских, Зографских и Ундольского. В кириллице есть знак s; но он употребляется в значении цифры „6“.

4. В глаголице особая буква \mathfrak{m} для мягкого g' (г') в словах заимствованных. В кириллице для этого служит буква r (r').

5) В кириллице были буквы \mathfrak{z} , \mathfrak{c} в соответствии греческим ξ , ψ . В глаголице не было соответствующих знаков.

Но более важное показательное значение представляют черты сходства в славянских азбуках — и в системе и даже в начертаниях букв, черты, с несомненностью свидетельствующие, что составитель одной из азбук знал о другой и следовал ей. Мы подходим к вопросу, какая же азбука древнее, т. е. какая из них составлена Константином.

Указанные выше черты различия не все восходят к давнему составу кириллицы. Так, и в кириллице, в ее более раннем виде, не было \mathfrak{w} , \mathfrak{w} , \mathfrak{w} , как это обнаруживается из наблюдений над архаическими элементами в написаниях кириллических памятников: нет \mathfrak{w} в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи, в Хиландарских и Зографских листках, в листках Ундольского, в Македонском листке; редко употребляется \mathfrak{w} ; в листках Ундольского и Зографских — только \mathfrak{w} ; встречаются написания с \mathfrak{w} в значении \mathfrak{w} и \mathfrak{w} : [риѡини]ѡ (именит. ед.) — в надписи Самуила; ѡви са григории (родит. ед.), сѡтабрь (родит. ед.) — в листках Ундольского; зѡмль (именит. ед.), мѡрь (родит. ед.) в Саввиной книге.

Черты сходства в общей системе глаголицы и кириллицы:

1) Два знака для i (третий глаголический знак \mathfrak{r} представлял собою модификацию знака \mathfrak{z}).

2) Два знака для o .

3) Две части в букве для u (y).

4) Одинаковый способ передачи славянского гласного $ы$: написанием знака для \mathfrak{z} (\mathfrak{z}) в сочетании со знаком для i (i , n ; \mathfrak{z} , \mathfrak{r} ; \mathfrak{z}).

5) Одинаковый способ передачи шт': \mathfrak{c} — \mathfrak{c} .

6) Общие элементы в рисунках букв для славянских звуков ж, ш, ч, ц, ѡ, в, ѡ.

7) Одинаковость в написаниях надписных значков и титл.

Некоторые общие черты в глаголице и в кириллице могут объясняться тем, что в основе той и другой азбуки лежит греческое письмо: минускульное — в основе глаголицы, унциальное — в основе кириллицы. Но показательна общность в передаче славянских звуков — общность и в основе, и во внешнем виде букв.

Несомненно, в связи находится передача для *ы*: сочетание букв *ъ* и *и*.

Не случайно и сходство в написаниях букв для славянских звуков. Источник для некоторых из этих букв ясен в глаголице. Кириллица следует за глаголицей, изменяя ее знаки для славянских звуков, придавая им геометрические формы в стиле прочих букв. Сравните глагол. *ѡ* и кирилл. *ѡ*, глагол. *ѣ* и кирилл. *ѣ*, глагол. *ѥ* и кирилл. *ѥ*, глагол. *Ѧ* и кирилл. *Ѧ*. Знаки для редуцированных гласных в глаголице представляют модификацию *Ѧ*: *Ѧ*, *Ѧ* (*Ѧ*, *Ѧ*, *Ѧ*, *Ѧ*).

Кириллица воспользовалась результатом позднейшего изменения основы для передачи этих гласных — воспользовалась формой в виде *Ѧ* и придала ей угловатую форму: *Ѧ*, *Ѧ*. Такое же отношение и между глаголическим *Ѧ* и кириллическим *Ѧ*. Источник глаголических букв для носовых гласных ясен: это *Ѧ* (о), *Ѧ* (е) в сочетании со значком *Ѧ*: *ѦѦ*, *ѦѦ*. Кириллические же *Ѧ*, *Ѧ* представляют угловатую перелицовку глаголических знаков, поставленных набор (вниз значок *Ѧ*).

На то, что первоначальной была глаголица, указывает также цифровое значение букв той и другой азбуки. В глаголице цифры следуют в порядке алфавита. *Ѧ* — 1, *Ѧ* — 2, *Ѧ* — 3, *Ѧ* — 4, *Ѧ* — 5... В кириллице цифровое значение имеют только знаки, взятые из греческого письма: *Ѧ* — 1, *Ѧ* — 2, *Ѧ* — 3, *Ѧ* — 4... Из дополнительных букв только *Ѧ* имел цифровое значение „900“. Позднее в таком значении стали применять букву *Ѧ*, подобно глаголическому *Ѧ* — 900. Если бы глаголица следовала кириллице, то буквы глаголицы были бы расположены иначе, согласно счету по кириллической азбуке: *Ѧ*, *Ѧ*, *Ѧ*, *Ѧ*...

Палеографический анализ кириллицы также указывает, что эта азбука не составлена Константином в IX в.: тот греческий унциал, который положен в основу кириллицы, относится к X в., как на это указывают полуовалы, заостренность и вертикальность (отсутствие наклона) букв кириллицы (см. выше о греческом унциале).

В пользу старшинства глаголицы свидетельствуют и черты языка глаголических памятников: в этих памятниках представлены архаические пласты первооригиналов более значительно, чем в памятниках кириллических, как отмечено было выше.

В глаголице не было букв, которые соответствовали бы греческим ξ, φ. Не было потребности в них, так как в славянской фонетической системе IX в. отсутствовали сочетания ks, ps. Такие сочетания изменились в давнее время: ks → kch → ch (гѣчѣ — 1-е л. ед. сигматического аориста от основы gek- с суффиксом -so-); ps → s (opsa → osa); см. об этом в § 146. При изготовлении славянских переводов оказалось необходимым ввести некоторые слова греческого текста с ξ, φ — имена собственные и названия должностей. Такие сочетания были приспособлены к славянской фонетической системе посредством артикуляции гласного ѣ между k-s, p-s: къс, ръс. Посредством артикуляции гласного ѣ избегали непосредственного сочетания и некоторых других согласных, как это отмечено ниже, в § 36. Это применение ѣ не было явлением только графическим: соответствующий гласный был в речевой передаче греческих слов с ξ, φ и с некоторыми другими сочетаниями согласных. Итак:

александръ — 'Αλεξάνδρου; (ср. в Зографском ев. алек'сан'дрѣ со значками ' , указывающими на пропуск ѣ более раннего глаголического оригинала);

доукъ — δούξ, лат. dux; (ср. в кириллической Супрасльской рукописи доук'съ, доук'сомъ с ' , указывавшим на пропуск ѣ, находившегося в более раннем оригинале);

псалъмъ — ψαλμός, псалтырь — ψαλτήριον; (примеры многочисленны в Синайской псалтыри).

В памятниках кириллических пишут попрежнему ꙗ'с, ꙗс, ꙗ'с, ꙗс или чаще ѡ, ѱ: алевѡан'дръ — алевѡандръ, маѡимъ, ѡан'ѡнї, доуѡъ, доуѡва пришествїа, приик'ѡшь — прїѡжїѡ, лат. principes и многие другие в Супрасльской рукописи; ѡал'мъ в Саввиной книге.

Буквы ѡ, ѱ применяются в отмеченных кириллических памятниках не только в передаче заимствованных слов, но и слов традиционных, в которых произошла к этому времени утрата слабых ѣ, ѡ — ꙗ'сати, ꙗсати, ꙗсанъ, но и рѡкоѡань в Супрасльской рукописи; ꙗс сава ѡалъ — в записи Саввиной книги.

Наличие в кириллице букв ѡ, ѱ и передача ими сочетаний ks, ps указывает на то, что кириллическая азбука составлялась тогда, когда сочетания ks, ps были не совсем чужды славянской

фонетической системе, а это свидетельствует о более позднем состоянии этой системы сравнительно с той, для которой составлялась глаголица, не нуждавшаяся в знаках, соответствующих греческим ξ, φ.

Обстоятельства и области распространения глаголицы подтверждают старшинство глаголицы. В Моравии применялась глаголица, а не кириллица. Киевские листки и Пражские отрывки (см. ниже) свидетельствуют об этом. Нет основания предполагать, что в Моравии после изгнания учеников Мефодия кириллица была брошена, а вместо нее кто-то, хорошо знавший греческое минускульное письмо, а также письма еврейские и самаритянские, составил глаголицу. Ни обстоятельства того времени, ни элементы глаголицы не допускают такого предположения. Древние славянские памятники, идущие из областей хорватских, где действовали некоторые изгнанники из Моравии, также писаны глаголицей.

В Болгарии деятельность учеников Мефодия протекала преимущественно в Македонии и в соседней Албании. Письменность там велась глаголическая: на македонское происхождение указывают черты языка старославянских глаголических памятников.

Элементы древнееврейские, самаритянские, а также коптские введены были в славянскую азбуку, в глаголицу, ее составителем Константином: он знал древнееврейский язык; в малоазийском монастыре Олимп он мог иметь общение с лицами, пользовавшимися коптской письменностью.

Когда же и где появилась кириллица?

§ 22. Полагаем, ее появление относится к восточной Болгарии, ко времени правления царя Симеона (893—927). Симеон, „полугрек“ (ἡμιάρως) по образованию, стремился сравниться во всем с Византией. Бесперывные войны, истощившие страну, раздвинули далеко пределы Болгарского государства: в пределы Болгарии входили области от Днестра на севере до Тиссы на северо-западе, до Лима, Тары, Бояны на западе; пределы на юго-западе представляло Адриатическое побережье от устья Бояны до реки Каламы (напротив острова Корфу); бассейн южной Быстрицы, нижнее течение Вардара, Струмы и устье ее, нижнее течение Месты, вся область Родоп на юге. Византии он хотел противопоставить не только мощь государственную, но и культурную. Он собрал в своей столице Преславе славянских книжников, которые выполняли многочисленные переводы с грече-

ского языка. Позднее списки с этих переводов распространялись в области восточных славян (на Руси) и в Сербии. Письменность в симеоновское время в восточной Болгарии выполнялась не глаголицей, а кириллицей, т. е. письменами торжественных греческих книг — письменами, которые должны были соответствовать величию государственному.

Пользовались кириллицей и в Македонии, но пользовались в среде господствовавших верхов, применяя ее в надписях, для которых служило в особенности торжественное письмо. Таково применение кириллицы в надгробной надписи, сделанной на камне по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии, в 993 г. (см. снимок на стр. 75).

§ 23. На востоке Болгарии изредка пользовались и глаголицей. Так, в церковной росписи применяли иногда буквы глаголицы. Так было в Преславе, как это обнаружили раскопки последних лет, произведенные там. Именно, на развалинах церковных стен оказалось несколько слов, написанных глаголическими буквами. На тех же развалинах имеются и надписи кириллицей. Но начертания и правописание этих graffiti не относятся к симеоновской эпохе, а к более позднему времени.

Глаголица также была известна сербским книжным лицам, в особенности в Босне. По образцу глаголицы они ввели в свое письмо (кириллическое) знак, представлявший собою в нижней части написание, похожее на П; над П возвышалась вертикальная черта; черта эта часто представляла вверху загиб или особый нажим; иногда загибы были и у П: Ꙗ Ꙗ. Ꙗ. Эта буква служила для передачи мягкого г' в заимствованных словах. Так в Мирославовом евангелии. В других памятниках ею передавали г' не только в заимствованных словах, но и тот палатальный согласный, который был заменой давнего сочетания dj (виѣю, ст.-слав. виѣѡ вм. vidjo). Так в Волкановом евангелии. В древнейшей сербской грамоте боснийского бана (правителя) Кулина, 1189 г., знак Ꙗ служит только для согласного, заменявшего собою dj. Позднее в Босне этой буквой стали пользоваться не только для согласного, заменявшего dj, но для согласного палатального, заменявшего собою раннее сочетание tj (отѣѡ Ꙗ ѡтѣ, ст.-слав. отѣѡштати вместо otvètjati). Так, например, в Никольском евангелии (XIV в.).

Эта буква представляет собою модификацию соответствующего глаголического знака для г' — Ꙗ. В связи с общим стилем

кириллицы, с его угловатостью, петля вверх заменена линией, с небольшим загибом вверх (следы петли). И внизу остался след глаголической буквы — небольшой загиб влево, как в глаголице. Сравните начертания сербского Ѐ и начертания глаголического М.

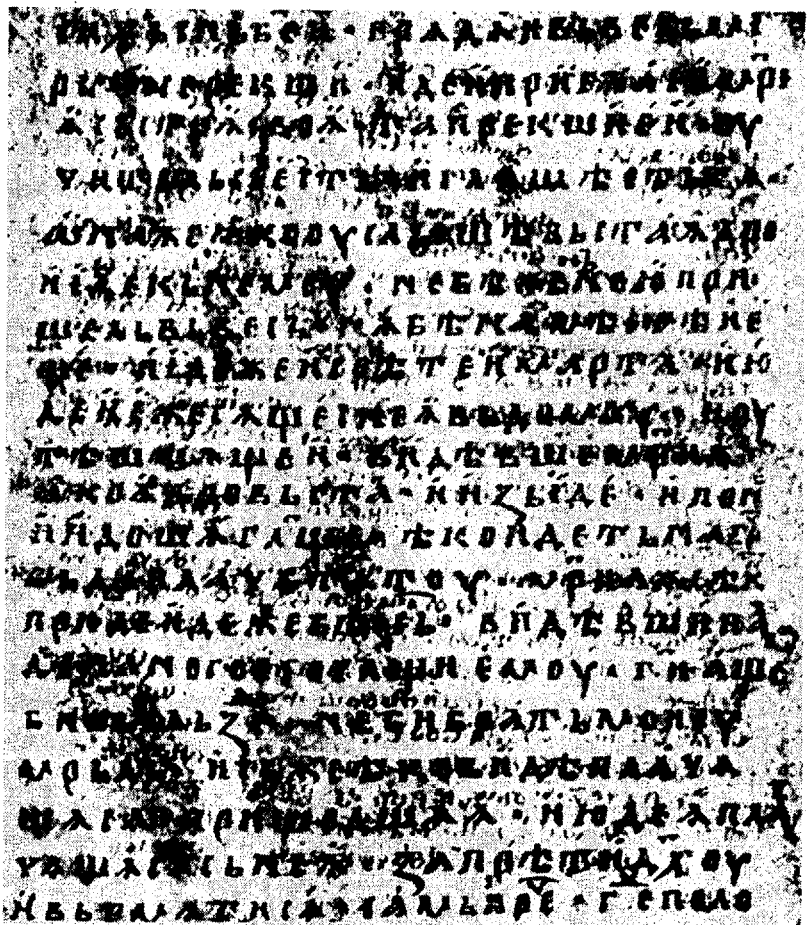
Глаголицу знали и русские книжники и изредка пользовались ею.

От XI — XVI вв. известно пятнадцать русских рукописей, в кириллическом тексте которых имеются глаголические буквы. В особенности их много в двух пергаментных листках XII в., находящихся в Погодинском собрании № 68 (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина). Описание этих отрывков и снимки с них даны в пражском издании „Byzantinoslavica“, I, 1929. Там же отмечены и другие русские рукописи со следами глаголического письма. Иногда русские книжники пользовались глаголицей в качестве тайнописи. Обзорение такой тайнописи и снимки ее представлены в книге М. Н. Сперанского „Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма“ (Ленинград, 1929, стр. 58—67, „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 4.3).

Применяли ее и в стенной росписи церквей, как и на востоке Болгарии. Глаголические graffiti найдены на нижних частях Софийского собора в Новгороде (эти надписи относятся к древнейшей поре существования собора).

§ 24. Глаголицу заменяла кириллица. Иногда глаголический текст смывался, и пергамент заполнялся кириллическими буквами. Это — палимпсест (греч. παλίψητος; πάλιν — „опять“, ψάω — „скоблю“). Таким палимпсестом является, например, Боянское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в. В некоторых листах этой рукописи видны еще буквы прежнего, глаголического текста. (см. снимок на стр. 62).

На списывание многих кириллических рукописей с глаголического текста указывает и то, что в кириллический текст нередко вносились отдельные слова, а иногда строчки глаголического оригинала. Так, в ряде среднеболгарских рукописей XII — XIII вв. (в Охридском апостоле, в Болонской псалтыри, в Битольской триоди). В глаголических же рукописях встречаются слова, написанные кириллицей. Но они не одновременны с глаголическим написанием, а позднейшего происхождения. Это разные пометки практического содержания.

Боянское евангелие (палимпсест).

§ 25. Название „кириллица“ не может указывать на принадлежность этого письма Кириллу-Константину. Это название применялось раньше к другой азбуке, к глаголице. Так, в списке Книги пророков, сделанном в 1499 г. в Новгороде, повторена запись оригинала 1047 г. Запись сделана была в 1047 г. переписчиком рукописи попом Упирем Лихим. В этой записи указано, что рукопись списана „ис коуриловиць“, т. е. с письма, именного иной вид и называвшегося „куриловица“ (кириллица). То была рукопись глаголическая. И в кириллическом списке попа Уприя есть кое-где глаголические буквы. В хронографе б. Румянцевского музея (ныне Ленинской библиотеки), по „Описанию“

А. Востокова, NCCCCLIII 1494 г., имеется такое замечание: во дни Михаилъ цркъ грех(ос)каго и во дни княз Ререна (Рюрика) Новгородцакаго... стын Константинъ философъ, нарицаемъи Кирилъ, сотвори въ грамотѣ словеснымъ (словенскимъ) азыкомъ, главою литицю". Слова „глаголемую литицю“ следует понимать, как указание на глаголицу, на „глаголиту“. В одном из более ранних оригиналов этой заметки было написано, повидимому, под титлами не только „глаголю“, но и „глаголиту“ (= „глаголиту“).

§ 26. О порядке букв глаголицы и кириллицы можно судить по их цифровому значению: глаголические ⚭ (а) — 1, ⚮ (в) — 2, ⚯ (г) — 3 и т. д., а также по следующим указаниям: 1) по азбучному акростику древних славянских стихотворений, 2) по алфавитным спискам (по перечню букв и их названий).

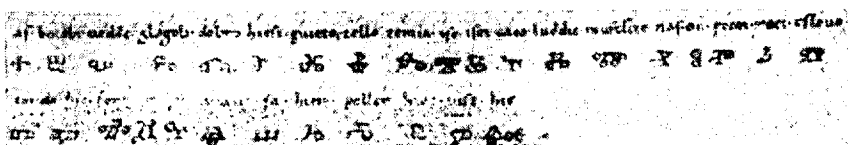
Стих азбучного стихотворения начинался с гласного или согласного в порядке славянского алфавита, хотя и не с полной выдержанностью: были такие звуки, которые не начинали слова, — ъ, ѣ, ѓ. По византийскому образцу размер славянских стихотворений — политический стих (στίχος πολιτικός) в двенадцать слогов, с цезурой обычно после пятого слога. Из таких стихотворений древнейшими являются два: стихотворение Константина Болгарского, ученика Мефодия, и стихотворение, находящееся в „азбучнике“ XIII в. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Азбучный акростих в этом последнем стихотворении составляют начальные звуки не каждого стиха, а двустишия. Из стихотворения Константина Болгарского:

Прасаштоуоумоу||помощи отъ тебе
Ряцъ во свои||горъ въздыжъ прине
Билъ. приати||и мдрость оу тебе...

Издания этих стихотворений см. в книге А. И. Соболевского „Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии“, Пб. 1910 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 88, № 3).

Древнейшие перечни славянских букв и их названий относятся к XI—XII вв. Это: 1) в латинской рукописи № 14485 Мюнхенской библиотеки (см. пражский журнал „Byzantinoslavica“, II, 1930), 2) в одной парижской латинской рукописи (см. у И. В. Ягича в „Энциклопедии славянской филологии“, вып. 3, Пб. 1911, стр. 135—136). (См. снимок на стр. 64.)

§ 27. В заключение остановимся на одной интересной статье древнеславянской письменности — „О письменехъ черноризца Храбра“. Эта статья пользовалась большой популярностью у славянских книжников на юге и на востоке. Она сохранилась в ряде списков. Древнейший из них находится в среднеболгарском сборнике 1348 г. (Ленинградская Публичная библиотека). Статья была составлена не позднее начала X в., когда „еще (были) живы те, которые видели их“, т. е. Константина и Мефодия, как замечено в двух списках сказания. Эта статья ярко выделяется на фоне безличной средневековой церковнославянской

Abecenarium bulgaricum.

письменности: она защищает ее право на существование, отрицавшееся не только на Западе, но и некоторыми лицами из греческой среды.

Статья построена так.

Вначале даны справки по истории письма у славян. В давнее время у них не было букв. В случае необходимости отметить что-нибудь, славяне применяли „черты и резы“: урѣтами и рѣзками урѣтъхъ и гатаахъ погани сѣше — „посредством черт и надрезов считали (вели счет) и разбирали (понимали) начертанное (гатаахъ)“. Это были надрезы и черточки на палочке или на куске дерева и имели значение чисел — количества каких-нибудь предметов. Такие счетные палочки применялись у славян, как и у других народов. У южных славян они употреблялись до недавнего времени. Там эта счетная палочка получила название „рабош“ (румынск. găbos, от венгерск. góvas = govaš; венг. tóni, rovak — „врезывать“). У русских такая палочка была известна под именем „бирка“, вероятно, от скандинавского слова Birka — „береза“, а не от татарского „бир“ — „подать“ — и не от славянского глагольного корня бир- (бирати, братьи).

По принятии христианства славяне, бывшие в сфере воздействия римской культуры, пользовались латинскими буквами; славяне же в юго-восточных областях, находившиеся в сфере влия-

ния Византии, применяли греческие буквы в случае нужды написать славянские слова. Но такое применение латинского и греческого письма было лишено системы, было „без устройства“. Да и нельзя было передать латинскими или греческими буквами многих славянских звуков: „нѣ како моятъ сѧ писати добръ грѣхъскими писмены бѣ· или жнотъ, или злато или црковъ, или уганно, или шротъ, или идъ, или ждоу, или юностъ, или жзыкъ [вместо иззыкъ] и инда подобна снмь“, — т. е. указаны примеры со звуками б, ж, дз (з), ц, ч, ш, з (идъ), ж, ю, ѡ (а), для которых не было знаков в греческом алфавите. Только Константин Философ, называемый Кирилл, составил славянам полную буквенную систему из 38 знаков: „сѣтвори имъ ꙗ писмена и осмь, ова оубо по чиню грѣхъскихъ

Бирка.

писменъ, ова же по словянъстѣи рѣчи“, т. е. одни из этих букв соответствовали системе греческой азбуки, подобно тому, как греческая азбука соответствовала еврейской: они (греки) оубо алфа з сѣ [сѣ или сѣн = „этот“ — Константин] азъ (буква а). от аза нматъ оубо...; как евреи „прѣвоо писма (букву) нматъ (имеют) алфь... и грѣци подобашеса томуо алфа рѣшж (сказали, назвали)“. Храбр указывает, что „по чину греческихъ писменъ“ было 24 буквы, а по „славянской речи“ — 14. К последним принадлежали:

Ѡ	Ѧ	Ѣ, Ѥ	Ѧ	Ш	Ѣ	Ѣ
Б	Ѧ	СЦ	У	Ш	Ъ	Ь
ѢѢ	А	Р	ѢѢ	ѢѢ	ѢѢ	
ЪН	Ъ	Ю	Ѧ	Ѧ	ІА	

Знак для мягкого М (r'), повидимому, относился к числу букв, соответствовавших звукам, передававшимся греческой азбукой.

О какой славянской азбуке говорится в сказании Храбра, о глаголице или кириллице? Определенных указаний по этому вопросу сказание не представляет. Но ясные следы глаголического оригинала, отражающиеся в Московском списке (б. библиотеки Московской духовной академии, теперь в Ленинской библиотеке), и некоторые указания на буквы азбуки, имеющиеся в нем, могут свидетельствовать о глаголице.

Далее Храбр переходит к возражениям против славянской письменности и к опровержению их.

Первое возражение: 38 букв слишком много для славянской речи; можно обойтись и меньшим количеством, подобно грекам, которые 24 буквами пишут. Храбр указывает на неосведомленность возражателей: „не вѣдати колѣцѣмъ пишѣтъ грѣци“. Храбр и в греческом алфавите насчитывает 38 знаков.

Другое более важное возражение: еврейские, греческие и римские письма идут искони и свыше даны, а славянские нет; — и не отдают себе отчета в том, что говорят окаянные („не вѣдатъ са что глаголю ѿкаанни“). И что сказать этим идиотам („что речемъ къ тацѣмъ безоумнѣмъ“)? Скажем от святых книг, которыми мы научились. И далее следуют опровержения „треязычников“. „Святые книги“, из которых Храбр почерпнул материал для своих возражений, — это какое-нибудь греческое грамматическое сочинение по истории писмен, вроде грамматики псевдо-Феодосия Александрийского, или какого-нибудь другого подобного сочинения. Храбр указывает, что древность и еврейской и греческой письменности относительна. Было время, когда и греки не имели своей азбуки, но пользовались финикийскими письменами: ѿкаанни не пишѣхъ своимъ жъзкомъ (азкомъ) писменъ, нѣ финицкымъ писменъ писахъ своѣ рѣчь. и тако вѣшъ многа лѣта. Следует сообщение о том, как в течение долгого времени составлялась греческая азбука. Семь человек в разное время составляли ее; из них пять названо — Паламид, Кадм, Симонид, Епихарм, Дионис, двое оставлены без имени. Перевод же библейских книг на греческий язык выполняли семьдесят человек. Итак, Храбр делает такое построение: у греков азбуку составляли долгое время семь человек, а перевод делали семьдесят. А у славян все это сделал один человек и в короткое время. А отсюда, по умозаключению апологета, следует вывод: словънска писмена стъиша сѣтъ и устѣишиша. стъ ео мѣжъ створишь е юветъ, а грѣцкѣ ѿкаанни поганн. Чтобы сделать такое построение и им усилить свою аргументацию, Храбр к пяти известным устроителям греческого алфавита прибавил двух неизвестных, а по отношению к устроению славянской письменности умолчал о Мефодии.

Храбр имеет в виду еще одно возражение, которое могут сделать по отношению к славянской письменности: производилось в его время какое-то исправление ее: еще ли кто речесть. шко нѣсть оустроилъ добръ, понеже са пострашѣтъ и юще, отвѣтъ речемъ снмъ: и

греки много раз исправляли (поправили), например, Акилла и Симмах и другие. Легче потом исправить, чем создать вначале: ~~оудовьъ во шсть послѣдѣ потворити, неже прѣвое створити.~~ Какое исправление имеет в виду Храбр? Вероятно, здесь говорится не об изменении азбуки, а об исправлениях или дополнениях в переводах, как на это может указывать ссылка на соответствующее явление в греческой письменности: Акилла и Симмах имели отношение не к греческой азбуке, а к письменности, к толкованию библейских текстов.

Заканчивает свою апологию Храбр указанием на такое преимущество, какое, по мысли Храбра, имеют славянские письмена по сравнению с греческими: у греков редко кто знает имена создателей их азбуки, а славянские книжные люди („букаре“) все дадут ответ, если ты спросишь у них „кто вы (вам) писмена створиша естъ, или книги прѣложиша („перевел“)“ — стлн Константинъ философъ нарицаети Кирилъ, тѣ намъ писмена створи и книги прѣложи, и Мефодию братъ его, и аще въпросиши, въ козъ время; то въдати и рѣкати... Следует дата: имена правителей и год: $\bar{\text{с}}\bar{\text{т}}\bar{\text{л}}\bar{\text{н}}$ (6363). Итак, в конце пришлось забыть о предшествующей пропорции 1:7, 1:70 и упомянуть имя Мефодия.

Что касается даты 6363 г., то она долгое время возбуждала сомнение. По обычному счету того времени из этой даты нужно вычесть 5508. Получится по новому летосчислению 855 г. Но в Византии и у славян применялось и другое исчисление, александрийское, 5500 лет. Такой счет применен и в статье Храбра. В среднеболгарском сборнике 1348 г., где находится древнейший из дошедших до нас списков сказания, недалеко от статьи о письменах находится хронологическая статья, в которой определенно указано летосчисление в 5500. Таким образом, $6363 - 5500 = 863$ — год, на который указывают и другие данные (или 862 г.).

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

§ 28. Рукописи на старославянском языке не дошли до нас непосредственно от времени деятельности Константина и Мефодия и их учеников. Два старославянских памятника относятся к X в., прочие к XI в. В этих памятниках, в особенности в памятниках XI в., имеются значительные отступления от языка кирилло-мефодиевских переводов. Но эти отступления легко

выделяются, и за ними обнаруживается основа более ранних оригиналов, восходящих к кирилло-мефодиевским образцам.

Памятники старославянского языка писаны глаголицей и кириллицей.

ПАМЯТНИКИ ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ.

1. Киевские листки, или Киевский миссал. Это — наиболее древний памятник старославянского языка. Но одна черта этого языка систематически устранена: шт — жд (вместо tj — dj). Вместо этой черты представлена иная — ц — з, черта языка славян западной части прежнего Моравского государства.

На западное происхождение памятника указывает и его содержание (месса).

Нет отступлений в употреблении ъ, ь, за исключением двух случаев с написанием въсъхъ (вместо въсъхь). Но это написание — недосмотр писца; имеются и другие явные недосмотры и поправки, в частности, на одной из страниц с написанием въсъхъ. Архаичен этот памятник и в начертании букв (ср. замечания, сделанные выше, в отделе об азбуках).

По чертам языка и написаниям относим этот памятник к X в.

Название этого памятника „Киевским“ вызвано тем, что он был открыт в Киеве, куда попал с Востока.

Лучшее издание сделано В. Ягичем (V. Jagić), *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente*, Wien, 1900.

Замечания о палеографии и языке памятника см. в работах:

1) V. O b l a k, *Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XVIII, 1896).

2) V. J a g i ć, *Einige Streitfragen*, 1, („Archiv für slav. Philologie“, XX, 1898). 4 (там же, XXII, 1900).

3) W. V o n d r á k, *O původu, Kijevských listů*, Praha, 1904.

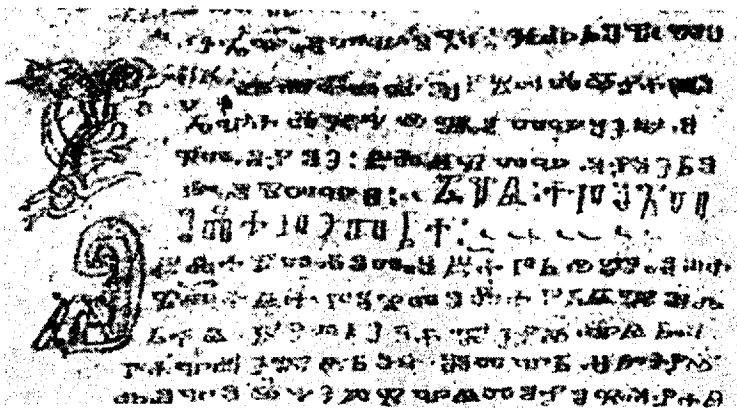
4) О н же, *Über die Provenienz der Kijever Blätter und Prager Fragmente* („Archiv für slav. Philologie“, XXVIII, 1906).

5) Н. Г р у н с к и й, *Памятники и вопросы древнеславянской письменности I*, Юрьев, 1904.

Критические замечания см. в „Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук“, X, № 4, 1905, (о работе Вондрака) и в „Журнале Мин. нар. пр.“, 1906, № 3 (о работе Грунского).

6) Н. Г р у н с к и й, *Київські глаголицьки листи і фрейзінгенські уривки*, У Київі, 1928.

Заметки Н. Грунского о синтаксисе памятника в его книге „Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков“, Юрьев, 1911 (IV. Приложение).

Киевские листки.

7) Б. М. Ляпунов, Ватрослав Облак („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук“, I, стр. 928). — Между прочим изложен взгляд Ф. Ф. Фортунатова на принадлежность языка переводчика Киевских отрывков южнославянской языковой области.

8) В. Н. Шепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги (СПб. 1899, стр. XVIII — XX). — Тоже утверждает южнославянское происхождение писца Киевских листков. Но это утверждение не убедительно ни в лингвистическом, ни в историческом отношении.

9) А. И. Соболевский, К хронологии древнейших церковнославянских памятников (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук“, т. 88, 1910).

10) Он же, Родина Киевских отрывков (там же, стр. 106—109). Совершенно безосновательно перевод отрывков отнесен к Польше.

11) E. d. Sievers, Die altslavischen Verstexte von Kiew und Freising (Berichte der Sächsischen Akademie der Wissensch. Philos.-hist. Klasse, 76, 1924).

12) N. van Wijk, Kilka uwag o pochodzeniu Mszału Kijowskiego (Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera, Lwów, 1925, II).

13) Заметки Курца (J. Kurz) в пражском журнале, „Listy filologické“, тт. 51, 54.

14) M. Weingart, Hlaholské listy Vídeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV): Замечания о происхождении славянского перевода миссала.

2. Зографский кодекс — евангелие. Этот, как и другие глаголические памятники, представляет новые черты и в письме и языке. Относим все прочие глаголические памятники к XI в.

К XII в. их нельзя отнести: в них нет существенной черты, характеризующей все болгарские памятники XII—XIII вв.: мены в и а при определенных условиях. 17 листов (41—57, Матф., XVI, 20—XXIV) вставлено позднее.

По чертам языка писцов глаголических памятников полагаем, что они написаны в пределах Македонии. Название „Зографское“ дано по месту прежнего нахождения этого памятника, в Зографском монастыре (на Афоне). Теперь он хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus, Berolini, 1879*. Ягич дал и исследование о языке этого памятника, главным образом о гласных ъ, ѣ („*Archiv für slav. Philologie*“, I, 1876; II, 1877). См. также работы:

- 1) А. Leskien'a в „*Archiv'e für slav. Philologie*“, II, 1877, XXVII, 1905;
- 2) Н. Грунского в „Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. 83, 1907, № 3;
- 3) N. van Wijk'a в „*Archiv'e für slav. Philologie*“, XXXVII, 1920; XXXIX, 1925; в „*Roczniku slavistycznym*“, IX, 1921 и в журн. „*Slavia*“, I, 1922;
- 4) J. Kurz'a в журн. „*Listy filologicke*“, т. 50, 1923 и в журн. „*Slavia*“, IX, 1930; XI, 1932.

3. Ассеманиев кодекс — евангелие, названное по имени Ассемани, вывезшего эту рукопись с Востока в конце XVIII в. Другое название — Ватиканское ев., по месту нахождения ее в библиотеке Ватикана.

Имеется 3 издания:

- 1) F. Rački, *Assemanov III Vatikanski evangeljistar*. Zagreb, 1865. (Издано глаголическим шрифтом.) Издание малоудовлетворительное.
- 2) J. Črnčić, *Assemanovo izborno evangjelje*, Rim, 1878. (Издано латинкой).
- 3) Лучшее издание приготовили И. Вайс и И. Курц: *Evaṅgelium Assemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glag. Editio phototypica cum prolegomenis, textu litteris cyrillicis transcripto...* Ediderunt dr. J. Vajs et dr. J. Kurz. I. Pragaе, 1929.
- 4) St. Mladenov, *Assemański albo Watykański Ewangeljarz* (в изд. „*Słownik starożytności słowiańskich*“, Warszawa, 1934, стр. 1—3).

На полях памятника сделаны в XII—XIII вв. и позднее записи кириллицей. Интересны в фольклорном отношении записи XII—XIII вв. о „злых днях“ каждого месяца.

Об этих записях см. в статье М. Н. Сперанского „Злые дни“ в приписках Ассеманова евангелия“ („*Македонски Преглед*“, VIII, кн. I, София, 1932).

Handwritten text in Church Slavonic script, likely a manuscript page. The text is arranged in approximately 20 horizontal lines. The script is dense and characteristic of the 18th or 19th-century Slavonic manuscripts. There are some faint markings and possibly a small signature or date on the right side of the page.

Зографский кодекс.

4. Мариинский кодекс — евангелие, вывезенное В. И. Григоровичем с Афона. Хранится в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Издан В. Ягичем: *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus*. Ptb., 1883. Издание снабжено большой статьей о языке и полным словарем.

1) А. Leskien, „Archiv für slav. Philologie“, XXVII.

2) Ф. Ф. Фортунатов, Состав Остромирова евангелия. Пб. 1908, 55—60.

5. Клоцов кодекс — сборник поучений, похвальных слов. 12 листов этой рукописи находились в библиотеке Клоца и изданы были в 1836 г. В. Копитарем. Теперь они хранятся в музее в Триенте. Позднее были открыты в музее в Иннсбруке еще 2 листа того же сборника, изданные Фр. Миклошичем в 1860 г.

Полное издание сделано было В. Вондраком (W. Vondrák): *Glagolita Clozů. Praha, 1893*. Некоторые исправления к этому изданию сделал Ноһа в журн. „*Časopis Matice Moravske*“, т. 50, 1926.

V. Oblak, *Zur Würdigung des Altslovenischen* („*Archiv für slav. Philologie*“, XV, 338—370).

См. также статью Таля (G. A. Thal): „*Textkritische Studien zu Homilien des Glagolita Clozianus*“ („*Archiv für slav. Philologie*“, XXIV, 1902).

6. Синайская псалтырь; рукопись находится на Синае.

Издана была Гейтлером (L. Geitler): *Psalterium. Glagolski spomenik monastira Sinaj brda. Zagreb, 1883*. Лучшее издание приготовил С. Северьянов: *Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века*. (Изд. Отделения русск. яз. и слов. Рос. Акад. наук. Пгтр. 1922). Об этом издании сравнительно с изданием Гейтлера см. замечания в „*Жужнословенском Филологу*“, IV, 1924, стр. 166—186.

V. Jagić, *Entstehungsgeschichte...*, стр. 248—251. В. von Arnim („*Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum*“, Leipz. 1930). См. также статью Ю. В. Петровской „*Мена глухих в Синайской псалтыри*“ („*Известия Отделения русск. яз. и слов. Академии наук*“, т. XXI, кн. I, 1917).

7. Синайский требник. Находится на Синае. В большей своей части памятник представляет перевод с греческого языка, — перевод статей, касающихся выполнения различных ритуалов религиозного значения. Некоторые отделы переведены были с немецкого и латинского. Оригинал переводов требника был сделан в моравско-паннонский период старославянской письменности, как на это указывает наличие переводов с немецкого и латинского.

Памятник был издан Гейтлером: *Euchologium. Glagolski spomenik monastira Sinaj brda. Zagreb, 1882*.

Поправки и дополнения к изданию Гейтлера сделал В. Ягич в „*Archiv für slav. Philologie*“, VII, 1884, 129 след. Листы 101—104 по собственным фотографическим снимкам напечатал В. Н. Бенешевич в сборнике в честь Ягича („*Jagić — Festschrift, Zbornik u slavu V. Jagića*“, Berlin, 1908). 3 листа той же рукописи вывезены были с Востока в Петербург в 1853 г. Порфирием Успенским и Н. Крыловым и изданы были И. И. Срезневским в его серии „*Древние глаголические памятники*“. Пб. 1866 (244—255). Часть памятника переиздал J. Frček в Париже в 1933 г. („*Patrologia orientalis*“, XXIV, 5).

О памятнике: W. Vondrák; „Archiv für slav. Philologie“, XVI, стр. 118—132.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte..., стр. 251—257, 274—275.

[Jean Frček, Euchologium sinaiticum, „Patrologia orientalis“, t. XXIV, fasc. 5, Paris 1933].

[Н. С. Державин, Euchologium sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памятника). „Сборник статей и исследований в области славянской филологии“, М.-Л. 1941].

Ланг (P. Lang), „Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského (Zpráva gymnasia v Příbrami, 1888, 1889 и 1890).

N. von Wijk в „Archiv'e für slav. Philologie“, XL, 1926.

А. И. Соболевский, Синайский требник („Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 88, стр. 100—105).— Заметка о некоторых общих словах врачевальных молитв Синайского Требника и „Слова болящих ради“ других рукописей.

В отношении содержания евхология см. в книге Вондрака (W. Vondrák): „Studie z oboru církevněslovanského písemnictví“, Praha, 1903.

Он же, Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern („Archiv für slav. Philologie“, XVI, 118—132).

Словарь к памятнику составил St. Słóński: „Index verborum do Euchologium sinaiticum“ (Warszawa, 1934).

8. Охридские листки, найденные В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в рукописном фонде Одесского университета.

Лучшее издание в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. 2-й, Пггр. 1915.

9. Македонский глаголический листок с отрывком из Слова Ефрема Сирина, найденный также В. И. Григоровичем. Хранится в библиотеке Академии наук СССР (в фонде И. И. Срезневского).

Издан в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 6-й, Пб. 1909.

10. Отрывки глаголической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись относится к концу X в. или к XI в.

Описание и снимки см. в статьях Кр. Миятева („Български Преглед“, I, кн. 1, София, 1929) и В. Ивановой („Български Преглед“, I, кн. 4, 1930). См. замечания М. Вейнгарта в журн. „Byzantinoslavica“ (Praha), II, вып. 1, 166—168 и И. Вайса в журн. „Slavia“ (XII, 229—231), М. Н. Сперанского („Из славянской эпиграфики“, Доклады Академии наук СССР, 1930, № 3).

§ 29. 1. Надпись на надгробном камне, сделанная в 993 году по распоряжению Самуила, царя юго-западной Болгарии и Македонии. Камень находился у могилы умерших членов семьи Самуила. Найден он был экспедицией Константинопольского Русского Археологического института в юго-западной Македонии, в селе Герман, недалеко от озера Преспа. Надпись представляет 11 строчек. Правый угол камня отбит.

Имеется ряд изданий. Отметим издания:

- 1) В „Известиях Русского Археологического института в Константинополе“, т. 4, 1899, кн. 1;
- 2) И. Иванов, в его книге „Български старини из Македония“, София, 1908, 2-е изд., 1931;
- 3) П. А. Лавров, в его „Палеографическом обозрении кирилловского письма“, Птгр. 1914;
- 4) Е. Ф. Карский, в его „Славянской кирилловской палеографии“, Лнгр. 1928;
- 5) В изд. „Гласник Скопског Ученог Друштва. Одељење друштвених наука“. V. Скопје, Београд, 1931;
- 6) См. замечания К. Иречка и В. Ягича в „Archiv für slav. Philologie“, XXI, 1899.

2. Отрывки кириллической надписи на развалинах церкви в Преславе. Надпись сделана была не ранее XI в.

Издание ее см. выше в отделе о глаголических памятниках.

3. Саввина книга, названная так по двум припискам с упоминанием Саввы. По содержанию — евангельские чтения. Хранится в Московском Главном Архиве, в фонде Типографской библиотеки.

Издана В. Н. Шепкиным в „Памятниках старославянского языка“, I вып. 2-й, Пб. 1903. Неточности издания отмечены Н. М. Каринским в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“ (т. 69, 1914, кн. 3). В. Н. Шепкину принадлежит и „Рассуждение о языке Саввиной книги“, Пб., 1899. О редуцированных гласных см. также статью А. Лескина в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII, 1905. Там же замечания о „Рассуждении“ Шепкина.

I. Bârbulescu, Iași despre Savina kniga și Codex Suprasliensis i Dacia Traiana („Archiva Societă ii Istorico-Filologice din Iași“. T. XLIV, 59—75). Саввина книга и Супрасльская рукопись, по мнению И. Барбулеску, были написаны к северу от Дуная, в Траяновой Дакии.

4. Супрасльский кодекс. Рукопись содержит жития, легенды и слова. Найдена в Су́прасле около Белостока. Первая часть ее хранится в Любляне, в быв. Лицейской библиотеке,

+ ВЪНМАШТЪЧАНСЪ
 ННАНСТАГО А ОУХ А Д
 ЗСАМОНАБРАБЪБ*
 ПОЛАГАХПАМАТЪ
 ШНАТЕРННБРАТ
 А КРЪСТЪХЪСН
 ННЕНА ОУСЪПЪШ
 І СОЛАРАБЪБ*Н
 Ъ ААВЪНАПНСА
 А ЪТО ОТЪСЪТЪС
 УЪ:ФАННЪАН

Надпись царя Самуила.

16 листов принадлежали И. А. Бычкову в Ленинграде; прочая часть ее (151 лист) находилась в Варшаве, в книжном собрании Замойских.

Полное издание рукописи сделано С. Северьяновым в „Памятниках старославянского языка“, II, вып. 1-й. Необходимым дополнением к изданию является словарь. Он обработан К. Мейером (K. Mayer): „Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis“. Glückstadt und Hamburg, 1935. О памятнике см. след.:

1) A. Margulies. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927;

2) Статьи В. Вондрака в изд. Венской Ак. наук „Sitzungsberichte der philosophisch.-histor. Klasse der Akademie der Wissensch.“ Wien, 1886 (т. 112), 1890 (т. 122), 1891 (т. 124);

3) В. Облака (V. Oblak) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XV (1893);

4) А. Лескина (A. Leskien) в „Archiv'e für slav. Philologie“, XXVII (1905) и в „Berichte über die Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissensch. Philos.-hist. Klasse“, XXVII, XXVIII;

5) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук“, т. 17 (1912), кн. 3 и 4, в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 101, № 3, 1928;

РОУЖТЪ·НБВУАСЕНАПАСТНОТЪ
 ГТЪПДТЪАПАДЪШЕСВЪТРЬНЮ
 СЕСЖТЪ·СЛЪШЕ^{ШАСЪ}НЮТЪПЕЧАДНО
 ГАТЬСТВОМЪНЛАСТЪМНЖИТНІ
 СІСВИМНОПАПЪЖТЪСВ·АНЕДО
 КОНЬУАПЛОДАТВОРАТЪ·АЖЕНА
 ДОБРЪЗЕМН·СЕСЖТЪЖЕДОБРОМЪ
 СРДЦЕМЪНБЛГОМЪ·СЛЪШДТЪСЛО
 ВОИХРАНАТЪЕ·НЛОДЪТВОРАТЪ
 БЪТРЕЗЕМНІ·СІ·ЛЪВЪЗГЛАСН·ІМЪ
 АІОУШНСЛЪШЦАТНДА·САШНТЪ·

ШЗОНОВЗНАДЕТСВЪКАПЕРЪНАОУМЪ·
 СЪТННІОУЖЕЕДИНОЛОУРАБЪВО·
 ЛВОУМНРАШЕ·НЖЕБЪХЪСТЪНЪІ
 МОУ·СЛЪШАБЪЖЕІСЛОСЪЛАТЪНЕ
 ЯЛОУСТАРЬЦВІНОДРЕІСЪТЪМЛА·СА
 ДПРИШЪДЪСПЕТРАВАЕГО·ОНН
 ЖЕШЪДЪШЕІСЪІСОВНМОЛЪХЪІТЪ

Саввина книга.

6) Пастрнека (F. Pastrnek) в журн. „Listy filologické“, XXIV;

7) N. van Wijk, Zur Komposition des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis. Amsterdam, 1925;

Его же, Zur Vorgeschichte zweier altkirchenslavischer Sprachdenkmäler, I. Suprasliensis („Archiv für slav. Phil.“, XL, 1926);

Его же, Zur Herkunft dreier Legenden des Codex Suprasliensis (там же; XLII);

8) R. Abicht, Quellennachweise zum Codex Suprasliensis („Archiv für slav. Philologie“, XV, XVI).

R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение вышеназванной работы, „Archiv für slav. Philologie“, XVIII).

R. Abicht und G. Reichelt (Продолжение, там же, XX).

R. Abicht und H. Schmidt (Продолжение, там же, XXI).

9) K. H. Meyer, *Altkirchenslavische Studien. I. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis* („Schriften der K. Gelehrten Gesellschaft“. Jahrg. XV—XVI. Geisteswissensch. Kl. № 2, Halle a. d. S.) 1939. См. замечания В. von Arnim в „Zeitschrift für slav. Philologie“, XVII, 1940, стр. 201—207.

5. Хиландарские листки, с отрывком из поучений Кирилла Иерусалимского. Памятник хранится в рукописном фонде Одесского университета.

Изданы в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 1, Пб. 1900. См. замечания В. Вондрака в „Archiv für slav. Philologie“, XXII.

6. Листки Ундольского, — отрывки из евангельского текста, принадлежали библиофилу В. М. Ундольскому.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 3-й, Пб. 1904. См. статью В. Н. Щепкина „Листки Ундольского“ в „Русском Филолог. Вестнике“, т. 49, 1902 г. (с датой, определяемой В. Н. Щепкиным — XII в., нельзя согласиться).

7. Македонский листок, с отрывком текста, напоминающего одно из произведений Иоанна экзарха Болгарского. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Изд. см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 5-й, Пб. 1906.

8. Зографские листки, с отрывком из „Правил“ св. Василия. Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Открыты П. А. Лавровым; описаны и изданы им в журн. „Revue des études slaves“, VI (и отдельно). Там же статья М. Г. Долобка о языке отрывков. Греческий оригинал памятника определил А. Вайян (A. Vaillant); см. его статью и тексты славянского отрывка и его греческого оригинала в том же издании, т. X, 1930.

Перечисленные рукописи, писанные кириллицей, по чертам языка следует отнести к XI в. Писцы их происходили не из Македонии и не из юго-западной Болгарии, а с востока Болгарии или из местностей, близких к востоку.

9. Любопытными в палеографическом и в культурно-историческом отношении являются кириллические вставка и приписка, сделанные в разное время в латинской рукописи конца X в. или начала XI в., хранящейся в Райграде около Брна (в Моравии). Одно слово, *латина*, написанное твердым,

уверенным почерком, является современным написанию латинского текста, будучи вписано в строчку с латинским письмом, на л. 2. Над кириллическим написанием надписано латинскими буквами: *latria*.— At illo cultu, qui grece ^{*latria*} *матриа* dicitur, latine uno verbo dici n̄ potest...

На л. 70 позднее, в XI—XII вв., написано кириллицей несколько строчек славянского текста. В почерке букв кириллицы этих строчек представлены те же черты, какие свойственны кириллическим рукописям XI—XII вв. Имеются и более поздние славянские пометки.

Об этой записи см. статью А. И. Соболевского „Райградский сборник“ (Материалы и исследования в области слав. филологии и археологии. „Сборник Отдел. русск. яз. и слов.“, т. LXXXVIII, № 3, 1910; стр. 154—158). Там же снимки лл. 2 и 70. См. также статью П. К. Симони в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, XVI, книга 3, стр. 133—142; см. также замечания в „Сборнике Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. CI, № 3, 1928, стр. 310—313.

Таковы старославянские памятники X—XI вв. Делались попытки издать старославянские тексты в реконструированном виде,— в том виде, в каком они вышли из-под пера первых переводчиков. Последний такой опыт сделан профессором И. Вайсом (J. Vajs). В 1935—1936 гг. он издал в Праге старославянские евангельские тексты в такой реконструкции. Но многие детали ее вызывают возражения и в отношении графики и в отношении фонетики, форм, лексики.

§ 30. Ценный материал по изучению старославянского языка заключается также в ранних памятниках сербских и восточнославянских. Изучая эти рукописи, следует стремиться к тому, чтобы ясно различить черты старославянских оригиналов, к которым восходят эти памятники, и те наслоения, сербские или восточнославянские, которые отразились на них. При таком изучении могут быть получены данные, важные в двух отношениях: 1) черты старославянских оригиналов важны для грамматики старославянского языка; 2) черты языка писцов, сербских или русских, важны для истории сербского или русского языка.

Старославянским пользовались книжные люди в областях чехо-моравских, сербо-хорватских и восточнославянских. Книги, написанные там, отражали в той или иной мере черты языка писавшего — чехо-моравана, серба (хорвата) или русского.

§ 31. Памятники с чертами чешского языка.

Из памятников с чертами чешского языка на старославянской основе сохранилось только два. Один из них определен выше: Киевские листки, X в. Имея в виду его архаические черты в начертаниях букв и в старославянском языке, мы отнесли его в группу старославянских памятников. Чешско-моравские черты Киевских листков:

1) *ц* вм. *давнего tj* и *kt'* в соответствии старославянскому *щ* (*шт*) и *з* вм. *давнего dj* в соответствии старославянскому *жд*: *просаце*; *объцъннѣ*; *дазь*.

2) *шч* вм. *stj* и *skj* в соответствии старославянскому *шт*: *оушчъннѣ*.

3) Окончание формы творительного пад. ед. ч. в именах с основой на *-о*, — окончание *-ъмь*: *въсѣдъмь*, *образъмь*, *надъ оплатъмь*.

Другой памятник более поздний, конца XI или XII в., с рядом черт чешского языка. Это — Пражские глаголические отрывки. Их содержание — песнопения по восточному обряду. Найдены в Праге, в библиотеке митрополичьего капитула.

1) Группа *дл*, как и в других западнославянских языках (в языках южнославянских и восточнославянских *л*): *модлѣтѣоу*.

2) *ш* вм. *š*, как и в других западнославянских языках: *вѣш*, ст.-слав. *вьси*), *вѣшъ*'.

3) Отсутствие *л'* после губного согласного, как и в других западнославянских языках: *прѣставѣнне*, *земѣ*.

4) *ц*, *з* вм. ранних *tj*, *dj*, как в чешском языке; *хваляцнмъ*; *оутвръзѣнне*.

5) *оу* вм. *ж*; *а* вм. *л*, как в чешском языке: *обидоу*, *помилжи* (смешение букв *ж* и *оу*); *оударнша* вм. *оударнша*; *та* вм. *та*.

Издание и обследование отрывков см. в „Памятниках старославянского языка“, I, вып. 4-й, Пб. 1905 (Н. К. Грунского) и в книге В. Вондрака: „O původu kijeviských listů a pražských zlomků. Praha, 1904. См. и статью Б. М. Ляпунова „Wie soll man I B. 4—5 der Prager glagolitischen Fragmente lesen?“ („Archiv für slav. Philologie“, XXVIII, 1906, 478—480) и замечания по этому пункту в другой его статье „Вацлав Вондрак и его научная деятельность“ („Известия Отделения русск. яз. и слов. Акад. наук СССР“, XXXII, 1927, 254—257).

В первой половине XIX в. чешские романтики потратили много труда на поиски старославянских памятников. Стремясь связать чешскую письменность с кирилло-мефодиевской, они причисляли

к старославянским памятникам не только найденные в то время Пражские отрывки, но и позднейшие произведения.

Так это представлено было, например, в очерке В. В. Ганки „Онь остатъ-цяхъ славянскаго когослауженя оу токова“. (Издание Владислава Ганки. Прага. 1859).

§ 32. Памятники с чертами сербо-хорватского языка.

У хорватов в славянской письменности применялась глаголица. Вид ее — угловато-кругловатый, позднее становящийся угловатым. Древнейшие из сохранившихся славянских памятников у хорватов относятся к XII—XIII вв.

1) Венские листки миссала, бывшие на переплете какой-то книги, XII в.

Их описание и издание сделано В. Ягичем (в издании „Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse“, XXXVIII, Wien, 1890). См. также ценную статью М. Вейнгарта (M. Weingart): Hlaholské listy Vídeňské. K dějinám staroslověnského missálu („Časopis pro moderní filologii“, XXIV, 105—129, 233—245).

2) Отрывок апостола, названный Гршковичевым отрывком. XII или начало XIII в.

Издан В. Ягичем (в изд. Starine. XXVI; Zagreb, 1893).

3) Фрагмент легенды о 40 мучениках — глаголическая рукопись XIII в., находящаяся в архиве „Старославянской академии“ на острове Крке.

Издание и описание фрагмента сделано проф. Ст. Ившичем: St. Ivšić. Odstaci staroslovenskih prijevoda u hrvatskoj glagolskoj književnosti („Zbornik kralja Tomislava“, изд. Загребской академией наук, Zagreb, 1925, 452—510).

Обозрение других глаголических памятников у хорватов см. в книге Ягича: „Графика у славян. III. Глаголическое письмо“. Пб. 1911.

Сербские памятники писаны кириллицей; но, как было отмечено выше, сербские книжные люди знали и глаголицу.

Древнейшие сербские кириллические рукописи относятся к XII в.

1) Мирославово евангелие, с иллюстрациями и орнаментом XII в.

Издано Л. Стояновичем в 1897 (Белград).

2) Вуканово (Волканово) ев., начало XIII в.

Описание его см. в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, 1893, кн. 4.

3) Шишатовачкий апостол 1324 г.

Издан Фр. Миклошичем, Вена, 1853 (Apostolus e codice monasterii Sissatovac palaeoslovenice).

Палеографическое обозрение памятников сербской письменности см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Птгр. 1915 г.

Главнейшие языковые черты сербо-хорватских памятников:

1) ъу вместо ж, в вместо л.

2) Один гласный „глухой“ вместо давних њ, ѣ. В кириллических сербских рукописях обычно употребляется ѣ: дѣска, сѣнь, дѣнь. Так и в глаголических сербо-хорватских рукописях. Но некоторые писцы пользовались одним знаком њ. Так в Гршковичевом отрывке апостола.

3) Гласный у (ѡу) вместо въ, въ в начале слова перед слогом с гласным полного образования: ѡвѣки (Миросл. ев.), ѡудовица, ѡузгласите, ѡуста вм. вѣста (Волкан. ев.).

4) и вместо ты — ѡкрнѣ, ти вм. ты, послазель (Миросл. ев.), ви вм. ты, благобразни и др. (Волкан. ев.).

5) Обобщение окончания в именных и местоименных формах с твердым и с мягким согласным перед окончанием, — обобщение по формам с мягким согласным. В формах родит. пад. ед. ч. и именит. — винит. пад. множ. ч. женского рода на а окончанием был гласный в, представлявший собою фонетическую замену более раннего гласного л: зѡмл'в (вм. зѡмл'л), все (вм. вьса) и т. п. С окончанием в стали образовывать и формы с твердым согласным. Такие формы отразились уже в Мирославовом ев.: на моуке все дѣкы те.

§ 33. Писали на старославянском языке также у славян Паннонии, в области князя Коцеля (правил с 860 или 861 до 874 г.). Он с радостью принял Константина, Мефодия и их учеников, направлявшихся в Рим, и дал 50 человек обучить славянскому письму. В Паннонии действовал некоторое время Мефодий по возвращении из Рима. В Паннонии жили тогда славяне, составлявшие со славянами Каринтии, Штирии, Крайны одну языковую группу — словинскую (словенскую). Но памятники словинские, которые были бы написаны на основе старославянского языка, не дошли до нас. Сохранившиеся три словинских текста в Фрейзингенской латинской рукописи конца X — начала XI в. не находились в связи с языком старославянских памятников. Эти словинские тексты называются Фрейзингенскими отрывками по месту

прежнего нахождения рукописи, — в баварском городе Фрейзингене.

Издание Фрейзингенских текстов: W. Vondrák, Frisinské památky, Praha, 1896.

§ 34. К восточным славянам памятники старославянской письменности занесены с юга, из областей болгарских. Вместе с рукописями прибывали и учителя — славяне из Болгарии. Политические обстоятельства благоприятствовали появлению болгарских книжников на Руси. То было время, когда восточные области Болгарии утратили государственную независимость и вошли в состав Византии (с 972 г. до 80-х годов XII в.). Под руководством болгарских писателей и переводчиков готовились первые книжные люди у восточных славян. Уже в ранний период восточнославянской письменности их было немало на Руси. В летописи под 6545 г. (1037 г.) сообщено, что Ярослав „свѣра писецъ многы и прѣкладаше ѿ грекъ на словѣнское письмо, и списаша книги многы“.

Рукописи, принесенные с юга на славянский восток, были писаны кириллицей. Черты языка старославянских оригиналов, которыми пользовались восточнославянские книжники, указывают на восточноболгарские области. Знали русские книжники и глаголическое письмо; они иногда списывали свои рукописи кириллицей с глаголических оригиналов или вносили некоторые слова в глаголической передаче; иногда применяли глаголицу в качестве тайнописи. См. выше в отделе об азбуках. Но следует полагать, что среди книжников, действовавших на Руси, были славяне не только из восточной Болгарии, но и из юго-западной (из Македонии). Со слов книжников из юго-западных болгарских областей усвоили русские книжные люди произношение буквы *ѣ* как *шч*: *сѣща* читали как *сѣшча* (на востоке Болгарии *ѣ* = *шт*). На произношение буквы *ѣ* как *шч* указывают написания с *шт*, встречающиеся в некоторых восточнославянских памятниках XI—XII вв.: *отѣшча* и др. От этих же лиц русские книжники узнали, что буквы *ѣ*, *ь* в старославянских текстах надлежало произносить как *о*, *е* (на востоке Болгарии были тогда вместо утраченных *ѣ*, *ь* гласные *ѣ*, *е*; у русских особые гласные *ѣ*, *ь* в X—XI вв. еще не совпадали в определенных условиях с *о*, *е*).

Язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся

русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой русской речи.

Было высказано и иное мнение [акад. С. П. Обнорским. *Ред.*] о давней основе языка древнерусской письменности, — мнение, основанное на изучении языка Русской Правды, первоначальная письменная редакция которой относится к XI в., ко времени Ярослава I (он умер в 1054 году). Многочисленные элементы русского языка, отразившиеся в языке этого юридического памятника, дали основание некоторым лингвистам [т. е. акад. С. П. Обнорскому. *Ред.*] для такого утверждения: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры, представлявший собою цельно элементы живой русской речи; это была речь, которой пользовались восточные славяне на севере, в Новгородской области; в этом языке не было заимствований южнославянских, но были заимствования более ранние, шедшие в севернорусскую среду с запада, из мира северогерманского (скандинавского). Мы не можем принять таких утверждений. Все данные, на которых основываются они, представляют иное значение, как показано это нами в отдельной работе (см. в отделе библиографии).¹

¹ Точка зрения А. М. Селищева, не совпадавшая с взглядами С. П. Обнорского, была изложена им в специальной работе („О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка“), оставшейся неопубликованной (*Ред.*).

Ѣ · А · СТОПОСТА · ВЪНЕ

ИЖЕБЗІВАЮТЬПА · СТО

МКА · ФЕОДОРА · ЕВА ·

ОТЪМАРКА · ГЛА · КД ·

ВЪВРЕШЛО

НО · ХОЖДА

ЛШЕНІСЪ

СВОТЪ

СВОЗЪ

СЪАННІА

ИНАУАШАОУ

УНИЦІНКО ·

Памятники восточнославянские XI—XII вв. многочисленны. Отметим некоторые из них.

1. Остромиров кодекс—евангелие 1057 г., писанное в Новгороде для посадника Остромира.

Памятник писан двумя писцами. По почерку рукопись разделяется на такие части: 1—24 об. и 25—289. Первый писец последовательно отступал от старославянского оригинала в передаче сочетаний редуцированных с плавными между согласными: он писал ъ, ь перед р, л: скъръь, мъртъь. Второй писец чаще пишет по-старославянски: скръьь, мрътъь; у него, как в старославянском оригинале, ъ а не и в передаче именит. пад. ед. числа имен на 'а: капъь. Хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Издавалось трижды: А. Х. Востоковым в 1843 г., и фотолитографически Савиновым в Пб. в 1883 и в 1889. гг. Снимки даны в альбоме Н. М. Каринского „Образцы письма древнейшего периода истории русской книги“, Л. 1925.

О языке и письме этого памятника см. статью В. Н. Щепкина и А. А. Шахматова в приложении к переводу пособия по старославянскому языку А. Лескина (*Handbuch der altbulgarischen Sprache*): „Грамматика старославянского языка“, М. 1890. См. также: большую статью М. М. Козловского „Исследование о языке Остромирова евангелия“, Пб. 1885 (в „Исследованиях по русск. языку“. I Изд. Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук. Пб. 1885—1895); замечания Ф. Ф. Фортунатова, „Состав Остромирова ев.“, Пб. 1908. (Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, II, Пб. 1908); 2 статьи Н. М. Каринского „Остромирово евангелие, как памятник русского языка“ („Журнал Мин. нар. пр.“, 1903 г., № 5) и „Письмо Остромиров. ев.“ (Сборник Петербургской библиотеки, 1920).

2. Архангельское евангелие конца XI в. Рукопись найдена была в Архангельской губернии во время перекладки печи в крестьянской избе. Хранится в Публ. библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (б. б-ка Румянцевского музея).

Издан памятник в снимках с помощью трехцветной фотоцинографии. М. 1912. Некоторые замечания о языке см. в статье Е. Ф. Карского („Русск. Филолог. Вестник“, т. 69, 1913). Подробное описание этого памятника дано в большой работе М. А. Соколовой „К истории русского языка в XI веке“ (Известия по русск. яз. и слов., III, кн. I, 1930.).

3. Минеи служебные 1095—1097 г. Хранятся в Типографской библиотеке в Москве.

Изданы В. Ягичем в 1886, Пб. Статьи об этом памятнике: 1) С. П. Обнорского в „Известиях Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 29;

2) Комарович, там же, т. 30; 3) Корнеевой-Петрулан в „Русском Филолог. Вестнике“, тт. 75, 76, 78.

4. Чудовская псалтырь, XI в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издана в „Памятниках старославянского языка“, III, вып. I, Пб. 1910. Работы о ней: 1) С. П. Обнорского „К истории глухих в Чудов. пс.“, „Русск. Филолог. Вестник“, т. 68, кн. 2, 2) В. Погорелова: а) „Словарь к толкованиям Феодорита Киррского“, Варшава, 1910, б) „Толкование Феодорита Киррского“, Варшава, 1910.

5. Евгениевская псалтырь, XI в. Хранится в Ленингр. Публ. б-ке.

Издана И. И. Срезневским в его „Древних памятниках русского письма и языка“, Пб. 1863, 2-е издание Пб. 1882.

См. замечания И. Курца в журн. „Slavia“, XII, 217—222. См. также статью Гринковой об этом памятнике в „Известиях Отдел. русск. яз.“, т. XXIX.

6. Изборник (Сборник) Святославов, 1073 г. Памятник был списан для князя Святослава Ярославича со сборника, переведенного с греческого для болгарского царя Симеона. Основная часть этого Изборника писана двумя писцами. Один из них написал 1—86 листы и 264—265^{об}. Другому писцу принадлежали листы 86—263^{об}. Из орфографических приемов писцов этого памятника отметим букву ы (см. в отделе о славянских азбуках); буквой ы он почти не пользовался. Второй писец пользовался буквой ы в конце строки. В других случаях он писал ы. И еще одну укажем. Первый писец пользуется буквой ж в значении не только ѳу, но и ю. Хранится в Московском Историческом музее.

Издан Обществом любителей древней письменности, Пб. 1880 г. Поправки сделаны были А. А. Шахматовым („Archiv für slav. Philologie“, VI, 1881).

7. Изборник (Сборник) Святославов, 1076 г. Хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Снимки см. в „Образцах письма...“ Каринского, 1925.

8. Новгородские или Куприяновские отрывки— 2 пергаментных листа большого формата, XI в. По содержанию— евангельские чтения. Принадлежали эти листы некогда Новгородскому Софийскому собору, а позднее археологу Куприянову, от которого они поступили в Публичную библиотеку в Петербурге в 1865 г.

Последнее издание и замечания о языке в работе Ф. В. Каминского, „Отрывки евангельских чтений XI в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими)“, в „Известиях Отдел. русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. XXVIII, 1923. Черты восточнославянские отразились очень слабо.

9. Слуцкий отрывок апостола, XI в., тоже с немногими восточнославянскими чертами.

Был издан: 1) И. И. Срезневским, Древние славянские памятники юсового письма, № 2, Пб. 1862; 2) Ягичем (V. Jagić), Specimina Linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. Пб. 1882.

10. Синайский патерик, или Луг духовный (Λεῖψωφ τρυφατῆς), или Лимонарь (Λεῖψωφάριου) Иоанна Мосхова, рукопись XI или первой половины XII в. (Московский Историч. музей).

Небольшая часть издана И. И. Срезневским в его „Сведениях и заметках о неизвестных и малоизвестных памятниках“. Пб. 1880. Снимки см. в „Образцах“ Каринского.

11. Слова Кирилла Иерусалимского XI или первой половины XII в. (Московский Исторический музей).

Описание сделано Горским и Невоструевым в их „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“ (II, часть 2-я, М. 1859, № 114, стр. 44—62).

12. 13 Слов Григория Богослова. Рукопись хранится в Ленинградской Публичной библиотеке. Списаны были эти Слова с глаголического старославянского оригинала. Следы этого оригинала отражаются в том, что в тексте встречаются глаголические буквы, а также в том, что смешиваются ѡ и ѡ (в глаголице один знак ѡ, в кириллице ѡ, ѡ).

Издан памятник А. С. Будиловичем: „XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1875. Тому же лицу принадлежит и исследование (весьма слабое) языка этого памятника: „Исследование о языке XIII слов Григория Богослова“. Пб. 1871.

13. Алфавитарь (грнвеса. алфавитарь) — славянский перевод греческого акростиха. Перевод был сделан в Болгарии. Русский список относится к XI в. Хранится в Историческом музее в Москве (в рукописи № 30 собрания Синодальной библиотеки) — грнвеса в значении греческого слова στίχοι, алфавитарь в значении ἀκροστιχίς (стихотворение, крайние буквы в письменной передаче которого составляют слово; ἄκρος — „крайний“, „верхний“).

Н. М. Каринский, Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. („Известия по русск. языку и словесности“ Академии наук СССР, III, кн. 1, 1930, 259—268). Снимок находится в сборнике Н. М. Каринского, „Образцы письма древнейшего периода истории русской письменности“, Л. 1925, № 30.

14. Галицкое евангелие 1144 года. Листы 1—228 писаны в Галиче в 1144 г. Прочие 32 листа писаны там же, но позднее, в XII—XIII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Первые 228 листов издал Амфилохий в 1882—1883 гг. в двух томах („Четвероевангелие Галицкое 1144 г., сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями, с греческим еванг. текстом...“).

Снимки: 1) Савва, Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей. М. 1863.

2) Материалы для истории письмен. М. 1855.

Описания: 1) И. В. Ягич, Четыре критико-палеографические статьи. (Приложение к Отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г., Пб. 1884, стр. 74—102.)

2) Он же, Критические заметки по истории русского языка. Пб. 1889. (Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Академии наук, т. 46.)

3) Le-Juge, Das galizische Tetraevangelium vom J. 1144. Leipzig, 1897.

15. Церковный устав (типик — *типѣвъ*) студийский, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Отрывки изданы Горским и Невоструевым в „Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки“, III, I. М. 1869, № 380, стр. 230—270, а также Лисицыным в его книге „Первоначальный славяно-русский типикон“. С приложением 45 фототипических снимков. Пб. 1911.

16. Ефремовская кормчая, XII в. Хранится в Московском Историческом музее.

Издание: В. Н. Бенешевич, Кормчая XIV титулов. Пб. 1906. (Славянский текст издан параллельно с греческим.)

Описание языка памятника: С. П. Обнорский. Язык Ефремовской кормчей XII в. Пб. 1912 („Исследования по русск. яз.“, III, I).

17. Успенский сборник, XII в. (в Московском Историческом музее). Рукопись содержит жития, слова и поучения. В состав этого сборника вошли между прочим две русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского. Изучение этих статей с прочими, списанными с южнославянских оригиналов, имеет важное значение для представления о русском правописании XII в.

Издание: А. А. Шахматов и П. А. Лавров, Сборник XII в. Московского Успенского собора. Вып. I. М. 1899. („Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1899 г.).

О языке: 1) И. Попова, Паннонское житие Мефодия („Русск. Филолог. Вестник“, LXIX, LXX).

2) А. Лукьяненко, О языке Несторова жития Феодосия Печерского („Русск. Филолог. Вестник“, LVIII, I).

Обозрение других древнейших памятников восточнославянской письменности см. в следующих трудах:

1) Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л. 1928.

2) Н. Волков, Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. Пб. 1897.

3) Н. К. Никольский, Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Пб. 1906.

О русском переводном деле при Ярославе и о переводах см. в следующих работах:

1) В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы Киевского периода. Пгр. 1922.

2) Он же, Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. II. Пгр. 1922.

3) А. И. Соболевский, Особенности русских переводов домонгольского периода („Сборник Отделения русск. яз. и слов. Ак. наук“, т. 88, Пб. 1910).

О языке Русской Правды в связи с вопросом об основе древнерусского литературного языка:

1) Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л. 1930. (Введение к изданию текста.)

2) С. П. Обнорский, Русская Правда как памятник русского литературного языка („Известия Академии наук“, 1934. Отделение общественных наук). [См. также книгу акад. С. П. Обнорского „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“. 1946].

3) А. Селищев, О языке Русской Правды в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка.

О южнославянских элементах в русском литературном языке см. в книгах:

1) С. К. Булич, Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. I. Пб. 1893. См. рецензию Е. Ф. Будде в „Ученых записках Казанского университета“, 1894 г.

2) А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. Л. 1925. 3-е изд., Л. 1941. Глава I. 60—90.

Главнейшие черты языка русских памятников письменности.

1) оу вместо ж.

я вместо д.

2) ър, ѡр, ѣл (со слоговыми ѣ, ѡ) в соответствии старославянским рь, рь, лъ, ль между согласными.

скъръбь (ст.-сл. скръбь), зръно (ст.-сл. зрьно), вълкъ (ст.-сл. вльнъ).

Нередко встречается в русских рукописях XI в. графическая комбинация старославянских написаний с рь, рь, лъ с русскими ѡр, ѡр, ѣл, — комбинация в виде ѡръ, ѡрь, ѡръ, ѣлъ; скъръбь, съмърътъ, зръно, испърьва, пьръстѣ, напѣльница, тѣлъцѣте и др. в Остромир. ев.; къръминтѣ, пьръвѣщѣ, дьръзостѣ, испѣльница и др. в Минея 1095 г.

3) ро-, ло- в начале слова перед согласными вместо давних *or-, ol-*, имевших некогда нисходящую интонацию. В старославянском языке, как и в других южных языках, было в этих случаях ра-, ла-. Немногие слова по диалектам славян Болгарии представляли ро-, ло-. Др.-русск.: рѡботати, рѡзвѡинники, рѡзоумъ, рѡзоумати, рѡзлущь, лодня, локътѣ и др. в Сборн. Святосл. 1073 г.; рѡжьжѡннѣ, рѡстѣше в Минеях 1095—1097 гг.; локътѣ, въ лодью в Галицком ев. 1144 г.; рѡвж (винит. пад. ед. ч. женск. р.), рѡбота, рѡздвѣгъ, рѡстыпа, локѣтию в Синайском патерике и др.

4) ж вместо давнего dj (в ст.-сл. жд), ч вместо давних tj и kt' (gt') (в ст.-сл. щ — шт).— ж: прихѡжж, прѣже, рѡжѡнѣ (Остром. ев.); жажѡ, прѣжѡ, рѡжѡннѣ (Сб. Святосл. 1073 г.); дѣжъ, вѣжъ (XIII Слов Григ. Богосл.) и др.

ч: хоучю, хоуѣши, уюжѣхъ, каучѣслава, възлѣчи, нарѣчи са, поучъ (Арх. ев.), придоучѡ, уюжѡ, тѣпѣующа (Минея 1095, 1096 гг.), хоуѣши, хоуѣмъ, обѣуъ, дѣуѣкж, шьпѣующа (Син. патер.) и др.

Иногда русский писец подставлял согласный ч вместо старославянского щ и в такие слова, в которых щ был иного происхождения, и ему соответствовал в русском языке не ч, а шч (вместо давних stj, skj, sk'). Так, в Архангельском ев. находится ѡпоуѡати вм. ст.-сл. ѡпоуѡати (в русском глагол пушчатѣ).

5) ро, ѡр, ѡло в соответствии старославянским ра, рѣ, ла, ль: перегънжѣ (Остром. ев.), вѡредитѣ, уѡреплѣ, полонъ (ст.-сл. пльнъ), полоньникъ, порѡсѣте (Сб. Свят. 1073 г.), по верѡгоу, ѡумѡрѣти, вѡрема, жѡрѡвѣ (Арх. ев.), посѡредѣ, уѡрѣко, ѡрѡвѣ, золѡтѣ (Минея, 1095—1097 гг.), ѡумѡрѣти, полѡвелѣтѣ (ст.-сл. пльвелѣтѣ), исполѡкмѣ (Матф., XIII), солѡна (Галицк. ев. 1144 г.) и др.

Под влиянием старославянских слов с *ra, ra, la, la*, т. е. сочетаний с гласным после плавного, русские писцы иногда изменяют на письме (не в речи) восточнославянские *oro, oro, olo* в *ro, ro, lo*: *сломена* вм. *соломена* (Сб. Свят. 1073 г.), *възвроченна* (Слова Кирилла Иерус.), *злотьникъ, вроты, поелотн, плонннн* (Син. патерик) и др.

Иногда русское *оло* переделывалось в старославянское *ла* в таких словах, в которых не было *ла*, а было *ля*. Так, русское *полонъ* писец XIII Слов Григория Богослова заменил несуществовавшим старославянским *планъ* (ст.-сл. *пльнъ*).

6) *o* в начале слова вместо давнего *je* — *озвро* (Минея 1097 г.), *одинъ, одного* (Арх. ев.), *одиною, одна* (Мстислав. ев.), *осень* в передаче греческого слова *осевъ* (Слова Кирилла Иерус.).

7) Многие древнерусские памятники характеризует сравнительно со старославянскими звуковой вид имени „человек“; в старославянских текстах это слово передано без гласного после *ч* — *чловекъ*; в древнерусских же памятниках это имя передано с гласным *о*: *человекъ, человкътъскн*. Так, например, в Сборнике Святосл. 1073 г. (*человекъ-, чловекъ*), Минея 1095—1096 гг., Галицкое ев. 1144 г., Ефремовская кормчая XII в., житие Феодосия в Успенском сборн. XII в. и др.

И еще одно слово, характерное в его звуковом виде, отметим в древнерусских памятниках: *серебро, серебръникъ* в соответствии старославянским *сърebro, сърeбръникъ*.

8) *ъ* в окончании формы родит. пад. ед. ч. и именит.-вин. пад. множ. ч. имен и местоимений на *'а* (после мягкого согласного: *капъ*) и в винит. пад. мн. ч. имен мужск. рода на *'ь* (*кон'ь*) в соответствии старославянскому окончанию *а* — *тронъ, словъ, отъ н'въ* (Сб. Свят. 1073 г.), *земля, коуръ, дъвнцъ* (Минея 1095—1096 гг.), *недъль, вуфинъ, наюуъ* — вин. пад. множ. ч. (Арх. ев.), *п'тицъ* — винит. пад. множ., ч., *отъ конъ зи'ръннн, отъ земля, словъ овъца* (Мстисл. ев.), *коъ* — винит. пад. множ. ч. (Галицк. ев.) и др.

9) *ь* в форме творит. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода основ на *-и* и на *-о*: *сынъь, гнъьь, возъь, мьстьь* (в ст.-сл. — *сынъь, но возомъ, мьстомъ*).

10) В дательном и местном пад. единств. ч. личных местоимений, 2 л. и возвратного, гласный *о* в корне: *тоба, соба*. Так в древнерусских памятниках XI—XII и последующих веков.

11) *ть* в форме 3 л. единств. и множ. числа в соответствии старославянскому *-тъ*: *несеть, несоуъ, хвалать* — *хвалать*.

§ 35. Памятники, писавшиеся в болгарских областях в XII—XIV вв., представляют группу среднеболгарских руникописей. Они отражают черты таких языковых процессов, которых не было в X—XI вв. Из ранних среднеболгарских памятников отметим следующие:

1. Добромирово евангелие, XII в. Хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Его описание дано В. Ягичем (в изд. „Sitzungsberichte der Akademie der Wissensch. philos.-hist. Klasse“. Bd. 138, 140. Wien, 1898, 1899).

2. Охридский апостол конца XII в. Хранится в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Среди кириллического текста вписаны отдельные слова и целые строчки глаголицей.

3. Болонская псалтырь. Начало XIII в. Хранится в Болонье. Издан В. Ягичем (Psalterium Boloniense. Вена, 1907).

Палеографическое и лингвистическое исследование представляет диссертация В. Н. Щепкина: „Болонская псалтырь“, Пб. 1906. Это — лучшее из всех работ, относящихся к лингвистическому изучению памятников славянской письменности.

4. Битольская триодь, XIII в. Найдена в районе западномакедонского города Битоли. Хранится в библиотеке Софийского университета. Среди кириллического текста встречаются слова и целые строчки глаголические.

Отрывки напечатаны в книге Йорд. Иванова, „Български старини из Македония“, София, 1908, стр. 87—104, 2-е изд., София, 1931, стр. 452—467.

5. Добрейшево евангелие. Названо так по упоминанию попа Добрейша, изображенного на л. 72. XIII в. 127 листов хранятся в Софийской Народной библиотеке, 49 листов в Белградской Народной библиотеке. Имеются заставки и миниатюры.

Описан и издан Б. Цоневым в 1 книге серии „Български Старини“, София, 1906.

6. Боянское евангелие, найденное В. И. Григоровичем в с. Бояна в районе Софии. XIII в. Палимпсест: написан кириллицей по пергаменту, с которого смыто, хотя и не повсюду чисто, глаголическое письмо. Хранится в Москве, в Ленинской библиотеке.

7. Тырновское евангелие, XIII в. Хранится в библиотеке Ак. наук в Загребе.

Описание сделано Валявцем в изд. „Starine“, XX, XXI, Zagreb, 1889.

8. Перевод византийской летописи Манасии, переведенной в восточной Болгарии в XIV в. Один список хранится в библиотеке Исторического музея в Москве. Некоторые замечания о правописании памятника в книге Елиярского „О среднеболгарском вокализме“, изд. 2-е, Пб. 1858. Другой список, с дополнениями из болгарской истории, с рядом миниатюр, находится в Риме, в библиотеке Ватикана. Весьма важен в лингвистическом отношении присоединенный к летописи Манасии народный средневековый рассказ о Троянской войне. Этот рассказ издан был Фр. Миклошичем в III книге загребского издания „Starine“.

Ватиканский сборник издал также проф. И. Богдан: „Cronica lui Cost. Manases. Text și glosar de Ivan Bogdan“. București, 1932.

Среднеболгарских рукописей много дошло до нас.

Их обозрение см. в книге П. А. Лаврова: „Палеографическое обозрение кирилловского письма“. Пгр. 1915. (В этой книге и в приложенном к ней „Альбоме“ находится много снимков.) См. также I том книги Б. Цончева: „История на българский език“, София, 1919.

Одной из характерных черт среднеболгарских памятников является „смешение“ ж и а.

1) После ш, ж, шт, жд, ј, а также и некоторых других согласных пишут ж вместо а: шжтати, жжтва, жжзыи и др. вм. шатати, жатва, азыи...

2) После мягких н', л', р', мягких губных пишут а вм. ж: хрлн'а, твор'а, вол'а, съп'а, вм. хрлн'ж, твор'ж, вол'ж, съп'ж (ст.-сл. съп'л'ж).

Из форм отметим обобщение во множ. числе окончания имперфекта для форм аориста. Например, 3 л. мн. ч.: боложнж, пръврзтиж, с -ж, как и в имперфекте.

В эту эпоху происходили весьма значительные изменения в системе фонетической и синтаксической, — изменения, результаты которых представляет современный болгарский язык.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.

§ 36. Изучение памятников старославянского языка обнаруживает, что в славянском языке, которым пользовались первые переводчики в применении его к переводам греческих текстов, находились такие звуки, какие показаны ниже.

1. Гласные полного образования:

Задний ряд: а, о, оу, ж

Средний ряд: ы, [ǎ], [ю], [ш]

Передний ряд: е, ъ, и, ѧ, [ю, у], [ш].

2. Гласные неполного образования:

ъ, ь

ы, и

Задненебные: к, г, х

Палатальные и палатализованные (мягкие):

і (j), н', л', р', т, ш, ж, ц, з (s), с (с'), ч, жд; к', г', х';

Небнозубные: н, т, ѧ, с, з;

Междузубной: [о];

Губные: м, п, в, в, ф;

Плавные: р, р', л, л'.

Знаками, поставленными в прямые скобки [], отмечены гласные среднего и переднего ряда, фонетически обусловленные, произносившиеся вместо гласных заднего ряда при нахождении их после палатальных согласных: вол'ѧ = вол'ǎ или вол'ǎ (волъ); хран'ш = хран'ш или хран'ш; ѡдоу = čidu или čidu и т. п.

В прямые скобки поставлены и знаки тех звуков, которые были перенесены из греческой фонетической системы и находились в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и вводивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей ѡ: в речи одних — ѡ, в речи других і, и (оу). Так было и с передачей ѡ: • — в речи одних, т — в речи других.

Не заключаем в прямые скобки ф, который был усвоен многими славянскими книжниками. О передаче ѡ, ѡ и 'ф см. также ниже.

ы (ън). Из этих начертаний, из комбинации знаков ѡ и і или и невозможно заключить, что гласный ы произносился дифтонги-

чески: њ†і. Это был монофтонг среднего ряда, с высоким подъемом языка. Такой гласный передавали нередко в письме сочетанием двух букв, из которых второю была і, указывавшая на высокий подъем языка. Первою же буквой служила буква u (в латинском письме). Так, напр., передан этот гласный в древнейшем памятнике словинского языка, в Фрейзингенских отрывках (X—XI вв.): *buiti* вм. *byti*, *muī* вм. *my*. Так передано њ и в чешских словах, находящихся в латинских документах XII—XIII вв.: *Vuitsov* вм. *Vydzov*, *Buistrice* вм. *Bystrice*. Выбор на букву u пал потому, что после губного согласного гласный њ писавшие произносили с некоторой лабиализацией. На монофтонгичность њ указывает фонетика славянских языков, имеющих этот гласный, — фонетика русского и польского языков, судьба этого гласного в истории славянских языков, его происхождение и изменение (см. в дальнейших отделах), а также и то, что этим гласным в старославянских памятниках передан иногда греческий монофтонг і после твердого согласного (тп): *пъсалъгыр'ь* — греч. *φαλτήριον*; *монастыр'ь* — греч. *μοναστήριον*; *Давыдъ* — *Δαυῖδ*, *магдалыи'и* — гр. *Μαγδαληνή* (Сборн. Клоца). Константин взял первую буквой знак для редуцированного њ (ϋ), — взял удачно: њ перед и (і) имел образование, похожее на ы. Комбинация же двух букв для передачи одного гласного применялась в греческом письме и отразилась на славянском: греч. *ου* — слав. *Ѣ* — *ѣу*.

В Супрасльской рукописи (во 2-м почерке), в Зографских отрывках, в Македонском листке в состав знака для гласного њ входил знак ѡ в сочетании с і: ѡі. Так и в некоторых древнерусских рукописях: в Сборнике Святослава 1073 г. (часто), в Словах Кирилла Иерусалимского и в некоторых других.

Гласный і был в слоговом и неслоговом значении. В качестве неслогового і он не был категорически отграничен от j. Неслоговой і или согласный j был перед гласным: *имѣ*, *квѣти*, *взѣро*, *моѣ*, *моѡ*, *рѣкоѡ*, *юѡтъ*, *строѡю* (род. — местн. п. двойств. числа).

ѣ, глаголич. ѣ. Это — гласный â после мягкого согласного.

ѵ (у), глаголич. В. Эта буква употреблялась в передаче греческих слов с ѵ. Произносился же греческий ѵ не одинаково славянскими переводчиками и писателями: одни подставляли гласный славянской фонетики — у (и) после твердого согласного; другие — у или ѣ (ü) после мягкого согласного. Напр., *Δύοπος*

передавался таким образом: *сгвѣта* — род. ед., *сгвѣтъ* (Маринин.); *сг'вп'тъ*, *сг'оуп'тъ*; *сг'юп'тъ*, *сгѣта*; *тоуръ* — *τόρος* (Син. пс.); *сгвѣтъ*, *сг'оуп'тъ* (Супр. рук.). На значение **Ѣ** (*у*) как гласного лабиализованного указывает также применение этой буквы для *ю* в славянском слове *ѡтро* при *ѡтро* и обычно *ѡтро* (Маринин.).

О том, что *у* (*у*) многие славянские писцы на юге читали как *ю* или *ѡу*, свидетельствуют не только варианты написаний с *ю* (*оу*), но и дальнейший результат изменения некоторых слов с *у* (*у*). Так, в той рукописи, которой пользовался писец сербского Мирославова ев., находилось слово *соукоморнѣ* или *соукоморнѣ* (*сукоморнѣ*). Так и в Марининском ев.: *сукоморнѣ*. Это — передача греческого слова *σχομορέα* — „смоковница“. Писец же Мирославова ев. сблизил это слово со славянскими *соухо*, *мор'в* и написал *соухоморнѣ*.

В Супрасльской рукописи, в памятнике со многими новыми чертами в языке и в письме, применяется иногда буква *у* (*у*) в значении *ѡу*. То же явление отражается и в последующих южнославянских рукописях, например, в македонско-болгарском Охридском апостоле, в южносербском Мирославовом ев. Так и в русских рукописях.

Следует полагать, что устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком **Ѣ** (*у, у*) передавали гласный *у* (*и*), соответствовавший греческому *υ* в его архаическом, книжном произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством *у* (*ѡу*) после мягкого или после твердого согласного.

Рано отражалось и иное произношение *υ* и славянского **Ѣ** (*у, у*): как *і*. Так произносился *υ* и по греческим говорам в IX—X вв. Ср. указанный выше пример из Син. пс.: *сгѣта*. Другие примеры: *газофоуликнѣ* (Зограф.), *газофилакнѣ* (Маринин.) — греч. *γαζοφολάχιον* („денежный ящик“); *ѡпокрѣтъ*, *ипокрѣтъ* — греч. *ὀποκρητής* (перевод: *лицемѣръ*, *лицедѣи*); *мѡро*, *мѡро* — греч. *μόρον*.

Редуцированные *ъ*, *и*. Такие гласные находились в определенном фонетическом условии: перед *ј* (или *і*) и перед *і*: *крьѣтъ*, *кнѣтъ*, *дѡбрън*, *кол'нн*, *кынстнѣ*.

к', *г'*, *х'*. Мягкие *к'*, *г'*, *х'* находились в заимствованных словах: *к'ѡдръ* — греч. *κέδρος*; *к'ѡсар'ъ* — греч. *καΐσαρ*; *лѡг'ѡнъ* — греч. *λεγεών*; *нг'ѡмонъ* — греч. *ἡγεμών*; *г'вннсарѡт(ъскъ)* — *Γεννησαρέτ*; *параск'вѣг'нн* — народно-греч. *παρασκευή*; *зак'хъ* (Зогр.); *рах'нѣ* (Супр. рук.); *хитѡнъ* — греч. *χιτών*; *ѡхидънѣ* — греч. *ἔχιδνα* („змея“).

з (s). Знак з употребляется для передачи аффрикаты dz в листках Ундольского, Хиландарских и Зографских. В глаголических рукописях для этого служил знак ѝ. Так в Син. пс., в Ассеман. При транскрибировании глаголического текста буквами кириллицы принято пользоваться буквой з („азъло“ — „зъло“). Как раньше было отмечено в отделе об азбуках, в кириллических памятниках з употреблялось только в цифровом значении: „б“. В памятниках позднейших, среднеболгарских (с XII в.) з применялось не только в таком значении („б“), но и для передачи аффрикаты dz. Так, напр., в Слепенском апостоле. Но пользовались и знаком з. Напр. в Болонской псалтыри.

ф. ф — новый согласный в звуковом составе славянской речи. В старославянском языке он находится в передаче греческих слов с φ: финикъ — φοίνιξ, фарисеи — φαρισαῖος, филиппъ — Φίλιππος, гнафен — γναφεός („белильщик“). Несомненно, в языке кирилло-мефодиевских переводов был этот согласный. Но в языке переводов более позднего времени этот согласный передавался иногда ближе к языковой славянской системе, — посредством п: пиникъъ (Син. пс.) — φοίνιξ. Изредка писали старославянские книжники ф вместо п в заимствованных словах: скоръфини, скоръфина, скоръфина — обычно скоръпини, скоръпина — греч. σχορπίος; фатронни (Синайск. требн.) — πετρονни; осефомъ — творит. ед. — греч. ὀσώπω (именит. ὀσώπος — название одного из душистых растений, др.-еврейск. ezob); фронитъ (Сб. Клоца) — греч. προφήτα — „пророк“, ср. ф для п и п для φ; форфура (Зограф.) — порфира — греч. πορφύρα — „пурпур“, „пурпуровая, дорогая одежда“. То же в древнесербском Мирославовом ев.: пинипъ и филифъ, филатъ = пилатъ и др. Славянские писцы в передаче греческих слов с φ нередко подставляли свой согласный л. Не зная правописания этих слов, они писали ф и там, где было в. Но, может быть, в некоторых случаях отражалось стремление писца к „правильному“ произношению заимствованного слова с ф. Обычное произношение этих слов с л вместо ф путало: произносили с особым, новым согласным ф и заимствованные слова с л.

ѵ — глаголич. ѵ. В славянский алфавит Константин ввел особый знак для передачи согласного, соответствовавшего греческому ѵ. Можно полагать, что это был междузубной согласный.

Такой согласный в передаче греческих слов с ѵ представляли греки, говоря по-славянски, а также некоторые близкие сотрудники Константина — славяне, хорошо знавшие греческий язык.

Отметим, как параллельное явление, спирант ϑ , а также δ в речи болгар, находящихся на юго-востоке Албании, в селах Бобошчица и Дреновяне (в районе Корчи): при сильном греческом воздействии эти болгары усвоили и греческие спиранты ϑ , δ в передаче греческих слов: $\vartheta\acute{\alpha}\gamma\omicron\varsigma$ („смелость, отвага“), $\vartheta\iota\gamma\iota\alpha$ („великан“) — греч. $\vartheta\eta\rho\iota\omicron\nu$ („дикий зверь“, „дикий человек, великан“); $\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\acute{\alpha}\iota$ („учитель“) — греч. $\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$ вместо $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$.

Но в обиходной славянской речи народной славянской среды Солуня имелись и более ранние заимствованные греческие слова с ϑ . В этих заимствованиях греческий согласный ϑ передавался не по-гречески, а заменялся согласным т (t). Так, например, передавали тамошние славяне глагол $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha\tau\iota\zeta\epsilon\iota\nu$ („проклинать“): $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha\tau\iota\zeta\epsilon\iota\tau\iota$. В старославянский язык могли войти некоторые из таких более ранних заимствований с т вместо ϑ . В ином словарном слое, в книжных словах, Константин, Мефодий и их ближайшие ученики представляли особый согласный, близкий к греческому ϑ : $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha$ — греч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\epsilon\mu\alpha$. Но уже рано в языке старославянских переводов слова с ϑ стали передаваться с т: $\text{Вар}\delta\omicron\lambda\omicron\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ — $\text{вар}\delta\omicron\lambda\omicron\mu\alpha\iota$; $\text{В}\eta\delta\alpha\nu\iota\alpha$ — $\text{вита}\nu\iota\alpha$; $\text{Тад}\delta\alpha\iota\omicron\varsigma$ — таден ; $\text{Том}\acute{\alpha}\varsigma$ — тома ; $\text{Мар}\delta\alpha$ — $\text{мар}\delta\alpha$ и др. Был и иной способ передачи греческого ϑ , — тот же, что служил и для передачи греческого φ — ϕ : $\text{сн}\tau(\text{о}\text{в}\acute{\alpha})$, $\text{сн}\phi(\text{о}\text{в}\acute{\alpha})$ (Зограф.) — $\Sigma\eta\theta$; $\text{вн}\tau\text{ь}\text{о}\text{л}\text{г}'\text{нн}\acute{\alpha}$, $\text{вн}\tau\text{ь}\text{ф}\text{л}\text{г}'\text{нн}\acute{\alpha}$ (Зограф.) — $\text{В}\eta\theta\varphi\alpha\gamma\eta$.

Была еще иная передача греческого ϑ : посредством з, как на это указывает экзарх Иоанн, болгарский писатель X в. Греческие слова $\rho\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\tau\acute{\alpha}$ $\epsilon\theta\nu\eta$ он транскрибировал таким образом: $\rho\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\tau\acute{\alpha}$ $\text{в}\text{з}\text{н}\text{н}$, а $\text{с}\text{л}\text{о}\text{в}\text{ь}\text{н}\text{ь}\text{с}\text{к}\text{ь}\text{м}$ $\text{в}\text{с}\text{н}$ $\text{н}\text{з}\text{ь}\text{ц}\text{н}$ („все народы“, из предисловия к переводу Иоанна Дамаскина). Но передавал и он греческий ϑ посредством т: $\text{тал}\acute{\alpha}\varsigma\alpha$ (греч. $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$) — $\text{мор}\epsilon$.

Греческий ϑ в славянской среде Болгарии передавался еще иначе: посредством х: пехер — „тесть“, пехера — „теща“ в передаче новогреческих $\text{п}\acute{\epsilon}\theta\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ (вм. $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$), $\text{п}\acute{\epsilon}\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$ (вм. $\text{п}\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}$). Так в говорах Солунского края. Но обычно греческие слова с ϑ переданы там, как и в других болгарских говорах, посредством т: $\text{п}\alpha\rho\alpha\tau\eta\rho$ — „окно“ — греч. $\text{п}\alpha\rho\alpha\theta\acute{\upsilon}\rho\iota$; $\text{т}\alpha\rho\omicron\varsigma$ — „смелость“ — греч. $\theta\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$; $\text{м}\alpha\tau\iota\mu\alpha$ — „учение“ — греч. $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$ и др.

Плавные ρ , λ в определенных сочетаниях (в словах) были слоговыми (носителями слога): $\text{в}\rho\text{ь}\text{к}\text{ь}$ ($\text{p}\rho\text{ь}\text{v}\text{ь}$), $\text{т}\text{в}\text{ь}\text{р}\text{ь}\text{д}\text{ь}$ ($\text{t}\nu\text{ь}\text{d}\text{ь}$), $\text{в}\text{ь}\text{л}\text{ь}\text{к}\text{ь}$ ($\text{v}\text{ь}\text{l}\text{ь}\text{k}\text{ь}$), $\text{с}\text{к}\text{ь}\text{р}\text{ь}\text{б}\text{ь}$ ($\text{s}\text{k}\text{ь}\text{r}\text{ь}\text{b}\text{ь}$).

Старославянские тексты не имеют знаков долготы и ударения, кроме не вполне ясных по их значению значков, находя-

щихся в Киевских листках. Но следует полагать, что старославянский язык, представлявший много черт древнейшего языкового славянского фонда, сохранял, с некоторыми изменениями, и давнее различие слогов в количественном отношении: одни слоги были краткими, другие — долгими. Ударение было подвижное и неодинаковое по интонации: в одних случаях интонация была нисходящая, в других повышающаяся, восходящая.

§ 37. На передаче новых (заимствованных) слов обнаруживаются следующие тенденции фонетической системы старославянского языка, — тенденции, восходящие к далекому прошлому.

1) Слог не оканчивается носовым согласным, плавным г, л и согласным в; для избежания закрытости слога происходит образование редуцированного гласного ъ, реже ь, после этих согласных, и таким образом согласный отходит к следующему слогу с ъ, ь: скандаль — σκάνδαλον („соблазн“); пелътиностн — πελτηνοστή; андръа — Ἀνδρέας; кнѣзь — κησος („подать подушная“); варьварь, оръганъ, каперънаоумъ — Καπερναούμ; скоръпнн — σκorpion (,скорпион“); маръка, роса ѣръмоунъ (Син. пс.) — роса ѣръмоунъска (Син. тр.), — τοῦ Αερμόυ; олътарь — αλτάρη, вместо лат. altare; мольхнвъ — τοῦ Μελχεΐ; парасквѣг’ни — παρασκευή; авъгоустъ — Αύγουστο; павъль — Παῦλος.

2) Подвергаются изменению группы согласных — те именно группы, которые, как показано будет ниже, издавна изменялись у славян: mp, np (tn), pt, ps, ts, kch, tl (dl). В давнее время эти сочетания согласных изменялись так, что утрачивалось образование для первого согласного: np → n, pt → t, ps → s, ts → s, kch → ch, tl → l. (Изменение tl, dl → l происходило не у всех славян, а только у предков восточных и южных славян). В славянской фонетической системе IX в., отражающейся теперь в старославянском языке, актуален иной способ избежания этих звуковых сочетаний: образуется вторичный гласный ъ (ь) между этими согласными: скумънъ — σκόμενος — „львёнок“; ехидъна, ехидъна — ἔχιδα („змея“); егнпътъ — Αἴγυπτος; пълсалътъ — φάλδος; пълсалътърь — φαλτήριον; витьсанда — Βηθσαΐδα; захъхон — Ζαχχαΐος; вавъхъ, вавъха — родит. ед. — Βαχχος; витьлевъмъ — Βηθλεέμ; титъль, титъль — τίτλος, лат. titulus („надпись“, „титул“).

Написание ъ, ь в этих случаях не представляет собою только графического явления: и в произношении этих слов были редуцированные гласные между указанными согласными. О фонети-

ческом значении написаний с ъ, ь свидетельствуют не только многочисленные примеры таких написаний, но и дальнейшая судьба этих сочетаний: в сильном положении обнаружилось в XI в. в болгарских областях замены этих ъ, ь такие же, как и давних ъ, ь: *сѹмѣн[ъ]* (сѹментъ — Син. пс.), *Павел[ъ]*, *сѹвет[ъ]*, *псалом[ъ]*.

Мягкие согласные *к'*, *г'*, *х'*, согласный *ѳ* — это новые черты славянской фонетики на юге. Возможно полагать, что они появились раньше в языке славян города, близких к греческой среде. В речи деревни такие согласные появились позднее.

Только в произношении таких книжных лиц, как Константин, Мефодий и близкие к ним ученики, был гласный *у* (у), соответствовавший греческому *υ*, и согласный *ѵ*, произносившийся не как *t* или *f*, а как междузубной спирант, в соответствии греческому *ϕ*.

§ 38. На основании изучения языка письменности южных, восточных и западных славян и на основании сравнительно-исторического изучения диалектов отдельных славянских групп можно представить главные черты отдельных славянских языков в ранний период их исторической жизни. Сравнение давнего звукового состава разных славянских языковых групп со звуковым составом старославянского языка обнаруживает одинаковые черты в этих фонетических системах, при немногих различиях.

Так, особенностью старославянского языка были *ѿ*, *ѿд* вместо ранних доисторических *tj* (*kt'*), *dj*: *сѿѿѿ*, *ноѿѿ*, *меѿѿю*. В других языковых группах были иные замены *tj* (*kt'*), *dj*: в западославянских языках (в чешском, словацком, лужицких, польском, кашубском, полабском) *s*, *dz* (или *z* вместо *dz*); у сербо-хорватов палатальные *t^š*, *d^ž* — с дальнейшим изменением, у словинцев *č*, *ž*, на востоке *č*, *ž*.

Не одинаково было образование *ě* (ѣ): у славян болгарских — *'ā*; такой же гласный находился и у славян на северо-западе, — у поляков, у поморян (предков кашубов), у полабян; у других славян *ě* был гласный закрытый: *ĕ*.

§ 39. В ближайшем отношении система старославянского языка, как и прочих языковых групп славян болгарских, находилась к языкам сербо-хорватскому и словинскому.

1) В старославянском языке были сочетания слоговых плавных с неслоговыми ъ, ь, которые произносились за плавными в таких сочетаниях, как: *скръѿь*, *трьдѿь*, *вльѿь*. Возможно полагать, что и в других южнославянских языках были такие же соче-

тания, возникновение которых могло находиться в связи с перестановкой в давних сочетаниях *og, eg, ol, el* между согласными: градъ, бръгъ, глава, мльво.

2) Удлинение гласного *o* ($\rightarrow a$) и перестановка в сочетании *og, ol* перед согласным в начале слова,—удлинение почти во всех случаях. 1) рло, лкати; 2) лднн, равньт, рлстн, равъ, лктьт. Но и: ровъ; в некоторых диалектах славян болгарских — *локъть*.

Особенностью тех славянских групп, которые легли в основу групп славян болгарских, было в этом отношении то, что, кроме указанного выше изменения, пережито было в некоторых словах иное изменение начального *ort-*; гласный удлинялся ($o \rightarrow \bar{a}$), но перестановки не произошло: после плавного развился редуцированный *ъ*: алъкати, алъднн. Тот же способ избежать окончания слога на *г, л, ш, п* отражался в славянских группах Болгарии и позднее, как отмечено было выше: олтарь и др.

В тех языковых группах, которые легли в основу языков восточнославянских и западнославянских, тоже происходила перестановка; но удлинение гласного *o* было не во всех словах: оно зависело от вида интонации, как подробнее отмечено будет ниже — *radlo* или *rao* (*rao* у вост. славян), *lakati*; но — *lodь* (*lodьka*), *govьpь*, *rosti*, *lokъть*, *govь*, *robota*.

3) Сочетания *pa, pa, la, la* между согласными вместо давних *og, eg, ol, el*: градъ, глава, врма, мльво, пльвоьт. То же явление издавна представляли две западнославянские группы, близкие к южнославянским: словацкая и чешская.

4) Издавна южнославянские группы представляли гласный *a* в окончании родит. ед. и винит.-именит. множ. имен на *a* после мягкого согласного (*вол'а, струм*) и в окончании винит. множ. мужск. рода с основой на *-o* после мягкого согласного (имена типа *мшь, кон'ь*): *вол'а, струм*; *мша, кон'а*. В прочих славянских языках в этих формах окончанием был гласный *ě* (*ъ*).

5) Издавна южнославянские языки имели в именах с основой на *-o* (*дворь, кон'ь, село*) форму творит. ед. с окончанием *-ѡ-мь, -в-мь* (*дворѡмь, кон'ѡмь*) и в именах с основой на (*й*) (*сынъ, домъ*)—с окончанием *-ъ-мь* (*сынъмь*).

В прочих языках форма творит. ед. в именах с давней основой на *-o* оканчивалась на *-ъ-мь* так же, как в основах на *й*—*супъмь, домъмь*; так и: *двогъмь, возъмь, кон'ъмь*.

6) Широкое применение сочетаний глагола с союзом *da*. Такие сочетания не чужды синтаксису и других славянских языков,

особенно в раннем их состоянии. Например: др.-польск. *da baśce* — „посмотрите!"; нижнелужицк.: *da-śi jo* (*jo* — 3 л. ед., ст.-сл. *jetъ*), *da-śi su* (*su* — 3 л. мн. ч., ст.-сл. *svѣтъ*). В южнославянских языках применялись издавна, применяются и теперь в значении конъюнктива, при выражении пожелания, приказания, предположения, цели.

Ст.-сл. (из Мариинск. код.): *уто хощеш да ти сътвориш. онъ же рече гн да прозърш; рѣци каменню самоу да бждуть хлѣбн; низши оуши слышатн да слышнтъ; да не съблздинмъ ихъ; хош да даси ми...; призвса в негоу дѣти да рѣць възложитъ на на.*

Соврем. болгарск.: *да си жив!* („будь жив!"), *да расте и крепне тѣлом и духом, да обича* („пусть любит") *народа и земята си* („свою страну"), *да брани мажествено от врагове и* („пусть мужественно защищает их от ее врагов"). *Нѣма ли човѣк, да ми помогне?* („Нет ли кого-нибудь, кто бы помог мне?"). *Дошъл да я земе* („пришел, чтобы взять ее"). *Той върви бърже дано* (*да-но*) *настигне Петкана* („Он идет быстро, чтобы догнать Петкана"; *собств. „желая догнать Петкана"*).

Сербск.: *Одмах да идеш кѹни* („Немедленно иди домой"). *Миѣсмю сам да ње доѡни* („Я думал, что он придет"). *Бѡјим се да ње изгубити свѣ, или—да ње изгуби, или—да ње би изгубио* („Боюсь, чтобы он не потерял все", или „Как бы он не потерял все"). *Доѡша сам да кѹпим коња*. („Я пришел, чтобы купить лошадь").

Словинск.: *dai mi bose (bože)... tuoju (tvoju) milozi da bim neznamen (neznamen)... stoial* — в Фрейзингенских отрывках X—XI вв. *Prosi ga, da ti pomoge* („Проси его, чтобы он помог тебе").

7) И в лексике были некоторые общие черты в этих языках. Напр.: *slana* („иней"), *vedjъ* (ст.-сл. *въждь*, болг. *въжда*; сербохорват. *veđa* — „бровь"), *kovъсегъ* („сундук") и некоторые др.

§ 40. Южнославянские языки представляют некоторые черты древнего происхождения, общие с восточнославянскими языками.

1) *l* — в западнославянских языках *dl, tl; vedľъ, vedľa, pletľъ, pletľa, ryďlo, radľo* — зап.-славянские, *veľъ, veľa, pleťъ, pleťa, ryľo, řaľo* — южнославянские и восточнославянские. (Подробнее см. ниже, в отделе о языковых процессах доисторической эпохи.)

2) *svě-, dzvě-* (с позднейшим изменением *dz* → *z*), в западнославянских языках *kvě-, gvě-*; *kvěťъ, gvězda* — зап.-славянские; *světъ, dzvězda (zvězda)* — южнославянские и восточнославянские.

3) Мягкий согласный *š* (или позднейшее его отверждение) в определенных случаях (в чередовании с *ch*), — в западнославянских языках *š*: *vъša*, *lěšě* (*lěcha*), *mušě* (*mucha*), *ženiši* — южнославянские и восточнославянские (в ранний период их жизни); *vъša*, *mušě*, *ženiši* — западнославянские.

За исключением черт, свойственных только болгарской группе, и черт книжного языка, а также черт, общих с прочими южнославянскими и восточнославянскими языками, черты звукового состава старославянского языка были те же, что и в других славянских языках раннего периода их жизни. Например *o*, *a*, *у* (*ы*), носовые гласные, редуцированные гласные и т. д. Одинаковость представляли тогда и формы, и синтаксис, и словарь. Эта одинаковость — наследие более давнего языкового фонда у славянских народов. А фонд этот образовался в течение длинного ряда столетий в давнее доисторическое время.

В историческое время этот давний языковый фонд претерпевал разные изменения по славянским областям. Чтобы полно представить историю славянских языков, необходимо иметь отчетливое представление о том общем фонде, который подвергался тем или иным изменениям. В том и ценность изучения старославянского языка, что он представляет письменную фиксацию языковых данных, весьма важных для понимания истории отдельных славянских языковых групп.

ФОНЕТИКА

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ СЛАВЯН ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

§ 41. Исторические упоминания о славянах идут от VI в. новой эры (у Прокопия Кесарийского, у псевдо-Маврикия, у Иордана и др.). То было время движения славян на юг и на запад. В VI—IX вв. славяне занимали обширные области на юге и на западе Европы: весь Балканский полуостров, острова Эгейского и Адриатического морей, Приальпийские области, края к северу и к югу от нижнего и среднего Дуная (предки южных славян), бассейны Одера, Эльбы, Вислы, края к югу от Судетской горной цепи по направлению к Дунаю (предки западных славян), бассейны Днестра, Днепра, частью Дона, Оки, верхней Волги (предки восточных славян). В более раннее время славяне жили к северу от Карпат, в бассейнах Вислы и среднего течения Днепра. Данные исторические, археологические, лингвистические указывают на эту область давних славянских поселений. Подробнее по этому вопросу см. „Славянское языкознание“, т. I.

В историческое время славяне представляли собою население с значительными элементами родовой организации. Основной общественно-экономической единицей была большая семья за-дружного типа, основанная на власти старейшины-отца („патриархальная семья“). Но то уже не была родовая организация в ее

типическом виде, а организация на стадии ее разложения. Много столетий доисторического периода было пережито предками славян, как и предками других народов, в родовой организации, на разных ее ступенях. Много словарных данных с их специфической семантикой указывает на этот давний общественно-экономический строй. Несколько примеров.

1) Терминология семейная — с ее детализацией: *pleme, koleno, rodъ, sъrodni, svoi po kŕvŕi, bratъstvo; voldyka, gospodъ* (соответствие в древнеиндийском *dāmpatiḥ*, в древнегреческом *δεσπότης* — „домовладыка“);

oŕъsъ, mati, dēdъ, baba, synъ, dъkti, vъnukъ, snъcha, jętry („жена мужнина брата“), *nevęsta* („вновь взятая“), обездоленная *vъdova* (как и у других народов: др.-инд. *vidhava*, гот. *widowa*, лат. *vidua*; отсутствие термина для вдовца объясняется тем, что в положении мужчины после смерти жены не происходило значительных изменений).

2) Терминология кровной мести, свойственной населению родового строя: *мъсть, vоргъ, vоргъda* („убийство“), *сѣпа* („выкуп за пролитую кровь“; корень *koŕ-*, *kaŕ-* тот же, что и в глаголе *kaŕati* — „мстить“; то же значение имело соответствующее слово, образованное от того же корня в древнеиранском *kaēnā*, в древнегреческом *ποινή*, в литовском — *kaina*), *състь* вместо *сът-ть* („что можно было высчитать при замирении“) и др.

3) Термины скотоводства и земледелия:

a) *govędo* („рогатый скот“), *kogva, bykъ, voŕъ, telę, oŕъsa, jagne — agne, kopъ, žerbe; melko, sugъ, sъmetana (sъ-met-a-na), masŕo* (вм. более раннего *maz-ŕo*, т. е. средство для смазывания, напр., тела, чтобы насекомые не сильно беспокоили), *vъlna, gupo* (тот же корень, что и в глаголе *gъv-ati*); *vozъ, voziti, koŕo*;

b) *proso, gъŕъ, oŕъsъ, jęсъmu, ръsenica; љпъ, копоръ или копорја; споръ, kolсъ, tokъ, gumъno (gu — „скот“, перед гласным gov —; тьп — ср. в глаголе тьпо, тьпеши, мети, т. е. „место, где скот мнет колосья“); solma, зьпю, melti* („молоть“), *мока* (корень тот же, что в прилагательном *тек-ъ-къ*); была *ректъ* (ст.-слав. *пещь*, русск. *печь*, зап.-слав. *pec*); там пекли *колашь, ригогъ* и тот вид хлеба, который позднее (но в доисторическое время) называли готским словом *hlaihs*: слав. *chlěbъ*.

4) Из ремесел развито было ткачество, как и у других народов в родовой период: *тъkati, oтъкъ* (o — „в“, „что втыкается“), *stavъ или stavъ, byrdo, сълпъ или сълпкъ, kоdělъ, verteno, nitъ,*

suknō (корень suk-; sučiti), polъno („что сложено“), pьstrъ, pьstriti (корень тот же, что и в глаголе pьs-ati, pis-ati) и др.

Подробнее см. в „Славянском языкознании“, I.

§ 42. Славянское население было весьма многочисленно. Ранние исторические указания свидетельствуют об этом: славяне — „многочисленнейший народ“ (μέγιστος ἔθνος), „бесчисленные народы“ (ἄμετρα ἔθνη), „могущественные по своей численности“ (natio populosa, numerositate pollentes). В VI—VIII вв. эти народы занимают весьма обширные области на востоке, юге и западе Европы. Область же к северу от Карпат, где в течение долгого времени находились славяне, была не так обширна, чтобы отдельные роды жили вдали одни от других. Родственные группы были не в далеком расстоянии между собою. Кроме того, физические условия, отсутствие природных преград, равнинная местность, богато развитая речная система благоприятствовали связям отдельных родственных групп. Вместе с тем необходимо учесть одинаковость общественно-экономического уклада жизни этого населения. Указанные общественные, экономические, природные условия благоприятствовали длительному сохранению исконного языкового единства славян.

Однако различия в языке славянских групп в разные периоды их доисторической жизни имелись. Различие обусловлено было общественно-бытовой дифференциацией, переживавшейся отдельными родами в зависимости от местных условий жизни. Позднее, при территориальном сближении одних родов и племен с другими, при устанавливавшихся близких общественно-экономических взаимоотношениях между ними, при вхождении членов одного рода в состав другого, некоторые черты общественно-языковой дифференциации сглаживались. О ранних доисторических местных языковых явлениях мы не знаем: они утратили свою актуальность в доисторической же жизни славян. Славянские языки в ранний период своей исторической жизни представляют указания на такие областные языковые процессы, которые были пережиты в более позднее время доисторической жизни славян. Замечания об этих процессах были сделаны уже выше (§§ 38—39).

Языковая система, сложившаяся у славян в доисторическое время, при одинаковости их общественно-экономической жизни и близости взаимоотношений, сохраняла свое актуальное значение в жизни славян и в период исторический, в VI—IX вв.: новые слова входили в прежние языковые нормы. Напр.:

новые слова с *or* (*ar*), *ol* (*al*), *er* (*el*) между согласными. Ср. передачу имени Карла Великого (771—814): *ar* в этом слове передавалось по славянским языкам так же, как изменялись некогда давние *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*: в южнославянских языках, а также в чешском и словацком — *krāl'ь*, в польском *król'ь*, у восточных славян *korol'ь*; ср. давние *młātišь* у южных славян, а также у чехов и словаков, *młót'išь* у поляков, *połótišь* у восточных славян — вместо *moltiši*. Ср. также: личное имя *Mrata* у сербо-хорватов вместо *Martinus*; название края между нижней Савой и Дунаем *Srēm* вместо *Sirmium*; у словинцев плоскогорье *Kras* — итальян. *Carso*, романо-балкан. *Carusadius*; у славян Болгарии *Srědsь* — вм. *Sardica*. Другой пример: сочетания — гласный + носовой согласный — перед согласным в новых словах передавались попрежнему носовым гласным. Ср. в языке славян болгарских второй половины IX в. слово *събота*, с гласным носовым *ъ*, — слово, которое передавало собою народно-греческое *σάββατον*. Ср. название села в южной Македонии Пътеле (Леринский район), с гласным *ъ* из более раннего носового гласного *ъ* (так изменился в болгарском языке этот гласный: *ръжа* — *ръка*). Это село названо по греческому имени *Παυτελεῖον*. Сербо-хорватские передачи романских топографических названий в Далмации, — названий с *san*, *sant*: это ап сербо-хорваты передавали посредством носового гласного; позднее, по утрате носового образования, получился гласный *и*: *su Petar* = *san Pietro* и т. п. Передача латинского *Sonticus* у словинцев: *Soča* вм. более раннего *Soča* (с носовым *o*; *č* вм. *tj*).

У восточных славян: *вар'агъ*, *кълб'агъ* (название народа), *бур'агы* (-ги), *ябетник* — вм. северногерманских *vāringr*, *kyllfingr*, *buringr*, *āmbiti* („служба“).

Судъ — название пристани в Константинополе (Золотой Рог) — староскандинавское *sund* („морской пролив“). В языке славян болгарских применялся и иной фонетический способ для устранения конца слога на *г*, *л*, *п*, посредством развития вторичного гласного *ъ* (*ь*) после *г*, *л*, *п*: *клерънаоумъ*, *аньдръа* и др. (см. выше).

§ 43. Историческое изучение славянских языков дает возможность представить древнейшее состояние их, то состояние в отношении звуков, форм, синтаксиса, лексики, которое свойственно было славянам в ранний период их исторической жизни. Это — тот языковый фонд, который сформировался в доисторическое время. Звуковой состав этого фонда был такой.

1) Гласные полного образования.

Задний ряд: а, о, и, ѡ.

Средний ряд: у (ы).

Передний ряд: е, ё (ѣ), і, е.

2) Гласные неполного образования, ъ, ь; ѱ, ѱ̣.

1) Задненебные: к, г, ч.

2) Палатальные: ј, џ, џ̣, џ̣̣, с, dẓ, ṣ', н', г', л', ṭ³ или ṭ³, ḍ³ или ḍ³, ŝč̣, ždẓ̌.

3) Небно-зубные: т, д, п, с, з.

4) Губные: м, р, в, ѵ.

5) Плавные непалатальные: г, љ, љ̣.

Все гласные были носителями слогового свойства (слоговыми). Но гласные і, ъ, ь в определенных условиях были и неслоговыми (і̣, ъ̣, ь̣).

Неслововым был в более давнее доисторическое время и и, на месте которого развился звук в. По славянским доисторическим группам в определенных условиях был не зубно-губной в, а билабиальный w. Так, были такие группы славянского населения, в речи которых был w перед ъ, ь: wъ, wъпикъ, wъdowa, powъ. В других группах были сочетания с вь: вь, вьпикъ.

Согласные плавные и носовые (м, п) — согласные сонорные. По условиям своего образования они близки к гласным звукам: в своем образовании они представляют отверстие, через которое проходит воздух свободно, без значительного трения. При образовании м, п таким отверстием служит открытый вход в полость носа (небная занавеска опущена); при образовании плавного л (љ, љ, љ̣) — отверстие при опущенных боках языка; при г — отверстие над спинкой языка, кончик которого то опускается, то приподнимается, вибрируя у передней части твердого неба, близкой к десне резцов. По открытому отверстию эти звуки, плавные и носовые, объединяются с гласными. В определенных положениях плавные были слоговыми: г, љ — gъg̣dlo → gъg̣lo, вь̣|къ. Но, кроме открытого отверстия, образование плавных и носовых имеет затворную артикуляцию, образуемую той или иной частью языка по отношению к небно-зубной области (п, љ, љ, љ̣, г, г') или артикуляцию, образуемую губами (м). Поэтому плавные и носовые м, п разделяют также черты образования прочих согласных. Струя воздуха, проходя через препятствие, представ-

ляемое образованием плавных и косовых *m*, *n*, взрывает затвор или трется о стенки теснины. В акустическом отношении получается шум — черта согласных. Но при образовании сонорных *g*, *l*, *m*, *n* преимущественное значение принадлежит звучащей струе воздуха, а не шуму, как при образовании других, шумных, согласных.

Слоги были долгими и краткими и произносились не с одинаковой интонацией.

Ударение было разноместное и неодинаковое в своем образовании в зависимости от направления в движении тона, в зависимости от его повышения или понижения. Напр.: *voŋpŋ* и *voŋpa* имели слог с -ог- с разным ударением, или *poŋ'e*, *voŋ'a* представляли слог *po-*, *vo-* с разным ударением.

Анализ языковых фактов вскрывает нам и те процессы, которые были пережиты предками славян в доисторическое время, процессы, в результате которых образовался тот языковый фонд, который представляли славянские языки в ранний период их исторической жизни.

Многое в славянском языковом фонде находит себе соответствие в других языках индоевропейской системы. При изучении славянских языковых процессов мы исходим из анализа славянских фактов и только потом, для ориентации в том или ином явлении, оглядываемся на другие индоевропейские языки, обзвывая в них те или иные соответствия славянским данным.

Отметим главные языковые процессы, пережитые славянами (их предками) в разные периоды весьма длительной доисторической эпохи.

а.

§ 44. Все славянские языки имели гласные долгие и краткие. В определенных условиях произошло сокращение долготы слога, долготы гласного. Так было, например, в конечном открытом слоге: в этом положении долгий гласный более раннего времени стал кратким. Но были условия, при которых долгота слога не сокращалась. Такие условия подробнее определяются в курсах славянских языков (см. „Славянское языкознание“, соответствующие пункты). Отметим пока одно положение, благоприятствовавшее сохранению долготы: это — непосредственно предударный слог (если ударение не было восходящего типа; об этом ниже). В этом положении долгота гласного сохранялась в разных сла-

вянских языках и сохранена до сих пор в тех славянских языках, в системе которых удержалось различие между долгими и краткими слогами: в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком языках. Имеются ясные следы долготы в этом положении и в польском языке,— следы в виде изменения гласного: $\bar{a} \rightarrow \acute{a}$ (лабиализованный *a*) с дальнейшим изменением, носовой гласный *o*, а не *a* или *e* (последние носовые гласные, *a*, *e*, были в кратком слоге). Следя за словами с гласным *a*, мы наблюдаем долготу его в том положении, в котором она не подлежала сокращению, например, в непосредственно предударном слоге: *trāva*. Ср. в сербо-хорватском, чешском и словацком *trāva*, *chvāla*, в польском *trāva* вместо *trāva* и др.

Полагаем: гласный *a* был гласным долгим. Когда происходило при определенных условиях сокращение долгот, напр., в конечном открытом слоге, сократился и *a* в этих положениях: *trāvā* → *trāvā*.

§ 45. В ряде слов корень или суффикс представляет гласный *a* в чередовании с корнем или с суффиксом с гласным *o*. Так, в глаголах многократного вида, со значением повторного действия, представлен гласный *a*, а в других случаях корень имеет гласный *o*: *positi* — *pašati*, *prinašati*, *voziti* — *važati*, *bosti* (вм. *bodti*) — *badati*, *goniti* — *gan'ati*.

Другие подобного значения глагольные образования представляют в корне *e*, *i*, *y* (*ы*) при *e*, *ь*, *ъ* в корне, не указывающем на повторность действия: *grebo* — *rogrebatī*, *byrati* — *nabirati*, *tykati* — *tykati*, *zyvati* — *zyvati*. Корень глаголов с повторным действием представляет долготу гласного. Следовательно, в образованиях *pašati*, *važati*... в корне находился долгий гласный, получившийся в результате удлинения *pos-*, *voz-*... Но гласного \bar{o} не имела давняя славянская звуковая система: вместо \bar{o} был гласный \acute{a} .

Следовательно, долгий гласный \bar{o} заменялся у славян гласным \acute{a} .

§ 46. Справки с соответствиями славянскому *a* в других индоевропейских языках указывают, что славянскому *a* соответствовали долгие \bar{a} и \bar{o} . Например:

1) *bratrъ*, *bratъ* — лат. *frāter*, греч. $\varphi\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$, $\varphi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\rho$; *mati* — лат. *māter*, греч. дорическое $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$; *baјr*, *baјati* („говорить“), *basнь* — лат. *fāma* („молва“, „слава“), греч. $\varphi\acute{\alpha}\mu\acute{\iota}$ („говорю“); *stati* — лат. *stāre*; *orati* („пахать“) — лат. *arāre*.

2) *datъ, dati, danъ, darъ* — лат. *dōnum*, греч. *δίδωμι*; *znati* — лат. *cognōscō*, греч. *γινώσκω*; *dъva* — лат. *duō*, греч. *δύω*.

Итак:

1) слав. *а* ← *я*
← *о*

§ 47. Обратим внимание на звуковой вид инфинитивов с суффиксальным *-ě-* (*-ěti*): *viděti, tьpěti, zeleněti*... Но в таких случаях, когда перед суффиксом инфинитивной основы был *j, č, ž, š*, гласным является не *ě*, а *a*: *stojati, kričati, dyšati, ležati*. Соответствующие образования в других индоевропейских языках представляют гласный *ē*: ср. латинские инфинитивы на *-ēre*: *vidēre*; славянский инфинитив *dyšati* ср. с литовским образованием *dūsėti (dūsėti)*. То же фонетическое явление отражается и в других случаях: *ě* после непалатальных, *a* после палатальных. Напр., на суффиксе *-ělъ*: *gybělъ, korělъ*; но: *rečalъ, myčalъ* („молчание“), *piščalъ*.

Итак:

2) Слав. *а* вместо *ě* после *j, č, ž, š*.

о.

§ 48. Слог с гласным *о* в славянских языках был кратким, если только не произошло при определенных условиях удлинения его. Так, например, слог с *о* в отдельных славянских языковых группах при особом ударении, при восходящем, удлинился: *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. Происходило удлинение гласного *о* в отдельных славянских языках и в связи с утратой *ъ, ь* в следующем слогѣ, а также при наличии других условий, благоприятствовавших продлению гласного в предшествующем слогѣ: при звонкости конечного согласного (*bōb*, но *bōk*), при длительности конечного звонкого согласного (*vōz*), при восходящей интонации (*dvōg, kōp'...*).

Итак, славянский гласный *о* был кратким гласным: *dōmъ, ōkō, tō, ōzъ*.

§ 49. Славянскому *ō* соответствуют в других индоевропейских языках краткие гласные *o* и *ā*.

Славянские: 1) *dōmъ* — лат. *dōmus*, греч. *δῶμος*; *ōkō* — лат. *oculus*, греч. *ὄσσω* (двойственное число); *ōvса* — лат. *ovis*, греч. *ὄvis*; *tō* — лат. *istud* (вм. *istod*), греч. *τό*;

2) *ōs* — лат. *āxis*, греч. *ἄξων*; *ōtsь* — лат. *atta*, греч. *ἄττα*, гот. *atta*; *ōstrь* — лат. *acus, acidus*, греч. *ἄκρος*.

3) Сочетание *ov* с гласным *o* представлено было у славян преимущественно перед гласным заднего и среднего ряда: *повъ*, *slovo*. Но перед гласным переднего ряда находилось сочетание с гласным *e*: *nev-*: *nev-ěsta* (*nev-* тот же корень, что и *пов-а*), *devęть*, *sęverъ*. Полагаем: *ev* перед гласным заднего и среднего ряда изменилось в *ov*.

Другие индоевропейские языки представляют соответственные в виде *eu* и результата его изменения.

повъ — греч. *ὑφός*; *slovo* — греч. *κλέφος* („весть, молва, слава“); *řlovo* — греч. *πλέρω*.

Если же в следующем слогe находился гласный переднего ряда, то у славян *ev*: *slovo*, но: *devęть*. Бывает *ov* и перед гласным переднего ряда — в тех словах, в которых та же основа представлена и с *ov* (перед гласным заднего ряда). В силу процесса обобщения основы в одинаковом звуковом виде в разных формах появились и слова с *ov* перед гласным переднего ряда — *slovo* — *sloveše* (родит. ед.), *slovesa* (имен. множ.); *sloveši* как *řlovo*. Обобщались основы и в другом направлении — с гласным *e*: *rev* с *rev-*, как *reveši*, *revęть*.

4) Имеются слова, в которых один и тот же корень (или база) имеет неодинаковый гласный: в одних корень с *a* или с *ě*, в других корень с *o*. Это — те случаи, когда и в других индоевропейских языках отражается чередование гласных, — такое чередование, которое восходит к следующему чередованию: долгие *ā*, *ō*, *ē* в одних словах, результат ослабления (редукции) *э* — в других. Вот эта-то ступень редукции с гласным *э* (точно не определимым в его образовании в древнейшей фонетической стадии индоевропейских языков) и дала краткие гласные в отдельных индоевропейских языках: *i* в древнеиндийском, *ā* в греческом, латинском, германских, литовском языках, *ō* в славянских.

stati — *stoję*; ср. греч.-дорич. *ἵσταμι* („ставлю“) — *στατός* („поставленный“), др.-инд. *sthitāh*;

bajati, *baję* („говорю“) — *bobony* (удвоенный корень *bo-*; „суеверие, связанное с говореньем“);

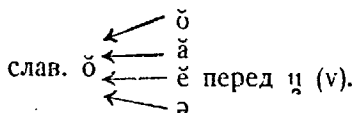
spęti — *spogъ* („изобильный“, „спорный“), др.-инд. *sphirāh* („изобильный“, „богатый“).

Такая же редукция долгого гласного *ā*, *ō*, *ē* могла быть и в окончании (в суффиксе). Таково происхождение чередования

a (*a*) в именительном падеже единственного числа (славян. *guba*, *žepa*) и *o* (*ō*) в звательной форме единственного числа тех же основ (слав. *gubo!* *ženo!*); ср. греч. *ἄ: νόμψᾱ! δέσπινᾱ!* („госпожа! владычица!“).

Представлять фонетическую стадию с каким-то кратким гласным, явившимся в результате ослабления долгих гласных *ā*, *ō*, *ē*, побуждает следующее: одинаковость в образовании того гласного, который появился в разных языках вместо ослабившихся *ā*, *ō*, *ē*: в др.-индийской группе *i*, *u* славян *ǫ*. Если у славян этот гласный мог непосредственно восходить к сократившимся *a* и *o*, то непонятен результат сокращения *ē*: гласный *ǫ* непосредственно не мог получиться в этом случае. Поэтому полагаем, что *ā*, *ō*, *ē*, ослабевая, заменялись каким-то гласным (*ə*), который затем в славянской группе получил образование краткого *o*.

Итак:

§ 50. Гласный *ǫ* славянской фонетической системы раннего состояния был гласным открытым. Передача заимствованных слов доисторического периода и раннего времени в исторической жизни славян свидетельствует о таком образовании гласного *o*. Так, с гласным *o* передано было у славян имя того тюркского народа, который назывался в греческих документах *ἄζαρ*, в латинских *avarus*: слав. *ǫbrinъ* (появление авар в Европе относится к середине VI в. н. э.). Так передан вне ударения и греческий гласный *a*: *korabl'ъ* — греч. *καράβι: [o]υ*; *krovatъ* — греч. *κράββατι: [o]υ*.

На открытость славянского *ǫ* указывают и иноязычные передачи славянских слов с этим гласным: *slověne* — *Σκλαβῆνοι*.

§ 51. Гласный *ǫ* у славян в доисторическое время подвергся изменению после палатальных согласных. Эти согласные действовали палатализирующе на следовавшее за ними образование гласного заднего ряда: *o* → *ō*, *u* → *ū*. Но гласные лабиализованные переднего ряда не были свойственны тогда славянской фонетической системе: гласные *ǫ*, *ū* утрачивали лабиализацию: *ǫ* → *e*, *ū* → *i*.

pol'o → *pol'e*; *jego*, *jemu* (сравн. *togo*, *tomu*), *lice*, *děvice!* (зват. форма; но: *ženo!*), *vojevoda*;

sjūti → *šiti* (*sj* → *š*; см. ниже о славянских *u* и *š*).

§ 52. В количественном отношении гласный и был гласным долгим, как на это указывают славянские языки в их истории. Так, в непосредственно предударном слоге гласный и сохранял долготу. Ср. сербо-хорватское *kūpiti* (чешское *koupiti*), *būriti* (чешское *bořiti* — „бушевать“) и др.

§ 53. Гласный и находится в следующем фонетическом положении: перед согласным и в конце слова, т. е. вообще в конце слога. Перед гласным же находится сочетание *ev, ěv, ov, av*. Славянскому *v* предшествовало образование неслогового ц: ц → *v* перед гласным. Перед гласным были некогда дифтонги *eu, ěu, ou, ōu* → āu.

Несколько примеров:

kujō, kuznica, no: kovati, kovъ;

sluti, no slovo (1 л. ед.), slovo, slava;

r'uti — reveši, revō (1 л. ед.);

gumьno (gu-пьно) — govědo (gov-, gu-, „рогатый скот“; тьп-, пьпō, тьпěši — „мну“, „мнешь“).

Итак, вместо дифтонгов с неслоговым ц у славян появился в конце слога монофтонг и. Следует полагать, что гласному и предшествовала фонетическая стадия с дифтонгом оц. В этом дифтонге оц совпали разные дифтонги более ранней фонетической стадии: 1) ōц; 2) āц: ā у славян изменился в ō; 3) ōц, āц: произошло сокращение первой, слоговой части дифтонга, — сокращение, отразившееся и на других дифтонгах: ōj, āj, ěj, eu (см. ниже). След прежней долготы первой части дифтонга отразился в интонации, как отмечено будет ниже.

Славянский дифтонг оц мог быть и иного происхождения: вместо более раннего эц, получившегося в индоевропейских языках вследствие редукции ōц, āц, ěц (у славян э → о; см. § 49).

Гласный и получился в славянской фонетической системе не только вместо дифтонга оц разного происхождения, но и вместо дифтонга ец (из ěи и ěц). Как результат палатализации в образовании первой части дифтонга ец выделился j, ассимилировавшийся затем с предшествующим согласным: ец → ju → 'и (' указывает на палатализацию предшествующего согласного). Ср. указанный выше пример *r'uti — reveši, revemъ...* Ниже, в связи с соответствиями других индоевропейских языков, отметим пример

bl'udq, bl'udeši... вместо более раннего bjud-q, а это из beudh- (bheudh-).

§ 54. На дифтонги eu, ou, au, ēu, bu, zu, zu, eu указывают и другие индоевропейские языки.

Монофтонг *u* у славян имел неодинаковую интонацию в зависимости от того, происходил ли он из дифтонга с долгим ē, ō, ā или с кратким ě, ǒ, ǣ: *u* имел восходящего типа интонацию (↗) в заменах дифтонгов ēu, ōu, āu и нисходящего типа интонацию (↘) в заменах дифтонгов ěu, ǒu, ǣu, eu. Восходящего вида интонация слога с *u* была еще в том случае, если дифтонг ou получился в результате редукции двухслогового сочетания ouə: напр. sluš-atī вместо slouəs.

Слав. sūchъ — лит. saūsas, греч. αῦος (см. σαυος); основное saus-;

ucho — лат. auris;

предлог *u* и префикс *u*: *u mene, u brata, unositi* — лат. aufero;

rūdъ — „красный“, ruda — лит. raūdas; гот. rauths — „красный“;

ср. греч. ἐρέθω — „краснею“ с *eu* (eu), как чередование с ou; основное roudh-;

kujo — лит. kajú — „бью, кую“, др.-верхн.-нем. houwan;

buciti — лит. pasibauditi — „подыматься“; ср. слав. bl'udo вм. bheudh, как чередование с bhoudh; synu (родит. ед.), — лит. sūpaūš, гот. sunaus; ср. слав. дат. ед. synovi (synov-i);

struja (stru-ja), ostrovъ (o-strov-ъ), — лит. stavà — „течение крови“, древнеинд. srāvati — „течет“;

gumьno, govędo (см. выше); греч. βῶς — „бык“, др.-инд. gauh — „бык“, „корова“; основное guo-.

l'ud i je, — латыш. l'āudis, др.-верхн.-нем. liut; основное сочетание leudejes.

bl'udq, bl'usti, греч. πῦδομαι; основное bheudh-, чередовавшееся с bhoudh- (слав. bud-).

g'uti, может быть, вместо gēu; ср. долготу гласного в др.-инд. gāuti — „он ревет“.

turgъ, лит. tauras — „бык“, лат. taurus, греч. ταῦρος; основн. taur-.

Итак:

слав. *u* ← ou (из ōu, ōu, ǣu, āu, eu, ouə)

ju ← eu (из ěu, ēu).

Такое изменение eu, ou в конце слога — замена монофтонгом — находилось в связи с одной из существенных тенденций

славянской фонетической системы — со стремлением к открытости слога, к окончанию его слоговым гласным. Вследствие этой тенденции изменялись в конце слога также *e* в *i*, *o* в *ě* и *i*, *ou*, *om* в носовой гласный *o*, *en*, *em* в носовой гласный *e*, изменялись *og*, *ol*, *eg*, *el* перед согласным и некоторые группы согласных. Об этом подробнее см. ниже.

§ 55. Передача дифтонга *ou* посредством *u* происходила и в новых словах, в заимствованиях, появившихся во время сношений славян с германскими народами, в первые века н. э. При этих сношениях происходил торговый обмен. К этому обмену относились германские слова с корнем *kaup-*: гот. *kaubrōn* — „торговать“, др.-верхн.-нем. *kauffen*; в других древнегерманских группах слова с этим корнем относились не только к „торговле“, но и к „мере“, к „имуществу“, к „скоту“. Германское же слово *каура* появилось в связи с римским воздействием: образцом для германского *каура* был латинский *сауро* — „шинкарь“, „содержатель постоянного двора“, „кто из вина делает воду“. В связи с германским *каура* появились у славян слова с *kup-*: *купити*, *кирьсь*.

Перешло к славянам и германское слово, служившее у германцев для указания принадлежности к германскому народу — „принадлежащий к народу (германскому)“, „народ“: *theudh-*: гот. *thiuda* — „народ“, др.-верхн.-нем. *diot[a]* и др. У славян слово с этим корнем было передано так: *tjudъ* в значении „чужой“: ст.-сл. *штоуждъ* — *стоуждъ* — *тоуждъ* (ст. *т* вследствие диссимилиации с образованием согласного в следующем слоге), сербо-хорв. *tuđ*, вост.-слав. *ѡужъ* (русск. *чужой*), зап.-слав. *судз-* (польск. *судзы*, ст.-чешск. *сuzi*, ново-чешск. *сizi*).

§ 55а. Гласным *u* передавали разные славянские группы закрытый гласный *o* в заимствованных словах: *buk* (раст. *Fagus silvatica*), *buku* — „буквы“. Это — германское заимствование: др.-верхн.-нем. *buohha* — „бук“, *buoh* — „книга“, гот. *bōka* — „буква“ (как следствие применения *бука* для рунических начертаний).

Так передан в старославянском языке и греческий гласный *ω*: *кѡмоунъ* — греч. *κωμῶν*; *роуминъ* — греч. *ῥωμαῖος* — „римлянин“, „ромей“; *солмоунъ* — греч. *Σολομῶν*; *домъ роуновъ* (Син. пс.) — греч. *[τῶ] Ῥαρω̄ν*; *роса сръмоунъска* (Син. тр.) — *роса сръмоунъ* (Син. пс.) греч. — *τῶ Ῥερῶν*.

§ 56. Гласный у (ы) был долгим гласным, как на это указывает история отдельных славянских языков. Так, например, в непосредственно предударном слоге он является долгим в сербо-хорватском, чешском и словацком языках. Сербо-хорват. *gibati* (вм. *gŭbati*), чешск. *hŭbati* („двигать“), сербо-хорв. *rŭtati* (вместо *rŭtati*), словац. *rŭtat'* („просить“), сербо-хорв. *bŭk*, чешск. *bŭk* и др.

§ 57. Положение гласного у — перед согласным и в конце слова: *дуть*, *byti*, *ty*, *svekry*. Перед гласным представлено было сочетание ъв: *guti* — *гъvati*, *byti* — *бъvепь* (*zabъvепь*), *kruti* — *кгъvепь* (*съkгъvепь*), *svekry* (именит. ед.) — *svekгъve* (род. ед.), *svekгъвъ* (вин. ед.).

Сочетание ъв представляло собою замену более раннего сочетания, состоявшего из двух кратких *йй*, из которых второй был неслоговым (перед гласным), как и в замене сочетания *оу* (*ов*): *йу*.

Как видно, славянскому гласному у (ы) соответствовали перед гласным два кратких гласных (*йй*) — указание, что в более раннее время тот гласный, вместо которого появился у, был тоже гласным типа *и* и был долгим: *й̄*.

§ 58. Соответствия других индоевропейских языков также указывают на *й̄*. Например:

Слав. *byti* — лит. *bŭti* (*bŭiti*);

дуть — лит. *dŭmai* (множ.), др.-инд. *dhŭmaḥ*, греч. *θŭμός* — „ярость“, „отвага“, „дух“, лат. *fŭmus* — „дым“;

супь — лит. *sŭnŭs*, др.-инд. *sŭnŭḥ*;

шушь — лат. *mŭs*, др.-верхн.-нем. *mŭs*, греч. *μŭς*;

svekry — др.-инд. *śvaśrŭḥ*;

ty — лат. *tŭ*.

Гласный *й̄* вследствие удлинения *й* был еще в окончании формы именит.-винит. двойственного числа имен на -ъ (из -*й̄*: *супь*): *супу*; ср. др.-инд. *sŭnŭ*.

Итак:

слав. { у перед согласным и в конце слова вм. *й̄*,
ъв перед гласным вм. *й̄й̄*.

§ 59. Гласный *й̄* с высоким положением языка, с энергичным округлением губ, в ранней доисторической звуковой системе у славян был еще иного происхождения: вместо *ō* перед *п* в конце слова. Такое изменение происходило в связи с особой фонетикой

конца слова: в этом положении происходило более энергичное лабиальное образование: $-op \rightarrow -up$. Такой процесс переживался в образовании и краткого и долгого *o*. Гласный же высокого подъема и подвергался изменению, которое переживалось в отношении такого гласного: $\bar{u} \rightarrow y$ (ы), $\bar{y} \rightarrow \bar{y}$. Напр.: $kam\bar{op} \rightarrow kam\bar{up} \rightarrow kamu$ (о фонетической судьбе конечного носового *p* см. ниже, в пункте о носовых гласных). Ср. соответствие славянскому слову в греческом языке с долгим \bar{o} перед *p*: $\acute{\alpha}\chi\rho\omega\upsilon$ („наковальня“, „камень, на котором точат“). В литовском происходил тоже процесс изменения конечного *op* в *up* и затем в *uo* (\bar{u}): $akti\bar{d}$ ($akti\bar{u}$).

Итак:

слав. *y* (ы) вместо \bar{up} из \bar{op} в конце слова.

В славянской фонетической системе не было долгого гласного \bar{u} напряженного образования, с высоким подъемом языка. Гласный \bar{u} , появившийся у славян вместо дифтонга ou ($such\bar{y}$), был более пониженной артикуляции в отношении языка и не с таким энергичным округленным сужением губ, как при \bar{u} (\bar{u}). На это указывает то, что иноязычное *o* в славянской фонетике передавалось как *и*: $buku$ — гот. $b\bar{u}ka$ (см. в отделе об *u*). И в позднее время, в первые века н. э., в фонетике славян не было закрытого, напряженного \bar{u} . Такой долгий гласный германских языков славяне передавали посредством *y* (ы).

Слав. $chuz\bar{y}$, $chuz\bar{a}$, $chuz\bar{a}$, $chuzina$, $chuzina$ — вместо герм. $ch\bar{u}za$, $chusa$ (гот. hus , др.-верхн.-нем. $h\bar{u}s$);

$tup\bar{y}$ — герм. $t\bar{u}p$ (др.-сев. $t\bar{u}p$, др.-верхн.-нем. $z\bar{u}p \rightarrow zaup$);

$myto$ — „подать“, „налог“; герм. $m\bar{u}ta$ (ср.-верхн.-нем. $m\bar{u}te$ — $maut$).

§ 60. Параллельно с изменением долгого слогового \bar{u} происходило изменение и краткого слогового \bar{y} . Гласный \bar{y} стал нелабиализованным кратким гласным (обозначим его посредством \bar{i}), который позднее, параллельно с изменением краткого гласного тоже высокого подъема \bar{i} , подвергся редукции: $\bar{i} \rightarrow \bar{y}$, $\bar{i} \rightarrow \bar{y}$. Сущность изменения состояла в том, что лабиальная артикуляция при гласных заднего ряда высокого подъема отделилась от образования их. Она стала производиться раньше, при артикуляции предшествующего согласного. След лабиального элемента ясно отразился на образовании задненебных согласных *k*, *g*, *ch*: такие лабиализованные *k*, *g*, *ch* не подвергались палатализирующему воздействию предшествующих гласных \bar{i} , \bar{y} , \bar{e} : $ot\bar{e}g\bar{y}cati$.

ьгуѣи. Если же слово начиналось с \bar{u} , \bar{y} , то лабиальный элемент выделился как отдельная артикуляция: $\bar{u}dra \rightarrow v\bar{y}dra$, $\bar{y}riti \rightarrow v\bar{z}riti$, $v\bar{z}\bar{s}$. Такое изменение, дислабиализация гласных заднего ряда \bar{u} , \bar{y} , находилось в связи с весьма давним изменением славянской фонетической системы, выразившимся в ослаблении лабиального элемента гласных; и гласные \bar{o} , $\bar{ö}$ получили открытое образование, в особенности гласный долгий: $\bar{o} \rightarrow a$, $\bar{ö} \rightarrow \bar{ö}$ открытого образования ($\bar{ö}^a$). Гласный \bar{u} , утрачивая лабиальное образование, изменял место образования: в заднем ряду не производилась артикуляция долгого гласного при высоком подъеме языка; происходила передвижка артикуляции в средний ряд: появилось образование гласного u (u). Нелабиализованный краткий гласный (вместо \bar{y}), позднее ставший редуцированным z , не был такого высокого подъема, каким был долгий гласный, заменивший собой \bar{u} . Ср. в позднейшей славянской фонетике различие в подъеме языка и в степени напряженности при образовании долгого \bar{u} и краткого \bar{y} , например, в чешском языке: долгий \bar{u} представляет артикуляцию более закрытую, с более высоким подъемом языка, чем краткий \bar{y} . Еще яснее представлено различие в судьбе долгого \bar{u} по сравнению с кратким \bar{y} в кашубском языке: долгий \bar{u} сохранил свое высокое образование, а краткий \bar{y} заменился пониженным, открытым образованием — \acute{a} : $l\bar{u}d$ (вместо $l'\bar{u}d\bar{z}$), но $l\acute{a}dem$ (твор. ед.). Будучи гласным пониженного образования сравнительно с соответствующим долгим гласным, гласный z (позднее z) производился в задней зоне полости рта, с некоторой передвижкой вперед, к средней зоне. В фонетической системе отдельных славянских групп особая краткость, неполнота образования гласного z , отодвинула его дальше назад. На то, что образование z было близко к среднему ряду, указывает судьба его в истории западнославянских языков. Таким он был, например, в польском языке: сочетания $k\bar{z}$, $g\bar{z}$ с усилением гласного z , z изменялись в таком же направлении, как ku , gu : образование согласного передвигалось в палатальную зону: $k\bar{z} \rightarrow k'e$, $g\bar{z} \rightarrow g'e$, как $ku \rightarrow k'i$, $gu \rightarrow g'i$: $bok'em$ вместо $bok\bar{z}$ ($bok\bar{z}$), $stog'em$ вместо $stog\bar{z}$ ($stog\bar{z}$); $kin\bar{c}$ вместо $kyn\bar{c}$, $g'in\bar{c}$ вместо $gyn\bar{c}$. Но $m'echem$ с твердым ch , вместо $mecz\bar{z}$, потому что не было передвижки chu в $ch'i$: $chylic$, $michu$.

На то, что отодвижка артикуляции в среднюю зону полости рта вызвана была высоким положением спинки языка, указывает та-

кое явление фонетики доисторической эпохи: перед *j* и *i* предшествовавшие гласные *ъ*, *ь* ассимилировались с *j* и *i*; эта ассимиляция состояла в повышенном подъеме языка, как в образовании следующих *j*, *i*; а при таком положении языка артикуляция гласного *ъ* передвигалась в среднюю зону: $\text{ъ}j \rightarrow \text{ў}i$ (*ў* — редуцированный *ы*); $\text{ь}j \rightarrow \text{ї}j$ (*ї* — редуцированный *и*).

Отметим еще одно позднейшее явление в фонетике русских говоров, имеющих гласный *ъ* вместо безударных *о*, *а*. Этот редуцированный гласный при продлении, которое бывает в случаях экспрессивного произношения слова, произносится как *ѣ*: *дѣръго!* (вместо *дѣръго* при спокойном произношении); *вѣдит зѣ-нѣс!* (*водит зѣ-нѣс* = за нос); *дѣрача у-дѣму!* (*драча ў-дѣму* — „драка у дома“) и т. п. Такое произношение (*ы*) указывает на близость артикуляции *ъ* к *ы*, а также и на то, что редуцированность гласного связана с зоной артикуляции, близкой к заднему, а не к среднему ряду.

§ 61. В давней доисторической фонетической системе славян не было лабиализованных гласных переднего ряда: $\text{ѡ} \rightarrow \text{е}$ (см. выше, в отделе о гласном *о*), $\text{ѣ} \rightarrow \text{і}$. Лабиализованные гласные переднего ряда появились у славян вместо гласных *о*, *у* после палатальных согласных, — появились вследствие палатализующего воздействия предшествующего палатального согласного: *šiti*, вм. *sjūti* (ср. лит. *siūti*, др.-инд. *syūtáḥ* — „сшитый“). На то, что звуковому сочетанию предшествовала такая фонетическая ступень, на которой в этом слове был гласный лабиальный *и*, указывает следующее: перед гласным находится *-ъв* (после непалатальных согласных *ъв*); перед согласным *і* (*и*) — после непалатальных согласных *у* (*ы*): *šiti* — *šъвьсь*, *rodъšva*, *ryti* — *гъвати*. После палатального согласного $\text{и} \rightarrow \text{ї} \rightarrow \text{і}$ перед согласным (*šiti*); перед гласным же долготу *ї* соответствовало некогда сочетание *їц*; а после палатального согласного оно изменилось в *їц* → *їц* → *ъв* (*šъva*).

Итак: $\text{ў} \rightarrow \text{ў} \rightarrow \text{ї}$;
 $\text{ї} \rightarrow \text{ї} \rightarrow \text{ї} \rightarrow \text{ъ}$.

е.

§ 62. Гласный *е* в количественном отношении был в славянских языках гласным кратким. Его удлинение происходило в отдельных славянских языковых группах при определенных усло-

виях, при которых удлинялся и гласный *o*. Например, в зависимости от вида ударения (под восходящим ударением): *koža* → *kōža*, *vol'a* → *vōl'a*. (напр., в чешском языке, в части русских говоров); в зависимости от ослабления и утраты *ъ, ь* в следующем слогe: *mostъ* → *mōst[ъ]* (в украинском языке). На краткость гласного *e* указывает и следующее явление доисторической эпохи славянских языковых групп: в глаголах, не имеющих значения повторяющегося действия, находится в корне гласный *e*; в глаголах итеративного значения тот же корень представлен с долгим гласным, с *ě*: *grebъ* — *pogřebati*, *pletъ* → *sъplětati*. Ср. чередования гласных в корне *o* — *a* (вм. *ō*) при тех же условиях.

Гласный *e* был в таких двух положениях.

1) После непалатального согласного: *berъ*, *neseši*, *sestra*, *voze!* (зват. форма), именит. множ. *synove*, *dьne*, *kamene*. Во многих случаях представлен тот же корень или тот же суффикс с гласным *o* (явление так наз. чередования гласных): *berъ* — *borъ* (*zaborъ*), *nesъ* — *prinoseъ*, *tekъ* — *tokъ*, *voze!* (зват. форма), но дат. множ. *vozo-тъ*.

2) Гласный *e* находится после палатального согласного. Вследствие ассимилирующего воздействия палатальности согласного произошла передвижка вперед в образовании лабиализованных гласных *o, u*: *'o* → *'e*, *'u* → *'i* (см. выше). Например, *pol'e*, *mor'e*, *moje*, *tvoje*, *paše*, *vaše*, *pol'etъ* (дат. мн.), *kop'etъ* (дат. мн.). Ср. те же формы, в которых перед суффиксом (или окончанием) был согласный непалатальный (твердый): *selo*, *rebgo*, *ono*, *to*, дат. мн. *selotъ*, *sъpotъ*, *dvogotъ*.

В тех словах, в которых гласный *e* не был вместо *o* после палатального согласного, ему соответствует в других индоевропейских языках гласный краткий *e*. Например:

слав. *berъ* — греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$, лат. *fero*;

desęть — лит. *dėšimtis*, греч. $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$, лат. *decem*;

meľъ — лит. *medūs*, греч. $\mu\acute{\epsilon}\theta\upsilon$;

звательная форма на *-e*: *voze!* *vyčel!* — лит. *vilkė!* греч. $\lambda\acute{\upsilon}\chi\epsilon!$

лат. *lupel!*

именит. мн. *kamene* — лит. *akmenys* вм. *akmenes*, греч. $\acute{\alpha}\chi\mu\omicron\nu\epsilon\varsigma$,

лат. *sermōnes*.

Итак:

слав. \check{e} ← 1) \check{e}
 ↙ 2) \check{o} после палатального согласного.

§ 63. В славянской фонетической системе гласный *ě* испытывал такие изменения.

1) Недифтонгическое сочетание *ej* или *eĭ* (*j* или *i* принадлежал следующему слогу: *vějěši*). В этом сочетании под воздействием артикуляции *j* или *i*, — под воздействием, которое отражалось и на других образованиях (ср. ниже изменения всех согласных перед *j*), — гласный *ě* получил более высокое образование: он совпал с образованием гласного *ī*. А позднее гласный *ī* (*i* краткий) всякого происхождения подвергся редукции; *ī* → *ь*. Таким образом, *ěj* или *ěj* → *īj* или *ij*, а это затем заменилось посредством *ы* или *ѣ*. Например:

слав. *vyjō*, *vyješi* в м. *věj-ě-(ši)*; *byjō*, *byješi* в м. *bějě{ši}*; ср. чередование гласных в корнях: *neseši*, *beresi*, но *prinospь*, *zabogь*; так, повидимому, было и в этом корне: *vej-* в формах наст. вр., *voj-* в именах: *ro-voj-ĭnikъ* → *rovoinikъ*; ср. и в лит. языке наст. вр. с *vej-*; *vejū*; *tryje*, именит. мн. *gostyje*, *rotyje* — греч. *τρεῖς*, (греч.-крит. *τρεις*), лат. *tres*; греч. *πόλις*.

2) Основное сочетание *eu* перед гласным переднего ряда у славян заменилось посредством *ev*: *nevěsta*, *devětъ* — греч. *ἐννέα*; *drevьŭ*.

Но перед гласным заднего и среднего ряда *eu* → *ov* у славян: *повь* (ср. *nevěsta*), греч. *ῥοϋς*; слав. *řovъ* — греч. *πλέρω*. По аналогии, вследствие обобщения звукового вида основы, сочетание с *ov* применялось и в таких формах, в которых после *v* находился гласный переднего ряда. Например, *řoveši*, как и *řovъ* (1 л. ед.), *řovъŭ* (3 л. мн.) и др.

ě (ѣ).

§ 64. Гласный *ě* был гласным долгим. Его сокращение происходило в отдельных славянских языковых группах в условиях, в которых появлялась краткость вместо более ранней долготы и в отношении других гласных. Например, в открытом конечном слоге и в некоторых других положениях. В слогах, не подвергшихся сокращению, например, в слоге, непосредственно находящемся перед ударением, долгота *ě*, как и гласных *a*, *u*, сохранялась. Ср. долготу слога (долготу гласного *ě* и его заместителя) в сербо-хорватском, словацком, чешском языках:

gnězdo: сербо-хорв. *gnězdo* (*gnezdo*, *gnijezdo*, *gnĭzdo*), словацк. *hnĕzdo* (*je* в м. *ě* в долгом слоге), чешск. *hnĕzdo* (Т в м. *ě* в долгом слоге);

běda: сербо-хорв. *běda* (*běda*, *bijeda*, *bŭda*); словацк. *bjeda*, чешск. *bŭda*;

děte: сербо-хорв. *děte* (*děte*, *dijete*, *dŭte*), словацк. *diĕt'a*, чешск. *dŭtĕ*.

§ 65. Положение, в котором находился *ě*, было следующее: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога. В таком же положении находились и гласные *и*, *у* (*ы*), а также *і*, *е*, *о* — *běda*, *děte*, *сѣна*, *pěti*, *viděti*, *zeleněti*, *chlěbъ*, *věja*, *větrъ*, *na vodě*, *na vozě*, *въ ročě*, *na podzě*, *въ mĕsě* (именит. *mĕchъ*), *въ ocě* (именит. *око*), *dzělo* („очень“).

По вопросу о более раннем фонетическом состоянии в отношении *ě* отметим следующие чередования.

1) Ср. *gneto* — *ugnĕtati*, *pletō* — *sъplĕtati*, *grebo* — *rogrĕbati* и т. п. В основе глаголов итеративного значения находится долгий гласный: *positi* — *prinašati*, *тъkati* — *tykati*. Следовательно, и *ě* явился вследствие удлинения гласного *e*.

Итак, удлинявшийся *e* переходил в *ě*.

На происхождение *ě* из долгого *ē* указывают и следующие факты. В формах так называемого сигматического аориста (суффиксы *-s*, *-so*) представлено удлинение гласного в односложной инфинитивной основе на согласный; 1 л. ед.: *bāsъ* — инфин. основа *bod-* (*bosti* вм. *bođti*), а также *vēsъ* — инфин. основа *ved-* (*vesti* вм. *vedti*), *pēsъ* — инфин. основа *pes-* (*nesti*) и др.

Показательно также *ě* в слове *něstъ* („нет“), в сочетании, получившемся вместо *ne-estъ*: стяжение двух *e-e* дало *ē* → *ě*. Долгий *ē* появился некогда в доисторическую эпоху вследствие стяжения двух *ě* в таком сочетании: *niže edĭn-* → *nižĕdĭn-*. Гласный *e* после палатального согласного изменился в *a* (см. об этом ниже в этом §): *nižĕdĭn* → *nižadъn*. Таково происхождение старопольского *nižaden*, *nižadna*, *-dne* — „ни один, ни одна, ни одно“, южновеликорусского *нижадный*, *-ая*; „нижадной души нету дома“ — „совершенно никого нет дома“ (например, в типичных говорах бывш. Ливенского уезда Орловской губ., теперь Курской области); позднее в польском, как и в чешском, отрицание *ni* перестало употребляться в этом сочетании: *žaden*, *žadna*.

Гласный *ē* после *j*, *č*, *ž*, *š* имел иную судьбу. После этих согласных *ē* в раннее доисторическое время у славян представлял открытое образование и передвинулся в задний ряд: *ē* → *a*. Ср. инфинитивы на *-ě-ti*: *viděti*, *zeleněti*, *тъpĕti* — с *ě* после непалатального согласного и *stojati*, *kričati*, *мыčati*, *slyšati*, *dyšati* —

с а после палатальных j, č, ž, š. Ср. суффикс -ěль и аль: guběľ, svigěľ, но rečаль. Ср. é и а в сравнит. степени: dobrěi — тьпожаі, теќъчаі (теќък).

Ср. также в имперфекте ě и а: 1 л. ед. pesěachъ — rečachъ, možaachъ.

2) Ср. звуковой вид одного и того же корня: pè- (pěti) и роj- перед гласным (rojо, roješi); dè- (děte) и- doj- — перед гласным (dojо); doiti — „кормить грудью“; vè- (věpъсь) и voj- (povoji- níkъ → povojníkъ); сè- (сѣпа) и kaj- (kajati — „мстить“) и др.

Как видно, é находится перед согласным, а оj (oj) или aj (aj) перед гласным. Как в дифтонге оj, так и в дифтонге oj произошла монофтонгизация. Вместо дифтонга oj получился монофтонг — гласный переднего ряда è. Как ниже будет отмечено (в отделе о гласном i), вместо oj при определенных условиях, при особой интонации, получился в конце слова не ě, а гласный i: beri! гьсі! (2 л. ед. повелит. накл.), но berěte! гьсѣte! (2 л. множ. повелит. накл.).

Передвижка вперед в образовании дифтонга oj была вызвана ассимилирующим воздействием следующего образования для i. Ср. указанное выше изменение e перед i в i (ei перед гласным → i → ѡ; vьjо, vьješi...); ср. изменение дифтонга eі (перед согласным и в конце слова) в i, как отмечено будет ниже.

Передвижка образования для прежнего oj действовала в славянской фонетической системе тогда, когда изменение задненебных согласных k, g, ch перед гласными переднего ряда в č, ž, š (rekо — rečeši, mogо — možeši, lichъ — lišiti... — см. ниже) давно уже перестало быть актуальным. Но актуальность самой фонетической тенденции произносить перед гласными переднего ряда не задненебные согласные, а палатальные, сохранялась. Когда вместо oj стала производиться артикуляция переднего ряда oj, то произошла и подвижка для k, g, ch, находившихся перед этим дифтонгом. Но результат передвижки получился не такой, какой был развит некогда раньше перед давними гласными переднего ряда, — не č (вм. k), а с (палатальный согл.), не ž (вм. g), а dź (палатальный согл.), не š (вм. ch), а s': сѣпа, roсѣ, гьсѣte! гьсі, dzělo („очень“), podze, pomodzěte! (ед. ч. pomodzil), měšě (местн. ед., именит. мѣchъ), lěšě (дат.-местн. ед., именит. ед. lěcha).

§ 66. Сравнительное обозрение славянских слов с ě с соответствующими образованиями в других индоевропейских языках, как и анализ славянских данных, показывает, что славянскому ě

соответствуют в одних случаях \bar{e} , в других дифтонги $\bar{o}i$, $\bar{a}i$, $\bar{o}i$, $\bar{a}i$. В фонетике славян произошло сокращение долготы первой части дифтонгов $\bar{o}i$, $\bar{a}i$, а краткие \bar{o} , \bar{a} совпали у них в \bar{o} . Таким образом, $\bar{o}i$, $\bar{a}i \rightarrow \bar{o}i$ (ср. сокращение $\bar{o}u$, $\bar{a}u$ в $\bar{o}u$ которое было отмечено выше). Следы дифтонгов с долгим гласным в первой части отразились на виде интонации слога, заменившего этот дифтонг: в этих случаях интонация в славянской группе была восходящая. Такой она и была в том случае, если в слоге был давний долгий монофтонг. Если же в состав дифтонга входил краткий гласный, то заменитель такого дифтонга у славян имел нисходящую интонацию.

Возможно было и иное происхождение дифтонга oi в ранней славянской фонетической системе: из $\bar{e}i$, получившегося в давней системе индоевропейских языков вследствие редукции $\bar{a}i$, $\bar{o}i$, $\bar{e}i$ (см. выше в отделе об o : слав. \bar{o} вместо \bar{e}).

Слав. 1) $d\bar{e}ti$, $d\bar{e}jati$ — „делать“, „класть“, $d\bar{e}lo$: чешск. $dieti \rightarrow d\bar{it}i$, $d\bar{i}lo$, серб. $dj\bar{e}ti$, $d\bar{e}ti$, $dj\bar{e}lo$, $d\bar{e}lo$, словин. $d\bar{e}ti$, $d\bar{e}lo$. Долгота в чешском, краткость в сербо-хорватском, восходящее ударение в словинском указывают на более раннее восходящее ударение. На то, что в корне этого слова был гласный \bar{e} , а не дифтонг oi , указывает чередование $d\bar{e}$ - с $d\bar{e}$ -: с кратким \bar{e} этот корень в удвоенном виде входил в образование $d\bar{e}d$ -ja: ст.-сл. $\bar{e}d\bar{e}d\bar{a}$, $\bar{a}d\bar{e}d\bar{a}$. Соответствия других индоевропейских языков: лит. $d\bar{e}ti$ ($d\bar{e}ti$) — „класть“, греч. $\tau\bar{i}\theta\eta\mu\bar{i}$ — „кладу, ставлю“, будущ. $\theta\bar{i}\theta\omega$, др.-инд. $d\bar{a}dh\bar{a}ti$ — „он кладет, сажает“, основа $d\bar{h}\bar{e}$ -.

$s\bar{e}jo$, $s\bar{e}me$: чешск. $s\bar{i}m\bar{e}$, серб. $s\bar{j}\bar{e}me$, словинск. $s\bar{e}me$.

Чешская долгота, сербо-хорватская краткость, словинское восходящее ударение свидетельствуют о более раннем восходящем ударении; — лит. $s\bar{e}ju$, $s\bar{e}ti$, $s\bar{e}mens$ — „посев“, лат. $s\bar{e}men$ -, основа $s\bar{e}$ -; $z\bar{v}\bar{e}r\bar{y}$ — лит. $\bar{z}veris$, греч. $\theta\bar{i}r$.

$s\bar{e}d\bar{e}ti$ — лит. $s\bar{e}d\bar{e}ti$.

Сигмат. аорист $v\bar{e}sz$, $n\bar{e}sz$ (1 л. ед.); — ср. лат. $v\bar{e}xi$.

2) $s\bar{e}l\bar{y}$: чешск. $s\bar{e}l\bar{y}$, словин. $s\bar{e}l\bar{y}$. Чешская краткость, словинская нисходящая долгота указывают на нисходящую интонацию $s\bar{e}$ - более раннего времени; греч. $\chi\bar{o}i\lambda\bar{o}$ — „хорошо“, др.-прусск. $k\bar{a}il\bar{u}stiskan$ — „здоровье“, гот. $h\bar{a}il\bar{s}$ — „здоров“; основн. $k\bar{o}i\bar{l}$ -.

$s\bar{e}na$: лит. $k\bar{a}in\bar{e}$ — „цена“, греч. $\pi\bar{o}i\bar{n}\eta$ — „пеня за убитого, возмездие“, др.-иран. $k\bar{a}e\bar{n}a$ — „возмездие“, „месть“; основн. $k\bar{u}o\bar{j}na$ — „месть“.

sněgъ: серб. snijeg, snĕg, словинск. snĕg. Сербо-хорватская и словинская нисходящая долгота под ударением указывают на нисходящее ударение в более раннее время; ср. лит. sniėgas, snaĩgala — „комоч снега“, гот. snaiws; ср. в греческом и латинском ступень ослабления (редукции): греч. νίφα, лат. nix, родит. nivis; основн. snōjgh-.

vėdė („я знаю“); гот. wait, греч. φοῖδα;

-ė в окончании форм местн. ед., -ėchъ в местном множеств.: vozė, vьlcė, mėšė, па vozėchъ; греч. -οι в единств. — -οισι во множ.: οἶκοι — „дома“ („в доме“), ἰσχυροί, λυκοισι.

ė-ть, -ė-te в форме 1 л. и 2 л. множ. ч. повелит. накл.: berėть! berėte! гьсетъ! гьсėtel— греч. φέροιμεν, φέροιτε.

3) lėvъ, lėvŷi: чешск. lěvŷ, серб. lijevъ, lėvъ; словин. lėv. Краткость в чешском, нисходящая долгота в сербо-хорватском и словинском указывают на нисходящее ударение более раннего времени; ср. греч. λαίφος, лат. laevus; основн. lăjŷ-.

dъvė;— лат. duae.

pėstiti — „охранять“; др.-инд. рауúћ — „охраняющий“ (pāi-).

Итак:

Слав. ě ← ē
← oi (из ōi, ōi, āi, ai; ai).

§ 67. Какое звуковое образование представлял гласный ě в конце доисторического периода славянских языковых групп? История отдельных славянских языков указывает ясно, что образование гласного ě было тогда неодинаково. В тех языковых группах, которые легли, с одной стороны, в основу языка славян болгарских и, с другой стороны, в основу языка славян северо-западных (полабян, поморян, поляков), образование этого гласного представляло собою открытый ā. Такого типа гласный долго был во всех славяно-болгарских группах. По говорам гласный ā представлен до сих пор (см. в старославянском отделе). Его изменение было такое: в e, в одних фонетических условиях, в 'a (a после мягкого согласного) — в других; в 'a изменился ě перед слогом, в котором был гласный заднего или среднего ряда, т. е. перед давним твердым согласным: б'ал, хл'аб, но белĭ, верен. В западных болгарских группах гласный e заменил собою более ранний 'ā во всех положениях.

В северо-западных славянских группах гласный 'ā изменился в 'a перед твердым небнозубным согласным (п, t, d, s, z) и пе-

ред г, і; в других положениях — е; ср. в польск. b'ały, d'ad (dźad); chr'an (chšan), но b'elić, chleb, v'ek.

Отметим, что в тех же условиях происходила в поморской и польской группах и веляризация гласного е: е → 'о: s'olo, s'ostra, p'oso, но p'ešeš.

В тех языковых группах, которые легли в основу прочих языков, — восточнославянских, словацкого, чешского, сербо-хорватского, словинского, — образование ё было иное: это был гласный переднего ряда, напряженный, с повышенным подъемом языка: ê. На такой гласный указывает история ё во всех этих языках. Его замена посредством е, ie, i — явление позднейшее. Гласный ie, представляемый некоторыми из этих языковых групп в их истории и современном состоянии, следует рассматривать в связи с изменением гласного о, удлинившегося при тех или иных условиях в славянских языковых группах. Удлиняясь, гласный о становился закрытым — ô, и его изменение проходило в том же направлении, как изменение ê из ё и из удлинившегося в определенных условиях е. На такое изменение ê и ô указывают языки чешский, словацкий, лужицкие, словинский, украинский, русский. Несколько примеров. В чешском языке, как и в словацком, судьба ё была неодинакова в долгом и кратком слогах: в долгом слоге, т. е. в положении, которое вызывает собою закрытость и напряженность гласного, выделился более высокий артикуляционный элемент в начальной части образования для ê, как выделялся он и при других долгих гласных ряда е: ê → ie (r'ěci → r'ēci → r'ieci). Позднее у чехов всякое ie изменилось в ĭ, у словаков ie → ĭe: словацк. biely, diet'a, hniedzdo, sleň, чешск. bílý, dítě, hnízdo, síň. Ср. изменение там в том же направлении удлинившегося при определенных условиях гласного о: он стал напряженным, закрытым и выделил в первой своей части более высокую артикуляцию: ô → uo. У словаков uo, у чехов в историческое время он заменился гласным ů (как ie → ĭ). Словацк.: vuol'a, kuoň, puož, puoh (родит. мн.), чешск. vůl'a → vuol'e → vŭle; kůže („кожа"), kŭň, dvŭr, pŭž.

Параллелизм в судьбе ê и ô представляют также ясно словинские говоры.

Сообщим еще несколько примеров из украинского и русского языков.

Примеры из украинского языка. См. текст памятника 1164 г. Добролюва ев. В нем пишется ѣ не только на месте давнего ё.

но и нередко на месте *e*, который подвергся удлинению. Удлинение гласных *e* и *o* происходило в украинском языке перед слогом с утраченным *ъ*, *ь* или перед утраченным редуцированным *ї*: *камѣнь*, *ремѣнь*, *оунтѣль*, *сѣдмь*, *цѣсть*, *боудѣть*, *зѣлью*... Следовательно, удлинившийся гласный *e* произносился так, как гласный вместо давнего *ѣ* (*ѣ*). А в украинском языке в тех же условиях происходило удлинение гласного *o*: *mostъ* → *mōst*. Удлиняясь, *o* становился закрытым. На это ясно указывают украинский, чешский и другие славянские языки. Но закрытый гласный *ô* передавался в староукраинской письменности посредством буквы *o*, так как не было в азбуке более подходящего знака. Может быть, не представляют случайной описки немногие примеры с *oo* в Галицком ев. 1266 г. (*воовьца* — *вм. овьца*), и в Поликарповом ев. 1307 г. (*воотца* *вм. отьца*), а указывают на особый гласный *o*: *ô*. Если бы вместо удлинившегося *e*, как и вместо давнего *ѣ* (*ѣ*), было *ie*, то несомненно и вместо удлинившегося *o* было бы *uo* (*yo*): в образованиях *ê*, *ô* одновременно, в силу одинаковой фонетической тенденции, выделяется в начале артикуляции более высокий, закрытый элемент *i*, *u* (*y*). Образование же *uo* писцы передали бы, хотя бы и в отдельных случаях, посредством *оуо*, *оу*, или как-нибудь иначе отразился бы элемент *u* (*y*). Но следов такого явления нет со 2-й половины XIV — до XV в. С этого лишь времени появляются в украинских письменных памятниках примеры с *у*, *оу*, указывающие на *uo* (*yo*) или на *u* (*y*) вместо *ô*: *друзѣь*, *оунукумъ* („внукам“, грам. 1359 г.), *добрвоулю* (грам. 1366 г.); *твуй*, *свуй*, *носѣь* (*ъ*), *злѣдѣювь* (Пересопницкое ев. 1561 г.) и др. Таким образом, следует полагать, что в староукраинском языке *ѣ* имел значение закрытого *ê*. Таким он был в XII—XIII вв. Позднее произошло выделение высокого, напряженного элемента в первой части артикуляции *ê* → *ie* с дальнейшим изменением. Так изменялся и *ѣ* вместо удлинившегося *e*: *печь* → *pêч* → *pieч*. В том же направлении проходило изменение и удлинившегося *o*: *ô* → *uo* (*yo*)...

Такое же образование *ê* (*ѣ*) представлял в прошлом и русский язык. Следы такого образования имеются во всех русских группах, и южных и северных. В некоторых сев.-русских говорах находится *ie*, *ʲe* или нечто вроде этого (с элементом *i* в начале) вместо *ѣ* (*ѣ*), но находится при условии, способствующем в русском языке продлению и закрытию гласного, — под ударением: *лѣс*. Но без ударения — *-e*: в *лесу́*. Это *iê* вместо ударенного *ê*,

которое находится до сих пор во многих сев.-русских говорах. Так изменился и закрытый гласный *ô* под ударением. А закрытость гласного *ô* была по говорам вместо прежнего *o* под восходящим ударением: *kôža, vól'a, dvôg, kôn'*, но — *pol'e, most, p'ego...* Ср. то же явление в чешском, словацком, словинском языках.

Наконец, отметим еще одно явление из области сербо-хорватских говоров. В некоторых говорах чакавского наречия представлена такая замена *ě* (ѣ): перед твердым небнозубным (*t, d, s, z, n*) и перед *г, л* — гласный *e*, в других положениях — *i*: *leto, testo, sěno, blěd, běl; brīg, hlīb, sīme, vīdit* — инфинит., но *videl...* Так в говоре Нови. Ср. судьбу *ě* в сев.-западных славянских языках: *ě* → *'a* перед твердым небно-зубным, *ě* → *'e* в других положениях, т. е. при условиях веляризации (перед твердыми небно-зубными согласными) там *'ä* → *'a*, *'e* → *'o*. У чакавцев же при тех же условиях веляризации, способствовавших появлению открытости артикуляции, образовался гласный *e*; при других же условиях происходил подъем артикуляции: стали произносить *i*. Следовательно, предшествующая фонетическая стадия представляла гласный более закрытый, чем *e*, но более открытый, чем *i*, т. е. закрытый, напряженный *ě*, который имели в своей системе и другие сербо-хорватские группы.

Памятники письменности у славян на юге (у сербов и хорватов), на западе (у чехов), на востоке (у русских, у украинцев) свидетельствуют, что *ie, i* вместо *ě* (ѣ) — явление не раннее, а явление XIII—XV вв.

Итак, гласный *ě* в последний доисторический период представлял образование гласного *ä* в одних группах, образование гласного *ě* — в других. Вопрос о том, какое образование было в более раннее доисторическое время, оставляем открытым, так как еще многое остается неясным в тех фонетических явлениях, которые связаны были с *ě* и *oj* у славян ранней доисторической эпохи. Мы склоняемся к такому представлению: в более давнее время гласный, который изменился в *ě*, был гласный широкий *ē* (типа *ā*). Такого образования был некогда гласный вместо еще более давнего *ē* и вместо *oj*. Относительно образования гласного *ē* в давнее время примем во внимание его изменение в *a* после *j, č, ž, š*. Дифтонг *oj* вследствие ассимиляции с *i* и вследствие стремления к открытости слога заменился долгим *ō*. Но гласных лабиализованных переднего ряда в ранней фонетической системе

славян не было. Поэтому гласный \bar{o} утратил лабиализованное образование и совпал с широким \bar{e} (\bar{a}).

О гласном i вместо oi см. в следующем пункте.

i.

§ 68. Гласный i был гласным долгим. Таким он является в истории отдельных славянских языков, если не происходило, при определенных условиях, сокращения его. Ср. долготу \bar{i} в давнем непосредственно предударном слоге: сербо-хорв. $\bar{z}\bar{i}ma$, $\bar{l}\bar{i}ce$, $\bar{p}\bar{i}sati$, $\bar{p}\bar{i}\bar{s}tati$ („шипеть“, „пищать“) и др.; чешск. $\bar{l}\bar{i}ce$, словацк. $\bar{p}\bar{i}sat'$, чешск. $\bar{p}\bar{i}\bar{s}'ala$ („свирель“, „гудок“) $\bar{v}\bar{i}dati$ („видать“).

§ 69. Позиция i : в конце слога (т. е. перед согласным и в конце слова)— $\bar{z}\bar{i}ma$, $\bar{b}\bar{i}ti$, $\bar{v}\bar{i}ti$, $\bar{z}\bar{i}ti$, $\bar{i}ti$, $\bar{v}\bar{i}d\bar{z}$, $\bar{v}\bar{i}d\bar{e}ti$, $\bar{z}\bar{i}ti$, $\bar{l}\bar{i}pa$, $\bar{p}\bar{i}l\bar{i}p\bar{a}ti$, $\bar{s}\bar{v}\bar{i}tati$...

В ряде случаев гласный \bar{i} находился в корне и в суффиксе, представлявших собою удлинение соответствующего корня или суффикса с гласным кратким \bar{i} , позднее изменившимся в доисторическую эпоху в \bar{y} .

а) $\bar{s}\bar{v}\bar{y}t$:- $\bar{s}\bar{v}\bar{y}n\bar{o}ti$ (вм. $\bar{s}\bar{v}\bar{y}tn\bar{o}ti$), но $\bar{s}\bar{v}\bar{i}tati$;

$\bar{l}\bar{y}p$:- $\bar{l}\bar{y}n\bar{o}ti$ (вм. $\bar{l}\bar{y}pn\bar{o}ti$), но $\bar{l}\bar{i}p\bar{a}ti$, $\bar{p}\bar{i}l\bar{i}p\bar{a}ti$;

$\bar{z}\bar{y}d$:- $\bar{z}\bar{y}dati$, но $\bar{z}\bar{i}dati$, $\bar{o}\bar{z}\bar{i}dati$ и др.

б) Именит.-винит. двойственного числа имен на \bar{i} ($\bar{i} \rightarrow \bar{y}$) оканчивался на \bar{i} . Это окончание представляло собою удлинение гласного \bar{i} : $\bar{k}\bar{o}st\bar{i}$ („2 кости“), $\bar{g}\bar{o}st\bar{i}$ („2 гостя“). Ср. др.-инд. соответствующие формы: $\bar{p}\bar{a}t\bar{i}$, $\bar{a}v\bar{i}$.

Параллельное явление было в именах на \bar{y} ($\bar{y} \rightarrow \bar{z}$: $\bar{s}\bar{y}p$): $\bar{s}\bar{y}pu$. Ср. др.-инд. $\bar{s}\bar{y}n\bar{p}\bar{u}$.

И*другие индоевропейские соответствия славянским словам с i указывают в ряде случаев на \bar{i} . Например:

слав. $\bar{p}\bar{i}ti$, $\bar{p}\bar{i}g\bar{z}$ ($\bar{p}\bar{i}$ -гъ) — др.-инд. $\bar{p}\bar{t}\bar{i}h$ („напиток“), греч. $\bar{p}\bar{i}\bar{v}\bar{h}$ (пов. накл.), $\bar{p}\bar{i}v\bar{o}$ („пью“);

$\bar{z}\bar{i}v\bar{z}$ — лит. $\bar{g}\bar{y}vas$, лат. $\bar{v}\bar{i}vus$, др.-инд. $\bar{j}\bar{i}v\bar{a}h$ ($\bar{d}\bar{z}\bar{i}v\bar{a}h$);

$\bar{t}\bar{r}\bar{i}$ — лит. $\bar{t}\bar{r}\bar{y}lika$ („13“), лат. $\bar{t}\bar{r}\bar{i}ginta$ („30“), др.-инд. $\bar{t}\bar{r}\bar{i}$;

окончание в именит. ед. \bar{i} в именных суффиксах $\bar{i}j\bar{i}$ ($\bar{y}j\bar{i}$), $\bar{y}n'\bar{i}$, в именит. ед. женск. рода причастий и сравнительной степени на \bar{i} : $\bar{s}\bar{o}d\bar{i}i$, $\bar{m}\bar{i}\bar{s}t\bar{y}n'\bar{i}$, $\bar{p}\bar{u}st\bar{y}n'\bar{i}$;

$\bar{b}\bar{e}r\bar{o}t\bar{j}\bar{i}$ (ст.-сл. $\bar{b}\bar{e}r\bar{z}\bar{h}\bar{c}\bar{i}$); др.-инд. $\bar{b}\bar{h}\bar{a}r\bar{a}nt\bar{i}$, лит. $\bar{d}\bar{e}g\bar{a}nt\bar{i}$ (именит. ед. женск. рода причастия наст. вр.) $\bar{b}\bar{y}r\bar{a}v\bar{z}\bar{s}\bar{i}$, $\bar{v}\bar{e}z\bar{z}\bar{s}\bar{i}$; др.-инд. $\bar{v}\bar{i}d\bar{u}\bar{s}\bar{i}$, лит. $\bar{v}\bar{e}\bar{z}\bar{u}\bar{s}\bar{i}$ (именит. ед. женск. рода причастия прош. вр.):

dobrěiši — др.-инд. svādīyasī (именит. ед. женск. рода сравнит. степени).

§ 70. Перед гласным сочетание еј (eј) изменилось в ъј (см. выше): вьјо, вьјеши; бьјо,— бьјеши. Перед согласным находится монофтонг і: viti, biti, vidъ — с гласным і вместо более ранних т и еј.

Гласный і мог быть и вместо еј перед согласным или в конце слова. Судьба еј и еј была одинакова в отношении слогового гласного, как одинакова была в этом отношении судьба дифтонгов ъу, ъу, ѡј, ѡј (: і). Отличие в судьбе дифтонга с кратким гласным (ѡу, ѡј, еј) по сравнению с судьбой дифтонгов с долгим гласным (ѡу, ѡј, еј) отражалась в интонации: дифтонги ѡу, ѡј, еј изменились в у, е, і с нисходящей интонацией; дифтонги с долгими ѡу, ој (āј), еј изменились в гласные у, е, і с восходящей интонацией.

veja, — с еј вместо еј перед гласным;

sēja („сеянье“), sēja, sēja — sīto; ср. долготу гласного ударенного і в чешском языке: sīto. Под ударением давняя долгота сохранилась у чехов в тех случаях, когда она (долгота) имела восходящую интонацию.

Сочетание еј у славян было неодинакового происхождения:

а) еј после непалатального согласного: vej- (vej-о → вьјо);

б) вместо ој после палатального согласного:

vol'i, ulici (дат.-местн. ед.), па коп'i (коп'ь), kol'it — kol'itel (повелит. накл.); ср. è (из ој) в этих формах после непалатального согласного: губè, зèнè, па возè (возь), берèтел (единств. berit!); творит. ед. местоимений мужск. и средн. рода: імь, паšимь, čимь, но — тèть, опèть, сèть (с вместо к) и другие формы местоимений (во множ. числе) с і после палатального согласного, — с è после непалатального согласного (паšichъ — techъ...).

Соответствия других индоевропейских языков также указывают в ряде случаев на еј (ěј, ēј).

Слав. vidъ — лит. véidas („лицо“);

křivъ — лит. kreivas;

ni — ni (отрицание) — лит. nei — nei;

iti — лит. eiti, греч. éti.

§ 71. Гласный і чередовался с è не только в зависимости от того, что ој после палатального согласного изменилось в еј, а еј в і (vol'i, но губè), но и от другого условия — в конце слова в зависимости от интонации слога: при нисходящей интонации ој

(разного происхождения) изменилось в *i*, при восходящей интонации *oi* перешло в *ě*:

1) именит. множ. числа на *-i*: *vozi, vylci, rodzi* (гогъ).

2) в энклитике дательного единств. личных местоимений *mi, ti, si*;

3) в повелительном наклонении 2 и 3 л. единственного числа: *beril gьcil pomodzil* — но во множ. числе *ě*: *berete! pomodzete!*

4) 2 л. единств. числа наст. вр. нетематических глаголов с окончанием *-si*: *jesi, vьsi, jasi (jьsi), dasi*.

На то, что конечный гласный *i* в этих формах заменил собою более ранний дифтонг *oi*, указывают некоторые черты славянского языкового материала, а также соответствия с другими индоевропейскими языками. Из славянских данных показательно чередование *i* — в конце слова, *ě* — не в конце слова в формах повелительного наклонения: *gьcil gьcete!* Кроме того, ниже будет показано, что у славян в доисторическое время появились *s* вм. *k*, *dz* вм. *g*, *š* вм. *ch* перед заместителями дифтонга *oi* — перед *ě* и перед *i*: *сѣпа, gьcil gьcete!*

Из соответствий с другими индоевропейскими языками ср. *oi* с краткими элементами дифтонга в греческом языке в именительном множ. (*λύχοι, ἄνθρωποι, οἴχοι*), в дат. ед. местоименных энклитик (*ἐμοί, σοί*), в желательном наклонении (*φέροι, λείποι*). Ср. и в литовском языке дифтонг *ai* в именит. множ.: *vilkaĩ, diėvaĩ*.

Ср. окончание *-sai* в среднем залоге: греч. *τίθεσαι*, слав. *dasĩ* (окончание *-si*).

Ту же судьбу имел и давний гласный *ě* при такой же интонации.

mati, dŭkti (*dŭť'i* древнерусск. дъчи, соврем. дочь). Ср. замену последнего слова в сербо-хорватском языке: *kćĩ* — с нисходящим ударением, соответствовавшим такого же типа ударению доисторической эпохи. Ср. лит. *motė, (môtė), duktė* (*ė* из *ě*). Долготу гласного представляли и греческий и др.-индийский языки: греч. *μήτηρ* (дорич.-греч. *μάτηρ*), *θυγάτηρ*; др.-инд. *mātā, duhitā*.

Некоторые из лингвистов полагают, что в этих славянских формах на *-i* (*mati*) окончание *-i* могло быть иного происхождения — не фонетического, а под влиянием окончания *-i* в именит. пад. ед. числа таких имен женск. рода: *pustyn'i, nesq̄tji* (прич. наст.), *pesъši* (прич. прош.).

При иной интонации конечного слога, при восходящей, конечный дифтонг *oi* в славянских доисторических группах изменился в *ě*.

Местн. ед. числа: *vyčě, rodzě (rogъ), měšě (měchъ)*— ср. греч. *-oi*, первоначально не с краткими элементами дифтонга: *ōiχοi* („в доме“, „дома“); ср. иной вид ударения на начальном *oi-* по сравнению с ударением на *-oi* в именит. множ. — *oiχοι* (именит. множ.).

Дат.-местн. ед. имен жен. р. на *-a*: *gubě, rōcě, podzě, mišě (micha)*. Ср. дат. ед. в лит. языке: *gāpkaī*, в греч. языке *χώρα*. Ср. формы местного падежа ед. ч. на *-ai, -ae* в таких латинских именах, как *Rōmaī, Rōmae* („в Риме“).

Именит.-винит. двойственного числа: *gube, rōcě, podzě*.

В *ě* изменился и конечный *ē* при восходящей интонации. Такого происхождения *ě* в форме именит. пад. двойств. числа личного местоимения 1 л.: *vě* („мы оба“). Ср. в литовском языке *ve: vēdu* („мы оба“); *vė* — „мы оба“, *du* — „два“.

Но при решении вопроса об определении более давней интонации по отношению к конечным *oi* и *ē* в разных индоевропейских языках имеется ряд затруднений, вызываемых расхождением индоевропейских соответствий. Повидимому, в отдельных индоевропейских языках происходили передвижения и изменения в интонации не в одинаковом направлении. А эта неодинаковость имела следствием расхождение в показаниях разных индоевропейских языков.

§ 72. Сравните *šiti* и *šъвьсь, šъвъ, šъva*. Наличие группы *ъv* с *v* указывает на более раннее сочетание *īu*, а это последнее вместо *ī* из *iu* после палатального согласного (*š*). Сочетание *iu* находилось перед гласным в соответствии гласному *ī* перед согласным (см. выше). После палатального согласного образование для *u* передвинулось вперед: *'u → 'ū*. По утрате лабиализованных гласных переднего ряда *ū → i, ū → ĭ (ĩ → ѣ)*: *šiti, šъвьсь*. На *ū* в этом слове указывает и соответствие в других индоевропейских языках: лит. *siūti*, гот. *siujan*. У славян *i* перед гласным было неслоговым; возникшее сочетание *si* заменялось посредством *š*.

§ 73. В славянской речи не было слов, которые начинались бы с *ъ*: перед ним, как и перед *e*, было представлено образование неслогового *i*. Ср. *въьтq, въьтеši (въь-теši)*, но нет *ьтq, ьтеši*; было *iьтq, iьтеši*. Сочетание *iъ* изменилось в начале

слова перед слогом с гласным полного образования неодинаково: в одних группах — в *i* и в редуцированный *i*, в других — в *i*. Звуки *i* и *i* были в тех группах, которые легли в основу западнославянских языков, а также украинского и белорусского; *i* — в тех группах, которые легли в основу русского и южнославянских языков.

imq, *imq* вм. *ǐmq*;

ime, *ime* („имя“) вм. *ǐme*;

idq, *idq* („иду“) вм. *ǐdq*;

igra, *igra* вм. *ǐgra*;

iz (*iz*) вм. *ǐz*.

Гласный *i* перед *ь* в этих случаях появился в доисторическое время в славянских группах.

Редуцированный *i* по славянским группам позднее заменялся неслоговым или утрачивался. Ср. чешск. *jmi*, *mi*; украин. *имú*, *мú*; ст.-чешск. *jmě* („имя“); чешск. *hga*, польск. *ga*, украинск. *игра*, *гра*; чешск., польск. *z*, *ze*, украинск. *из*, *з*, *зо*.

Такова была судьба сочетания *ǐ* или *ǐь* и другого происхождения, — такого, когда славянскому *ǐь* было соответствие в других индоевропейских языках *jǐ*: и после палатального согласного изменился у славян в *ǐ*; по утрате лабиализации появился *ǐ*, который затем, как всякий краткий *ǐ*, редуцировался в *ь*.

Слав. *igo*, *igo* (позднее, в чешском *jho*, *ho*); лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*, др.-инд. *yugám*.

Но не все слова с *i* восходят к словам с таким же гласным доисторической эпохи. Имеются данные, по крайней мере для украинского и белорусского языков, указывающие на то, что в ряде случаев сочетания с *i* в начале слова появились вместо *i* полного образования, — появились после гласного предшествующего слова. Так в Добриловом ев. 1164 г.: *нъ нму*, *нъ нрю*, *нъ нмате* (*pě-i mate* или *pě-imate*), — с новым *ѣ*, как и *нъ сьгрши*, *нъного*, *нъ всегда*, — с *нъ* вместо *не* перед слогом с утраченным *ь* (*ь*). То же явление отразилось в надписи на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.: *камънью*, *да нъ изнесать*. Гласный *ъ* появился в отрицании *нъ* вместо *о* потому, что в следующем слого произошло редуцирование гласного *i*: *i* → *i*; в связи с ослаблением гласного *i* удлинился гласный в предшествующем слого, как это было во всех подобных случаях: см. пункт о *ѣ*: *не имать* → *pě* —

іпать. Ср. ѣ вместо е в таких случаях как на *ивѣ* — па п'ѣі вм. па п'еі (Добрилово ев., 1164 г.). Параллельно с изменением гласного і происходило изменение начального гласного *ѹ* — его редуция и затем утрата слогового образования: *нѣ ужаснѣ сѣ* (*пѣ-ѣжа-* или *пѣ-ѹжа-*), *нѣ уѹсѣ*, *нѣ умрѣть* и др. в том же памятнике. Так и в других украинских памятниках XII—XIII вв. На редуцированность или на неслоговость *ѹ* указывает также передача его посредством *въ-* или *в-*: так, например, в Типографском ев. № 6, XII—XIII вв.: *нѣ нмуть*, *нѣ ужаснѣ сѣ* и т. д., а также *нѣвѹншѣ*, *вѣгснѣть*, *вѣмѹю* и др. На происшедшее изменение гласного *ѹ* в начале слова, на его редуцию или неслоговость указывает и такое явление: гласный ѣ в конце предшествующего слова удлинился и изменился в о: *безо оусѣха* (*bezoušpěcha* или *bezou cspěcha*) в житии Саввы освященного, XIII век.

Не в начале слова *іѣ* заменилось гласным *і* по всем славянским группам доисторического времени. Например, именит. ед. *воіѣ* (*voі-ѣ*) → *voі*, *гоіѣ* (*goі-ѣ*) → *goі*, *моіѣ* (*moі-ѣ*) → *moі*...

Позднее, в истории славянских языков, гласный безударный *і*, находясь после гласного, подвергался редуции: *і* → *і̇*. В связи с этим ослаблением происходило по славянским языковым группам удлинение предшествующего гласного: *dobry-і* → *dobry-і̇*, *gnoi* → *gnoi̇*. Еще позднее редуцированный *і̇*, если он не ассимилировался с предшествующим гласным *у*, *і* (*dobrẏ*, *sin'ī̇*), стал неслоговым: *dobry-і̇*, *sin'ī̇* (в восточнославянских языках), *gnoi̇* и т. п.

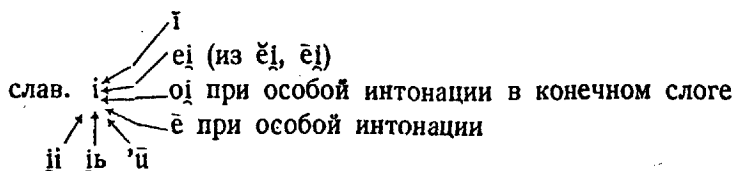
§ 74. Были такие сочетания, в которых перед *і* был *і̇*. Сочетание *і̇і* заменялось одной артикуляцией — артикуляцией гласного *і̇*: твор. ед. местоимения с основой *і̇е* (*і̇е-го*, *і̇е-ти*): *і̇еі̇* → *і̇і̇* → *і̇*; ряд форм множ. ч. этого местоимения имел основу также распространенную посредством *і̇* (так и в других местоимениях) — *і̇еі̇*: *і̇еі̇* → *і̇і̇* → *і̇*; род. *і̇сѣ*, дат. *і̇сѣ*, твор. *і̇і̇*, местн. *і̇сѣ*. В двойств. числе дат.-тв. *і̇і̇а*.

По славянским группам эти сочетания могли быть *і̇і̇*, с начальным *і̇* — вторичного происхождения:

а) под влиянием форм *і̇е-го*, *і̇е-ти*, *і̇е-ть* могло произноситься и в творит. ед. *і̇і̇*, с *і̇* в начале формы;

б) в середине фразы после гласного *і̇*: *дати-і̇і̇*; см. в разделе с начале слова.

Итак:

q, ɣ.

§ 75. История всех славянских языков представляет указания на существование носовых гласных в их системе. Один из носовых гласных был гласным заднего ряда, другой — переднего ряда. Образование носовых гласных таково: в момент произношения гласного небная занавеска опущена; струя воздуха поступает не только в полость рта, но и в полость носа.

Образование носового гласного заднего ряда не вполне одинаково было в славянских языковых группах в последний доисторический период. В одних из них это был носовой сильно лабиализованный гласный qⁿ (близкий к носовому ц). Такой носовой гласный был в тех языковых группах, которые легли в основу языков сербо-хорватского, чешского, словацкого, серболужицких, восточнославянских. Позднее в этих языках по утрате носового образования (когда небная занавеска перестала опускаться в момент произнесения гласного) получился гласный u: guka, ruť, pesu (1 л. ед.). В других группах был носовой гласный q. Так было в группах, легших в основу языка словинцев. Дальнейшее изменение его заключалось в утрате носового произношения: q → o. Но по словинским диалектам небная занавеска продолжала опускаться или попрежнему в момент образования гласного (говоры Юньской долины в Каринтии: mōka, sōset, dōr, graŕa — „грѣда“, uzaŕu), или же небная занавеска стала опускаться не в момент образования гласного, а после: развился вторичный носовой гласный n и m. Так было перед затворными согласными и аффрикатами: monka, gonka, mesenc, senca („счастье“) (говоры Зильской долины в Каринтии).

У предков славян болгарских носовой гласный заднего ряда был близок к носовому ь: љ. Об этом подробнее говорится ниже, в отделе старославянской фонетики. Его позднейшая судьба была такова: он заменился гласным љ или по диалектам на юго-востоке и на юго-западе посредством љп, љш перед затворным согласным (ш перед губным согласным): рьяка, зьмб — „зуб“.

У славян северо-западных — у предков поляков, поморян и полабян — был носовой гласный лабиализованный ǫ̃ . Его дальнейшее изменение находилось в зависимости от долготы и краткости слога: в долгом слоге ǫ с дальнейшим изменением, в кратком ǫ (носовой a) с дальнейшим изменением. У поляков в кратком слоге — ǫ в одних диалектах, ę в других (и в литературном языке). Настоящие носовые гласные образуются в польском языке только перед длительными s , ś , ś , ch : vǫs , sǫśad (-t), męso , vęśyc — „обонять“, vęch — „нюх“, „обоняние“, vǫchać — „нюхать“. Так и перед z , ź , ż . Но перед звонкими фрикативными бывает и слабое образование вторичного носового согласного: vęzić — $\text{vę}^{\text{h}}\text{zić}$ („заключать в тюрьму“), vęża — $\text{vę}^{\text{h}}\text{ża}$ — „змеи“ — род. ед. Перед затворными развился вторичный носовой согласный m или m (m перед губным согласным). Вместо давнего носового гласного произносится носовой гласный или неносовой гласный: rępa или rępa , ręta — ręta („пути“, „оковы“), żond — żond — „правление“, „ряд“, domb — domb — „дуб“.

Но северо-западные славянские языки указывают, что давнему носовому ǫ̃ предшествовала фонетическая стадия с носовым гласным заднего ряда сильно лабиализованным. След значительной лабиальной артикуляции в образовании носового гласного заднего ряда в северо-западных языках остался такой. Выше мы отметили судьбу гласных ū и ỹ : они стали нелабиальными, а лабиальная артикуляция слилась с образованием предшествующего согласного или выделилась в особое образование при начале слова с ū , ỹ : vydra . Вот такого-то происхождения v представляют северо-западные славянские языки: носовой гласный заднего ряда был некогда гласным со значительным лабиальным элементом; затем произошло ослабление лабиальной артикуляции в образовании его и вместе с тем выделение лабиального элемента, который совпал с артикуляцией предшествующего согласного или выделился в начале слова как образование v . Поэтому все слова с давним ǫ — в начале слова представляют v : vǫ — в старопольском долгом слоге, vę — в старопольском кратком слоге: vǫsy , vǫchać (вм. ǫchati — „нюхать, обонять“), vǫdół — „овраг“, vǫtek — „уток“, vǫtly — „слабый, утлый“, vęch — „обоняние“, vęda — „удочка“, vęg'el — „уголь“ и др.

Согласный v в этих случаях нельзя объяснять так, как v перед гласным в начале слова в некоторых польских диалектах, а также в других славянских группах (лужицких, чешских, белорусских,

украинских): воко, vischo. В этих случаях *v*, а также *h*, *j* представляют явление более позднее, вызванное особым способом произношения гласного в начале слова: струя воздуха поступала в гортань ранее момента артикуляции гласного; происходила гортанная фрикация, которая затем переходила в образования *h*, *v*, *j*.

§ 76. Что касается носового гласного переднего ряда, то это был открытого (широкого) образования гласный *ä*. Его судьба в отдельных славянских языках была тако а.

В польском языке в долгом слоге его образование совпало с образованием для носового гласного заднего ряда: *o*. Но перед *o* вместо давнего *ä* находится мягкость согласного: *‘ozać* вместо *väzati* — „вязать“; в кратком слоге получилось то же, что вместо *o*: *a* или *e*. Но мягкость предшествующего согласного указывает на бывший тут некогда гласный переднего ряда: *m’aso* или *m’eso* (по диалектам), *p’ac’* или *p’ec’* (по диалектам). В отношении небной занавески происходило то же, что и в образовании носового гласного заднего ряда: она опускалась в момент произношения гласного в тех случаях, если далее следовал фрикативный согласный (*m’eso*); перед затворными согласными она опускалась позднее: *p’eić* или *p’eić*.

В восточнославянских языках *ä* → *’a* (а после мягкого согласного): *m’aso*, *p’ать* → *p’at’*.

В чешском и словацком была также пережита утрата носового образования: *ä* → *ä*. Дальнейшая судьба этого гласного находилась в связи с долгой и краткостью слога, а также в связи с образованием следующего согласного. В чешском языке в долгом слоге — *ī* (из *ie*) перед мягким согласным (если в следующем слоге был гласный переднего ряда, перед которым согласные раньше были мягки) и в конце слова, *ā* перед твердым согласным (если в следующем слоге не было гласного переднего ряда): *řīditi* („управлять“) вм. *rāditi*; *řād* („порядок“) вм. *rājī*; *vāzati* вм. *vāzati*. В кратком слоге *e* перед мягким согласным (перед слогом с гласным переднего ряда) и в конце слова, *a* — перед твердым согласным (перед слогом с гласным непереднего ряда): *pēt* (произносится *pjet*) вм. *pāt*, *tele* вм. *telā* („теленки“), но *telatko* (уменьш. к *tele*).

В южнославянских языках произошла утрата носового образования гласного и его замена посредством *e*: *meso*, *pet’* или *pet* вм. *pāt*, *tele*. Но все эти языки представляют указание на то, что раньше это был гласный *ä*. Так, в чакавском диалекте сер-

бо-хорватского языка после j, č, ž, š этот гласный получил более широкое образование и совпал с *a*: jazik, žatva, ročati. По говорам словинского языка заменой гласного *ä* является *ã* или *a*, независимо от предшествующего согласного: pãtak, začať, jazik, gladat, masó, zat („зять“) и др. (на западе).

§ 77. Изменение носовых гласных в отношении участия небной занавески обнаруживает, что в тех языках, в которых носовой гласный заднего ряда представлял в своем образовании высокий подъем спинки языка, небная занавеска перестала опускаться раньше, чем в языках, в которых при образовании носового гласного заднего ряда положение спинки языка не было высоким. В языках восточнославянских, чешском, словацком, лужицких, сербо-хорватском носовые гласные ($q^u \rightarrow u$, а также *ä*) раньше заменились неносовыми, чем в языках болгарском и словинском. А в польском и кашубском языках до сих пор имеются носовые гласные или сочетания гласного с носовым согласным. Если же вместо *q* и *ä* (*ę*) появлялись при определенных фонетических условиях гласные высокого подъема языка *u*, *i*, то небная занавеска перестала опускаться. Так по говорам польским: vęsy — vusy („усы“), p'įśc — p'isć („кулак“).

Сочетания гласного с носовым согласным имеются и по болгарским и по словинским говорам. Но таких сочетаний нет ни в одной славянской группе, имеющей *u* (*y*) вместо *q* (q^u).

В дальнейшем мы передаем эти два типа носовых гласных условно двумя знаками: *q*, *ę*.

§ 78. Носовые гласные были долгими гласными. Долгими эти гласные или их заменители сохранялись в отдельных славянских языках в тех условиях, в которых не происходило сокращения слога. Одну из таких позиций представлял слог, непосредственно находившийся перед ударением. Ср. в польском языке гласный *q* (а не *ę*) в таком положении: trqba, sqšad, vqzac. Ср. в сербо-хорватском языке долготу такого слога: trūba, mūtiti, sūséd (диалект.), vēzati. В чешск. trūba → trouba, sūséd → soused, vāzati.

§ 79. Положение носового гласного в слове: перед согласным и в конце слова, т. е. в конце слога: trqba, zqbъ, sqđъ, męso, pęť, vęzati; nesq (1 л. ед. ч. наст. вр.), gorq, ženq (вин. ед.), sęme, telę. Это — та же позиция, в которой у славян находились и гласные *u*, *é*, *i*. Как будет показано ниже, фонетическая

тенденция была одинакова при появлении всех этих гласных вместо прежних дифтонгов или дифтонгических сочетаний. Перед гласным были у славян не носовые гласные, а сочетания гласного с носовым согласным (п, м), как и сочетания ov, ev, oĭ, ыĭ, ěĭ, а не u, ě, i (см. выше).

Ср.:

орона (o-rop-a), зарона, рерона (южнослав. рѣрона, вост.-сл. перепонька), но — рѣто (рѣ-to), — с тем же корнем;

звонъ (zvон-ъ), — но звѣкъ (zvѣ-къ) с тем же корнем; опутѣ (болгар. онушта, русск. онуча, чешск. opuce); ср. с тем же корнем obuti (ob-u-ti), лит. араўti (без префикса: -aūti); оп в славянском образовании опутѣ был префиксом; тот же префикс являлся в виде ѣ перед согласным: ѣтъкъ (ѣ-тък-ъ) — „что втыкается“ при тканье (русск. уток).

звѣпѣти (zvѣп-ěti), но звѣкъ (zvѣ-);

ръпѣ, рьпѣши (ръп-), но рѣти (рѣ-);

рѣсъ: ст.-сл. пасъ, — аорист сигматический, 1 л. ед. к глаголу рѣти — „натягивать“, — аорист, основа которого представляла долгий гласный в корне: ср. басъ (основа bod-, bosti), вѣсъ (основа ved-, vesti); ѣ в рѣсъ вместо ěп;

сѣмѣ, но сѣмена (сѣмен-a).

§ 80. Можно полагать, что носовой гласный появился вместо сочетания гласного с носовым согласным п, а не с согласным м: согласный м в конце слога изменился в доисторическую эпоху в п. Ясное указание на такое изменение представляет п в предлоге съп вместо съм (см. § 114). Изменение м в п было связано с концом слога: оно происходило не только в конце слова, но и в середине его (перед согласным). Так можно полагать по указанию говоров чакавского сербо-хорватского наречия: там произошел процесс изменения м в п перед согласным и в конце слога. И еще важное указание этих говоров такое: гласный перед п образуется при опущенной небной занавеске, т. е. он назализован, как в польском языке. Итак: чакавск. uzâпка (в штокавском сербо-хорв. наречии — zâпка — „петля“, „кознь“), vâп вместо vâм[ъ], lomîп вместо lomîм[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „ломлю“, tečĕп вместо tečĕм[ъ] — 1 л. ед. наст. вр. — „теку“. Вероятно, так происходило дело и в доисторическую эпоху: гласный + м в конце слога изменился в сочетании гласного с носовым п. Стремление к открытости слога повело к образованию носовых гласных.

§ 81. Соответствия других индоевропейских языков указывают на то же, что показал и анализ славянских языковых фактов: носовые гласные у славян появились в конце слога вместо сочетаний „гласный + носовой согласный“. Для более точного определения происхождения носовых гласных следует выделить особо конец слова: там в отношении носовых гласных, как и некоторых других явлений, фонетика была иная сравнительно с фонетическими процессами прочих частей слова.

Не в конце слова носовому гласному *o* соответствуют в других индоевропейских языках *ōn*, *ōm*, *ōp*, *ōt*, *ān*, *āt*, *āp*, *āt*. Повидимому, в этих дифтонгических сочетаниях произошло в отношении долготы гласного то же, что в дифтонгах *ōu*, *āu*, *ōi* и др., — сокращение ее: *ān*, *āt* → *ān*, *āt* → *ōn*, *ōt*. Но след долготы гласного остался в заменителе и этих дифтонгических сочетаний: *o* с восходящей интонацией вместо давних *ōp* (*ōm*), *ān* (*ām*); *o* с нисходящей интонацией вместо давних *ōn* (*ōm*), *ān* (*ām*). Долгота гласного бывала и в таких случаях, если однослоговое сочетание получилось вместо двухслогового вследствие редукции последнего. Напр. *ān* вм. *anā*.

В более поздний доисторический период происходила в ряде случаев смена интонации, метатония: появлялись нового типа интонации — нисходящая и восходящая. Подробнее см. в отделе об интонации. Несколько примеров индоевропейских соответствий славянскому *o*.

Слав. *roto*, *rota* (мнж.): ст.-сл. *ръто*, чешск. *přta* → *roua*; сербск. *ri̇to*, польск. *rėta* (мнж.). Чешская долгота, сербо-хорватская краткость указывают на восходящее ударение более раннего времени. Др.-прусск. *rantō* — „цепь“, „оковы“, лит. *rántis*; основн. *rōp-t*.

rȯt̃, серб. *ri̇t̃*. Сербское долгое нисходящее ударение указывает на давнее славянское нисходящее ударение; — лат. *pons*, родит. *pontis* — „мост“, др.-инд. *rānthāḥ* — „дорога“; — основн. *rōnti-*.

zōb̃: ст.-сл. *зѣвъ*, чешск. *zīb*, серб. *zīb*, словин. *zōb*, польск. *zōb*. Чешская краткость, сербо-хорватское и словинское долгое нисходящее ударение указывают на нисходящее ударение более раннего времени. Лит. *žambas* — „грань“, „ребро“, др.-инд. *jāmbaḥ* (*džambaḥ*) — „зуб“, греч. *γῶμφος* — „болт“, „гвоздь“; — основн. *g'ombho-*.

gōba — „губа“; греч. *γαμφαί*, *γαμφηλαί* — „челюсть“; — основн. *gambh-*.

оꝝкъ; ст.-сл. ѡꝝкъ, лит. aĩkštas (вм. aĩštas), лат. angustus— „узкий“, angō—1 л.— „стеснять“; греч. ἄγχω— „давить“;— основн. angŕh-.

оꝝкъ — „угол“; лат. angulus;— основн. angŭl-; oty — „утка“: др.-русск. утовъ (вин. ед.), серб. ŭtva, лит. ántis, лат. anas (anatis), др.-сканд. ondr, др.-верхн.-нем. anut. Славянское и литовское имена образованы от āp вместо более ранней двухслоговой базы апәт-: ср. присутствие гласного в латинском и в др.-верхн.-немецком; славянский o был с интонацией восходящей: сербохорватская краткость, литовское āp (а не aĩ) указывают на такую интонацию; долгота же гласного здесь была в связи с редукцией двухслоговой базы в однослоговую.

§ 82. Носовому гласному e̅ соответствуют в других индоевропейских языках ěп, ěш, ēп, ēш. Долгота гласного ē была также в случае редукции двухслогового сочетания: епә → ěп. И в этих сочетаниях произошло сокращение долготы гласного: ěп, ěш → ěп, ěш. Прежняя долгота у славян отразилась в особой интонации гласного e̅ — в интонации восходящей. Гласный же e̅ вм. давних сочетаний краткого ě с п, ш имел у славян нисходящую интонацию. В образовании гласного e̅ в сочетании еп, еш в закрытом слоге понижалось положение спинки языка: еп, еш → āп, āш, а это заменилось гласным ä. Такое изменение в положении спинки языка в образовании гласного e̅ перед носовым согласным происходило и в позднее время, напр., по северным польским говорам: теп → тап, сепно → сатно...

Примеры соответствий.

Слав. зѣть: серб. zět, русск. з'ат'; сербская краткость (˘) вместо восходящего ударения более раннего времени. Лит. žéntas — с ěп обычно соответствует славянскому восходящему ударению. Славянское (восходящее) и литовское (˘) ударения свидетельствуют об основном ēп, а это ēп в данном случае получилось вместо епә; но славянское e̅ с восходящей интонацией возможно было и вместо давнего долгого слогового ĭ̄ (см. ниже). Многочисленные индоевропейские образования с этим корнем в значении „рождать“ представляют его в разном звуковом виде (см. отдел чередования): g'epә-, g'en-, g'on-, g'ōn-, gŭ-, g'n-: др.-инд. janitā — „родитель“ (džani-tā), греч. γένετωρ, γένετηρ (γέγε-), лат. genitor (geni-), греч. γένος — „род“ (γέγ-), лат. genus (gen-), др.-инд. jānaḥ — „род“ (jan-); греч. γυωτός — „брат“ (γυω-), латыш. znots — „зять“ (zno-); др.-инд. jātāḥ — „рожденный“ (jā- вм. g'ŭ-), лат. nātus вм. gnātus, гот. kunds — „происходящий“ и др.

mešo: ст.-сл. mьsь, серб. měso, словин. mesō, чешск. mĕso, польск. m'ęso. Сербо-хорватское долгое нисходящее ударение, словинское нисходящее ударение, перенесенное на следующий слог, как и в других случаях с таким ударением (zlatō, polĕ...), чешская краткость — все указывает на нисходящее ударение слога с ę (mešo) в более раннее время. Др.-прусск. mensā (вм. mensa) — „мясо“. Основн. mens-. В др.-инд. иная ступень чередования, с долгим гласным: māmsā-.

jetro — „печень“; — греч. ἔντερα — „внутренности“.

peť — „5“; ст.-сл. пять, серб. pět, чешск. pět, польск. pięć. Сербо-хорватское ь и чешская краткость свидетельствуют о нисходящем ударении более раннего времени. Соответствующие указания представляют и другие языки: лит. penki, женск. p. peñkios, греч. πέντε, лат. quinque (вм. pinque). Основн. pen-.

§ 83. Славянские данные и соответствия других индоевропейских языков указывают и на иное происхождение носового гласного ę. В ряде случаев славянскому ę соответствует в других языках то, что появилось в них вместо слоговых ꙗ, ꙗ или *ꙗ, *ꙗ (* точно не определяемый; очень слабый редуцированный гласный, предшествовавший слоговому ꙗ или ꙗ); в литовском in, im, un, um с разной интонацией под ударением (iñ, iñ̃, uñ̃, uñ̄, in, ùn), in, un вне ударения, в др.-индийском a, ā, в греческом a, va, va, в латинском en, ep, pā, pā, в готском un, um. В славянском материале слова с таким ę чередуются с ьп, ьп перед гласным. Некогда в индоевропейских языках этим звукам и сочетаниям предшествовала фонетическая стадия со слоговыми ꙗ, ꙗ. Может быть, перед слоговым было образование очень слабого гласного, точнее не определяемого: *ꙗ, *ꙗ. Носовые слоговые могли быть краткими и долгими (такими были и слоговые ꙗ, ꙗ; см. ниже). След долготы слогового сонорного (ꙗ, ꙗ, ꙗ, ꙗ) отразился в славянской, как и в литовской, группе в особой интонации: у славян она была такой, которая в конце доисторического периода являлась восходящей, у литовцев в виде ˘ (in, ùn); если же сонорные слоговые были краткими, то у славян интонация была в конце доисторического периода нисходящей, у литовцев ˘ (iñ, iñ̃). След долготы сонорного ꙗ, ꙗ отразился в др.-индийском в виде ā (перед зубным согласным), в виде pā, pā в греческом и латинском.

В литовской группе *ꙗ, *ꙗ изменились в сочетании in, im, un, um. У славян была пройдена такая же фонетическая стадия.

Краткие *ī*, *ī̆* всякого происхождения изменились затем в редуцированные *ъ*, *ь*. Но, как ниже отметим, достоверных примеров с *ъп*, *ьп* с дальнейшим их изменением перед согласным у славян указать нельзя. Имеются сочетания с *ъп*, *ьп* перед гласным: *dъmъ*, *dъmeši* („дую“, „дуешь“), *gъpati*... Сочетания же *ьп*, *ьп* у славян изменились перед согласным в *ѣ* в связи с тенденцией избегать окончания слога на неслоговой *i*, *u* или на сонорный *p*, *m* (а также на *g*, *l*; см. ниже). Гласный *ѣ* имел разную интонацию в зависимости от происхождения *p*, *m* из **ŋ*, **m̄* или из **ñ*, **m̄*.

Примеры.

Слав. *čęstъ*; серб. *čęst*, русск. част(ый), польск. *częsty*: Сербохорватское — указывает на *čę-* (с нисходящим ударением) более раннего времени. В литовском соответствует *iĩm*: *kimistas* — „набит“, „заткнут“. Основн. *k*ĩm-st*. (Другой вид этого корня, на полной ступени чередования, с гласным *o*: *kom-ъ*.)

desęť: ст.-сл. десать, польск. *desęć*, серб. *dęset*, русск. дес'ать', лит. *dęšimt*, диалект. *dešimtis*, *dęšimtis*, др.-инд. *dāca*, *daçāt*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *tafhun*. — Основн. *dek*am-ŋ*.

dadęť (3-е л. мн. наст. вр.); др.-инд. *dādati*; др.-инд. а перед *ti*, слав. *ѣ* восходят к **ŋ*.

tysęťja („тысяча“); ст.-сл. тысяща, русск. тыс'ача, польск. *tys'ęc*. Корень тот же, что и в *sъto* („100“) — лит. *šimtas*, др.-инд. *çatām*, др.-иран. *satəm*, греч. *ἑκατόν* (*é-katón*), лат. *centum*, гот. *hund*. Славян. *sъto* не представляет собою фонетического соответствия литовскому *šimtas*: это слово перешло к славянам от иранцев (*satəm*). Отметим, что от иранцев это слово перешло также в финно-угорские языки: фин. *sata*, морд. *šada*, марийск. *sūdō*, удмурт. *šu*, вогульск. *sāt*, венг. *sáz*. Как видно, были какие-то обстоятельства, благоприятствовавшие распространению этого иранского слова среди других народов, соседивших в то или иное время с иранцами.

В финно-угорских языках заимствованным из разных индоевропейских языков является и слово „тысяча“ (венг. *ezer*, фин. *tuhante* — и др.). Но славянское *tysęťja* представляет фонетическое продолжение более раннего сочетания с **ŋ*: *tū-s*mtja*. Славянское слово соответствовало готскому *thūsundi*, франк. *thūschunde*. Слав. *ty-* (вм. *tū-*), гот. *thū* соответствовало др.-индийскому *tavāḥ* („сильный“, „сила“); *tu-s*mtja* — „большая сотня“.

У славян это слово имело также гласный *o* вм. *op*: *tysotja*:

чередование полной ступени, с оп, со ступенью редукции, с п̄. Ст.-сл. тѣсаѣ и тѣсаѣ; сербо-хорв. tisuća; словин. tisoča; чешск. tisíc, словац. tisíc.

рамеѣ; лит. minti — „мысль, мнение“, гот. gamunds (ga-munds), др.-инд. matih, лат. mens.

меѣ, но мъно, мъпеѣ („мять“, „мну“, „мнешь“); лит. minti, minù; восходит к *п̄.

јетру — „жена мужнина брата“, русск. ятровь, укр. ятрівка, старо-польск. jętry, др.-инд. yātā (вин. yātaram), греч. ἐνάτηρ. Основн. jęnə-t (ēr), родит. iṅ-trós...; в славянском имени отражается ступень редукции *п̄, находившаяся некогда в основе косвенных падежей (в именит. пад. было еп̄).

§ 84. Примеров с q, которые указывали бы на более ранние сочетания ѣш, ѣп (ǫm, ǫp) из *ц̄, *ц̄ перед согласным, мало. Наиболее показательным является слово dęti („дуть“) при формах наст. вр. dęmę, dęmeѣ, при форме причастия прош. вр. страдат. залога dęmепь (па-dęm-епь) и литовские параллели с im: dūmti, dumiu. Слав. слог dę- имел восходящее ударение: ср. серб. dūti, а не dūti (~ указывало бы на нисходящее ударение); чешск. dūti → douti (с долгой dū, сохранившейся в слог, бывшем некогда с восходящим ударением). Такая интонация вполне соответствует литовской на im: dūmti.

Того же, вероятно, происхождения q в корне kęt — „охранять, охрана“: ст.-сл. кѣшта — „жилище“, сербо-хорв. kūća, русск. укўтать. В литовско-прусском kunt-: прусск. kūnti — „ухаживает“, роkūnti — „охраняет“.

§ 85. Конец слова имел свою фонетику: процессы конца слова бывали нередко иными по сравнению с процессами начала и середины слова.

В конце слова носовые гласные в последний доисторический период были в следующих положениях:

1) q вместо давнего ап (ām). Как видно, а перед п, т в конце слова стал лабиализованным: ā; ап → q.

Лабиализация гласного а перед носовым согласным происходила и в позднее время по славянским диалектам. Напр., по польским говорам: dęm → dām → dom → dum; sām → sām → som → sum.

Винит. ед. имен. на -а: gorę, gybę. Ср. окончание -ап, -эм в греческом и латинском языках: греч. γόραυ, лат. terram.

Окончание 1 л. ед. наст. вр. берę, vedę. Это окончание соответствует окончанию -ām латинского конъюнктива: feram.

2) *o* вместо *on* перед *ti* (→ *ty*) в форме 3 л. множ. числа наст. вр. и перед *t* в форме 3 л. множ. ч. простого аориста: *berōt̄, vedōt̄*; ср. др.-инд. *bhāraṅti*; *padō, mogō* (3 л. аор.) *vm. padont, mogont*; ср. греч. ἔρερον, ἔλιπον с утратой конечного *t*.
е в конце слова в следующих положениях.

1) Вместо конечных *ēp, ēm*. Винит. ед. личных местоимений *mē, tē, sē*. Ср. др.-инд. *mām* (из *mēm*), *tvām*; др.-прусск. *mien, tien, sien, sin* (*ie, i* вместо закрытого *ē*).

Окончание *ē* в суффиксе имен среднего рода на *-mēp* в именит. ед.: *sēmē*. В других формах суффикс был с кратким *e*: *sēmene* (родит. ед.). Такое же соответствие представляли и имена мужск. рода с тем же суффиксом: в именит. ед. гласный долгий *ō* (в среднем роде долгий *ē*), в прочих формах *-ě*: *mōp||mēp: kamōp → kamū, kamene* (род. ед.).

2) *ē* вместо *yp*, восходившего к **ŋ*:

а) основы имен средн. рода на *-ēt* (в названиях молодых существ.): *telēt-*; в именит. ед. *tele*, с утратой конечного *t*, но родит. ед. *telete*.

б) Форма 3 л. множ. числа наст. вр. основ нетематических: *dadēt̄, vēdēt̄, jadēt̄*. Ср. в др.-инд. *dādati* — с *a* в окончании *vm. *ŋ*.

Сочетания *ōp, ōv, ūp, ūv, ops, ups, ins* имели иную судьбу в конце слова.

В отличие от середины слова в конце слова пережита была усиленная лабиализация гласного *o* перед носовым согласным: *ōp → ūp, ōv → ūv*. Такой же процесс пережит и латинским языком: *vin. iurim vm. iurōm, имен. jugum, ср. греч. ζυγόν*.

Последний фонетический результат изменения *ūp, ūv* в доисторическое время был такой: *y (ы) vm. ūp, v vm. ūv*. Возможно полагать, что была пройдена стадия с носовыми *ū̄, ū̄*, которые в доисторическую же эпоху утратили носовое образование: *ū̄ → ū* и далее заменялись гласным *y (ы), ū̄ → ū → ь*. Ср. указание литовского языка на возможность фонетической стадии с носовым *ū*: *винит. ед. sūpū vm. sūpūp*.

Возможна была и стадия с носовыми *i: ī, ĭ*. Ср. в литовском языке форму *винит ед. pāktī vm. paktin*. У славян в доисторическое время *ī → ĭ, ĭ → ĭ → ь*: *винит. ед. kostь, вин. множ. kosti*.

Итак, если и были у славян носовые *ū, ĭ*, то они уже в доисторический период заменились неносовыми *u, i* с дальнейшим

изменением ($\bar{u} \rightarrow u$, $\bar{y} \rightarrow \bar{ь}$, $\bar{i} \rightarrow \bar{ь}$). Их отличие от носовых o , e в отношении работы небной занавески состояло в том, что при гласных высокого подъема спинки языка небная занавеска имеет тенденцию не опускаться. Такое явление происходило и позднее, напр., в польских диалектах. В тех из них, в которых произошло изменение o в \bar{o} (o^u) и u , а e в \bar{e} (e^i) и i , ослабевало опускание небной занавески, и при u , i она совсем перестала опускаться: $u \rightarrow u$, e^i или $i \rightarrow e^i$ или i : $vo^u's \rightarrow vu^s \rightarrow vus$, $p'e^i'sc \rightarrow p'i^s \rightarrow p'i'sc$ („кулак“). Ср. и отмеченную выше судьбу гласного носового заднего ряда в тех славянских языках, в которых он получил образование гласного u : утрачено носовое произношение раньше, чем в тех языках, в которых соответствующий гласный имел не такое высокое образование. Итак, греческому $\alpha\chi\omega\nu$ у славян соответствует $ka\mu y$, которому предшествовали такие фонетические стадии: $ka\mu\bar{o}n \rightarrow ka\mu\bar{i}n \rightarrow ka\mu\bar{u} \rightarrow ka\mu\bar{y} \rightarrow ka\mu y$; $\bar{o}n \rightarrow \bar{y}n \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y} \rightarrow \bar{ь}$. Винит. ед. $vyk\bar{ь}$; ср. греч. $\lambda\acute{o}\chi\omega\nu$, лат. $lurim$, лит. $vilka$.

С кратким \bar{o} ($\bar{o}n$) была некогда у предков славян форма родит. множ., в соответствии с греческой на $-\omega\nu$. Полагаем, что $\bar{o}(n)$, отразившееся в славянской группе, находилось с $\bar{o}(n)$, отразившимся в греческой, в отношении чередования (количественного): $\bar{o}n|\bar{o}n$. (По иному объяснению, $\bar{o}n$ в славянской группе явилось вместо $\bar{o}n$, вследствие сокращения, вызванного особой интонацией.) Итак, род. мн. $vyk\bar{ь}$, губь...

Наличие гласного o в именит. ед. имен среднего рода ($m\acute{e}sto$, $d\acute{e}lo$) обязано воздействию окончания такой формы в местоимении средн. р.: to вм. tod ; ср. лат. $istud$ (вм. $is-tod$), др.-инд. tad . Воздействие форм местоимений отразилось и на других формах имен существительных.

Форма 1 л. ед. аориста простого: $pad\bar{ь}$, $mog\bar{ь}$. Ср. соответствующее образование в греч. $\acute{\epsilon}\varphi\epsilon\rho\nu$, в др.-инд. $\acute{a}bharam$.

$\bar{y}n \rightarrow \bar{u} \rightarrow \bar{y} \rightarrow \bar{ь}$

Винит. ед. основ на $-\bar{y}$: $sup\bar{ь}$ вм. $sup\bar{y}n$. Ср. в лит. $s\acute{u}nc$, в др.-инд. $s\acute{u}n\acute{u}m$.

$\bar{i}n \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{i} \rightarrow \bar{ь}$

Винит. ед. основ на $-\bar{i}$: $gost\bar{ь}$, $kost\bar{ь}$ вм. $gost\bar{i}n$. Ср. в лит. $p\acute{a}kt\bar{i}$, в греч. $\delta\rho\iota\nu$ („змею“), в лат. $turtim$ („башню“), в др.-инд. $mat\bar{i}m$.

В выяснении судьбы -ons, -ups, -ins следует принять во внимание такой фонетический процесс, пережитый в славянской системе: удлинение краткого гласного перед группой -ns: -ons → ūns → ūs → ū → у (ы); ins → Inns → js → i.

Винит. мн. основ на -о: vьky; -у в м. -ons; -ns окончание винит. множ. Ср. греч. диалект. (критское) *λόχους*, гот. *wulfans*, др.-прусск. *deiwanс*.

Форма именит. ед. причастия мужск. р. основ на е/о—nese-||nese-(neseši...): *nesy, vedy, moyu*; родит. *nesotja* в м. *nesontja* (ст.-сл. *несѣща*), дат. *nesotju*... Основа этого причастия имела суффикс -nt-; окончанием именительного пад. ед. ч. мужск. р. был согласный -s: *nesont-s*. Ср. литов. *vežas*, лат. *ferens*. В славянской фонетике группы согласных ds, ts → s. Напр. *dadsi* (2 л. ед.) → *dasi*. Следовательно, *nesonts* → *nesons*, а это сочетание пережило дальнейшие изменения, указанные выше.

Винит. множ. ч. основ на -ŭ (synъ): *synu* — *sūnŭns*. Ср. готскую форму *supins*.

Винит. множ. основ на -ī (gostъ, kostъ): *gosti, kosti*. Ср. соответствующие формы в др.-прусск. *akins* (-i-ns), в гот. *austins*, греч.-крит. *πόλιυς*.

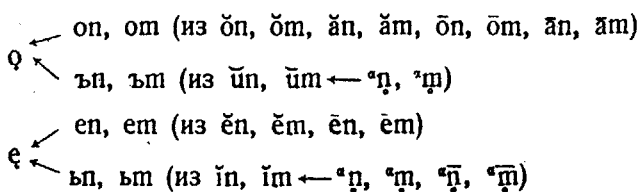
Неясна судьба -ons после палатального согласного. Так, в форме винит. множ. основ на -jo мужск. р. (kop'ь), в винит.-именит. множ. основ на -ja ('koža), в родит. ед. тех же основ (на -ja); в одних группах был гласный ě, в других — е. На е оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу южнославянских языков: *kop'е, kože, struje*. На ě оканчивались эти формы в группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков: *kop'è, kož'è*.

Гласный е указывает на изменение гласного о в е после палатального согласного, происшедшее ранее возникновения носовых гласных: 'ons → 'ens → 'ēns (удлинение гласного перед -ns) → е. Но появление ě (ѣ) в этом положении неясно. Ф. Ф. Fortunатов, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов полагали стадию с носовым ě (с носовым ѣ). Но в славянских языках нет следов такого ě. Различен звуковой вид окончания причастия наст. вр. с основой на je/jo: именит. ед. муж. и средн. р. на е: *zpaје*, другие формы с jо: *zpaјotja, zpaјotju* (ст.-славян. *знаа, знааща, знаащю*). Может быть, гласный ѣ появился в связи с таким же гласным в окончании причастия основ на е/о: *berotja, berotju*... Так и в форме 3 л. множ. ч. наст. вр. — *zpaјotъ, pišotъ* с ѣ, как

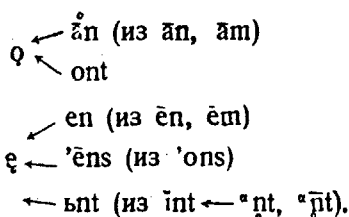
berǫtъ, vedǫtъ. В дополнение см. ниже, в отделе о конце слова.

Итак:

а) не в конце слова:

б) в конце слова:

§ 86. Процесс изменения сочетания „гласный + п, т“ перед согласным в середине слова в носовые o и e действовал в фонетической системе славян в течение долгого периода времени. Он действовал и в первые века н. э. при встрече славян с германцами. На это указывает передача германских заимствованных слов в славянских языках. Из ранних заимствований отметим передачу слова kuning: слав. кѹнѣдзь. Ср. и передачу германского rhenning: слав. рѣнѣдзь. Ср. еще ст.-сл. хѣдогъ — „опытный, мудрый“ — гот. handags (с окончанием -ags это слово не засвидетельствовано; но на возможность такого окончания указывает др.-верхн.-нем. hantag; в готском тексте засвидетельствовано handugs, славянское -огъ указывает на -ǫg-).

О других заимствованиях с носовыми гласными в славянских языках см. выше, § 42.

Редуцированные гласные ѓ, ѓ.

§ 87. Как показывает история отдельных славянских языков, это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных o, e. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при

образовании этих редуцированных гласных было то, что голо-
совые связки вибрировали короче, чем при гласных полного
образования. Об ослабленности, редуцированности образования
гласных *ъ, ь* свидетельствует их судьба в славянских языках:
в тех положениях, в которых не было благоприятных обстоя-
тельств для продления гласных *ъ, ь* (для их усиления), они
совсем утрачивались. Так было в конце слова и в середине слова
перед слогом с гласным полного образования.

1) *zъla, vъdova, oтъca*;

2) *vъdovъ* (родит. множ.), *супъ, beretъ, berotъ*. В особенности
они были слабы в конце слова. Вероятно, уже в доисторический
период они были такими особенно ослабленными в этом поло-
жении (в конце слова).

Но *ъ, ь* были и в таком положении, в котором происходило
их усиление, некоторое продление. Так было перед слогом,
в котором находился *ъ, ь*, подвергавшийся дальнейшему ослаб-
лению: *съпъ, льпъ, дьпъ* (*ъ, ь* в первом слоге). Еще одно усло-
вие, в котором *ъ, ь* подвергались некоторому продлению: в на-
чальном слоге под ударением: *dъskъ* (винит. ед.). И показательно,
что только после продления они становились в отдельных сла-
вянских языках нормально-краткими. Напр., в украинском языке
они стали гласными *о, е* (*son, den'*), в чешском языке — *е* (*sen,
den*), в то время как прежние нормально-краткие гласные *о, е*,
получив продление, становились долгими *ō* (*ō* закрытый), *ē* (*ē*):
vozъ → *vōz(ъ)*, *рець* → *rēč(ъ)* (последний пример относится к ук-
раинскому языку). Следовательно, до продления гласные *ъ, ь* были
короче коротких гласных, — были гласными редуцированными,
неполными в количественном отношении.

§ 88. Сравните звуковой вид одного и того же корня: в слож-
ном слове *medvѣdъ* (*medv-ѣdъ*), в прилагательном *medvѣno* (*med-
vѣno pitije*), ст.-сл. *медвьнъ* — „медовый“, и в существительном
медъ. Как видно, в первых двух словах представлено сочетание
с *-v* (*medv-*), — представлено перед гласным; в последнем слове
эта основа находится с *-ъ*, — в конце слова. Выше мы видели,
что гласный *и* появился у славян вместо более раннего диф-
тонга *ou* перед согласным и в конце слова. Но если далее сле-
довал гласный, то *ou* → *ov*: *roku* — родит.-местн. пад. двойств.
числа, но *rokovѣтъ* (*rokov-ѣтъ*), т. е. „взятое в двух руках“.
Согласный *v* у славян, как и в других индоевропейских языках,
представляет замену более ранней фонетической стадии *ϕ* крат-

ким неслоговым и (ц) перед гласным. Перед согласным было образование слогового краткого ѣ. Ср. литов. *medūs*, греч. μέθυ, др.-инд. *mádhu*, слав. медъ. Как видно, у славян слоговой краткий гласный ѣ претерпел редукцию: ѣ → ъ. Поэтому в глаголах итеративного значения, представляющих в корне гласный долгий (вследствие удлинения соответствующего краткого гласного), находится у (ы) вместо более раннего ѣ в соответствии гласному ѣ → ъ в глаголах неитеративного значения. Ср. *тъkati* — *tykati*, *дъchati* — *dychati* и др. Ср.: *nositi* → *našati*, *plesti* → *spělētati*...

§ 89. Соответствие славянскому ъ в других индоевропейских языках — ѣ, как это обнаружилось и при анализе славянских имен *медъ* — *medvěď*.

Слав. *супъ* — лит. *sūpūs* (*sūnūs*); *дъva* — греч. (гомеров.) δόω, др.-инд. *duvā*; *мъchъ* — лит. *mūsal* (множ. ч., „плесень на молоке“), лат. *mūscūs*; *съпъ* — греч. ὑπνος; *бъдѣти* — лит. *budėti*; *дъchnoti* — лит. *dūšti* („тяжело дышать“); *пъ* (-„но“) — лит. *pū*, др.-верхн.-нем. *pu*.

У славян гласный *o* в конце слова перед *n* подвергся усилению лабиализации: *ōn* → *ūn* → ...у (ы); *ōn* → *ūn* → *ъ* → ъ.

Напр., винит. ед. *въkъ*, *въzъ* и др. Ср. греч. λύχον. Изменение краткого гласного ѣ проходило параллельно изменению долгого ѣ, именно в отношении утраты лабиального элемента: последний стал производиться раньше образования гласного, — производиться одновременно с предшествующим согласным или в виде самостоятельной губной артикуляции в начале слова: *въpiti*, *възь*. См. § 60. Поэтому следует полагать, что редукция подвергся собственно не гласный ѣ, а заменявший его краткий гласный нелабиализованный высокого подъема задне-среднего ряда *ɨ*. Процесс редукции проходил параллельно с процессом редукции краткого гласного высокого подъема переднего ряда *ɨ*.

В древней славянской фонетической системе не было сочетания *ej* или *eĭ* перед гласным: вместо этого находилось сочетание *ɨj* или *ɨĭ*. Такое изменение сочетания *ej* произошло вследствие ассимиляционного процесса с *j* или с *ĭ*: образование предшествующего гласного *e* стало происходить при таком же подъеме стенки языка, как при *i*: *eĭ* → *ij*, а вместо *i* у славян *ь*. Такого происхождения, напр., *въjō*, *въješi* (*въj* вм. *vej*); ср. чередование с гласным *o*: *voj*-(*rovōj*-*ьpik* → *rovōipikъ*); ср. в литовском языке *vejū* (*vūti* — „вить“).

Обратите еще внимание на чередование *ь* и *і* в основах глаголов: *і* в глаголах итеративного значения, *ь* в глаголах неитеративного значения, — чередование, указывающее на более раннее чередование *т* (как удлинение соответствующего краткого гласного) и *і*: *prilipati* — *l̥p̥eti*, ср. лит. *l̥ipti*; *židati* (*ožidati*) — *ž̥idati*; *pisati* и *rysati*; ср. прилагательное с тем же корнем *rys-* и с суффиксом *-ro*: *rystr̥* (*t* появился в славянской фонетике между *s* — *r*).

§ 90. Соответствия с образованиями в других индоевропейских языках также указывают на *і*. Примеры:

Слав. *vdova* — др.-инд. *vidhavā*, лат. *vidua*, гот. *widuwō*;
mgla — греч. *μίχλη*;

mn'ii („меньший“) — лат. *minor*, греч. *μίνωθω* („уменьшаю“), гот. *mins* (лат. *minus*); *днь* — лат. *dñum* (*nundñum* — „промежуток между 2 базарными днями“).

К славянским сочетаниям *ьj* (*ыj*) ср. примеры: слав. *vyjō*; лит. *vejū*;

tr̥je — др.-инд. *tr̥ayaḥ* (*a* вм. *e*), греч. *τρεῖς*.

Таким же образом, посредством гласных *э*, *ь*, передавались заимствованные слова, появившиеся у славян в первые века н. э. Напр., *кьпѣдзь* вм. герм. *kuning*, *рѣпѣдзь* — герм. *rhenning*.

Итак, у славян в доисторическое время краткие гласные высокого подъема *і* (из *й*), *і* подверглись ослаблению, редукции и некоторому изменению в укладе органов речи: положение языка при их образовании не было таким высоким, как при *і* (из *й*), *і*.

§ 91. В ряде случаев гласный *ь* или *ь* представлял собою у славян конечный результат ослабления давних кратких гласных *e*, *o*, *a*. Соответствующее явление представляют и другие индоевропейские языки. Вместо такого давнего редуцированного гласного (точно не определимого, обозначаемого некоторыми лингвистами маленькой буквой ^a) в литовском языке появились гласные *ī*, *u*, *y* у славян в доисторическое время *ь* и *ь* (*ь* редко).

berq — *богъ* — *byrati*;

ženq („гоню“) — *goniti* — *gьnati*.

§ 92. Возникали в отдельных индоевропейских языках и более поздние чередования кратких гласных *e*, *o* с редуцированным

гласным и с дальнейшим его изменением. У славян к таким чередованиям относятся частицы, некоторые наречия, числительные, имена, применяемые при обращении к кому-либо, т. е. слова, произносимые быстрым темпом и не столь полновесно, как существительные или глаголы. Такие слова в разное время переживают ослабление в звуковых образованиях. К доисторическому периоду относятся, напр., такие сочетания с результатами редукции:

īže — „который“ (местоимение *i*, частица *že*), но и *īžь*. В старославянском языке отражается это местоимение в том или другом виде: *иже*, *иъь*.

vešegъ — vьšegà (наречие);

četyre — čьtyre. Ср. параллельное явление в греческом языке: эолийское *πέσσρες* и *πίσσρες* (*τέσσρες* — „4“); *kogda* — *kьgda*, *togda* — *tьgda*. Ср. в старославянском языке: *когда*, *тогда* и *къгда*, *тъгда*.

Слав. *gospodь*. В первой части отражается основа *gostī-* (*gostь*), а во второй та основа, которая в др.-индийском была представлена в виде *patī-* (*pātiḥ* — „господин, властитель, супруг“), в латинском *potī-* (*potis* — „мощный, сильный“), в греческом *pot-* (*πότις* — „госпожа“, *δεσπότης* — „владыка“), в готском *fađs* (*brūđfađs* — „жених“, собственно: „властитель невесты“), лит. *pat-* (*pats* — „господин, супруг, сам“). Таким образом, слав. *gospodь* было название главы семьи, владыки, во власть которого поступал чужой человек, *gostь*. В других индоевропейских языках домовладыка имел тоже сложное имя и тоже с редукцией первой части; но в первой части был корень *dom-* — в полном или редуцированном виде: др.-инд. *dāmpatiḥ* — „властитель“, др.-иран. *dəngraitiš*, греч. *δεσπότης* (*део-пότης*).

И в позднее время переживалась у славян редукция имен, образованных от *gospod-*. Напр. сербо-хорв. и словинск. *gospo* вместо *gospodin*, сербо-хорв. *gòspār*, *gòspr*, *gòsa* вм. *gospodar(ь)*.

čelovèkъ — čьlovèkъ — človèkъ. В зависимости от частоты применения находилась и редукция имени *čelovèkъ*. Первая часть этого слова включает основу *čelo-* — с корнем *čel-*, который находится и в имени *čel-ědъ* — „семья“. Соответствующий корень имеется и в литовском языке, где еще яснее отражается его значение: лит. *kiltis* и *kiltis* — „род“; того же корня глагол *kilti* — „подниматься, возникать“. Основное значение этого корня указывало на отношение к возникновению, подъему, нарастанию;

ср. лит. *kélmás* — „ствол дерева“. Идея нарастания — основная идея в названии рода у разных народов: слав. *plemę* (*pled-meę*, *pled-*, чередование с *plod-*), *rodъ*, *na-rodъ* (*roditi*), *l'udīje*; греч. *ῥῶλον* — „род, народ“ — глагол *φύομαι* — „расту“; нем. *Leute*, гот. *liudan* — „расти“ и др.

Вторая часть *-vėkъ* имела значение — „принадлежащий к семье“. Это значение ясно отражается в литовском соответствии: *vaīkas* — „мальчик, сын“, *vaikai* — „дети“, лит.-жемайтское *vaīkis* — „слуга“; др.-прусск. *waykils* — „сын“, *waix* — „слуга“.

čelovėk — „мужчина как член рода“: в то время, когда формировалось это слово, во время родовой организации, „человек“ мог быть только в составе своего рода, племени, вне его он не был „человек“; он был враг, он был беспомощен. При звуковом виде *čelovėkъ* издавна, уже в доисторическое время, было имя и с результатом редукции первой части: *čъlovėkъ* и *človėkъ*. Старославянский язык указывает на *чловькъ*. Другие славянские языки также указывают на такое сочетание: сербохорв. диал. *člōvjek* (*človek*), словин. *člōvėk*, чешск. *člověk*, польск. *člov'ek*. Происходила и дальнейшая редукция: болгар. *чловек* и *челек*, *човек* (*чувек*); серб.-хорв. *čovек* (*čovjek*), *čoјek*, *чоек*, *čđk*, *čēk*; польск. *ček*. В восточнославянских языках представлено это имя без результата давней редукции: *čelovėkъ*, русск. *человек*, укр. *чоловік* — „человек, мужчина, муж“. Но и тут происходила позднее редукция: русск. *челэк*.

В некоторых основах было представлено чередование гласных *ь* и *ь*. Условия чередования неясны. Такое чередование было представлено в глаголах и именах.

dъrati — *dъrati*, ср. лит. *dūrti* — „колоть“ и *dīrti* — „рвать“; *dъrbъ* — *dъrbъ* — „ущелье, овраг, ложбина“, ср. в Остромиров. код. *дъбрь* (Лука, III, 5), в Изборнике Святослава 1073 г.: *въсть дъбрь зъло глѡубока*; на *dъrbъ* указывают такие топонимические образования: *Добърце* — на сев.-западе Македонии (в Пологе), *pastwisko* („пастбище“) *Debrz*, *Debrznica* — в Польше; *dъrbъ* лежит в основе имен. *дъбрь* в Ассеманиевом код., в русском *дებрь*, в названии деревни *Дებря* при речке *Рыдаге* *Рославльск. у. Смоленск.*, в болгарских названиях сел *Дებор* (на западе Македонии), *Дებрец* (на юго-западе Македонии), *Дებър* (в Болгарии, в Старо-Загорском округе).

дъпно — *дъпно*, *вездъпа*; ср. *вездъпнѣ* в Изборнике Святослава 1073 г., *вездспнѣ* в Супрасльской рук., в Синайской пс., в Синайском

требнике; например: *отъ безднѣ земаа* — „из бездн земли“ (Син. пс.); русск. диалект. дѣнышко; украинск. денце, белорусск. дзенцо (вм. дьпсе); с гласным *ѣ* эта основа была в таких именах: русск. донце, донышко; польск. *denko*, верхне-луж. *zdonk* (*z-donk*) — „ствол дерева“.

гѣдгъ — *гѣдгъ* — „рыжий, темнорыжий“, глагол *гѣдѣти*; на *гѣдгъ* указывают *рѣдръ* в Изборнике Святослава 1073 г., русск. диалект. *рѣдрой*.

скѣрбъ — *ščьrb-a*, *ščьrbina*.

трѣсть — *trěstь*; ср. др.-русск. *трѣсть* (Арханг. ев. 1092 г.), соврем. русск. „трость“, чешск. *třešť*, польск. *tręść*, но и *trzęstь*; ср. ст.-слав. *трѣсть*, *трѣсть*, *трѣсть* (в Синайском требнике), *трѣстига* в современных болгарских говорах на востоке Македонии (в Неврокопе); русск. диалект. *трѣсточка*, *трѣсник*.

тъпкъ — *тъпкъ*; ср. русск. тонко (*тъпко*) и польск. *ćenko* (*тъпко*), болгарск.-македонск. *тенка*, *тенки*.

Ст.-слав. *ръпѣтати*, *ръпѣтаниѣ*, *ръпѣтаниѣ* (*ръпѣтаниѣ* в Син. тр.).

Предлоги и префиксы *възъ*, *ъзъ* (*iz*, *izъ*), *orzъ*, *bezъ*, *obъ*, *otъ* в ранний период доисторической эпохи не имели в конце гласного *й* или *ї*, которые позднее изменились бы в *ъ*, *ь*. Поэтому *obъ* в сочетании со следующим словом, начинавшимся с *v*, ассимилировалось с этим *v* в *obъ*: *ob-větъ* → *obětъ*, *ob-vęz-ati* → *obęzati*, *ob-volko* → *obolko* и т. п. Нет указаний на конечные гласные и в предлогах *otъ*, *orzъ* и др.: *otrokъ*, *otęti* (*j-ę-ti* — „братъ“), *iziti* (*iz-it-i*), *iz-džiti*, ст.-слав. *иждити* (*jiz-gi-* → *ъz-dži-*; *gi-* → *dži-* → *ži-*, *žiti*), *orz-тъliti* → *orstъliti*, ст.-слав. *растълити*; *оходити* вм. *otchoditi*, *обнматн*, *бештаднѣ* („бездетный“) вм. *bes-čędьpъ* → *beš-čędьpъ*; всякое *šč* в речи предков славян Болгарии изменилось в *št* (шт). В разное время и в эпоху доисторическую, и в истории славянских групп появлялись эти предлоги и префиксы с гласным *ѣ* или его заменой в сильном положении: *възъ*, *izъ*, (*izъ*), *bezъ*, *obъ*, *otъ*. Появление этих предлогов с *ѣ* или с гласным, заменившим *ѣ* в сильном положении, произошло под влиянием предлогов *въ*, *съ*, *къ*, имевших издавна гласный *ѣ*. В старославянском языке были эти предлоги в прежнем звуковом виде, без *ѣ*, и в новом — *отъ*, *изъ*, *безъ*, с *ъ*: *отъ* *грѣхъ* в Киевских лл., *отъ* *отца*, *изъ* *юности* (*изъ* *юн...* вм. *изъ* *юн...*), но только *безъ* в Марин. ев., напр.: *посѣлахъ* *вм* *безъ* *вълагалншта* (*вълагалнште* — „кошелек, мешочек“); *вс* *пнръ* (*пнръ* — „котомка“, „сума“, греч. *πύρα*). *ї* в *савогъ* (Лука, XXII). Предлог *ob* издавна был с вторичным глас-

ным *ъ* и *ь*: *объ*, *обь*. На *объ* указывает образование имени *обътъ*, *обь* + суффикс *tj*; ст.-слав. *обьшть*, зап.-слав. *обес*, др.-русск. *обьць*, *обьчина*. Ср. такой суффикс в имени, образованном от *pitъ* ст.-слав. *ништь*. В таком же виде этот суффикс был в глагольных образованиях *обь-stojati*, *обьchoditi*. Ср. в Зограф. ев. *обьстоимъ*, в Хиландар. лл. *обьходитъ* и др.

ÿ, ĭ.

§ 93. В доисторическое время у славян появились в определенных условиях редуцированный *ы* и редуцированный *и*. Обозначаем их буквами *ÿ*, *ĭ*. Такие редуцированные появились вместо *ъ*, *ь* перед *j* или *ĭ*, а также перед *i*, вследствие ассимиляции со следующим образованием высокого подъема спинки языка. (*j*, *ĭ*, *i*):

ъj → *ÿj*, *ьi* → *ÿi*
ьj → *ĭj*, *ыi* → *ĭi*

кгъjѡ → *кгÿjѡ* (1 л. ед. ч.; инфин. *kryti*);
шъjѡ → *шÿjѡ* (инфин. *шuti*).

Ср. такое же чередование в латышском языке: в наст. вр. *ū*, в инфинитиве *ū*: *krūjuos*, *mūjuos*, инфин. *krūtēs*, *mūtēs*.

dobгъi → *dobгÿi* (сложная форма: *dobгъ* + местоим. *i*);

въ istinѡ → *vÿ istinѡ*;

въ inѡ → *vÿ inѡ*;

бъjѡ → *bĭjѡ* (1 л. ед. наст.; инфин. *biti*), *sin'ьi* → *sin'ĭi* (сложная форма: *sin'ь* + местоим. *i*);

мьп'ьi → *мьп'ĭi*;

veseljє (или *veseljє*) → *veselĭje* (или *veselĭje*), *bratгъja* (*bratгъja*) → *bratrĭja* (*bratrĭja*).

Необходимо иметь в виду такой же процесс в отношении краткого *ě* перед *j*: *ěj* → *ĭj* → *ьj*: *vej* → *vьj* (*vьješi*). Сущность ассимиляционного процесса указывает на передвижку в среднюю зону полости рта, пережитую гласным *ъ* перед *j*, *i*: в заднем ряде гласные с высоким подъемом не производились в древней славянской фонетической системе: см. § 60.

На то, что в таких сочетаниях были редуцированные *ÿ* (*ÿ*), *ĭ*, ясно также указывает судьба этих гласных в отдельных славянских языках. См. ниже, в отделе об *ÿ*, *ĭ* в старославянском языке.

**Сочетания редуцированных с плавными
между согласными.**

§ 94. В славянской фонетической системе было два ряда сочетаний редуцированных *ъ, ь* с плавными в положении между согласными:

1) редуцированный предшествовал плавному: *тъrt, ъrt, тьt, ъt*; *t* — какой-нибудь согласный;

2) редуцированный следовал за плавным: *trъt, trьt, tьt, tьt*.

1) *тъrt, ъrt, тьt ъt*: *гъrdlo* или *гьrlo*, *тъгъ, гьгъ, зьгъ, вьгъ*, *сърдсе, гькъ* — „гул, гам, гулкие звуки“, *вькъ, зьтъ*.

а) Южнославянские языки (болгарский, сербо-хорватский, словинский) и два западнославянских, издавна близких к южным, словацкий и чешский, — представляют указание, что они издавна имеют в этих сочетаниях плавные слоговые *г, љ*. Слог концентрировался на этих сонорных — *тъrt, тьt*: *гьгъ, тьгъ, вьt* къ. И в настоящее время в чешском, словацком, сербо-хорватском, словинском языках представлены сочетания с *г, љ* (с заменой *љ* в сербо-хорватском посредством слогового гласного *и*, указывающего на лабиовелярный *љ* более раннего времени, с заменой в *оу* в словинском, в *лу* → *лу* в определенных условиях в чешском). Несколько примеров: сербо-хорв. *врба* (*ѣ* — долгое, с восходящим ударением), *зрно* (*ѣ* — с кратким нисходящим ударением), *рѣт* (*ѣ* — с долгим нисходящим ударением), *вѣк* → *вук* (*ѣ* — с долгим нисходящим ударением), *дѣг* → *дуг* (*ѣ* — с кратким нисходящим ударением) — „длинн“, *дѣг* → *дуг* (*ѣ* с долгим нисходящим ударением) — „долг, geld-schuld“; чешск. *врба, зрно, рѣвѣ, вѣк, рѣнѣ* — „полный“, *дѣхѣ* → *длѣхѣ* → *длѣхѣ* — „длинный“, *дѣх* → *длѣх* — „долг“.

В болгарском языке вышли из системы слоговые плавные в историческое время. Они заменились посредством сочетания *р, л* с гласным *ъ*, появившимся для избежания слоговости плавных — *врба, зрно, зрнце* или *зрнце, први, влк*.

В языках северо-западных славян — в лужицких, польском, поморском (кашубском), полабском, в языках восточных — в русском, украинском, белорусском — нет слоговых *г, љ*. Вместо них представлены сочетания с гласным слоговым перед неслоговым *г, љ*. Что касается гласного, то в восточнославянских языках это обычный заменитель гласных *ъ, ь* — *о, е*: *торг, верба* — *верба, волк* (*воѣк, воѣк*).

Эти восточнославянские сочетания указывают на такую предшествующую фонетическую стадию: $t\check{r}g\check{r}$, $v\check{r}fba$, $v\check{r}k\check{r}$ — со слоговыми \check{r} , b . Гласные \check{r} , b в этих сочетаниях были в языке восточных славян не только носителями слога, но они были во всех положениях сильными, независимо от следующего слога: $t\check{r}g\check{r}$, $t\check{r}ga$, $v\check{r}fba$, $v\check{r}g\check{r}$ (родит. множ.). Следовательно, фонетическое значение гласных \check{r} , b в сочетаниях $t\check{r}t$, $t\check{r}t$, $t\check{r}t$ было не то, что значение их в прочих сочетаниях: $s\check{r}p\check{r}$, $s\check{r}pa$: $s\check{r}p\check{r}$ → $so\check{r}$, но $s\check{r}pa$ → spa . Такое значение \check{r} , b в $t\check{r}t...$ было связано с положением их перед t , k — в положении, в котором некогда и в языке предков восточных славян r , l были слоговыми. Но рано в их фонетической системе произошло изменение: носителем слога стал \check{r} или b , находившийся перед плавным, и в таком положении он не подвергался дальнейшей редукции, хотя бы в следующем слоге находился гласный полного образования: $t\check{r}ga$ — с \check{r} сильным слоговым; $v\check{r}fba$ — с \check{r} сильным слоговым. Если бы \check{r} , b подвергались ослаблению, то r , l перед согласным становились бы слогаобразующими. Но, как видно, фонетическая система восточных славян не допускала такой функции для r , l . Позднее такие \check{r} , b имели обычную судьбу: \check{r} → o , b → e .

Другое значительное изменение давнего, доисторического времени у предков восточных славян состояло в том, что плавный l перед согласным был во всех положениях лабиовелярным: l . Такой l воздействовал на образование предшествующего гласного \check{r} , а также e , веляризуя их: yl → $\check{r}l$; el → $o\check{r}$: $v\check{r}k\check{r}$ → $v\check{r}k\check{r}$, $d\check{r}g\check{r}$ → $d\check{r}g\check{r}$, $r\check{r}p\check{r}$ → $r\check{r}l\check{r}$; $melko$ → $mo\check{r}ko$. Такой же процесс пережит был и предками северо-западных групп — поморян, полабян.

У предков северо-западных славян (у лужичан, поляков, поморян, полабян) долее, чем у предков восточных славян, держалась фонетическая стадия со слоговыми r , l . В то время как у предков восточных славян \check{r} , b заменились обычного образования гласными \check{r} , b — сильными, у предков северо-западных славян \check{r} , b подверглись значительной редукции и с гласными \check{r} , b сильными они не совпали по своей судьбе: вместо \check{r} , b в $t\check{r}t$, $t\check{r}t$, $t\check{r}t$, $t\check{r}t$ был слабой артикуляции гласный, подвергавшийся значительному воздействию следующего плавного, а также соседних артикуляций. Когда в фонетической системе этих славян слог стал концентрироваться около гласного в сочетании $t\check{r}t...$, то этот гласный, получив при этом более сильную арти-

куляцию, был не обычным заменителем сильных *ъ, ь* (польск. *sen* вместо *szpъ*, *dz'ep'* вместо *дьпъ*), а представлял разное образование, определившееся в предшествующее время в зависимости от соседних артикуляций. Ср. в польском языке: *targ*, *tarn*, (*търъ*), *ćirn'* → *ćern'* (*търъ*), *tvardy* (*тврѣд-*), *v'er'ba* → *v'ežba* (*врѣба*), *vilk* (*вѣлкъ*), *veľna-váľna* (*вѣлна*), *žółty* (*жѣлт-*), *długi* (*дѣлг-*). Сев.-кашубск.: *vouk*, *roupu*.

Итак, полагаем: в ранний период доисторической жизни славянских групп в их фонетической системе были сочетания *търт*, *търт*, *тълт*, *тълт*, — со слоговыми *г*, *л* и неслоговыми *ѣ*, *ь*.

§ 95. б) Плавный *г* в сочетании *ьг* был палатализован в зависимости от артикуляции предшествующего гласного переднего ряда *ь*. Эта палатализация была невысокая, как и других палатализованных согласных, — палатализованных перед гласными переднего ряда: *ticho*, *pletety*, *lěpiti*, *nesete*. На то, что *г* в сочетании *ьг* был палатализован, указывают следы палатализации его в славянских языках, — в тех из них, в которых представлены мягкие согласные перед гласными переднего ряда, — в русском, в польском, в лужицких. Русск. *v'er'ba* (и с позднейшим отвердением: *в'ерба*), *p'er'voj* (и — *п'ервој*), на *v'er'xъ* (и — на *в'ерхъ*); польск. → *v'er'ba* → *v'ežba*, *v'er'ch* → *v'ešč*; верхн.-лужицк. *wjer'ba*, *čer'pać*, *wjér'ch*.

В других славянских языках пережито было отвердение *г'* во всех сочетаниях. Во многих случаях, а по диалектам и во всех положениях, отвердели они и в русском языке. В старопольском языке и в верхнелужицком сохранялся *г'* перед губными и заднеязычными согласными и то при благоприятных условиях: если не предшествовали свистящий или шипящий согласный; после этих согласных *г'* отвердевал: польск. *šegr*, верхн.-луж. *segr*, *žerdź*.

Историческая фонетика славянских языков указывает на такое ограничение в процессе палатализации *г* в сочетании *ьг* и в давнее, доисторическое время: *г* не подвергался палатализации перед твердым небо-зубным согласным: *тъпъ*, *зьпъ*, *дьпъ* и т. п. с твердым *г*.

В § 94 было отмечено изменение *л* перед согласным, происшедшее в языке предков восточных славян, поморян и полаблян: он стал лабиовелярным (*л*), а в зависимости от такой артикуляции гласный *ь* → *ѵ*, *е* → *о*: *vъlkъ* → *vълкъ*, *melti* → *moliti*.

§ 96. в) Слог *тъг-*, *тъг-*, *тъл-*, *тъл-* перед согласным был долгим слогом. Долгота этих сочетаний сохранялась в отдельных

славянских языках при условии сохранения долготы слога в других случаях. Так, напр., у сербо-хорватов, у чехов, у словаков долгота \bar{r} , \bar{l} (и его замены) сохранялась перед прежним ударенным слогом: серб. $v\bar{r}ba, o\bar{r}žati$; старо-чешск. $prid\bar{r}žati, k\bar{r}miti$; словацк. $v\bar{r}ba, k\bar{r}mit'$.

Но следует заметить, что долгота слога с \bar{r}, \bar{l} имеет тенденцию в разных языках (и не славянских) к сокращению. Так, в чешском языке сократились все слоги с \bar{r}, \bar{l} .

§ 97. г) Долгота слога с $\bar{t}r-, \bar{t}r-, \bar{t}l-, \bar{t}l-$ перед согласным была с разной интонацией, нисходящей и восходящей. Следы этого различия отражаются в фонетике отдельных славянских языков. Так, интонация нисходящая отразилась в сербо-хорватском языке в виде \sphericalangle (нисходящее ударение на долгом слоге): $dr\bar{u}g, gr\bar{a}d, zl\bar{a}to$. Интонация давняя восходящая отразилась в этом языке в виде краткого нисходящего ударения: \sphericalangle : $v\bar{r}āpa, bl\bar{a}to$. Неодинаковость интонации $\bar{t}rt...$ была давнего происхождения. И в других индоевропейских языках представлено соответствующее различие. Ближе всего соответствия славянским интонационным различиям представляет литовский язык. Там славянским $\bar{t}r, \bar{t}r, \bar{t}l, \bar{t}l$ с нисходящим ударением соответствуют $u\bar{r}, i\bar{r}, u\bar{l}, i\bar{l}$ — с ударением вида \sim . Славянским $\bar{t}r, \bar{t}r, \bar{t}l, \bar{t}l$ с восходящим ударением соответствуют литовские $\bar{u}r, \bar{l}r, \bar{u}l, \bar{l}l$ с ударением вида $\hat{\quad}$. (Соответствующее различие было отмечено выше и в судьбе $\bar{y}p, \bar{y}m$ в славянских языках сравнительно с литовскими $i\bar{p}, i\bar{m}, \bar{l}p, \bar{l}m$; см. § 83.) Соответствующее различие представлял и др.-индийский язык: славянским $\bar{t}r, \bar{t}r, \bar{t}l$ с нисходящим ударением, литовским $u\bar{r}, i\bar{r}, i\bar{l}$ в др.-индийском соответствовал \bar{r} ; в соответствии славянским $\bar{t}r, \bar{t}r, \bar{t}l$ (с восходящим ударением), литовским $\bar{u}r, \bar{l}r, \bar{l}l$ в др.-индийском были $\bar{i}r, \bar{u}r$.

Полагаем: в основе др.-индийских $\bar{i}r, \bar{u}r$, литовских $\bar{l}r, \bar{u}r, \bar{l}l$, славянских $\bar{t}r, \bar{t}r, \bar{t}l$ с восходящей интонацией лежали слоги с гласным после плавного ($\bar{r}ə, \bar{r}ə$; $\bar{r}ə$ — какой-то слабый редуцированный гласный; $\bar{r}ə$ — какой-то гласный, получившийся вместо долгих $\bar{a}, \bar{o}, \bar{e}$, подвергшихся редукции). Гласный, следовавший за плавным, подвергался затем редукции, а слоговые плавные становились долгими: $\bar{r}ə, \bar{r}ə$. Если за плавным не было гласного, в др.-индийском не появлялся долгий гласный в этом слоге; был только слоговой \bar{r} ; в литовском и славянском в таких слогах была особая интонация: \sim (лит.), \sphericalangle (нисходящая, слав.).

В других индоевропейских языках соответствия славянским ъг, ьг, њ, њ такие: в греческом ρα или αρ, λα или αλ; в замене *гъ, *ġэ было ара, ала и ρā, lā; в латинском og, ul; в готском aūr из ug, ul. Примеры:

слав. skъtьbь (— нисходящее ударение) — серб. skĭb, русск. скорбь; лит.-жемаитское skiĭbti — „быть в жалком состоянии“;

слав. sьdьbьse — словин. sгсĕ (в словинском языке нисходящее ударение перешло на следующий слог: zlatō), чешск. srdce, русск. сердце; лит. širdis, греч. (гомеров.) καρδίη и καρδίη, лат. cor (родит. cordis), хет. kardi-s;

слав. dьrьtь — „разорван“ (dьrati) — сербск. dĭt; лит.-жемаитское diĭtas — „с ободранной кожей“, др.-инд. dṛta, др.-иран. dərəta — „расколотый“, греч. δρατίς и δαρτός — „с ободранной кожей“;

слав. гьлкь — „гулкий звук“ — русск. голк, польск. zg'eĭk; лит. gulksĭoja — „ходит слух“;

слав. вьлкь — сербск. vĭk → vŭk, чешск. vĭk, болг. вълк, русск. волк, польск. wilk, сев.-кашубск. woŭk; лит. vilkas, др.-инд. vġkaḥ, гот. wulfs;

слав. сьгвь и сьгть — сербск. сĭv (в сербо-хорватском языке сг → сг), словинск. сĭm, старо-чешск. сгv, русск. червь; лит. kirmlis, винит. kiĭmĭ, др.-инд. kṛmi-;

слав. рьгть — „палец“ — сербск., словинск. рĭst; лит. piĭštas — „палец“;

слав. гьгдло, гьгто (— восходящее ударение) — серб. gĭlo, русск. горло, польск. gardĭo; лит. gurklŭs, винит. gŭrklj, др.-инд. gġgāḥ — „проглоченный“;

слав. рьгси — „грудь“ — сербск. рĭsi, словинск. рĭsi, старо-чешск. рĭsi, русск. перси; лит.-жемаитское piġšys;

слав. зьгно — сербск. zĭno, словинск. zĭno, чешск. zno, русск. зерно, украинск. зерно и зёрно, польск. záno; лит. žġnis, лат. grānum, гот. kaurŋ; — древнейшая фонетическая стадия — g'ġn-;

слав. рьпнь — сербск. рĭn, чешск. рĭnŭ, русск. полној, польск. pełny; лит. pilnas, др.-инд. piġgāḥ, гот. iudls;

слав. дьгть — „длинный“ — сербск. dŭg, старо-чешск. dĭhŭ, ново-чешск. dlouhŭ, польск. dĭugi, русск. долгој; лит. ilgias, др.-инд. diġgāḥ, хет. dalugaš.

§ 98. 2) Второй ряд сочетаний — это такие сочетания, в которых редуцированный ѝ и ь находился после плавного — trъt,

гътъ, ѡгътъ, тѣтъ: крѣвъ (винит. ед.), крѣве (род. ед.), крѣвавъ, крѣтъ, крѣсна, крѣшька, трѣсчъ, трѣвога, рѣтъ, бѣща, слѣза...

§ 99. Из соответствий других индоевропейских языков наиболее близкие сочетания представляет литовский язык: гũ, гĩ, lĩ, lĩ.

слав. крѣвавъ — лит. krūvinas;

слав. крѣтъ — лит. krutis — „подвижный“;

слав. крѣсна, крѣшити — лит. krūšti — „толочь“;

слав. трѣсчъ — лит. trisũ;

слав. рѣтъ — лит. plutà — „корка, толстая кожа“;

слав. рѣтъ — „плот, паром“ — латыш. pluts, др.-инд. plutà — „купающийся“, греч. πλωτός — „вымытый“.

§ 100. Все славянские языки в их истории представляют указание на то, что судьба этих сочетаний была не одинакова во всех случаях.

а) Сочетания, в которых после гъ, гь, ѣъ, ѣь следовал слог с гласным ѣ, ѣ слабым: крѣвъ, крѣтъ; крѣшька, трѣсчъ, рѣтъ, слѣзь (родит. множ.). В этом положении носителем слога был ѣ, ѣ, а не плавный г, г: крѣвъ, трѣсчъ, слѣзь. В отдельных славянских языках судьба ѣ, ѣ в таких сочетаниях была одинакова с судьбою ѣ, ѣ в сильном положении. Напр., в русск. языке крѣвъ → кров', рѣтъ → плот', трѣсчъ → тр'ох; польск.: krev' → krev, pęc.

б) В тех случаях, когда за гъ, гь, ѣъ, ѣь следовал слог с гласным полного образования, гласный ѣ, ѣ после плавного был тоже слоговым и имел судьбу обычного ѣ, ѣ слабого: он утрачивался в период утраты ѣ, ѣ в слабом положении: съпа → спа, ѣпа → ѣпа (l'na)...; крѣвавъ → krvav, слѣза → slza... В тех славянских группах исторического периода, в фонетической системе которых были слоговые г, г, такими стали плавные и в сочетаниях крѣвав, крѣве, крѣви, слѣза. Так обстояло дело в истории южнославянских языков и чешского со словацким. Если же в фонетической системе слоговые г, г отсутствовали, то г, г в этих сочетаниях (krvav, krevi, plti) стали безголосными, глухими (г, г). Так в польском, в лужицких языках. Польск. křvi, břcha → рchĭa, trvoga, jabľko → jarĭko → жарко. Или же при г, г в таких сочетаниях, при сохранении голосового образования, развивался вторичный гласный: у (ы) при твердом плавном, і при мягком. Так было в украинском и белорусском языках — гу, ѣу, гі, лі: крѣвав, крѣха, бѣха, слѣза.

палько с -лы- отразилось уже в житии Саввы освященного, XIII в. Наличие вторичных гласных при плавных как раз свидетельствует о том, что фонетическая система этих языков не допускала слогаобразующей функции для плавных. Плавные между согласными являются безголосными. Если в языке обнаруживается тенденция произносить в таком положении плавные с участием голоса, то г, і должны стать слогаобразующими, как в южных или чешском и словацком языках, или же применялся другой способ для произношения г, і звонкими: развитие гласных при них. Фонетическая система восточнославянских языков издавна избегает слогаобразующей функции плавных: это ясно отразилось на судьбе тѣрт, тѣрт, тѣт. Та же тенденция действовала в истории этих языков и позднее. Некоторые полагают, что украинский и белорусский языки пережили в истории стадию со слоговыми г, і: крѣви, сѣза, а затем слоговые плавные заменились посредством сочетаний гу, ги, гу, ли. Это — голая схема, построенная на параллелях с судьбою тѣрт в южнославянских языках, а не на основе изучения системы восточнославянских языков.

В истории отдельных славянских языков происходил процесс обобщения в звуковом виде основ, заключавших в себе замену прежних тѣрт, тѣт, тѣт, тѣт. В южнославянских языках обобщились во всех случаях основы с г, і. Ср. с серб. крѣв, как и крѣви и др. В чешском и словацком языках направление обобщения было не одинаково для отдельных слов: крѣт („крот“), как крѣта, но: blecha — „блоха“, как blechy, blech; pleti, как pleť — „кожа на человеческом теле, цвет кожи, плоть“. В русском языке обобщились основы с заменю ъ, ь в сильном положении: ро, ло, ре, ле (л'о) — кроха; как крох, крови, как кров' и т. п. Но в тех случаях, когда не было родственных форм с заменю ъ, ь в сильном положении, г, і стали безголосными и утратились. — Пльсковъ → Плсков → Псков. То же явление в замене слова кръстити: кстит' (по сев.-русским говорам), Ксты, Кстьё, Кстово — названия деревень в разных северновеликорусских местностях, например, в бывш. Рыбинском, Юрьевском, Шуйском, Московском уездах.

ог, ег, ол, ел перед согласными.

§ 101. Сочетания ог, ег, ол, ел были между согласными (vorna...), а также в начале слова перед согласным (ordlo...).

1) Сочетание *or, er, ol, el* между согласными — *tort, tert, tolt, telt*. Перед гласным в сочетаниях *or, er, ol, el* не происходило изменений, так как плавный относился к следующему слогу. Напр. *prostorgъ* (*pro-storgъ*), *prostora* (родит. ед.), *rozogъ* (*ro-zogъ*). Если за плавным находился *j*, то рано произошла ассимиляция плавного с *j* в один палатальный *l'*, *r'*: *voliti* — *volja* → *vol'a* (два слога: *vo-l'a*), *kolješi* → *kol'eši* (*ko-l'e-ši*).

Если же за плавным следовал согласный (кроме *j*), то *or (er, ol, el)* представляло собой дифтонгическое сочетание (сочетание одного слога) и подвергалось изменениям: *storna* (*stor-na*), *zorkъ* (*zor-къ*), *mertī* (*mer-tī*), *kolti* (*kol-tī*), *melko* (*mel-ko*)...

а) Слог с *or, er, ol, el* перед согласным был слогом долгим. Долгота его заменителя в отдельных славянских группах сохранялась в тех условиях, в которых не происходило вообще сокращения слога. Напр. перед прежним ударным слогом. Ср. долготу слога в сербо-хорватском языке: *brāda, brāna, vrāiti, mlāiti, srēda, trēbiti* — „чистить, теребить, лупить“, в чешском языке: *brāna, mlāiti, řtbiti* — „чистить, просеивать“; следы долготы (*ó*, т. е. и, вместо *ō*) в польском языке: *vrócié* (русск. воро́тит' вместо *vortíti*), *brózda*.

§ 102. б) *or, er, ol, el* между согласными были с разными интонациями. Следы интонационного различия отразились на фонетике отдельных славянских языков. Так, в восточнославянских языках ударение находится на первом или на втором гласном сочетаний *oro, ere, olo*, заменивших собою ранние доисторические *or, er, ol, el*: *ворон, зóлото, гóлос, бéрег; ворóна, солóма, болóто, берéза (бер'óза)*. Были и безударные *or, er, ol, el*: *bórdā* — русск. борода́, *golvā* — русск. голова́, *melkō* — русск. молоко́... В сербо-хорватском языке *ra, re, la, le*, заменившие собою ранние доисторические *or, er, ol, el*, представляют под ударением в одних случаях нисходящую долготу (˘) или нисходящую краткость (˘˘). Восточнославянские *oro, ere, olo* соответствуют сербским *rā, rē, lā, lē*: серб. *vrān, grād, zlāto, glās, brēg*. Восточнославянские *oro, ere, olo* соответствуют сербским сочетаниям с *o*: *vrāna, slāma, blāto, brēza*. В сербском *o* отражается не только давнее краткое нисходящее ударение (*rōl'e*), но и давнее дóлгое восходящее ударение: *līra* вм. давнего *līra*; *rīp* вм. давнего *rīpъ*. Следы интонационного различия ударенных *or, er, ol, el* отражаются и в чешском языке.

Разным славянским интонационным слогом с *or*, *er*, *ol*, *eĭ* соответствуют разные ударения в литовском языке: лит. *aĩ*, *eĩ*, *aĩ*, *eĭ* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *eĭ* с нисходящим ударением; лит. *árg*, *érg*, *álg*, *élg* в соответствии славянским *or*, *er*, *ol*, *eĭ* с восходящим ударением. Примеры:

- а) слав. *gōrdъ* — серб. *grād*, русск. *гóрод*; лит. *gārdas*;
 слав. *vōgnъ* — серб. *vrān*, русск. *вóрон*; лит. *vaĩnas*;
 слав. *dēvno* — серб. *đrēvo*, русск. *дéрево*; лит. винит. ед. *deĩvą* (именит. *dervà*);
 слав. *vōlkъ* — серб. *vlāk*, русск. *вóлок*; лит. *vaĩksmas*;
- б) слав. *vōrna* — серб. *vrāna*, русск. *вóрона*; лит. *vārna*;
 слав. *kōrva* — серб. *krāva*, русск. *кóрова*; лит. *kārvė*;
 слав. *bērza* — серб. *brēza*, русск. *бер'óза*; лит. *bėržas*;
 слав. *sōlma* — серб. *slāma*, русск. *солóма*; латыш. *saĩms*;
 в литовском было бы *šáľms*;
- слав. *kōlti* — серб. *klāti*, русск. *колóт'*; лит. *káľti*;
 слав. *bōlto* — серб. *blāto*, русск. *болóто*; лит. *báľtas*.

В основе этих последних сочетаний, с восходящей интонацией, лежали сочетания с долгим слоговым элементом (*tōrt*) или двухслоговая база, с гласным после *r*, *l*, — с гласным, позднее утратившимся в отдельных индоевропейских группах (*torət*, *tolət*, *terət*, *telət*). Ср., напр., греч. *καλαμος* — „камыш“, *καλάμη* — „колос“, др.-верхн.-нем. *halam* — „стебель“, но слав. *sōlma*: серб. *slāma*, русск. *солóма* (*s* вместо давнего незаднего *k'*: слав. *desęť* — греч. *δέξα*). Греческая и др.-верхн.-немецкая параллели представляют замену двухслоговой базы без редукции второго гласного элемента. В славянской и балтийской группах отразился результат редукции второго гласного элемента, — но прежняя двухслоговость базы оставила след на особой интонации слога: в славянской группе он получил восходящую интонацию, как и в других подобных случаях. Ср. др.-верхн.-немецк. *birihha* — слав. *bērza*, лит. *bėržas*.

§ 103. в) Фонетическое значение сочетаний *tort* у славян в доисторическое время было не одинаково по группам того времени, — не одинаково в связи с разными способами, применявшимися в фонетической системе при осуществлении весьма значительной тенденции — избежать закрытости слога. Эта тенденция отразилась на изменении прежних дифтонгов

оц, ец, оі, еі в монофтонги и на изменении оп, еп, ьп в носовые гласные. В отношении дифтонгических сочетаний t-or-t, t-er-t, t-ol-t, t-el-t эта тенденция отражалась таким образом.

В речи предков южных славян, а также близких к ним издавна предков словаков и чехов долгота слога сосредоточивалась на гласном. Поэтому там были аг (вм. $\bar{o}r$), $\bar{e}r$, al, $\bar{e}l$. Для избежания закрытости слога с r, l (tar-t) происходило перераспределение слоговых элементов (образование монофтонга из og, eg, ol, el было невозможно). Перераспределение состояло в том, что плавный отходил к следующему слогу: ta-rt, t \bar{e} -rt... Но в таком случае возникала побочная слоговость r, l в начале слога. И от нее фонетическая система избавлялась посредством перемещения артикуляций: гласные а, \bar{e} стали произноситься после плавного: ra, r \bar{e} , la, l \bar{e} (перестановка): vrapъ, vrapa, br \bar{e} gъ, br \bar{e} za, glava, ml \bar{e} ko. Перестановка в сочетаниях гласного с плавным происходила в разных языках. Ср. в греческих диалектах $\acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\iota\alpha$ — $\acute{\alpha}\delta\rho\epsilon\phi\iota\alpha$ — „брат“, $\sigma\chi\rho\rho\iota\zeta\omega$ — $\sigma\chi\rho\rho\iota\zeta\omega$ — „рассеиваю“, $\delta\rho\epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\iota$ — $\delta\rho\epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\omicron\nu$ — турецк. t \bar{e} rap — „коса“, $\sigma\chi\rho\rho\phi\alpha$ — $\sigma\chi\rho\rho\phi\alpha$ — „свинья“ и др.

В речи предков восточных славян, а также северо-западных (предков лужичан, поляков, поморян, полабян) долгота слога сосредоточена была на второй части слога, на плавном r, l. Стремление к открытости слога и тут повело к перераспределению слоговых элементов, а это вызвало побочную слоговость долгих r, l: to- \bar{r} t, te- \bar{r} t, to- \bar{l} t, te- \bar{l} t. Чтобы избавиться от побочной слоговости плавных в начале слога, была применена в фонетической системе этих славян не перестановка, а развиты были вторичные гласные неполного образования после плавных. Этому развитию способствовала долгота слогового плавного. Этот вторичного происхождения редуцированный гласный подобен был тому, какой находился перед плавным: o, e. В дальнейшей судьбе гласного при r, l было различие в системах восточных и северо-западных славян. У восточных славян второй гласный в количественном отношении стал таким же, каким он был и перед плавным, т. е. гласным o, e: появились ого, ege, olo — vogoпа, beregъ, gołova. Перед согласным плавный был лабиовелярным у восточных славян, как у северо-западных, — у поморян и полабян. В зависимости от такого образования гласный e заменен был гласным o, а гласный ь гласным z (v \bar{y} kъ → v \bar{y} kъ): melko → mołko, melti → mołti. Поэтому у восточных славян mołoko, mołoti.

На то, что второй гласный в восточнославянском полногласии был в течение долгого периода времени не обычным гласным *o*, *e*, а более кратким, неполного образования гласным, свидетельствует украинская фонетика в ее истории. Давние гласные *o*, *e* подвергались в украинском языке удлинению в связи с ослаблением *ъ*, *ь* в следующем слоге: *dvogъ* → *dvōg[ъ]* → *dvōg*; *rešъ* → *rēšč[ъ]* → *rēšč*. Но нет такого результата в удлинении *o*, *e* в полногласии: город, порог, берег. Ясно, в период ослабления гласных *ъ*, *ь* не было еще гласных *o*, *e* обычного образования (кратких) во второй части полногласия, а были гласные неполного образования: *o^o*, *e^e*, *o^o*. В отдельных именах в украинском языке находится *i* вместо *o*, *e* и в полногласии: порог и поріг, беріг и некоторые другие. Но появление в этих случаях *i* вместо *o*, *e* обусловлено не фонетическим изменением гласных *o*, *e* после плавных, а позднейшим воздействием ряда таких имен, в которых давние *o*, *e* чередуются с *i*; *o*, *e* в открытом слоге, *i* в закрытом: носа — ніс, рога — ріг. По этому образцу появилось и новое чередование: порога — поріг и т. п. (Ср. подобное же явление в русском языке: под влиянием чередования *л'он* — *льна* в м. *льпъ*, *льпа*, ден' — *дн'а*, в м. *дъпъ* — *дъпе* и т. д. появилось чередование *л'од* — *л'да*, в м. *ledъ* — *leda* и т. п.) В памятниках украинской письменности XV—XVI вв. такое явление в отношении полногласия не отражается. Нет следов его и в украинских словах, перешедших в XVI—XVII вв. в польский язык: *derewn'a*, *Zaporōże* (но *Sicz*) и др.

Мы не можем принять и такое объяснение слов с *орі*, *олі*, *ері*: они появились под новоакутным ударением (родит. множ. голів, борін, сторін, черід); под ударением новоциркумфлексным *оро*, *оло*, *ере* оставались без изменения (ворон, колод). (О видах ударения см. §§ 156—159.) Невозможно считать удовлетворительным такое объяснение потому, что ему противоречат многочисленные отступления от предполагаемой нормы: сторбжа, горбжа, колбсса, волбсса и другие с новоакутным ударением; доріг, корів и другие с новоциркумфлексным ударением.

У предков северо-западных славян вторичный гласный усиливался, а гласный, предшествовавший плавному *г*, *л*, ослабевал и совсем утратился. Получилось *го*, *ге*, *ло*, *ле*: *vrōpa*, *br'egъ*, *zloto*, *bloto*, *mleko* (у поморян и полабян *młoko*), польск. *mleć* в м. *melti* (у поморян *młoc*).

О том, что перед плавным был некогда редуцированный гласный, может свидетельствовать следующее явление, отразившееся в старопольских памятниках письменности XIV в. Предлоги и префиксы *въ*, *съ* в сочетаниях со словами, имевшими в начальном слоге некогда *tort*, *tert*, *tolt*, *telt*, перешедшие в *trot*, *tret*, *trot*, *tret* (° слабый редуцированный гласный), представляют гласный *e*, как заменитель редуцированного в сильном положении, т. е. в слоге, за которым следовал слог с гласным редуцированным, подвергшимся затем утрате. Ср. также примеры: *ve vłoce*, *ve vřota*, *se zřotem* (из Флорианской пс. XIV в.). Следовательно, когда-то за *въ*, *съ* шел слог с редуцированным гласным, подвергшимся утрате. Поэтому в предшествующем слоге *ъ* → *e*: *въ vřota* → *ve vřota*.

Сочетание *tort* имело еще иную судьбу на северо-западе. Вторичного гласного за плавным не представлено. Но перед плавным *r* гласный *a*: *tart*. Такие сочетания были в старопольском языке при *trot*. Более многочисленны сочетания с *tart* были у поморских славян. У их потомков, у кашубов и балтийских словинцев, такие сочетания представлены и в настоящее время: *varta*, *Starogard*, *karvinc* (польск. *krav'en'ec* — „коровий навоз“). Далее на западе, у полабских славян, в преимущественном употреблении были сочетания с *tart* (*tort*, *tart*): *gorch*, *korvo*, *starna*... Известен только один пример с гласным после *r*: *brōda*. Гласный *o* в полабском *tort* не представлял собою непосредственного заменителя давнего гласного *o*: если бы он был непосредственным продолжателем этого гласного, то он изменился бы в *ū*: ср. полаб. *slūvū* (*słowo*), *smūla* (*smoła*) и др.; *tort* или *tart* явилось у полабян вместо *tart*, вследствие удлинения гласного *a* (*ā* → *ā* → *o*). Условия появления *ar* на северо-западе неясны. Проф. Я. Розвадовский видел в этом *ar* результат давнего сокращения слога *or* (в *tort*), — результат, образовавшийся в фонетических системах польской, поморской, полабской. Этот результат оказался одинаков с тем, что получилось в этих группах вместо давнего *tart*: *tart* (*targ* вм. давнего *targ*)¹.

В немногих славянских группах в отдельных словах иначе отражалась тенденция избежать закрытости слога: посредством

¹ J. R o z w a d o w s k i, *Historyczna fonetyka czyli glosownia języka polskiego* (в изд. „Encyklopedia Polska“, t. II, Kraków, стр. 388). То же в издании Краковской Академии наук „Gramatyka polska“, Kraków, 1923, стр. 163.

развития вторичного гласного ъ после г, л. Такому изменению подверглись некоторые сочетания в языке предков славян болгарских, в частности в той группе этих славян, которые водворились на северо-востоке Балканского полуострова. Результат такого изменения представлен следующими примерами, находящимися в памятниках славянской письменности, отражающей черты языка славян на востоке Балкан: *вѣлѣтнѣ* (в дошедшем списке с пропуском ъ и с постановкой ' : *вѣл'тнѣ*), *мѣлѣднѣ* (*мѣл'днѣ*), *пѣлѣтъ*, (*пѣл'тъ*), *сѣлѣнѣсть* (*сѣл'нѣсть*) — в Шестоднев Иоанна экзарха (X в.), а также *зѣлѣтарнѣ* (*зѣлтарнѣ* — греч. χρυσοῦχος — „мастер золотых дел“) — в переводе слов Афанасия Александрийского (в переводе, относящемся к X в.). Но нет полной уверенности, что такая передача восходит к древнему, доисторическому периоду: не явилась ли такая передача в результате воздействия фонетики не славянской, — фонетики тамошних, балканских романов (предков румын)? В иноязычной среде славянские сочетания с ра, ла, рѣ, лѣ нередко передавались посредством аг, ал, ег, ел. Так, напр., переданы были некоторые славянские слова в албанской среде: *gardh* (*garth*) вместо слав. *grad[ъ]*, *daltë* вместо слав. *dlato*; ср. и передачу таких слов: слав. *krupa* — алб. *kërpip* — „солю“; слав. *trup[ъ]* — алб. *turp*; греч. *κλεισοῦρα* („ущелье“) — алб. *Qëltësurgë* и др. Совсем нет необходимости видеть в этой передаче указание на славянские сочетания с аг, ал, ег. (Подробнее об этом говорится в моей книге „Славянское население в Албании“.)

Но не исключена возможность, что *вѣлѣтнѣ*... восходит к доисторическому *bal'tiny*, — с развитием вторичного ъ после плавного (в некоторых сочетаниях в языке предков болгарских славян). То же явление отразилось у них и на судьбе ал в начальном слоге: *алѣкати*.

Неясно, как надо объяснить написание *зѣлѣта* — единственный пример в Синайской пс., при обычном *злато*.

§ 104. *čelt-, želt-*. После шипящих согласных произошло в этих сочетаниях изменение *e* в *ǫ*. В тех языковых группах, в которых происходило удлинение гласных *o*, *e* в *tort*, *tert* (см. § 103), удлинялся и *ǫ*. В связи с изменением лабиализованных гласных переднего ряда в нелабиализованные (§ 51) изменился и *čöl* в *čāl* и затем в *čal*. Так было в говорах, легших в основу южнославянских, а также словацкой и чешской групп. Ст.-сл. *жадѣ* 1 л. ед. *жадсти* — „платить, оплатить“: *не имѣтъ ѹнѣ жадсти* (Супр.

рук.). Сербо-хорв. *člān, člānak*, чешск. *člān, člānek* вместо *čelпъ, čelпъкъ*. Чешск. *žlab* вм. *želбъ* — „желоб“.

В основу польской группы легли те говоры, в которых не происходило удлинения *o, e* (см. § 103). Не удлинился там и *ö* в *žöi*; но раньше дислабиализации развился после плавного вторичный лабиализованный гласный, который позднее заменился гласным полного образования: *złoby* (*žlób*). Развитие вторичного гласного после плавного находилось в этой группе в связи с общим фонетическим направлением в изменении сочетаний *tort, tert, tolt, telt*.

В южных и западных группах имеются и сочетания *člět-, žlět-* (в польской группе *žlet-*). Полагаем: изменения *čelt-, želt-* — в *čölt-, žölt-* происходило перед твердым согласным: *čölnъ, čölna, žölbъ*; но *čelnè, želbé*. С течением времени происходило обобщение для всех форм основы с одинаковым гласным после *č, ž* (ст.-сл. *жльдвѣтъ, жльсти* (Супр. рук.). Старо-чешск. *člének*, словацк. *člienok*; чешск. *žlibek*, словацк. *žliebok, žleb*; сербо-хорв. *žlěb*, польск. *žleby* — „трещины, углубления в горах“.

§ 105. 2) *ort-, olt-* в начале слова. Вследствие осуществления фонетической тенденции к открытости слога изменились у славян в доисторический период и *ort-, olt-* в начале слова. (Для *ert-, elt-* нет достоверных примеров). Изменения были не одинаковы по славянским группам.

В сочетаниях с *ort-, olt-* под восходящим ударением повсюду у славян получился одинаковый результат: происходило удлинение гласного и затем перемещение слоговых элементов: *ort- → rat-, olt- → lat-*. Ср. слова с корнем *or-* (из основного *ar-*): *or-* перед гласным не испытывало изменений, потому что *r* не заканчивал слога, а относился к следующему слогу: *orati* (*o-ra-ti* — „пахать“); ср. в других индоевропейских языках образования с тем же корнем: греч. *ἀρόω* — „пашу“, *ἀρότης* — „пахарь“, *ἀράτρον* — „плуг“; лат. *arō* — „пашу“, *arātrum* — „плуг“; лит. *arti* — „пахать“, *artojas* — „пахарь“, *arklas* (вм. *artlas*) — „соха“. Но перед согласным в славянской фонетике *or-* подверглось изменению: в данном случае *or-* было под восходящим ударением и заменилось посредством *ar-*, а это — посредством *ra-*: *ortai* — „пахарь“ → *ratai*; *ordlo* → *radlo* → *rafo* — „орудие пахоты“ (лит. *arklas*). Так, *ra-* во всех славянских группах. На то, что в этом корне *or-* перед согласным ударение было восходящее,

указывает судьба этого слога в славянских языках, с одной стороны, и литовская параллель — с другой: серб. *gālo*, у чехов — долгота: *gādlō* (чешская долгота указывает в данном случае именно на восходящее ударение: *vrāna*, Тра; серб. *vrāna*, Тра); лит. *árklas* с'.

Другие примеры с восходящим ударением:

ogmo → *gamo*, ст.-слав. *ramo*, серб. *gāmo*, *gāme* — „плечо“, чешск. *gāpě* — „плечо, рука“, украин. *ram'a*; ср. в сербском *g*, в чешском долготу; ср. в литовском слог на стадии редукции, но с ударением: *irmédė* — „ломота в костях“; др.-иран. *agəta* — „рука“, лат. *agrus* — „лопатка“, др.-верхн.-нем. *agam* — „рука“.

olkati → *lakati* — „голодать, ощущать голод“, *olkomъ* → *lakomъ*. Во всех славянских группах *la*. Отметим серб. *lakom*, чешск. *lakati*. Ср. еще литовскую параллель с ударением: *alkti*.

Сочетания *ort-*, *olt-* с нисходящим ударением или без ударения изменялись не одинаково по славянским группам доисторического времени.

а) В одних группах произошло и в этих сочетаниях удлинение и перемещение слоговых элементов: *ort-* → *rat-*, *olt-* → *lat-*. Так было у предков южных славян — у болгар, сербов (хорватов), словинцев. Отчасти отразились те же результаты и у близких к ним предков словаков. Примеры:

oldii- → *ladii*: серб. *lāda* (с *o*, а не с *o*); ср. безударное *al-* в литовском: *aldija* (винит. *aldija*);

olkūti → *lakъть*: серб. *lākat*, болг. *лакът*, словин. *lakāt* (у словинцев произошел перенос нисходящего ударения на следующий слог: *zlaťō*); ср. лит. *alkūnė*;

ogvino- → *gavъпъ*: серб. *gāvnī*, болг. *равен*, словин. *gavnōpol'e*; ср. др.-прусск. *arwis* — „подлинный, наверный“;

префикс *orz-* → *raz-* — в языках южных славян;

orsti, *orstъ* → *rasti*, *rastъ*, серб. *rasti*, *rāst*, болг. *раст*, словин. *rāsti* (с переносом ударения к началу слова).

§ 106. В немногих словах в языке предков южных славян получился и иной результат: удлинения не происходило, *ort-* под нисходящим ударением или вне ударения заменилось посредством *rot-*. Такая двойственность была в передаче сочетания

огb-: габъ и гобъ, gabota. Условия этой двойственности неясны. У предков болгарских славян были и другие слова в двойной передаче — с *rat* и *rot*, *lat* и *lot*. В Супрасльской рукописи, отражающей черты говоров восточной Болгарии, находится при словах с *pa-* (рабѣ, раздати) не только *ровъ*, но и приставка *roz-*, *ros-* (*розбонникомъ*, *розмыслнвъ*, *ростворнвъ* и др.), *розвъ*.

В болгарских группах были два фонетических варианта в замене *olkŭti-*: *lakъtъ* и *lokъtъ*. На вариант с *lo* указывают некоторые македонские говоры: *локот* (в Солунском крае, в Малой Реке — на западе Македонии).

б) В группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков, в сочетаниях *ogt-*, *oit-* под нисходящим ударением или вне ударения не было удлинения; произошла только перестановка. Примеры: *lodii*, *lodъ*, *lokъtъ*, *loni* („в прошлом году“), *говъпъ*, *roz-*, *rosti*.

Корень *og-*, отмеченный выше, с восходящей интонацией: *oŭdlo*. Но в образовании с суффиксом *-lja* пережито было изменение тона, как и в других словах с суффиксом *ja* (*-ja*), *-je*: см. ниже в отделе об ударении. Вследствие метатонии появилась вместо восходящей интонации нисходящая (новонисходящая): *golja* — „пахотное поле, пашня“, белорусск. *ралля*, украинск. *рiлля*, старо-чешск. *golie* → *gŏl* (в чешском языке в слог с прежним нисходящим ударением слог краток), польск. *rola*, др.-русск. *ролна*, *рольа* — *хочеть погубити смерды и ролью смердомъ* (Ипатьевский сп. летоп., под 6619 г.); было это слово в русском языке и в XVII в., некоторые лица имели прозвище от этого имени: да в той же пустоши по жеребью за Онтоном Игнатьевым сыном Рольным (Рязанские писц. книги XVII в.).

§ 107. В языке предков славян болгарских тенденция избежать закрытости слога в сочетании *og-*, *oi-* в начале слова отразилась еще в ином направлении: посредством развития вторичного гласного после плавного: *aŭkati*, *aŭdii*. На такой результат изменения *oit-* указывают данные старославянских памятников: *алъкати*, *възлалъкати*, *алъужа*, *алъднн*. Но и: *лднн*; в Синайской пс. *лаужаше*, *възлакаша*; *възлаужать яко пещь*, в Зогра. код. *възлалати са*. Такой способ избежания закрытости слога применялся в языке болгарских славян и позднее, как было указано выше (§ 36): *норъданъ*, *каперълаоумъ*, *оръганъ*, *олътаръ* и др.

ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП СРЕДИ ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИИ СОГЛАСНЫХ.

§ 108. 1) В языке славян согласным s, z в ряде слов соответствовали шипящие или свистящие в одних индоевропейских языках, задненебные или их замены — в других. Шипящие или свистящие представлены в языках древнеиндийском, древнеиранском, литовском, албанском. Задненебные или их замены были в языковых группах хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской. Задненебные согласные представлял и язык того населения, весьма богатая культура которого в долине реки Инда (в Мохенджо-Даро и в Хараппе) открыта была недавними раскопками, — культура, относящаяся к первой половине 3-го тысячелетия до н. э.¹ Надписи на некоторых предметах этой культуры удалось несколько месяцев тому назад прочитать профессору Пражского университета Б. Грозному. (Он же прочитал иероглифические хеттские надписи.) На основании таких соответствий в разных индоевропейских языковых группах полагаем, что эти соответствия представляли собою замену более ранней фонетической стадии индоевропейских языков, — стадии с такими k, g, gh, которые отличались от k, g, gh в других словах, — отличались тем, что затвор производился ближе к твердому нёбу по сравнению с затвором для k, g в других случаях. Таким образом, в языковых группах восточноиндоевропейских — в др.-индийской с ее книжным языком — с санскритом (в группе более позднего появления в области Инда, по сравнению с населением, остатки культуры которого открыты в Мохенджо-Даро, — с населением протоиндийским), в др.-иранской, балтийской (литовской, др.-прусской и др.), славянской, албанской, — в судьбе образования для таких нелабиализованных, задних k, g произошла передвижка вперед, их замена посредством согласных шипящих, свистящих или фрикативного th (dh). В некоторых других давних процессах восточноиндоевропейские группы также представляли общие направления.

В языковых группах протоиндийской, хеттской, тохарской, греческой, итальянской, кельтской, германской передвижки вперед

¹ В. Грозный, О nejstarším stěhování národů a o problému civilizace protoindické. Praha, 1939, стр. 27. — Мой перевод этой статьи проф. Грозного напечатан (с сокращениями) в журн. „Вестник древней истории“, № 2 за 1940 год, стр. 15—34.

не происходило; незадненебные k, g, sh становились близкими к нелабиализованному задненебному согласному.

Итак, соответствия древнейшим k', g', g'h в отдельных индоевропейских языках таковы:

	др.-инд.	др.-иран.	лит.	слав.	алб.	тох.	греч.	лат.	гот.
k'	ç(ś)	s	š	s	s, th	k	κ	c(k)	h(g)
g'	j(dž)	z	ž	z	z, dh, d	k	γ	g	k
g'h	h	z	ž	z	z, dh, d	k	χ	h	g

Примеры:

k':

а) слав. съто, tyseŕja в.м. ty-seŕja, ст.-слав. тысяща, лит. šimtas, др.-инд. çatām, др.-иран. satəm;

б) тохар. kānt, греч. ἑκατόν (é-хатόν), лат. centum, гот. hund;

а) слав. desetъ, лит. dēsimt (диал. dešimtis), др.-инд. dáça; др.-иран. dasa;

б) греч. δέκα, лат. decem, гот. taihun;

а) рьsati, pišq (1 л. ед.), лит. piēšti, piešiū — „углем проводить линию, чертить, писать“, др.-инд. piñçāti — „он украшает, придает вид“;

б) тохар. piñkam — „он пишет“, лат. pingō (pictum) — „рисую, иглою вышиваю“.

g':

а) слав. znati, лит. žinoti; др.-инд. jñāti (džanati) — „он знает“;

б) греч. γινώσκω — „я познаю, знаю“, лат. gnōscō, nōskō, гот. kann;

а) слав. зьрно, лит. žirnis;

б) лат. grānum;

а) слав. зѡбъ, лит. žambas — „угол у перекладины“, латышск. zuobs — „зуб“, др.-инд. jāmbhaḥ — „зуб“.

б) греч. ῥόμφος — „гвоздь“, др.-верхн.-нем. kamb — „гребень“.

g'h:

а) слав. vezq, vozъ, лит. vežù, др.-инд. váhati — „он едет“;

б) греч. ὄχος в.м. φόχος — „повозка“, лат. veho, гот. gawīga (ga-wīga) — „я двигаю“;

а) слав. зима, лит. žemà, др.-инд. himāḥ;

б) греч. χιὼν — „снег“, χεῖμων — „зима“, лат. hiems.

§ 109. 2) Соответствия разных индоевропейских языков указывают, что в их фонетической системе некогда были такие *k, g, gh*, при образовании которых затвор производился в глубоководной части мягкого нёба; а такая задненебная артикуляция согласных сопровождается активным участием губ,— их округлением: k^u, g^u, gh^u (значок ^u указывает не на отдельную губную артикуляцию, а на лабиализованные *k, g, gh*). Подвижка вперед заменителей таких согласных в отдельных индоевропейских языках не переживалась, если только не возникали особые фонетические условия, при которых происходила передвижка образования согласного в палатальный ряд (напр., у славян перед *j* и перед гласным переднего ряда: *ki* → *ĉi*, *ke* → *ĉe*...). След лабиализованного образования *k, g, gh* представлен в некоторых индоевропейских языках и в том, что при задненебном образовании согласного развился лабиальный элемент. Такой был в языках хеттском, латинском, германских: хетт. *kuiš*, лат. *quis* — „кто“, гот. *hwas* — „кто“. Бывало и так, что губная артикуляция получала перевес: затвор велярно-лабиальный заменялся лабиальной артикуляцией. Так в оско-умбрской группе (*pis* — „который“), в греческой (*πότερος* — „который из двух“), отчасти в кельтском (др.-валлийск. *petguar* в соответствии латинскому *quattuor* — „четыре“). В восточных же индоевропейских языках нет следов лабиального элемента в образовании *k, g*: если он некогда и был в фонетической системе этих языков, то он рано утрачен ими. Отсутствие или давняя утрата лабиального элемента *k, g, gh*, с одной стороны, и небо-зубные спонанты вместо *k', g', gh'* — с другой, в восточноиндоевропейских языках находились в связи с фонетической системой их. Примеры:

Ст.-слав. *отълькъ* — „остаток“, лит. *lėkù*; но греч. *λείπω* — „оставляю“, лат. *linquo* — „оставляю“;

гот. *leihsa* — „суживаю“;

слав. *govędo* — „рогатый скот“, латыш. *gūws* — „корова“, др.-инд. *gāuḥ* — „скот“; но греч. *βοῦς* — „бык“.

§ 110. 3) В славянской, балтийской, др.-индийской, др.-иранской языковых группах имеются слова с *k, g*, которым в западных индоевропейских языках соответствуют согласные, восходящие к задненебным согласным без лабиального элемента: в греч. *κ*, в латин. *c (k)*, в герм. *h*.

Напр.: слав. *krъ* (*krъvъ* — винит. ед.), лит. *kraũjas* — „кровь“, др.-инд. *kravīh* — „сырое мясо“, греч. *κρέας* в м. *κρέας* — „мясо“, лат. *сruor* — „кровь“;

слав. *lъць* (*ĉ* в м. к перед гласным переднего ряда), лит. *laukas* — „имеющий белое пятно“, греч. *λευκός* — „белый“, лат. *lūcere* — „светить“, гот. *liuhath* — „свет“;

слав. *stogъ*, *ostegъ* (*o-stegъ*) — „одежда“, лит. *stogas* — „крыша“, др.-инд. *sthaḡayati* — „он покрывает“, греч. *στέγα* — „покрываю“.

§ 111. 4) В др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском языках отразились следы более ранней фонетической стадии с придыхательными *kh*, *gh*, *g^h* (лабиовелярный придыхательный *g*): в др.-индийском — придыхательные *kh*, *gh* и *h*, в греческом придыхательные *kh*, *gh* заменились заднебным спирантом *χ*, а лабиовелярный придыхательный *g^h* заменился спирантом *φ* или *θ*; в латинском *h* вместо *gh* и губной *f(v)* вместо *g^h*.

В языке славян, как и в языке литовцев, нет следов придыхательных *gh*, *g^h*: в этих языковых группах имеется заднебный согласный *g*, а вместо незадного *g^h* находится то же, что и вместо незадного *g'*: в литовском *ž*, в славянском *z*.

Примеры:

gli: слав. *stig-* (*stignōti*), лит. *staigýti* — „торопиться“, др.-инд. *atistīgham* — „переходить“, греч. *σταίχω* — „ступаю, иду“; слав. *тъгѣ*, лит. *miḡlā*, др.-инд. *mēghaḥ*, греч. *ὄμιχλη* — „туман, облако“.

g^h: слав. *sněgъ*, лит. *snėgas*, греч. *νίψς*, лат. *nivem* (им. едм. *nix*);

слав. *gorěti*, лит. *gāras* — „пар“, др.-инд. *gharmāḥ* — „жар“, греч. *θερμός* — „теплый, горячий“, лт. *formus* — „горячий, теплый“.

g^h: слав. *zima*, лит. *žėmà*, др.-инд. *hīmaḥ* — „холод, зима“, греч. *χειμῶν*, лат. *hiems*; другие примеры см. выше.

В литовском языке нет следа и от придыхательного заднебного *kh*. Но у славян есть след такого согласного: в ряде слов, в которых др.-индийский имел *kh*, греческий *χ*, у славян был *ch*, а не *k*. Напр.:

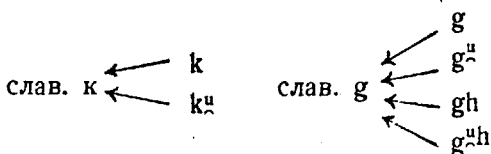
слав. *socha*, др.-инд. *śākha* — „сук, ветвь“, персид. *šāch*; лит. *šakà* — „сук, ветвь“.

В отношении значения „соха — ветвь, сук“ ср. русские прилагательные „россохатой, росошистой, росоховистой“ в значении — „ветвистый, суковатый“: на дръвѣхъ росохатыхъ повѣсна (Георг. Амартол); да попрошодъ налево стешкою да къ ивѣ къ росошистой (из Белевских писцовых книг, 1584—1585 г.); отъ тово дуба... на холмъ на росоховистой дубъ (оттуда же).

слав. *chochotati*, др.-инд. *kakhati* — 3 ед., греч. *καχάζω*;

слав. *gěcha* (русск. прорѣха), *gěšiti* (*otrěšiti*), др.-инд. *gēkha* — „черта, линия“, *rikhati* — „режет“, но лит. *gēkti* — „резать хлеб“.

Итак:

§ 112. В ряде индоевропейских языков имеются ясные следы придыхательных согласных, находившихся некогда в фонетической системе этих языков. Так, в др.-индийском, др.-иранском, греческом, латинском, германских имеются указания на придыхательные звонкие согласные, когда-то находившиеся в этих языках — *bh*, *dh*, *gh* (*gh* и *g̣h*).

В др.-индийском были слова с *b*; но больше слов было с *bh*; в греческом им соответствовали слова с β и с φ ; в латинском с *b* и *f*. Слова с др.-инд. *bh*, с греч. φ , с лат. *f* указывают на более раннюю фонетическую стадию с придыхательным *bh*.

У славян, как и у литовцев, — *b*. Например:

b: др.-инд. *bālam* — „сила“, греч. $\beta\acute{\epsilon}\lambda\tau\epsilon\rho\varsigma$ — „лучший“, лат. *dēbilis* (*dē-bilis* — „бессильный“), — слав. *bol ĭĩ* — „бóльший, лучший“;

bh: др.-инд. *bhārami*, греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$, лат. *ferō*, — слав. *berq*;
 др.-инд. *bhāpati* — „он говорит“, греч. $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$, лат. *fāgī*, — слав. *bajq*, *bajati*;

др.-инд. *bhāvāmi*, греч. $\varphi\upsilon\nu\alpha\iota$ — „давать бытие, рождать, производить“, лат. *futurus* — „будущий“, — слав. *byti*, лит. *būti*.

Ср. также в др.-индийском слова с *d* и *dh*, в греческом с δ и θ , в латинском с *d* и *f*, указывающие на более ранние *d*

в одних случаях и на придыхательный dh — в других. У славян, как и у литовцев, только d. Напр.:

d: др.-инд. *duvā, dvā*, греч. *δύω*, лат. *duo*, лит. *dù*, слав. *дѣва*;
др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομος*, лат. *domus*, слав. *домъ*;

dh: др.-инд. *mādhu*, греч. *μέθυ*, лит. *medūs*, слав. *медъ*;
др.-инд. *dhāyati* „сосет, пьет“, *dhēnūḥ* — „молочный“, греч. *θήσαστο* — „он сосал“, *θηλή* — „грудь матери“, лат. *fēlare* — „кормить молоком“, слав. *dojō, dēte*;
др.-инд. *rudhirāḥ* — „красный“, греч. *έρυθρός* — „красный“, лит. *rudėti*, слав. *гѣдѣти, guda*.

Замены придыхательных *gʰh, gh, gʰh* в др.-индийском, в греческом и латинском отмечены были выше: в др.-инд. гортанный *h* вм. *gʰh* и вм. *gʰh* (перед заменой давних *ē, ē, i*); *gh* вм. *gh* и *gʰh*; в греческом *χ* вм. *gh (gʰh, gh)*; *φ, θ* вм. *gʰh*; в латинском *h* вм. *gh (gʰh, gh)*; *f, v* вм. *gʰh*.

У славян же *gʰh* → *z*, у литовцев → *ž*, как и вместо непридыхательного *gʰ*; вместо же задних придыхательных *gh, gʰh* у славян, как и у литовцев, *g*. Сравните соответствия славянским *zīpa, mьgla, sněgъ, gorěti* — соответствия, указанные выше.

В др.-индийском и др.-иранском языках были представлены указания на глухие придыхательные *th, ph, kh*. В греческом имелись следы двух из этих глухих придыхательных; *φ* вм. *ph*; *χ* вм. *kh*. В фонетике славян есть след только давнего *kh*, — след в виде *ch*: *rěcha, chochoṭati* и др. соответствия, см. выше. В отношении других глухих согласных нет следов придыхательного образования их: во всех случаях у славян *t, p*, как и вместо непридыхательных *t, p*. Примеры:

t: др.-инд. *tād*, греч. *τό*, лат. *istud*, слав. *to*;
др.-инд. *mātār*, слав. *mati*, лат. *māter*;

th: др.-инд. *mānthati* — „он двигает, перемешивает“, слав. *meṭō*;

p: др.-инд. *plavate* — „он плавает“, греч. *πλέω*, лат. *pluit*, слав. *plōvo*;

др.-инд. *priyāḥ* — „дорогой, милый“, слав. *prijazнь, prijatelʹ*;

ph: др.-инд. *phēnaḥ*, слав. *pěna*;

др.-инд. *phālakam* — „доска“, греч. *σφέλας* — „скамейка“, слав. *polica*.

Итак, у славян, как и в некоторых других индоевропейских группах, система согласных не имела издавна придыхательных согласных. И следов не осталось от таких согласных, кроме одного: *ch* вм. *kh*.

Образование славянской фонетической системы сравнительно с системами других индоевропейских языков обнаружило следующие черты давней славянской системы в отношении согласных:

- 1) *s*, *z* вместо нелабialsных, незадних *k'*, *g'*, *g'h*;
- 2) отсутствие следов фонем с лабиальным элементом *k^h*, *g^h*: были только *k*, *g*.
- 3) отсутствие следов придыхательных согласных:

b вместо *b* и *bh*,
p вместо *p* и *ph*,
d вместо *d* и *dh*,
t вместо *t* и *th*,
g вместо *g* и *gh*.

Только придыхательный *kh* оставил след в славянской фонетической системе: *kh* → *ch*, как и в греческом языке.

Небно-зубные.

§ 113. Согласные *t*, *d* соответствовали такого же типа согласным других индоевропейских языков.

- t*: слав. *to*, др.-инд. *tád*, греч. *τό*, лат. *istud*;
слав. *matī*, вин. *matерь*, лит. *motė* — „женщина“, греч. (дорич.)
μᾶτήρ, лат. *māter*;
- d*: слав. *domъ*, др.-инд. *dāmaḥ*, греч. *δομας*, лат. *domus*;
слав. *séděti*, лит. *sédėti*, др.-инд. *sádaḥ* — „место, жительство“.

Кроме того, как указано выше, в славянской системе *t*, *d* были в соответствии придыхательным *th*, *dh*, оставившим следы в системе др.-индийского (*th*, *dh*), греческого (*θ* вм. *dh*) языков.

Слав. *meṭo*, др.-инд. *mānthati* — „он перемешивает“,
слав. *medъ*, др.-инд. *mádhu*, греч. *μέθυ* и др.; см. выше, § 112.

§ 114. Согласный *n* был продолжением такого же типа носового согласного более ранней фонетической стадии. В других индоевропейских языках ему соответствует *n*.

Слав. *пѣво*, др.-инд. *pābhāḥ*, греч. *ἄφος* — „облако“, лат. *nebula* — „туман, облако“, др.-верхн.-нем. *nebul* — „туман“.

слав. *сѣпа*, др.-иран. *kaēna* — „штраф“, лит. *kaipė* „цена“, греч. *ποῦή* — „возмездие, штраф“.

Кроме того, у славян п появился в доисторическое время вместо *m* в конце слога. Ср. ясное указание на согласный *p* в предлоге (префиксе) *son* или *съп*: перед согласным *son* → *sq*: *sqśédъ*, *sqśékъ* и др. Что касается вида этого предлога (префикса) с гласным *ъ* (степень редукции — *съп*), то *p* удержан перед гласным или перед *j*: *съпiti*, *съп-jimъ* → *съп'-imъ* („с ним“). В других положениях *p* утрачен: *съп* → *съ*. Соответствие этому предлогу в других индоевропейских языках представляет согласный *m*: др.-инд. *sām*, греч. *ἄμα* — „вместе с ...“. С согласным *p* вместо *m* был и предлог *къп*: *къп-jemu* → *къп'-emu*. Ср. в др.-инд. вид соответствующего предлога: *kām*. Возможно полагать, что *m* изменился в *p* и в середине слова перед согласным (см. § 80).

Процесс изменения конечного *m* в *p* переживался отдельными славянскими группами и позднее, в исторический период. Так было в сербо-хорватской чакавской диалектной группе (*sān* вм. *sām*, *zпān* вм. *zпām*) и по говорам словацкой группы (*tap* вм. *tam*, *гоbтп* вм. *гоbтm*, *chlарон* вм. *chlарom* — дат. мн. — на юге среднесловацких говоров).

§ 115. Славянские *s*, *z* продолжали собою того же типа согласные более древней фонетической стадии. В других индоевропейских языках находятся такие же согласные, если не пережито тех или иных изменений их. Несколько примеров:

s: слав. *съпъ*, лит. *sūnus*, др.-инд. *sūnúḥ*, гот. *sunus*, гр. *υῖος*, тох. *soyā*;

слав. *сѣјо*, лит. *sėju*, лат. *sēmen* — „семя“;

z: слав. *мъзда*, гот. *miздō*, гр. *μισθός* — „плата“;

слав. *mozгъ*, др.-иран. *mazga* — „костный мозг“.

Слов с *z*, которому в других индоевропейских языках соответствует такой же согласный или его замена, немного. При этом *z* находится только в сочетаниях *zd*, *zg*.

У славян согласные *s*, *z* были и иного происхождения.

а) В ряде случаев они появились вместо более давних задних *k'*, *g'*, *g'h*, в соответствии с *ç* (§), *j* (*dž*) др.-индийских, *š*, *ž*

литовских, κ , γ греческих: *dešęť, znati, žrno, žima, vezq.* Ответствия отмечены выше.

b) *s* в группе *st* обусловлено было диссимиляцией сочетания *st* (вм. *tt* и *dt* → *tt*): *mesti* вм. *metti, vesti* вм. *vetti* ← *vedti, pasti* вм. *padti*.

s — ch.

§ 116. Согласный *s* пережил изменения у славян в доисторическое время: в определенном фонетическом условии *s* → *ch*. Таким условием было следующее: положение *s* после давних гласных высокого подъема (*i, u*) и после *r, k*. При указании на положение *s* после *i, u* имеются в виду не только давние гласные *i, u* краткие и долгие, но и дифтонги с этими гласными: *eĭ, oĭ, eu, ou*. Эти гласные и дифтонги изменились затем у славян так: *Ī* → *Ī*, *ĭ* → *ь*, *ū* → *у* (*ы*), *ŭ* → *ъ*, *eĭ* → *Ī*, *oĭ* → *ě*, *eu* → *ju* → *'u*, *ou* → *u*. Таким образом, *ch* у славян появился фонетически после *i, ь, у* (*ы*), *ъ*, *ě* (из *oĭ*), *u, a* также после *r, k*.

Возможно полагать, что появлению *ch* вместо *s* предшествовала фонетическая стадия с ξ заднепалатальным.

В образовании *s* кончик языка опущен за нижние резцы; приподнятая часть у альвеол представляет теснину; одновременно приподнята и задняя часть языка. В положении после *i, u, r, k* редуцировалась работа передней части языка, а задняя часть несколько выше приподнималась. Но такого изменения *s* не было, если *s* находился в сочетании с затворным согласным: *st, sk, sp*; в этих случаях объединение артикуляции *s* со следующим затворным образованием удерживало переднеязычную артикуляцию *s*: *istina, iskati, blęskъ* и др. Сравните фонетический процесс в греческом языке: *s* в начале слова и в середине слова между гласными изменился в гортанный *h* — с дальнейшим изменением (утрата между гласными). Но перед *r, t, k* сохранилось образование *zi* греч. $\xi\eta\lambda$ — „новая“ (др.-инд. *sāpaḥ, лат. senex*); но: $\sigma\tau\acute{\upsilon}\delta\omega$ — „совершаю возлияние“, $\delta\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ — „звезда“.

Сравните славянские формы так называемого сигматического аориста, т. е. аориста с суффиксами *-so, -s*: *pęszъ* — I л. ед., *pęszę* — 8 л. мн. (ср. ст.-сл. *привъса, привъса* и т. п.) Но те же формы представляли *ch* в таких инфинитивных основах, которые оканчивались гласными *i, u* (у вместо более раннего *ū*), *r, k* — *bichъ, bišę* (ξ вм. *ch* перед гласным переднего ряда); *krychъ, kryšę*; *žerchъ* — ст.-сл. *жрэхъ, žeršę* — ст.-сл. *жрша, řechъ* (вм.

gĕk — chъ), gĕšĕ. Но -ste — в форме 2 л. мн., 3 л. двойств., -sta — в форме 2 л. дв.: biste, bista, kryste, krysta, rĕste, rĕsta, ст.-слав. жрѣста, жрѣста.

Другие индоевропейские языки также указывают на s в соответствии славянскому ch.

Несколько примеров:

слав. tichъ, лит. teisùs — „справедливый“, лит. taisaũ, taisýti — „готовить, улучшать“;

слав. mucha, лит. musė, лат. musca;

слав. ucho, лит. ausis, гот. auso, лат. auris (вм. ausis);

слав. ручъ — ручати, греч. φῦσα — „раздувательный мех“, φῦσάω — „дую“;

слав. мушь (š вм. ch перед гласным переднего ряда), др.-верхн.-нем. mūs, лат. mūs, греч. μῦς;

слав. blъcha, лит. blusà;

слав. тьсчъ, лит. musaĩ, лат. muscus;

слав. роrchъ, ст.-слав. прахъ (ср. тот же корень с гласным ь и с суффиксом -t: рьrstь), герм. (скандин.) fors — „водопад“;

слав. окончание формы местного множ. числа -chъ вместо -su, на которое ясно указывают языки др.-индийский, др.-иранский, др.-литовский: слав. kostъchъ, gostъchъ, trъchъ, vьlcĕchъ, супъchъ и др.; лит. akisù, sūnùsù; др.-инд. açvasu, sūnùsu, vṛkeṣu, др.-иран. vāhrkaēšu.

В тех же условиях, как у славян, было пережито изменение s и в группах индо-иранской и балтийской, — в группах, в системе которых представлены были и некоторые другие черты, общие с славянской системой. Направление фонетического процесса в изменении s было одинаково: согласный s заменялся шипящим š в др.-иранской и балтийской группах и согласным š (вроде шипящего) в др.-индийской. Например:

др.-инд. várṣiṣṭaḥ — „самый высокий“, лит. viršùs, слав. vьrchъ; лит. garšvà, слав. gorchъ, ст.-слав. грахъ;

др.-иран. uši, лит. ausis, слав. ucho;

др.-инд. mūḥ (h вм. š в конце слова), лат. mūs, слав. мушь;

Ср. выше примеры с окончанием местного множ. числа.

В литовском языке изменение s → š после i, u представлено непоследовательно: при каких-то условиях s после i, u в балтийской группе сохранялся без изменения.

лит. vėtušas, лат. vetus, слав. vetъschъ;

лит. juše, слав. jucha — „уха“;

лит. trišėti — „дрожать“;

лит. maĩšas — „большой мешок“, этимологически соответствует славянскому mēschъ.

Но: лит. saũsas, слав. suchъ, лит. trisù, слав. trъschъ и др.

В отличие от процесса индо-иранского и балтийского у славян изменение s в указанном положении было более интенсивным.

§ 117. На фонетическую сторону изменения s в sh может указывать такое позднейшее явление в славянских языках: изменение šc в sch. При этом имеются данные, свидетельствующие о переходной фонетической стадии, о šc. Так по болгарским говорам Македонии и Болгарии. Проследите судьбу названия таких сел в западной Македонии: Русци в XIV в. — Рухци позднее; Велмесци — Велмещи в XVI в., Велмехци позднее; Власци — Влашци в XVI в., (В)лэхце позднее. То же изменение отражается на женском имени Бесцена: в записях XVII—XVIII вв. — Бехцена; прилагательное: пречуден камен бехцени (XVIII в.). На это явление указывает и передача слова „победоносца“ (винит.-родит.): победонохца и чудотворца Георгия (XIX в.). Такой результат изменения представляет и сочетание šč: нохче (нофче) вместо ношче (ножче, уменьшит. к „нож“). Так изменились sc, šč и по говорам словинским и чешским: слов. ichčem („ишу“); чешск. chčestĭ вм. ščestĭ („счастье“), jechče вм. ješče („еще“); chčati вм. scati.

Отметим еще одну позднейшую параллель к изменению s в sh: один мальчуган (без дефектов в речи), волнуясь во время школьного экзамена, так прочитал заглавие рассказа „Садовник и его сын“: „Хадовник и его сын“.

Процесс изменения s в sh или в гортанное образование переживался многими языками. Из неиндоевропейских языков такое изменение в совсем недавнее время происходило в якутском языке, как на это обратил внимание О. Böhrlink: „s wird seit nicht gar langer Zeit von vielen Jakuten, namentlich von den Bewohnern der Stadt Jakutsk, zwischen zwei Vocalen wie h gesprochen“¹.

§ 118. В ряде случаев sh находится не только после i, u, но и после других гласных. Во всех этих случаях образования с sh

¹ О. Böhrlink, „Jakutische Grammatik“. SPB 1851, 158—159.

возникли по аналогии с родственными образованиями, в которых и изменился фонетически (после *i, u, r, k*). Так, форма местного множ. числа имела окончание *-schъ* фонетически вместо *-su* в основах на *-й, -ї, -о* (*-oj* → *ě*): *supъschъ, kostъschъ, vьlcěschъ*. По образцу форм с такими основами стали образовывать форму местного множ. на *-schъ* и в основах на *-a*: *gubachъ, ženachъ*. Но в др.-индийском не происходило такого обобщения в окончании: *sūpūṣu, áviṣu, no: ácvasu*.

Хотя у славян процесс обобщения в окончании *-schъ* был интенсивен, но все же по славянским группам в некоторых случаях в именах собственных, относившихся к населению и к местам жительства его, доле держались формы местного множ. на *-sъ* в основах с суффиксом *-an*: *Dol'an-e, Vьrbьča-ne, Lqžane...* (доле, чем в именах апеллятивных, нарицательных). Еще в историческое время для чехов засвидетельствованы такие формы местного множ.: *Dolās, Vьrbčās, Luzās* и некоторые др. Позднее для всех имен стало служить окончание *-ch*.

По аналогии появился *ch* и в формах сигматического аориста с инфинитивной основой на *-a*: *вьгасъchъ, знасъchъ*. Процесс обобщения *ch* в окончаниях форм аориста происходил и позднее, в исторический период славянских языков. Так, ст.-славянские памятники представляют после *а* окончание с *с*: *пропасаъ* — 1 л. ед., *пропаса, ѡса* (инфин. *ѡти*) — 3 л. множ. Но в говорах XI в., отражающихся в ст.-славянских памятниках, обычными были формы с *ch*: *ѡхъ* — 1 л. ед., *ѡша* — 3 л. множ.

ch вместо *s* находится и в начале слова. Напр., *choditi*. В жизни чаще приходилось применять образования с префиксами *pri-, u-*, т. е. такие образования, в которых *s* изменился в *ch*: *ou-sod* → *uchod* (*uchoditi*). От этих образований отвлечено и беспрефиксное *choditi*.

§ 119. *рьchati, рьsati*. В этих и некоторых других словах неодинаковость согласных, *ch* в одних словах, *s* — в других, после одинакового гласного, *i* или *u*, обусловлена была тем, что некогда после *i, u* находились неодинаковые согласные. Так, в слове *рьchati* (производные: *рьčeno, рьčenica*) после *ri* находился согласный *s*, который изменился в *ch*. Ср. лит. *raisyti* — „выкочлачивать зерна ячменя“, др.-инд. *piṣṭāḥ* — „растолченный, разбитый усталостью“, лат. *pīnsō* — „толку“, *pīstus*. А в слове *рьsati, рьstь* в период фонетического изменения *s* → *ch* не было обычного образования *s*, а был иной согласный, — такой, какой нахо-

дился тогда в словах *desęty, tysetja* (ст.-слав. тысяща), *szędyse, slava*, т. е. такой *s*, которому соответствует в литовском *š*, в др.-индийском *ç* (*ś*), в греческом *χ* — заменители более давнего *k'*. Ср. лит. *piešiù, piēšti* — „углем проводить линию, писать“, др.-инд. *piṃçāti* — „он украшает, размещает“, лат. *pingō* (*pictum*) „рисую“; греч. *ποικίλος* — „пестрый“, слав. *ръстръ*. Значит, в то время, когда в славянской фонетической системе происходило изменение давнего *s* по направлению к *sh*, в языке славян не было еще обычного образования *s* в соответствиях др.-индийскому *ç*, греческому *χ*, а был иной согласный, отличный от твердого *s*, а потому не подвергшийся изменению по направлению к *sh*. Совпадение заменителя давнего *k'* с *s* в славянской фонетической системе произошло позднее изменения по направлению к *sh*.

§ 120. В ряде случаев представлен звук *s* после *i, ě* потому, что некогда этот согласный не находился непосредственно после *i*. Например:

tisъ, лат. *taxis*; в этом слове согласному *s* предшествовал заменитель более давнего *k'*: *tik'so-*;

běsъ; согласный *s* находился после *d*: *ds* → *s*; так же изменилось сочетание *ds* и в литовском языке; ср. лит. *baidyti* — „пугать“ и лит. *baisùs* вм. *baidùs*, — „страшный“, „отвратительный“, лат. *foedus* — „скверный, отвратительный“.

§ 121. Иное происхождение *sh* в начале и не в начале слова отмечено было выше: вместо придыхательного *kh*: *chochotati, chorъгъ*, ст.-слав. *хръзъръ*, др.-инд. *kharah*, — „твердый, острый“, *socha* и др.

§ 122. Появление образования для согласного *sh* в начале слова могло также находиться в связи с экспрессивностью значения слова и с соответствующим его произношением: *sh* могло быть экспрессивным вариантом согласного *k* в начале слова. Таково происхождение, напр., начального *sh* в глаголе *chochotati*: ср. в др.-индийском и греческом *k*: *kakhati, καχάζω*.

Ономатопоэтического (звукотрагического) происхождения *sh* в длинном ряде слов с *chor, cher* → *šer-, shъrk-*: русск. *хорохориться, šeroshъ* (русск. *шорох*), *shъrkati* — „хрипеть, кашлять“. Того же происхождения ономатопоэзия для смеха, для гуканья: *chu! chu!* — русск. *хи-хи!*, глагол *хихикать*, чешск. *chuchati* — „дышать, дуть“, польск. *chuchać*, украинск. *хухати*, русск. *хухать*

и др. образования. Такого происхождения *ch* в русских (диалектальных) глаголах сильной экспрессивной значимости: ужаснуться, шарахнуться („броситься“).

Ономатопозитического происхождения и глагол *chvastati* — „болтать“, „нести вздор“. Того же происхождения частица *šu* в имени *šu-chvostъ*: русск. шухвост, название пункта поселения, имевшего отношение к лицу с таким именем — Шухвостово. Что касается значения имени хвост, то здесь был корень тот же, то и в глаголе хвастати: хвостъ — „болтун“; частица *шу-* усиливала выражение такого значения.

В отношении эмоционального значения согласных *s*, *ch*, *š* можно получить ясные указания в именах с суффиксами, в состав которых входили *s*, *ch*, *š*. Суффиксы с этими согласными придавали слову эмоциональное значение — уменьшительное, ласкательное или увеличительное. Такое значение этих суффиксов было актуально в течение долгого времени у славян и в исторический период: *pol-chъ* (русск. полах, южн.-сл. *pľach*), чешск. *brach* (*bratr*), *kmoch* или *kmocha* (*kmotr* — „кум“), *Pech* (*Petr*), польск. *Stach* (*Stanisław*), русск. шорох, бабёха, Иваха — Ивахно, Алексаха — Лексаха — Сашура — Шура и многие другие. Подробнее см. в отделе о словообразовании.

§ 123. *ch* появился у славян также вместо сочетания двух согласных *kch*: ср. формы сигматического аориста от инфинитивных основ на *-k*: *tek-*, *velk-*, *lęk-* (*lęk-ti*, ст.-сл. *лѣци*, *лѣци* *лжкъ* — „натянуть лук“ — *ѣтѣвѣ то' тѣѣѣ*): 1 л. ед. *tęchъ* *вм.* *tękcho* — из *tęk-so-n*; *tęchъ*, 3 л. мн. *tęšę*; ст.-слав. *пѣтъ* (*вм.* *пѣтъ*) *зѣповѣдѣ твоѣхъ тѣхъ* (Син. пс.) — „я отправился по пути твоих приказаний“; *потѣша воды* (Син. пс.) — „потекли воды“; *орѣжше извѣшше* („извлекли“), *налишше лжкъ своѣ* (Син. пс.) — „натянули свой лук“.

Посредством *ch* передан у славян германский *h*: *chuzъ* (*chuzъ*), *chuza*, *chuža*, *chužina*, — герм. *husa-*;
слав. *chlěbъ* — гот. *hlaihs* (*hlaihs*);
слав. *chlěvъ* — гот. *hlaiw* и др.

Итак:

s после *i*, *u*, *r*, *k*
слав. *ch* ↙
↘ *kh* (придыхательный *k*)
экспрессивный вариант *k* согласному *k*.

§ 124. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов предполагали, что в славянском звуковом составе доисторической эпохи был согласный гортанный h. Согласный h, по их представлению, применялся в таких словах.

1) В указательном he-: hevo, heto; в частице hede, в числительном hedinъ, hedyъ.

К такому представлению побуждало Ф. Ф. Фортунатова отсутствие j перед e в начале этих слов и наличие согласного h в некоторых славянских языках: в украинском (hen), в белорусском (hetый), в чешском (hen, henky), в нижнелужицком (hyn, hynga).

Согласный h был и перед a в союзах ha (a), hako (ako).

С согласного h начиналось и наречие hešče, чередовавшееся с hošče; был звуковой вариант и с j: ješče.

2) Согласный h появился в эпоху доисторическую вместо придыхательного приступа, с которым произносились все начальные гласные. Согласный h развился вместо такого приступа перед o, u, q: hostrovъ, hulica, hqsy. „Возможно, что уже в общеславянском праязыке h в указанном положении было не особенно устойчиво. Вот почему, напр., h перед o во многих славянских языках соедем не нашло себе соответствия. Таковы сербские, болгарские, великорусские, польские и другие говоры“ (А. А. Шахматов).

3) Согласный h возник для избежания зияния в форме родительного пад. единств. ч. мужск. и средн. рода: too → toho и далее tovo в русских и кашубских говорах.

Все данные, на которые ссылались Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов в их утверждении согласного h в звуковом составе доисторической эпохи, не показательны. Они имеют иное значение.

1) В первом пункте, о h перед e некоторых слов, принято во внимание только отсутствие j перед e, но не принято во внимание особое значение этих слов в речи, особенность их произношения. Это частицы (e), наречия (ešče). Подробнее о произношении будет сказано ниже, в отделе о начале слова. Там дано будет объяснение особой артикуляции начального гласного некоторых слов, произносившихся с особой экспрессией, — указательной частицы e некоторых наречий. Начальному гласному таких слов предшествовало закрытие гортани, — предшествовал „крепкий приступ“. Звук j при такой артикуляции не

появлялся перед *e*. Согласный *h* перед *e* в этих словах развился позднее в фонетической системе отдельных славянских групп.

Нет достаточного основания полагать, что слова *jedǫnъ*, *jezero* имели в начале согласный *h* (*hedǫnъ*): они имели в начале согласный *j* или *ǰ*, как на это ясно указывает их судьба в восточнославянских языках. В то время как в украинском и белорусском языках появился вместо придыхательного приступа согласный *h* перед указательным *e* в *hevo*, *heto*, как и перед гласным *u* (*y*) (*hulica*), а в русском языке с утратой „крепкого приступа“ перед указательным *eto*, *evo* представлено сочетание с *e* (*э*) (*это*, *этот*, *эвон*), а не с *je* и не с *o*, слова *jedǫnъ*, *jezero* имели иную судьбу. Все восточнославянские группы в ранний период их жизни утратили *j* или *ǰ* в начале слова перед *u* (*y*) и перед *e*: *jucha* → *ucha*, *juǫnъ* → *uǫnъ*, *jezero* → *ezero*, *jesenъ* → *esenъ*, *jedǫnъ* → *edǫnъ*. В фонетической системе этих славян действовала тенденция не начинать слова с гласного *e* в нормальной, ровной речи (без особой экспрессии). В связи с этой тенденцией произошла замена гласного переднего ряда со средним подъемом языка иным гласным того же подъема. Таким гласным в славянской фонетической системе был только гласный *o*: *ozero*, *osenъ*, *odǫnъ*. Если же гласный произносился с повышенным подъемом спинки языка, *ě*, то замены его другим гласным не происходило. А такой гласный, *ě*, появлялся рано в языковой системе славян в связи с редукцией гласного в соседнем слове: *jěľь*, *jěžь*. Ни в украинском, ни в белорусском нет *hezero*, а есть *ozero*. В русском нет *эзеро*, которое соответствовало сочетаниям с *э* в словах *это*, *эвон*. Следовательно, у всех восточных славян в давнее время эти слова произносились не так, как слова с *eto*, *evo*, а иначе: *jedǫnъ*, *jezero*, как и *jesenъ*, — с *j* или *ǰ*. Роль подъема спинки языка в фонетической системе славян в разные периоды имела большое значение. Сравните, например, судьбу гласных *o*, *u* после палатальных согласных: эти гласные подверглись воздействию палатальной артикуляции предшествующего согласного и передвинулись в передний ряд, но в фонетической системе того времени не было лабиализованных гласных переднего ряда. Поэтому произошла их замена нелабиализованными, но с таким же подъемом: *ǫ* → *e*, *ǫ* → *i*.

2) И сам А. А. Шахматов видел недостаточную обоснованность положения о придыхательном приступе перед каждым гласным в начале слова, в частности о согласном *h* перед лабиали-

званными гласными. Нет данных для такого утверждения. Изучение фонетической системы славянских языков указывает, что начало слова с гласного, — слова, не окрашенного эмоционально-экспрессивным тоном, произносившегося ровным темпом, — производилось не одинаково по славянским группам. В группах, которые легли в основу украинского, белорусского, полабского, лужицких языков и некоторых чешских групп, такие слова начинались с предварительного открытия гортани; струя воздуха проходила через гортань ранее вибрации голосовых связок (ранее производства гласного звука). Глухая гортанная фрикация, предшествовавшая артикуляции гласного звука, могла с течением времени замениться согласным *h* или *v* (*h* обычно сопровождается губной артикуляцией), *j*. (Подробнее см. в „Славянском языкознании“.)

В польской группе начальный *v* перед *o*, *e* из более давнего *o* (*vōsy*, *veġ'el*) не зависел от придыхательного приступа, а появился так же, как *v* перед *y* (*ы*) и *ъ* во всех славянских группах вследствие утраты или ослабления лабиальной артикуляции в гласном; эта артикуляция производится перед гласным: старопольск. *vāsy* → *vōsy*, *vagľ* → *veġ'el*.

3) Тезис о *h* в форме местоимений *toho*, *koŋo*, будто бы вместо *too*, *koō*, вызван представлением о прямолинейности „фонетических законов“, вне учета значения слова и способа его произношения. Сочетание *ho* с дальнейшим его изменением в *vo* или с утратой сужения (для *h* или *v*) явилось в русском языке и в севернокашубских говорах вместо *-go*, которое было во всех славянских языках. Изменение *g* в *γ* → *h* вызвано было ослабленным образованием, которое свойственно в речи формам местоимений, а ослабление артикуляции вызывает замену затвора щелью, замену взрыва фрикацией. Сравните ясное указание на такое изменение звукового вида местоимений, представляемое местоимениями тебе, себе по русским говорам, — со слабосмычным редуцированным *б*: *те^бэ*, *се^бэ*; представлены эти местоимения и с утратой *б*: *теэ*, *сеэ*.

Ослабленная артикуляция местоимений отражается и на судьбе местоимений *те*, *те*, *се* в истории славянских языков. Так, в польских диалектах на северо-западе (в Коцевье и Борах) и на юге Галиции местоимение *п'е* представляет твердый согласный: *па* на северо-западе, *те* (*те*) — на юге. Там же и в дательном падеже находится это местоимение с твердым *п*: *пу*. Произошло отвер-

ение согласного *c* в русском *с'*а, вошедшем в состав глагольной формы: *умойса* (диалект). Твердый согласный вместо мягкого — это одно из проявлений редукции. Не менее выразительны следы ослабленной артикуляции этих местоимений и в истории болгарского языка. В среднеболгарскую эпоху (XII—XIII вв.) эти местоимения стали произноситься как *мж*, *тж*, *сж*. Здесь в двух отношениях отразилась ослабленность образования этих местоимений: в отвердении согласного и в изменении гласного *а* в *ж*. Позднее *ж* заменился гласным *ъ* (→ *а*): *мъ* (*ма*), *тъ* (*та*), *съ* (*са*).

Местоимения могут становиться несамостоятельными лексическими единицами, объединяясь с глаголом в одно целое в акцентном отношении и служа одним из грамматических показателей — глагольным показателем лица или объектным показателем в глаголе. Такова была судьба форм вин. и дат. личных местоимений 1 и 2 л. и местоимения „его“, „ему“ в южнославянских и западнославянских языках. Будучи несамостоятельным словом в предложении, произносимые неполновесно, эти местоимения в разных языках подверглись редукции в артикуляционном отношении. Таково происхождение в вин. пад. *го* (болг.), *га* (серб.) вместо *вго*, *му* (болг., серб.) вместо *вму*. Как слова несамостоятельные, эти местоимения неотделимы от глагола. И отрицание не отделяет таких местоимений от глагола, — не отделяет потому, что они служат грамматическим показателем его. В особенности ясна грамматическая функция этих местоимений в болгарском языке, главным образом в говорах Македонии: *го*, *му* и другие конъюнктные местоимения находятся при глаголе как определительные элементы дополнения, — находятся при наличии дополнения именного, выражающего собою определенное конкретное название. В этих случаях дополнение — имя находится в членной форме или в сочетании с указательным местоимением. Например: *той ја виде книгата* („он увидел книгу“; *ја* — местоимение вин. ед. женск. р., ст.-сл. *ѡ*); *јас му-го дадоф на часкот и т. п.* Дополнением может быть местоимение личное или указательное для 3 л. В этом случае местоимение представлено в полной своей форме: — *јас тебе не те познавам*; и *нему му ја зеде* („взял“) *главата* (*ја* = *ѡ*, т. е. „голову“). Совершенно такие синтаксические сочетания представляют и другие восточнобалканские языки — новогреческий, албанский, арумунский. Такая судьба местоимений ясно указывает на их слабый удельный вес как самостоятельных членов

предложений, а это ведет к звуковому их изменению, — к редукции. С ослабленным произношением бывают и некоторые частицы, наречия, слова счета, титульные слова, названия лиц. См. подробнее § 152. Прямолинейностью фонетизма вызвано и такое неверное объяснение звукового вида имени „господарь“: осподарь в украинских и русских говорах: это слово без начального согласного указывает на h (хосподарь); а это значит, что это слово не русское, а пришлое, потому что в севернорусских говорах нет h; пришло оно от чехов (ведь в чешском языке g → h), — пришло через Польшу (объяснение А. А. Шахматова). Нет: *hospodář* находится и в кашубских говорах и под чешским воздействием оно не находилось: γ — h вместо g появилось здесь в зависимости от способа произношения этого титульного слова, — его ослабленной артикуляцией. Ср. судьбу близкого титула — названия государь → осударь → сударь → су → с.

г, і.

§ 125. Плавный г в славянской фонетической системе продолжал собою такой же плавный более давнего времени.

г: слав. *bratrъ*, *bratъ*, лит. *brote*, *br̃elis* — „братко“, др.-инд. *bhrāta-*, лат. *frāter*, греч. *φράτωρ*, *φράτηρ* — „член фратрии“; слав. *berq*, др.-инд. *bhāgami*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*.

В славянской фонетике появился palatalный г' вместо сочетания gj: *mogjo* → *mog'e*, *burja* → *bur'a*.

§ 126. Плавный і разного образования в славянской фонетической системе продолжал собою плавный і более ранней фонетической стадии.

Слав. *тъгѣа*, лит. *miglà*, *myglà*, греч. *μίγλη* — „мгла, туман“; слав. *ѣрка* — „долина, луг, излучина“, лит. *lankà*; слав. *ѣgati*, *ѣзь*, др.-верхн.-нем. *lugi*; слав. *ѣпъ*, лит. *l̃paĩ* (множ. ч.), греч. *λίπυ*, лат. *l̃p̃um*; слав. *l̃pa*, лит. *l̃pera*, гр. *ἀλίφαλος*.

В давней славянской фонетической системе плавные были неодинаковы в своем образовании: перед гласным заднего ряда и перед гласным среднего ряда у (ы) был твердый і (языковое тело отодвинуто было к задней части полости рта): *ѣoviti*, *ѣavъka*, *ѣgati*, *ѣuko*... Перед гласным переднего ряда был „средний“ і, образовавшийся со средоточением языкового тела в средней части полости рта: *l̃pa*, *l̃edъ*, *ѣпъ*.

У славян возник и третий вид образования l: палатальный l'. Он появился вместо сочетания lj: слав. l'udъ, l'udije, латыш. l'audis — „люди“, др.-верхн.-нем. liuti; слав. l'ubъ, l'ubiti, гот. liufs, др.-верхн.-нем. liob, др.-инд. lúbhyati — „он ощущает желание, позыв“; volja — vol'a, ср. гот. wilja; poljo → pol'e...

Палатальный l' в славянской фонетической системе возник еще вместо j после губного согласного. Ср. форму 1 л. ед. наст. вр. в основах на i: l'ovl'q, kupl'q вместо l'ovjq, kupjq; ср. прочие формы l'oviši, l'ovite...; перед гласным у славян был i (j), а не i.

Слав. bl'udq, bl'usti; bl'ud- вм. bjud-, а это вм. beud-; ср. греч. πειράομαι — „испытываю, разужнаю, наблюдаю“, гот. biuda; слав. pl'ujq, pl'uti, лит. spjáuti, spjáuju.

Губные m, p, b, v.

§ 127. Согласный m был продолжением такого же согласного более давней фонетической системы. В других индоевропейских языках ему соответствовал m.

Слав. matī, domъ и др. Соответствия других языков были отмечены выше.

В славянской фонетике доисторической эпохи m в конце слова изменился в n (см. выше § 114).

Согласные p, b были продолжением давних p, b, а также соответствовали придыхательным ph, bh и их заменителям некоторых других индоевропейских групп. См. выше, § 112.

О согласном v замечания сделаны в следующем, отдельном пункте.

ц — w — v.

§ 128. История славянских языковых групп указывает на то, что в их фонетической системе издавна находились губно-зубной v и билабиальный w или неслоговой ц. Образование билабиального w или неслогового ц было некогда в сочетании с з, ь слабыми, подвергавшимися в течение времени все большей редукции. В историческое время по утрате таких з, ь начальный слог стал оканчиваться билабиальным w или неслововым ц. А в начале слова вместо цъ, ць, со слабым з или ь, по утрате их, развился тоже гласный, неслоговой ц или слоговой u.

Неслоговой ц в конце слога (в середине и в конце слова) представляют многие славянские языковые группы. Так в белорус-

ской, украинской группах, по говорам южнорусской, в некоторых говорах севернорусской, в восточночешских говорах, в лужицкой группе: *grauđa*, *łaućka* (вост.-чешск. *laučka*), *поц*.

В начале слова *u* (вм. *цъ*, *цъ*) находится по говорам южнорусской группы, в сербо-хорватских группах: *uđova*, *ипцк*. Слоговой *u* или неслоговой *ц* (или редуцированный *u*) представлен в группах белорусской и украинской.

Полагаем: в доисторическое время губно-зубной *v* находился в одних славянских группах во всех фонетических положениях (*vođa*, *въпцкъ*, *въđova*, *повъ*); в других такой согласный был только перед гласным полного образования и перед *z*, *ь* сильными, не подвергавшимися редукции (*vođa*, *въzь*); но в сочетаниях с *z*, *ь*, слабыми были в этих группах образования с билабиальным *w* или с неслоговым *ц* (*цъпцкъ*, *цъđova*).

Губно-зубной *v* или билабиальный *w* представлял у славян замену более раннего *ц*. Ср. такие факты чередования:

оц перед гласным → *ов*,

оц перед согласным и в конце слова (т. е. в конце слога) → *u*: *ostrovъ* (*o-strov-ъ*) — *struja* (*stru-ja*); *kovati* — *kuznica* и др.; ср.

ъ вместо *й* перед согласным и в конце слова, *v* вм. *й* перед гласным, т. е. в положении, в котором *й* не составлял слога: *медъ* вм. *medŭs*, но: *medvěđь* (*medv-ěđь*).

§ 129. Другіе индоевропейские группы представляют указанные также на *ц*.

Слав. *повъ*, греч. *ῥέφος* — с утраченным *f* вм. более раннего *ц*;

слав. *рловѣ*, греч. *πλόφω*;

слав. *вѣдѣти*, греч. *φοῖδα* — „я знаю“ и др.

В других индоевропейских языках также пережит процесс замены неслогового *ц* более ранней фонетической стадии губно-зубным *v*.

§ 130. У славян в доисторическое время развилось в начале слова перед *z* и *y* (*ы*) образование для неслогового *ц* (*w*) или для губно-зубного *vъ*: *въpiti* (ср. с префиксом *vъz-*: *vъz-ъpiti*) *vъ* вм. *въп* (ср. в других индоевропейских языках соответствия этому предлогу *in*, *en*); *вукнѣти* (корень *ук-*; тот же корень в чередовании с гласным *u-*: *ук-*: *па-ука*, *уцѣти*); *вудга* (ср. др.-инд. *udgāh* — „водяное животное“, лит. *údra*); *высокъ* (ср. греч. *ἕψι* — „высокий“, др.-верхн.-нем. *ūfi*).

Появление ц (v) в этом положении обусловлено было изменением более ранних й и й̄: при изменении й в ъ, а й̄ в у (ы) выделялся лабиальный элемент в начале образования: й → въ, й̄ → ву. По славянским группам доисторического времени развивался ц (v) и перед о в начале слова, — тоже в связи с ослаблением лабиализации в образовании этого гласного. Так было в группах, легших в основу северо-западных славянских языков, — польского, поморского: о̄тъкъ → во̄тъкъ (польск. wōtek), о̄зь → во̄зь (польск. wōż), о̄су → во̄су (польск. wōsy), о̄троба → во̄троба (польск. wōtroba) и др. ¹.

Условия появления v в глаголе vēzati неясны, если видеть в этом слове корень тот же, что и в слове о̄тъкъ: чередование е с о. Но возможно полагать, что корень слова vēzati был иного происхождения, — того же, что и в имени во̄зь: в̄зъ, с̄в̄зъ — „завязка, ремень“ в Клоцовом сборнике, в̄зъ (дат. ед.) — „привязь, узы“ — греч. δεσμός: здесь v был не вторичного происхождения, а продолжал собою давний ц.

§ 131. В начале слова перед сонорным r, а может быть, и перед l утрачено было у славян в доисторическое время губное образование: цr → r, цl → l.

Слав. gota — „присяга“, др.-инд. vratām — „заповедь, постановление“, греч. (диал.) φράτρα — „договор“;

слав. rodъ, др.-инд. vrādhant — „всходя, возвышаясь“.

слав. lěska — „ореховый прут“, ирланд. flesc — „прут“, др.-инд. vlēṣkaṇ — „петля“. Впрочем, это — единственный пример для сочетания цl-, и полагать только на этом основании утрату ц перед l в начале слова нельзя с уверенностью.

i — j.

§ 132. В фонетической системе славян в доисторическое время, как и в их истории, не было категорического разграничения между неслоговым i и согласным j. В одних и тех же словах могло быть образование i или образование с более высоким подъемом спинки языка к твердому небу, — образование, при котором получалась теснина или щель, и воздух, проходя через

¹ Более позднее явление представляет по славянским группам v перед ц, о в начале слова: vūlca, vōvsa. Это появление связано было с особым произношением начального гласного в слове. См. соответствующие отделы в „Славянском языкознании“.

эту теснину, производил трение (обычная черта артикуляции согласных): это было образование *j*.

ǰ или *j* мог быть перед гласным в начале слова и в середине его: *ǰama* (*ǰama*), *ǰarǝ* (*ǰarǝ*), *troje* (*troje*), *struja* (*struja*)...

В других индоевропейских языках славянскому *ǰ* или *j* соответствовал *ǰ* или *j* с их заменами.

Слав. *ǰupǝ*, лит. *ǰáupas*, др.-инд. *yúvā*, лат. *juvenis*, гот. *juggs*;
слав. *jego*, *jepu*..., лит. *jõ*;

слав. *trǝje*, *troje* (русск.), лит. *trejǝ*, др.-инд. *trayāñ*.

В греческом языке *ǰ* более ранней фонетической стадии заменился придыханием *ʼ*, *ˊ*. Напр.: слав. именит. средн. ед. *je* (*jeǝ*), др.-инд. *yád*, греч. *ó*. Только в некоторых случаях, в начале слова, развился согласный *ǰ*, может быть, указывающий на *j* (а не на *ǰ*) более ранней фонетической системы. Слав. *ǰgo* → *igo* (*igo*), др.-инд. *yugám*, хет. *yugan*, лат. *jugum*, греч. *ζυγόν*; слав. *roǝsǝ* (*ro-ǝsǝ*), др.-иран. *yāstō*, лит. *ǰustas*, греч. *ζωτός* — „опоясанный“.

В языке славян неслоговой *ǰ* или *j* находился перед гласным в соответствии слоговому *i*, который был перед согласным и в конце слова. Так, формы наст. времени основ на *-i* представляли основу с таким гласным перед согласным (*posǝǝi*, *chvalǝǝi*...), но в форме I л. ед., перед гласным окончания (*o*) основа была с *ǰ* (*j*), который палатализовал предшествующий согласный и ассимилировался с ним: *chvalǝj-o* → *chval'o*, *posǝj-o* → *poǝo* и др. То же явление было представлено в причастии прош. вр. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на *-i*: перед гласным суффикса, перед *-eno*, гласный основы был *ǰ* (*j*): *chvalǝi-eno* → *chval'eno*, *posǝi-eno* → *poǝeno*...

§ 133. В славянской фонетической системе развился *ǰ* (*j*) в начале слова перед гласными переднего ряда, а также перед *a* (перед *a* в славянских языках исторического периода вторичный *ǰ* или *j* представлен непоследовательно).

Слав. *ǝestǝ* (*ǝestǝ*), лит. *ǝesti*, лат. *est*, греч. *ǝsti*, др.-инд. *ásti*;
слав. *ǝetro* — „печень“, греч. *ǝteta* — „внутренности“;

слав. *ǝeti*; ср. с префиксом *vǝz-*: *vǝzǝti*;

слав. *ǝtmǝ* → *imǝ* или *imǝ*; ср. с префиксом *vǝz-*: *vǝzǝtmǝ*;

слав. *ǝaviti*, *aviti*; наречие *ǝavǝ*, *avǝ*; др.-инд. *āvih* — „открыто“;

слав. *ǝagnǝsǝ*, *agnǝsǝ*, *ǝagnǝ*; лат. *agnus*.

О *ǰ* в начале слова см. еще замечания ниже, в пункте о начале слова.

§ 134. Заднеязычные k, g, ch у славян в разные доисторические периоды подверглись изменению. В результате одного изменения получились палатальные согласные: č вм. k, ž вм. g, š вм. ch. В результате изменения, пережитого позднее, получились палатальные с вм. k, dž вм. g, s' вм. ch.

1) Изменение k в č, g в ž, ch в š. Это изменение происходило при таких фонетических условиях: а) в сочетании заднеязычного согласного с j: kj → č, gj → ž, chj → š. Такое изменение было вызвано ассимиляцией согласных k, g, ch с j: передвижкой в зону палатальную, в место образования для j. В отношении результатов этой палатализации у славян рано произошло изменение в аффрикате dž, получившейся вследствие палатализации g. Как при палатализации глухого k появилась аффриката č, так вследствие палатализации звонкого g появилась аффриката dž. Звонкая аффриката dž в разное время в речи славян утрачивала затвор. Так было у славян в давнее доисторическое время. Так было и позднее. Ниже будет отмечен такой фонетический процесс, пережитый предками восточных славян: у них tj → č, dj → dž; но dž утратил затвор: dž → ž: svěča, meža. Параллельное явление представляет судьба звонкой аффрикаты dz в отдельных славянских группах: в большинстве славянских языковых групп эта аффриката утратила затвор: dz → z: podzě → pozě. Но в глухой аффрикате с затвор сохранен. Как видно, звонкие согласные, в частности звонкие аффрикаты, представляли более слабую артикуляцию, чем глухие.

Примеры č, ž, š вместо kj, gj, chj: sěk'a (sěk- + суфф. -ja) → sěča, tŭkja (tŭk-ja) → tьča, pritьča (корень tьk-, ср. tьkati, tьk-ŋoti), suchja (soчh-ja) → suša, nosja → noša

Такой же фонетический результат получился у славян вместо k, g, ch перед гласными переднего ряда. Как и другие согласные, заднеязычные k, g, ch в давней славянской фонетической системе подверглись палатализации перед гласными переднего ряда. В особенности значительная подвижка к палатальной зоне происходила в образованиях вместо k, g, ch: k → č, g → dž → ž, ch → š: роčiti (pokoiti), kričiši, pečeši, otroče (otrokъ), ležiši, možeši, lъžь (lъgati), dylъpъ (dylgъ), sušiti, myšь...

Особо отметим судьбу сочетаний kē, gē, chē, — с ē долгим: образование согласных передвинулось в ряд палатальных č, dž →

→ ž, š, а гласный ē, обусловив палатализацию предшествующего задненебного согласного, получил после этих палатальных согласных широкое образование, — образование гласного а: произошла диссимиляция между палатальной артикуляцией согласного и артикуляцией гласного долгого ē: čadъ, kričati, žargъ, ležati, slyšati....

§ 135. 2) Изменение k в с', g в dz', ch в s'. Когда-то в более поздний доисторический период в славянской фонетической системе обнаружилась прежняя тенденция передвижки задненебных k, g, ch в палатальную зону. Но результат этой передвижки получился не такой, который возник раньше. Теперь появились палатальные согласные с (с') вм. k, dz (dz') вм. g, s' вм. ch.

Такое изменение происходило в разное время при одном из следующих двух условий.

а) Положение k, g, ch перед гласным переднего ряда, заменившим собою более ранний дифтонг oī — позднее эта замена дифтонга oī получила образование гласного ē или в конце слова при особых интонационных условиях ē и i; см. выше об ē. Изменение же дифтонга oī в образование переднего ряда было вызвано ассимиляционным воздействием второго элемента этого дифтонга, — i: oī → oī → ... ē (или при особых интонационных условиях в i в конце слова).

сѣпа (некогда, в период расцвета родового строя, это слово относилось к одному из явлений кровной мести и обозначало то, чем можно было откупиться за пролитую кровь); ср. тот же корень, в котором сочетание oī (ōj) не представляло дифтонга, а, находясь перед гласным, относилось к 2 слогам: kajō (вм. kōjō), kajati — „мстить“; ср. соответствия в других индоевропейских языках того же значения: др.-иран. kāu — „платить, искупить“, kaēnā — „штраф, месть“, греч. ποιῶν — „искупление, штраф“, лит. kaina — „цена“.

čestiti и čistiti в одном и том же значении. В старославянском языке переводчики применяли эти глаголы с семантической дифференциацией в соответствии различию в глаголах, употреблявшихся в переносном значении в греческом тексте: глагол οὐστῆν с винительным падежом дополнения служил для перевода греческого глагола ἐξαλείφειν — „вытирать, вычеркивать, уничтожать“; глаголом же οὐστῆν в сочетании с предлогом ἐκ переводили греческий ἐκκαθαίρειν τι τινοῦς — „вычищать что-нибудь от чего-либо, искоренять“, καθαρῖζειν — „очищать“: 1) *всѣхъ кезаконныхъ мѡзъ оустѣн*

(Син. пс.) — *páσas τὰς ἀνομίαις μου ἐξάλειψον*; 2) отъ грѣха моего очисти мѣ (Син. пс.) — *ἀπὸ τῆς ἀμαρτίας μου καθάρισον με*. В первом слове (ocěstiti) ě из дифтонга oĭ, в другом слове (očistiti) тот же корень представлял дифтонг eĭ или долгий ĭ (чередование e—o: ber-, bor-, bŕ-, bŕi-: berq... izbirati). Ср. соответствия в других индоевропейских языках: лит. skýstas — „тонкотекущий“, др.-прусск. skĭstint — „чистить“. Тот же корень и в слове cěditi: восходит к koĭd; в других языках с начальным s — skoĭd-: латыш. skaidzs — „ясный, светлый, чистый“, др.-инд. kētúḥ — „сияние, светлость“. В слове cěstiti, čistъ корень koĭd-, keĭd-, kŭd- был распространен суффиксальным элементом -t, -to; dt → st (ved-ti → vesti).

dzēlo — „весьма“; лит. gailas — „резкий, быстрый“, гот. gailjan — „увеселять, оживлять“.

Дат.-местн. ед. основ на -a: rōcē, nodzē, mušē. Ср. окончание этих форм в других индоевропейских языках — -ai: лит. gailkai, греч. χώρᾱ, лат. terrae, гот. gibai.

Именит. множ. основ на -o: vŭci, potoci, stodzi (stogъ), kožuši (kožuchъ). Окончание этой формы было некогда -oĭ.

Ср. ясное указание на такое окончание в других индоевропейских языках: греч. λόχοι, лит. vilkaĩ.

Повелит. (желат.) накл. tьcil → в ед. числе, tьcete! — во множ. числе; pomodzi! — pomodzete! Ср. соответствующее образование в греческом языке: φέροις, φέροι.

§ 136. По славянским группам доисторической эпохи k, g изменились в ě, dž и в сочетании с v: kvoĭ → kvě-, gvoĭ → → džvě-: světъ, dzvězda. Так было в группах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков. Памятники старославянского языка представляют пример и с sv вм. chv: вльсви (именит. мн., в ед. вльхъ вместо vŭlchvъ). В группах, легших в основу западнославянских языков, такого изменения kv, gv не было: květъ, gvězda. Ср., напр., в чешском языке květ, hvězda, в польском языке kv'at, gv'azda.

Неодинаковость судьбы gv, kv перед ě по славянским языковым группам доисторической эпохи обусловлена была неодинаковой степенью близости в примыкании одного согласного к другому по этим языковым группам. В речи предков восточных и южных славян согласные k-v, g-v были в тесном объединении. Поэтому палатализация согласного v вызвала палатализацию и в согласном k (g). В речи этих славян были тесно объединены и артикуляции tĭ, dĭ. А такое близкое объединение t (d)

с 1 повело к замене их одним плавным 1 (l): *radlo* → *ra^lo*, *pletla* → *ple^la*. В речи предков западных славян не было такого близкого примыкания *k(g)* к *v*. Поэтому палатализация согласного *v* перед *ě* не отразилась на изменении согласного *v*. Такое свободное примыкание представляла речь этих славян и в сочетании *tl* (*dl*). Поэтому оно не подверглось изменению в 1 (l): *radlo*, *pletla*.

Тесного объединения в артикуляции сочетаний *kv*, *gv* с гласным в речи предков южных и восточных славян не было в ранний период доисторической эпохи, — не было тогда, когда актуален был процесс изменения *k* в *č*, *g* в *dž* (→ *ž*), *ch* в *š* перед гласным переднего ряда. О ст.-славянской звательной форме *кѣше* см. ниже, в конце этого пункта. Поэтому сочетания *kvīt-*, *kvīt-* оставались без изменения в отношении согласного *k*. В период более поздний, — в период, когда появился новый гласный переднего ряда вследствие изменения дифтонга *oj* (*ě*), в это время фонетическая система предков южных и восточных славян представляла тесное объединение сочетаний *kv*, *gv* с гласным. Поэтому *kv*, *gv* перед гласным переднего ряда, появившимся вместо *oj*, изменились в этой системе в *cv*, *dzv*: *světъ*, *dzvězda*. Такой же результат в изменении *kv*, *gv* получился и перед другими гласными переднего ряда: *kvīt-* → *svět-* (*o*) (1 л. ед. наст. вр.), *svitati*: ст.-сл. *процѣтъ*, *процѣсти*, украинск. *цвиту́*, *цвісти*, серб.-хорв. *svàtēm*, *svàsti*; но чешск. *kvísti*; польск. *kviśc*. Мы не можем объяснять *cv* в словах *světěti*, *svitati* тем, что на звуковом виде глагольных форм отразилось воздействие именных форм с *svět-*, — отразилось в обобщении сочетания *cv* (вместо *kv-*: *kvīt-*): изменение *kvě-*, *gvě-* в *svě-*, *dzvě-* вызвано было не особенностью в образовании гласного *ě* по сравнению с *i* или *ь*, а палатализующим воздействием гласного *ě*, как гласного переднего ряда; такое же воздействие в этом сочетании производили и другие гласные переднего ряда, *ī*, *ī*. Такого же происхождения *cv* в глаголе *svěliti*, *sviliti* — „плакать“, „заставлять плакать“, „стонать“: — *Гестра твоя оумираючи казала мѣ та пошти за са; тако рекла ать инда (женщина) дѣти не цѣлать* (Ипатьевский спис. летоп., под 6770 г.); *люте бо каже, ако и дѣтишту цѣлани* (Слова Григория Богосл., XI в.); русск. *цвѣлѣть* — „мучить“, „заставлять плакать“, болг. *цвѣля* — „жаловаться“, „ржать“, сербо-хорв. *sviljeti* — „сетовать“, словин. *sviliti* — „пищать“, „визжать“; но в чешском *kviliti* — „визжать“, „вопить“; польск. *kvilić* — „плакать“, „виз-

жать". Имеются в русских и украинских говорах слова, корень которых представлен в виде квил-, квѣл-: русск. квѣлить, квѣлить, украинск. квѣлити — „стонать“, квил — „стон“. Наличие к в этих словах обязано значению этих слов, — слов звукоподражательных. В таких словах в разных языках часто являются задненебные согласные.

Еще в большей степени выражен оноματοпоэтический элемент в глаголе kvíčati — „пищать“, „щебетать“, „визжать“: и слоговую же бустрашают шрость малаяи кнутацаи свинниа (родит. ед.) поросата (из Слова Георгия Писиды, по русск. рукоп. XVI в.). Но и цв- не имамъ оставити его и цвѣкнути (житие Федора Сикейского, по русск. рукоп. XVI в.). С kv этот глагол передается и в южных слав. языках: болг. квича — „визжать“, сербо-хорв. kvíčati, словин. kvíčati, но и cvíčati.

Этот глагол применялся с оноματοпоэтическим элементом kv чаще, чем с результатом изменения kv в cv — перед гласным переднего ряда. Оноματοпоэтический элемент преобладал в этом глаголе. Тем же звуковым средством он выражался и в других языках, например, в литовском kvūkti — „визжать“, в немецком quieken. То же значение представляло это сочетание и в глаголе kvakati — „квакать“, „гоготать“.

Оноματοпоэтический фактор отразился и на словах с gv, передающих сильные звуки. В южных и восточных славянских языках такие слова представляют корень не только с dzv (→ zv) перед гласным переднего ряда, но и с gv — в таком положении. Так и в глаголе со значением „свистеть“: zvizdati, gvizdati. Употреблялся у славян издавна и другой глагол со значением „свистеть“: svistati, существ. svistъ. Параллельный вариант к zvizdati, gvizdati представлен в русских говорах в отношении „свистать“: свистать — хвистать...

В старославянском языке были слова сквьрнѣ, сквьрнѣсть, сквьрнѣити. Сочетание рь в корне этих слов представляло замену более раннего сочетания -ьг-: skвьгп. Изменение kv (skv) в cv (scv) в этом сочетании не происходило потому, что носителем слога тут был плавный г; в этом сочетании, перед твердым зубным согласным (п) он был твердым (sk-вьгпа), а гласный ь представлял неслогообразующую, скользящую артикуляцию гласного переднего ряда, — артикуляцию, которая не палатализовала предшествующего сочетания kv так, как палатализовали слогообразующие гласные переднего ряда.

В старославянской Супрасльской рукописи находится звательная форма *вльшвѣ*. Но это — вторичное образование, по образцу форм, в которых было чередование *sh* и *š*: *доухъ* — *доуше* и т. п.

§ 137. Фонетическая тенденция передвигать образование в палатальную зону вместо заднебных *k*, *g* действовала и в первые века н. э. Передача заимствованных слов с *k*, *g* перед гласными переднего ряда свидетельствует об этом.

Имеется несколько заимствованных слов с *c* (*ц*) вместо *k* перед гласным переднего ряда. В этом *ц* видят отражение славянского фонетического процесса изменения *k'* в *c* (*ц*) или славянскую субституцию — подстановку согласного *c* на место иноязычного *k'*. Слова с таким *c* (*ц*) объясняют заимствованием от германцев, а к германцам пришли они из романской среды, пришли тогда, когда в языке ее не было еще изменения *k* в *c* перед гласным переднего ряда: лат. *caesar*, гот. *kaisar* или *kaisāreis*, лат. *acetum*, гот. *akeit*; лат. *centum* (в значении *centenionalis*) = $\frac{1}{100}$ *libra* = $\frac{1}{3}$ *as* или народно-лат. *quintus* (в значении *quinarius*) = 5 римским *asses* = $\frac{1}{2}$ *denarius*, гот. *kintus*. У славян соответствующие слова — заимствования переданы были с *c* (*ц*): ст.-сл. *цѣсаръ*, *цѣсаръство*, *цѣсаръствѣннѣ*, *цѣсаръствовати*. Имя *cēsarъ* пережило редукцию в языке южных и восточных славян: *цѣсаръ* → *цѣсаръ* → *царъ*. Другие слова: *цѣтъ* („уксус“), *цѣта* („мелкая монета“).

Представленное выше объяснение заимствованных славянских слов с *ц* сомнительно. Сомнение вызывается тем, что в IX—XI вв. у славян иначе передавался мягкий *k'* (*g'*) в заимствованных словах, — передавался посредством *č* (*ž*). Такая передача мягкого *k'* была не случайной субституцией для мягкого *k'*, а вызвана была близостью артикуляции *k'* к артикуляции славянского *č*. Эта близость отражалась по славянским диалектам и в более позднее время. Так было, например, по говорам словинского языка: *гоѣ* вм. *гоке* (вин. множ. — „руки“), *číslo* вм. *kíselo* и др. Артикуляция славянского согласного *c* (*ц*) была дальше от артикуляции *k'*, чем *č*. Нигде в славянской фонетике не происходило изменения *k'* в *c* в позднее время. О замене согласного *k'* (*g'*) посредством *č* (*ž*) свидетельствует много собственных имен, восходящих к VIII—IX—XI вв.

Эти имена были отмечены выше, в вводном отделе, § 9: Ничпоръ — греч. *Νιχηφόρος*, Чупријанъ — *Κυπριάνος*, Чурило — *Κόριλλος*,

Чуръ — Κόριος, Κόρ, Чуријакъ — Κυριαχός, Чурикъ — Κορυξ (вм. Κήρυξ),
Ижера — финск. Inger, Селижар[овка] — ср. эстонск. Sär'gjärv.

В старославянском языке отразилось и новое явление славянской фонетической системы 2-й половины IX в: возможность артикуляции мягкого *k'*: к'вдръ, парск'вьвг'нл. С таким согласным *к'* в старославянском языке было представлено и слово для названия римского императора к'всар'ь, греч. καῖσαρ (лат. caesar).

Различие в передаче слов с *k'* посредством *c (ц)* и *č* нет основания объяснять разными периодами заимствования: к более раннему времени относятся слова с *c (ц)*, к более позднему с *č*. Эти периоды заимствований не были настолько отдалены один от другого, чтобы можно было полагать значительное различие в фонетической системе этих периодов.

Полагаем, заимствованные слова с *c (ц)* не представляют собою ни фонетического изменения у славян *k'* в *c*, ни славянской субституции. В таком звуковом образовании, с *c (ц)*, славяне слышали эти слова в романской балканской среде. По романским группам на Балканском полуострове в VI в. был уже представлен результат изменения *k'* в *c*, как указывают на это названия мест, переданные в греческом сочинении Прокопия (VI в.): Μουτζιάνι κάστελλον около Ниша, Λούτζολο (Luciolo) около Remesiana в Верхней Мизии (где ныне Белая Паланка).

Через романскую среду прошло и народногреческое слово *хиріхόν* (вм. *хуриахόν* — „принадлежащее господу, храм“), слав. сыгку, ст.-сл. чръкы. В славянских областях на северо-западе, в Крайне, в Штирии, Каринтии, в Паннонии, Моравии и в других краях, на передаче этого слова могло отразиться немецкое посредство. На это посредство указывает гласный *i* перед *г*. В таком звуковом сочетании это слово было в старочешском языке (cierkev), в старопольском (cyrk'ew). Моравизмом является -nr- в слове чирькъвъ, как это отразилось в Киевских листках (чирькъво) и в Синайской псалтыри (чирькъвъ); cirkvah находится и в Фрейзингенских отрывках X—XI вв., — в памятнике с чертами словинского языка. С гласным *i* это слово представлено и в современных кайкавских говорах Хорватии, а также в восточнословинских (cirkva). С гласным *i* это слово обязано было верхненемецкому воздействию: др.-верхн.-нем. kiricha, chiricha.

§ 138. Другое условие для изменения *k* в *č*, *g* в *dž*, *ch* в *š* заключалось в ассимиляционном воздействии пред-

шествующего гласного переднего ряда. Под таким воздействием происходила передвижка образования для *k, g, ch* в зону палатальную: *k* → *ć*, *g* → *dź*, *ch* → *ś*. В той или иной степени такая передвижка в палатальную зону под воздействием предшествующих гласных переднего ряда и мягких согласных происходила и позднее в некоторых славянских группах. Ср. в русских диалектах — *-jka* → *jk'a*, *-n'ka* → *n'k'a*: *gaj-k'a*, *rajk'y*, *Van'k'a*, *Vas'k'a*, *Volot'k'a*. Ср. в болгарских говорах (преимущественно западных): *majk'a* (вм. *мајка* — „мать“), *л'ул'к'a*, *сен'к'a* — „тень“ и др. Ср. и поздний процесс у поморских словинцев: *k, g, ch* смягчились после гласных переднего ряда *e, è, i, y*: *sneg'*, *grèch'*, *bik'*, *gek'* вм. *гек* из *гакъ* (*ra* → *re*). То же явление представляет фонетика тюркских и некоторых других языков. Напр., турецкие *düşek'* — „матрац, постель“, *gümrük'* — „таможня, пошлина“, *k'östek'* — „цепь, тормоз“. Примеры славянские доисторической эпохи: *liko* → *lice*, *děvika* → *děvića*, *ov'ika* → *ov'ća*, *ot'ika* (родит. ед.) → *ot'ća*, *ot'ću*, но звательная форма еще раньше имела звуковой вид такой: *ot'će*; *pol'dža*, *stydža*, *věša*, *věše*, *věšь*, *zajęćь*, *klićati*, *dvidžati*, *seđžati* — *oseđžati* — „осязать“ и др.

Фонетическая тенденция *k* → *c'*, *g* → *dž'* после гласных переднего ряда была актуальна и в поздний доисторический период, в первые века н. э., в период встреч и взаимоотношений с германскими народами: германские слова с *-ing* передавались славянами с конечными звуками: *-ędźь*: *kъędźь* — герм. *kūning*; *pēędźь* — герм. *phenning*.

Старославянские памятники представляют ряд примеров итеративных глаголов на *-ати*, в которых находятся *ц* и *с* (*dź*) не только после *и* (*i*), *а*, но и после *рь* (доисторич. *ьг*): *мрьцати*, *трьцати* и др. Неясно, в результате ли фонетического процесса появились эти глаголы с *dź* после *ьг* или они вызваны влиянием ряда итеративных глаголов на *-ицати*, *-асати*: *всклицати*, *нарцицати*, *осасати*... На возможность фонетического результата может указывать *с* (*ц*) после *ьг* в таком имени: *зьгсаđlo* → *зьгсаlo*, но и *зьгkalo*.

В ряде слов не представлено изменения *k* в *ć*, *g* в *dź*, *ch* в *ś*.

а) Не происходило палатализирующего воздействия гласного переднего ряда на следовавший за ними *k, g, ch*, если за этим согласным находился другой согласный: *тъгъla*, *тъгнqti*, *stьgna* — „дорога, улица, переулок“, *seгнqti*, *kliknqti*, *meкnqti*, *vьchгь*. С этим сравните отсутствие изменения *s* → *ch*, если *s* был в сочетании с согласным: *blěskъ*, *istina*, *kryste* (аор.).

б) Можно полагать, что не происходило палатализирующего воздействия гласного переднего ряда на следовавшие за ним *k, g, ch*, если за этим согласным были гласные *ъ, у (ы)*: *къ, ку, гъ, гу, сѣъ, чу*: *тѣкъкъ, тѣгъкъ* (ср. глагол *отѣгъčiti*), *льгуні* („легкость“), *къгуні*. В этом положении, перед *ъ, у (ы)*, согласные *k, g, ch* произносились с активным участием губ, а лабиализованное образование этих согласных удерживало их от передвижки в палатальную зону. На то, что лабиальный элемент был представлен в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, сѣъ, чу*, может указывать следующее явление: перед славянским *и* (из *ои*) в начале слова не появлялось губное сужение (*ц* или *v*), а перед *ъ, у (ы)*, получившимися из *й, ѵ*, был представлен *v*: *върѣти, вукѣти* (см. выше). При переходе лабиального гласного в нелабиальный (*й* → *ъ, ѵ* → *у*) выделился лабиальный элемент, который в начале слова имел отдельную артикуляцию, а в сочетаниях *къ, ку, гъ, гу, сѣъ, чу* этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию заднеязычного.

В формах имен происходило обобщение основ с заднеязычным согласным или с палатальным согласным. Так:

Им. *liko* → *lice*
 Род. *lika* → *lica*
 Дат. *liku* → *licu*

С *с (ц)* и родит. множ. числа: *licь* вместо *likь*.

Им. *polьga* → *polьdza*
 Вин. *polьgъ* → *polьdъzъ*
 Род. *polьgy*.

Вследствие обобщения основы по всем формам проведена или основа с *dž*: *polьdža, polьdžè (polьdžè)* — родит. ед., или все формы стали образовываться с основой на *g*: *polьga, polьgy...* (Ср. по диалектам русского языка: *пол'з'а* — в одних, на севере, *пол'га* — в других). Так и в местоимении *въсего, въсѣти, въба...* Так и *въс'ь* вм. *въсѣъ*. Но были славянские группы, в которых обобщалась основа с *ch*: *въсѣъ, въсѣа, въсѣъ...* Так было по говорам, легшим в основу севернорусской группы. Еще в XII в. в Новгородском крае были формы *въха, въхоу*: *въхоу тоу землю хоутиньскую* во вкладной Варлаама Хутынского (1192—1207 г.). Позднее, под влиянием соседних говоров, имевших формы этого местоимения с *с'*, вышли там из употребления формы с *х*.

§ 139. В фонетике славян доисторической эпохи одним из ранних процессов была ассимиляция согласного со следовавшим j или ĭ. Этот процесс весьма значительно отразился в славянской фонетической системе. Полагаем, этот процесс проходил таким образом. Во всех сочетаниях пережито ассимилирующее воздействие j на предшествующий согласный. При ассимиляции заднеязычных место артикуляции языка подвигалось вперед, к области палатальной, т. е. к образованию j, а при изменении небно-зубных согласных место артикуляции языка отодвигалось назад, тоже к месту образования j. Затем происходила ассимиляция j с тем палатальным согласным, который появился в результате этой передвижки: получались палатальные аффрикаты или палатальные долгие согласные:

kj → k'j → č; gj → g'j → dž → ž̄; chj → ch'j → š; nj → n'j → ñ';
 rj → r'j → ř'; lj → l'j → l̄'; sj → s'j → š̄; zj → z'j → ž̄;
 tj → t'j → t̄'; dj → d'j → d̄'.

В дальнейшем происходило сокращение долготы согласных. Долгие согласные ñ', ř', l̄', š̄, ž̄ (сонорные и фрикативные) утрачивали долготу без изменения в укладе языка: kop'a (род. ед.), vol'a, mor'e, poša, vožq. Затворные же палатальные согласные долгие t̄', d̄' утрачивали долготу иначе: взрыв сопровождался легким фрикативным элементом s̄, z̄ или ś, ž: 1) t̄' → t̄'s̄, d̄' → d̄'z̄; 2) t̄' → t̄'ś, d̄' → d̄'ž. Первого вида изменение было свойственно тем группам, которые легли в основу восточной и южной славянских групп, а второго вида изменение происходило у предков западных славянских групп.

světja → svēt'a $\begin{cases} \nearrow \text{svět}'\acute{s}\text{a} \\ \searrow \text{svět}'\acute{s}\text{a}. \end{cases}$
 mēdja → mēd'a $\begin{cases} \nearrow \text{med}'\acute{z}\text{a} \\ \searrow \text{med}'\acute{z}\text{a}. \end{cases}$

§ 140. Процесс ассимиляции губных согласных с j заключался в осложнении губной артикуляции артикуляцией языка, поднимавшегося к твердому небу. Конечные результаты этой ассимиляции были неодинаковы в начале слова и не в начале его. Именно, в начале слова перед гласным язычная артикуляция

отстала от губной артикуляции; подъем языка был высокий; получился мягкий согласный l'. Итак, mj + гласный → ml' + гласный; pj + гласный → pl' + гласный; bj + гласный → bl' + гласный; vj + гласный → vl' + гласный: pjou → pl'u- (pl'ujō); ср. лит. spriāju; beud → bjud → bl'ud- (bl'udō), ср. греч. πειθομαι. Так было по всей славянской области. Но не в начальном слоге конечный результат изменения — губн. согл. + j перед гласным был неодинаков по славянским группам. В восточных и южных славянских языках zeml'a в м. земља. Западнославянские языки издавна не имеют l' в этом положении: zem'a. Неясно, был ли когда-нибудь в этих языках l' не в начале слова. Памятники письменности на западославянских языках идут от XIII—XIV вв. Может быть, l' не в начале слова был и в языке этих славян. Но к XII—XIII вв. он был утрачен, как утрачен он был в болгарском языке во 2-й половине X—в XI вв. (см. в отделе о процессах этого языка). Но возможно, что в языке предков западных славян и не появлялся j не в начале слова: zemja → zem'a.

§. 141. Судьба сочетаний skj, zgj. В группах skj, zgj заднеязычный согласный в сочетании с j изменился в č, dž в связи с процессом изменения kj, gj. Согласные s, z ассимилировались с шипящими š, ž, находившимися в составе аффрикат č, dž. Итак, skj → šč, zgj → ždž. Такой же результат получился и вместо sk, sg перед гласным переднего ряда: dъždъ; ср. лит. duzgėti — „глухо звучать“; iščeši, ср. iskati.

stj, zdj. Когда вместо tj, dj стали произноситься t'j, d'j и далее t̄', d̄', то в сочетаниях st̄'j (st̄'), zd̄'j (zd̄') согласные s, z ассимилировались со следовавшими за ними дорсально-палатальными образованиями. Результат ассимиляции был такой же, какой получался в процессе ассимиляции s, z перед j, n', l': в м. s, z появились палатальные š, ž: nosjō → pošō; vъzl'ubiti → vъžl'ubiti; mysl'ō → myšl'ō; mysl'ень → myšl'ень; съблзнити, но: съблз-п'ати.

Дальнейшее изменение: št̄' → št̄'s̄ → št̄'s̄; žd̄' → žd̄'ž → žd̄'ž. Фрикативный элемент, развившийся за взрывом, был одинаков по всем славянским группам: он был из ряда шипящих. Это однообразие обусловлено было воздействием предшествующих шипящих š, ž: jězdžō, ср. jězditi; tьšča (tьšt'ša) в м. tьstja, ср. tьstь; pušča в м. pustja.

§ 142. Выше в §§ 134, 141 было указано происхождение палатальных č, ž, š:

1) č вм. kj и вм. k перед гласным переднего ряда (e, i, e ь),

ž вм. gj, zj и вм. g перед гласным переднего ряда;

š вм. chj, sj и вм. ch перед гласным переднего ряда. Примеры см. выше.

2) ž, š появились также вместо z, s перед палатальными l', n':
vžl'ubiti вм. vzl'ubiti; sьbłazn'ati, myšl'eno.

§ 142a. sk-|| k-.

В древней системе индоевропейских языков было сочетание sq (sqh, sk'), в начале слова чередовавшееся с q (qh, k'). Такое чередование было и в языке славян. Например:

ker-, kojr-||sker-, skēr-, skeip-, skTr-: čer-, cēr-||ščer-, ščar-, ščir-; cēriti — „колоть“, cērь — „палка“, ščera, ščara, ščipati. Ср. греч. *σκήπτρον* — „топор“, *σκήπυ* — „палка“, лит. *skēpsnė* — „кусок материала“.

koir-||sker- — „отделять, резать“: cēr-||ščer-: cēriti — „скалить зубы“, ščeriti — в том же значении. Ср. греч. *κείρω* — „стригу, режу“, лит. *skirti* — „отделять, резать“.

kerz-→čertz-, kьrz-||skьrz-, skroz-: русск. через, болг. кръз вм. kьz из kьzъ, серб. kroz, словацк. kroz, украин. криз; чешск. *skrz* („через“), русск. сквозь, украин. скрізь, польск. *skros'*. Ср. лит. *skėrsas* — „поперечный“, *skradžas* — „сквозной“.

В славянской группе было больше слов с к-, чем в близкой к ней литовской.

čistь, cēditi, лит. *skųstas* — „тонкотекущий“, *skáistas* — „светлый, блестящий“.

kridlo — kriло — лит. *skriūti* — „летать изгибами, двигаться кругообразно“.

Группы согласных.

§ 1426. В славянской фонетической системе доисторического времени не было долгих согласных. Если встречались одинаковые образования согласных, то долгота утрачивалась посредством диссимиляции (при затворном долгом) или посредством сокращения (при фрикативном долгом согласном).

а) tt (вместо tt и dt) диссимилировалось в st: *metti* → *mesti*; наст. вр. *meto*, *meteši*...

čītī- (čīt-tī) → čьсть — „честь“, корень čьt-, съčitati — „считать“; это слово, как и сена, применялось в период расцвета родового строя в практике кровной мести: čьсть — то, что высчитывалось за пролитую кровь; соответствующее явление представляли и другие народы: ср. у греков τιμή — „цена, плата, месть“, позднее „честь“; глагол τιμάω — „оцениваю, определяю размер штрафа, мщу“ и позднее „чту, почитаю“.

vedti → vesti; наст. вр. vedq, vedəsi...

Такой же процесс диссимилиации tt был пережит и в литовском языке: vēsti, наст. vedù.

б) ss ассимилировалось в s:

2 л. ед. įessi (основа -es-, окончание -si) → įesi (jesi).

Такое же явление пережито было и другими индоевропейскими группами: др.-инд. asi, др.-иран. ahi, греч. аттич. εἶ; но в греч. гомеровском дорическом εἶσι.

Другие славянские примеры представлены формами сигматического аориста с инфинитивной основой на s, z: pes-, vez-, — 1 л. ед. pēsson → pēsъ; vēszon → vēsъ, 3 л. множ. pēsšint (int вм. -nt) → pēsę, vēsę.

§ 143. Некоторые группы согласных неодинакового образования также подверглись изменению. Отметим следующие сочетания.

1) Сочетания из двух согласных, из которых вторым был t

$$\begin{matrix} pt \\ bt \end{matrix} > t$$

tepti → teti — „ударять“; наст. вр. tepq...

grebti → greti; grebq, grebeši...; pogrēbati;

delbto или dolbto → delto, dolto; южнослав. dlēto, dlato, русск. *долото*; корень delb-, dolb-, чередовавшийся с dьlb-: dьlbiti; — русск. долбит’;

kt перед гласным заднего ряда и перед у (ы) → t:

lekto → letъ — „лет, полет“; от этого имени образован инфинитив letēti; на -kt указывают параллели других индоевропейских языков: лит. lēkti — „летать“, греч. λακτιζω — „выпускаю“;

plekto- → pletъ, plokto- → plotъ; лат. plecto, др.-верхн.-нем. flīhtu, греч. πλέκω — „плету“, πλέκτῆ — „сеть, веревка“;

pętъ — „пятый“; от этого порядкового числительного образовано и количественное pętъ; лит. penktas, лат. quintus из quinctus.

Может быть kt было в ротъ — „пот (потеть)“, если корень тут был рок-, чередовавшийся с рек-: реко, реѣши...

Такое же изменение сочетания kt происходило в истории итальянского языка: латинскому actus („сделанный“) соответствует итальянское atto (āto), латинскому strictus („туго стянутый“) — итальянское stretto. В славянской фонетической системе давнего времени не было долгих согласных. Поэтому сочетание kt заменилось посредством t обычного образования.

Перед гласным переднего ряда судьба kt (из kt и из gt) была иная. В этом положении, перед гласным переднего ряда, согласный t был палатализован. Перед палатализованным („мягким“) согласным артикуляция для k передвигалась в палатальную зону, как это было перед j и перед гласными переднего ряда. Вследствие передвижки вперед получилось образование палатального t': kt' → t't'. Таким образом, получилось образование t't', ассимилировавшееся в долгий палатальный t̄'. Долгота палатального затвора утрачивалась так, что при отворе развивался длительный фрикативный элемент, неодинаковый по славянским группам: ṣ —

в одних, ṣ — в других — $\text{t}' \begin{cases} \text{t}'\text{ṣ} \\ \text{t}'\text{ṣ} \end{cases}$. Т. е. происходило то же, что с t̄' вместо давнего tj.

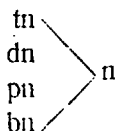
poctī → poct'ь → $\text{poct}'\text{ṣ}$ ь, ст.-слав. ноѣн, русск. ночь,
 → $\text{poct}'\text{ṣ}$ ь зап.-слав. нос(ь); лит. naktis, лат. пох
 (родит. ед. noctis);

dūktēr- (dūktēr-) → dьt'ī (dьt'ēr-) → dьt'ṣī (dьt'ṣēr-), ст.-слав. дѣщи (дѣщер-), русск. дѣчи (дѣчер-) → дочи...;

dьt'ī (dьt'ēr-) → dьt'ṣī (dьt'ṣēr-), зап.-слав. dьci (dьcer-) →
 → dci (dcer-); лит. duktē (родит. ед. dukteĩs), гот. daūhtar,
 греч. θυγάτηρ;

pekti → peť'ī, ст.-слав. поѣн, русск. печи — печь, зап.-слав. pec[i];
 mocti → mocti → moť'ī, ст.-слав. моѣн, русск. мочи → мочь —
 помочь, зап.-слав. nos[i].

2) Сочетание двух согласных, из которых вторым был -п:

osvѣnŏti → osvѣnŏti — „засветить, рассветать“, корень svѣt-, чередовавшийся с svѣt-;

vędnŏti → vęnŏti — „вянуть“; ср. uvędati;

prędnŏti → pręnŏti — „воспрянуть“; корень pręd-; prędati — „трясти“. Ср. в Супр. рук.: съвѣкъше („раздев“) въздарьствькъ: го пакы снате („бейте“) аз възспранжѣ повиньтъ са (53).

sŭrno — съръ; корень сър- (вм. sŭr-): сърати; греч. ὄπυρος (‘ вмѣсто σ);

kapnŏti → kanŏti; karati, karja — kapl’a;

tonnŏti → tonŏti; tonja → ton’a; topiti, utopati;

gybnŏti → gynŏti; gъbnŏti → gъnŏti; корень gub-, gub-, gъb-: gubiti, gybati, gybělъ.

dŭbno → дъно; ср. лит. dubūs — „глубокий, пустой“.

В истории славянских языков актуальны были глагольные образования с суффиксом nŏ (с той или иной заменой гласного o). В особенности же часто применялся этот суффикс в истории западнославянских языков. В разное время по славянским языкам происходили новые образования с nŏ (с его заменой). В числе этих новообразований были и такие, в которых заменитель суффикса nŏ присоединялся к глагольному корню на губной или на небо-зубной согласный t, d: русск. гиб-нуть, кап-нуть, лип-нуть, зяб-нуть, чешск. kap-nouti (имеется и старое kapouti), словацк. ěrput’ („потерпеть“), польск. żęb-nŏć, stop-nŏć и др. Нового образования и западнославянские глаголы с nŏ после t, d: чешск. zvadnouti („увянуть“), sednouti, моравско-словацк. čtnŭt’, словацк. kvitnŭt’ и др.; польск. kvitnŏć, v’ędnŏć. Гласный i в корне таких глаголов, как kvitnŏć, ясно указывает, что это образование вторично, от звукового вида глагола итеративного значения, где был издавна гласный ŭ, как удлинение гласного i (или ъ) корня глагола с неитеративным значением: kvitati, svѣtati, lipati — при глаголах совершенного вида: kvъnŏti, svѣnŏti, lъnŏti. Но некоторые глаголы с суффиксом nŏ оставались в прежнем звуковом виде: польск. kinŏć, chŏnŏć при новом chŏdnŏć (ср. гласный ó в новообразовании), старочешск. hlenŭti (pahlengete sem do hrobu — „посмотрите сюда в могилу“, рукопись начала XV в.); ranŭti (ranet a zhune — „упадет и погибнет“, рукопись начала XV в. См. примеры в книге J. Gebauer’a, Historická mluvnické jazyka českého. I. Praha, 1894, стр. 410). На то, что и в речи предков западных славян был пережит процесс изменения pn(bn) в n, указывает и чешский глагол osinouti вм. oslъpnŏti и

польский глагол *ośnąć* — „ослепнуть“. В таком звуковом виде этот глагол датируется польскою письменностью от XVI в. вместо более раннего *osl'nąć*, а это представляло собою фонетическую замену давнего *oślŋŋti*, — образование, в котором корень был на ступени редукции: *o-słŋp-ŋŋ-ti*; *pn* → *n*. Ср. полную ступень этого корня: *slŋp-*. Ср. такое же чередование *světŋ* — *svŋtŋŋti* → *svŋŋŋti* и др. И наконец, ни один западнославянский язык не представляет *pn* в имени *śŋrpŋ* → *śŋpŋ* („сон“), потому что рано это имя утратило этимологическую связь с видом корня *śŋp-* в глагольных образованиях *śŋp-a-ti*.

3) Сочетания двух согласных, из которых вторым был *m*:

$$\begin{array}{l} tm \\ dm \end{array} \rangle m$$

vertme → *verme*: южн.-слав. *vrŋme*, др.-русск. *верем'а*, корень *vert-*, чередовавшийся с *vort-*, *vŋrt-*; *verteno*: русск. *веретено*; *vortiti*: южно-слав. *vratiti*, русск. *воротить*;

1 л. ед. *dadmŋ* → *damŋ*, 2 л. мн. *dadite*, 3 л. мн. *dadŋtŋ*;

roudmeŋo → *rumenŋ*; корень *rud-* — „красный“; *ruda*;

pledmŋ → *pleme*; корень *pled-*, чередовавшийся с *plod-* (*plodŋ*, *ploditi*).

§ 144. Особое замечание о *sedmŋ*-*semŋ*, польск.-кашуб. *setmŋ*. Славянские языки представляют это числительное в таком виде: русск. *семь* — *семой*, русск. литер. *седьмой*, украин. *сім*, польск. *śedm* — *śedmy*, но в севернопольских говорах *s'ŋtem* — *s'ŋdmi*; в северно-кашубских говорах — *sŋtam*, *sŋtmŋ*, — порядков. *sŋdmi*; чешск. *sedm* (по говорам *sedem*, *sedum*), — порядков. *sedmŋ*; болг. *седѣм*, по говорам *седем*, в центральной и западной Македонии *седом*, *седум*, — порядков. *сѣдми*; сербо-хорв. *sedam* — *sŋdmŋ*. В старославянском *седѣм*, — порядков. *седѣмъ*.

Чем вызваны наличие группы *dm* и неодинаковость звукового вида основы в количественном числительном по сравнению с порядковым в сев.-польских и кашубских говорах (*-tm* в количественном, *-dm* в порядковом)?

Наличие *t* в количественном числительном при *d* в порядковом — это давнее явление. Ту же дифференциацию представляет и греческий язык: *ἐπτά* — *ἑβδομος*. С согласным *t* это числительное и в латинском (*septem*), и в литовском (*septyni*), и в др.-индийском (*sapta*).

Возможно полагать, что в давнее время у славян было то же отношение, как и в греческом: septmī,— порядк. sebdīmo. Сочетание septmī изменилось фонетически в семь; сочетание sebdīmo изменилось в sedьmъ. К сочетанию семь восходят русское семь, украинское сім. У славян на ряде количественных числительных отразилось влияние порядковых: рѣтъ, с t, как в рѣтъ (а не с заменю kt' перед гласным переднего ряда); осмъ, с m, как осмъ (иначе не было бы m в количественном); šestъ, devětъ, desetъ с t, как šestъ, devětъ, desetъ (иначе не было бы t в количественном: ср. греч. ὄξυζα, др.-инд. daṣa и др.). Такое же воздействие отражалось в разное время по славянским группам и на числительном „7“. В говорах, легших в основу поморских и близких к ним севернопольских групп, еще до ассимиляции tm появилось setьmъ, с -ьm-, как sedьmъ (порядков.). (Сев.-кашуб. sētām, sētмэ, сев.-польск. sētem с основой косвенных падежей: setьmi → setmi; em или mэ появилось вместо m в конце слова после согласного: setm.)

И в другом направлении действовало порядковое числительное: основа с d переносилась и в образование количественного числительного. Так в польском, чешском, в южнославянских языках. Старославянский язык указывает, что уже во второй половине IX в. были сочетания седмь—седмъ. При этом ъ отсутствовал не только в количественном, но и в порядковом числительном. Утрата ъ в этих сочетаниях произошла рано, как и в некоторых других словах,— в наречиях, в словах-обращениях.

Восточнославянское семьj → семоj (русск.) — вторичного происхождения, в связи с количественным числительным семь. В XI—XII вв. уже существовали у восточных славян семь — семьm (примеры в Остромиров. ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Григория Назианзина XI в. и др.).

§ 145. tl: 1) tl, 2) tl → l;

dl: 1) dl, 2) dl → l.

В одних славянских группах доисторического времени tl, dl → l. Так было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков. В тех же группах kvě- → cvě-, gvě- → dzvě-: cvětъ, dzvězda.

В других славянских группах,— в тех, которые легли в основу западнославянских языков, tl, dl оставались без изменения

В тех же группах не изменились и kvě-, gvě-. Повидимому, в образовании tl, dl, kv, gv примыкание артикуляции первого согласного ко второму не было в этих группах таким близким, входящим в образование другого согласного, каким оно (примыкание в tl, dl, kv, gv) было в группах, легших в основу южных и восточных славянских языков:

gъrdlo — gъrlo; vedla — veľa; padla — paľa; metla — meľa (наст. вр. meto, meteši...).

В литовском языке также произошло изменение в сочетании tl, но изменение в ином направлении по сравнению со славянским: tl → kl: лит. gurklỹs, слав. gъrdlo. В таком же направлении происходило изменение dl, tl в отдельных славянских группах, — изменение позднейшее. Так, в Псковском крае в XIV — XVI вв. повегли, соустръгли — вместо вторичных образований — поведли, сустрѣтли, по образцу других форм с этими согласными: повед-ен, вед-у, стрѣт-ил... Так изменилось dl и в кашубских говорах: żądło — „жало“¹, mgłác вм. mdłác — „млеть“.

§ 146. 5) $\begin{matrix} ts \\ ds \\ ps \\ bs \end{matrix} \rightarrow s$

1 л. ед. сигматического аориста čīson → čisъ; наст. čьto, čьteši.

1 л. ед. сигматического аориста vėdson → vėsъ; наст. vedo.

2 л. ед. наст. darsi → dasi, kondso → koсъ — „кусок“; корень kond-, с формантом so; лит. kándu — „кусаю“.

1 л. ед. сигматического аориста grėbson → grėсъ; наст. grebo; osa, лит. vapsà, др.-верхн.-нем. wafsa.

$ks (gs) \rightarrow kch \rightarrow ch$
[kst → st]

1 л. ед. сигматического аориста rėkson → rėchъ; но 2 л. мн. rėste;

1 л. tėchъ (tėk-ch-); velk-ch → ст.-сл. влѣх-[ъ];

1 л. ед. сигматического аориста žachъ, но 2 л. мн. žaste, наст. вр. žego.

¹ Псковское „жагло“ сюда не относится: здесь корень жег- и суффикс -ль, как и в болгарском слове того же происхождения и значения „жегло“, „жегъл“. Подробнее см. „Славянское языкознание“, I, стр. 302.

§ 147. 6) bv → b.

obvortiti → obortiti: южн.-слав. obratiti, русск. оборот; obvelkati, obvolčiti → obelkati, obolčiti: южн.-слав. oblékati, oblačiti, русск. оболочит' (сев.-русск.), оболочка; obvolko → obolko: южн.-слав. oblako, русск. оболочко (диал.); obvoldti (ti — суффикс) → obolstь: южн.-слав. oblastь; ob-vitati → obitali — „жить где-нибудь“, obitelь — „жилище“. Ср. значение глагола vitati в старославянских текстах: I бывасть дрѣво; вко прити птицамъ нѣскѣмъ i втати на вѣтъль его (Матф., XIII, 32; Зогр. код.); но ср. параллель Луки, XIII, 19: I вѣсть дрѣво волье. I птица нѣскѣма вѣселшася въ вѣтъли его (Зогр. код.).

7) kvě ↗ cvě gvě ↗ dzvě
 ↙ kvě ↙ gvě

květъ, gvězda — западнославянские группы; cvětъ, dzvězda (zvězda) — южнославянские и восточнославянские группы. Ст.-слав. цвѣтъ, звѣзда, русск. цвѣт, звѣзда; чешск. květ, hvězda, польск. kv'at, gv'azda.

8) dg → g.

voǐdgoľso- → vēgolsь: южн.-слав. vēglaśь — „сведуший“, nevēglaśь — „невежественный человек“.

9) Сочетания из трех согласных:

skn → sn: plesknōti → plesnōti; toiskno → tēsнь;

kst → st: rēkste → rēste.

skl, skr, skv, stv, str.

В фонетической системе славян были сочетания skl, skr, s'kv, stv, str: ст.-сл. истаскль — „отошавший“, iskra — iskra, skrebo, skvozě, суффикс -stvo (-ьstvo): oтьцьstvo, тьпожьstvo.

str. Это сочетание было разного происхождения. В одних словах оно было древнего происхождения: и в других индоевропейских языках было соответствующее сочетание. Слав. strigo; ср. др.-верхн.-нем. strīthhan. В других случаях str появилось в языке славян вместо более раннего sr: как переходная артикуляция от s к r появился затвор t.

struja, ostrovъ (o-strov-ъ); ср. вост.-лит. sraujà — „поток“, prāsravas — „незамерзшие места среди льда, — места, где есть течение“; др.-инд. srāvati — „течѣт“; греч. ῥέτω — „теку“ (‘ в м. о);

sestra; др.-инд. svasré (дат. ед.);

ostрь; др.-инд. ácṛiḥ, греч. ἄκρος (слав. s, др.-инд. ṣ, греч. x: desęть — dáça — дѣжа);

ръстръ; корень рьс-; ср. греч. *ποικίλος* — „пестрый“.

Но *stl* отсутствовало в ранней фонетической системе славян. Сочетание *sl* не подвергалось изменению: *slědъ*, *slava*, *pasti* — *pasъ*.

str вместо *st* появилось и в других языковых группах. Так, в литовском *straujà*, а в ближайшем к нему латышском *strauja*, *strauji* — „бурностремительно“, *straume* — „струя“.

В некоторых индоевропейских языках переходная артикуляция представлена и в передаче сочетания *sl*: *sl* → *stl* → *skl*. Ср. передачу славянских слов в греческом, латинском, албанском языках: *Sclavi* — в лат.; *Σκλαβηνοί* — в греч. (передача славянского *slověne*); албан. *Sklivani* — слав. *Sliváne*; алб. *Škivovik*. *Škivovik* — передача славянского названия холма *Slivovik*.

Как переходная артикуляция от *z* к *г* появился *d*. Старослав. *из-д-ръжы*, *из-д-ръжъ*, *въз-д-радовати са*, *раз-д-ръшити*; *ровъ издръ* и *ископа*; *въз-д-ранъ*;

госвода въздрѣу („взревел“) *акы левъ* (Супр. рук.);

въздръпътънов слоужънне (Син. тр.).

То же явление отразилось и в передаче новых слов: *издранъ*, греч. *Ἰοραήλ*.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 148. Согласные в этом положёнии испытывали в той или иной степени передвижку к палатальной области. Заднеязычные *k*, *g*, *ch* пережили значительную передвижку, такую же, как перед *j*. В результате *k* → *č*, *g* → *dž* → *ž*, *ch* → *š*. Небно-зубные, плавные и губные согласные также изменяли артикуляцию: они становились мягкими. На изменение небно-зубных согласных перед гласным переднего ряда указывает судьба сочетания *kt* в этом положении: *kt* → *tt*, которые затем *t't'* в зависимости от воздействия образования следующего гласного переднего ряда. Дальнейшая судьба *t't'* (*t'*) была такая же, что и *t'* в м. *tj*: *pocti* → *poť'ь* → *poť'sь* или *poť'sь*; ср. лат. *poх*, *poctis*; *mogti* → *mocti* → *moť'ь* → *moť'sь* или *moť'sь*.

Степень мягкости согласных недвойных (недолгих) не была такой высокой, какая свойственна была палатальным согласным. Так, *l'* вместо *lj*, *p'* вместо *pj* были палатальными, а *l*, *p* перед гласными переднего ряда были согласными палатализованными

не в высокой степени. На такое различие указывает следующее явление древней славянской фонетики: s, z перед li, le, lě, lь, ni, ne, né, пь оставались без изменения: slědъ, mysliti, myslь, blazniti, bojazнь; но перед l', n' согласные s, z изменились в палатальные š, ž: myšleno, sьbłazn'ati, оумшнати (Зогр. лл.).

Начало слова.

§ 149. Начало слова по своей фонетике может представлять отличия сравнительно с соответствующими артикуляциями в середине слова. Особая фонетика начала слова связана была с абсолютным началом слова, а также с особым произношением некоторых слов, начинавшихся с гласного звука. Некоторые слова произносились в начале слова с эмфазой. Положение гортани при таком произношении слова, начинавшегося с гласного звука, было не обычное, при котором вибрация голосовых связок начиналась одновременно с поступлением струи воздуха. При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ. Так произносилось указательное словечко e отдельно и в сочетании с -se, -to, -vo, -no: ese — „вот“, eto, evo — „вот“, epo — „вон там“. Это словечко бывало и в сочетании с местоименной формой: eta, eto — откуда русское ета, без j (j) перед e (эта, это, этот). И в других славянских языках представлены следы такого образования e: без j или с гортанным h (чешск. hen — „там“, hentep — „вон тот“, польск. hen — „смотри, вон там“, ниже-луж. hup — „вот тут, вот там“). Ср. указание на e, без j, в некоторых ст.-славянских памятниках, писанных кириллицей. В Супрасльской рукописи находится обычно ece, словечко для утверждения en — „да“, местоимение eтеръ, местоимение, в котором суффикс -ter- присоединен был к указательному словечку e, а не к местоименной основе je (jego, jети...); (eтеръ — „какой-нибудь“, „один“); в Остромировом ев.: eдд, а не yдд, en, eтеръ (3 раза).

Особая редуцированность, скороговорочное произношение некоторых наречий также не представляли условий для развития j перед e в начале слова, хотя бы такое наречие находилось и в середине фразы. Такова судьба наречий eдъва —

edva, odъva — odva, ešče — ošče. По славянским языковым группам эти наречия представлены без *i* (*j*): edva, ešče (с той или иной заменой сочетания *šč*), с развившимся гортанным *h* (*hušče* в лужицком языке). Но эти наречия имели образования и с *i* (*j*): jedva, ješče.

§ 150. У славян в доисторическое время для начала слова с гласного звука имело значение и то, что в середине предложения такому слову предшествовало слово, оканчивавшееся гласным звуком (у славян слово не оканчивалось согласным). Итак: за гласным одного слова следовал гласный другого слова. При таком фонетическом условии, именно после гласного переднего ряда конца одного слова появлялся неслоговой *i* перед начальным гласным следующего слова. Напр.: korva-i-agne → korva-i-*i*agne; dobroj-*i*estī → dobrē-*i*jestь. С *i* слово могло обобщиться и употребляться только в таком виде, с *i*: *i*agne; *i*jestь...

i (*j*) появлялся перед *e*, *ē*, *e*, *ь*, повидимому перед *i*, перед *a*. es-: *i*jestь; лит. *ėsti*, греч. *ἔστι*, лат. *est*.

ēd: *jē-d* → *iad*-(*jād*); ст.-слав. *ѣмь* (вм. *jadmь*), *ѣдъ* — „ѣда“ (пища). Это слово применялось и к названию буквы *а* в глаголице, *ѣ* в кириллице: *ѣдъ*. Если же этот корень был в сочетании с префиксом, оканчивавшимся на согласный, то *ē* заменился посредством *ě*: *zъnědъ*, *zъnědati*, *obědъ*. От таких образований отвлечено *ěd* и для слов без префикса: *ědъ*, *ěda*, *ěть*.

Русские рукописи XI—XII вв. также указывают на *ѣ* (*ѣдъ*, *ѣмь*, *ѣси*...) их старославянских оригиналов. Часты и написания с *ъ*. И эти написания идут из старославянских оригиналов. Несомненно отражением речи русского писца было написание *ю* в этих словах: *юдъ* — („ѣда“) (Минея, 1095), *юмь*, *юси*, *юдъ*, *юдать* и др. в Арханг. ев., в Уставе (в Типике) и в других рукописях. В русском языке рано произошел диссимиляционный процесс в сочетании *j*+*ъ*(*ě*): произошло понижение артикуляции в образовании гласного *ъ* после *j*: *jě* → *je* (ср. давний процесс доисторической эпохи в судьбе гласного *ē* после *j* и других палатальных согласных: *jē* → *ja* — *stojati*, *kričati*...). Слово специального значения *jasli* (вм. *jad-sli*) удержалось вне этого ряда обобщения имен с *ěd*. Но то обстоятельство, что глагол „есть“ — *φτῦεῖν* — *edere* представлен с *ě* во всех славянских языках, кроме болгарского (ст.-сл. *ѣмь*, соврем. болг. *jam* и новообразование *jadъ*), побуждает предполагать, что образования с *ěd* обязаны

не одному только процессу отвлечения этого сочетания от образований с префиксом (oběd-, sьněd-): вероятно, было какое-то обстоятельство, при котором существовали в речи сочетания с *ěd* без вторичного *ĭ* (j).

entro-: *ĭętro* (*jętro*) — „печень“; греч. *ἐντερα* — „внутренности“. *vъzęti* (*vъz-ęti*), но *ĭęti* (*jęti*).

vъzъmъ (*vъz-ъmъ*), но *ĭъmъ* → *ĭmъ* или *ĭmъ* (*ĭ* — редуцированный *ĭ*).

Что касается слов с гласным *ĭ* в начале слова, то обычно этот гласный в таком положении появлялся при следующих условиях: 1) вместо *ei-*: *iti*; ср. лит. *eĩti*, *isk[at]i* вм. *eisk-*; ср. лит. *ieškóti*, др.-верхн.-нем. *eiscôn* — „исследовать, спрашивать“; 2) вместо *ĭъ* с *ĭ* (j) давнего происхождения (*ĭъgo* → *igo*; лат. *jugum*) или *ĭ* (j) вторичным, появившимся перед начальным *ь*: *idъ*, *ideši* вм. *ĭd-*, с *ĭ* вторичного происхождения (*ь* — ступень редукции к полной ступени с *ei*; ср. др.-инд. 1 л. ед. *ĕmi*, но 2 л. мн. *imáh*); *imъ* вм. *ĭmъ*, со вторичным *ĭ*; ср. *vъzъmъ*; *ime*, *imene* вм. *ĭmĕn*, *ĭmene*, со вторичным *ĭ*; *iz* вм. *ĭz*; ср. лит. *iš* (вм. *iž*) и др.

Если процесс развития *ĭ* перед начальным гласным переднего ряда был длительным, то такое сужение (*ĭ*) появлялось и перед *ĭ* всякого происхождения: *ĭ* → *ĭi-*: *poti-ĭiskati*. Но *ĭi* затем заменилось образованием без особого сужения: *i-*. Так изменялось и давнее *ĭi*. Ср., напр., судьбу местоименной основы *je* (*ie*) из *jo*: *jego*, *jemu*; но твор. ед. муж. и средн. рода *im* вместо *joĭmĭ* (→ *jeĭmĭ* → *ĭmъ*), родит. множ. *icъ*, восходящее к *oĭsŭ*, и др.

Перед *a* также развился *ĭi-*:

ĭagne (*jagne*), *ĭagnъsъ*; ср. лат. *agnus*;

ĭagoda (*jagoda*); ср. лит. *ūga*,

ĭaviti (*javiti*), наречие *javě*; ср. др.-инд. *āviḥ* — „открытый, явный“;

ĭazъ (*jazъ*); ср. лит. *ąš*, др.-инд. *aḥám*, греч. *ἐγώ*, лат. *ego*.

Но язык старославянских памятников и современные болгарские говоры представляют и сочетания без *ĭ* (j) перед *a* в начале слова: *азъ* — аз, по говорам на западе *jaz* (*јазе*, *јазика*); ст.-слав. *агити*, *аенти*; ст.-слав. *агньць*, *агньць*, совр. болгар. *јagne*, *agne*; ст.-слав. *агода*, *агода*, совр. болгар. *јагода*. В отношении местоимения *азъ* заметим, что в Маринском кодексе в одном случае

передано *ъзъ* (*ъ* — в соответствии с кириллицей), но передано в зависимости от предшествующего гласного *i*: *върѣшъ* и *ъзъ* *къ* (Марк, 11, 29) — „спрошу и я вас“; при той же фонетической обусловленности находятся в этом памятнике *ъ* и в таких случаях: *и ѡшто* (вм. *и ашто*) *любите* — „и если любите“ (Лука, 6, 32), *и ѡшто* *идъ* — „и если иду“ (Иоанн, 14, 3); *и ѡбнъ* (вм. *и абнъ*) — „и тотчас“ (Лука, 5, 13).

Примем во внимание следующее явление: те слова с *ja*, которые восходили к древнему сочетанию с *j* (*i*) (*цръ*, *црѣсть*, *цма*, местоим. *цже* — „которая“), в старославянских памятниках передаются с *ѡ* (в глаголическом письме с *а* — *ъ*). Следовательно, отсутствие *i* перед *a* в других сочетаниях (*агньць*, *авнти*...) представляло собою явление не исторического времени в судьбе болгарского языка, это не был результат утраты *i*, происшедшей в X—XI вв. Если бы это явление происходило в X—XI вв., то в определенных фонетических условиях происходила бы и утрата *i* в *цръ*, *цма*. Полагаем, что уже в доисторическое время по славянским группам, главным образом по группам, легшим в основу болгарских, некоторые слова с начальным *a* произносились при тех или иных фонетических условиях без вторичного *i*: *авѣ*, *агнѣ*. Без вторичного *i* произносился союз *a* по всем славянским группам. Реже этот союз произносился с *i* (*ja*).

В позднейшее время по славянским группам происходит в определенных фонетических условиях утрата *i* перед *a*. Так, в хорватском говоре острова Selve (Silba, Адриатика) местоимение 1 л. ед. представлено без *j* (*i*): *az* вм. *ja*. В таком виде находится это местоимение в некоторых хорватских говорах Адриатического побережья; но обычно в сербо-хорватских говорах *ja* (*ja*).

В языке тех славянских групп, которые легли в основу групп славян поморских, вторичный *j* (*i*) появлялся и перед начальным *o*: *oza*, *joza*; *oтъ*, *joтъ*; *odu*, *jođu* („откуда“); *ođoľ*, *jođoľъ*; *oтroba*, *joтroba* и др. Такие сочетания не были представлены во всех случаях с *j* (*i*): произносили эти слова и без *j*: *oza*, — явление, параллельное сочетаниям с *ja* — и с *a*: *jaгньсь* — *агньсь*.

Неясна судьба дифтонга *oј* в начале слова, — неясна вследствие недостоверности этимологии немногих относящихся сюда примеров. Относимые сюда слова представляют *ja* и *e*.

Ст.-слав. *цдра* — „грудь“; с *ъ* после предлога и префикса *въп*: *въпъдра*. От таких сочетаний давно отвлечены сочетания *пѣдо*,

nědra; русск. нѣдро, нѣдра; серб. nědra — „грудь“, словин. nědrō — „грудь“ (jǎdro — „подгрудок, опухоль“), чешск. ěadra — „грудь“.

Одни из лингвистов сопоставляют это слово с греческим οἰδάω, οἰδέω — „пухну“ и с некоторыми другими, ведущими к положению, что давний вид этой основы был οἰd-го-. Другие связывают слово jadro с греческим ἦτρον — „живот, выпуклость“, с др.-верхн.-немецким ādara — „жила“, inādirī — „внутренности, потроха“, т. е. видят основу с ēd-го-.

Ст.-слав. ѡдъ, серб. jād и jēd, словин. jād, чешск. jěd, польск. jad, луж. jěd. Сербские варианты представляют разные значения: jād (ā в м. ā; диалект. чакавское имеет ā): jād — „печаль, горе“, jēd — „яд, гнев“. По мнению одних лингвистов, в этой основе отражается давнее οἰd, соответствующее греческому οἰδος — „опухоль“. По предположению других, славянский jадъ восходит к ēdo, с корнем ēd — „есть“ → φαγεῖν. Может быть, на словах jěd отразилась связь со словами jěda, jěsti.

Ст.-слав. ѡзва — „рана“, ѡзвина — „рана, нора“. С ja (ja) это слово и в других славянских языках. Этимология его более ясна. Как и литовское aiža — „щель“, латышское aiža — „дыра во льду“, славянское jазва восходит к οἰg'ца.

jasnъ вместо jaskno-. Восходит к οἰskno-: ср. соответствия в литовском aiškus и со ступенью редукции iškùs — „ясный, видный“.

Итак, можно полагать, что ja или ja появилось в славянской фонетической системе и вместо давнего οἰ в начале слова. Процесс этой замены представляем таким образом. Вследствие ассимиляционного воздействия образования i на предшествующий гласный o произошла передвижка для образования o вперед: οἰ → οἰ̄. Фонетическая тенденция к замене дифтонгов монофтонгами отразилась так, что вместо οἰ̄ получилось образование монофтонга ō. А так как славянской фонетической системе не были свойственны лабиализованные гласные переднего ряда, то ō заменился гласным ē или ā. Перед ē или ā, как перед другими гласными переднего ряда и перед a, развилось сужение i: iē, iā, а это заменилось посредством ja (ja).

Неясно происхождение ju и u в таких словах: utro, jutro, ст.-слав. ѡутро, ѡтро, чешск. jutro → jitro; слав. uže, juže. Лит. aušrà — „утренняя заря“, др.-инд. usrā — „утренняя заря“ соответствует иному славянскому имени для „утра“: ustro. На такое имя указывает старославянское наречие заѡустрѣ = заѡутрѣ („ут-

ром*)— в Синайской пс., современное македонско-болгарское наречие того же значения застра или дзастра.

§ 151. Происхождение вторичного ц (v) в начале слова иное сравнительно с происхождением й в отмеченных выше положениях. Вторичный ц (v) появился перед ъ и у (ы) в начале слова, — появился он вследствие выделения лабиального элемента при изменении гласных лабиальных й в нелабиальный ъ и гласного лабиального й̄ в нелабиальный ъ̄ (ы): върѣти, въп(въ), вукрѣи, вудра, высокъ, см. § 130. В этом параграфе, а также в § 138, отмечены следы выделения лабиального элемента и в изменении сочетаний кй̄, гй̄, чй̄ в къ, гъ, чъ и сочетаний кй̄, гй̄, чй̄ в ку, гу, чу: этот лабиальный элемент сопровождал артикуляцию задненебных перед ъ, у (ы) и препятствовал передвижке их вперед при нахождении после гласного переднего ряда: тѣгъкъ, къпегун'и, тѣчъ... По группам происходило появление ц (v) перед начальным о вследствие того, что там носовой гласный заднего ряда становился менее лабиальным, чем о: а (â): о → цâ. Так было в группах, которые легли в основу северо-западных славянских языков (польского, поморского, полабского). Напр., польск. вож, возки, восу, вег'ел — „уголь“ (е заменяет в польском языке давние гласные о, е в сократившемся слоге), везел — „узел“, Вегры — Венгрия (Угрия)...

Неясны условия появления ц (v) в слове воп'а — „запах“, корень оп-; ср. перед согласными очати; лат. аниmus, греч. аνεμος — „дуновение“, др.-инд. анӣти — „он дышит“.

О глаголе везати см. в § 130. Полагаем, что тут был давнего происхождения корень вез-, чередовавшийся с воз- (а не ез- в чередовании с оз-: оз-ъкъ).

Неясно условие появления согласного г в начале слова таких слов: госѣница („гусеница“) вместо осѣница; гожъ: русск. гуж, польск. гожву — (множ.) „ремень у цепа“, словин. гожъ, серб. гужъ, гужва вместо ожъ; ср. ст.-сл. же жельзъно — „цепь“, живка — „родственник“, т. е. „связанный родством“.

Конец слова.

§ 152. Значительные процессы происходят в конце слова, — процессы, отличные от фонетики середины слова в отношении одних и тех же звуков и звуковых сочетаний. Конец слова может быть ослабленным в его произношении. Это ослабление

бывает более или менее значительно. Степень ослабления конца слова или всего слова находится в связи со значением слова или формы в речи, в связи с частотой его применения, с особым скороговорочным его произношением. Так, некоторые глагольные формы переживают большую редукцию конечного слога, чем формы имен. Значительной редукции подвергаются частицы. Наиболее сильная редукция отражается на наречиях по причине частоты применения и особого произношения их. При этом на наречиях редукция может отражаться не только на конечном слоге, но на всем слове. Такая же судьба бывает у имен счета (числительных) и имен, употребляемых при обращении к кому-нибудь.

Фонетические результаты в конце слова могут выражаться не последовательно в разных словах: те или иные группы слов, связанных с родственными словами и формами, представляют в конце слова те же звуки, какие находятся в родственных формах не в конце слова. Так, форма 3 л. ед. и множ. числа наст. вр. у славян представляла в конце сочетание *-тъ*: *pesetъ*, *pesotъ*. Но по славянским группам и в раннее доисторическое время и позднее происходило отверждение окончания *-тъ*: *-тъ* → *-ть*. Но в именах на *-ть* такого отверждения не было, вследствие того, что в ряде других форм согласный *t* был перед гласным переднего ряда полного образования, а также не в конце слова: *ci'tъ*, *pitî*, *pitîi* (родит. мн.), *pitъmi* и др. Ср. подобный процесс позднего времени в чешском языке: по чешским говорам имеется мягкий *t'* в конце слова (*pit'*, *zet'...*) по образцу других форм, имевших окончание *-i*: *pitî*, *pitîi* — родит. мн. (перед *i* в чешском языке согласные *t*, *d*, *n* мягки).

Результаты ослабления (редукции) в конце слова выражаются в следующем: а) в изменении и утрате конечных согласных; б) в отверждении согласных; в) в редукции гласных, — в редукции не только в отношении количественной стороны, но и в отношении других сторон артикуляции: в появлении большой закрытости образования *o*, *a* в определенных положениях: *o* → *u* (перед *n*, *s*), *a* → *â* (перед *n*).

В словах, подвергающихся редукции в целом своем составе, отражаются те же явления: изменение и утрата согласных и редукция гласных, закрытость их образования, утрата. В отношении изменения согласных при редукции слова отметим следующее. Редукция слова может выражаться в замене затвора щелью

(тесниной). Это ясно обнаруживается в судьбе местоимений *себе, тебе* в русских говорах: по говорам они произносятся со слабым, неполного образования фрикативным (не смычным) ^б — се^бе, те^бе. В дальнейшем происходила утрата такой артикуляции: те^бе → те^е, в зависимости от большей или меньшей степени в силе произношения этого местоимения. В таком же направлении происходило изменение затворного *g* в *γ* и *h* в форме местоимения *kogo* в русском и кашубском языках. Так изменялся *g* и в титульном слове, в словообращении *gospodar'ь*: *yo'spodar'ь* — *hospodar'ь* — *ospodar'*, см. выше § 124.

§ 153. Процессы конца слова в славянской системе доисторического времени.

1) Утрата конечных согласных. Такими согласными в конце слова были *t, d, s, r, n*.

Для утраты конечных согласных имела значение также фонетическая тенденция к открытости слога.

[*t, d*]: в 3 л. ед. ч. аориста: *pade, pese*; др.-инд. *ábharat*;

в 3 л. ед. ч. повелит. (желательного) накл.: *berí, др.-инд. bháret*;

в 3 л. множ. ч. аориста *padq*, в сигматическом аористе: *se; vèse* — „они привели“; *q* вм. *-ont, -se* вм. *-syt* из *-s'nt*;

местоимение именит.-вин. ед. ч. средн. р.: *to*; др.-инд. *tád(t)*, лат. *istud*;

родит. ед. ч. основ на *-o*: *vyka, voza*; др.-инд. *vṛkāḍ* (отложительный падеж).

[*s*]: в именит. ед. муж. р.: *vykь*; др.-инд. *vṛkas* → *vṛkaḥ*, лит. *viĩkas*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*;

супь; лит. *sūnùs*;

gostь; лат. *hostis* — „чужой человек, враг“; гот. *gasts*;

именит. ед. женск. р.: *dvьgь, danь, bornь* (южнослав. *branjь*); лит. *dūris*, лит. *dūnis*, лит. *barnis*;

именит.-вин. ед. средн. р.: *nebo, slovo*; др.-инд. *nābhas* → *nābhaḥ, śrávas*; греч. *νέφος, κλέφος*;

во 2 л. ед. повелит. (желат.) наклонения: *berí* др.-инд. *bhāges* → *bhāgeḥ*, греч. *φέροις*;

во 2 л. ед. аориста: *pade, pese*; др.-инд. *ábharat*, греч. *ἔφερες*.

[*r*]: именит. ед. жен. р.: *matí, dūkti* (*dṛt'i*) — „дочь“, греч. *μάτηρ* (*μήτηρ*), *θυγάτηρ*, лат. *mater*.

[*n*]. Конечный *n* также подвергся редукции. Но осуществление ее не вполне ясно. Возможно, что произошла не утрата

артикуляции для п, а ассимиляция ее с предшествующей артикуляцией гласного. Очевиден результат такой ассимиляции после долгих ē, ā (â):

sēmēp → sēmē, вин. ед. личных местоимений mēp → mē.

tēp → tē, sēp → sē; ср. др.-инд. mām, tvām — с долгим ā;

вин. ед. основ на -a: gorq, vodq; ср. окончания в др.-инд. -ām, в греч. -āv, лит. -a;

повидимому к -āp (вм. -ām) восходит окончание q в форме 1 л. ед. наст. вр.: berq, pesq; этой форме соответствовала форма латинского конъюнктива на -ām: ferām.

В сочетаниях же -in, -up фонетические стадии неясны. Возможно полагать, что и тут произошла ассимиляция п с предшествующим гласным в одно образование — в носовой j, ц. Ср. в литовском pāktj (вин. ед.), mōterj (вин. ед.), sūnc (вин. ед.). Если и в славянской фонетической системе возникали носовые j, ц, то они позднее, но в доисторическое время, заменились неносовыми i, u. Эта замена, при сохранении носовых ę, q, была вызвана тем, что в славянской фонетике имелась и имеется тенденция не опускать мягкого нѣба, открывающего вход в носовую полость, не опускать при высоком подъеме спинки языка. См. подробнее выше, в § 77. Итак:

вин. ед.: gostin → gostь, noktīn → поть (ст.-слав. ноць, зап.-слав. пось, русск. ночь), sūnūm → сунь, ср. окончание п, m в других индоевропейских языках: др.-инд. matīm, греч. πόλις, лат. turrim, лит. pāktj; др.-инд. sūnūm, лит. sūnc, лат. manum;

вин. множ. gostīns → gostīns → gostj [ʔ] → gosti; sūnūns → sūnūns → sūnc [ʔ] → sūnū → syny; об удлинении гласного перед ns см. ниже; ср. окончание -ns в готском (anstīns, sununs), в греческом (диалект., критские πόλις, υἱός).

Отдельное замечание о предлогах-префиксах: 1) оп, на ступени редукции — vъp (с v вторичного происхождения, перед ъп), 2) соп, на ступени редукции — зъп, 3) къп. На носовой согласный в этих предлогах указывают и данные славянской фонетики и соответствия других индоевропейских языков: слав. vъp, греч. ἐν, лат. in, лит. in, j; слав. зъп, др.-инд. sam — „вместе“, греч. ἄμα (* вм. σ), др.-прусс. sap; слав. къп, др.-инд. kām.

В сочетаниях перед гласным и перед j согласный п сохранился, примыкая к гласному или к j + гласный: oputja: — ст.-слав. оуѡца, русск. онуча, чешск. opuce; ср. глаголы uti (u-ti), obuti; лит. aūtī.

Перед согласным *op* → *o*, как всякий *op* не в конце слова: *otъ* (*o-trъ*; *-trъ* — суффикс, чередовавшийся с *-tero*; *-togo*); ср. др.-инд. *ántaraḥ* — „внутреннее“ (от *antár*), лат. *interior* (от *inter*); *o'tъkъ* — „уток“, собственно, „что втыкается“; *o'do'ъ* — „долина“ („вдол“), *o'vozъ* — „ввоз, въезд“ и др. Перед гласным — *въп*: *въпiti*, (*въп-iti*), *въпimati* (*въп-imati* — „братъ“), *въпnušiti* (*въп-ušiti*; *ušiti* — образование от имени *ucho*; *zaušiti* — „ударить по уху“); ст.-слав. *чуши имать і не въчушати* (Син. пс.); *въпědro*, *въпědra*; затем отвлечено *pědro*, *pědra*, так как префикс воспринят был в таком виде, в каком он находился перед словом, начинавшимся с согласного звука *въ*.

Так же тесно, как префиксы, объединялись *въп*, *къп* с местоимением *iego*, *jetu*, *jъ...*: *въп* + *jъ* → *въп'ъ* (сочетание предлога *въп* с формой местоимения вин. ед. мужск. р. *jъ*; ст.-слав. *вън'ъ*, чешск. *veň*, польск. *ven'*); *въп* + *jetъ* → *въп'етъ* (*въп* + форма местного пад. ед. ч. местоимения *jetъ*).

son перед согласным → *so*: *sošedъ*, *sopyrъ* — „соперник“, *sosekъ* — „сусек“, *sogrobъ* — „сугроб“, *soprogrъ* — „один из 2 волов в одном ярме“ и др.

съп перед гласным и перед *j*: *съпiti* — „сойти“; *съпimati*, *съпнть* — „собрание“, (*съп-ьтъ*: *-ьп-* — корень, по значению тот же, что *ber-*, *bor-*, *byr-*; ср. те же семантические элементы в слове *съ-богъ*); *съп* + *jiъ* → *съп'иъ* — „с ним“.

къп: *къп* + *jetu* → *къп'ету*.

По образцу сочетаний *въп'ъ*, *въп'етъ*, *съп'иъ*, *съп'ими*, *къп'ету* стали начинать формы этого местоимения согласным *п'* и после других предлогов: в сочетаниях *въп'етъ*, *къп'ету*... выделяли предлог в том виде, в каком он находился в других случаях, перед согласным, — в виде *въ*: *za п'иъ*, *o п'етъ*, южн.-слав. *prědъ п'иъ* и др. Ср. тот же процесс выделения предлога *въ*, а не *въп*, в сочетаниях *въпědra*, *въпědrěchъ*. Выделению префикса в виде *въ*, *съ*, *къ* содействовала и фонетическая тенденция к открытости слова: *п* относился к следующему гласному: *въпiti*, *въп'етъ* представляли такие слоговые единицы: *въ-п'i-ti*, *въ-п'e-тъ*. Процесс пошел и далее. По славянским языкам позднее стали употребляться формы местоимения с *п'* и без сочетания с предлогом. Особенно широкое применение эта тенденция получила в южнославянских языках. Там формы *п'ego*, *п'ету*, *п'eј*... получили значение самостоятельных ударенных местоимений в отличие от безударных, конъюнктивных *go*, *mu*, *i* или *jej* и др.

потребляющихся не самостоятельно, а в сочетании с другим словом: *daǰ-ti* — „дай ему“.

Не перед гласным и не перед *j*, а перед всяким другим согласным *vъp*, *sъp*, *kъp* утратили *p*: *vъp* → *vъ*, *sъp* → *sъ*, *kъp* → *kъ*. Процесс этой утраты неясен. Может быть, эта утрата произошла при положении *vъp*, *sъp*, *kъp* после слова, т. е. в конечном слоге (*sъp* → *sъ* → *sū* → *sъ...*). А в таком положении они бывали некогда в языке славян, как и в других индоевропейских языках, наподобие латинского сочетания с постпозитивным *cup*: *pe-cup*. Долее держались сочетания с послеименными *děla* (*dy'la*), *radi*: *mene radi*. Может быть, содействовало утрате конечного *p* (через стадию *ц*) и то, что *vъp*, *sъp*, *kъp* имели некогда самостоятельное значение отдельных слов, наречий.

2) В связи с редуцией конечного слога происходило отвердение согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время, и в доисторическое и в их истории. Так, напр., было с согласным *t'* в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (-ть); в одних языках раньше, в других позднее происходило его отвердение. В раннее время, до IX в., произошло отвердение *t'* (в -ть) в тех группах, которые легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: *ть* → *тъ...* Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с окончанием -ть: *весесть*, *несасть*, *хвалять*... Рано отвердел *t'* в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западнославянских. Позднее происходило отвердение *t'* в восточнославянских. Так севернорусские памятники письменности XI—XII вв. представляют это окончание в виде -тъ.

В этой категории форм редуция отражалась и в дальнейшем изменении: в утрате *t* из *ть* (из *тъ*). Эта утрата происходила в славянских языках тоже в разное время. Так, в старославянском языке эти формы были с окончанием -ть, при весьма редких случаях без *t*. По указанию памятников XI в., в среднеболгарскую эпоху чаще применяются формы без *t*. В современных болгарских говорах формы 3 л. ед. числа не имеют *t*. Только говоры на западе Македонии до сих пор представляют форму 3 л. ед. на *t*. В форме 3 л. множ. числа во многих болгарских говорах *t* не утрачивался. Но по говорам произошла утрата *t* и в этой форме.

На фонетическое изменение -ть в -тъ или -t' в -t (после утраты редуцированных гласных) может указывать также сле-

дующее явление: в некоторых русских говорах мягкость согласного -t' удержалась в связи с напряженностью артикуляции предшествующего гласного — гласного высокого подъема. Так было по говорам Заонежья в форме 3 л. множ.: несут', жнут', могут', выпишут', но — стучат, грем'ат. Отметим параллельное явление в южнорусских говорах: в 3 л. ед. и множ. во многих из этих говоров не происходило отвердения и утраты t' после гласного высокого подъема, — после i, u (y): спит', гарит', в'алит' („велит'*) — 3 л. ед.; н'асут', знајут', пашут', вид'ут', ход'ут' — 3 л. мн. (-ут' в вид'ут', ход'ют' и др. по образцу с формами глаголов с основой на -е: н'асут' и др.), но без -t — сп'а, глид'а („глядят'*) — 3 л. множ.; нисе́, знаја, паша, вид'а, ход'а — 3 л. ед. (вид'а, ход'а, с -а по аналогии с формами глаголов с основой на -е: несе́...). Так и в говорах украинских и белорусских. См. в отделе примечаний к „концу слова“, а также замечание в отделе о глагольных формах.

По севернорусским говорам процесс отвердения согласного t' в конце слова был пережит и формой инфинитива. В 70-х годах прошлого века М. А. Колосов писал в своем диалектологическом отчете о севернорусских говорах между прочим следующее: „т в окончании неопределенного склонения глаголов местами отвердевает. Так, в Грязовце вместо пѣтъ, быть я слышал почти пет, быт“.

3) Усиление лабиализации для гласного o в конечных сочетаниях -оп, -os: -оп → -ип, -os → -us с дальнейшим изменением -ип → -й [ʔ] → -й → -ь; -ип → -ц̄ [ʔ] → -ц̄ → -у (ы); -os → -ўс → -ў → -ь;

-оп: вин. ед. основ на -o муж. р.: вы́къ, возь; ср. окончание -п, -т в других индоевропейских языках: др.-инд. vṛkaṃ, греч. λύκοι, лит. vilka;

1 л. ед. числа аориста: радъ, погъ, ср. др.-инд. ábharam, греч. ἔρερον.

-оп: каму вм. kamōn; ср. в греч. ἄκμιον, лит. акшиб.

-os: имен. ед. муж. р.: вы́къ, возь; в других индоевропейских языках окончание этой формы -s; др.-инд. vṛkaḥ (ḥ вместо конечного s), греч. λύκος, лат. lupus, лит. vilkas и др.;

окончание 1 л. множ. числа -шь в соответствии латинскому -pus (вм. -pos): берешь, песешь...

Форма имен.-вин. ед. средн. рода на -o в давних основах на -o и на -os (-es). В основах на -o окончанием был носовой

согласный, в основах на -os не было особого окончания для этого падежа. 1) Слав. *igo* с основой на -o, 2) *slovo* с основой на -os. Ср. соответствия других индоевропейских языков: 1) др.-инд. *yugám*, греч. ζυγόν, лат. *jugum*; 2) др.-инд. *śrávas*, греч. κλέφος. Окончание -o в славянской форме появилось по связи с формой именит.-вин. ед. ч. местоимения: *to, ono*, где за гласным o следовал согласный d: *tod* → *to...*

-ons → -ūns (об удлинении гласного перед ns см. в § 85);
ūns → ū [ʔ] → ū → y (ы);

вин. множ. основ на -o мужск. р. *vozu, vьky*; ср. в греческом (в критском диалекте) -υς, в готском -ns; греч. λώκος, гот. *wulfans*.

-onts: та же судьба, что и сочетания -ons, вследствие изменения ts в s: -onts → -ons → -ūns → -ц [ʔ] -ū → -y (ы), именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.: *nesonts* → ... *nesy*, *beronts* → ... *bery*; суффикс причастия -nt-, окончание именит. пад. ед. -s; др.-инд. *bhāran* (винит. *bhārantam*); греч. φέρων (вин. φέροντα), лат. *ferens* (вин. *ferentem*), гот. *bairands*.

-jons (-jonts). После j процессы, пережитые сочетанием -ons, неясны. Звуковой вид формы причастия наст. вр. именит. ед. мужск. и средн. рода в основах на *je/jo* указывает на изменение -jons (из -jonts) в -jens, а это в -jēns (вследствие удлинения гласного перед -ns); -jēns → -jē: *znaje, dēlaje*. Но в других формах причастия -jō- (-jōtj-): *znajōtja* (ст.-слав. *знаѡща*); *znajōtju* (ст.-слав. *знаѡщю*) и в форме 3 л. мн. наст. вр. *znajōtь, rišōtь*. Неясно, чем вызвано такое различие в звуковом виде этих сочетаний с давним -jo-. Полагают, что такое различие зависело от положения в слове: *jons* → *jē* в конце, *-jontia* → *jōtja* не в конце. Но вполне возможно полагать, что это различие в носовом гласном было обусловлено связью с формами других основ, хотя и при таком объяснении пока трудно уловить направление этой связи. Может быть, при -jē в именит. пад. ед. ч. (*znaje*) появились основы с *o* (*znajōtia*) после палатального по образцу форм с основой на *e/o*. *nesōtja, nesōtju...*

Винит. множ. основ на -o мужск. р. имел окончание -ns, как было отмечено выше: *vozu, vьky*. После мягкого согласного окончание этой формы было не одинаково по славянским группам: *konjons* → ... *kon'ę* в группах, легших в основу южнославянских языков; *konjons* → *kon'ě* в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских групп. Такая же двойственность по

диалектам была представлена формами родит. ед. и винит.-именит. множ. в основах на -ja: zeml'ę, ulicę в группах, легших в основу южнославянских языков, zeml'ě (zem'ě), ulicě в восточнославянских и западнославянских группах. Ф. Ф. Фортунатов полагал, что в западнославянских и восточнославянских формах *ě* был некогда носовым. А. Мейе видел в *ę* и *ě* диалектические варианты результата фонетического изменения -jons (kopjons), -jās (zeml'ę, -ě). Но эти попытки объяснения *-ě* в указанных случаях нет возможности считать удовлетворительными: они даны вне связи с другими фактами фонетических и морфологических процессов.

-ois. Форма творит. множ. основ на -o у славян имела окончание *y* (*ы*) после твердого согласного, *i* после мягкого: vozu, kop'i. В др.-индийском окончанием было -ais → -aiḥ, в др.-иран. -āiš, в литовском -āis. Может быть, славянское окончание появилось фонетически вместо -ois, появилось вследствие усиления лабиализации перед *s* в конце слова и вследствие одновременной с этим редукции дифтонга -ois → -uis. Дифтонг *ui* вообще близок к гласному* *y* (*ы*), а получив ослабление, он совсем совпал с этим гласным.

О близости славянского *y* (*ы*) с *ūi*, *ui* (*i* — редуцированный *i*) свидетельствует ряд явлений. Лица из неславянской среды, не имевшие в фонетической системе своего языка гласного *ы*, слышали в нем элементы *ui*. Так по наблюдению последних лет. Так было и раньше. Посредством *ui* передан гласный *ы* в Фрейзингенских отрывках (памятник славянского языка X — XI вв.); так и в передаче чешских слов, находящихся в латинских документах: см. § 35. Проф. А. И. Томсон определял славянский гласный *ы*, как дифтонг. Мы не можем признать дифтонгичность русского и польского *ы*, как и соответствующего гласного более ранней фонетической системы других славянских языков. Гласный, заменивший собою более давний *ū*, был не лабиальный гласный: отсутствие лабиализации в этой замене, в *ы*, и вызвало развитие перед ним в начале слова *v*: vukpŕti.

Лабиализация -āp. В конечном слоге перед *p* на долгом *ā* также отразилась тенденция лабиализации: āp → āp → q. Таково происхождение окончания -q в форме винит. ед. основ на -a: gogq, žepq, vol'q. Соответствия других индоевропейских языков отмечены были выше, § 85. Вместо -āp и окончание формы I л. ед. наст. вр.: berq, pesq, vedq; ср. латинский конъюнктив ferāth.

-ās. А. Мейе полагал, что лабиализация пережита была в конечном -ās: -ās → -ōs → -ūs → -у (ы). Таково происхождение, по его мнению, окончания -у в форме родит. ед. основ на -а, в соответствии др.-индийскому -āḥ и греческому -ās, и окончания -у (ы) в форме именит. множ. тех же основ (žepу...) в соответствии др.-индийскому -āḥ, литовскому -os. Но славянская форма именит. множ. женск. рода во всех основах — по происхождению форма винительного падежа и некогда имела одинаковое для всех основ окончание -ns. Окончание южнославянских форм в основах после мягкого согласного, — окончание -ę (stru;ę) также указывает на наличие носового п в окончании. Поэтому положение А. Мейе об изменении -ās → -ūs → -у (ы) считаем неприемлемым.

4) Редуция конечных долгих гласных. Долгие гласные, оканчивавшие собою слово, сократились у славян, — сократились рано:

trāvā → trāvā, sȳnū → sȳnū, sȳnū → sȳnū, bȳtī → bȳtī, trāvō → → trāvō, sēmē → sēmē, trāvé → trāvé (с кратким ě) и т. д.

Количество слога.

§ 154. В давней фонетической системе славян слог был долгим, если в его состав входил один из долгих гласных: а, и, у, ѡ, е, і, ё или сочетание *or, ol, er, el, ѡr, ѡl, ѡr, ѡl* перед согласным: *mātī, sȳnū, vōgnā, bēřza, bōltō, gȳrdlo, vȳřba, vȳlkъ*.

Кратким был слог, если он заключал в себе один из кратких или редуцированных гласных: е, о, ѡ, ѡ, ѹ, і: *sěťō, pōl'ě, съпъ, дьпъ*.

Гласные краткие *ĭ, ĭ* удлинились в таком фонетическом положении: перед группой согласных -ns: вин. мн. *sūnū-ns* (-ns давнее окончание винительного множ. в индоевропейских языках) → *sūnūns* → *sūnū[ns]* → *synu*; вин. мн. *gostī-ns* → *gostins* → → *gos'ī[ns]* → *gostī*. См. § 85.

Отдельные славянские языки, сербо-хорватский, словинский, польский, кашубский, чешский, словацкий, представляют указания, что с давнего доисторического времени они имеют в ряде случаев слоги краткие, вместо долгих более раннего времени. Можно полагать, что уже в доисторическую эпоху произошли сокращения долготы слога в следующих положениях.

1) Долгие гласные сократились перед ударным слогом, имевшим акутовый (восходящий) тип ударения на долгом гласном

(о видах ударения см. ниже). Ср. передачу древнего слова *dobřina*: польск. *dębina* (в польском яз. *ę* находится в старопольском кратком слоге), сербск. и чешск. *dubina, malina* (с краткими *ǐ, ǎ*). То же явление представлено в ряде форм имен сущ. женск. р. с основой на *-a*: в формах твор. ед., дат., твор., местн. мн.: чешск. *říkat, serb. říkata*. Здесь издавна находится в первом слоге краткий гласный *ǐ* вм. *ǒ*.

2) Сократился долгий гласный, не находившийся непосредственно перед ударением. Напр. *dǎlekó* → *dǎlekó*; *šīrokó, čīstotǎ, slēpotǎ*. Ср. краткость *a, i, e* в этих словах в сербо-хорватском и чешском языках.

3) Сократился долгий гласный под ударением в третьем или четвертом слоге от конца: *jǎgoda* → *jǎgoda*; ср. чешск. *jǎhoda*, сербо-хорв. *jǎgoda*; чешск. *mǎteře* (но *mǎti*), чешск. *sēmene* (но *sTmē*), чешск. *vǎdnouti* — „вянуть“.

4) Сократился долгий гласный в конце слова вне ударения и под ударением: *mǎit* → *mǎti*, *řybǎ* → *řybǎ*, *vedǒ* → *vedǒ*, чешск. *vedū*...

§ 155. Если в сербо-хорватском, словинском, чешском, словацком, старопольском языках слово оканчивалось долгим гласным, то эта долгота вторичного происхождения. Так, она получалась в результате стяжения двух гласных: *dobřǎ* и др. Она могла возникнуть по образцу других форм и близких по значению слов. Напр., окончание *ǎ* в форме имен. множ. существ. средн. рода в словацком языке: *slovǎ, mestǎ, plecǎ* — „плечи“, — с долгим *ǎ*, как в *slovǎch, slovǎm*...

В некоторых случаях долгий гласный в открытом слоге был древнего происхождения, — именно там, где открытость конечного слога с долгим гласным появилась позднее, вследствие утраты согласного. Напр., чешск. форма 3 л. мн. ч. наст. вр. *pesū* → *pesou, chvalt* и др. Эти формы имели некогда такой вид: *pesǒtǎ, chvalǒtǎ*. Или чешское местоимение *jǎ* с долгим *ǎ*: еще в XIV—XV вв. оно произносилось с согласным в конце слова: *jǎz* вм. *jǎzǎ*.

Позднее славянские языки переживали дальнейшие сокращения долготы слога, — переживали при тех или иных условиях. Некоторые славянские языковые группы совсем утратили этимологическое различие между долгими и краткими слогами. Такая утрата пережита в языках восточнославянских, болгарском, польском, лужицких.

§ 156. Для понимания языковых явлений, связанных с давними интонационно-акцентными различиями, сделаем замечания о славянских интонационных отношениях в доисторическое время,— замечания, основанные на сравнительно-историческом изучении ударения и количества слога (долготы и краткости его) в славянских языках.

Долгие гласные и долгие слоги (слоги с долгими гласными или с сочетаниями *og, ol, eg, el, ъг, њl, ьг, ьl* между согласными) произносились некогда не с одинаковым движением тона: 1) в одних слогах они имели интонацию восходящего вида, т. е. тон повышался и в конце несколько понижался; 2) в других случаях тон, начавшись с высокой ноты, понижался и в конце слога несколько повышался. Интонацию первого вида будем обозначать посредством акута ' и называть акутовой, или восходящей, интонацию второго вида — посредством циркумфлекса ^ и называть циркумфлексной, или нисходящей.

Различные следы давних интонаций имеются под ударением во всех славянских языках. Об этих следах будет речь в обозрении отдельных славянских языковых групп. А пока ограничимся следующей справкой. Сербо-хорватский и словинский языки до сих пор представляют под ударением различие в интонации: в одних словах ударение бывает нисходящее, в других восходящее. Сочетания, имеющие нисходящее ударение на долгом гласном в сербо-хорватском и словинском языках, восходят к соответствующим давним сочетаниям с циркумфлексным ударением: сербо-хорв. *grâd, brêg, glâs, drûg, vîd*. То же и в словинском языке. Сербо-хорватским и словинским сочетаниям с ударенными *ga, la, gè* соответствуют в русском языке сочетания с *оро, оло, ере* („полногласие“) с ударением на первой части полногласия: *оро, бло, ере: город; голос, берег*. В чешском и словацком языках в соответствующих слогах произошло сокращение: чешск. *hrâd, brêh, hlâs, drûh, vîd*.

Сочетания, имеющие в словинском языке ударение долгое восходящее, а в сербо-хорватском краткое нисходящее, отражают прежнее акутовое ударение. Словин. *kráva, bláto, bréza, síla*. Сербо-хорв. *kràva, blàto, brèza, síla*. Словинским *rá, lá, ré*, сербо-хорватским *gà, là, gè* соответствуют в русском языке сочетания с „полногласием“, имеющим ударение на второй части: *корьва,*

болѣто, бер'ѣза (береза). В чешских соответствиях представлена долгота гласного: *krāva*, *blāto*, *bīīza*, *sīla*, а у словаков краткость: *blāto*, *brěza*, *sīla*.

Наконец, заметим еще следующее. Если нисходящее ударение находилось на начальном слоге неодносложного слова, то оно в словинском языке перенесено на следующий слог: *brĕg*, род. *bregâ*, *zlatô*. Такой же перенос в этих случаях пережит и болгарским языком: *златò*, *брѣгѣт*, *гласѣт*. Но в словинском и болгарском *krāva*, *sīla*, без переноса ударения, потому что в этих последних сочетаниях интонация ударенного слога была иная, восходящая (акутовая).

§ 157. В середине слова интонация восходящего типа (акутовая) в речи славян была в слоге, гласный которого восходил к более давнему долгому гласному или к дифтонгу с долгим гласным или к долгому слоговому сонанту: *ō̄ц*, *ā̄ц*, *ō̄ī...* *ṃ̄*, **ṃ̄*, **ṝ*, **ī̄*. Такая же интонация была и в замене двухслоговой базы, с утраченным гласным э.

bŷti: чешск. *bŷti*, словин. *bŷti*, сербо-хорв. *bīti*; ср. лит. *būti*, др.-инд. *bhūtīh*;

bĕrza: чешск. *bŷtza*, словин. *brĕza*, сербо-хорв. *brĕza*, русск. бер'ѣза; ср. лит. *bėržas*, др.-верхн.-нем. *birihha*; основная двухслоговая база *bēræg'h-*. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящая (циркумфлексная) интонация у славян была в середине слова в тех случаях, если гласный слога восходил к более давнему дифтонгу с кратким гласным или к краткому слоговому сонанту: *ō̄ц*, *ā̄ц*, *ěц*, *ō̄ī*, *ō̄g*, *ěg*, *ō̄l*, *ěl*, **ṃ̄*, **ṃ̄*, **ṝ*, **ī̄*.

sŷchъ: чешск. *sŷcho*, сербо-хорв. *sŷh*; ср. лит. *saŷsas*, греч. *αῖος*; основное — *sā̄цs-*;

vōgnъ: чешск. *vŷn*, сербо-хорв. *vŷn*, словин. *vŷn*, русск. вóрон; — *vōgn-ъ*. Другие примеры см. в отделе чередования.

Нисходящую интонацию представляли и краткие слоги, с давним кратким гласным: *rōl'e*, *sŷovo*, *lĕdъ*.

§ 158. В давний, доисторический период славянских групп, до их расселения по восточной, южной и западной Европе, произошли значительные изменения в интонации, произошла мена ее (метатония) в некоторых положениях. Именно, в ряде случаев ударенная циркумфлексная интонация перешла в интонацию иного типа, акутовую. В отличие от старой акутовой интонации назо-

вем ее, вслед за Я. Розвадовским, новоакутовой. Следы ее представлены говорами чакавского и кайкавского наречий сербо-хорватского языка в виде долгого восходящего ударения. В штокавских сербо-хорватских говорах Посавья в этих случаях имеется особого вида долгое восходящее ударение. В других штокавских говорах эта интонация изменилась в долгую нисходящую. (А старая акутовая интонация под ударением перешла во всех сербо-хорватских говорах в краткое нисходящее ударение, $\acute{}$; см. выше).

Эта новоакутовая интонация в словинской и восточнославянской группах совпала с прежней акутовой: в словинском языке вместо нее, как и вместо староакутовой интонации, под ударением представлено долгое восходящее ударение ($\acute{}$), а в русском языке в случаях, когда она находилась в словах с *toŕt*, *toŕt*, *toŕt*, *toŕt*, *toŕt*, ударение находится на втором гласном сочетаний *oro*, *oŕo*, *ere*. С прежней акутовой интонацией совпала новоакутовая интонация и в чешской группе: под ударением, имевшим такую интонацию, гласный является долгим, как и гласный, бывший под старым акутовым ударением. В словацком языке под новоакутовым ударением долгота сохранялась. (Под старым акутом она сократилась.) То же в старопольском языке: гласный под новоакутовым ударением сохранял долготу; гласный же под ударением с давней акутовой интонацией сократился (*vrõna*, *sŕõma*, *blõto*).

Такая метатония была пережита, например, в форме *stõrŕa*, *stõrŕa*, с новоакутовой интонацией на *or* ($\acute{}$). Поэтому в посавско-штокавских, чакавских и кайкавских сербо-хорватских говорах и в словинском языке представлено долгое восходящее ударение, *strãŕa*; в чешском и словацком — долгота: *strãŕa* (чешск. *straŕe*), в польском — след долготы в изменении гласного *o* по направлению к *u* и совсем в *u*: так изменялся долгий гласный *o* — *strõŕa* (*struŕa*); в русском — ударение на второй части полногласия: *stõrõŕa*. Или еще сравните образования с суфф. $\text{-}ŕŕe$: *grõŕŕe* → *grõŕŕe*; сербо-хорв. чакав. *grũtje*, словин. *grõtje*; соответствующее явление отражается в чешском *dũbŕ* → *doubŕ* вм. *dobŕe*, в русском *kolõs'ja* вм. *kol'sje*; ср. именит. *kol'sŕ*, русск. *колос*. В форме род. п. мн. ч. некоторых имен с основой на *a*: *stõrnŕ* → *stõrnŕ*, *ŕõkŕ* → *ŕõkŕ*... На то, что здесь было некогда циркумфлексное ударение, указывает перенос акцента на следующий слог: *stornã*, *ŕõkã* (см. ниже о месте акцента). В сербо-хорватских

посавских и чакавских говорах, в словинском языке замена этих форм имеет долгое восходящее ударение: *strāp, rūk* (*rók* — в словин.). В чешской и словацкой группах — долгота: *strāp, rūk* (чешск. *rūk* → *rouk*). В русском — ударение на второй части полногласия: *с тор ђн*.

Тип новоакутовый был в течение продолжительного времени в жизни славянских языков не только традиционным, но и актуальным типом. Он появлялся в таких сочетаниях, которые были унаследованы с циркумфлексной интонацией, а также в сочетаниях (в словах), появлявшихся в историческое время в стдельных славянских языках: напр. чакав. *kra1'* (шток. *krā1'*), чешск. *krāi* (пошло от имени Карла Великого).

В определенных условиях произошла метатония и по отношению к давней акутовой интонации: она заменилась интонацией циркумфлексной, которую назовем новоциркумфлексной. Следы этой интонации в славянских языках представлены в таком виде. В некоторых сербо-хорватских говорах, а также в словинской группе эта интонация под ударением отразилась в виде долгого нисходящего ударения; давнему же неизменившемуся акутовому ударению соответствует в сербо-хорватском языке краткое нисходящее ударение $\check{}$ (*krava*), а в словинском — долгое восходящее (*krāva*). В чешской и словацкой группах под этим новоциркумфлексным ударением гласный сократился, как и под прежним циркумфлексным (под прежним акутовым неизменившимся ударением долгота сохранялась у чехов: *krāva*). Но в русском языке следы новоциркумфлексного ударения не представлены: оно совпало с прежним акутовым, ср. ударение на второй части полногласия: *ор ђ, ол ђ*. Так, в глагольных формах наст. вр., имевших ударение не на окончании, акутовая интонация изменилась в новоциркумфлексную. Ср. в чакавских и словинских говорах *vēneš, žimūješ*, чешск. *vādneš, žimūješ* (с краткими *ā, ū*). Форма родит. мн. таких, напр., имен с акутовым ударением: *kōŕva, dělo* (чешск. *dĕlo*, словин. *dělo*): в этой форме (род. мн.) произошло изменение акутовой интонации в новоциркумфлексную: словин. *krāv, děl*; чешск. *krāv, děl*; ср. в чешск. краткость *ā, ū*; но в русском — *кор ђв*. Ср. новоциркумфлексную интонацию (в чешском краткость, в сербо-хорватском и словинском нисходящее ударение) вместо акутовой в именах на *-ŕje*: *sъdōŕvŕje bēŕzŕje*: сербо-хорв. *zdrāvŕ'e*, словинское *zdrāvje*; *brēzje*; чешск. *zdrāvŕ, bŕězŕ*; но без суффикса *-ŕje* слова этих корней имели

акут: s'ǔdǒrŭv', b'ěrza: ср. чешск. zdrāv, b'řza, русск. здрѡв, бер'ѡза.

Метатония пережита в ряде имен прилагательных. Если в именной форме двухслоговое прилагательное имело акцент (ударение) на окончании, то в сложной форме ударение переходило на коренной слог; при этом интонация этого коренного слога становилась из циркумфлексной новоакутовой. Имен. форма: чакавск. bēlǒ, golǒ, русск. бѣлѡ, голѡ; но сложн. формы: чакавск. b'ěit, русск. бѣлѡй, голѡй (губѡлѡй, — по некоторым говорам). Если двухслоговое именное прилагательное имело ударение на коренном слоге, то судьба интонации и акцента была не одинакова во всех случаях:

а) если корень имел акутовую интонацию, то акцент (ударение) оставался на прежнем слоге, но происходило изменение интонации: она стала новоциркумфлексной: имен. форма чакав. s'ito (вм. s'ito), словин. s'ito, чешск. s'yto, русск. с'ѣто; сложн. форма: чакавск. s'itī, словин. s'itī, чешск. s'yt̃y, русск. с'ѣтой;

б) если корень имел интонацию циркумфлексную на долгом или на кратком слоге, то в одних случаях акцент переходил на окончание: имен. форма сербо-хорв. чакавск. bǒso, чешск. mlādo, bǒso, sūcho, русск. мѡлодо, бѡсо, с'ухѡ; сложн. форма сербо-хорв. чакавск. bosī, чешск. mlād̃y, русск. мѡлодѡй, бѡсѡй; в других случаях акцент сохранялся на корне, но интонация становилась новоакутовой: имен. формы сербо-хорв. mǔdro, skūro, mlādo; сложн. формы сербо-хорв. чакав. mlādī, штокав. mǔdrī, skūpī (= вместо нового акута); польск. mǒdry, skǒry; чешск. mǔdr̃y → moudr̃y, skūpy → skoup̃y.

§ 159. Краткие гласные. Слог с кратким гласным имел некогда, в доисторическую эпоху, одинаковую интонацию, — циркумфлексную (нисходящую). Когда происходила при тех или иных обстоятельствах метатония долгих гласных, то ею были охвачены при определенных условиях и краткие гласные в кратком слоге. Так изменилась циркумфлексная ударенная интонация в именах на -ja (-a): развивалась новоакутовая интонация гласного в корне, — гласного долгого или кратко́го. Ср. вышеприведенный пример stǒrža → stōrža. Примеры с кратким гласным (в кратком слоге): чакав. kǒža, vǒl'a, словин. kǒža, vǒl'a, vǒn'a, чешск. kǔže, vǔle, vǔne с долгим ū вм. долгого ō; долгота появилась под ударением восходящего типа. Русские диалект. кубѡжа, вуѡл'a — с ū

или с закрытым \hat{o} ; такое \hat{o} ($\hat{y}\hat{o}$) находится в русских говорах в тех случаях, когда o был раньше под восходящим ударением. Или сравните еще форму родит. мн. с изменившейся интонацией циркумфлексной в новоакутовую. Примеры с долгим гласным сообщены выше ($stog\hat{p}\hat{z}$, $g\hat{o}k\hat{z}$). Краткий гласный: $gog\hat{z}$, $z\hat{e}p\hat{z}$. Словин. и чакав. $g\hat{o}r$, $z\hat{e}p$.

Форма именит. ед. основ на $-o$ муж. р. с ударением на окончании: $dvog\hat{z}$, $vo\hat{z}$, $kop'\hat{z}$... Ср. чакав. $dv\hat{o}r$, $v\hat{o}l$, $k\hat{o}p'$ (с восх. o), русск. диалект. $dv\hat{u}or$, $st\hat{u}ol$, $ku\hat{o}n'$.

В связи с таким ударением появились в русском языке во вм. o в словах $v\hat{o}sem\hat{z}$, $v\hat{o}str\hat{y}i\hat{z}$.

Причины, вызвавшие метатонию, неясны. В зависимости от каких-то причин происходило перераспределение сонорно-интонационных волн в отдельных частях предложения. Те или иные изменения в сочетании слов, изменения в построении формы слова, уменьшение сонорной волны слога в связи с редукцией гласного могли обусловить метатонию. Ср. интонацию в $d\hat{o}b\hat{z}$, $gr\hat{o}t\hat{z}$, $mo\hat{l}d\hat{z}$ (русск. $m\hat{o}l\hat{o}d$) и в $d\hat{o}b\hat{z}je$, $gr\hat{o}t\hat{z}je$, $mo\hat{l}d\hat{z}je$ (чешск. $ml\hat{a}d\hat{t}$). Ср. также разные интонации в именных формах прилагательных по сравнению со сложными: $s\hat{y}\hat{t}o$, но $s\hat{y}\hat{t}\hat{y}i$ и др.

Итак, славяне в своей речи в доисторический период имели долгие слоги с такими интонациями:

- 1) с акутовой: $k\hat{o}rva$, $s\hat{i}ta$;
- 2) с циркумфлексной: $g\hat{o}r\hat{d}\hat{z}$, $dr\hat{u}g\hat{z}$;
- 3) с новоакутовой: $st\hat{o}r\hat{z}a$;
- 4) с новоциркумфлексной: $k\hat{o}v\hat{z}$ (род. мн.), $d\hat{e}l\hat{z}$ (род. мн.).

Новоциркумфлексная интонация была, повидимому, близка к старой циркумфлексной: в отдельных славянских группах судьба старой и новой циркумфлексной интонации была одинакова.

Более значительно было различие старой акутовой и новой акутовой интонации. Следы этого различия в ударяемом слоге ясно различаются в сербо-хорватском, словацком и польском языках: слог со старой акутовой интонацией сократился ($kr\hat{a}va$), а слог с новой акутовой интонацией остался долгим (словацк. $str\hat{a}za$, польск. $str\hat{o}za \rightarrow stru\hat{z}a$).

На кратком слоге была одна из двух интонаций:

- 1) старая циркумфлексная: $ro\hat{l}'e$;
- 2) новоакутовая: $vo\hat{l}'a$, $dv\hat{o}g\hat{z}$.

§ 160. В языке славян доисторической эпохи пережиты были изменения также в месте акцента (ударения).

1) В словах с разными слоговыми интонациями акцент (ударение) перешел со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонацией. Так было и в литовской группе.

а) Акцент перенесен на следующий слог в тех сочетаниях, в которых прежний ударенный слог был кратким или долгим, но с интонацией циркумфлексной, а следующий слог имел акутовую интонацию, как это определено было Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. де-Соссюром (последний указал это по отношению к фактам литовского языка).

medjá (med'á) с дальнейшим изменением, — русск. межа́; ср. др.-инд. mádhya, греч. μέση; v̄dová — др.-инд. vidháva; zimá — лит. žẽmà; греч. χεῖμα; golvá (русск. голова); прилагат. povà.

Но ср. форму винит. ед. с циркумфлексной интонацией корня и с такой же интонацией окончание ô: zîmô, golvô, pòvô, сербо-хорв. zîmu, glâvu, русск. зѣму, гòлову.

Ср. также solma, — с акцентом на корне, так как он имел интонацию акутовую; русск. солòма, чешск. slāma, словин. slāma (с восход. ударением).

Сравните ударение на суффиксе: goréti, smьrdéti tьrpéti, но ударение на корне с акутовой интонацией: vídèti, stýšati; сербо-хорв. v`defi, slîšati, — с краткостью гласного, указывающей на акутовую интонацию, при которой в этом языке долгота сокращалась (kràva); ср. литовскую параллель к суффиксальному гласному é, — параллель в виде è, соответствующем славянскому акутовому ударению: лит. smirdéti.

1 л. ед. наст. вр. pišô, češô, vežô; повелит. наклон. piš! pišitel češ! vež! Коренной слог в этих случаях имел циркумфлексную интонацию, а окончание акутовую. — Сербо-хорв. 3 л. ед. pîšē, čēšē. Если же коренной слог имел акутовую интонацию, то акцент не переходил на следующий слог: vídjo (сербо-хорв. vîđu, русск. вѣжу), mážo (серб. mážem, русск. мажу...).

б) Акцент перешел на предшествующий слог, имевший акутовую интонацию, — dŷpъ, dŷma: чешск. dŷm, сербо-хорв. dîm; лит. dúmai, но ср. др.-инд. dhūmáḥ, греч. θῦμός; слав. býti; чешск. býti; сербо-хорв. bîti; лит. būti; но ср. др.-инд. bhūtíḥ.

2) Происходили передвижки акцента в связи с метатонией. Так, напр., в сложных формах прилагательных: если именная форма прилагательных имела акцент на окончании, то в сложной

форме акцент падал на коренной слог и интонация являлась новоакутовая: *béló, goľó*; но — *béloje, béliyi, góloje, gólyi*; ср. чакав. и словин. *bélt, gólt* (с восходящ. удар.), диалект. русск. *гѹолой*. См. выше.

3) Особое замечание следует сделать о мене места акцента в сочетаниях имен с префиксами или с предлогами, — имен, имевших акцент на начальном слогѣ. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел издавна акутовую интонацию, передвижки акцента на префикс или предлог не произошло: *bérga*, на *bérgo* (ср. русск. на бер'бзу), *boľto*, на *boľto* (русск. на бол'то) и др. В сочетаниях, в которых начальный слог имени имел циркумфлексную интонацию, произошло следующее.

а) В одних случаях переноса акцента на префикс не произошло, — только интонация изменилась в новоакутовую: *rovōtŭ* → *rovōtŭ*; ср. русск. повор'т, словин. *rovŕat*; но без префикса: *vōtŭ*, русск. в'рот, серб., слов. *vŕat*; *rotōrŭ* (*tō* — с нисходящей интонацией) → *rotōrŭ*; ср. словин. *rotŕr, rotōbra*; ср. диалект. русск. *покуой* (покой), *налѡг, поклѡн...*, указывающие на некогда бывшее восходящее ударение в слогѣ с *o*, явившееся в эпоху доисторическую в.м. более раннего нисходящего.

б) В других сочетаниях акцент перешел на префикс или на предлог: *gōrdŭ, zāgorŕdŭ*, ср. русск. з'а-город; *otkūrŭ* → *ōtkurŭ*, ср. русск. ѡткуп, сербо-хорв. *ōtkur*.

Неодинаковость судьбы акцента в сочетаниях префикса или предлога с именем, начальный слог которого имел циркумфлексную интонацию, зависела, вероятно, от того, что образование этих сочетаний происходило в разное время. Одни из них относятся к раннему времени. Это — сочетания без переноса акцента на префикс. Другие возникли позднее. Это — сочетания с переносом акцента на префикс. Сюда же относятся сочетания с предлогами: во всех случаях представлен перенос акцента на предлог, если первый слог имени имел циркумфлексную интонацию. Но со слога с акутовой интонацией акцент не переходил на предлог.

Чередование гласных.

§ 161. Чередование гласных — определенная мена их в словах одного корня. Эта мена отражается и в корнѣ, и в суффиксѣ, и в окончании. Некогда она имела большое значение в системе индоевропейских языков, — значение грамматическое, служа одним

из элементов для определения грамматической категории слова. Напр.: слав. *berq*, *beresi...*, *pesq*, *peseši...*, *rekq*, *rečeši...* с гласным *e* в наст. времени, но *bogъ*, *posъ* (*prinosъ*), *rokъ*, *otrokъ...* в существительных; греч. *φέρω* — „несу“, но *φόρος* — „подать, дань“; чередование не в корне: греч. *λόχος* — именит. ед. — „волк“, *λόχη* — зват. ед.; слав. *vykъ* — *vyčē!*; греч. *πατήρ* — „отец“, с *ē* в именит. ед., *πατέρα* с *ē* в винит. ед., *πατρός* — с отсутствием гласного в слогe перед окончанием *-ος* — родит. ед., *πατράσι* — с иным видом суффикса в дат. множ. числа и др.

Все индоевропейские языки представляют указание на определенную систему рядов в чередовании гласных. Чередовались — *ě||ō||ē||ō* || редукция этих гласных. Реже в чередование входил гласный *a*. Но применение этих чередовавшихся гласных по грамматическим формам часто не совпадает в отдельных индоевропейских языках, — не совпадает вследствие обобщений в звуковом виде основы и суффикса в применении их к разным формам. А эти обобщения проходили не в одинаковом направлении в каждой индоевропейской группе. Происшедшие обобщения в звуковом виде корня и суффикса в разных формах затрудняют определить условия, при которых возникло это явление (чередование гласных). Есть основание полагать, что наличие *e* или *o* первоначально находилось в связи не с грамматическим значением, а было обусловлено фонетической системой, — положением гласного в отношении к ударению (к акценту): под ударением — *e*, вне ударения — *o*. Ср. греческое чередование: *πατέρες* — „отцы“ (именит. множ.) || *εὐπάτορες* — „знатные“; *φρένες* (именит. множ.; ед. *φρήν*) — „сердце, ум“ || *ἄφρονες* — „безумные“; *ψέω* — „пасу“ || *ψομεύς* — „пастух“; *σπέυδω* — „совершаю возлияние“ || *σπουδή* — „возлияние“; в латинском *terra* — „земля“, „страна“ || *extorris* — „изгнанный“.

В течение времени происходило обобщение, выравнивание в отношении звукового вида основы по родственным формам. В результате этого морфологического процесса произошли весьма сильные изменения в отношении чередовавшихся гласных в прежних рядах родственных форм: одни формы обобщили основу с гласным *o* вне ударения и под ударением, другие формы обобщились с гласным *e*. Напр., в греч. *φόρος* — „подать, дань“, с *o*, как и *φρά* — „несение, подати, уплата“, *φρεύς* — „носильщик“; *φόνος* — „убийство“ с *o*, как *φονεύς* — „убийца“ и т. п. Фонетическое значение чередования *e||o* (*e* под ударением, *o* вне ударения) сменилось во многих случаях значением грамматическим: тот или

иной звуковой вид основы или окончания стал указывать на грамматическую категорию слова.

Фонетического происхождения была и ступень редукции: она появлялась когда-то вследствие ослабленной артикуляции гласных \check{e} , \check{o} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} . Гласный, получавшийся в результате редукции \check{e} , \check{o} , невозможно определить в его образовании в наиболее ранних фонетических системах индоевропейских языков, — невозможно по той причине, что судьба его в отдельных языках различна. Условно обозначаем этот редуцированный гласный посредством буквы a (иное обозначение: e). У славян этот гласный изменился в \bar{y} , \bar{z} . Редукция гласных e , o иногда доходила до нуля звука. Напр.: 3 л. мн. *soťь*, причастие наст. вр. *su* (*съ*), но 3 л. ед. *jestь*; ср. и в др.-инд. *sánti||ásti*. Гласный, получившийся в результате редукции долгих \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} , тоже невозможно определить для давних систем индоевропейских языков по причине различной замены его по языкам. Условно обозначаем этот гласный посредством \bar{a} . У славян вместо него получился o , в др.-инд. i , в греч. и лат. \bar{a} . Ослабление артикуляции в образовании гласных \check{e} , \check{o} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{a} было вызвано каким-то положением слога с этими гласными в отношении ударения в слове. Но позднее морфологические акцентологические передвижки отразились и на применении ступени с результатом давней редукции: в некоторых случаях эта ступень оказалась не только вне ударения, но и под ударением или обобщена для той или иной грамматической категории некоторых слов.

В зависимости от положения в отношении к ударенному слогу находилось некогда и чередование кратких гласных с долгими.

Если чередуются гласные, образование которых различается в укладе органов речи, то такое чередование называют качественным: $\check{e}||\check{o}$, $\bar{e}||\bar{o}$: *běr -||bǫr-*, *sĕd -||sōd-* (*sĕd -||sad-*).

Если чередующиеся гласные различаются в количественном отношении, то это будет чередование количественное: $\check{e}||\bar{e}$, $\check{o}||\bar{o}$ ($\check{o}||a$); чередование кратких или долгих гласных с результатом их редукции: $\check{e}||^a$ (слав. $\check{e}||\bar{y}$ или \bar{z}), $\check{o}||^a$ (слав. $\check{o}||\bar{y}$ или \bar{z}), $\bar{e}||\bar{a}$ (слав. $\bar{e}||o$), $\bar{o}||\bar{a}$ (слав. $a||o$): *sĕd -||sĕd-* (*sedьto || sĕdĕti*), *g^hhǫr -||g^hhōr-* (*gorĕti || garь*); *berǫ || bьrati*; *gon'ǫ || gьnati*; *spĕti || sproǫ* (o вм. \bar{a}).

Бывает и чередование смешанное, качественно-количественное: *sedьto || sadь* (a вм. \bar{o}), *žeravь* („раскаленные угли“) $||$ *garь*.

§ 162. При изучении чередования гласных по отдельным индоевропейским языкам приходится выделять особо слова с дифтонгами в широком значении этого термина, т. е. сочетания е, о с і, ѳ, м, п, г, л в разных фонетических положениях. Сущность чередования здесь та же, что и вне сочетаний с і, ѳ, м, п, г, л. Но фонетические процессы, пережитые отдельными языками, сильно изменили звуковой облик этих чередований.

В индоевропейских языках имеются следы таких чередований, в которых в состав корня или базы входило сочетание: гласный + согласный шумный или сонорный і, ѳ, м, п, г, л + гласный. В этой базе один из гласных представлял собою результат редукции: если в первом слоге был гласный е или о, то во втором находился редуцированный э (результат редукции ē, ō, ā): etə-, otə-; если во втором слоге был ē, ō, ā, то в первом слоге был результат редукции ^а или нуль звука: ^аtē- (tē-), ^аtō- (tō-) ^аtā- (tā-).

Если за базой etə, otə следовал гласный, то э отсутствовал: et, ot, ^аt (t). Например:

греч. πεσέομαι (вм. πετέσομαι) — „упаду“: отражение базы petə-;

греч. πεπτῶς (πε-πτῆ-ώς) — „упавший“: отражение базы ptē-;

греч. πέπτωχα (πέ-πτω-χα) — „упал“: отражение базы ptō-;

др.-инд. patitáḥ (pati-taḥ) — „упавший“: отражение базы p^аtə-.

Особо нужно учитывать двухслоговые базы с і, ѳ, м, п, г, л: различные фонетические процессы пережиты этими сочетаниями в отдельных индоевропейских языках.

Отметим звуковой вид ступени редукции двухслоговых баз при положении между согласными: Т вм. eіə-, ѳ вм. eѳə-; \bar{m} (^аm) вм. emə-; \bar{n} (^аn) вм. enə-; \bar{r} (^аr) вм. erə-; \bar{l} (^аl) вм. elə-: tīt, tūt, tīt, tīt, tīt, tīt; в фонетике славян Т → Т; ѳ → у (ы); \bar{m} , \bar{n} (^аm, ^аn) → е; \bar{r} (^аr) → ьг, ьг; \bar{l} (^аl) → ьл, ьл; интонация в этих слогах, как и в слогах с or, ol, er, el вместо двухслоговых сочетаний, была у славян восходящая; в литовской группе l̄m, l̄n, l̄r, l̄g, l̄l, l̄l. Например:

слав. р̄л̄п̄ъ; лит. p̄l̄nas, др.-инд. p̄r̄ṇá — вм. p̄l̄p̄-;

но ср. др.-инд. p̄r̄ṇam (p̄r̄ṇi-nam) — вм. p̄elə-;

греч. πολός (пол-ός) — „многий“ вм. pol-;

лат. plēnus — „полный“, греч. (гомеров.) ἐπλητο (ē-plē-to), др.-инд. aprāt — „он наполнил“ — вм. plē- (с редукцией первого гласного).

§ 163. I. Во всех индоевропейских языках имеются слова, представляющие особый ряд чередований: именно, долгие гласные ē, ō, ā и их редукция э (вместо э в славянской группе о, др.-инд. i, греч. α, лат. ā). Это чередование представляло некогда такой вид:

ē||ō||э

ō||э

ā||э

Перед гласным э в этих случаях, как и в других сочетаниях, утрачивался. Слав. 3 л. мн. *daděť* (da-d-ěť в м. дō-d-^аŋti), др.-инд. *dādati* (da-d-ati в м. дō-d-^аŋti), восходящие к основному (dād^аŋti). Другие примеры отмечены будут ниже.

§ 164. В славянской языковой группе ряды чередования, возникшие в более ранней системе, подверглись сильному изменению вследствие фонетических процессов, происходивших в этой группе. В ряде случаев фонетические изменения затемнили связь одних и тех же корней, суффиксов, окончаний в разных словах и формах, как это покажут примеры, сообщаемые ниже.

Но в славянской группе грамматическое применение принципа чередования гласных имело в некоторых случаях актуальное значение, служа приметой для грамматической категории. Так, долгота коренного гласного в глаголах была связана в ряде случаев с итеративным значением основы: *l̄p̄eti* → *lipati* (*prilipati*), *gn̄et̄o* — *ugn̄etati*, *prosīti* — *prašati*. Так возник и новый ряд глагольных основ с долготой гласного, с *i* в чередовании с *ь*, с *y* (ы) в чередовании с *ъ*: *byrati* — *birati* (*izbirati*), *d̄ym̄o* („дую“) — *d̄ymati* (*v̄zdymati*). Но не во всех случаях гласные *i*, *y* (ы) в глагольной основе представляли результат удлинения: они могли представлять собою замену давней ступени редукции двухслоговых баз: I замену *ēj̄э*; *ū* (→ *y*) замену *ēj̄э*; гласный *i* у славян заменял также гласный I и дифтонг *ēj̄*.

žiti; *i* того же происхождения, как и в прилагат. *živъ*; др.-инд. *jivah̄*; давняя база *g^нi-* — редукция базы *g^нēj̄э*, *g^нje-*;

t̄ȳti — „становиться жирным“; серб. *t̄iti* (в м. *т*), чешск. *t̄yti* (долгота прежнего восходящего ударения); ср. др.-инд. *t̄iuaḥ* — „сильный“, греч. *τῶλη* — „опухоль“; с тем же суффиксальным элементом *-l-* слав. *tuľь* — „затылок“ (чешск. *t̄yl*); в основе лежит давняя база *t̄i-*, — редукция баз *tēj̄э*, *tōj̄э*, или *tō̄j̄э*; ср. указания на *tōj̄э* — *tō̄j̄э*: слав. *tovъ*, серб. *tōv* — „тучность“, чешск.,

русск. otava, словин. otáviti — „подкреплять силы“, чешск. otaviti se — „выздороветь“.

Отметим теперь примеры чередования гласных, относящихся к славянской группе. В начале представляем столбец основного ряда чередования, в следующем столбце — чередование с результатами процессов славянской группы. При этом заметим, что не все ступени с чередованием гласных удержались в том или ином индоевропейском языке: многие слова с разными степенями чередования вышли из употребления.

§ 165. ě — e

ǫ — o

ě — é, а (а после палатальных согласных)

ō — a

* (ступень редукции) — ъ, ѝ, нуль звука.

tekǫ || tok, potokъ, otokъ — „остров“ || tĕchъ — 1 л. ед. сигматического аориста (tĕk-s-on), utĕkati || tak-, tačati (ст.-сл. *istatati*) || tьci | повелит. накл. || ticati;

godъ („определенное время“), godina (то же значение): *поздъ же бѣвъшю припадѣ оучѣ[ни]ци сго глѣше поуство в мѣсто н годъ юже минъ-отъпѣсти народы* (Савв. кн.). В соответствующем месте (Матф., XIV, 15) других старославянских памятников находится *година* (напр., в Мариин. ев.) || žьdati || židati, ožidati; *мене жндѣтъ гръшъници погубѣти мѣ* (Син. пс.), *ждѣтъ тебе* (Син. тр.);

pletǫ || plǫtъ, zaplǫtъ || съplĕtati, zaplĕtati || съplitati;

rekǫ || gokъ, otrokъ || rĕchъ — 1 л. ед. сигматич. аориста (rĕk-so-n) rĕkati (ст.-сл. *izrĕkati*) || rьci || ricati, proricati;

grebǫ || grobъ — „яма“ || grĕsъ — 1 л. ед. сигмат. аориста (grĕb-so-n), grĕbati, progrĕbati || grabiti || grъbĕti — „быть погребаемым“ || gribati;

pled-mę → plemę || plǫdъ;

terlъ (ter-lъ) || torlъ, toriti;

пазнегътъ || пазногътъ („ноготь“);

česati || kosa — „волосы“;

lemechъ || lomiti;

sedьlo || sĕsti || sadъ;

skel- (ščel-ъ) || skōl- (skala). Ср. лит. skėlti „колоть“ || skalā — „щепка“;

de- в основе с удвоением корня de-d- (d вм. d^o — нулевая ступень в чередовании) || dĕ-, dĕ-dĕ (перед гласным dĕd-). Это

чередование *вм.* основного чередования *dhē-* (*dhēdh-*) || *dhē-*, *dhēdhə-* (*dhēdh-* — перед гласными) — „класть, ставить“. Ст.-сл. *дежда* — „кладу“, ст.-сл. *нажда*, *ожда*; *ї одеждѣ съ ѡко одеждѣ студомь своімь* (Син. пс.), *вѣсжди прѣсты въ оухѣ сго* — „всунь пальцы в его ухо“ (Син. тр.) || *dēti* — „класть“, „ставить“, *dē̆q̆, dējati* || *sq̆z̆* (*sq̆-d-z̆*; *sq̆-* префикс как в *sq̆sēd-z̆, sq̆sēk-z̆*) — „суд — *judicium*“ и „*vas* — сосуд“. Ср. др.-инд. *dadhmaḥ*, лит. *deste* — 2 л. множ. || др.-инд. *ádhām* — „я положил“, греч. *τίθημι* (-θη-) буд. вр. *θήσω*, лит. *dēti* || др.-инд. *nidhīḥ* (*ni-dh-i-ḥ*) — „сбережение, сокровище“; *poziti*, *pož* (*вм.* *poz-jo-*), *pъziti* (ст.-сл. *пронъзити*) || *pronizati*; *choditi* || *prichadjati* (ст.-сл. *прихаджати*) || *šьdz̆, šьdz̆ša* (ср. русск. „хаживать“) || ст.-сл. *оушиць* — „беглец“; *leg-*; *legti* (ст.-сл. *лѣши*) || *log-z̆, роlog-z̆, lože* || *lèg-*; *nalègati* || *lag-*; *poлагati*; *jesmь* || *sq̆z̆, sy(сѣ)* — именит. ед. мужск. р. причастия наст. вр.

В суффиксах и окончаниях.

neseši (*nese-ši*), *nesetь...* || 3 л. мн. *nesq̆z̆* (*вм.* *neso-nti*); основа причастия наст. вр. *nesont-* (именит. ед. мужск. р. *nesy*, род. ед. мужск. р. *nesontja*, ст. сл. *несѣща...*).

каму (*вм.* *kamōp*) в именит. ед. || *камен-* — в других формах: *камене*, *камені* и др.; *sēmę* (*вм.* *semēn*) в именит.-вин. ед., но в других формах *semen-*: *seмене*, *seмена...*

небо (*вм.* *nebos*) — в именит.-вин. ед. || *nebes-* — в других формах: *neбесе*, *neбеса...*

вълкъ (ъ *вм.* -*os*) в именит. ед., *вълкоть* — дат. мн. || звательный ед. с -*e*: *вълчел* (ср. греч.: *λύκος* — *λύχελ*) || им.-вин. двойств. числа не -*ǫ*, а -*ō* → а: *вълка* — „оба волка“, *voza*; ср. греч. *λύκω*.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 166. II. <i>em</i> (en)	<i>em</i> (en)	е
<i>om</i> (on)	<i>om</i> (on)	о
<i>ēm</i> (ēn)	<i>ēm</i> (ēn)	е с восход. интон.
<i>ōm</i> (ōn)	<i>am</i> (an)	о с восход. интон.
<i>м</i> (или <i>ш</i> , <i>п</i> или <i>п</i>)	<i>ьм</i> , <i>ъм</i> , (<i>ьп</i> , <i>ъп</i>)	е
<i>м̄</i> (<i>м̄</i>), <i>п̄</i> , <i>п̄</i>)	удлинение <i>um</i> , <i>im</i>	е с восход. интон.

В этих рядах чередования гласных были замены давних однословных и двухсловных баз. О двухсловных базах и о результатах их редукции (*м̄*, *п̄*...) см. выше, § 162.

em-: emati: — „братъ“: смати плоды (Савв. кн.), земля, земледельць, лѣхоемство (Син. пс.) || ьм-: въз-ьм-о, съп-ьм-ъ, ср. синонимическое имя съ-бог-ъ („собор, собрание“), съп-ьм-ище („место собрания, сонмище“), ь-ьм-о → imo, imo||e — перед согласным: въз-е-ti, ь-е-ti.

мьнѣти || памѣть || помѣнати || поминати. Ср. лит. minėti, atmintis. громъ || гръмѣти.

streмѣ || Stromъ — „дерево, ствол“ || стръмь.

ženо, ženeši — „гоню, гонишь“ || gonъ, goniti || gan'ati || гънати.

zvон || звонъ (zvон-ko-) || звѣкъ || звьнѣти-; ср. чередование в литовском: žvėngti — „ржать“ || žvangėti — „звучать“ || žvėngti — „заржать“.

pop-, opona (o-pop-a), oрс-pop-ъ (распонъ), заронъка || poto (ponto) || pėti || рьпо — „натягиваю“ || pinati, propinati.

kop-, копъ или копь („начало“): поконь („начало“) прьмдростн (Син. пс.), копсь („маленькое начало, конец“), iskonі || četi, pačeti (восходит к kop- или k'п-) || начьпо || начинати. Ср. латышск. atkan — „снова“.

teга, teгати || toгъ, toга, tožiti.

seк-: seкonti — „течь“, чешск. sáknouti — „просачиваться, иссякать“, русск. сякнуть („вода сякнет ис катки“ — Среднее Поволжье) || soк-: sočiti, ст.-сл. исжунти, прьсжунти — „прекратить течение, высушить“: ты вако раун („соблаговоли“) мнъ прьсжунти истоуиннъ крѣкн свѣ (Син. тр.). Ср. лит. seika, sekti — „падать, течь вниз“.

blѣдъ — „заблуждение“ || блѣдъ.

preгъ, zapreгати || proгъ, soпрогъ — „один из двух волов в одном ярме“: другы рече сьпржгъ воловѣтнхъ коупнхъ патъ — „другой сказал: я купил 5 пар волов“ (Марин. ев.); Константин (Кирилл), умирая, говорил своему брату Мефодию: „сз братре въ сьпржгъ вѣаховѣ юдннъ брздж тажаштѣ, и азъ на лѣсъ падамъ свен днь ськонувѣ“ — „Вот, брат, мы с тобой были два вола, тянущие одну борозду, и я на борозде падаю, закончив свой день“ (житие Мефодия).

treсо, treseši || troсъ.

meто, meтеši, meтезь || moтiti, съmoта.

leкo — „сгибаю“ || loкъ — „лук“, loка — „излучина, луг“: налматеть лѣкъ свон — „натянет свой лук“, (Син. пс.). Ср. лит. lenkti — „сгибаюсь“ || lanká — „луг“, как renkij — „подбирать“, „собирать“ || ranká — „рука“, слав. roka.

čęstъ — „частый“ (k^ач-сто-) || komъ; ср. в литовском *ki^mštas* — „набитый“, *ki^mšti* — „набивать“, „затыкать“ || *kams* — „ком, глыба“, *kamūti* — „давить“, „набивать“.

čęstъ || kqъ — „кусок“, *kqati*: корень *kond-* — суффиксальный элемент *-so-*. Ср. в литовском: *kānda*, *kąsti* — „кусать“, др.-инд. *knādati* — „он раскусывает“.

dq̄i (dq̄- — восходит, может быть, к *dom-*, перед согласным, а не к d^ач-) || dъmъ — „дую“, *padъmenъ* (na-dъm-enъ) || *dumatī*, *vъzdumatī*. Отметим образование того же корня в литовском и др.-индийском языках: лит. *dumiū*, *dūmti*, др.-инд. причастие *dhamitā*, аорист *adhīmasīt*. Все эти формы указывают на давнюю слоговую базу с ее редукцией *dhemə-*, *dhom-*, *dh^аm-*.

Перед гласным:

Перед согласным:

§ 167. III.

<i>er</i> (e)	<i>er</i> (e)	<i>er̄</i> (e)
<i>or</i> (o)	<i>or</i> (o)	<i>or̄</i> (o)
<i>ēr</i> (ē)	<i>ēr</i> (ē)	<i>er̄</i> с восх. интон.
<i>ōr</i> (ō)	<i>ar</i> (a)	<i>or̄</i> с восх. интон.
<i>er̄</i> (или <i>er̄</i>), <i>er̄</i> (или)	<i>yr̄</i> , <i>yr̄</i> (y , y)	<i>yr̄</i> , <i>yr̄</i> (y , y)
<i>er̄</i> (или <i>er̄</i>), <i>er̄</i> (или <i>er̄</i>)	удлинение <i>ir̄</i> , <i>ur̄</i> (i , u)	<i>yr̄</i> , <i>yr̄</i> (y , y) с восход. интон.

Сочетания *er̄*, *e|*, *er̄*, *o|*, *yr̄*, *y|*, *yr̄*, *y|* подверглись изменениям в славянских языковых группах. См. выше §§ 94—97; 101—107.

В рядах чередования *er*, *or*, *o|* и т. д. были сочетания, одни из которых восходили к однослоговым базам (*er-*, *or-*, *er̄...*), другие к двухслоговым и их редукциям (*erə-*, *er̄e-*, *orə-*, *er̄o-*, *er̄-*, *er̄-*):

berq̄, *berme* (*ber-me*; ст.-сл. *врѣма*) || *borъ* || *byrati* || *birati*, *nabirati*; *žeravъ* — „раскаленные угли“ || *gorēti* || *žarъ* (*žer-*, а это *вм. g^аher-*). Ср. отражение *g^аher-* || *g^аhor* — в др.-индийском, греческом, латинском: др.-инд. *gharmāḥ* — „теплота“, греч. *θερμός*, лат. *formus* — „теплый“.

stergo, *steržeši* (ст.-сл. *стрѣжа*) || *storža* (ст.-сл. *стража*).

verēja, *verti*: южн.-сл. *vrēti* — „запирать“ || *voгъ*, *zavoгъ* — „запор“, *vorta*: южн.-сл. *vrata*, вост.-сл. *vorota*.

verteno (*vert-eno*): южн.-слав. *vrēteno*, вост.-слав. *веретено*, *verme* (*вм. vert-mēn*; южн.-слав. *vrēme*) || *vortiti* (южн.-сл. *vratiti* || *vьrtēti*, *vьrsta* (*вм. vьrt-ta*). Те же виды корня отражаются и в других индоевропейских языках: *vert-*: лит. *veĩsti* — „что-

нибудь вертикально вращать*, лат. *vertō* — „поворачиваю, вращаю“, др.-инд. *vārtate* — „вращаться“, *vārtman* — „колея, путь“; *vort*: лит. *vartýti*; *vrt*: лит. *virtaû*, *viřsti* — „падать“, „опрокидывать“, др.-инд. *vṛta* — „образ жизни“.

mer-, *merti* (южн.-сл. *mṛēti*, русск. мереть) || *mogь*, *moriti* || *umar'ati* || *umirati*. Ср. лит. *mėrdeti* — „быть мертвым“ || *peparūs* — „бессмертный“ || *mir̃ti* — „умирать“.

žer-: *žer-dlo* („пасть“, „отверстие“, „устье реки“): ст.-сл. *ждръло*, *жръло*, белорусск. *жерелó*, русск. *ожерёлок* („ошейник“), украин. *джерело* („жерло“, „источник“), чешск. *žřidlo* → *zřidlo* („источник“) || *žьг-*: *žьг-a-ti* — „глотать“, *žьг-dlo* (то же значение): ст.-сл. *ждръло*, др.-русск. *жърло*, украин. *жорло*, серб. *ždŕlo* || *гьг-dlo*, *гьг-jo* („горло“); тот же корень, распространенный посредством *t* — *гьгт-ань*. Ср. в литовском чередование *ger-* || *gur-*: *gerkle* („горло“), *gurkl̃ys* („зоб“), др.-прусск. *gurkle* („горло“). Основное *g^uer-* || *g^ur-*.

сьрогь (*сь-рог-ь*) || *пьр̃ēti*, *сьр̃ьг-ь* (*сь-р̃ьг-ь*) — „противник в споре“ || *pirati*, *perpirati* (ст.-сл. *пръпирати*).

per-, *perti* (южн.-сл. *pṛēti*, вост.-сл. *перети*) || *рог-*, *орога* || *рьгo* — „подпираю“.

čert-, *čersti* (вм. *čert-ti*; *čert-* вм. *kert-*) — „резать“ (ст.-сл. *чръсти*; русск. *о черести* — „определить границу, провести пограничную черту“) || *kort-*, *kortькь* (южн.-сл. *kratькь*, вост.-сл. *короток*); *kortь* — „раз“, „удар“ (южн.-сл. *kratь*, ст.-слав. *двакраты*) || *čьрт-*, *čьрта* — „черта, штрих“; *čьrtadlo* — *čьrtalo* — „нож“: русск. *чертало* — „сошной нож“, болгарск. *чертало* — в том же значении. Ср. литовские соответствия: *kertù* || *kiřsti* — „рубить“ || *kařtas* — „раз“, в др.-индийском: *kr̃tati* — „он режет“, *kr̃tiḥ* — „нож“.

vel-, *velēti* || *voliti*, *vol'a*, *dovolь* — „достаточность, довольствие“: да в'сегда в'сѣкъ доволъ имѣше (Син. тр.); ѿ своего добола (Галицкое ев. 1266—1301 гг.) || *вьл̃ēti*, *довьл̃ēti* — „удовлетворять“: довьл̃ѣють намъ си — „нам достаточно этого“ (Супр. рук.), довьл̃ѣють ти подвигнати са (Син. тр.), двѣзма сътома сьрверьникъ хлѣбн не довьл̃ѣють имъ — „им недостаточно на 200 серебрянников хлебов“ (Остром. ев.).

mel-, *melti* (южн.-сл. *ml̃ēti*; русск. *молоть*) || *моль* || *мѣль* || *мыльпъ* — „мельница“.

stel-, *stel'o* || *stoľ* || *стѣлати* || *стилати*.

delb-, *delto* (вм. *delbto*; южн.-сл. *dl̃ēto*) || *dolto* (вм. *dolbto*; южн.-сл. *dľato*) || *дълбити*.

telk-, telkti (ст.-сл. тѣлѣти) ||tolčiti (южн.-сл. таѣти) ||тылқ.

velk-, velkti (ст.-сл. вѣлѣти) ||volkъ (южн.-сл. vľakъ), obolko (вм. obvolko; южн.-сл. obľako) ||vyk-, obylčeno (вм. obvylčeno). Ср. те же ступени чередования в литовском: velkù — „волоку“ ||žvalkas — „наволока“ ||vilkti.

ter-, terti (ст.-сл. трѣти, чешск. třiti, русск. тереть) ||тогъ, zatorъ ||тыг-, тыти, прич. прош. врем. страдат. зал. тытъ (серб. tǐti, с ` вм. давнего т) ||тыг-, тыгъ. Того же образования корень отражается в других индоевропейских языках: лат. terō — „тру“, греч. τέρβς — „проницательный“, греч. τράυης — „проникающий“ (греч. ρά, как и слав. бѣ, указывает на более раннее *ṛ или ř). Имеются и другие варианты этого корня: греч. τέρετρον — „бурав“, лат. terebra — „бурав“, восходящие к базе terə-; греч. τρήτός — „пробуравленный“, др.-верхн.-нем. drājan — „вытачивать“, восходящее к базе trā- или tʳā-; греч. ττήρωσχω (τ-τρώ-σχω) — „раню“, восходящее к базе trō- или tʳō-. Следует полагать, что в основе индоевропейских образований с этим корнем лежала двухслоговая база terə- || togə- и ее изменение.

der-, derq, dereši; dervъn'a (русск. „деревня — поле, полевые угодья, поселок с полевыми угодьями“) ||догъ, озздогъ (южн.-сл. razdogъ, название пункта поселения русск. Дор — пункта, возникшего на месте, на котором выдраны деревья) || déra — „дыра“, украинск. діра, чешск. díra ||darъ, udarъ ||dъrati — „драть, колоть“ (лит. durti — „колоть“) ||dyra ||dъrati — „сдирать“ (лит. dirti — „сдирать“), дыгънъ (дыгъ-нъ) ||dirati, sъdirati, zadirati. Ср. еще лит. dūriau (в прош.врем.), греч. δῆρις — „борьба, спор“, греч. δέρω, аорист ἐδάριον — „сдирать кожу“, др. инд. dṛnāti — „трескается“, „лопается“. В семантическом соответствии славянскому dervъn'a — „деревня“ находится лит. dirvā — „поле“. Во всех этих сочетаниях отражается давняя база derə- || dorə- || der- || dor- || dʳə- || dʳt-(dr-).

vog-, — южн.-сл. izvogъ — „ключ, источник“ ||varъ — „кипяток, жара“, variti ||vъrēti — „кипеть“ ||virъ — „водоворот, пучина“. Ср. лит. vérdū — „варю“ || varūs — „кипящий, варящийся“ || vūrti — „кипеть, бить пеной, варить“ (восходит к базе verə- и к результатам ее изменения).

zog-, zogъ, rozogъ, zog'a ||zogъkъ (zog-къ; южн.-сл. zgakъ) ||zar'a || zъrēti || zirati, pazirati. Ср. лит. žerėti — „лучезарно сиять“, žarijā — „раскаленные угли“. Восходят к базе g'herə- и к результатам ее изменения.

dervo (южн.-сл. drěvo) ||sъdogvъ (sъ-dogvъ; ст.-сл. съдравъ) ||dгъva.

Семантическую параллель представлял др.-индийский язык: *darīnaḥ* — „крепкий, жесткий“ — *dāru-||dru* — „дрова“. Ср. лит. *dervà* — „сосновое дерево“ || латыш. *darva* — „деготь“ || латыш. *dūore* — „посудина, выделанная из одного дерева“. Ср. греч. *δέντρο* — „дерево, балка“ || *δρυός*, родит. ед. к *δρῦς* — „дуб“; др.-инд. *dru-vāyaḥ* — „посуда из дерева“; гот. *triu* — „дрова, дерево“. Во всех этих словах отражается в основе база *derəu-* || *dorəu-* || *dʰrəu-* или *dreu-* (гот. *triu*) || *driu-*. Неясны условия, при которых появились в литовской группе гласные *i*, *u* при *g*, *e* (*ig*, *ug*, *il*, *ul*), *a* в славянской в соответствии с этим *ь*, *ъ* (*ьг*, *ьгъ*, *ьл*, *ьл*). Неодинаковость гласного бывала иногда в одном и том же корне. Выше отмечены *d̄yati* и *d̄yati*, лит. *d̄irti* и *d̄irti*. С разным звуковым видом стало различаться в значении основы слав. *d̄rti*, лит. *d̄irti* — „сдирать“, слав. *d̄rti*, лит. *d̄irti* — „колоть“. Еще пример такого различия гласного при плавном на ступени редукции: слав. *sk̄rbь* — „скорбь“ (серб. *skrb*); ср. лит. — жематийское *skuĩbti* — „находиться в жалком состоянии“, латыш. *skũrbt* — „становиться бессильным“; но слав. *ščьrbь*, *ščьrba* — „зазубрина, щербина“, латыш. *šk'irba* — „трещина, щель“ || *skafbs* — „острый“. Ср. также др.-верхн.-нем. *scirbi* — „черепок“ (*Scherbe*) || *scarbō* — „резать на куски“. Выше было отмечено также чередование *žer-* || *žьг-* || *гьг-*: *žerdlo* — *žerlo* || *žьrdlo* — *žьrlo*, *žьrati* || *гьrdlo* — *гьrlo*, *гьrtanь*. Чередование гласного на ступени редукции представлено было и в др.-инд.: *girāti* — „проглатывает“, *gūrtāḥ* — „съеденный“, „проглоченный“.

§ 168. IV.

	Перед гласным:	Перед согласным:
<i>eu</i>	<i>ev, ov</i>	<i>ju</i> → 'у
<i>ou</i>	<i>ov</i>	<i>u</i>
<i>ēu</i>	<i>ěv</i> перед гласн. передн. р.	<i>ju</i> → 'у с восходящ. интонацией
<i>ōu</i>	<i>av</i>	<i>u</i> с восходящ. интонацией
<i>й</i>	<i>ьv</i>	
<i>ū</i>	<i>ьv, uv</i> в глаголах итеративного значения.	<i>у</i> (разного происхож- дения)

В ряду этих чередований имеются слова, одни из которых восходят к однослоговой базе, другие к двухслоговой с ее редукцией: *euə-*, *ouə-* и к их изменениям: *ʷeu-* (*uē-*), *ʷō-* (*uō-*), *uə-*, *ū-*.

В славянской группе, кроме корней (баз) с у(ы) вместо ū, представлявшего ступень редукции двухслоговой базы, появились основы с новым коренным у(ы) в итеративных глаголах, имевших основу с ъ: бѣв-(zabъvenъ)||buvatī, как дѣтѣ — „дую“, падѣмѣнъ||dumatī, въздѣматī:

гудѣ, guda||гудѣти, гудѣтъ — „красновато-желтый“; гудѣја — гудѣа — „ржавчина“||гудѣја → гудѣь — „рыжий“. Ср. в литовском gauda — „красная краска“||gūdas — „краснобурый“, греч. ἐρυθρός — „красный, темнокрасный“||лит. gūdis — „ржавчина“.

дупа, duplo, дупѣка — „отверстие, дыра“||дѣпо (вм. дѣрно). Ср. лит. dubùs — „глубокий“ и dūgnas вм. dūpnas — „почва, грунт“.

губити, sugubъ — „двойной“, собств. „согнутый“; такое же значение su- отражается и в таких прилагательных по болгарским говорам: суголѣм — суголем — „довольно большой“, сумале-чок — „маленький“ (примеры из Македонии; того же значения слово было в древнеиндийском sū (на ступени редукции) — „хорошо“||губ-, губѣти (вместо губ-пѣ-ти)||gubati, губѣль. Ср. значение литовского linkas в таких словах: dvilinkas — „двойкий“, „двойной“, trilinkas — „тройкий“, „тройной“; тот же корень на полной ступени в глаголе lenkiù, leiŋkti — „гнуть“.

bl'udŋ, bl'usti (восходит к bheud-)||buditi (восходит к bhoud-)||бѣдѣти, бѣдѣтъ (бѣд-тъ).

kruchъ, ukruchъ — „ломоть хлеба“, krušiti — „ломать“||кгъша, кгъшька.

трец-||trou-: натроути („накормить“, синонимическое напнѣти), натровешн („накормишь“): натровешн нѣхъ хлеба слезьна I напоиши нѣхъ слезь въ мѣрж (Син. пс.); truti, otruti („травить, отравить“); otrovъ („яд“)||treu-: trēva (ст.-сл. и совр. болгарск. трѣва первоначально имело значение „корм“, затем „трава“)||trou-: trava („корм“, затем „трава“), potrava, съtrava („пища“), otravъ („яд“), otraviti.

дѣжг-||douzg-: — ст.-сл. дѣжа — (дѣждь)||доужд-: доуждѣвѣвшихъ вода (Супр. рук.);

studъ, studja → stūda (русск. стужа)||stydъ.

пупѣ||пѣнѣ — русск. (диалект.) нѣне, пѣ — „но“. Ср. чередование в других индоевропейских языках: др.-инд. pí — „ныне“, греч. νῦν — „ныне“, лит. pūpaĩ, сев.-герм. pūpa||др.-инд. pí — „теперь“; греч. νῦν, νῦν — частицы усилительного значения: „ну, же“, лит. pū — „теперь, ну!“ — Производные имена прилагательные др.-инд. pávan — „новый“, греч. νέος, лат. novus, слав. новъ.

převínât — „заставлять лететь“, греч. πλέω — „плыву на корабле“, др.-инд. plávate — „плавает“ || лит. pláuti — „полоскать“, греч. πλώω — „плаваю на корабле“ || др.-инд. plāvayati „пускает плавать“ || греч. πλύνω — „мою“, латыш. pluts — „плот, паром“. Эти образования восходят к двухслоговой базе p̄leūa-||p̄loūe- и к ее редукции.

zov̄o||z̄vati||zuvati, prizyvati. Ср. лит. žavėti — „говорить, пересуживать“, др.-инд. hāvītavē — „кликать“, havih — „жертва“. Двухслоговая база и ее редукция g'heūa-.

byti||baviti||b̄ven̄ь, zab̄ven̄ь||byvati. Ср. лит. būti, būvo — „был“, др.-прусск. buvinaiti — „жить, обитать“, др.-инд. bhāvati — 3 л. ед. „есть, становится“ || буд. врем. bhaviṣyāti || аор. ábhūt. Эти и другие образования для глагола „быть“ имеют основы, восходящие к двухслоговой базе b̄heūa-||b̄hoūa- и к ее редукции (bhū-, bhū-).

kvas̄ь||kysn̄oti. База давняя keūas-||kūōs-||kūs-.

chvatati || chut̄ь — „желание“ || chot̄eti || ch̄t̄eti || chytit̄i, chytr̄ь (chyt-гь). Ср. значение ѡvъкъ и ѡviti. — Восходят к сочетаниям с заменой базы k̄hoūa-||k̄hūōt-||k̄hoūt-||k̄hūt-||k̄hūt-||k̄h̄et-.

kūōr-: kvarit̄i — „спешить“, „торопиться“ || kūr-: кур̄eti; ст.-чешск. кур̄ḡ — „старательный“, „деятельный“. Основной вид — двухслоговая база k̄ūēr-||k̄ūōr-||kūr- (ступень редукции).

ch̄uog- (вм. ch̄uog), chvoḡь — „больной“ || chouḡ (вм. chouḡr), chug-: чешск. chugav̄y — „больной“ || chūr (ступень редукции двухслоговой базы): chug-: chur̄eti — „слабеть“.

В суффиксах: в основах на- ŷ: в именит. ед. основа с -ŷ → ъ: суп̄ь, ср. лит. sūnūs; в родит. ед. основа с -oū: супу; ср. лит. supaiūs; в дат. ед., в именит. множ. основа с -ov̄ перед гласным: супові (дат. ед.), супове (именит. мн.); в местн. ед. основа с -ōū: супу; ср. др.-инд. sūn̄zu; в именит.-вин. двойств. основа с -ū: супу.

§ 169. V.

Перед гласным:

Перед согласным:

eĭ	ьj (ьĭ)	i
oĭ	oj (oĭ)	e
ēĭ	ěj (ěĭ)	i с восходящей интонац.
ōĭ	a, (aĭ)	ě с восходящей интонац.
ī	ьj (ьĭ)	ь :
ī	ьj (ьĭ)	i

i появился и в новых образованиях, в итеративных глаголах (nabirati...)

В рядах этого чередования были образования с заменами давних основ с односложной или двухсложной базой.

lèpiti||l'pèti, l'pŋti (вм. l'pŋŋti)||lipati. Ср. латыш. pēlaire — „припек в хлебе“ || лит. limpù, lipti.

svěť||světèti, sv'pŋti (вм. sv'pŋŋti) — „блеснуть“ (о свете, о заре): свѣтъло свѣтатъ са (Син. тр.) ||svitati. Ср. лит. švaisà — „проблеск“ || švintù, švisti.

slěpъ||sl'p-: osl'pŋŋti → osl'pŋti — ст.-сл. осльпѣти, авр. осльпъ, чешск. oslnouti, польск. oślŋć вместо oślnŋć.

tiskъ||tèsk-по → tésno, tèsk-to → tèsto, тѣснѣ — „пресс“ — в среднеболгарском Търновском ев.

tichъ||tèch-: utècha, tešiti.

strig-(str'g-, stre'g-)||strèg-(stro'g-): постричь власы, постригатица, постриженне (Син. тр.).

čistъ||cèditi, cèstiti — „чистить“. Ср. лит. skýstas — „жидкий“ || лит. skáidyti — „отделять“, skaidrùs — „светлый, ясный“

viti||v'jŋ||voi (вм. vo'ь)||vèpъсь.

piti||p'jŋ||poi (вм. po'ь); paroi||pajati; parajati.

ripŋti||roi (вм. ro'ь)||rèjati.

pъsati, pъstrъ||pisati.

pъchati, pъšeno||pichati.

liti||l'jŋ||lèjŋ||loi (вм. lo'ь) — „сало“. Ср. лит. lėju, lėjan, lėti||lyjù, lijaũ, lyti. — Двухслоговая база lejə-.

žiti, živъ||goiti (вм. go'iti) „выращивать“, goi (вм. go'ь) — „мир, изобилие“ ||gai (вм. gai'ь) — „лес, роща“; ср. в семантическом отношении русск. роща (вм. orstja; orsti → rosti). Ср. образования с соответствующим корнем в других индоевропейских языках: др.-инд. jIvaḥ (džIvaḥ) — „живой“, лит. gývas, лат. vIvus || др.-инд. gáyaḥ — „дом“, др.-иран. gayō — „жизнь“. База g'ejə- || g'o'ə- и результаты ее изменения.

В суффиксах: в основах на -й в именит. ед. основа с -й → ь: gostъ; родит. ед. основа с -ej → i: gosti; в именит. множ. основа с ej перед гласным окончания (-es); gostъje (вм. gostej-es), в именит.-вин. двойств. основа с -T: gosti.

§ 170. Выше была отмечена схема чередований таких баз, в которых чередовались только долгие ē, ō, ā с их редукцией, с э. Перед гласным э утрачивался. Замена этого чередования у славян:

I. ē — è или а после палатального согласного

ō — а

э — о или отсутствие его (перед гласным).

gèzati||gazъ, raziti. Ср. чередование в греческом: ῥήμα — „разрыв“ || ῥωμός — „ущелье“ || ῥαγῆναι — „быть сломанным“ (греч. а вместо э).

čadъ||kaditi.

lèzq||laziti.

spèti||spogъ — „изобильный“. Ср. лат. spēs — „ожидание, надежда“, др.-инд. arhātiḥ — „ожидание“ || др.-инд. sphirāḥ — „жирный, богатый“ (в др.-инд. э → i).

dati||dadęъ (da-d-ęъ; d вм. dэ перед гласным), pridъ (pid-ъ) — „приданое“. Ср. греч. δίδωμι, лит. dūti||лат. dedi (ded-T).

II. а

э

stati||stojq. Ср. лат. stāre, др.-инд. ásthāt||лат. status (в лат. э → ā), др.-инд. sthitāḥ.

baјati, basъ||bobony (bo-bo-ny) — „суеверие, связанное с говорением“. Ср. греч. дорич. φᾶμι „говорю“ || φᾶμες „говорим“.

В суффиксе: в основах на -а звательная форма представляла основу на -э (в греч. э → ā, в слав. э → ѓ): žena||ženoi
Ср. зват. форму в греч. υἱμφᾶι — „невеста!“, „невестка!“

Неясны условия чередования e||o||ē с e||o||. Такое чередование было представлено, например, в таких корнях.

ker-||koјr-: čer-||cёр-, čeriti, русск. чепъ, укр. чепіти — „виснуть“, чепкий — „ловкий, цепкий“; польск. čerіć śę — „зацепляться“. Ср. латышск. k'ert — „приставать“. Слав. čeriti, русск. цѣпъ, укр. ціплятися.

Иное значение слов с корнями čer||cёр-: čeriti — „колоть, рассекать“, cёрiti, cёрati — в том же значении; cёръ — „цеп“, „палка“, ocёрèti или ocёрenèti — „одеревянуть“; ср. синонимические слова o-kol-èti, koļ-ъ; ср. также значение kol — „рассекать“ (kolti — „колоть“). Ср. греч. σκίπων — „палка“, σκέπαρος — „тесла, топор“.

skёр-||skёр-||skop-||skeјr-||skoјr-||skTp-: ščer-||skop-||ščip-||scёр- — корень с значением „колоть“, „резать“: ščerati, ščera, šчерь, ščара (è → а), ščipati, skoriti. Ср. σκέπαρος — „топор“, σκίπων — „палка“, лит. skėrspė — „кусочек материала“, skóriti — „вырезать ножом“, skāptas — „вырезной кривой нож“.

sker-||koјr — „отделять“, „резать“: ščer-||cёр-: ščeriti, cёрiti — „отделять, скалить зубы“, русский глагол ощеряться — „зубо-

скалить", имя Ощера. Ср. лит. *skirti* — „отделять, резать“, греч. *κείρω* — „стригу, режу“.

ǎ. Чередования с кратким ǎ в данной системе индоевропейских языковых групп были в немногих случаях. Так, в начале слова было в некоторых группах чередование ǎ||нуль звука. Напр.: греч. *αἰξω* — „увеличиваю“, лит. *áukštas* — „большой“||др.-инд. *úkṣant* — „растущий“ и некоторые др. Для чередования ǎ||ō нет достоверных примеров. Если такое чередование и было когда-то, оно совпало в славянской группе с чередованием *o||e*, так как ǎ заменился тут гласным ѓ.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

§ 171. Звуковой состав старославянского языка был охарактеризован выше, в §§ 35—40. Там же определено отношение старославянского языка к другим славянским языковым группам и отмечена генетическая связь элементов этого языка с говорами славян Македонии и Болгарии.

Звуковая система старославянского языка второй половины IX в., за исключением немногих черт, представляла те же элементы, какие находились в системах и других славянских языков в ранний период их жизни, — элементы, возникшие в доисторическое время. В предшествующем отделе рассмотрены были главнейшие процессы и явления древнейшей фонетической системы славянских языковых групп. Нижеследующий же отдел посвящен изучению фонетической системы старославянского языка в его основе второй половины IX в. и в дальнейшей судьбе в X—XI вв. по указанию памятников этого языка.

ъ.

§ 172. ъ — в кириллице, ѡ — в глаголице, — буква, называвшаяся славянскими книжными людьми „едью“ (ѡ ѡ ѡ — ѡдь, ѡдь — „еда“). В Битольской триоди (XIII в.) в одном месте (на л. 93^{об.}) три буквы, п, р, ѡ (в слове прѣставленъї) написаны вместе. Против этой лигатуры писец заметил: „покон (т. е. букву п) и рѣчі (т. е. букву р) и ѡдь (т. е. букву ѡ) заедно написахъ прѣстѣма ма“.

Звуковое значение старославянского ѡ — широкий гласный переднего ряда ǎ с мягкостью предшествующего согласного. На

такое образование в указывают графика, некоторые черты правописания, дальнейшая судьба этого гласного в болгарском языке, а также некоторые факты графики древнерусских и древнесербских рукописей.

В отношении графики важное указание представляет глаголица. Она имеет один знак ѡ для замен давнего ё и 'а (а после мягкого согласного) и ја. Составитель глаголицы ограничился одним знаком для передачи этих звуков потому, что они были близки один к другому, — близки потому, что вместо а после палатального согласного произносился гласный переднего ряда или близкий к нему, — явление, свойственное фонетической системе многих славянских языковых групп, в том числе и болгарской. Можно полагать, что не совсем тождественны были в болгарских группах, или по крайней мере в некоторых из них, образования ѡ вместо давнего ё (вънъ, горъ) и ѡ вместо а после палатального согласного (конъ — род. ед. от конъ, коуръ — имен. ед.). Разница была повидимому и в предшествующем согласном и в самом гласном: согласный перед ѡ вм. ё не являлся таким сильно смягченным (палатальным), как перед ѡ вм. 'а; возможно, что гласный ѡ вм. 'а не был того же места образования, как ѡ вм. ё, а был близок к среднему ряду ('а).

В кириллице имеются два знака: ѡ для замены ё, ѡ для замены 'а и для ја (ја). Но в кириллических памятниках встречаются написания с ѡ и вместо ѡ. Показательны в этом отношении листки Ундольского: они имеют только ѡ; ѡ отсутствует: в одних случаях пишется ѡ, в других а: ѡко, твоѡ (= твоѡ) септѡбрь — род. ед., съѡконъѡчине, слышавъѡшн, ѡвѡщѡвъ... И в других кириллических памятниках, имеющих ѡ и ѡ, находятся написания с ѡ вм. ѡ: колъ — им. ед., моръ — род. ед.; но: моѡ, чѡсъ, вѡша, жалѡущѡе. (Савв. кн.)

§ 173. В Киевских листках ѡ вместо давнего а находится не только после ј (ѡко), но и после ч, ш, ж; чѡшь — им. ед., нашѡ... Но имеются и написания с а после шипящих согласных: съгрѡшати, папѡжа. В других памятниках обычно пишутся ѡа, ѡш, ѡж при редких вариантах с ѡ, вероятно, перенесенных из более ранних оригиналов. При этом наблюдается такое различие в передаче замены того же гласного после мягких н', л', р': в глаголических памятниках после этих согласных пишется ѡ (а): конъ — род. ед., колъ — им. ед., коуръ (коуръ) — им. ед.; после же ч, ш, ж — а: чѡша, нашѡ, жалѡ, при редких написаниях с чѡ, шѡ, жѡ. Из кириллических

памятников листки Ундольского представляют то же явление. Но в Саввиной книге ъ пишется обычно после р, л: морѣ — род. ед., волѣ — им. ед. Но после н' — ш: волнѣ. После шипящих и после ј в этом памятнике а: уасѣ, уаша, жалующѣ, ѡко. В Супрасльской рук. только в отдельных случаях, — в словах, перенесенных из более ранних оригиналов, — встречается ѣ после ш', л', р'. Обычно пишется ш: волнѣ. Таким образом, в кириллических памятниках нашел себе отражение результат дальнейшего развития того явления, на которое указывают и глаголические памятники: замена ѣ вместо древнего 'а после шипящих согласных, а также после других мягких согласных посредством а. Во 2-й же половине IX в. и несколько позднее, как указывают Киевские листки, ѣ вместо древнего 'а был представлен не только после ј, п', л', г', но и после шипящих согласных. В XI же в., по указанию глаголических рукописей, после шипящих согласных произносился гласный а или близкий к нему: шл, жл, уа: уашл. Изменение это (шѣ → шл...) было вызвано особой артикуляцией шипящих согласных, — особенностью, независимой от их отвердения: и при мягком их произношении происходила диспалатализация гласного переднего ряда ѣ в ѣ (шѣдѣ и др. в Савв. кн.); несколько позднее, с XII в., после ш, ж отражается веляризация а: шж вместо шл, жж вместо жл: жтѣл... В таком же направлении изменялся и тот гласный ѣ, который в течение какого-то периода времени произносился вместо древнего а: шѣ → шл, жѣ → жл, уѣ → уа. Следовательно, до этого изменения, до веляризации его, это был гласный не е, а гласный ѣ или близкий к среднему ряду а. В кириллических памятниках отражается более широко такое изменение ѣ (вм. 'а): такой ѣ изменился в а не только после шипящих согласных, но и после ј, л', н' р' (Супр. рук.).

Примерами могут служить формы повелительного наклонения с таким гласным (а). Саввина кн.; пните! плауйте! покажите! Из Супрасльской рук.: постелымѣ вместо пните! плауйте! покажите! постелымѣ! Гласный а появился вместо ѣ. А с этим гласным (ѣ) стали вновь образовывать во множественном числе формы повелительного наклонения под влиянием форм с основой е/о: несъмѣ! несѣте! берѣте! Гласный же ѣ = ѣ после мягкого согласного получил более открытое образование, близкое к а.

В Саввиной книге и в глаголических памятниках имеются также примеры форм повелительного наклонения с ѣ после этих согласных: въномѣте! дѣвольте! покѣжте! иштѣте! (Савв. кн., Остро-

мир., Зограф., Мариин., Ассеман.). Это — более позднего времени новообразования, когда ѣ не переходило уже в я после j, ч, ж, ш, шт.

Того же времени были и новообразования формы сравнительной степени с ѣ после шипящего согласного: множьша в Мариин., множьша в Савв. кн. Это новообразование (вместо множиша) возникло под влиянием форм сравнительной степени с ѣ: добрън, старьн и т. п.

Ссылаются иногда на написание с рѣ вм. рѣ, находящиеся в Синайской пс.: прѣврати вместо прѣврѣти (л. 103), погрѣбѣи вместо погрѣбѣи (л. 106), вѣрма вместо вѣрма (л. 110). Полагают, что в этих написаниях отразилось фонетическое явление: изменение рѣ в рѣ. Но эти написания Синайской пс. не показательны: в этой рукописи в многочисленных случаях отразилась невнимательность писцов: часто буквы недописываются, пропускаются, путаются; в особенности много графических заскоков вперед: написание буквы следующего слога: котѣ вм. кѣтѣ, гогѣ вм. рогѣ и др. Полагаем: праврати, погрѣбѣи, вѣрма относятся к числу таких же описок.

Не показательны для суждения об изменении рѣ в рѣ и написания трава и трѣва: здесь отражается давнее чередование ē (ě) с ō (a); см. в отделе о чередовании гласных, § 168. В языке славян Болгарии издавна употреблялись трава и трѣва. В таком виде это слово представлено и в современном болгарском языке. Это слово с ѣ находилось и в тех старославянских рукописях, которыми пользовались на Руси. Написания трѣва, трѣвномъ находятся в Остромировом ев., в Сборнике Святослава 1073 г., в Словах Кирилла Иерусалимского. Представлено это слово и с а: трава.

Такое же чередование отразилось в глаголе подразѣти — греч. ἐμυκτηρίζω („насмеяться над кем.-н.“), в Зограф. ев., в Саввиной кн., в Остром. ев.; подразѣти в Мариин. ев.

§ 174. В передаче греческих слов с ai неодинаково передается в старославянских памятниках греческий гласный, заменивший собою этот дифтонг. В Ассеманиевом кодексе, в Саввиной книге, в Остромировом кодексе в передаче таких слов пишется почти всегда в. Савв. кн.: галлава, — Γαλιλαία; еванъ — ἐλαία; злѣдѣоѣвъ — Ζαζεδαῖος; кесарня — родит. ед. — Καίσαρειάς; прѣторъ — πραιτωρίου и др. В Мариинском и Зографском кодексах эти слова передаются неодинаково: и с в и с ѣ. Такое колебание в передаче представлено

и в окончании и в корне: галнлѣм (родит. ед.) — галнлѣмъ, прѣторѣ — прѣторѣ. Примеры с ъ и с ѣ в этих случаях не указывают на изменение гласного ѣ. В этих написаниях ѣ обязано было переписчику или справщику, который стремился внести дифференциацию в славянский текст (писать ѣ в соответствии греческому αι) подобно дифференциации греческого текста, где различались αι и ε, хотя в то время греческое αι имело значение гласного ε. Непоследовательность такой искусственной дифференциации была обусловлена проникновением элементов живого произношения этих слов с ε. Отражение такого произношения, ε вместо αι, славянские переводчики и справщики могли найти и в греческих оригиналах.

§ 175. В старославянских памятниках не отразилось изменение ѣ (вместо ё); он оставался гласным ā: — мѣсто, нѣмъ, лѣто, жѣнѣ, рѣцѣ. Различие в судьбе ѣ в м. ё и в судьбе ѣ в м. 'а (нѣмъ, вѣнѣ, — кон'ш) обусловлено было тем, что неодинаково, повидимому, было образование этих ѣ: гласный вместо 'а был ближе к среднему ряду, чем ā в м. ё; кроме того, неодинаковость палатализации перед этим ѣ имела значение в судьбе этих гласных: перед заменителем давнего 'а согласный был более мягким (был палатальным), чем перед заменителем давнего ё; после палатального согласного происходил процесс диссимиляции, — процесс диспалатализации гласного ā или á, подобный давнему доисторическому процессу изменения ē в а при таком условии (stojati, kričati...). Итак: кон'ā или кон'á → кон'а. ѣ же, как заменитель давнего ё, не находился после палатальных согласных; согласный перед этим ѣ образовывался не при высокой палатализации; мягкость его была средняя (обозначим ее условно маленькой буквой е, а не апострофом '): пѣать (нѣмъ), дѣаю (дѣло). Происходило взаимное приспособление артикуляции согласного и гласного. Такой гласный ā был представлен всеми группами славян болгарских и на севере от Дуная, и у Балкан, и во Фракии, и в Македонии, и в Греции, и в Албании: славянская топонимия в Румынии, Греции, Албании, славянские слова с ё, находящиеся в румынском, новогреческом, албанском языках, с ё, переданным посредством ā (еа) или а, — судьба ё в разных болгарских группах свидетельствует о таком образовании ѣ, — об ā. Примеры топонимические и лексические были указаны выше: см. § 7.

Только в одном фонетическом условии обнаружилось ранее, чем в других положениях, изменение ѣ: в сочетании ѣа. В этом

сочетании $\text{ъ} \rightarrow \text{а}$ в зависимости только от отвердения ц , — от отвердения, происшедшего раньше, чем отвердение шипящих согласных: $\text{цѣна} \rightarrow \text{цана}$, $\text{цѣлуите} \rightarrow \text{цалуите}$. Результат такого изменения обнаружился не в старославянских памятниках, а в среднеболгарских (Добрейшово ев. XIII в.). Но несомненно, процесс изменения цѣ по направлению к ца действовал в фонетической системе некоторых болгарских групп и в XI—XII вв.

Грамматик Константин Констенчский (конец XIV—первая половина XV в.), знавший хорошо болгарскую речь, указывал, что в то время ъ имел широкое произношение, ѣ , и таким образом следует произносить эту букву ъ , а не смешивать ее с е , как это допускали сербские писцы, и не растлевать писания. Звуки, близкие к ъ , он указывал в тамошних балканских языках: в турецком кънь — „я“ (1 л. ед. ч.), в греческом къръь (т. е. κρέας — „мясо“), в румынском къ (т. е. bea — „пить“): ѣще ѡупниши съ ѣ , или $\text{ѣще рѣши ѣко съ ѣ глѣтъ}$, $\text{съ ѣ не можеш право рѣши}$, $\text{съ ѣ же тако глѣтъ}$.

§ 176. В среднеболгарскую эпоху и позднее, в разное время, во отдельных болгарских группам, в одних раньше, в других позднее, происходило общее изменение ѣ (ǣ). Направление этого изменения было такое.

1) ѣ (ǣ) \rightarrow е во всех положениях. Так в говорах западной Болгарии, Македонии, Албании. В полосе говоров, находящихся в западной Болгарии, в соседней части восточной Македонии, цѣ (цѣ) ранее общего изменения а в е заменилось посредством ца : цана . Но в то время было еще хлѣѣб , сѣѣно ...

2) ѣ \rightarrow е в одних фонетических условиях (перед мягким согласным или перед слогом с гласным переднего ряда), ѣ \rightarrow 'а в других условиях (перед слогом с гласным непереднего ряда или в закрытом слоге перед твердым согласным: недел'а , верен , бели ; б'ал , л'ато). Так на востоке Болгарии, в Прибалканье.

3) На юго-востоке Албании (в районе Корчи) и на юго-востоке от Солуня (в Родопском крае) находится 'ǣ во всех положениях.

По говорам на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке ее наличие ǣ обусловлено таким фонетическим положением: перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным: л'ǣтен , б'ǣли , нед'ǣл'а . В других положениях ǣ \rightarrow 'а (или 'ǣ , 'ъ — вне ударения): б'ǣли , но б'ал .

Замены гласного ѣ (è) в современных болгарских группах также свидетельствуют, что в ранней фонетической системе их этим заменам предшествовал гласный переднего ряда ā.

На звуковое значение гласного ѣ в старославянском языке, как на гласный ā, указывают и древнерусские и древнесербские рукописи.

В языке восточных славян образование ѣ было иное: это был гласный закрытый, произносившийся при подъеме языка, более высоком, чем при е, — гласный ê (e¹). В старославянских памятниках нет написаний, которые указывали бы на гласный е вместо ѣ в речи их писцов. В русских же рукописях встречаются написания с е вместо ѣ. При этом смешение е и ѣ находится главным образом в словах, которых не было в обыденной речи восточных славян, — в словах церковных, книжных. Восточнославянские писцы при передаче этих слов руководствовались не своим произношением (с ê), а тем произношением, которое они слышали от своих учителей, от славян, прибывших из Болгарии. То было произношение с ā, — с гласным, который русские книжники передавали буквою е, так как гласный е был ближе к ā, чем ê (e¹). — Арханг. ев. *обѣтель, опроснѣтъ, лѣжескъдетелю*; Сборн. Святосл. 1073 г. *гн'вѣтъ, обѣтель, съѣдетел'ъ, жгоупьтене*. В речи восточных славян слово, соответствовавшее старославянскому *съѣдѣтель*, представляло иное образование: *съѣдокъ, послухъ*. Словам же с суффиксом -ѣне соответствовали восточнославянские с суффиксом -ане ('ане). Часто писали русские книжники е вместо ѣ в передаче старославянского рѣ в соответствии восточнославянскому *ере*. Реже находятся в русских рукописях примеры с ле вместо старославянского лѣ в соответствии восточнославянскому *оло*: *насредоу, тревоу, трево, жреви, уресь* в Сборн. Святосл. 1073 г. и др.; *плевалъ, пленени, облекоста ед, приклеуе* в Минеях 1095—1097 гг.

Возможно, что написание с ре вызвано тем же, чем вызвано и написание с ро в соответствии русскому *оро* и южнославянскому *ра*: в ст.-сл. *градъ, врата* — в русск. *городъ, ворота*. Стремясь подражать старославянской передаче, русский книжник писал свое слово без гласного перед *р*: *гродъ, врата*. Параллельно с этим он писал и *ре*, пропуская знак для первого гласного в русском *ере*: *врема, жреви*. Причина того, что написания с ле в русских рукописях находятся реже, чем ре, заключалась в том, что в речи русского писца не было слов с *еле*, которое соответствовало бы старославянскому лѣ, а были слова с *оло*: *плевалы,*

полонъ — в ст.-сл. пльвалъ, пльнъ. Объяснять же частое написание с *рв* при редком с *лв* тем, что в произношении славян из Болгарии русские книжные люди слышали *р* твердым перед *ъ*, а *л* мягким, не представляется возможным: данные болгарской диалектологии не дают основания для такого объяснения; перед *â* все согласные в болгарских диалектах представляли мягкость, такими они являются и до сих пор не только перед 'а вместо *ǎ* (бр'аг), но и перед *â*. Так по говорам Солунского и Леринского районов на юго-востоке Македонии; так в болгарском говоре изолированных сел на юго-востоке Албании, — в районе города Корчи: b'âgаn, l'âto, g'âka, g'âč, ped'âla, повелит. накл. pos'âjte. Так и в говорах Родопского края на юго-востоке Болгарии и на северо-востоке, к югу от Дуная: p'âsni, l'âten den, vr'âme, повелит. накл. plet'âtel gor'âtel pišâtel

Часто встречаются в русских рукописях написание с *е* в формах с основами *телес-*, *двалес-*: *телесе*, *телеса*, *телесьныи*, *двалесе*, но с *ъ* в написаниях форм *тъло*, *дъло*. Можно полагать, что в речи русского писца были формы, вновь образованные от основ *дъло*, *тъло*: *тъла*, *тълу*, *дъла*, *дълу*... вместо основных *тълесе* и т. д. Формы *тълесе*, *дълесе* считались книжными, старославянскими, произносившимися по болгарскому образцу *t'â-*, *d'â-*, что книжник и в произношении и на письме передавал посредством *те-*, *де-*. И памятники сербо-хорватские XIV—XVI вв., написанные на юге, где *ѣ* изменился в *је*, и современные сербские говоры юга также представляют такие книжные формы, с гласным *е*: *telesa*, прилагат. *telesne*. Но в именительном единств. ч. применялось это имя в местном звуковом виде: *tjelo* (*tijelo*).

Нередки в русских рукописях написание дат. и местн. единств. числа личных местоимений *тебе*, *себе* вместо ст.-сл. *тебѣ*, *себѣ*. В написаниях русского книжника отразилось смешение книжных форм родит. ед. с дат.: в его речи форма дат.-местного имела вид *тебѣ*, *себѣ*; встретив в старославянской рукописи форму *тебе*, *себе*, русский переписчик мог счесть ее за форму родительного единств. (*тебе*).

Написания форм сравнительной степени и повелительного наклонения с *ъ* вместо *а* после шипящих и после *ј*, — написания, встречающиеся в русских рукописях XI—XII вв., были перенесены из старославянских оригиналов; а там они отражали речевую черту, но не фонетическую, не результат изменения *а* в *â*, а морфологическую — *мнѣжьшиа*, *покажьте*, *ищѣте* и др.

Древнесербские рукописи также указывают на то, что в старославянском языке ѣ произносился не так, как сербский соответствующий гласный. В сербском языке это был гласный, как и на славянском востоке, — гласный ê. Стремясь к книжному произношению некоторых слов, сербские книжные люди подставляли для старославянского ѣ свой гласный е, как это было и в книжной среде восточнославянской: к этому гласному был ближе ѣ (â), чем к сербскому ê (e!); произношение же старославянских слов с ѣ могли слышать ранние сербские писцы от лиц, прибывших из Болгарии, из Македонии и утверждавших среди сербов письменность на старославянском языке. В Мирославовом ев. (XII в.) нет примеров, которые указывали бы на изменение в сербском языке гласного ѣ. Написания с е вместо ѣ имеются в этом памятнике. Но такие написания относятся к передаче форм и слов, перенесенных из старославянских оригиналов. Так, встречается написание формы сравнительной степени с е после шипящих: множеншхъ (176^{об.}). Такой формы, с гласным е, не было в сербском языке; но в старославянских памятниках они отражаются, — с ѣ: множаншхъ... С ѣ пишутся они иногда и в сербском памятнике. Такого же значения и передача повелительного наклонения с в: ѡубнѣмъ (127): в старославянском оригинале было ѡубнѣмъ, — с ѣ (вместо ѡ) морфологического происхождения, как отмечено было выше. Сравните и восточнославянские параллели в передаче этих форм, — параллели, идущие от старославянских источников с ѣ = â, произносившимся в сербской и русской среде как е, а не как свой ѣ = ê.

По-книжному, с е, произносили в сербской среде слова с корнем *вът-*. Такое произношение отразилось на письме Мирослава ев.: ѡтвѣрати, ѡувѣрати, съвѣрати, ѡвѣтъ, ѡвѣта. С гласным е произносили в книжной сербской среде слова с этим корнем и позднее, как указывают грамоты XIV—XV вв. с чертами таких сербских говоров, в которых в то время на месте ѣ произносился je, i.

Как уже было выше отмечено, книжного происхождения были у сербов и хорватов формы *telesa, telesne*, при форме существительного в именительном единств. числа *tijelo*.

Ранее общего процесса изменения в артикуляции гласного ѣ происходило изменение в положении после *ц* и по другим славянским языковым группам, — изменение в таком же направлении, как и в болгарских диалектах: в связи с отвердением согласного *ц* произошло понижение в артикуляции гласного ѣ. Такое

изменение происходило и на славянском востоке, в группах южно-великорусской и северновеликорусской, и на юге, в группах сербо-хорватских. В северновеликорусских говорах, в которых замена гласного ѣ является в виде ê, е, і, находится иной результат в судьбе гласного ѣ после ц: ѣ в этом сочетании (цѣ), вследствие отвердения ц, понизил свою артикуляцию: ѣ → е или ä. Такой же процесс происходил и в южновеликорусских говорах, как подробнее об этом говорится в моем курсе истории русского языка. Позднее по северновеликорусским говорам ца̑ → ца: цалова́ти, цалко́вой, цана. В других северновеликорусских говорах слова с *це-* вошли в ряд со словами, представлявшими гласный *о* вместо давнего *е* перед твердым согласным; стали произносить *цо-* и вместо *це-* из *цѣ-*: цоловати, цолковой, — без цолованья — в Стоглаве (XVI в.), не чолоую — в Новгородской 4-й летописи.

На такой процесс в изменении сочетания *цѣ* в областях сербских указывает Мирославо ев. своим написанием *цѣлывати*. Эта передача указывает на фонетическую черту (*це-*) и на морфологическую (глагольное новообразование с суффиксом *-ыва-*, *-ива-*). Такое изменение пережито было не только в сербском говоре писца Мирославо ев., но и в говорах других сербо-хорватских областей: глагол *selivati* представляют не только говоры на востоке сербской области (с *е* вместо ѣ), но и на юге (с *је* вместо ѣ).

ж, а.

§ 177. В системе старославянского языка были носовые гласные. Один из них был заднего ряда, другой переднего. Можно полагать, что после палатальных согласных произносился носовой гласный не заднего ряда, а переднего или среднего: *chran'ǫ̆* или *chran'ǭ*. В глаголице для передачи этих гласных служили знаки **Ѣ** для носового гласного заднего ряда, **Ѧ** для замены носового гласного заднего ряда после палатальных согласных, **Ѣ**, **Ѧ** для носового гласного переднего ряда. В кириллице — ж, ѡ, а, ѡ.

Название буквы для носового гласного „юс“ прошло сербскую или восточнославянскую языковую среду, с *у* вместо носового гласного заднего ряда. Название буквы ж (ѡ) представляло не только звуковой вид *жъ*, но по видимому и *жъ* („ус“). См. ниже, § 200а. Начертания глаголических **Ѣ** и **Ѧ** ясны по их происхождению: первый состоит из **Д** (*о*) и **Ѣ**; второй — из **З** (*е*) и **Ѧ**. Одинаковая вторая часть начертания для того и другого юса указывает на

общий элемент передаваемых звуков, на носовое произношение их. Эта часть служила иногда и для передачи согласного *н*. Так неоднократно передан *н* в слове *ангълъ* в Синайской пс.: **† Ѧ М Э Ѧ**. Происхождение левой части глаголического йотованного юса большого неясно. В первоначальной глаголице не было **Ѧ** в значении носового гласного переднего ряда после палатальных согласных: пользовались одним знаком **ѦѦ**, параллельно тому, как употреблялся один знак **Ѧ** для *e* после непалатальных и после палатальных согласных, а также и для передачи *je* (*ie*). Только один этот знак применялся в Киевских лл., в Синайской пс. Позднее этот знак стали употреблять в начале слова и после гласного, а после согласного носовой гласный переднего ряда стали передавать посредством одной второй части этого знака.

Знаки юсов кириллицы находились в зависимости от глаголических начертаний. В первоначальной кириллице также не было йотованного юса малого. Его нет в старославянских кириллических памятниках. В лл. Ундольского находится один знак **▲** — *дсате*, *сд...* В других памятниках отразилась потребность в передаче йотации (*i* или *j*) перед *ѣ*: введен второй знак для носового гласного переднего ряда, **▲** или **▲**. Прежний же знак **▲** применялся в значении *и* (*je*), а для *ѣ* после согласного писали **▲** или **▲**. Так в Саввиной книге: *дзѣкъ*, *своа вин. мн.*; *нма*, *сд*. Так и в Супрасльской рукоп. В Хиландарских же лл. **▲** употребляется в значении *и*, а **▲** особого начертания находится после согласного: *подъати*, *оуподѣ'ѣа*, *сѣваза сд*. В Зографских лл. после гласного находится **▲**, а после согласного **▲**, как **▲** в Хиландарских лл.

§ 178. Носовой гласный заднего ряда **Ѧ** представлял собою в языке славян болгарских в VIII—IX вв. носовой гласный заднего ряда лабиализованный. Можно полагать, что этот гласный был тогда не обычного образования носовой гласный *o*, а лабиализованный носовой *ɔ*. К XII—XIII вв. определилось иное образование носового гласного заднего ряда, — образование носового нелабиализованного *ɔ* или по говорам неносового нелабиализованного *ɔ*. После палатального согласного образование носового гласного было в среднем или в переднем ряде полости рта. На то, что **Ѧ** в XI—XII вв. в болгарских говорах был носовым *ɔ*, указывает судьба его в среднеболгарскую эпоху: он заменился по говорам в разных болгарских областях гласным *ɔ*: памятники XII—XIII вв. представляют замену **Ѧ** посредством *ɔ*, или пишут иногда **Ѧ** вм. *ɔ*. Несколько примеров: *сѣѣтъи* (Боянское ев.

XIII в. из собрания Григоровича); лъжь в.м. лъжь; вьдръ в.м. вьдръ, тьма в.м. тьма из тьма (там же); нъжда (Болон. пс. XIII в.).

На такую замену гласного ж указывают и все современные болгарские говоры: они представляют ъ или замену его (как и всякого другого ъ вторичного происхождения) посредством а, о (о в центральной части Родопской области и на западе в Македонии — в Дебре.)

В юго-восточной Македонии (по говорам Солунского края) и на юго-западной окраине ее (в Костурско-Корчанских говорах) судьба носовых гласных была такая. Перед затворным согласным в отношении небной занавески происходило то же, что и в польском языке в таком же положении: она стала опускаться не в момент произношения гласного (как это бывает при образовании носового гласного), а после него: развился вторичный носовой согласный п, м (п перед губным согласным). В польском языке носовые гласные ɔ, ɛ образуются перед s, ś, ś, ch, z, ź, ż. Но перед затворным согласным образование носовых гласных раздвоилось на две артикуляции: гласный + п, м. Что касается гласного, то это был такой, какой произносился и раньше; но теперь он произносился при поднятой небной занавеске (при закрытом входе в полость носа). У поляков гласный о перед п, м в.м. ɔ и гласный е (по диалектам а) перед п, м в.м. ɛ(ą): sond (sont), żond (żont), domb (domp), ęnce, ęmba. Так по типу варшавского произношения. Иначе в фонетике типа краковской речи: там гласные о и е назализованы: ɔmp, ęnce. В указанных македонских говорах перед затворным согласным представлены сочетания ъп, ъм вместо ж (может быть по говорам и дальнейшая замена гласного ъ), еп(än), ем(äm) вместо л. Напр., дъпъ в.м. дъпъ, гъмба в.м. гъмба, пъндъг в.м. пъдръ, сът в.м. сьдъ, дгъпк — „жердь“ — в.м. дръгъ и др.

Гласный ъ или его дальнейшая замена (а) и е (ä) могут быть назализованы как в польской речи краковского типа (польск.-крак. ɔmp, ęnce...). Носовой согласный элемент может быть неполного образования. Так, напр., в говоре села Бобошчица и Дреновене в юго-восточной Албании, недалеко от города Корчи: с^паѣ в.м. сьдъ, г^маба, г^пов'адо, з'а^пт в.м. зать и др.

Гласный ъ в ъп, ъм указывает ясно, что в предшествующей фонетической стадии был гласный носовой ѣ (а не носовой ɔ). Возможно возражение: глаголический ѣ указывает на какой-то гласный о, — на носовой о. На возражение заметим, что в этом

лучае наличие знака для *o* в комбинаторном начертании носового гласного не обязательно указывает на носовой *o*: ведь тот же знак находится и в написании для *ɔ*: *ɔ*.

В связи с утратой лабиального образования в гласном *ɔ* перед ним гласным в начале слова появилась в XII—XIII вв. фригивная артикуляция *v*: *qʷ* (или *ɔʷ*) → *vɔ* → *vɔ̃*. Таким образом возникли сочетания с *v* — в начале слова: *vʒə* (вʒə) — „веревка“, *vʒdnca* (вʒдица) — „крюк“ (в говоре района Корчи в Албании, — *ʒdak* — „вязанка“), *vʒsʷ* (вʒсʷ) — „усы“, *vʒtʲk* — *vʒtʲok* — „уток“, *vʒlen* — „уголь“ (вʒнгал' — в говорах сёл Сухо и Висохо, в Соунском крае), *vʒgorec* (vʒgorec — в районе Корчи) — „угорь“; *vʒel* — „узел“. Ср. в польском яз. *v* в соответствующих словах, возникший тоже в связи с утратой лабиализации в образовании носового гласного заднего ряда. В польском языке в давнее время носовой гласный *ɔ* изменился в *ą* (ą), который затем олучил образование, как *ɔ* в долгом слого, как *ą* или *ę* в кратком слого: *vęda* („удочка“), *vɔsy*, *vɔtek*, *vęg'el* („уголь“), *vęgoż* („угорь“), *vęzeł* и др.

Иначе было в середине слова после гласного: лабиальный элемент не появлялся перед *ɔ* — *ɔ̃*. Перед гласным *ɔ* развилась патальная артикуляция *i* или *j* — *raɔʷkʲ* → *rajʲk* → *rajʲk* (паяк — паук). Ср. и в польском языке — *rajʲk*. По болгарским говорам не появлялся *v* и в начале слова. В фонетике этих говоров перед начальным *ɔ* или *ɔ̃* стало производиться образование для *i* или *j*: *jʒə* (по говорам *jʒə* → *jaʒə*), *jʒdnca*, *jʒel* и др.

§ 179. Гласный *ɛ* (ЭЕ) имел такое значение: носовой *e* (ä) открытого образования: ä. Ср. передачу ап посредством *ɛ* в заимствованных словах: констатинъ (Клоцов сб. и в др.), александравоу Мариин. ев.). Учтите и такое явление среднеболгарской эпохи: в определенных фонетических условиях, после шипящих согласных, произошло сближение артикуляции для *ɛ* и для *ɛ̃*, — сближение в гласном заднего ряда: *ʃɛtati*, *ʃɛtva* и др.; такое же сближение происходило при ослабленном произношении безударных местоименных энклитик *ма*, *та*, *са*: *мɛ*, *тɛ*, *сɛ* (в современных говорах *мъ*, *тъ*, *съ*). Такое сближение указывает, что гласный *ɛ* был открытого образования и был близок к среднему ряду (ä).

И в современных говорах имеются следы, ведущие к гласному ä (а не к *ę*): äⁿ (ä^m) или ä вместо *ɛ*. Так в говорах района Корчи (Бобошчица, Дреновене): *gl'äⁿda* — „глядит“, *gov'äⁿdo*, *zäⁿt* вм. *zətʲ*; *jäzik*, *m'äso*.

§ 180. Старославянские памятники не представляют указаний на значительные изменения в образовании гласных ж и а; нет указаний на их изменение в носовые гласные; нет указаний на их „смещение“, которое обнаружится позднее, в среднеболгарскую эпоху (XII—XIV вв.).

Отступления в отношении применения знаков ж, а имеются в старославянских памятниках. В некоторых из этих отступлений видят отражение фонетических явлений. Мы отрицаем такое показательное значение отступлений в отношении ж, а в старославянских памятниках. Важно такое общее указание этих памятников: отступления в отношении ж, а, главным образом ж, представляют глаголические памятники; таких отступлений нет в памятниках кириллических,—нет потому, что не было ничего общего в написаниях букв ж и ѡу, ѡ с одной стороны, а и ѡ—с другой. В глаголице же знаки Ѣ и Ѥ, Ѧ, ѧ и Ѩ имеют общие черты. Все отступления в употреблении ж и а разбиваются на 2 группы. 1) Одни из отступлений появились вследствие того, что писец спутал формы или не понял значения слова. 2) Другие отступления представляют собою описки переписчика: а) он не дописывал второй части глаголических знаков для носовых гласных, а иногда лишнюю часть присоединял к знаку для о или е,—часть в виде ѣ или только кружка, смешивал букву для о носового („юс большой нейотированный“) с буквой для и (в кириллице ѡу), не дописывал он иногда и знака для и (в кириллице ѡу), так что оставался один знак для о (в кириллице ѡ); б) он переносил букву одного слога в другой,—явление, нередкое при недостаточно внимательной переписке.

Из глаголических памятников наиболее многочисленны отступления в ж и а в Синайской пс. и в Мариинском кодексе.

В Синайской пс. в длинном ряде написаний представлено ѧ (ѡ) вместо ѡѣ; имеется немало написаний с ѧ вм. юса малого нейотированного. В написаниях с ѡ вм. ж обычно видят указание на замену гласного о носового посредством о в говоре писцов этого памятника. На фонетическом значении написаний с глаголической буквой для е вм. юса малого нейотированного не настаивают, хотя и нет основания для особого выделения этой группы написаний. Не можем усматривать фонетическое значение не только в написаниях с буквой для е вм. юса малого нейотированного, но и для о вм. юса большого нейотированного в Синайской пс.

Сделаем небольшое отступление, в котором отметим одну

особенность письма Синайской пс.— особенность, в свете которой следует рассматривать и случаи отступлений в написаниях ж и а (я). Синайская пс. изобилует разными описками; они находятся тут в таком большом количестве, как ни в каком другом старославянском памятнике. Смещение букв, пропуски отдельных букв и целых слогов, лишние написания, многочисленные исправления, недописки букв, смещение форм и основ испещряют памятник. При решении вопроса о фонетическом значении написаний необходимо иметь в виду эту черту письма Синайской пс. Отметим несколько примеров.

1) Пропуск титл: гла (12 — 2 раза, 132^{об.}), церь (24) и др.

2) Пропуск букв: вргоу (8, в.м. врагоу), тве (28^{об.}, в.м. теве), тьз (21^{об.}, в.м. тевъ), твего (32, в.м. твеого), олтръ (65^{об.}, в.м. олтарь), славъ (28^{об.}, в.м. славъ), домъ арнь (150, в.м. арон'ь), възвед мя (19, в.м. възведе мя), скоуш (11, ськроуш), стасъ (4^{об.}, в.м. страсъ), оусташша ся (103^{об.}, в.м. оустраш...), стьлы (18^{об.}, в.м. стрьлы), разгъдъша (91^{об.}, в.м. разгръдъша), оушта (101^{об.}, в.м. оурьшта), жьзъ (92^{об.}, в.м. жьзль) незоож (54^{об.}, в.м. незлоож), овеьзасте ся (114, в.м. обловьзасте ся), възгъша ся (141^{об.}, в.м. възгнъша ся), кнннъемъ (52^{об.}, в.м. кнннжъемъ) и др.

3) Пропуск слогов: оутръша (19, в.м. оутвръдъша), завътъ зъшташа (111, в.м. завъшташа), ськатъ (138, в.м. ськажетъ), рлетъ са огнь (51, в.м. ражежетъ...), ржи (140^{об.}, в.м. ржкми), прърънь (100, в.м. пръръкнъ), оуи (21, в.м. оумжй), врьште (82^{об.}, в.м. врьтште), боу ждемоу (57^{об.}, в.м. боу тоуждемоу), възтокъ ньца (148^{об.}, в.м. слъньца), не поувъ (19, в.м. непорочувъ), оуслътъ (122, в.м. оуслыштъ), десн (76, в.м. десница) и др.

Не заметил переписчик и таких пропусков, которые искажают смысл текста: зане ясиа въръ (101, в.м. зане не ясиа); нзнемжете (20, в.м. и не нзнемжете) и др.

4) Путаница в буквах. Она вызвана такими обстоятельствами:

а) Переписчик смешал формы или основы. Напр.: сждити людемъ (8, в.м. сждитъ); не ясиа въръ (102, в.м. не ясиа...); въздълхъ (конец строки) ржкъ твою (121^{об.}, в.м. ржкоу твою); възноситъ (95^{об.}, в.м. възносить); пръвалуетъ (10, в.м. при-); может быть и иного происхождения пръ-: под графическим воздействием написания следующего слога, что весьма часто отражается в памятнике.

б) Переписчик не дописал букву. Это часто бывало в отношении ъ: изъ'къ (25^{об.}; ' надписано над строкой); оуслъш (13, 16, недописано ъ); възсокъ (118); штедротъ твою (29); въ изъцъхъ (125^{об.}).

Переписывая слова с буквой для о, он снабжал иногда этот знак крючком. Иногда он замечал свою описку и стирал этот крю-

чок для ъ. Так в слове въхомъ (23 об.) имеется буква со стертым крючком для ѣ, мымъ (53, в. момъ), крючок выскоблен слабо. Таково происхождение ѳ (ъ) или э в. о и обратно с буквой для о с недописанным крючком в. ѳ (ъ) в написаниях: въды (133, в. вѣды), сльвеса (20, в. словеса), мымъ (117, в. момъ), воѣнѣ (44 об., в. вѣнѣ), възнесеѣ сѣ (21, в. възнесетъ сѣ).

О недописке букв могут свидетельствовать и такие примеры: на л. 14 недописана часть второй буквы э (ѣ) в слове безаколенѣ; недописан нижний овал в букве для о (ѣ) в префиксе до- (допаж 15).

с) Случайная путаница: троухъ (103, в. троудъ), врма (110, в. врма) и др.

5) В особенности часты случаи графического воздействия следующего слога на предшествующий. Вследствие такого воздействия пишется вместо одной буквы иная (буква следующего слога), появляется лишняя буква или несколько букв: грагъ (31 об., в. врагъ); рога (95 об., в. рога); погнахъ (174 об., в. вознахъ); мюждю (81 об., в. междю); кѣѣ (20, в. кѣѣ); лѣѣ на кроу-доу (18 об., в. крѣдоу); прѣвратѣша (104, в. прѣвр...), въ нежаѣ сръдѣца (105 об., в. въ нежаѣ) под влиянием окончания следующего слова; ѣѣ рѣтрѣкѣ (25 об., в. ѣѣ рѣтрѣкѣ); дрѣштерѣ (92 об., в. дѣштерѣ); дрѣврѣ (90, в. дѣврѣ); прѣложѣша троупѣ рѣрѣкъ твоѣхъ (105 об., в. положѣша троупѣ рѣкъ); ста прѣсръдѣ (110, в. посръдѣ — *ἐν μέσῳ*); вѣрѣстѣш (140, в. вѣстѣш); гѣгорѣ (89 об., в. горѣ); ѣмѣмѣтѣ (105, в. ѣмѣтѣ); мѣмѣнѣ-ѣ-нѣ (167, в. мѣнѣ ѣнѣ); наѣнѣшѣ (20, в. на-шѣшѣ); сѣмѣтѣтѣ (11 об.), сѣмѣшѣшѣмѣ (141 об.); ѣвѣрѣрѣ дѣѣ рѣѣ (105); дѣнѣгрѣ (133, — а слегка зачеркнуто; — греч. *δύηροι*); прѣнѣмѣшѣ (101; м в первом слове полустерто). Из других подобных написаний отметим только 3: въ гѣслѣхъ (127 об., в. въ гѣслѣхъ), въ гѣслѣхъ (121 об., с лишним л в первом слоге и с пропуском л во втором), тѣврѣмѣтѣ (14): в переделано из р, написанного под воздействием следующего рѣ.

Вот при таких-то недописках, описках, переписках и путанице в письме невозможно безоговорочно выбрать отступления в отношении написаний с юсом большим и юсом малым нейотированными и истолковать эти отступления как отражение фонетических черт речи писателей. Нет: все случаи смешения **ѣѣ — ѣ, ѣѣ — ѣ** являются описками, относящимися к тем рядам их, которые отмечены выше. Мы отметили многочисленные примеры путаницы букв разных начертаний. Тем легче было появиться смешению **ѣ — ѣѣ — ѣѣ**, появиться при наличии общей

части в начертании их. В рукописи памятника имеются прямые указания на такое происхождение смешения этих букв. Так, на 15^{об.} в слове *жрѣва* в строке написана первая часть буквы, — написано *ѡ*, а вторая часть этого глаголического юса (*ѣ*) не написана была, и только позднее писец заметил свою ошибку и вверху надписал *ѣ*. Чаше он не замечал своих недописок, и оставалась только первая часть буквы. Недописывалась иногда и буква *ѡ* (*оу*). Так, на 32^{об.} *върѣшѣ*. Ясно, что недописана вверху буква и (кирилл. *оу*): *въроушѣ*. Также *омалѣлахъ* в м. *оумалѣлахъ*. Имеются следы недописки и в знаке юс малый нейотированный: *вънѣтъ*; этот знак передан так: первая часть буквы находится в строке, а вторая часть была недописана, и только по написании слова списатель заметил пропуск и приписал вверху вторую часть буквы. Ясно указывает на графическую путаницу и такой пример на л. 9: *своѣм* (*ѡ* написано не как *ѡ*, а с присоединением кружка, т. е. писец хотел написать юс малый нейотированный, но остановился, не дописав его: *ѡѡѡѡѡѡѡѡ* в м. *ѡѡѡѡѡѡѡѡ*). Так же написано слово *моѣм* на л. 73, на л. 121 от *рѣлы латыштыа* (с *ла* в м. *ла*); о невнимательности писца свидетельствует и пропуск букв: *стрѣлы*). Под графическим воздействием следующего слога написано *ма* вместо *ма* 176^{об.} Иногда писец пропускал первую часть глаголического юса. Так же недописки: л. 49^{об.} *върѣмѣ* в м. — *ѣѣ*, *тъжыко тоготѣшѣ*; в первом слове недописан юс малый нейотированный в первой его части, в последнем слове недописан он во второй его части; на л. 19: *сѣхранѣ*; последняя буква представляет собой вторую часть буквы *ѣѣ* (*ѣѣ*).

Путанице *ѡ* — *ѣѣ* содействовало нахождение их в соседних слогах: *порогашѣ сѣ* (25, в м. *порѣг-*); *оскодѣшѣ* (120, в м. *оскѣд-*); *жрѣва моѣ въ оскодѣ* (36, в м. *жрѣва... оскѣдѣ*); *омѣтѣхъ* (116^{об.} в м. *омѣтѣхъ*); *сѣдѣдѣѣ* (162, в м. *сѣдѣѣ?*); *възвѣжѣ* (78^{об.}, в м. *възѣжѣ*); *жрѣжѣмѣ* (58^{об.} в м. *ѣж-...*); *прѣвѣжѣ* (тв. ед., 77^{об.}), *прѣдѣ мѣжѣ* (57^{об.}); *прѣдѣ сѣжѣ* (115).

В немногих случаях то же графическое явление отразилось в Синайском требнике и в Мариинском ев. Син. тр.: *не жѣѣмъ* родства и на той же странице *не оѣѣмъ* рождественномъ (19); *жѣѣ* — „связь“; *жрѣжѣ* и на той же странице *отрѣжѣ* (83), *ѣжѣ* и на той же странице *жрѣжѣ* (29); *ножѣ* („ножницы“) и *нѣжѣ* (177). То же графическое явление отразилось и в кириллических памятниках. Например, в Новгородской минее 1095 г.: *рокою* и др.

То же явление и в отношении $\text{э} — \text{ѣ}$ — посрѣдъ мам (176 об., в.м. ма).

Другие случаи недописанных знаков — юс большой и юс малый нейотированные: прози (137, 145 об.), ва заблодима (141), молитво ихъ (140 об.), роками (128); локъ (96); възци (1 об.); съвшти (прич. наст. вр. имен. мн.); нате (28 об., в.м. нати) и др.

Историческая диалектология болгарского языка также возражает против фонетического объяснения написаний с о в.м. ж в Синайской пс.: нет болгарских языковых групп, которые бы указывали на о, как на непосредственную замену гласного ж. Такой заменой был повсюду в этих группах гласный ѣ → ѣ. Позднее в Дебре (в Западной Македонии) и в некоторых местностях восточной Албании, в связи с местной албанской фонетикой, вторичный гласный ѣ всякого происхождения изменился в о, — в гласный, который находится там и в албанских говорах вместо ё (ѣ — глухой с базисом е) других албанских говоров.

Те же группы отступлений в отношении ж и л представляет и Мариинский кодекс с тем отличием от Синайской псалтыри, что тут писец смешивал юс большой нейотированный чаще со знаком для и (юу), юс большой йотированный с буквой для ю и реже не дописывал вторую часть в юсе большом нейотированном, т. е. писал только э (ю): сжж ржж (в.м. соухж...); мжж (дат. ед.); доуноу (в.м. доунж); слоука (Лука, XIII, 11) — „согбенная“; но это прилагательное своим необычайным значением привлекло внимание переписчика, и он исправил описку: знак для и (юу) заменил посредством юса большого нейотированного; бжрѣ, кплатъ, лжѣѣ, люблю, въ нуже и др.;

о (у): бодеть, соднть, прикосноса, радовахо и др.

Недописывался иногда и знак для и (юу): помлон (в.м. помнлоун), охо (в.м. оухо), оучникъ (в.м. оучникъ) и др.

Смешивались также э и ѣ : грюубоу (в.м. гробоу), поуоуати (в.м. поууати).

Если бы в говоре писца Мариинского кодекса не было носового гласного ж, то не было и носового л: в славянских языках положение небной занавески было одинаково в образованиях замен ж и ж: если небная занавеска не опускалась при произношении заменителя гласного ж, то она не опускалась и при произношении заменителя гласного л. Между тем, писец Мариинского кодекса ни разу не спутал л и в, — не спутал потому, что это были разные гласные: один носовой гласный, другой неносовой.

то почему нет графического смешения, подобного тому, какое отмечено было в Синайской пс.? Нет потому, что в Мариинском кодексе буква юс малый нейотированный имела значение $\text{ю} = \text{je}$, употребляясь в начале слов и после гласного, а после согласного в этом памятнике, как и в других глаголических, пишется знак ѣ , графически не похожий на Э . В Синайской же пс. юс малый нейотированный был единственным знаком для носового гласного переднего ряда.

Следует принять во внимание и другие языковые черты, отразившиеся в Мариинском кодексе, главным образом замену ѣ и ь в сильном положении: многочисленные примеры их замены посредством ѣ , ѡ указывают на юго-западные болгарские области. А таких областей, в которых были бы о , е вместо ѣ , ь и гласный у вместо ѡ , нет ни в Болгарии, ни в Македонии, ни в Албании.

В Зографском и Мариинском ев. встречается особый значок для глаголического ѣ , с дужкою у левой стороны ѣ . Такой значок написан в передаче немногих примеров причастия наст. вр., в именительном ед. мужск. рода: града (вместо грады), ѣа (вместо съ), ѣда (вместо ѣды) (Зограф.). Как ниже показано (§ 214), этот значок ѣ указывал на твердое произношение предшествующего согласного: grędę , а не gręd'ę .

В памятниках отражается и изменение в образовании гласного ѣ в этой форме: в Мариин., Ассеман., Син. пс., Син. тр. находятся примеры с ѡ : граѡи, сѡи, живѡи, стрѡи. Гласный ѡ появился здесь не от прочих форм причастия (граѡща, граѡщю), а представлял собою результат фонетического изменения гласного ѣ после твердого согласного.

§ 181. сѣбота — сѡбота . „Суббота“ в языке кирилло-мефодиевских переводов называется сѣбота . Представлено оно было в мужском роде: сѣботъ (Син. тр.). Образцом было народно-греческое σάββατον . В Мариинском кодексе это слово передано с сѡ : сѡбота . Так и в Син. пс. В таком звуковом виде это слово проникло в некоторые старославянские памятники в областях моравских или паннонских, где оно было иного происхождения, — из латинской терминологии этих и соседних юго-западных областей: слав. сѡбота восходит к латинскому слову sabbata (именит. множ. к sabbatum).

§ 182. ѡ — ѡу . В старославянских памятниках, глаголических и кириллических, имеются слова, переданные с ѡ и с ѡу :

ѡѡдѡти , ѡѡудѡти — „медлить, мешкать“;

нѣднѣти, нѣуднѣти — „принуждать, заставлять“;

гнѣшати, гнѣошати — „пренебрегать“.

В этих словах носовой гласный появился вместо *и* вследствие ассимиляции с предшествующим носовым *т*, *п*. В других славянских языках эти слова представлены с давним *и*. Показательны соответствия словинского языка (*nuditi* — в словинском языке *о* вм. *о*) и польского (*nudzić*). Но в польском языке, как и в старославянском, находятся слова не только с *nud* (*nuda* — „скука“, *nudzić* — „возбуждать отвращение“), но и с *neđ* вместо более раннего *nōđ* (*nēdza* — „нужда“, *nēdzić* — „доводить до бедности“). На то, что сочетания с *и* (*nud-*) не явились в давнее время вместо *nōđ*, может указывать и готское соответствие, с *naud-*; *naudithaurfts* — „нужда, потребность“, немец. *Notdurft*.

сѣмьнѣти(сѣ), *соумьнѣти(сѣ)* — „сомневаться, опасаться“. Обычно объясняют это *соу-* диссимиляцией со следующим *м*: *сѣмь* → *соумь*, но неясным остается при таком объяснении, почему появился гласный *оу*, а не иной гласный заднего ряда (*о*, *ъ*). Кажется, будет ближе к истине полагать, что *соу-* в этом образовании не фонетического происхождения, а то же, что и в *соу-гоубѣ* (*соугоубѣ*). Это значение *су-* представлено и такими прилагательными в болгарских говорах: *суголѣм* — „довольно большой“ („суголѣми уши“); *сумалечок* — „маленький“ (из Македонии). Славянскому *su* соответствовало в др.-индийском *sū* (*ū* — степень редукции дифтонга *ou*, *au*). Значение же этого *sū* было такое: „хорошо“.

§ 183. *-мѣн-*, *-ман-*. В старославянских памятниках глагол „помянуть“ встречается в двух вариантах относительно гласного после *м*: *помѣнѣти*, *поманѣти*. В гласном *ѣ* видят результат диссимиляции носового гласного *а* со следующим носовым *н*. Полагаем иное происхождение этих вариантов: они были разного образования: *помѣнѣти* давнее образование, с *-мѣн-*, как и в слове *вѣмьнѣти*, восходящее к *-пѣп-*; ср. др.-верхн.-нем. *meīnan* „думать“, „сказать“, др.-сакс. *mēīnan*. Образование *поманѣти* не первоначальное образование, а возникло от основы *пѣ*, как в образовании *памѣть*. Были по славянским языкам и более поздние образования от слова, заменявшего собою ранее *памѣть*: ср. болгар. *памет* и глагол *паметувам*, *паметвам* — „памятую, помню“, сербо-хорв. *pamēt* и глагол *pametovati* и др. Были такие давние образования, в которых основа была некогда с инфиксом *п* или без него. Таково происхождение основ с *а* или с *ъ*, *е* в словах: *садаж* — *състи*, *ѡбрацаж* — *ѡбрьсти*, *съръсти*, *лагаж* — *лѡшти*.

Неясно происхождение звуковых вариантов с **ъ** в старославянском языке, с **а** в русском и сербском языках в таких случаях

1) в наречии **прѣмо** — ст.-сл., **прѣмо** — др.-русск. и др.-сербск. **смо** — в древнесербском Мирославовом ев., с **о** вместо **а**);

2) в суффиксе прилагательных — **ънъ** в ст.-сл., **анъ** в др.-русск. др.-сербск.: **камънъ** — **каманъ**, **мѣдънъ** — **мѣданъ** и др.;

3) в суффиксе существительных **-ънинъ** (**ининъ** после палатальных), **-анинъ**: **самарънинъ**, **гражданинъ** — **самаранинъ**.

Полагают, что некогда в доисторическую эпоху не одинаково изменился по славянским группам долгий **ѣ** перед носовым согласным: в одних группах он изменился в **ѣ** (**ъ**) перед всеми гласными (после палатального согласного **ѣ** еще ранее изменения в **ѣ** получил открытое образование — **а**: **kričati**, **gordjaninъ** г.-сл. **гражданинъ**); в других славянских группах **ѣ** перед носовым гласным назализировался, — стал гласным **ѣ**: **gręmo**, **kamęnъ**.

Мены **ж** и **а**, при определенных условиях отражающейся среднеболгарских памятниках XII—XIV вв., не было в старославянском языке IX—XI вв. Только в одном положении, после твердого согласного в форме именительного пад. единств. числа мужского рода причастия наст. вр., **а** стал близок к **ж** (**раджи**), см. выше.

Русские рукописи XI в., списанные с южнославянских оригиналов, также не представляют указания на смешение **ж** с **а**. Многочисленные случаи отклонения в употреблении **ж** или его русской замены **ю** и в употреблении **а** или его русской замены (**а**) появились вследствие непонимания текста или вследствие ошибок. Например: **творити а** вместо **творить а**; **иже хощете да творю** вместо **творать** (Арх. ев.). Писец, не вникнув в текст, в первом случае подставил местоимение в форме множественного числа (**а**) написал по своему произношению **а**. Спутал он тут и форму предшествующего слова, написав **творити** вместо **творить**. В другом случае он прочитал глагольную форму как форму 1 лица единств. числа (**творю**) вместо 3 лица множеств. числа. Другие случаи (их немного) „смещения юсов“ (их русских замен) совсем не показательны. Нет указания на мену **ж** и **а** и в старославянском оригинале сербского Мирослава ев.

ъ, ѣ.

§ 184. В системе старославянского языка были редуцированные гласные: заднего ряда **ъ**, переднего ряда **ѣ**. Составитель

глаголицы для передачи этих звуков воспользовался буквою ѣ (ѣ):

ѣ для ѣ, ѣ для ѣ.

Начертания ѣ, ѣ послужили образцом для ѣ, ѣ кириллицы. Были еще редуцированные ѣ, ѣ; но о них говорится в следующем разделе.

Во 2-й половине IX в. в славянском говоре, легшем в основу кирилло-мефодиевских переводов, редуцированные гласные были в тех же положениях, в каких они находились и в более раннее время. Об этом с несомненностью свидетельствуют старославянские памятники. В Киевских листках эта норма соблюдена во всех многочисленных случаях их применения (за исключением двукратного написания ѣѣѣ — написания, представляющего опisku; см. § 28, 1). В других памятниках имеется много отступлений от прежней нормы в отношении ѣ, ѣ. Но длинный ряд написаний, перенесенных из более ранних оригиналов, свидетельствует о наличии ѣ, ѣ в тех положениях, в которых они были и в доисторическое время в славянских языковых группах. Итак: как и раньше, были в IX в. сочетания, напр.: ѣрати, зѣвати, съѣати, съѣтъ, мѣного, тѣкъмо, раѣтъ-тѣ, правѣдѣтъ, съѣтъмѣ, пришьѣць, дѣньсѣ, ѣсѣ и др.

Кроме давних славянских ѣ, ѣ, в системе старославянского языка были ѣ, ѣ такие, которые появились при передаче заимствованных слов, — появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных, как это отмечено было выше, см. § 36. Напр.: пѣсалѣмѣ — греч. φιλμός; орѣганѣ — греч. ὄργανον; капѣрнаѣоумѣ — καπερναοομ; ег'ѣпѣтъ или ег'ѣпѣтъ — Αἴγυπτος и др. Выше было отмечено, что написание ѣ, ѣ в передаче этих слов указывало действительно на редуцированные гласные, которые затем разделяли судьбу, одинаковую с ѣ, ѣ более давнего происхождения: ср. замену их в сильном положении гласными ѣ, ѣ в глаголических памятниках: пѣсалѣмѣ, ег'ѣпѣтъ, землѣю ег'ѣпѣтъска или ег'ѣпѣтъска. О том, что и перед слогом с гласным полного образования был ѣ, ѣ в таких словах, могут свидетельствовать такие написания XI в: во пѣсалѣтъри (Син. пс.), во вместо ѣѣ указывает на утрату редуцированного гласного в слове пѣ-[пѣсалѣтъри].

В немногих случаях вторичный гласный ѣ появился еще ранее в языке группы славян, предков славян болгарских, — в передаче сочетания al- перед согласным в начале слова: алѣвати, алѣдани, алѣнини и, может быть, в середине некоторых слов: залѣтъринѣ, салѣтинѣ.

В XI в. обнаружались результаты изменения в редуцированных гласных,—изменения, подготовлявшего в течение длительного периода времени. Эти результаты в языке болгарском, как и в других славянских, весьма сильно изменили фонетическую систему. Изменился звуковой облик слов: после утраты ъ, ь многочисленные слова стали оканчиваться на согласный; стали возможны такие сочетания согласных, которые избегались раньше: пс, бн и др.

Старославянские памятники XI в. представляют указания на такие изменения в отношении ъ, ь: 1) на утрату ъ, ь, 2) на смещение ъ, ь 3) на замену ъ, ь гласными о, в.

§ 185. 1) Утрата ъ, ь происходила в определенных условиях,—в таких, в каких утрачивались ъ, ь и в других славянских языках: в конце слова и перед слогом с гласным полного образования или с ъ, ь сильными, т. е. не подвергшимися утрате: много → мно҃го, бѣрати → бѣрати, правѣднѣ → правѣднѣ → правѣднѣ, пѣсати → пѣсати, зѣло → зѣло, зѣлѣ → зѣлѣ → зѣло и т. п. Положение, в котором происходила утрата ъ, ь,—положение для слабых ъ, ь. Старославянские памятники XI в. представляют многочисленные примеры утраты слабых ъ, ь. Меньше примеров с отсутствием ъ, ь в конце слова. Но малочисленность написаний без ъ, ь в конце слов не имеет фонетического значения. Книжнику было легко запомнить правило, что в конце слова следует писать ъ, ь. Немало написаний без ъ, ь в конце слова находится в Ассеманьевом кодексе: градѣт, гал҃галѣт, живѣт, раѣт, лѣт и др.

Утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования происходила в болгарских говорах, отразившихся в старославянских памятниках, не одновременно во всех словах. При некоторых условиях редуцированные гласные утрачивались раньше, в других позднее. Повидимому, не одновременно во всех словах (во всех положениях) они утрачивались и в других славянских языках. Были такие фонетические условия, при которых ъ, ь утрачивались раньше сравнительно с общим фонетическим процессом утраты ъ, ь в слабом положении. Полагаем, фонетические условия, благоприятствовавшие более ранней утрате артикуляции для ъ, ь, были такие.

а) Нахождение ъ, ь в начале слова между такими согласными (разумеется, если далее следовал гласный полного образования): п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. Наибольшая частота пропуска ъ, ь в рукописях наблюдается между этими согласными. Пропуск ъ, ь в этих случаях восходил к тем более ранним рукописным оригиналам,

в которых слабые ъ, ь еще не совсем были утрачены между другими согласными: псати, пшевица, птица, много, все и др.

б) В суффиксе перед сонорным *н, л* (далее следовал гласный полного образования). Многочисленны примеры пропуска ъ, ь в передаче прилагательных *вѣрна, правѣдна* (праведна), *подобно*.

в) В конце слова: *градѣт, работ...*

г) Более ранняя утрата ъ, ь перед слогом с гласным полного образования была обусловлена не только артикуляцией соседних согласных и положением в начале слова, но еще иным обстоятельством: значением слова, способом его произношения. Выше, в отделе о возникновении редуцированных гласных (§ 88—90), и в пункте о конце слова (§ 152—153) отмечена была ослабленная артикуляция при произношении некоторых слов-частиц, некоторых наречий, местоимений, слов счета (числительных), слов-обращений, титульных слов. При таком произношении происходила редукция слова в отношении артикуляционном. Результаты редукции бывали и бывают разные. Одним из таких результатов является ослабление гласного полного образования или его утрата. Редукция в таких условиях, в связи со значением слова, переживалась всеми славянскими группами,— переживалась в разное время— и задолго до общего процесса ослабления и утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования и после этого процесса. К ранним результатам редукции, связанной со значением слов и ослабленным его произнесением, относится редукция, пережитая именем *čelovekъ* в южнославянских языках. В IX в. в области славян Болгарии это слово произносилось без ь: *человѣкъ*, как свидетельствуют все памятники старославянского языка. (На славянском востоке в то время и позднее это слово произносилось без результата редукций: *человѣкъ, чолвѣкъ*.) Гласные ъ, ь перед слогом с гласным полного образования произносились в особенности слабо в местоимениях, в наречиях. В IX в. гласные ъ, ь в этих частях речи еще были, по крайней мере в речи славян Солунского района. Но в местоимениях и наречиях, в связи с более слабым их произношением сравнительно с именами, глаголами, происходила утрата их,— происходила ранее общего процесса утраты слабых ъ, ь. Много примеров с утратой и со смешением ъ, ь представляет Зографское ев.— памятник довольно консервативный в отношении передачи слов с ъ, ь. Несколько примеров: *кто, что, где, тѣмѣ* (вм. *тѣтъмѣ*), *когда, тогда, иногда, вьегда*—*всегда* и др.; *праздникъ, праздничи*;

празникъ, праздни. В старославянских памятниках находятся такие 2 варианта имен: 1) праздникъ, праздни, непраздна („беременна“). Так в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом ев. 2) Представлено это имя и с сочетанием зн: праздникъ (Ассеман. ев., Саввина кн.), праздны, непразна (Саввина кн.).

Едва ли сочетания с -зн- явились вследствие фонетического изменения -здън-. Вероятнее полагать, что это — давние образования с разными суффиксальными элементами: с -ьн- и с -п-: porzdyп и porzdp → porzп. На давние варианты porzdyп- и porzп- могут указывать их замены в древнерусском языке, отразившиеся в древнерусских рукописях: пороздънѣи, порознѣи в Уставе патриаршей библиотеки № 330, XII в. Перед палатальным п' (из п' в суффиксальных элементах -пј-) z → ž в давнее время. И на это указывают древнерусские рукописи и современный русский язык: опорожняють в Уставе патриаршей б-ки № 330, соврем. русск. порожний, опорожнять, порожняком.

Во второй половине X—в XI вв. на Русь приходили с юга, из Болгарии, книжные люди вместе со старославянскими рукописями. Среди этих рукописей были и такие, в которых отражалась утрата ъ, ь в слабом положении, как можно судить по русским копиям с этих рукописей. Таким был оригинал Сборника Святослава 1073 г. Написания без ъ, ь здесь многочисленны.

Русские рукописи XI—XII вв. представляют определенные указания и на то, что процесс утраты редуцированных гласных в старославянском языке (как и в других славянских языках) проходил не в одинаковой степени интенсивно во всех случаях. В некоторых условиях ослабление артикуляции было более значительно, и гласные ъ, ь утратились раньше, чем в других положениях. И русские рукописи указывают на такие положения, в которых ъ, ь утрачивались раньше, чем осуществлялся общий процесс утраты ъ, ь перед слогом с гласным полного образования.

а) В начале слова между п-с, п-ш, п-т, м-н, в-с. С пропуском ъ, ь в этом положении были старославянские рукописи и у русских книжных людей XI—XII вв. В некоторых из русских списков, при написаниях с ъ, ь перед слогом с гласным полного образования, встречаются написания без ъ, ь в начале слова в указанном выше положении. Так, например, в 1-м почерке Арханг. ев. пси, птица, вси и в ряде других русских рукописей XI—XII вв. представлены многочисленные примеры с про-

пуском ъ, ь в этих сочетаниях. Из Слов Кирилла Иерусалимского: *многъ, птица, всего, вселенныя* и др.

б) Многочисленны написания форм с утраченным ъ в суффиксах с сонорным н, л перед слогом с гласным полного образования: *оумна, върна, подобно, тъмница, (тъмница), козлица* (Арханг. ев.).

в) В конце слова: *сътвориѣ* (Арханг. ев.), *разоум, отълоуунг'са хъл'* (Сборн. Свят. 1073 г.).

г) В местоимениях и наречиях, в связи с ослабленным произношением их. Во всех русских рукописях, кроме Остромирова ев., представлены многочисленные примеры без ъ, ь в местоимениях: *миъ, мною, кто* в наречиях *тъкмо* (вм. *тъкъмо*), *дондеже* (вм. *дон'ъдеже*). Так в разных древнерусских рукописях, в том числе и в первом почерке Архангельского ев. при редком пропуске ъ, ь в других случаях.

Может быть, не все написания с пропуском ъ, ь в этих положениях перенесены были из старославянских оригиналов: некоторые из них могли отражать соответствующее явление речи восточного славянина. Но детали совпадения слов и форм с утраченными ъ, ь в русских рукописях, с одной стороны, и в старославянских — с другой, указывают, что во многих случаях написания с пропусками ъ, ь перенесены в восточнославянские рукописи из старославянских оригиналов. Так было с написаниями разных форм местоимения *всьь, всего* и др. Даже в Остромировом ев. (в первом почерке) находится это местоимение без ь: *в'сѣмѹ, всакъ*. *Весьма* часто представлено это местоимение без ь в других русских рукописях. По образцу старославянских оригиналов без ь передано в некоторых русских рукописях и именит. единств. мужск. р. *в'сь* или *всь* (Сборн. Святосл. 1073 г.). Ср. *в'сь* в Зограф. ев., *всь* в Саввиной кн.

Деталь совпадения написаний в древнерусских текстах с текстами старославянскими отражается в пропуске ь в формах *дне, дни* и др. и в передаче формы именительного единств. без ь в корне: *днь*. Такая передача появилась в старославянских текстах, — появилась вследствие уравнивания звукового вида основы по другим формам, как в местоимении *вс-ого, всь*. В виде *днь* эта форма находится в Зографском ев., в Саввиной кн. и в русском Сборнике Святосл. 1073 г.

Во всех этих случаях пропуска ъ, ь такое же показательное значение представляет и текст древнесербского памятника письменности — Мирославова ев. И в этом памятнике чаще всего

отсутствует ъ, ь в начале слова между пс, пш, пт, мн, стъ (псн, пшеница, птница, створити, много); местоимение кто написано без ъ 141 раз и только 3 раза в виде къто; также почти последовательно мнъ, мною (мноѡ); местоимение всего, всемоу и др. в 405 случаях без ь и только в 48 написаниях с ь.

§ 186. В некотором фонетическом положении редуцированный ъ перед слогом с гласным полного образования оставался и после окончательной утраты слабых ъ, ь. В этом гласном ъ в таком особом положении был не только ¹давний ъ, но и совпавший с ним давний ь. Так, по диалектам был ъ между д-щ, т-щ, д-н, т-м, т-к, м-ст, м-зд, м-г, л- начального слога перед слогом с гласным полного образования: дъщери, дъщница, тьща „теща“, тьщаница, дъно, тьма, тьмъ, тьнжати (прѣтънжени), мъстиши (вм. мъстниш), мъзда, мъгла (вм. мъгла), лъсти. С гласным ъ такие сочетания сохранялись и позднее в языке славян болгарских: тькж, тьчеш, тькач („ткач“), дъщеря, дъно, дънйште, пьси сине! („собачий сын!“ — при ругани), именит. мн. пьсове — песове, мъгла, мъглив — на востоке Болгарии; мъгла — магла, могла — (с гласным о в Дебре, на зап. Македонии), тьшча, (тьшта) — ташча (ташта) — тошта (с о в Дебре, — „старуха“, вместо тьщѣа с тем же гласным и форма для имени мужского рода — тьст — таст, тост — „старик“, вместо тьсть).

Показательно в этом отношении и древнесербское Мирославово ев. (XII в.): при частых пропусках ъ, ь в слабом положении последовательно переданы со знаком редуцированного гласного сочетания лъж- (лъжа, лъжи...), лъст- (лъсти, прѣлъщени), мъзда- (мъзда...), мъст- (мъсти...), тьщ- (тьща, потьщаксе, отьщтить). Со знаком редуцированного гласного переданы и формы имени дъщи (лъщи, дъщерь...). Некоторые из таких написаний соответствовали сербской речи того времени: лъсти, лъжа, тьшта („теща“), отьшттит[ь]. Но написаний дъщи, дъщерь не было в сербской речи. Эти написания взяты из старославянского оригинала. Находились в этом оригинале и сочетания с ъ в указанных выше словах. Подобное явление представлено и в других славянских языковых группах. Так было у словаков (дъска, позднее daska и др.), у полабян.

§ 187. 2) Смешение ъ, ь. В старославянских памятниках XI в. обнаруживается весьма часто смешение ъ и ь: написан ъ вм. ь и обратно. Смешанное применение ъ и ь вызвано было разными причинами.

а) ѣ вместо ѡ в сильном и слабом положении, после ш, ж: шѣдъ, пришѣан, шѣстн; жѣзла, жѣнѣ — *δερίζω*. Это — несомненно фонетическая черта: результат воздействия шипящих согласных ш, ж на следовавший за ними ѡ, который становился в этом положении веляризованным, близким к ѣ. Такое же воздействие шипящих отразилось и на том гласном ѣ или ѧ (средний ряд), который был раньше вместо я после палатального согласного: шѣ → ша, жѣ → жа: уаша, оужасъ (см. выше в отделе о ѡ). Несколько позднее веляризирующее воздействие согласных ш, ж сильно отразится на а: ша → шя, жа → жя (XII — XIII вв.). Веляризация гласных ѡ, ѣ (вм. 'а) могла не быть связана с отвердением ш, ж: и после мягких ш, ж, как и после ј, бывал подобный процесс веляризации: ср. давний доисторический процесс изменения ё в а после ј, љ, њ, џ. Изменение шѣ в шѣ — процесс, отразившийся с несомненностью в языке писца Саввиной книги. Отмеченные выше примеры взяты оттуда. Такое явление отразилось в ряде случаев и в восточноболгарском оригинале Остромирова кодекса: шѣлъ, скръжѣтъ, нашѣ, кокошѣ, лѣжѣ, матежѣ и др. Немногие примеры такой замены ѡ в сильном положении имеются также в Мариинском кодексе, в Синайском требнике: шѣдъ, пришѣа... часты в Супрасльской рук. (там же шѣдъ...). Ряд написаний с шѣ, жѣ представляют и другие памятники, — но представляют в слабом положении: дѣжѣннѣ, грѣшѣнѣемъ, нашѣ, мѣжѣ. Нет уверенности, что написания с ѣ в этом положении отражали когда-то соответствующее фонетическое явление: такие написания могли появиться позднее, после утраты слабых ѡ, ѡ, — появиться вследствие путанного их применения в письме.

б) Смешение ѡ, ѡ, бывших в слабом положении, — смешение, вызванное утратой их. Отсутствие в языке гласных звуков в этом положении, недосмотр по отношению к оригиналу (переписчик читал чаще целые слова, а не отдельные буквы) — все это имело следствием пропуски ѡ и ѡ и смешанное их употребление: дѣни — дѣни — дни, зѣриши — зѣриши, вѣсѣхъ — вѣсѣхъ — вѣсѣхъ, дѣва — дѣва — дѣва, мѣного — мѣного — много и мн. др.

в) В отношении мены ѡ, ѡ в слабом положении. В. Ягич („Archiv für slav. Philologie“ I, II) впервые обратил внимание на то, что она в длинном ряде написаний в старославянских памятниках представлена последовательно в зависимости от следующего слога: перед слогом с гласным переднего ряда написано ѡ, перед слогом с гласным заднего ряда — ѡ: вѣнѣ — вѣнѣ; зѣло —

ъ, ъ; дѣва — дѣвъ; вѣрѣни — вѣрѣна; вѣратѣ, вѣдѣвица и т. п. В. Ягич и другие лингвисты полагают, что такая мена отражала соответствующее явление речи: ассимиляцию слабых ъ, ь со следующим слогом; это была своего рода гармония гласных. Явление же это относилось ко времени более раннему, чем время написания дошедших до нас памятников, — ко времени, когда в фонетической системе были еще ъ, ь в слабом положении. Во время же написания дошедших до нас памятников слабых ъ, ь уже не было в речи. Поэтому нет выдержанности в передаче мены ъ, ь в зависимости от следующего слога. Пишут дѣва и дѣва, дѣни и др. Но отмечают для более раннего времени и две группы сочетаний, в каких эта мена не отразилась:

1) после задненебных согласных к, г написан ъ и перед слогом с гласным переднего ряда: кѣнѣнѣнѣкъ, кѣназь — кѣназь, кѣде, жгѣнѣнѣзь;

2) после палатальных согласных пишут ь и перед слогом с гласным заднего ряда: вѣ'вѣтѣна, домоу коуп'ѣнаго, запл'ѣваша, оклон'ѣшамъ, уѣто, вѣрашьно, рождѣство и др.

В подтверждение того, что мена ъ, ь в зависимости от следующего слога представляла собою когда-то фонетическое явление, ссылаются на такие написания: вѣртопъ (в Син. пс.) — «вертеп, пещера», предполагая, что такое сочетание (с -о-) получилось вместо вѣртѣпъ, а это вместо более раннего вѣртѣпъ; ср. русск. вертеп. Получилось же вѣртѣпъ (с -тѣпъ) от косвенных падежей: вѣртѣпа, вѣртѣпоу вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде. Следовательно, в косвенных падежах был гласный ъ вм. ь перед слогом с гласным заднего ряда.

вѣп'ѣ вместо вѣп'ѣ (Савв. кн.), при среднеболгарской книжной передаче вѣпль.

сѣдѣвъ — род. множ. (Син. пс.) вместо сѣдѣвъ, а это по аналогии к другим формам: сѣдѣба, сѣдѣбж... вм. сѣдѣба, сѣдѣбж.

вѣзьми, вѣзьметъ (напр., Марин. кодекс). С последними формами сопоставляют диалектические болгарские формы везми (по некоторым говорам Софийского района и в северносолунском селе Сухо).

Нам неясно происхождение написаний вѣп'ѣ и сѣдѣвъ. Что же касается вѣртопъ, с о, то, несомненно, гласный о не из ъ, а продолжал собою такой же гласный (о) доисторического времени. С гласным о это слово было в разных местах болгарских славян, и на юго-западе и на северо-востоке. Этим именем называли

и некоторые пункты поселений, в гористых ущельях. Так было у славян Албании (соврем. Vrtop). Так у славян Болгарии,— в Видинском и Софийском районах. В говорах этих местностей Болгарии замена сильного *ъ* не *о*, а *ѣ*. Так и к северу от Дуная. Многочисленные топографические имена в Румынии: *Virtópul*, *Virtuápele*, *Hirtópul* — свидетельствуют об этом. Тут тоже славянские элементы не указывают на *ѣ* из *ъ*. В давних славянских группах образование этого слова было с разным гласным после *t*: *e* — *o* — *ѣ*: *vyrtěpъ* — *vyrtopъ* — *vyrtěpъ* (чередование гласных).

В языке старославянских памятников был представлен с разными гласными и суффикс в слове *скѣдаль* — *χέραιος* — „черепок“, „черепица“: *-ѣл-*, *скѣдаль* в Мариин., *-ѣл-*, *скѣдѣл* в Зограф., *-ѣл-*, *скѣдѣл* в Саввиной кн., *-ѣл-*, *скѣдѣлъ* (винит. множ.) в Ассеман.

Болгарское диалектическое *везми* появилось не в результате фонетического процесса вместо *възми*. Формы глагола *възати* в говорах Болгарии и Македонии разнообразны по своим элементам. На этих формах отразились результаты фонетических и морфологических процессов.

1) Результат фонетического изменения представляют формы аориста и причастия с *з*: *зех*, *зе*, *зель* вместо *възахъ*, *въза*, *възѣлъ*. Утрачен *ѣ* и в формах *възѣмешъ* — с основой *ем-*, как *вмѣти* (плоды *вмѣти* (Савв. кн.): *земеш*, *земе*. Основа *зем-* обобщена и для других форм: *земи!* — повелит. накл. В таком виде эти формы являются общераспространенными на востоке и на западе Болгарии и в Македонии. Утрата *ѣ* в сочетании *вз* пережита всеми болгарскими группами, как и утрата *ѣ* в сочетании *вс-*: *секи* — „всякий“.

2) По говорам юго-восточной Македонии представлены формы *зѣва* — 3 ед., *зѣви!* — повелит. накл., — с суффиксом *ѣа*, — продуктивным в болгарской глагольной системе: *чуваш*, *купѣва...* Ср. контекст из Леринского края (в южной Македонии): *си зѣвал пу двај-сетина пари на ден и на вечерта си купѣвал [х]лепче* — „брал по 20 денежек в день и вечером покупал хлебец“.

3) *зве*, *звел* при формах *зѣва*, *зѣве* — в южной Македонии.

4) *вѣзмеш*, *вѣзми* — в немногих солунских говорах; *взе* — аорист, *вѣзехте*, *вѣзели* — в говорах Софийского района. В формах наст. вр. и повелит. накл. в софийских говорах употребляется только основа *земе*: *земеш*, *приземе*, *земи!* С *зе-* бывают там и формы аориста и причастия: *зех*, *зе*, *зел*.

5) *вени!* — повелит. накл., в говоре солунского села Сухо.

Оставляя пока в стороне солунское возьмеш, наблюдаем, что в говорах Македонии и Болгарии все формы образованы от основы с утраченным ъ: в[ъ]з-, з-. Полагаем, и вез не представляет собою замены въз из въз: образования с ве появились при фонетической тенденции этих говоров сохранить губно-зубную артикуляцию в вз: эта артикуляция стала сопровождаться артикуляцией гласного, который был во многих формах после з: зе, земеш — окружающих говоров.

Форма вени! связана с формами возьмеш: отсутствует з подобно сочетанию излени! вместо излъзни!

Вопреки В. Вондраку, Н. Ван-Вейку, считаем тезис Авг. Лескина („Archiv für slav. Philologie“, XXVII, 345—349) относительно мены ъ, ь в старославянских памятниках более обоснованным, чем фонетическая теория В. Ягича и его последователей. Авг. Лескин склонялся к такому мнению: эта мена не была вызвана изменением гласных ъ, ь в слабом положении в зависимости от следующего слога; эта мена — явление более позднее, относившееся ко времени, когда слабые ъ, ь были уже утрачены. Если и была зависимость этой мены от следующего слога, то эта зависимость была не та, о какой думал В. Ягич: она указывала на твердость или на мягкость согласного, после которого писался ъ (после твердого) или ь (после мягкого); мягкость же согласного в одних случаях была давней, в других она появилась под влиянием следующего смягченного согласного. Итак: дъни могло обозначать д'н'и; зъли — з'л'и, зъло — зло с твердым з и т. п.

При таком понимании мены ъ, ь будет понятно отсутствие ее после к, г и после палатальных согласных: к, г не палатализовались перед мягким согласным (книга — на письме кънига); прежние палатальные согласные были мягкими и в XI в. (кроме ч, з, љ, которые по диалектам отвердели); поэтому и писали ь после л', н' независимо от образования следующего слога (с гласным переднего и заднего ряда). Палатальность согласного не препятствовала веляризации гласного, как не препятствовала ей и в других языках, где действительно была пережита веляризация: ср. русск. шѣськъ → шѣськъ, мѣшок...

Отметим еще один факт графики в отношении мены ъ, ь. В Супр. рук. почти последовательно, за исключением весьма немногих случаев, предлог „к“ в сочетании с местоимением ѡу, ѡи, ѡма, ѡмъ передается без ъ: к'нѡу, к'нѡи, к'нѡма... как и князь. Писец не находил нужным писать какой-нибудь знак после к,

так как в этих сочетаниях был обычный твердый согласный и. Иное отношение писца было к передаче сочетаний того же местоимения с предлогом „в“: он также последовательно пишет въ; пропуска ь нет: въ н'смь, въ н'си, въ н'ш, въ н'в... В этих сочетаниях не был обычный твердый в, а был мягкий в', в передаче которого нельзя было ограничиться написанием в, а нужно было еще написать ь: ль.

§ 188. 3) ъ, ь в сильном положении. Это было положение, когда в следующем слого находилъ ъ или ь слабый или редуцированный и слабый: вънъ (после в), тѣкъмо (после т), шьдѣ, шьдѣша (после ш), върънъ (после р), коньць (после и), пришльць (после л), тѣстнѣ (после у) и т. п. Еще было одно фонетическое положение, в котором ъ, ь были сильными: в начале слова под ударением: дѣсьм. В тех же условиях ъ, ь были сильными и в других славянских языках. В сильном положении ъ, ь в болгарских языковых группах, отразившихся в старославянских памятниках XI в., имели такую замену.

а) ъ → о, ь → в. Так в глаголических памятниках. Киевские листки сюда не относятся. Исключаются также македонские глаголические отрывки: Македонский листок и Охридские отрывки: в них недостаточно данных, чтобы судить о судьбе сильных. Отметим примеры из Синайской пс.

ъ: вонъ = вон, вопль, дождь, золь — род. множ., ложь, сонъ, соньв, нсохъ (вм. -сѣхъ);

созьдѣ = созда (вм. сѣздѣ), солъгаша;

возьзахъ = возвах, возгръмъ, возьми, воньми, во смърти = во смрти, во мнъ, во нъ же днъ (вм. въ н'ъ же днь), во всьж, во сьвьтъ, во тьмъ, во крѣи, во стьзѣхъ;

ото вѣсток = ото всток, ото вьсѣхъ, ото сьришты;

крѣпокъ (вм. крѣпѣхъ), кротокъ (вм. кротѣхъ), пьсокъ, уствѣтокъ, наутокъ.

ь: весь днь (вм. вьсь днь), мьстнѣка, лестъ, лестѣхъ, темьна = темна (вм. тьмьна), отсутствѣ, отъ стьзъ, пьсьмѣ моухъ: нсустѣхъ, пришльць, сьнѣмъ = снем (вм. сьнѣхъ, „собрание“), но — соньмъ = сонма (вм. сьнѣмъ);

воуренъ (вм. воурѣхъ), красенъ (вм. красѣхъ), мьденъ, подовенъ, правьденъ (вм. правьдѣхъ — „справедлив“), но — правьдѣи = правед'нѣи;

коньць = конец (вм. коньць), прѣвьнѣць, телець = телец (вм. тельць), пришльць = пришлец (вм. пришльць; но ср. отмеченное выше пришльца).

Знаки ѣ, ѥ писались в Син. пс. иногда в значении о, в: естъ-станокъ (48^{об.}) вместо естъ-останокъ; отъ бѣшэдъшнхъ (38^{об.}) вм. отъ-обѣшэдъшнхъ; о нѣмъ (78^{об.}) = о н'ем (вм. о н'емь).

Подобные примеры с о, в вместо ѣ, ѥ в сильном положении представляют и другие глаголические памятники XI в. Только в Зографском кодексе таких примеров мало. В небольших македонских отрывках нет достаточно данных по вопросу о сильных ѣ, ѥ. В Македонском листке нет слов с сильным ѣ; немногие примеры с ѥ сильным не отклоняются от обычной орфографии. В Охридских отрывках вместо сильного ѥ есть в, а слов с сильным ѣ нет.

На гласные о, в вместо сильных ѣ, ѥ в языке писателей глаголических рукописей указывает и такое морфологическое явление, находившееся в связи со звуковым видом слов в разных их формах, — слов, имевших в одних формах ѣ, ѥ сильные, в других ѣ, ѥ слабые: сънъ — съна, днь — дне, вьрънъ — вьрна. В XI в. такие формы имели звуковой вид сон — сна, днъ — дне, вьрвн — вьрна. По образцу чередования форм с о, в и без о, в появились формы с „беглыми“ о, в и в других случаях, в которых эти гласные не восходили к ѣ, ѥ. Такое явление отразилось в говоре писца Синайской псалтыри: вьрна — им. вин. множ. 136^{об.}, из камни 52. Это — не описка. То же явление отразилось и на имени дѣмонъ — *δαίμων*: и пожръша („и принесли в жертву“) сѣты своа и дѣврн своа дѣмонъ, 140. Ср. такое же явление в судьбе некоторых слов с давними е, о в русском языке: ледъ — леда, камень — камене, ровъ — рова стали изменяться подобно словам с е, о вместо ѥ, ѥ: лёд — л'да, камен' — камн'а, ров — рва.

Старославянские рукописи македонского происхождения, с о, в вместо ѣ, ѥ сильных, были под руками и в Южной Сербии. Следы их отразились в древнейшем сербском памятнике, в Мировславовом ев., — отразились в ряде написаний с о, в вместо ѣ, ѥ: лакоть, созда, соншнхъ, вонъ (вм. вонъ из вѣнъ), сънемъ (вм. сънемъ из сънѣмъ — „собрание“), праведна и др.

б) ѣ → ѣ, ѥ → в. Редуцированный гласный заднего ряда не подвергся значительному изменению в укладе языка и губ; но он стал полнее в своем образовании, сохранив прежнюю характерную черту — более короткую вибрацию голосовых связок. Такая замена сильных редуцированных гласных отразилась в Супрасльской рукописи. Во всей рукописи нет примеров с заменой ѣ сильного посредством о. Только в 3 словах оказалось о: в суф-

фиксе -ок- прилагательного *крѣпокъ* (464) и -ов- в м. -ъв- в прилагательных *любоекънын* (166), *смоковьнааго* (345). Повидимому, эти слова не находились в связи с результатом фонетического процесса, пережитого в говоре писца: слова с основами *любоек-*, *смоков-* были словами книжными, идущими из глаголических оригиналов с *о* вместо сильного *ъ* или были словами книжного языка, сформировавшегося там, где *ъ* в сильном положении изменился в *о*. Прилагательные с суффиксом -ок- находятся и в среднеболгарских рукописях, при этом в таких, которые изготовлены писцами, не имевшими *о* вместо *ъ*; то же явление представляют и современные восточные болгарские говоры, в которых нет *о* в м. *ъ* (сын, дъжд). Образование прилагательных на -ок- распространилось от таких прилагательных, как *высокъ*, *широкъ*, *жестокъ* с давним -ок-; с таким же суффиксом стали образовывать и другие прилагательные: *крѣпокъ*, *кратокъ*. В отношении сильного *ь* многочисленные примеры с *о* свидетельствуют о фонетической черте писавшего (Супр. рук.) — *ь* → *о*: *темници*, *темьници*, *дньсь*, *мьсть*, *шдь*, *праводьни*, *конецъ*, *силень* и многие др. Так в первой части рукописи (до стр. 285 по изданию Северьянова). Но во второй части примеры с *о* редки. Повидимому, перед писцом был оригинал, не представлявший такой замены сильного *ь*.

Вероятно, одну группу с Супрасльской рукописью составляют листки Ундольского и Хиландарские. Они также представляют примеры с *о* в м. *ь* в сильном положении. Но примеров с *ъ* в сильном положении в этих отрывках нет. Предполагаем только, что *о* в м. *ъ* в них не было, подобно данным Супрасльской рукописи.

в) *ъ* → *ь*, *ь* → *ь*. Таковы данные Саввиной книги. Сюда не относятся формы имен существительных на -вь (творит. ед. и дат. множ. в основах на -ь и на согласный), на -вхъ (местн. множ. в тех же основах): *именвь* (и — *именьвь*, *именьвь*), *людехъ*, *врьменехъ* и некоторые другие.

Эти формы образованы вновь, по образцу форм с давней основой на -jo (-'ь, 'о): *кон'вь*, *кон'емъ*, *отъцемъ*, *пол'вь*...

Находится *о* и в двух основах слов книжного происхождения: *смоковни*, *смоковььна* (-ов-), *книсоветы* — *тоѡ хѣрусоѡ* (книжь, книжь — *хѣрусѡс* — „дань, подать“).

Не представляют замен *ъ* и *ь* в сильном положении и Зографские листки. В Македонском кириллическом листке один знак *ь* для *ь* и *ъ* во всех положениях.

Надпись Самуила 993 г. не представляет данных для определения судьбы ъ и ь в живой речи того времени. В немногих имеющихся тут примерах ъ , ь во всех положениях, в слабом и сильном, употреблены правильно. Только в одном случае написан ъ вместо ь : накрѣстьхъ , рѣ вм. рѣ . Если процесс утраты слабых ъ , ь после р , л проходил одновременно с утратой ъ , ь и в других сочетаниях, то можно полагать, что уже в конце X в. слабые ъ , ь были утрачены. Следовательно, такие написания, находящиеся на этой плите, как ѣтъца , азъ , инъди [кта], представляли собой только орфографию.

§ 189. Глаголические памятники с заменой сильного ъ посредством ѡ , сильного ь посредством ѡ были написаны лицами, происходившими из Македонии или из нынешней юго-западной Болгарии. Мы располагаем памятниками XII—XIII вв., написанными в Македонии (Охридский апостол, Болонская пс., Битольская триодь и др.). Они представляют ту же замену ъ и ь , как и глаголические памятники XI в.: ѡ , ѡ . О той же замене свидетельствуют и современные говоры Македонии и юго-западной Болгарии.

Супрасльская рукопись отражает говоры восточноболгарской области. Среднеболгарские памятники, происходящие из восточной Болгарии, представляют такую же замену ъ , ь в сильном положении — $\text{ъ} \rightarrow \text{ъ}$, $\text{ь} \rightarrow \text{ѡ}$: сънъ , крѣпъкъ , денъ , спленъ . Такое же указание извлекаем и из современных восточноболгарских говоров: сън , дъжд , тъкмо , ден , вѣрен , силен .

К какой области относился говор, отразившийся в Саввиной книге и в Зографских листках? Памятников среднеболгарских с такой судьбой ъ , ь в сильном положении ($\text{ъ} \rightarrow \text{ъ}$, $\text{ь} \rightarrow \text{ѡ}$) не известно. Нет и говоров, в которых были бы представлены гласные ъ , ь вместо сильных ъ , ь . Повидимому, продолжатели говора, отразившегося в Саввиной книге и в Зографских отрывках, восприняли в течение времени некоторые черты соседней диалектической области, в том числе замены сильных ъ , ь : или восточноболгарские или юго-западноболгарские, вероятнее восточноболгарские ($\text{ъ} \rightarrow \text{ъ}$, $\text{ь} \rightarrow \text{ѡ}$).

Примечание к предшествующему отделу. Смешение ъ и ь , вызванное разными причинами, повело к тому, что в некоторых памятниках XI и последующих веков стали пользоваться одним знаком, ъ или ь . Так, в лл. Ундольского, за исключением немногих случаев с ь , пишется ъ , в кириллическом Македонском листке применяется только ь .

§ 190. Кроме редуцированных њ, њ, в старославянском языке, как и во всех других славянских языках, были редуцированные ŷ (ы) и і. В характеристике языковых процессов доисторической эпохи отмечены были фонетические условия, при которых появились эти редуцированные ŷ, і: вместо њ, њ перед j (і) и перед і: тѣjѡ → тѣŷjѡ, добръ-і → добръŷі, вѣ-іnѡ → вѣŷіnѡ, добръ-ічѣ (родит. множ.) → добръŷічѣ, тѣ-і (тѣ-іі) → тѣŷі (повелит. накл.), бѣjѡ → бѣŷjѡ, сѣп'-ѣ-і → сѣп'ŷі, сѣп'-ѣ-ічѣ → сѣп'ŷічѣ, знаменьје → знаменŷіје, братѣја (bratѣја) → bratrŷіја (bratŷіја), бѣ-і (бѣ-іі) → бѣŷі (повелит. накл.), сѡдѣ (сѡдѣіі) → сѡдŷіі (именит. ед.) и т. п.

Эти редуцированные в старославянских памятниках передавались посредством њ и н: крѣŷни, добрън, вѣннѣ („всегда“), вѣннѣнѣ, вѣннѣнѣ едѣнѣнѣ (Син. пс.), добръннѣ, крѣн (повелит. накл.), бол'ни, братрнѣ, вѣннѣнѣ. Но это не были обычного образования гласные њ, н, как в словах сынѣ, бытн, вѣтн. Это были гласные неполного образования, похожие в акустическом отношении на ѣ, и по причине высокого подъема спинки языка, при каком произносились эти гласные (под воздействием следовавшего образования j, і). О том, что это были редуцированные гласные, свидетельствуют следующие обстоятельства.

В старославянских памятниках представлена и иная передача этих гласных — посредством њ, њ: нарѣтѣнѣ и нарѣтѣнѣ, гостнѣ и гостѣю, людн (родит. мн.) и людѣн, абнѣ и абѣю, пнѣ и пѣнѣ, зѣваннѣ и зѣванѣю, ѡ коурнѣ вѣспѣтнѣ, по коурѣн вѣспѣтнѣ (последние 2 примера из Син. тр.). Но передача посредством њ, њ в некоторых случаях представляла обычного образования гласные њ, њ (как показано будет ниже).

Еще более показательное такое свидетельство о редуцированности њ, н в указанных выше сочетаниях: перед слогом с гласным полного образования такой гласный н утрачен был ко времени написания дошедших до нас памятников XI в., т. е. это был гласный неполного образования, находившийся в слабом положении (примеров с њ в слабом положении нет). Вот несколько примеров, ясно указывающих на утрату редуцированного н в слабом положении. голнѣ (Зограф.) вм. вѣлнѣ (вѣ-ііја); брѣннѣ вм. брѣннѣ; вѣспѣтнѣ вм. вѣспѣтнѣ (примеры из Клоц. Сб.); неувѣстнѣ вм. неувѣстнѣ, во снѣ, во тѣмѣ свѣтѣ (Син. пс.); пришествѣнѣ вм. пришествѣнѣ, брѣннѣ, іе трѣстнѣ, трѣстнѣ вм. трѣстнѣ,

дѣнне нѣши, цѣловѣнѣ, любовѣнѣ вѣм. цѣльѣнѣ, любѣѣнѣ (Син. тр.). прише-
 ственѣ, нашествѣнѣ, цѣсарственѣ (Супр. рук.) и др. Гласные ѣ, в вѣм. ѣ, ѡ
 появились потому, что в следующем слоге произошла утрата
 редуцированного гласного. Это был редуцированный и, как вспо-
 минает о нем традиционная графика, копируя прежние написания
 -нѣш, -нѣ... Писец иногда писал и ѣ, ѣ в этих случаях, тоже не
 обозначавших в XI в. гласного звука в слабом положении.
 Например: дѣнѣ вѣм. дѣнѣнѣ, лѣстѣнѣ вѣм. лѣстѣнѣ, брѣнѣнѣ (Клоц. Сб.,
 Мариин., Син. пс., Син. тр.), сѣнѣнѣ (Син. пс.). Знак ѣ или ѣ в этих
 написаниях в XI в. имел то же графическое значение, как в на-
 писаниях зѣмѣнѣ, зѣмѣнѣ: он указывал на наличие ĭ (j) после со-
 гласного: лѣст'-ĭж, зѣм'-ĭж.

Итак, в XI в. редуцированный гласный и в слабом по-
 ложении не существовал в фонетической системе говоров,
 отразившихся в старославянских памятниках: было тогда зна-
 мен'је вѣм. знаменѣнѣ, брат'ја вѣм. братѣнѣ, здрав'је вѣм. здравѣнѣ.

Такой же процесс пережит и другими южнославянскими и
 восточнославянскими языками (за исключением некоторых запад-
 ных хорватских говоров и некоторых словинских). У западных
 славян и в некоторых говорах хорватских и словинских процесс
 проходил иначе: там рано произошла утрата ĭ между гласными;
 два гласных, из которых предшествующий мог быть редуциро-
 ванным ĭ, стянулись в один долгий гласный: знамен ĭje → зна-
 мен ĭe → -n'ě, знамен ĭja → -n'ia → -n'ā...

§ 191. В сильном положении редуцированные были при
 таких условиях: а) в начале слова под ударением, б) перед ĭ,
 который в заударном слоге после гласного становился реду-
 цированным (а позднее неслоговым). В таком положе-
 нии редуцированные ѣ, и стали обычными ѣ, и полного образова-
 ния. Так было в истории всех славянских языков.

а) мѣш, мѣшнѣ; вѣш, вѣшнѣ; мѣн (повелит. накл.), вѣн (повелит.
 накл.).

б) добрѣнѣ (= dobryĭ вѣм. dobrŭi); бол'нѣ (= bol'ii вѣм. bol'ii).

На письме эти ѣ, и передавались попрежнему, буквами ѣ, и.

Стяжение. Сочетания ѣi, ii или позднее уi, ii подверглись
 ассимиляции и стяжению в один гласный ѣ или и. Именит. ед.
 добрѣ, другѣ, нѣмѣ, болѣ, волѣ, трѣтѣ; повелит. накл. ѣумѣ (Зограф.);
 вѣ (местн. ед.; именит. вѣнѣ вѣм. vŭja — „шея“); сѣдѣ вѣм. сѣдѣнѣ;
 мѣнѣ вѣм. мѣнѣнѣ (последние примеры из того же памятника),
 вѣнѣ вѣм. вѣнѣнѣ.

Так было и в других славянских языках.

Если же стяжения не происходило, то редуцированный *i* (из *i*) становился неслоговым: *umyi* → *umyj*, *pi* → *pij*, *dobgyi* → *dobgyj*.

Формы повелит. накл. с *-yj*, *-ij*, (*myi!* *bij!*) находятся в разных славянских языках. Но формы именит. ед. мужск. рода прилагательных на *-yj*, *-ij* (*dobryj*, *sin'ij*) представляют только восточнославянские группы (в русском языке с дальнейшим изменением сочетаний *yj*, *ij* всякого происхождения в *oj*, *ej*: *dobroj*, *sin'ej*). В других славянских языках эти формы представляют результат стяжения, указанного выше: *dobrȳ* (*dobry*), *sinī* (*sini*), *pěši* (*pěši*).

В старославянском языке, по указанию памятников XI в., нередко были представлены формы в именах существительных без результата стяжения и без изменения гласного *i* в *j*. Напр.: *о спасени*, на *распятихъ* и т. п., но и: *о съспасени*, на *распятихъ*... В последнем написании (с *-ни*) может отражаться графика более ранних оригиналов; но такие написания могли служить и для передачи сочетаний: *о спасен'jn*, на *распят'jnx*. А такие сочетания — с *i* (или с *j*) перед окончанием — появились вследствие обобщения основы в одинаковом звуковом виде: как в родит. *спасен'ja* (вм. *съспасен'ja*), как в дат. *спасен'ju*, так и в местном: *спасен'ju*.

Сравните отсутствие стяжения и в таких формах, как *вѣн*, *вратн* (дат. и местн. ед.) и т. п. Причина наличия *-ѣн*, *-нн* та же, что и в предшествующих примерах, т. е. объединение основы в отношении звукового вида ее: как в именит. *вуја*, в родит. *вује*, основа *вуј-* и в дат. местном: *вуј-и* (*вѣн*); как в родит. *bratje* (вм. *bratije*), в винит. *bratjō* (вм. *bratijō*), так в дат. местном *bratji*.

В старославянских памятниках сложные формы прилагательных представлены с результатами стяжения *-ѣн* в *-ѣ*, *-нн* в *-н*: *добрѣхъ*, *добрѣмъ*, *тоуждѣхъ*, *тоуждѣмъ*. Но имеются и формы с *-ѣн*, *-нн*: *добрѣнмъ*, *тоуждѣнмъ*. Эти последние формы могли быть перенесены из более ранних оригиналов; но были и такие случаи, когда формы на *-ѣн*, *-нн* (*-ѣнхъ*, *-ѣнн*) представляли собою выражения соответствующего явления современной речи: то были образования нового формирования, под воздействием форм местоимений *нх*, *нм*, *нни*: *добрѣнхъ*, *добрѣннмъ*... Связь сложных форм прилагательных с формами местоимений отражалась в разные периоды во всех славянских языковых группах, связь в том или ином направлении. Ср. в севернорусских говорах формы

позднейшего происхождения на -оему, -ым, -ых (-ыјех)...: в другѡјом мѣстѣ, за нѡвым домом, нѡвыјех домов.

В старославянских памятниках находится наречие *вѣннѣ* и с дальнейшим результатом *вѣннѣ* — „всегда, постоянно“. Иная судьба была сочетания предлога *въ* с именем истина: тут происходила только ассимиляция с *н* (*въ истинѣ, въ истинѣ*), но не представлено *въ вѣннѣ*. *вѣннѣ* (*въ истинѣ*), не представлено потому, что сочетание с предлогом *въ* или *в* не отрывалось от прочих случаев применения этого имени, — случаев беспредложных; сочетание *въ истинѣ* не стало обособленным наречием, каким стало *вѣннѣ*, а потому не произошло и объединения *въ-н[истинѣ]* в *въ(истинѣ)*. Но по говорам *въ-н:истинѣ* отрывалось от формы истина, истинѣ... и становилось наречием. В таком случае *въ-н* → *въ*. На это указывает современное болгарское наречие *вистина* — „поистине, действительно“.

§ 192. Выше были отмечены сочетания с *ъ, ь* перед *н, ю, ѡ*, — отмечены с указанием, что в одних случаях посредством *ъ, ь* обозначались редуцированные *ъ, н, в* других — *ъ, ь* могли не указывать на гласный, а на утрату слабого редуцированного *н*: *пѣшѣ вино* (Син. пс.), *пѣню* — *пѣню*, *пѣню* = *пѣню*. Но были и такие случаи, в которых *ъ, ь* перед *н* передавали собою редуцированные *ъ, ь*.

Зограф.: *нарѣчѣнѣ, стѣи* (скатьи), *ускѣи, бол'ы, вѣлы, заповѣды* (-ь + и) — родит. множ. и др. Наличие *ъ, ь* в этих формах обязано связи с родственными формами и основами, в которых *ъ, ь* не находились перед *и*. Для формы именит. ед. мужск. рода имен прилагательных типа *добрѣи* имела значение связь с формой того же падежа в именном ее образовании: *добрѣ*; для *бол'ыи* — формы косвенных падежей: *бол'ыша, бол'ышу*. Формы родит. множ. с *-ыи* вызваны связью с другими формами множ. ч.: дат., твор., местн.: *костыѣ, костыи, костыѣ*; с основой *кость-* образована и форма род. мн.: *кость-и, днь-и* (Савв. кн.).

На то, что в таких образованиях действительно был гласный *ъ* или *ь*, а не *ъ, н*, указывает их дальнейшая судьба в XI в. В глаголических памятниках, представляющих *ѡ, ѡ* вместо сильных *ъ, ь*, отражаются иногда *ѡ, ѡ* и в указанных выше формах. Напр.: Зограф.: *стои, крѣп'ѣи* (при наличии в написании и более ранних образований: *крѣп-и* — *крѣп'и*), *костѣи, Мариин.*: *стѣи, нарицѣмон, болѣи, вѣлѣи, лѡуѣи, крѣплѣи, ѡудѣи* (именит. ед. мужск. рода сложной формы причастия прош. *ѡудѣ'ь*, сложная

форма *оударъи*, с -ь под влиянием *оударь, оударьша...*); *людси, дьнси...*; Син. *пс. лажакон, прѣмждроі, неустивоі, грѣшноі*; *велси, вѣшьсшн, нштси* (имеются и написания с ь: *нштѣн*; были и именные образования: *нштѣ, нштѣ...*); *врабѣи* (как глосса к „птица“, 11^{об.}); *неуалси, скръбен, заповѣден, хлабен твоихъ, съвѣдѣнси, дьнси*. Син. тр.: *велси страхъ, врагъ ѣжси, отъ сътен, скръбси* причастие именит. ед. мужск.: *градѣшси покон, створси, помолси ед, изволси, запряшси* и др.; -он (оі или ој) -ен (еі или еј) были и в старославянском оригинале сербского Мирославова ев. Несколько написаний с -он, -си в именит. ед. мужск. рода и в родит. множ. прежних основ на -ї (пять, двѣрь), находящихся в этом памятнике, не могло быть внесено сербским писцом, так как в сербском языке судьба ъ, ь была иная. Эти написания перешли из старославянского, македоно-болгарского оригинала: *колен, велен, ѣжси, оумерси; пютен* (в ст.-сл. оригинале было *пѣтси*), *людси, дьврси, дьврси* (вм, двѣрси), *всен* (вьсь — „село“, „деревня“).

В болгарских диалектах формы прилагательных на -ој, -еј вышли из употребления. В современном болгарском языке имеются только формы именные (нов) и сложные с результатом стяжения: на -и из -ы (нови). Формы имен существительных на еј употребляются и поныне в болгарских говорах: *врабѣи, слѣвий* и *славѣи, сїпей* — „обвал“, „обсыпающееся место“, *чѣрвѣи* — „червяк“.

Формы на -еј, происходящие из -ьї, имеются и в восточнославянских языках. Так, в украинском: *соловѣи, инѣи*; родит. множ. *ночѣи, дверѣи, дней*; в белорусском: *салавѣи, вирабѣи, сам-третѣи* (старобелорусск.); родит. множ. *гасцѣи, людзѣи, канѣи*. Но в этих языках имеются и формы на -їј: *соловїи, гусїи* — *гус'їи* и др. (украинск.); *конїи, грошїи* (белорусск.). В русском языке сочетание *їј* всякого происхождения изменилось в *еј*: *биї → беї, сам-третїи → сам-третѣи; Кїїев → Кеїев, Куприїан* — или *Киприїан* или *Чуприїан → Купреїан, Кипреїан, Чупреїан* и др. (Параллельно с этим *ыї → ої: дурнїи → дурної, мыї → мої*). Но в южнорусских (южновеликорусских) говорах имеются следы разного происхождения сочетания -еј: 1) из -їј, 2) из -ьї. Следы эти выражаются в том, что перед ударенным *е* в форме именит. ед. мужск. рода и родит. множ. находится по говорам в одних словах *и*, в других — *'а*.

и: сам-третѣї, плїчѣї (ед. пл'ачо), свїчѣї, дїтѣї, двїрѣї.

'а: ар'апѣї — „репейник“, чарвѣї, чартѣї, зїл'анѣї (именит.

множ. зилин'а — „хлебные посе́вы“), н'а-бе́ј („не бей!“). Гласный *и* в предударном слоге указывает, что под ударением был некогда гласный не *и*, а *е* из *е* или из *ь*: ср. в таких говорах звуковой вид сочетаний: бирéш, нисéш, плитén' („плетень“), типéр'а („теперь“), винéц; также перед 'о из *ь*: дин'ók („денек“ — дьнькь).

Гласный 'а в предударном слоге в таких говорах указывает на гласные *и*, *ы*, *у*, *ъ*, которые были в следующем, ударенном слоге: ба'р'и! н'аси́! вил'ак'и („велики“), с'астр'ы, т'амн'ы́н' („темнота“), гл'адéл, в'алéл, б'алéја — сравн. степень... Следовательно, диалектические южнорусские (южновеликорусские) тритéј, двирéј... с *и* в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -ы́: трет'ы́, дверь'ы́; -ы́ (-ы́) изменилось затем в -еј.

Сочетания же ар'апéј, зіл'анéј, н'а-бе́ј], с 'а в предударном слоге, восходят к сочетаниям с -и́: р'ѣпи́, зелени́ (родит. мн.); -и́ (-и́) затем изменилось в -еј.

§ 193. Дополнение. Изменению в редуцированные *ъ*, *ь* подверглись также те *ъ*, *ь*, которые оканчивали собою слово в сочетании со словом, начинавшимся с *и* (*и*, *ји*): поставити *и*, осждагы *и*, слышахомы *и*, виделы *и* вси (из Маринн.); погоубиты *и*, видѣгы *и* (Супр. рук.); азъ вамъ прѣдамъ *и* (вм. прѣдамъ *и*), памати нмъ (вм. память нмъ, из Клоц.). В этих случаях происходило то же явление, как и в сочетаниях предлогов с именем или местоимением, начинавшимся с -и: вы истинъ, вы инъ → вынъ, къ неправльню (последний пример из Клоц.). И в этих случаях отражалась связь с формами, находившимися вне сочетаний со словом, начинавшимся с *и* — принесеть *и*, но было *и*: принесеть хлѣвъ; по образцу последних сочетаний говорили также с *ъ* и: принесеть *и*. В сочетании с местоимением винит. ед. мужск. р. *и* это последнее, объединившееся с предшествующим глаголом в одно акцентное целое, было неслоговым, несколько ранее оно было редуцированным в таком сочетании: *принесетъ-и* → *ту-и́*; или *принесетъ-и* — *принесетъ-и́*; *вѣтъ-и* → *вѣт-и́-и* → *вѣт-и́-и́ (-и́)* или *вѣтъ-и́*. Вследствие изменения конечного *и* после гласного в *и́* → *и́*, редуцированный *у́* или *ъ́*, *и́* или *ь́* в предшествующем слоге оказывался в сильном положении. На то, что *ъ́*, *ь́* были в таком сочетании сильными, указывают примеры с *о*, *о* вместо них в глаголических памятниках: оубнемо *и* (Ассеман.); азъ вамъ прѣдамъ *и* (Маринн.). Имеется ряд примеров с -о и *и* в Син. пс.: смъврнто *и*, пошто *и*, изъавнто *и*, пожръхомъ *и*. Но для этого памятника не исключена возможность и графической

причины появления написания с ѡ (э), вместо ѣ (я), как отмечено было выше.

В сочетаниях с -ы, -и в конце слова, а также предлога (вы, кы) перед словом, начинавшимся с и, следует иметь в виду и то, что эти -ы, -и могли в некоторых случаях не представлять собою замен более ранних ѣ, ѡ, а могли появиться позднее утраты конечных ѣ, ѡ, появиться при сочетании конца слова, оканчивавшегося на согласный, или при сочетании предлога в, к со словом, начинавшимся с и. В таких сочетаниях вторая часть в образовании согласного конца слова или предлога, рекурсия его, сливается с артикуляцией гласного следующего слова. При твердом согласном предшествующего слова или предлога в, к гласный и изменялся в ѡ; при мягкости согласного предшествующего слова артикуляция гласного и примыкала без особого изменения к артикуляции предшествующего мягкого согласного: дам'-и → дам'и. Такое явление представляет фонетика современного русского языка (при наличии гласного ѡ): подывој („под ивой“), с -ы-ваном („с Иваном“), з братом-ы-ваном („с братом Иваном“), пит'-и-ѣс'т' („пить и есть“). Подобное явление было и в болгарских говорах XI в., после утраты конечных ѣ, ѡ. Такого происхождения -мы в сочетании: ѡмы и вм. ѡм-и, а это вместо ѡмъ и (Ассеман.). Мы не может поддержать такое объяснение этих сочетаний: ѡ здесь вместо ѣ, вследствие раннего изменения конечного мь в ѡ (еще при наличии редуцированных гласных). Полагаем, что губные согласные отвердели в конце слова ранее, чем в середине слова, но все же отвердели после утраты слабого ѣ: ѡмъ → ѡм' → ѡм; дамъ → дам' → дам. Сочетание же ѡм'и → ѡмы, что передано писцом, желавшим выделить местоимение и, таким образом: ѡмы и, прѣдмы и. И в других славянских языках губные, заканчивающие слово, отвердевали раньше, чем перед гласным переднего ряда, но отвердевали после утраты конечных ѣ, ѡ. Для восточнославянских языков имеются указания на существование мягких губных согласных не только в XI—XII вв. (отсутствие замены ѣ посредством ѣ в этом положении), но и в XIII—XIV вв. Напр.: нкнмь, цѣлмь и др. в духовной грамоте Калиты 1328 г.; пуднмь товаромь, с мѣштеремь и др. в Полоцкой грамоте около 1330 г. По говорам на юге и на западе у восточных славян были в XIII—XIV вв. и сочетания с отвердевшими губными согласными в конце слова.

§ 194. Сочетания доисторической эпохи ъг, ьг, ъі, ьі между согласными переданы в старославянских памятниках посредством рь, рь, лъ, ль, — последовательно с ъ, ь после р, л: грѣдѣ, сьмрьтъ, срьдцьѣ, хльмъ, влькъ. Для доисторической эпохи мы полагаем, что плавные г, і в этих сочетаниях были носителями слога, а находившиеся перед ними ъ, ь были неслоговыми: гѣрѣдѣ, сѣмрьтъ, сѣрьдцьѣ, вѣлькъ (см. § 94). В старославянском языке, как и в других южнославянских языках, а также в словацком и чешском, плавный продолжал быть носителем слога. Изменение, пережитое этими сочетаниями в той славянской группе, которая легла в основу старославянского языка, касалось неслогового редуцированного гласного элемента: он стал следовать за слоговым плавным, может быть, в связи с той же фонетической тенденцией, какой вызвана была и перестановка в tart, tĕrt, talt, tĕlt: trat, trĕt, tlat, tlĕt: gradъ, brĕgъ... Если бы гласный элемент попрежнему находился перед плавным, то Константин и Мефодий, с таким мастерством проанализировавшие фонетическую систему языка солунских славян и с такой точностью фиксировавшие ее в письменности, так и передали бы на письме: ъ, ь перед р, л. Знаки ъ, ь служили в этих случаях не одним только указанием на слоговость г, і, а передавали некоторый гласный элемент, похожий на ъ или на ь и сопровождавший артикуляцию слоговых плавных. На то, что ъ, ь в этих случаях выражали гласный элемент, указывает то различие в применении их, какое было в написаниях, восходящих к кирилло-мефодиевской орфографии: ъ писали в тех сочетаниях, в которых и в доисторическое время был редуцированный заднего ряда; ь писали там, где издавна был редуцированный переднего ряда. На такое применение ъ, ь при плавных указывают Киевские листки: сирѣьни, сверьностин, оутвърди, твьрьдѣ, срьдцьѣ, дрьлнмъ, напльнѣнн. И в других памятниках имеются следы такого применения ъ, ь. В глаголических памятниках в передаче замены тѣгѣ служит рь между согласными. Так же передается часто и замена іѣгѣ. Но в передаче этой последней замены встречается и рь из более ранних оригиналов: мрьтвь и мрътвь, сьмрьтъ и сьмрътъ и др. Различие в применении в первых славянских переводах знаков ъ, ь при плавных указывает на разные гласные элементы за слоговым плавным. Мы не можем полагать, что ь указывал на мягкость плавного, как

утверждают некоторые из лингвистов. Нет следов ни в одном из славянских языков мягкости *г*, *і* перед твердым зубным согласным: *skъgъno*. Между тем, в Киевских листках, близко отражающих древнейшую орфографию старославянских памятников, находится *рѣ: скрънѣстни*. Мы не отрицаем некоторой мягкости плавных *г*, *і* в сочетании с *ь* не перед твердым зубным согласным (*въгѣда, въгѣшь...*), но если она была перед твердым зубным согласным, то наличие ее указывает опять-таки на положение *ь* после плавного: некоторая мягкость согласного, в том числе и плавных, была вызвана здесь положением перед гласными переднего ряда. Итак, если было *г'* перед твердым зубным согласным, то не потому, что ему предшествовал *ь* (*tvъgъdъ* — такого произношения с мягким *г'* не было у славян), а потому, что за ним следовал *ь*: *tvъgъdъ* — *tvъgъdъь*, *vъkъ* — *vъkъь*, *mъlъti* — *mъlъtiь*.

§ 195. Старославянские памятники XI в. указывают на то, что в языке их писателей слоговые *г*, *і* были без *ъ*, *ь*: эти слабые неслоговые гласные были утрачены. Сохранялась только графическая традиция писать *ъ* или *ь* после плавного. Писали *мрътъь* и *мрътъьь*, *зръно* и *зръноь*, *отвързи* и *отвързиь*, *дльгъ* и *дльгъь*, *напальни* и *напальниь* и т. д. Встречаются и написания без *ъ*, *ь*: *врхоу*, *сръдце, сръдца*, *цръкве* (Зограф.), *скрънѣшта*, *милосръдво* (Мариин.): *tvъgъ*, *smъrti* (Син. пс.). Еще более важно указание Македонского кириллического листка. Писец отступил от прежней традиции писать *ь* после плавного: он пишет его перед плавным — *върхъь*, *дързостнѣь*, *гърдъь*. Таким же способом он передал *і* и в слове *рѣти*: *vъlъtiь*. Но и такое написание он считал неудовлетворительным для передачи слогового свойства плавного. Он пишет *ь* по обе стороны *л*: *дльгъьлъь*.

Итак, в XI в. в языке старославянских памятников были сочетания с *г*, *і*: *врх*, *длг*. Во 2-й половине IX в. за слоговыми *г*, *і* следовали *ъ*, *ь* неслоговые. Их значение в фонетической системе было не то, что обычного образования слоговых *ъ*, *ь*. Слоговые *ъ*, *ь* или подверглись утрате (в слабом положении), или заменились гласными полного образования (в сильном положении). Гласные же *ъ*, *ь* после слоговых плавных были очень слабыми неслоговыми гласными элементами. Утрата их произошла во всех положениях: не только *врхоу* — *врху*, но и *врхъь* — *врх*. Утрата *ъ*, *ь* не вызывала удлинения гласных *ъ*, *ь* в предшествующем слоге, — удлинения, связанного с утратой слабых *ъ*, *ь*, бывших раньше слоговыми. Поэтому: *дльнъ* → *длѣ[ь]*,

но съмрътъ → смрт[ь], съмръти → смрти. Ср. фонетическое значение ѣ и ъ в сочетании въ съмръти: в XI в. вместо этого сочетания было во смрти (три раза в Син. пс.), ото съмръти (Син. пс.): после е гласный ѣ был в слабом положении, перед слогом с р; после в, т гласный ѣ был в сильном положении в связи с ослаблением и затем утратой гласного ѣ в следующем слове (в съ-); ср. в Синайской же псалтыри отъ слезъ.

§ 196. От доисторической эпохи язык славян болгарских, как и другие славянские языковые группы, унаследовал такие сочетания плавного с ѣ, ъ между согласными, в которых редуцированные находились после плавного: кѣвъ, кѣвавъ, слъза, слъзь... Слоговое значение плавного и редуцированного в этих сочетаниях было не одинаково в зависимости от образования следующего слова.

1) Если в следующем слове был слабый редуцированный ѣ, ъ, то носителем слога в сочетании гѣ, гь, ѣъ, ѡъ был гласный ѣ, ъ: кѣвъ, слъзь. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. На такое значение сочетаний рѣ, рь, лѣ, ль в этом положении указывает то обстоятельство, что тут ѣ, ъ в памятниках XI в. не смешиваются, как смешиваются они в передаче grd, tvrd, vlk: грѣдъ — грѣдъ, влѣкъ — влѣкъ. О том, что в сочетаниях крѣвъ, плѣтъ, слѣзь слогообразующим элементом был ѣ, ъ, свидетельствуют примеры с заменой их посредством ѡ, ѡ в глаголических памятниках: в этих сочетаниях ѣ, ъ были такими, как и в первом слове слов сънъ, днь и т. п., — слоговыми, сильными: кровъ, плѣтъ, слѣзь, брнь (Син. пс. и в др.), стрѣльтивъ (Син. пс.).

Встречаются написания со смешанным применением ѣ, ъ и в этих случаях: плѣтъ, кровъ. Но такие написания отражали более позднее состояние болгарских диалектов. Такие написания передавали сочетания с г, ѡ слоговыми (p|t', kv' — kv). А такие сочетания появились по образцу p|ti, kvvi и др.; см. ниже.

2) Сочетания гѣ, гь, ѣъ, ѡъ находились перед слогом с гласным полного образования. В таких сочетаниях ѣ, ъ были слоговыми слабыми гласными. Так было во всех славянских языках. Так было и в языке славян болгарских в IX в.: крѣво (род. ед.), крѣви (дат. ед.), плѣти, слѣзми. В отличие от сочетаний типа trt, tь|t (ст.-сл. трѣтъ, тлѣтъ) редуцированные гласные в сочетании типа trьt, tьt перед гласным полного образования были носителями слога в то время, когда в фонетической системе славян имелись

ъ, ь слабые (ъ, ь перед слогом с гласным полного образования). Они составляли слог, как ъ, ь в других сочетаниях: съпа, дьпе. Когда на следующей фонетической стадии утратились слабые редуцированные гласные, они утратились и в сочетаниях kŕ[ъ]vi, sl[ъ]zami. Но след того, что они были некогда слоговыми (носителями слога), остался такой: если в предшествующем слогом был ъ или ь, то он был сильным и заменялся гласным полного образования: възгрьма (Син. пс., 2 раза), во крѣви (Син. пс., 2 раза), сокръ-воньихъ и другие сочетания с во-, въз-, вос-, со- (вместо въ-, въз-, въс-, съ-). В этих сочетаниях изменение ъ в о обусловлено тем же, чем такое же изменение и в других сочетаниях: во въсьхъ и др. в той же Син. пс.: наличием слабого ъ, ь в следующем слогом и утратой его; этот слабый ъ, ь был некогда слоговым: въ[šè]chъ, дь[pe]... Таким он был и в сочетаниях kŕ[ъ]vi... Сравните иное фонетическое значение ъ, ь в сочетаниях tŕgt, tŕgt (ст.-сл. трѣт, трѣт): тут ъ, ь издавна не были слоговыми и потому не имели значения для усиления (для продления) гласного ъ, ь в предшествующем слогом: съмръти, съмръть → смръти; въ съмръти → во смръти (см. выше).

§ 197. В судьбе отдельных славянских языков происходила утрата ъ, ь в замене сочетаний tŕgt перед слогом с гласным полного образования. Так было в южных, в западных и отчасти в восточных славянских языках. В тех языках, в системе которых были слоговые ě, ĭ, такими стали ě, ĭ и в сочетаниях с утраченными ъ, ь: kŕvi, kŕvav, slza. Так в языках сербо-хорватском, словинском, словацком, чешском. Так было и в языке старославянских памятников XI в., отражающих черты болгарских диалектов того времени. В передаче замен рѣ, рѣ, лѣ, лѣ со слабыми ъ, ь (перед слогом с гласным полного образования) знаки ъ, ь смешанно применяются на письме: дрѣкольми и дрѣкольми, крѣви и крѣви, слѣзы и слѣзы, слѣзами и слѣзами, плѣти и плѣти; накрѣстѣхъ, с рѣ вместо рѣ в надписи Самуила 993 г. Изредка встречаются и написания без ъ, ь: ѿутри (Марин.), крѣта, крѣта. (Клоц., Ассеман.). В Македонском кириллическом листке: плѣти с ъ перед л, как и в вѣрхъ, гѣрдѣ.

Памятники XI в. представляют указание на объединение звукового вида основы для разных форм, — основ с заменами сочетаний tŕgt, tŕt. Такое объединение происходило в разных славянских языковых группах. Направление, в каком происходило это обобщение, было в южнославянских языках одинаково для всех слов: обобщалась основа с ě, ĭ: kŕvi, так и kŕv' — kŕv;

pl̥ti, так и pl̥t' — pl̥t; sl̥za так и sl̥z и т. д. Старославянские памятники отразили результат такого морфологического процесса: кръвь, т. е. крв' — крв; плъть, т. е. плт'. Имеются примеры написаний и без ъ, ь: кръвъ, крѣтитєль (Мариин.), крѣтъ как и крѣта, крѣтъ (Клоц., Ассеман.).

В XI в. процесс объединения основы с г, љ не отразился еще на всех словах: держались по диалектам и сочетания с ро, ло, ле в м. рѣ, лѣ, лѣ: кров' — кров, кровѣж, плот', слез. См. выше.

Слоговой плавный љ после утраты гласного элемента ъ, ь был в болгарских группах, как и в других южнославянских, твердым, веллярным (љ), а в некоторых говорах лабио-веллярным. Таким (лабио-веллярным) он был в говорах западной Македонии (см. ниже).

Слоговые плавные г, љ в фонетической системе болгарских групп не удержались: они заменились неслоговыми, а носителем слога стал вторичный гласный, развившийся при плавном, — гласный ѣ. В западной Македонии, где љ был лабио-веллярным, љ → оѣ — оѣ: воѣк. Вторичный гласный ѣ в этих сочетаниях часто не совпадал в своем образовании с гласным ѣ в другом фонетическом положении (сѣн, рѣка в м. рѣка...): перед плавным согласным ѣ несколько подвинут к среднему ряду, вроде безударного, слабого русского ѣ: пѣрви; после плавного ѣ часто сильно редуцирован, а плавный имеет свойство слогообразующего элемента: зрѣнце, крѣф.

Положение вторичного ѣ во многих болгарских говорах постоянное: перед плавными: вѣрба, вѣрху, пѣрва, вѣлк, жѣлт, кѣрвав, кѣрв (кѣрф). В немногих говорах ѣ находится после плавного: вѣрху, вѣрба, вѣлк. Так в некоторых юго-западных говорах (напр., в говорах Горной Джумай). Во многих восточно-болгарских говорах положение ѣ после плавного обусловлено такой фонетической обстановкой: перед двумя согласными или перед одним конечным согласным: зѣрно, но зѣнце; пѣрви, но пѣрв (пѣрф)...

Еще на фонетической стадии с г, љ отразилась в болгарских диалектах, как и в других славянских группах, тенденция избежать сочетания ѣг. Эта тенденция имела следствием появление гласного е, который стал слоговым: ѣг → ѣг: черни, червен', но вѣрба. Та же тенденция действовала и в чешском языке: ѣгпѣ, но tvrdý. Там (в чешском) и жг → жг: жгд', жгпов...

В Супрасльской рукописи, изготовленной где-то на востоке Болгарии, находится в одном случае цр вместо ур: црѣно, црѣць (119).

Если это написание не представляет описки, а отражает соответствующую черту речи писавшего, то приходится полагать, что на востоке Болгарии в XI в. были такие немногие говоры, в которых от сочетания $\check{c}r$ избавлялись заменой его посредством sr . Но других указаний на такое изменение $\check{c}r$ в говорах Болгарии не имеется. Позднее, в XIV—XIX вв., в Македонии слова с $\check{c}eg$ вытеснялись под сербским воздействием словами с sr -: sr pnі. В сербо-хорватских говорах сочетание $\check{c}r$ изменилось посредством sr -: sr pn, sr ven, а также sr ěvo, sr ěp. Подробнее об этом сочетании — в моих „Македонских кодичах XVI—XVIII вв.“, стр. 102—111.

-tvьt- (дъври, свьтъти).

§ 197a. Подобно сочетаниям $trьt$, $trьt$ изменялось по славянским языковым группам сочетание $tvь-$ перед слогом с гласным полного образования: $dvьri$, $svьnотi$ ($svьt-$ в чередовании с $svět-$). По утрате слабого редуцированного v образовалось сочетание dvr . Это сочетание во всех славянских языках изменялось. Изменение проходило в таких направлениях.

1) В тех языковых группах, в фонетической системе которых существовала артикуляция билабиального w , происходило изменение $dwr-$ → dur , cwt → cut . Так по говорам западной Македонии: $цyтиш$ вместо $cwtiш$ (из $svьt-$); так во многих говорах словинских (словенских): $dwrі$ → $durі$; так по лужицким группам: $durje$, $zurі$ вм. $dzurі$ (нижне-луж.).

2) Сочетание dvr представляло губно-зубной v , который не заменялся слоговым гласным. В таком случае развился вторичный гласный перед v . Так в болгарских говорах было уже в конце XII—XIII вв.: $дъврехъ$ (Болонск. пс.), $прѣцѣтътъ$ (Норовск. пс. XIII в.); соврем. болгарские $цѣфтиш$, $сѣмне$ вм. $сѣвне$ ($свьнѣтъ$, $svьt-$). По словинским говорам $davrі$ — $daurі$, $dovrі$ — $dourі$.

3) Или же для избежания слоговости губно-зубного v произошла перестановка: $dvř-$ → $dřv$. Так в чешском языке — $dřvi$, в польском — $dřvi$ ($drzwi$ — $dźvi$); старо-чешск. $ktvu$ вместо $kvту$ ($kvьt$) — I л. ед. ч. наст. вр.

4) Обобщалась основа $dvьg$ — с сильным v или его заменой. Так в восточнославянских языках: $дверь$, $двери$, $дверка$, $дверци$; в чешском — $dveře$, родит. мн. $dveři$; в словацком — $dvere$, родит. мн. $dverí$, по словинским говорам $dveri$. Так было и в польских группах в прежнее время: $dźv'eři$; $ze dwirzy$ — „из дверей“ (XV в.).

Сохраняется до сих пор в слове *dźviski* — *dźverki*, но и *dźvički* (*drzwiczki*); русск. *цвѣту*, *цвѣтеш*...

5) Утрачивалась губная артикуляция. Так было в старопольском *kćeć* вместо *květeti*; так в польском диалектальном *tknoć* вместо *kvtnoć*. Так в верхнелужицких *ktu*, *kčěš*.

В старославянских памятниках соответствующие слова переданы посредством написаний с *-въ-*, *-въ-*: *двъри*, *двъремъ* (дат. множ.), *свътъти*, *процвѣтеть*. Что касается звукового значения *-въ-* или *-въ-* в этих случаях, то полагаем, что по болгарским говорам того времени, XI в., произношение таких сочетаний было неодинаково: в одних говорах это были сочетания с билабиальным *w* (*dwri*, *swtēti*), в других — сочетания с губно-зубным *v*, но со вторичным гласным *ъ*, т. е. отражались результаты процессов, отмеченных в пунктах 1 и 2.

ы.

§ 198. Гласный среднего ряда *ы* был в системе старославянского языка. В некоторых старославянских памятниках XI в. находятся примеры написаний с *н* вместо *ы*. Наиболее показательны такие примеры в Саввиной книге: *рывъ*, *рывнць*, но чаще *рывы*, *рывъ*; *отъкрнти*, *отъкрн*, но и *отъкрыштъ са*, *отъкрыша* и др. В Зограф. кодексе также находится в одном случае *овъ* *рывъ*. Имеются примеры написаний с *н* вм. *ы* в Клоц., в Мариин., в Син. пс., в Син. тр., в Супр. рук. Из этих примеров считаем наиболее показательными написания *ри* вместо *ры*: после *р* в некоторых славянских языковых группах, имеющих в своей системе гласный *ы*, отсутствует *ы*: вместо этого сочетания произносится *ри* с гласным *и*, несколько пододвинутым к среднему ряду: *ри^иба*. Такое произношение этого слова можно наблюдать во многих русских местностях.

Примеры Синайской псалтыри, Синайского требника и Супрасльской рукописи *ривати* и другие образования с этим корнем, может быть, не представляют замены *ры* посредством *ри*: гук-восходит к *gūk*:- ср. лит. *gūkti*, латыш. *gūkt* — „мычать, ржать“; славянское же *gik*, как и латышское *g'ūk-* (*g'ūkt-*), могут восходить к более раннему *gjūk-*.

Написания с *н* вместо *ы* Мариинского и Клоцова кодексов не показательны. В Мариин. переписчик в ряде случаев не дописал *ы*: *ельшати*, *вьдъннть* (вм. *ты*) и др. Недописку и описку представляет большинство и других примеров с *н* (*г*) и с *и* (*р*). Переписчик за-

мечал свои описки и исправлял их, ставя ь вверху над и: народи^ь (Матф., IX, 36), архити^ь (Марк, XVI, 1), ми^ьтаремь (Лука, VII, 34), жини^ь (Лука, XIV, 26) и др. Описки эти фонетическое значение могут представить в немногих случаях. В большинстве написаний спутаны окончания форм, и только в 5 случаях написано и в корне слова: ми^ьтаремь, и^ьль, рн^ьбж, слншаштсмь, изытъкь. Из них возможно было особое произношение рыбж как рн^ьбж. Что касается ьль (Иоанн, VIII, 42), то здесь описка очевидна: этому слову предшествует ки: ки ьль вм. ки ьль (сослаг. накл.).

Также ясны описки в употреблении ы вместо и: разбониты (Лука, X, 30), рыбыты (Лука, V, 2), выстынж (Лука, X, 30): тут написано ы под влиянием такого же написания в соседнем слого.

Непоказательны написания с и вм. ы и в Клоцовом Сб.

В кириллических Зографских листках пишется ы не только для *ы*, но и для *и*: вьшьньныхъ, съ нymi. Как видно, тут отражается новое не только в орфографии, но и в графике: в состав буквы входит не знак ь, а ь в сочетании с и, над которым ставят иногда точку. Может быть и такие примеры с ы вместо и не указывают на изменение *ы* в *и*. Эти гласные близки один к другому по типической черте своего образования, по высокому подъему языка, и эта близость может отразиться на письме: пишут один знак для этих гласных. Такое явление можно наблюдать в письме лиц из русской среды, не окрепших в обычной орфографии: „посилку от тебя я получил и открытку“ (из одного письма из Городецкого района, Горьковской области). Такие написания встречались у многих лиц этой местности. Образование же гласного *ы* в говорах этой местности обычное для русской фонетики.

е.

§ 199. Диссимиляция *е* в заимствованных словах *внѣльсомь*, *г'сонд*, об этом см. ниже.

В Зографском кодексе имеются случаи написания и вместо *е*. Невозможно усматривать в них указание на изменение *е* в *и*. Это смешение представлено в окончаниях и явилось по недоразумению и рассеянности писателя: хвалите вместо хвалити; пиете вместо пиете; спутаны отрицания: ни вместо не. Совершенно недопустимо объяснение и немногих написаний с и вместо *а*: в них некоторые из лингвистов видят тоже фонетическое явление, ставя его в связь с изменением неударенного *е* в *и*. Здесь ясно сме-

шение форм: в трех случаях употреблены формы множ. числа вместо единственного: *осъдѣтъ* (Лука, XI, 31), *сълазѣтъ* (Марк, XIII, 15), *сквернѣтъ* (Матф., XV, 20), *вм. осъдѣтъ, сълазѣтъ, сквернѣтъ*. См. тексты. В одном случае писатель этого памятника, а может быть и его предшественник, глагол „судить“ согласовал не с царицей южской, а со всем коллективом, который будет судить: *цѣсарница южска вѣстаетъ на сѣдъ съ мѣжи [!] рода сего.*
осъдѣтъ [!] ѿ.

Так же просто было спутать числа и во втором случае: — *иже на кровъ да не сълазѣтъ въ домъ...* Перед этим глаголы употреблены были во множественном числе: *иже вѣдѣтъ въ юдеи да вѣдѣтъ на горы,* — и далее следует — *иже на кровъ...*

В третьем случае текст для писца был неясен: *си сътъ сквернѣтъ ѿ ѿѣ. ѿ ѿже не оумъвенѣми рѣками вѣти не сквернѣтъ ѿѣ.*

Наконец, писец раз написал форму единств. числа вместо множественного, *оузърѣтъ* (Матф., XIII, 15) *вм. оузърѣтъ*, имени при глаголе нет; не досмотрев списываемого текста, книжник прочитал единственное число: *вгда къгда оузърѣтъ оумнл...*

§ 200. *i* → *i* → *j*. В старославянском, как и в других славянских языках, гласный *i* после гласного претерпел редукцию (*i*) и затем стал неслоговым (*i*), если до этого он (*i*) не ассимилировался с предшествующим гласным в один гласный долгий. В связи с редукцией гласного *i* происходило удлинение предшествующего редуцированного *û* или *i*: они становились гласными полного образования *y* (*y*), *i*: *dobrûi* → *dobryi*, *bolii* → *bol'ii*, *tvoi* → *tvoi* → *tvoj*, *boite se* → *boite se* → *boite se*. По славянским языкам удлинялся в таком положении и гласный *o*: чешск. *hnûj* *вм. hnôj* из *gnoi* („навоз“), *lûj* *вм. loi* („сало“) и др.

С неслоговым *i* была и сложная форма именит. ед. мужск. рода причастия наст. и прош. вр. *градъи* = *градъi*, *глаголан* = *глаголаi*, *хвалан* = *хвалаi*, *сътвори* — *сътвори* = *сътвори*.

§ 200а. Начало слова. Выше, в §§ 149—151, были сделаны замечания о начале слова с гласного, о появлении вторичных *i* (*j*) и *ц* (неслогового или билабиального *w* или губно-зубного *v*). Что касается слов со вторичным *ц* (*v*), появившимся в доисторическую эпоху, то они в старославянском языке представлены были в таком же виде, с начальным *v*: *въ*, *въпити*, *высокъ*, *въкнижти* (*навъкнижти*). Изменения были пережиты сочетаниями с *i* перед гласным в начале слова.

Во всех тех случаях, в которых появился в доисторическую эпоху *ǐ* в этом положении, он был представлен и в старославянском языке. Но в старославянском языке были более многочисленные случаи, в которых пользовались словами без *ǐ*. В одних из этих сочетаний *ǐ* и не появлялся. Без *ǐ* издавна произносились некоторые эмфатические слова, союзы, наречия: *e*, *ese* союз *a*, *ešče*, см. § 149. В других случаях получили более частое применение слова с начальным гласным *a* без *ǐ*, отвлеченные от тех фонетических положений, в которых не появлялся *ǐ* (начало слова): *агньць*, *азъ*.

а. В говорах славян болгарских сочетания с *ǐ* в начале слова перед *a* и перед *o* переживали дальнейшие изменения. Изменения эти были неодинаковы во всех фонетических положениях. Различалось направление процесса в судьбе слов с *ǐ* перед *a*- и перед *o*- также по диалектам. Так, не все слова старославянских памятников с *a*- таким же образом произносились в более раннее время. В некоторых случаях утрата *ǐ* перед *a* произошла позднее. Сравните, напр., судьбу *вѣти* (глаголич. *вѣти*) — *вѣти*. Наблюдения над передачей этого глагола в глаголических памятниках с *ъ* и *a* приводят к заключению, что в ранних старославянских оригиналах более часто применялся этот глагол с *ъ*- (*ъ*-). Так, в Зографском кодексе, в наиболее архаичной его части (от Иоанна), почти исключительно употребляется *вѣи*-, утрата *ǐ* могла происходить в сочетании с предшествующим словом, оканчивающимся на гласный не *i*. Напр., *законъ его вѣтъ имъ* (Син. пс. 29^{об.}); *егда вѣтъ миса* (Син. пс. 17), как и: *злаа* (Син. пс. 41^{об.}), *окаанаа* (Син. пс. 177), с позднейшей утратой *ǐ* между гласными.

С другой стороны, после *i* могли появиться новые сочетания с *ǐ*. Так, в языке славян болгарских издавна было местоимение *азъ* при *ǐ*азь других славянских языков. В виде *азъ* оно было и в языке кирилло-мефодиевских переводов. Но *възь* (Марин.). То же явление в *вѣи*: *вѣиъ* (Марин.). Общая же тенденция, обнаружившаяся в старославянском языке, как и в болгарских говорах более позднего времени, — это тенденция к утрате *ǐ*. На то, что в фонетической системе появление *ǐ* перед начальным *a* не представляло актуального значения, может указывать передача греческих слов с *a* (эти передачи представлены с *a*-, а не с *ъ*, не с *ъ* в глаголических памятниках): *авва* = *ἀββᾶ* — „отец“, *авръ* = *ἀήρ* — „воздух“, прилаг. *аврънь* = *ἀέρον*; *аромать* = *ἄρωμα*; *архитрипанъ* = *ἀρχιτρίβλιος* — „главный стольник“ и др.

Итак, слова с а- и и- (с і-, появившимся в разное время у славян перед а в начале слова): а (союз), аеню — иеню, аенти — иенти, авъ — ивъ, азъ — изъ, аше — ише, агньць — игньць, агода, акты — икты в тех словах с начальным і- (j-), которому было соответствие в других индоевропейских языках і или j — были представлены в старославянском, как и в других славянских языках: иже (местоимение с основой -jo, ja-) — „которая“, иже, иръ, ирость, ирьмьнить (прилагат. от имени jaгьто), има...

Что касается вопроса об і или его отсутствии перед е, то старославянские памятники представляют большое затруднение в решении его вследствие своей графики: в глаголице е и ю не различаются: для них служит один знак Э; кириллические памятники, следуя глаголическим оригиналам, тоже не всегда различают е и ю. Совсем нет ю в лл. Ундольского, Зографских; в Хиландарских лл. тоже обычно е: ю только в двух случаях в середине слова; в Саввиной книге ю находится весьма редко. Только в Супрасльской рук. различаются в длинном ряде написаний е и ю. Это различие показательно: е пишется в передаче словечек еи — „да“, „так“, есе (после и два раза есе: и есе) — „вот“; местоимение етеръ — образование от указательного словечка е; с е и с ю переданы слова еда — „ли, чтобы не“, езеро, елень, ешъ — „о, если бы“: еша могаъ ешъ азъ васъ еувъштати. Выше, в § 149, дано было разъяснение написания е, выражавшего собою гласный е, а не іе в словах е, есе, еда, етеръ: они образованы от указательного словечка е, произносившегося эмфатически при начале фразы. Произношение же слов езеро, елень с е и с ю находилось в связи с положением во фразе: с ю внутри фразы после слова, оканчивавшегося на і: при езеро. Повидимому, произношение с і (іе-) было неактуально в фонетической системе того времени. Греческие слова с е переданы посредством е: еуга — Εβγα, елинь — Ελληγ, ел'пиди — Ελπίδιος, епитимни — ἐπιτιμία — „наказание“, ефесъ — Εφесος и др.; с е-, а не с ю переданы греческие слова с е и в Остромировом кодексе по образцу восточноболгарскому.

В других случаях в Супрасльской рукописи употреблено ю-: юсьмь, юсть, юште, юдва и др.

Следует полагать, что и в более раннее время были сочетания е-е- (есе, етеръ...), с іе- (іестъ, іеѣще и еѣще...). В течение времени сочетания с е стали чаще в речи. Но и до сих пор в фонетической системе болгарских говоров, как продолжателей старосла-

вянских говоров, отразившихся в памятниках XI в., не получили определенного положения сочетания с *je-* и с *e-*. В говорах, преимущественно западных, и в литературном языке обнаруживается тенденция в сторону сочетаний без *j-*.

Важное указание для суждения о начале слова с *e* или *je-* (*je-*) представляют „русские рукописи“ XI—XII вв. Во многих из них отражается различие между *ѡ* и *ю*, как в Супрасльской рукописи. С *ѡ* передаются в них греческие слова (*ѡхидьна*, *ѡлиѡтъ* и др.) и следующие славянские: *ѡн*, *ѡсе*, *ѡда*, *ѡша*, *ѡн*, *ѡдѡва*, *ѡлма* или *ѡлми*, *ѡште*, *ѡтерѡ*, *ѡзеро*, *ѡлень*, *ѡдннѡ*. Некоторые из этих слов: *ѡште*, *ѡдннѡ*, *ѡлма*, *ѡзеро* передаются и с *ю*. Весьма важное указание представляет передача частиц (*ѡн*, *ѡсе*, *ѡда...*), отражается ясно их произношение в речи писцов старославянских памятников, — произношение без начального *j* (*i*). Колебание в передаче некоторых слов восходит к старославянским оригиналам, а не внесено русскими писцами. Русский книжник не мог руководствоваться своим произношением некоторых из этих слов: в его обыденной речи было не *ѡзеро* или *юзеро*, а *озеро*, не *ѡсень* или *юсень*, а *осень*, слова *ѡтерѡ* совсем не было.

Везде с начальным *ѡ* переданы в русских рукописях формы местоимения *ѡго*, *ѡмоу* и т. д.; наречие *ѡгда*; форма глагола *ѡсмь*, *ѡси* и т. д.

и. Перед *ѡ* в начале слова *j* (*i*), как и в доисторическое время: *ѡзубѡкъ*, *ѡздѡ* — „боль“, *ѡтро* — „печень“, *ѡти*. Так переданы эти слова в памятниках, различающих *ѡ* и *ю*, напр., в Мариинском кодексе (из ряда глаголических рукописей), в Саввиной книге (*ѡ* в значении *ю*, а *ѡ* в значении *ѡ*).

ж. Еыше (§ 150) было отмечено, что в языке предков славян болгарских были сочетания с *jo-* и *o-* в начале слова, параллельно сочетаниям с *ja-* и *a-* (*jaгньсь*, *агньсь*, *javiti*, *aviti*). Несколько примеров из памятников старославянских XI в.: *ѡтъ* (ѡ: *ѡлъзѡтъ самѡ въ ѡтрѡнѡжѡ кълътъжѡ* (Супр.), *ѡдоу жѡ* (Клоц.), *ѡтъ ѡждѡу* (Супр. — „откуда“); *ѡнѡждѡу* („снаружи“): *гробѡи повѡлѡнѡнѡи* („могильные склепы, выбеленные известью, окрашенные“) *ѡжѡ ѡнѡждѡ ѡубѡ сѡтъ красѡи*, *ѡнѡжтрѡждѡ жѡ плѡни сѡтъ костѡи мрътѡвнѡхѡ* (Мариин.); *ѡжѡжѡ родѡствѡ* (Син. тр.), *сѡ ѡжѡмѡ* (Син. тр.), *ѡждѡль плѡувѡнѡжѡжѡ* (Син. пс.). Примеры с *ѡ-* в русских, среднеболгарских и сербских памятниках, списанных со старославянских (староболгарских), или восходящих к ним: *ѡздѡ* (Святослав. Сб. 1073 г.), *ѡтрѡ* (Минеи XI в.) вместо *ѡтрѡ* староболгарского

оригинала; жтрѣдоу (Остромир.), жѣшка (Болонск. пс.), ждоу (Шиша-
тов. ап. XIV в.). Повидимому, с ж и ж произносился также жсъ,
жсъ („ус, борода“). Этим словом называли в азбучном славян-
ском перечне букву для носового гласного заднего ряда, а рус-
ские и сербские книжные люди передавали это название по своей
фонетике, с у вместо ж: юс или ус. На название в виде ус ука-
зывает книжная грамматическая традиция, отразившаяся в одной
русской рукописи XVII в. (Из собрания Тихонравова, б-ка
им. Ленина в Москве.): „жсъ. Сегдъ ж ѿбыкъша оупотреблати людіе
сѣрьбьстїи и волюхове [румыны, пользовавшиеся славянским
письмом] въ мѣсто ѿ і ю. Аще лѣчїтса в прилѣчїахъ писатїса
бѣсѣ[!], ты же пиши жса сирѣчь бѣсѣ, псж, а' не укѣ ѿ, понеже
оуподоблай по дѣйстви[!] его і има емѣ“.

ю, оу.с і (j) и без него находится в старославянских памят-
никах в слове ютро — оутро. В неодинаковом звуковом виде пере-
даны и наречие юже — оуже, ю — оу, нсю и чаще неоу — „еще не“.
Более старые элементы представляют сочетания этого наречия
с ю. Так, в архаической части Зографского кодекса (от Иоанна)
находится ю, юже, в другой части обычно оу, оуже; в Клоцовом Сб.
юже (4 раза), 1 раз не оу, обычно оуже. В Саввиной книге чаще ю
(юже), чем оу (оуже). В Ассеманиевом кодексе постоянно не оу, но
обычно юже. Может быть, уже в доисторическую эпоху произ-
носились в некоторых фонетических условиях эти слова без і,
хотя і тут не был вторичного происхождения: и в других индо-
европейских языках имеется соответствующее образование с і
или его заменой: ср. лит. jai, гот. ju, др.-верхн.-нем. iu — „уже“.
В болгарских диалектах XI в. эти слова без і стали употреб-
ляться чаще, чем раньше, в особенности часто без і было оу, не
оу. Внутри фразы, после гласного, в болгарских говорах XI в.
мог отсутствовать і в передаче с іе разного происхождения:
и в іes (іesъ, іesi...) и в іego, іету.

В іesъ... і был вторичного происхождения; он появился
в славянских группах в доисторическое время перед е.

в іego... і был более древнего происхождения: соответствия
ему имеются в других индоевропейских языках: ср. лит. j̄, j̄s...
На отсутствие і в таких сочетаниях указывает результат асси-
миляции е с конечным е или ѿ предшествующего слова. Такие
примеры представляет Син. пс.: азъ же-смъ (вм. азъ же есмъ);
спнї-е-го (вм. спнїе его, т. е. съясненїе его); съвѣдѣнїе-го (вм. съвѣдѣнїе
его); срътань-го (вм. срътань его) и др.

§ 201. *i* в середине слова: *aia* (*aǫ*) → *aa*. В Киевских лл. не отразилась утрата *i*: *внѣтрньѣ* (= *-ми*), *вѣтньѣ*, *мноствѣѣ*... . Так же часты такие сочетания в Саввиной книге; но в ней находятся и сочетания с утраченным *i*: *калгаа*. В других памятниках сочетания с *aa* часты: *каа*, *покланню* — *покланню*, *злаа*, *окланна*...

aie → *aa* → *a*. Форма прилагат. родит. ед. мужск. и средн. рода: *добрѣго*. В таком виде (с *-го* или с *-го*) эта форма была свойственна языку кирилло-мефодиевских переводов. С окончанием *-аго* ее представляют некоторые глаголические памятники (Зограф., Мариин., Син. пс., 1 раз в Клоц.). Но в этих и в других памятниках окончанием формы род. ед. является *-аго*, *-го*. Только *-го* в Киевских лл. и в Саввиной книге.

Форма 2 и 3 л. ед. и множ. числа: *подоблетъ* (*-юты*, *-еть*) → *подоблатъ* → *подобать* (в Зограф., Ассем., Син. пс., в Супр. и в особенности в Мариин.), *ѣш* [*ѣъ*] → *ѣа*: *дѣшти* → *дѣати*, *зѣлодѣа* (Син. тр.); *ѣе* → *ѣе* → *ѣи* → *и*. Так в форме дат. ед. мужск. и средн. рода ед. ч. прилагательных: *добрѣуемоу* → *добрѣуемоу* → *добрѣуемоу*.

В форме 3 л. ед., 2 л. мн. наст. вр. *дрѣугъ радѣуоутъ са*; *обѣдоуоутъ* (3 л. ед.); *инъ свѣдѣтельствоуотъ*; *свѣдѣтельствоуоутъ*. (Из Мариин.).

ѣю изменилось или в *ѣъ* и далее в *ѣ* или в *ѣа*: местн. ед. мужск. и ср. р. прилагат.: *добрѣмъ* → *добрѣмъ*, *добрѣамъ* (см. еще ниже, в замечании о диссимиляции).

Палатальность согласного, а также гласный *i* в предшествующем слоге благоприятствовали удержанию образования *i* (*j*). Так, в Синайском требнике последовательно пишется *ѣъ* после палатального согласного, а также *ѣ* (а не *a*) после *n*: *трасавицѣ ютрньѣ*, *послѣдньѣ ѣзѣ*, *хоудоумьнаа i* *хоудоснаа*. Ср. *ѣъ* после палатального *n'*, *aa* вместо *-ѣъ* (*-aia*) после твердого *n*, как и после других твердых согласных (*виднаа*), *-нѣ*: *братръ житнѣ* (родит. ед.), *васниѣ* (родит.), *пласаниѣ*, *враженнѣ* (родит. ед.), *похотьнаа възърннѣ* (именит. множ. средн. рода), *пнѣнство*, *виѣлица* и др.

§ 202. Выше были отмечены ассимиляции гласных: *aa* → *a*, *ѣе* → *aa* → *a*; *ѣе* → *ѣѣ* → *ѣ*, *уе* → *уу* → *у*.

Кроме того: *ни* → *н*: *о съпасенинѣ* → *о с[ѣ]пасени*, *на распятнѣхъ* → *на распятнѣхъ*, *сѣди* (вм. *сѣдннѣ*) *естъ*, *приде*, *приннѣ*.

ѣн → *ѣ*: *добрѣнѣ* → *добрѣнѣ* и др.

ѣѣ. В старославянском языке оказались новые, заимствованные слова с *ѣѣ*. Напр. греч.: *ѣѣууа*, *Вѣдѣѣѣм*. При фонетической тен-

денции к утрате $\dot{\text{I}}$ между гласными в передаче сочетания *ee* отразился процесс диссимиляции $ee \rightarrow eo$: *г'вона, вноълвомъ — вптловмъ*. Но имеются в памятниках и передачи, близкие к греческому образцу, с *eo*: *вптловемъ*.

Выше была отмечена судьба сочетания *ъю*: происходила утрата $\dot{\text{I}}$ и ассимиляция: $\text{ъю} \rightarrow \text{ъо} \rightarrow \text{ъь} \rightarrow \text{ъ}$: *добръемъ \rightarrow добръемъ \rightarrow добръемъ, въ поуствемъ градъ нарицаемъемъ* (Супр.). И в ином направлении изменилось *ъь*: происходила диссимиляция: $\text{ъь} \rightarrow \text{ъл}$: *добръамъ*. Так передана эта форма в Ассеманиевом кодексе. Такой же результат в форме сравнительной степени и в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. *добръа, оумъатъ*. (Маринин. и др.).

Результат стяжения гласных представлен некоторыми старославянскими памятниками в отношении не всех гласных. Так, в Синайском требнике обычно *ы* вместо *ьн*, *оу* вместо *оуоу*, *ь* вместо *ъь*, но *аз*, *ни*: *вършнѣтъ, не гашнѣши огонь, строупнѣтъ, живѣтъ и мрѣтъмъ* (дат. мн.), *нѣтъмъ* (дат. мн.) на *нѣсѣтъхъ* и *назѣмъхъ* и *трѣторъскѣхъ* (прилагат. от существ. *трѣторъ* — *tárтарос*, „ад, преисподняя“), *словесънѣтъи ѿ житѣтънѣтъи*; *живоумоу, соухоржкоумоу, сътворшюмоу, зѣкъшюмоу*; *въ страшнѣмъ и трѣпѣтънѣмъ сѣднѣи*; но: *живаго, глѣдѣшаго, пришедѣшаго; рождѣннѣмъ са* (твор. ед.), *болашнѣмъ* (дат. мн.), *оутѣшоннѣ сѣръбашиимъ ѿ плачѣшиимъ са оувѣтъ; сѣмърѣиѣхъ молашнѣхъ*.

Выше было отмечено, что в старославянском языке конец одного слова во фразе тесно примыкал к началу следующего слова. Вследствие такого объединения происходил процесс ассимиляции: конечный *ъ* перед начальным *н* изменился в редуцированный *ы*; *въздалъ н \rightarrow въздалыи*. Конечный *ь* изменился перед *н* в редуцированный *и*: *прѣдамъ н \rightarrow прѣдаи н*. И позднее, после утраты конечных редуцированных *ъ, ь* действовал процесс объединения конца слова с началом следующего слова: *несет н \rightarrow несет -ы*.

После гласного *н* одного слова мог появиться $\dot{\text{I}}$ перед *а* другого слова: *н азъ \rightarrow н азъ* (см. выше).

Происходила и другого вида ассимиляция и стяжение гласных внутри фразы: *дѣшторѣ — ма вм. дѣшторѣ — ема, рече — н вм. рече — ен; единого — ѿъ вм. единого — отъ* и др. Сообщенные примеры взяты из Марининского кодекса. Еще чаще такое явление отражается в Синайской пс.: *ѣпнѣ — го вм. ѣпнѣ — его; азъ же — смъ вм. азъ же есмь; сѣрътанъ — го вм. сѣрътанъ — его; знашѣи — ма твоо вм. знашѣи — има; любѣи — ма вм. любѣи — има; зълѣбы — хъ вм. зълѣбы — ихъ; грѣхы —*

хъ вм. грѣхъ — нхъ; избѣранаго — тѣ люди вм. избѣранаго — отъ люди
и др. Процесс объединения происходил в образовании и конеч-
ного согласного в сочетании с согласными, которым начиналось
следующее слово: ѡзѣкомъ — онмъ вм. ѡзѣкомъ — омимъ (Син. пс.)
и др., (см. ниже, в отделе о согласных).

§ 203. „Эпентетический“ l' был в языке кирилло-мефодиевских
переводов, — был во всех тех сочетаниях, в которых он возник в до-
историческую эпоху, — в начале слова и не в начале его (см. § 140):

а) бл'юдн, бл'юдѣтеса, пл'юняти, бл'юдѣ — „блюдо“.

в) земл'ю, земл'юж, земл'и, корабл'ь, корабл'иць, при:тѣп'ль, при:тѣп'льшл,
оуасл'в'нѣ, прославл'в'нѣ.

В Киевских лл. в отношении „эпентетического“ l' не обнару-
жилось никаких изменений: избавленнѣ, въжлюбленнѣ, при:смаемъ,
приемли, земельскѣ и др. подобные написания находятся и в других
старославянских памятниках (XI в.), дойдя до этих рукописей
из более ранних оригиналов, восходящих ко 2-й половине IX в.

На наличие „эпентетического“ l' в начале и не в начале слова
указывают также древнерусские и древнесербские списки со старо-
славянских оригиналов: в них не отразились написания без l':
земья, люкъж и т. д. Последовательность написаний с l' в этих
рукописях (древнерусских и древнесербских) нельзя объяснить
исключительно тем, что в русском и сербском языках было l'
в начале и не в начале слова: несомненно, если бы в старосла-
вянских рукописях, которыми пользовались русские и сербские
книжные люди, находились слова без l', то некоторое количество
их попало бы и в русские и в сербские списки.

В старославянских памятниках XI в. представлены весьма
часто отступления в отношении передачи таких слов. Эти отступ-
ления не относятся к началу слова: в этом положении в старо-
славянском языке XI в. не отражалось изменений, как не про-
исходило их и в других славянских языках: блюдѣ, плькати.
Отступления относились не к начальному слогу и отражали зна-
чительное изменение, происшедшее в языке славян болгарских.
Изменение состояло в том, что „эпентетический“ l' не в начальном
слоге был утрачен. Изучение многочисленных передач слов
с прежним l' epentheticum и замен этих слов дает возможность
сделать следующие наблюдения в отношении этих сочетаний
в конце X — в XI в. в говорах славян болгарских.

В ряде памятников (Зограф., Мариин., Клоц., Синайский треб-
ник) отсутствует l' перед ъ, и; но перед другими гласными „эпен-

тетический* l' представлен. Несколько примеров из Зографского кодекса: корав'ь — коравь, оставь, оставьша, прнстѣпъ, прнстѣпъша, зем'и — земни, корзвн, корзвнцю;

днвл'ѣхж — днвл'ѣхж, корзвл'ѣ, любл'ѣше, зема'а, корзвл'а, прнвл'а, въжа'юваж, славл'ѣ са, зема'ѣ — зема'ѣ, корзвлю.

В Зограф. и Син. тр. отсутствует л' в формах благословенъ. В этих формах отсутствие л' не представляет собою явления фонетического. Нет основания видеть в этом результат диссимиляции с предшествующим слогом, имеющим л. Формы благословенъ представляют новообразование, которое несколько позднее отразится последовательно на образовании причастия прош. врем. страдат. залога глаголов с инфинитивной основой на -i: ловено, любено, просено, градено и т. д.

В Син. тр. нет л' в словах оумръѣвено, оумръѣвѣтъ. Утрата л' в этом сочетании произошла в зависимости от скопления артикуляции -rštvl'e-. Можно полагать, что в языке писцов этих памятников (Зогр., Мар., Клоц., Син. тр.) или их оригиналов l' epentheticum утрачен был не в одно и то же время во всех положениях: ранее образование этого согласного перестало производиться перед ъ, и (i).

Прочие старославянские памятники обнаруживают утрату „эпентетического“ l' не только перед ъ, и, но и перед другими гласными. Несколько примеров.

Ассеман.: коравь, прѣломь, прнстѣпъше; корзвн, възлюбенъ, благословенъ, любѣзше, маѣѣше; зема; възлюбѣж.

Савв. кн.: коравь → коравъ, оставьша, прнстѣпъ, корзвн, възлюбенъ, ослабена, ѡвене, вънемѣте, земаѣ, земаѣ, земаѣж.

Супр. рук.: коравь, оставьша, прнстѣпъша, добни (вм. долб'ни); възлюбѣжна, ослабѣеиѣ, оставѣина, оуправѣнъ, въскръѣиѣнъ, добѣю (вм. долб'ю), дрѣвѣю; днвѣихж, добѣѣ, клпы, корзвѣ; корзвѣю, добѣюмоу...

§ 204. Теперь обратим внимание на то, каким образом передавались на письме замены прежних сочетаний с l' epentheticum. Перед ъ, и нет особых обозначений при губном. Но перед другими гласными в ряде памятников (в Син. пс. и особенно в Савв. кн., в Супр. рук.) пишется ѣ или ѣ. Син. пс.: земѣж, земаѣ. Примеры из Савв. кн. и из Супр. рук. см. выше. Применение знака ѣ или ѣ указывает на то, что артикуляция губного согласного не находилась непосредственно перед гласным (кроме i): ее отделяло какое-то образование; образование j (i): земаѣ = зем'ja. В Ассеманиевом кодексе отсутствуют ѣ, ѣ в этих случаях. Если отсут-

ствии этих знаков в таких написаниях не представляет собою неточности в передаче, то надо полагать, что в XI в. были такие болгарские говоры, в которых произошла ассимиляция j (вм. l') с предшествующим мягким губным согласным: земл'а → → зем'ja → зем'а.

Перед ь и i особой артикуляции (j или j) не выделялось. артикуляция замены палатального l' в этом положении ассимилировалась с ь и i и разделила его судьбу (утрата ь в слабом положении): корабь, прнстѣпша.

§ 205. Кроме фонетического процесса изменения l' после губного согласного не в начале слова, появились сочетания без l' морфологического происхождения. Таково происхождение в некоторых случаях формы причастия прош. врем. страд. залога в глаголах с инфинитивной основой на -i с предшествующим губным согласным: -ви-, -ви-, -пи-, -ми: лѣвѣти, възлюбѣти и др. — възлюбѣнъ... В Супрасльской рукописи и в Саввиной книге, в которых пишется ь или ѣ на месте утраченного l', в передаче форм причастия прош. вр. страдат. залога в ряде случаев нет ь (ѣ) — наставѣни, отравѣнѣ, разломѣнѣ (Супр. рук.); възлюбѣнѣ, прѣславѣнѣ, благословѣнѣ (Савв. кн.). Такие формы представляли собою новообразование, которое последовательно отразится несколько позднее на всех глаголах с инфинитивной основой на -i, — отразится в морфологической системе всех болгарских говоров, — и на востоке и на западе. Это новообразование состояло в том, что перед суффиксом -ен стала применяться глагольная основа с тем согласным, какой был и в других формах: просено, возено, обѣсено, простено.

Процесс утраты l'epentheticum не в начале слова пережит всеми болгарскими говорами. Современные говоры представляют указание на такую же замену сочетаний губного согласного с l', какая обнаружилась уже в XI в., по данным старославянских памятников: губн. согл. +j+ гласный или мягкий губн. согл. +j+ гласный: зем'ja и чаще зем'а. Говоры западной Болгарии и северной Македонии имеют пп', которое указывает на тj предшествующей фонетической стадии: земн'а. Изменение тj разного происхождения в пп' происходило во многих славянских областях: и украинские, и польские, и чешские (в Чехии и в Моравии) говоры знают п'(пп') такого происхождения вместо j после т. В некоторых из этих говоров возникновение п' нормировано было уже условием нахождения тj перед гласным заднего

ряда. Такой же фонетический процесс происходил и в неславянских языках. Напр., в новогреческих говорах (m̄n'a в м. μά), в румынских (n'edzu в м. m̄n'edzu, а это восходило к m̄dius и др.).

Сохранение сочетания pl', bl' в начальном слоге связано было с фонетикой начала слова: в этом положении слог в первой своей части представляет наибольшую высоту шума, которая благоприятствовала удержанию палатальной артикуляции pl', bl'.

§ 206. Наконец, замечание о форме zьmн, часто встречающейся в старославянских памятниках. Возможно, что zьmн представляет собою фонетическую замену более раннего zьmлн (zьmлн — им. ед.). С л (л') эта форма (zьmлн) также находится в памятниках, идя от ранних рукописных оригиналов. Но также возможно полагать, что форма zьmн без л была в языке и в IX в. Эта форма от имени zеть с основой на -ĭ (-ь). При основе на -ĭ была основа и на -ja: zьmja → zeml'a. Такие дублиеты форм этого слова имеются и в русском языке: бросил nа-земь; ударил ó-земь; лежа на земѣ, зем' была сырая (последний пример из Курской области, Белгородский район).

Палатальные согласные.

§ 207. О составе палатальных согласных старославянского языка см. в § 35. О происхождении их см. в соответствующих §§. В дополнение отметим следующее.

ш, жд. Это были палатальные št', žd'. Графика для этих согласных ясно указывает на такие элементы в образовании их: глаголич. ш или ш̄, жд̄, кирилл. ш или шт, жд. Но среди книжных людей X—XI вв. были и такие, в речи которых были $\widehat{st}'\acute{s}$ или $\widehat{st}'\acute{s}$ и $\widehat{zd}'\acute{z}$ или žd'. При наличии $\widehat{st}'\acute{s}$ (шч) могло быть žd', с утраченной фрикацией в конце звонкого образования. Редукция в образовании звонких согласных, как более слабых, чем глухие, выражалась в разное время в разных славянских языках. Такое состояние представляют говоры Македонии и юго-западной Болгарии и в позднейшее время: štš (шч) — ždž или žd. В других болгарских областях была пережита утрата фрикации в конце образования, — утрата и в голосовом и в безголосном образовании: št' — žd'. Такой процесс был пережит восточными группами славян болгарских и некоторыми группами на западе. št' — žd' во 2-й половине IX в. были и в говоре Солунского края. Лица же, в речи которых были $\widehat{st}'\acute{s}$ или $\widehat{st}'\acute{s}$, $\widehat{zd}'\acute{z}$ или žd' (или žd'ž), действовали не только на

Балканском полуострове, но были и в числе учителей восточно-славянских книжников: последние усвоили произношение буквы щ как $\widehat{štš}$ (шч) — усвоили по произношению своих учителей. По их произношению русские книжные люди читали буквы ѣ и ѡ как Ѡ и ѡ. Это также указывает на македонское происхождение южно-славянских книжных людей, работавших среди восточных славян в конце X — в XI в. У восточных славян Ѡ вместо сильного ѣ, ѡ вместо сильного ѡ появились во 2-й половине XII в.

Происхождение старославянских щ, жд было разное.

1) Вместо ранних доисторических tj, dʒ; о процессе изменения этих сочетаний см. § 139. В славянских группах, легших в основу болгарских, направление в изменении долгих палатальных $\widehat{t'}$, $\widehat{d'}$ (вм. tj, dʒ) было такое же, как и в группах, легших в основу других южнославянских (сербо-хорватских и словинских) и восточнославянских групп: $\widehat{t'} \rightarrow \widehat{t's}$, $\widehat{d'} \rightarrow \widehat{d'ž}$. Отличие в фонетическом процессе в языке предков славян болгарских было то, что фрикация, как антиципация, появилась и перед затвором $\widehat{št's}$, $\widehat{žd'ž}$. В дальнейшем происходило усиление фрикации: $\widehat{št's} \rightarrow \widehat{žd'ž}$. Такие образования согласных представляют до сих пор говоры юго-западной Болгарии, Македонии и Албании. Но по этим говорам происходила утрата фрикации в конце голосового (звонкого) образования, при удержании ее в безголосном (глухом) $\widehat{št's} \rightarrow \widehat{žd'}$. В других болгарских группах происходила утрата фрикации не только в голосовом, но и безголосном образовании: $\widehat{št'}$ — $\widehat{žd'}$. Так в говорах юго-восточной Македонии и далее на северо-востоке (в восточноболгарских говорах). В этих говорах утрачена была фрикация во второй части $\widehat{št's} \rightarrow \widehat{žd'ž}$ всякого происхождения (см. ниже). Итак: съѡщл, отъѡщлати, посьѡщати, лющни (ср. степень к лють); межда, междю, прѡжда, поьѡждати, постыжда сѧ, съзижда, гражданилѧ, одьжда, дьжда (повелит. накл.); вѣнн ѿ говаждами жпллми (последний пример из Супр. рук.).

2) щ вместо давних доисторических kt, gt перед гласным переднего ряда. Во всех славянских языках, как отмечено было в § 148, заменой kt (из kt и gt) перед гласным переднего ряда был долгий палатальный t', который изменялся в доисторическое время так же, как из tj. Поэтому замены kt (gt) перед гласным переднего ряда по славянским языковым группам такие же, что и замены tj. Ст.-сл. ѡщъ, пещъ, вьщни (вм. velkti), дьщн, помощъ (вм. pomogtī)...

В Киевских листках, как в памятнике моравском, отразилась в отношении замен tj , kt' и dj тамошняя западнославянская (чешско-моравская) черта — $ц$, $з$: *оъцѣннѣ* (ст.-сл. кириллич. *оъцѣннѣ*), *просѣцѣ*, *помощѣмъ*; *дѣзъ*, *тоузѣмъ* (ст.-сл. *тоуждѣмъ*).

3) Вместо более ранних $\acute{s}t\acute{s}$, $\acute{z}d\acute{z}$, получившихся в доисторическое время во всех славянских группах вместо stj , zdj , вместо skj — zgj и вместо sk — zg перед гласным переднего ряда. См. § 141.

stj : *оунѣж са*, *оунѣннѣ* (вм. *očistjō*, *očistjen*; ср. *очистити*); *тъща* (вм. *ťstja*; мужск. р. *ťstь*), *поуцати* (ср. *поустити*); *мъщенинѣ* (вм. *mьstjen*; ср. *мьстити*).

zdj : *прѣгвождѣнъ* (вм. *prigvozdjen*; ср. *пригвоздити*, *гвоздь*, *гвоздиннѣ*); *въгнѣждѣшюмоу са въ рабѣ твоѣ* (Син. тр. *въгнѣздѣнтса*).

skj , sk' : *нѣщи* (ср. *некати*); *дѣщица* (ср. *дѣска*); *щитъ*, *защитѣннѣ* (вм. *skejto*; ср. лит. *skiētās* — „поперечный шест у бороны“); *щадити* — „щадить“, „пощадить“; ср. чередование с $ж$: *скажд* — *скаждѣ* — „бедный“; *плѣшть* — „рукоплескание“ (Супр. рук.). В Киевских лл. отразилась и в отношении этой замены тамошняя чешско-моравская фонетическая черта $шч$: *зашчѣти* в соответствии старославянскому $шт$: *оушчѣннѣ*.

zgj , zg' : *дѣждѣ* (ср. лит. *dūzgu*, *duzgtėi* — „издавать глухой звук“), *иждѣти* вм. *iždžiti*, а это появилось вм. *iz-džiti*; $gi \rightarrow dži \rightarrow ži$ (см. § 148); *мождѣнъ* (вм. *mozdžan* из *mozgēn*); *раждѣжѣтъ сѣ въ огнѣ* (Син. пс. *orz-gegeti* → *orz-džedžeti* → *raždžežetъ* → ст.-сл. *раждѣжѣтъ*).

4) Вместо t , st , zd перед палатальным $г'$, $в'$, $л'$: *оухытрѣнѣ* (прич. страд. зал. к глаголу *оухытрѣти*; ср. прилагат. *хытрѣ*): *съмоштрѣж* 1 л. ед. ч. наст. вр. (инфин. *съмотрѣти*): *съмоштрааж* вм. *съмоштрааж* (Супр. рук.), *оштрѣж* (*оштрѣти*), *вртѣ* *изоштрѣна* (Син. пс.), *оумрѣва'оно*; *оумждр'ати* (*оумждрѣти*).

§ 208. $ѣ$ — $з$ (z). Аффриката $dž$ появилась вместо g в определенных фонетических условиях в доисторическое время; см. §§ 142—148. Такая аффриката находилась в системе языка кирилло-мефодиевских переводов. Об этом с несомненностью свидетельствует глаголическая графика: для передачи этого согласного в глаголице служил особый знак, отличный от знака для согласного z : $ѣ$ (название буквы было „дѣѣло“, позднее „зело“) для $dž$, $ѣ$ для z (z). В составе кириллицы, как представляет ее письмо старославянских памятников XI в., не было особого знака для $dž$. Буква $з$ („дѣѣло“ — „дѣѣло“, по позднему произношению название этой буквы „зело“) служила в качестве цифры „6“ и только позднее в среднеболгарских памятниках $з$ или $ѣ$ обозначала и

аффрикату \widehat{dz} . В кириллических памятниках XI в. в случае необходимости передать согласный \widehat{dz} пользовались видоизменением буквы z : z . Так в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, Македонском.

Данные старославянских памятников указывают на изменение, пережитое болгарскими говорами в отношении аффрикаты \widehat{dz} : по говорам она утратила затвор, — явление, пережитое в разное время славянскими языками в звонких аффрикатах ($d\check{z}$, dz). Болгарские говоры XI в., сохранившие эту аффрикату, отразились в следующих старославянских памятниках: в Синайской пс., в Ассеманьевом кодексе и в названных выше кириллических отрывках с z (в листках Ундольского, Хиландарских, Зографских, в Македонском). Несколько примеров.

Син. пс.: *зъло, зъзды, носъ, полъзъ* в м. *пользъ, мьнозъ, вразъхъ, врази, помози, къназь, стъзи* (им.-вин. множ.), *гобъзюшнѣмъ* — „изобилующим“, — перевод греч. *τοῖς εὐθῆ υοῖσι*; прилагат. *гобъзь*, ср. гот. *gabigs* — „изобильный, богатый“, *помизъщце оуина, въздвизаи*.

Посредством z передано и греческое ζ в заимствованном слове *топаньне* — греч. *τοπάζιον*: *здаа* | *топаньнъ* (164). Хиланд. лл.: *пол'ъзъ, възъ, мьнозн*.

В Синайской пс. находится написание с z вместо z в повелит. накл.: *раждъзи* 30, 18 — „разожги“. В этой форме была аффриката dz : *-ъdzil* Вероятно написание Синайской пс. указывает все-таки не на z , а на z (dz); редуцированный $ь$ после $жд$, находясь в слабом положении, был утрачен; оказалось сочетание $жддз$, которое изменилось в $ждз$, что и передано посредством $ждз$ со вставочной буквой $ъ$: *раждъзи* — *раждзи* ¹.

Зограф. лл. *мнозъхъ; пользевати, подензъшше*.

§ 209. В говорах того времени, имевших в своей системе аффрикату dz , такое же образование появилось в некоторых словах и вместо давнего z . Так было в начале слова и реже между гласными — *заб* → *зав* — и с префиксом *про-*: *прозаб* в Ассеман., *прозавнати* в лл. Ундольского. То же явление представляют среднеболгарские памятники письменности и современные говоры юго-западных болгарских областей (в юго-западной Болгарии и в Македонии). Примеры из области Охрида (в юго-западной Македонии):

¹ Другой пример с z вместо z , находящийся в печатном издании памятника, *зале* на 49^{об.}, 14, недостоверен: в словарном указателе это слово показано с z .

1) *вм.* давнего *s*: дзезда, бладзе — „хорошо“, дблдзи — именн.г. множ.; 2) *вм.* *z*: дзёмнам вместо дзёбнам — „зябну“ (Велес), дзид — „стена“, сдлдза — „слеза“, нздзот — „назад“ и др.

§ 210. *сц* — *ст*, *зл*. Сочетание *сц* было в языке кирилло-мефодиевских переводов вместо давнего *sc*, появившегося в доисторическое время в связи с процессом изменения заднебных согласных *k*, *g*, *ch* в *c*, *dž*, *š*: *отъ влѣцнѣвъ его* (Син. пс.), *о оудръжнѣнн людѣцѣмь*, *старѣци юдѣнѣци*, *бѣроци еврѣнѣци* (Син. тр.).

Сочетание *sc* представляли и восточнославянские языки.

В западнославянских языках было *šč*, получившееся в давнее время вместо *sc*. Такое изменение *sc* было вызвано следующим: перед палатальным *c* согласный *s* был тоже палатальным (*š*); в группах же, легших в основу западнославянских языков, палатальный *š* изменился в *ṣ̌*, при шипящем же *š* и аффриката стала образовываться с шипящей фрикацией: *sc* (*šc*) → *šč*. Ср. судьбу *sṭ*, *zḍ* вместо *stj*, *zdj*: *sṭ* → *šṭ* → *šṭ^š* повсюду у славян (§ 139). В отдельных западнославянских группах происходила утрата второго шипящего элемента *šč* → *šṭ*. Так по говорам чешским, в лужицких языках. Итак: чешск. *v Polšt'e*, старопольск. *v Polšče*. (Совершенно безосновательна попытка объединить процесс изменения *šḳ* в западнославянских и восточнославянских, в противоположность процессу, отразившемуся в южнославянских языках: „Revue des études slaves“, VI, 216—223).

По болгарским говорам произошла утрата второго фрикативного элемента: *šts* (*šc*) → *st* (*ст*). Результат такого изменения отразился в ряде памятников: *людѣстни*, *земльѣстни*, *фѣрѣсенѣстни*, *морѣстѣнн*, *на дѣстѣ* и др. Но были говоры, в которых такое изменение не отразилось. Так в памятниках: Син. тр., Клоц. Сб., Савв. книга, в более архаической части Зографского кодекса (при одном случае с *ст*: *галлѣѣстѣмь*).

Примеров к *зжз* в старославянских памятниках нет, кроме одного *држжз* — местн. ед. (Супр. рук.) к имени *држжга* — „лес“. Ничего определенного нельзя сказать о судьбе *зжз* в разных болгарских группах IX—XI вв.

Особо отметим сочетания суффиксов (префиксов) на *z* (*s*); *iz*, *bez*, *otz* (*раз*), *vъz* — со словом, начинавшимся с *z*, *s*, *š*, *c*, *č*. Перед *s*, *z*, *š* в старославянском языке был представлен результат фонетического изменения: один согласный обычного образования *c*, *z*, *ш* вместо долгих *šš*, *zz*, *šš*, получившихся некогда вследствие объединения артикуляции согласного в предлоге и согласного *s*,

з, ѣ, которым начиналось слово: *вѣзълѣбы*, *вѣзакѣннѣ*, *ншѣдъ* вм. *исѣдъ*, *вѣсннѣ*.

Перед ч сочетания с этими предлогами в памятниках старославянского языка представлены не в одинаковом виде во всех случаях.

1) сч: *исчѣлнѣ* — в разных памятниках; *всчъннаго* (Супр. рук.).

2) ст: с результатом того же изменения, как и в окончании слова: *sc* → *st*: *исчѣлнѣ* в Син. пс., в поздней части Зограф., 1 раз в Супр. рук.

3) н-, вѣ-: *исчѣлнѣ* в разных памятниках; *и-чрѣкѣво* (Зограф.), *и-чрѣкѣ* (Остром.), *ицѣли*, *ицѣлѣннѣ*, *всчъннѣннѣ* (Син. тр.). Повидимому, такие сочетания возникли под влиянием сочетаний с предлогом (префиксом) *нз* (*ис*), *вѣз* (*вѣс*) перед *з*, *с*, *ш* под влиянием *ншѣдъ*, *вѣ-зълѣбы*...

1) С результатом фонетического изменения: *sč* → *šč* → *št'* (щ) *нчрѣво*, *нчѣзати* — „исчезать“, *нчрѣва* — „из чрева“, *ншннѣстнѣ*; *ншѣднѣ* вм. *ис-čed-*; *вѣшѣднѣнѣ* — „бездетный“; *вѣшнѣслнѣнѣ* — „бесчисленный“.

2) *н-ч-*, *вѣ-ч-*: *н-чрѣва*, *нчѣзати*, *вѣ-чѣстнѣ* (именит. *чѣстѣ*). Эти сочетания возникли так же, как *нчѣлнѣ*, *всчъннѣнѣ*.

В Синайском требнике отразилось различие в звуковом виде образований с предлогом (префиксом) *ис* сравнительно с образованиями с предлогом (префиксом) *вѣс*: *-н- ч-* вместо *ис-ч-* — *вѣш* вместо *вѣс-ч-*: *чрѣва*, *млѣстѣ* *нѣ* *нчѣтѣнѣ*. Но *нчѣзѣша*, так как префикс *ис* здесь не воспринимался языковым чутьем говорящего: *млѣстѣ* *вѣш* *нѣслнѣнѣ*, *вѣшнѣслнѣнѣхѣ*.

3) Изредка книжное образование с *ис-*, *вѣз*, *вѣс*: *ис чрѣва* (Савв.), *вѣзѣ* *нѣсла*, *вѣсѣстнѣнѣ*, *вѣсѣуднѣтѣ* (последние 3 примера из Супр. рук.).

§ 211. л', н', р'. В образовании палатальных л', н' не было пережито изменений, кроме сочетаний с палатальным л' после губного согласного не в начале слова: *земл'и* → *земја* → *зем'а*.

Что касается палатального р', то, может быть, в некоторых болгарских говорах XI в. не было уже палатального р': произошло отверждение его. Может быть, на такое явление указывают написания *рл* вместо *рл'* (*рл'*), *рѣу* вм. *рѣу'*, *рж* вм. *рж'* в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи.

Савв. кн.: *распѣра*, *вѣрѣтѣ* — „ожидает“, *сѣмѣрѣтѣ* *са* и др. Но имеются обычные написания с *рѣ* (вм. *рл'*): *морѣ* род. ед. *сѣмѣрѣл'*... Супр. рук.: *сѣхѣорѣ*, *тѣврѣстѣ*, *ѣузѣрѣ*, *пѣкарѣмѣ* (при *пѣкарѣнѣ*), *сѣк'ѣларѣ*, *сѣк'ѣларѣу*, тут же именит. ед. *сѣкѣларѣ*, *сѣк'ѣларнѣ*, греч. *σακελλάριος* — „казначей“.

§ 212. ш, ж, ү, ш (шт), жд, ц, з — з, с (š: вса, вьса). В фонетической системе тех болгарских говоров, которые легли в основу языка кирилло-мефодиевских переводов, эти согласные были палатальными („мягкими“). После этих согласных гласные заднего ряда а, и, о были передвинуты несколько вперед в зависимости от палатальности предшествующего согласного: â (среднего ряда) или ä (переднего ряда), ù (среднего ряда) или ü (переднего ряда), ô или õ. Написания ѡ (ъ в кириллических памятниках) вм. а, ю, ѡ могут свидетельствовать о таком произношении гласных и вместе с тем о мягкости предшествующих согласных.

Киев. лл.: нашъ (= наша), мьшъ (= мьша — messa), срьдьць, обьцьль...

Син. пс.: уьша, жьбы (= жьгы), шюму, үюдоу, лцю, наоууь, притьуь, хожаь, възвьщь, вьсь (именит. ед. жен. = вьса), вьсь (вин. ед.), вьськъ и др.

Такие написания имеются и в других старославянских памятниках. Но во всех дошедших до нас памятниках находятся и написания с а, оу, ж: наша, питьа, мьжа... Так и в Киевских лл.: сьгръшати, папожа, срьдьцл. Так и в других памятниках. При этом написания с ю после ү, ш, ж (үюти, мьжю, шюмъ) встречаются чаще, чем написания с ѡ вм. а: уасъ, наша, мьжа, оужасъ... Но в Супрасльской рукописи обычно оу: туюдо, бвьшюу, жоупань...

В написаниях с а (вм. ѡ — ѡ) после ү, ш, ж и других давних палатальных согласных видят обычно указание на отверждение этих согласных, а более частые написания с ю (мьжю, шюмъ) объясняют не тем, что предшествующий согласный был мягким, а тем, что буквою ю писцы передавали здесь гласный ü, т. е. в образовании согласного произошло изменение — он отвердел, а следовавший за ним ü, ранее зависевший в своем переднем образовании от палатальности согласного, остался без изменения ü. С таким объяснением нельзя согласиться. В отношении мягкости судьба палатальных ү, ж, ш была не во всех говорах одинакова с судьбою ц, з — з, с'. Написания с а (уасъ, а не уьсь, наша...) не представляют обязательного указания на отверждение ү, ш, ж. Такое написание могло отражать диссимиляцию, происшедшую в сочетании мягкого (палатального) согласного с гласным переднего или среднего ряда, — процесс, подобный давнему славянскому изменению ē в а после j, č, ž, š: kričati, žarъ, slyšati. После ш, ж в среднеболгарскую эпоху произошло изменение а в ж, произошло независимо от твердости этих соглас-

ных. Данные современных болгарских диалектов в отношении шипящих согласных представляют следующее. В одних из них ч; ш, ж, шт (шч), жд (ждж) являются мягкими в той или иной степени. Такими являются эти согласные преимущественно на юго-западе, в говорах Македонии и соседних местностях юго-западной Болгарии. В других говорах шипящие согласные тверды. Как видно, отверждение шипящих согласных не произошло в значительной языковой болгарской области. Мягкими были эти согласные, разумеется, и в IX—XI вв., в говорах, отразившихся в языке старославянских глаголических памятников XI в. Полагаем, что и на востоке Болгарии отверждение ч, ш, ж, шт, жд относится к среднеболгарской эпохе.

§ 213. Что касается ряда ч, с (з), с (къса), то можно полагать, что их отверждение произошло гораздо ранее диалектического отверждения шипящих согласных: по болгарским диалектам ч, с (з), с были тверды уже в XI в. В отношении этих согласных обращает на себя внимание обычное написание ча, са (за): написания чъ, съ (зъ) редки. Также обычны -соу (-зоу): кънасоу (къназоу), пьнасоу (пьназоу). Отметим судьбу сочетания чъ: в XIII в. в говорах западной Болгарии и северо-восточной Македонии было ча вм. чъ (чана), изменения же ъ после других согласных еще не обнаруживалось. Более раннее изменение ъ (â) в а в этом положении находилось в связи с отверждением согласного ч. Параллельно с отверждением ч происходило отверждение з (з): польза — польза. Кроме написаний -са (-за) старославянских памятников, о твердости з (вм. с) может косвенно указывать и книжное русское пол'за с твердым з вместо русского пол'з'а с мягким з', как это представлено и доныне в севернорусских говорах.

Был твердым с в местоимениях вса, всж по болгарским диалектам XI в. Несомненно, таким он был в говорах, отразившихся в языке Супрасльской рукописи, Саввиной книги. С таким с были эти местоимения и в восточноболгарском оригинале Остромирова евангелия.

Согласные перед гласными переднего ряда.

§ 214. В фонетической системе всех славянских языков некогда согласные перед гласными переднего ряда были мягки. Имеются следы такого образования согласных и в системе давнего,

доисторического времени. Но степень палатализации согласных перед гласными переднего ряда была не такой высокой, с какой артикулировались палатальные *j*, *ɣ'*, *l'*, *n'*: перед гласным переднего ряда мягкость согласных была средней; см. § 148. Такими были согласные в этом положении в старославянском языке. На мягкость их может указывать такая деталь письма. В Мариинском и Зографском кодексах имеются написания модифицированного юса малого, с хвостиком с левой стороны ѣ . Такой знак употреблялся в передаче формы именит. ед. мужск. и средн. рода причастия наст. вр. в основах на *e/o* и для глаголов *вѣти*, *вѣсти* (*вѣсти*): *градѣ*, *сѣ*, *вѣѣ*. Традиционным окончанием формы причастия наст. вр. именит. ед. в этих основах было *-ы(ы)*: *грады*, *сы*, *вѣы*. В разных славянских языках пережито было объединение в окончании этих форм с формами основ на *-i*, где окончанием был гласный *-a* или его замена: *pose* (*неса*), *vide* (*вида*). При этом объединении сохранилась твердость согласного, с какой он произносился перед *ы*: *vedy* (*вѣды*), *grędy* (*грады*): *vedę*, *gręęę*; ср. в истории русского языка наличие форм этого причастия с *a* с заменой более раннего *ę* и с твердостью предшествующего согласного: *веда*, *неса*, *мога*; ср. в чешском языке ту же форму на *a* после твердого согласного: *veda*, *pleta*... То же происходило и в болгарском языке: объединение в окончании *-a*, но с сохранением твердости предшествующего согласного. Чтобы отметить такое произношение *-aa*, *-ca* и др. в *града*, *са*, *вѣа*, писцы изменили знак *а* (ѣ): ѣ . Такая отметка понадобилась потому, что ею хотели отличить эти *-aa* (*-aѣ*), *-ca* (*-cѣ*) от основ на *-i*: *вида*, *проса*: последние отличались от *градѣ* не гласным, а согласным: в *градѣ* он был твердым, а в *вида* не твердым, мягким в той или иной степени. В Мариинском кодексе встретилось дважды *горѣ* с ѣ и в основах на *-i*: традиционным было *гора*. Возможно, что и в данном случае отмечалась твердость согласного, твердость *ѣ* его отверждение произошло уже по болгарским диалектам того времени.

В таком же направлении изменялась эта форма в других болгарских говорах XI в., отразившихся в прочих старославянских памятниках. В этих памятниках нет особого значка, который указывал бы на твердость предшествующего согласного в этих случаях: пользуются знаком *а* (ѣ) — *грааа* (сложная форма *града*- и в Мариин.), *жиа* в Син. тр., *грааа*, *са* (вместо *сы*) в Сб. Клоца, *гряаа* в Ассеман. ев., *жѣа*, *вѣа* в Супр. рук., *жиаа*, *саа* в Савв. кн.

Фонетико-морфологическое значение этого окончания было то же, что и окончания с гласным, переданным в Зографском и Мариинском ев. посредством ѣ.

Отвердения согласных перед гласными переднего ряда не было в XI—XII вв. по болгарским говорам (кроме отвердения р'; процесс отвердения был иного содержания и не зависел от следующего гласного). Если бы согласные перед гласными переднего ряда отвердели, то неизбежно изменился бы гласный *ā* (ъ) из *ě* (*lěto*). Полагаем, что он изменился бы при отвердении предшествующего согласного в *e*: произошло бы взаимное сближение артикуляции согласного и гласного, — процесс, противоположный более раннему процессу изменения *чъ* в *ча*: *ч* отвердевал, а следовавший за ним *ъ*, имевший более открытое образование, чем он имел позднее по болгарским диалектам на западе, изменился в *а*. Процесс изменения *t'ā* в *te* (*t* какой-нибудь согласный) происходил в среднеболгарский и новоболгарский периоды на юго-западе болгарской области (процесс этот проходит в разное время по западноболгарским группам). Далее держалось более открытое образование *ъ* (*ā*) на востоке Болгарии. Там и больше следов мягкости согласного перед гласным переднего ряда, в том числе перед *ā*, а также перед *a* из *ā*: *l'āto* в Родопах и на северо-востоке; *l'ato*, но *летен* в Прибалканье.

Группы согласных. Конец слова.

§ 215. Вследствие утраты слабых *ъ*, *ь* оказались сочетания согласных, в том числе такие сочетания, которые раньше были не свойственны фонетической системе: *та*, *да*, *ти*, *ди*, *ти*, *не*, *пи*, *ви* и др.: *свѣтъ[ъ]лѣст[ь]*, *д[ъ]ни*, *п[ъ]тица*, *сгнѣтъ*, *п[ъ]си* и др.

В это время, в XI в., появились подобные сочетания и иного происхождения, — сочетания, оказавшиеся при новом образовании основы. В языке старославянских памятников находятся слова с *пи*, *ви*, возникшими вследствие нового присоединения суффиксов *-нѣ-* (в инфинитивной основе), *-нѣ-* (в наст. времени) к корню на *-п*, *-в*, т. е. к корню в том звуковом виде, в каком он находился перед гласным в других образованиях: въ *доунавѣ* *истоппнѣша*, *осалппнѣша* (Супр. рук.) с *-п* как *слѣп-*; *погъвнѣти* (Мариин., Син. пс.) — с *гъв-* как *погъвати*; *прозавнѣти* (Мариин., Син. пс.), — с *зав-*, как *прозавати* и т. п.

стр.: появился вторичный согласный *т* между *с* — *р* взамен давнего сочетания *sor-* (*ser-*) перед согласным: *страм[ъ]* вместо более

раннего *срамъ* (из *согпъ*). Так в Синайской псалтыри: *страмомъ* *срамать* *см*. Такое явление (*str-*), со вторичным *t*, было пережито почти всеми говорами Македонии и юго-западной Болгарии: *страм*, *страмота*, *страчка* („сорока“), *среда*, *стред* („среди“). Там же находится и сочетание *zdr* со вторичным *d*: *здрее(т)*, *здрак*.

жств → *ств*: *бъство* вместо *бъжьство* (Марийн. и др.);

сд → *зд*: *зде* вместо *сьде* (Зограф.);

кд → *гд*: *где*, *гда* вместо *къде*, *къда* (Марийн.).

гк: по утрате редуцированного гласного оказалась группа согласных *гк* в прилагательном *льгъка*, *льгъко*. Эта группа в одних славянских языках подверглась диссимиляции: *гк* → *кк* (ср. в русском *лехка*). В других языках сочетание *гк* ассимилировалось в долгий *к(кк)*. Так было в южнославянских языках. Такое изменение отразилось в Син. тр.: *лэкъков*, *болъзнь*, *лэкъка*.

кч → *хч*. Любопытное указание представляет Супрасльская рукопись в отношении судьбы сочетания согласных *кч*, оказавшихся рядом после утраты *ъ*: *кч* → *хч* — *кч'нхчнн* (69).

§ 216. С утратой слабых *ъ*, *ь* изменился весьма значительно конец слова: раньше слова оканчивались только на гласный, теперь же много слов получило иное звуковое оформление: они стали оканчиваться на согласные: *овъд*, *ароуг*, *сын*, *вжт'*, *несжт...*

Вследствие тесного объединения слов во фразе произошла в ряде сочетаний ассимиляция конечного согласного одного слова с начальным согласным следующего слова, — явление, отмеченное выше и в отношении гласных. Многочисленные примеры такой ассимиляции находятся в Син. пс.: *на-дълы* *вм*, *мдд-дълы*; *бъ-зъла* *вм*, *бъз-зъла*, *памы-твоъ* *вм*, *память-твоъ*, *оудобльмъ-тъгда* *вм*, *оудобльжтъ-тъгда*, *подъ мзъкомонмъ* *вм*, *подъ мзъкомъ-монмъ*. Из Супр. рук. *мъзда* — *многъмъ*.

По говорам согласные губные в конце слова, по утрате конечного *ь* отвердели: *въмъ* 1 л. ед. → *въм*; *пръдамъ* → *пръдъм*.

§ 217. О сочетаниях, в которые входили предлоги (префиксы) *вън-*, *сън-*, *кън-*, см. замечания выше, § 150: *вънъдра*, *вънътръ*, *въннтн*, *въкоушнтн*, *вънматн*, *вънмн*, *сънтн*, *сънъмъ*, *сънъмншв*, *вън'ь*, *кън'емоу*, *сън'нъм...*

В сочетаниях предлогов с именами, начинавшимися с гласного звука, в старославянских памятниках нет *въ*, *съ*, *къ*: уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде *въ*, *къ*, *съ*: *въ оустъхъ*, *к оть*⁶

цоу, съ отьцсмь. Редким реликтом было сочетание с вън: вонль мой
прѣдъ нмъ вьндеть вън оушн сго (Син. пс.).

Что касается образований с префиксом вѣп-, съп-, то
утвердились сочетания в давнем звуковом виде: вѣнги, вѣндѣ,
въ пмти, вѣнъшн, сънннн („сойти“), сънннннннн сд („собираться“), сънньмъ,
сънньмѣ, сънѣдъ, сънѣдѣтн, сънѣстн, вѣноушнтн, вѣнѣтръ. Но в отно-
шении глагола вѣноушнтн и наречия вѣнѣтръ отражается в старосла-
вянском языке новшество: при традиционных сочетаниях вѣноу-
шнтн, вѣнѣтръ применяются и новообразования с префиксом вѣ:
вѣжтръ (Син. тр.), вѣоушнтн (Син. пс.): вѣоушн молсьнѣ мое; оуслъ[и]-
шнтѣ сн вѣсн ѣзцыцѣ: вѣоушнтѣ вѣсн живѣщѣи по вѣселенъ; в Синайском
требнике: вѣоушн глѣ оустѣ мнхъ — в псалме 67-м, — так же как
и в Син. псалтыри.

Часть вторая

ТЕКСТЫ

СЛОВАРЬ

ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ

А. М. СЕЛИЩЕВ

Старославянский язык

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕКСТЫ. СЛОВАРЬ.
ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ

Допущено

*Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
и аспирантов филологических факультетов
университетов и факультетов русского языка
и литературы педагогических институтов*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ~ 1952

ОТ АВТОРА.

Тексты из старославянских памятников, предназначенные для практических занятий, подобраны такие, в которых студент найдет те основные языковые данные, которые изучаются в курсе старославянского языка.

Имея в виду существенную сторону занятий старославянским языком — выработку филологических и лингвистических навыков при анализе текстов — составитель снабдил некоторые отрывки вариантами из других рукописей, которые следует учитывать при филологическом и лингвистическом изучении текста. С той же целью предложены параллельные тексты — греческий и старославянский по 3 памятникам, по Зографскому, Марининскому и Остромирову кодексам, а также даны параллели по всем славянским языкам. Для той же цели — развития навыков в работе над текстом, способствующих более точному пониманию текста — в отделе словаря к славянским переводам даны греческие слова, извлеченные из соответствующих мест греческого оригинала. (Для Киевских листков отмечены латинские слова.) Следует рекомендовать, чтобы к этим словарным соответствиям студент обращался не только в случае затруднения в понимании слова и словосочетания, но и тогда, когда славянское слово ясно по значению; и в этих случаях он может сделать полезные наблюдения, которые осветят ему те или иные стороны в значении слова и элементов его формы. Поучительны такие справки будут и при словах, составленных в зависимости от греческого оригинала (насытити — ἐπιπόσιος, предъявити — παρίστημι; предъяжить — παρτίδῃμι; строжиню домоу — οἰχονομία, дьярникъ — θυρωρός) или имеющих особый смысл в связи с этим оригиналом (свъштити слова — συναίρω λόγους — „сводить счеы с кем-нибудь“), а также в тех случаях, когда переводчик подбирал славянские слова, близкие по значению к греческим соответствиям (въда — ἀνάγκη, съездъ — γαίτων, въздати — ἀποδίδωμι, положити въдъ... — παρτίδῃμι..., из жтръждоу — ἔσωθεν...).

Для облегчения при чтении текстов прилагаются главнейшие сокращения слов, а в конце для справок даны парадигмы и краткие объяснения к ним.

СЛОВА ПОД ТИТЛАМИ.

БѢ = БОГЪ, БЛГО = БЛАГО, БЛГСВИ = БЛАГОСЛОВИ, БЛГНѢ = БЛАГОСЛОВАНІЕ ИЛИ БЛАГОСЛОВЕНІЕ, БЛГОТВОРНТИ = БЛАГОТВОРНТИ; БАКА ИЛИ БАДЖА = БАДЖА; ГЛЛТИ = ГЛЛГОЛТИ, ГЛА = ГЛЛГОЛА, ГАЪ = ГЛЛГОЛЪ; ГНѢ = ГОСПОДНІЕ; ГДѢ = ГОСПОДЪ; ГНѢ = ГОСПОДНѢ; ДХѢ = ДУХЪ; МАСТЬ ИЛИ МНАСТЬ = МНОСТЬ; НЕО = НЕБО; НЕСКЪ = НЕБЕСЬСКЪ; НЕСНѢ = НЕБЕСНѢ; ОЦѢ = ОТЕЦЪ, ПТЬ = ПАМАТЬ; ПРКЪ = ПРОРОКЪ; СТНТИ = СКАТНТИ, СТѢ = СВАТЬ, СРДЦЕ = СРЪДЦЕ; СПСТИ = СЪПАСТИ, СПЕННЕ = СЪПАСЕННЕ; СМѢ = СМНѢ; ЦРЬ = ЦЪСАРЬ; ЦРСТВЕНЕ = ЦЪСАРСТВЕНЕ, ЦРСТВО = ЦЪСАРСТВО; УАКЪ ИЛИ УНѢ = УЛОВѢКЪ, УСКЪ = УЛОВѢТЬСКЪ.

Из Зографского кодекса.

свѣдѣніе отъ лѹкы

1.

Иѡ нѡже бубѡ ми зи науаша. чинити повѣсть. Ѣ изъ стѣнѣхъ къ насъ
вѣстехъ. ѡкоже прѣде на намъ. бѣвѣ шѡи искони самовидѣци. і слоугы сло-
веси. изъко ли са і минѣ хождѣшю. і с прѣка по всѣхъ. къ істинѣ по радоу-
псати тебѣ. славетны г'вофиле. да разоумѣши. ѡ нихъже наоунѣ са ѡси
словесехъ. оутѣрждѣше. бѣстѣ къ дѣни ірода црѣ. іудѣиска.

(Лука, I, 1—5.)

2.*

і по сихъ ізидѡ і оузрь мѣтарѣ. іменовъ лѡвѣникъ. сѣда шѣ на
мѣздѣнници. і рече ємоу іди по мнѣ. і оста въ в'сѣ. вѣставѣ въ слѣ дѣ его
идѡ. і сѣтвори урѣ ждѣньѡ велико. лѡвѣни ємоу. къ домоу своємъ. і въ
народѣ многѣ мѣтарѣ і инѣхъ іже вѣѡхъ сѣ ни мѣ вѣздѣжашѣ.

(Лука, V, 27—29.)

3.

се ізидѡ сѣмѣ | да сѣтѣ. сѣжштѣмоу¹ | ѡва ѡубѡ падѡша² при шѣти. | і
прѣдѡша³ пѣнца несѣтѣмѣ. | і позѡбаша в. дроугѣ жѣ | падѡша² на камѣ-

* Ср. снимок глаголического текста на стр. 6.

ѿнѣ притѣуж прѣдъложи́мъ гла. оуподоби са | црствне нескво. ¹ укоу
 съвѣ|шюмоу доброе съма на солѣ | своомъ съпаштемъ же | уномъ. прнде
 врагъ его. | | въсь ² паввель ³. по срѣдѣ пшеница | отиде. огда же про|заве
 трѣва. | плодъ съво|ри. тѣгда ави са | паввель ³. пришедѣше рави гноу
 рѣша. ги не добро ли съма съ|лъ ⁴ вси на солѣ твоомъ. отъ|ждоу оубо
 имать паввель ³. | онъ же рече имъ врагъ ускъ ⁵ се сътвори. рави же рѣша
 сѣмоу. хоштеши ли оубо да шь|дѣше испавемъ ⁶ ѿ. онъ же | рече ни. еда
 въстрѣгажшѣ ⁷ | паввель. въстрѣгнете коу|пѣно съ н'имъ | пшеницѣ. | оста
 вите коупѣно расти ебве | до жатѣы. | въ врѣмя жатѣы | рожѣ двалтс'емъ.
 съберѣ|те прѣвѣ ⁸ паввель. | съва|жатъ ⁹ ѿ ¹⁰ въ снопы въко жешти ѿ. | а
 пшеницѣ съберѣте въ жи|тѣницѣ моѣхъ. ѿнѣ притѣ|уж прѣдъложи́мъ гла.
 по|добно естъ црсо нескво. | зрѣноу горюшьноу. ¹¹ еже възь|мъ унѣ въсь
 на солѣ своѣ|мъ. еже мѣн'е естъ въсьхъ | съменъ. егда же въздрѣсте|тъ. бол'е
 естъ зса'ни. | бѣваетъ ¹² дрѣво. въко прити пти|цамъ нескѣимъ. | витати | на
 въсьхъ ¹³ его.

(Матф., XIII, 24—32.)

¹ В лл. Ундольского — неено.

² В лл. Ундольского — въсь.

³ паввель, паввелы; ср. в восточно-славянских памятниках полквал; ужо съма полквала горювь (Сборник Свят. 1076); въськ полквал по среда пшеница (Галицкое ев. 1144 г.).

⁴ В лл. Ундольского — съвъ.

⁵ В Маринн. кодексе и в лл. Ундольского — врагъ тавъ — греч. εχθρός айдротос.

⁶ В лл. Ундольского — иъкоромъ.

⁷ В лл. Ундольского — въстрѣжшѣ.

⁸ В лл. Ундольского — прѣжде.

⁹ В лл. Ундольского — съважате.

¹⁰ В Мариннском код. — съважате и (вин. ед. — паввель); в лл. Ундольского — винит. множ. числа среднего рода — а (вм. в), — согласование с греческим текстом: θήσате αὐτὰ (относится к τὰ ζῆλα; ед. τὸν ζῆλον — паввель).

¹¹ В Маринн. код. горюшьноу, но и горюшьноу (Лука, XIII, 19) — греч. κόκκη σινάπεως — зерну горчицы, родит. пад. от σίναπι — „горчица“.

¹² В Маринн. код. — бѣваетъ.

¹³ В Маринн. код. — на въсьхъ.

5.

ѿ дѣвѣ ѿже примѣша съ|твильники своѣ. | изидо|ша противѣ женихоу |
 невь|стѣ. патъ же бѣ отъ н'ихъ боуи. | патъ мждрь. боуи бо | примѣша
 сътвильники | своѣ. не възаша бо съ собо|мъ | ольѣ. а мждрыи при|шаша
 | ольѣ. | въ съсѣдѣхъ | сътвильники своѣи. | моудаштю же женихоу. въздрѣ|ма-

ша ед вса: ꙗ съпадохъ. | подоу ношти же въпль бы. | се женихъ градсть. |
 ꙗсходите въ сръвенне его. | тгда въсташа вса дъвы | ты. ꙗ оукрашиша
 свѣтильницы свои. ꙗ боум рѣша мѣдрѣимъ. дадите намъ отъ | олъ
 вашего. ꙗко свѣтильници наши оугасажтъ. | отъвѣшташа же мѣдрыи
 глѣшаша. еда како не достанеть вамъ ꙗ намъ. | дайте же пауче къ продашъ.
 штимъ ꙗ коупите свѣс. | дажшамъ же имъ коупитъ. приде женихъ. ꙗ гото-
 вымъ вънидохъ съ н'имъ на бракъ ꙗ затворены быша | дъри. послѣдъ же
 придоша проум дъвы глѣшаша. | ги ги отворъзи намъ. онъ же отъвѣштаетъ
 рече. аминъ. | глѣж вамъ не вѣдѣе² васъ.

(Матф., XXV, 1—12.)

¹ Греч. εις τοὺς γάμους.

² Так и в Саввиной кн. и в Остромировом код. Но в этом последнем памятникѣ в параллельном месте вамъ.

6.

...посъла дѣла отъ оученикъ своихъ. ꙗ гла има. да вы въ весь ъже
 есть премо вама. ꙗ дъво къ ходаша въ н'имъ обратета | жрѣвць приказанъ.
 на н'емъ же нѣсть не оу никтоже | отъ укъ въсълъ. отръш'ша ꙗ | приведата. ꙗ
 аште вама кто речеть убо се дъво. рѣцѣта ꙗко гъ трѣбуеть. ꙗ ꙗ
 дъво пакы посъла'еть ꙗ сѣмо. да сѣте же ꙗ овертосте жрѣвць | приказанъ. при
 дъврьехъ. вънъ на распѣти. ꙗ отръшад'шете ꙗ. ꙗ стери отъ стоимати ихъ тоу.
 глѣдохъ има. убо | дъво отръшашаша жрѣвць. она же рѣста имъ. ꙗкоже
 заповѣдъ нс. ꙗ оставиша зъ.

(Марк., XI, 1—6.)

7.

Глѣаше же сѣшъ | притѣуж-смоковьницѣ | имѣаше стерь въ виноградъ сво-
 емъ. въсаждав'нъ. ꙗ приде ѣшта плода на н'ви. ꙗ не оверте. | рече же къ
 винарви. | се третне лето. отъ н'виже приходжъ. ѣшта | плода на смоковь-
 ници | сѣи. | ꙗ не овертажъ. посѣци ѣ оубо. въскжж ꙗ з'вм'ж опражнѣсть.
 Онъ же отъвѣштаетъ рече | смоу. ги остави ꙗ се | дъво. дон'дже ѣ окопж
 окрѣсть. | ꙗ осыпж ѣ гномъ. ꙗ аште оубо сѣтеоритъ плодъ. аште ли
 ни. | въ градштовъ врьма посъуеши ѣ.

(Лука, XIII, 6—10.)

8.

укъ стерь въ когаты. ꙗже | имѣаше приставьникъ. | ꙗ тъ ола'встанъ
 бысть | къ н'смоу. ꙗко растауама | имѣньъ его. ꙗ пригласъ ꙗ | рече смоу.

уѣто се слышѣ о тебѣ въздаждь. отъвѣтъ ѿ пристава'ени домоу|внѣземь.
 не възможени | бо къ томуу домоу строити. | рече же въ себя пристава|никъ
 домоу. уѣто сътвори'шъ яко гь мои отъемле|ть строенье домоу от мене-
 копати не можѣ. хаж|пати стыждѣ са. разоу|мѣхъ уѣто сътвори: егда
 отъстава'енъ еждѣ отъ | строенья домоу. принима|ть ма въ домъ своа. | ꙗ
 призываетъ одного когождо длѣжнникъ гь свое|го. глааше прѣвоумоу.
 колицьмъ длѣжнъ еси | гноу своему. онъ же рече. | ꙗ мь мзръ ола. онъ
 же | рече. прими боукъен | теоя. ꙗ съдъ скоро напиши. и: | по томъ же дру-
 гоумоу рече. | ты же колицьмъ длѣжнъ еси. онъ же рече. съто|мь коръ-
 пьшеница. гла емоу. | прими боукъен теоя ꙗ напиши .о. ꙗ похвали гнѣ
 до|моу ꙗконома. неправдѣ|нааго. яко мждръ створи. | яко снове ека сего-
 мждръ|ше пауче снове свѣта. | въ родѣ своемъ сѣтъ. ꙗ азъ вамъ глѣхъ.
 сътвори|те себя другы. отъ мамо|нины неправды. да егда осжадѣте.
 принима|тъ вы въ вѣуныа кровы. вѣрны въ малъ. | ꙗ въ мнозѣ вѣрнъ
 естъ. | ꙗ невѣрны въ малъ. ꙗ въ | мнозѣ неправдѣнъ естъ. | аште оубо
 въ неправдѣнъ|мъ жити. не есте вѣ|рны. въ истин'нѣмъ кѣто | вамъ вѣрж
 иметь. ꙗ аште въ тоуждемъ вѣрны | не есте. ваше кѣто ва|мъ дастъ.
 Никотеры же | рабѣ. не можетъ двѣма гнома работати. ли бо в|диногю
 възненаендитъ. | а другаго въз'любитъ. | ли одного дрѣжитъ са. | а о
 друузъмъ не брѣшти въ|чьнеть.

(Лука, XVI, 1—14.)

Из Маринского кодекса.

1.

Вьскъ оубо иже слышитъ словеса мѡѣ си и тво|ритъ ѣ¹. оуподоблѣнъ
 и мжж² мждроу. | иже соудѣа храминѣ своѣмъ на ка|мене. ꙗ снниде дождь
 и приаждъ ра|кы. и възвѣаша вѣтри³. ꙗ нападѣ на. храминѣ тѣ⁴. и не паде
 са| основана бо въ на камене. и вьскъ слышанъ словеса мѡѣ си | и не тво-
 рян ихъ¹. оуподобитъ са | мжжъ боуѣ². иже соудѣа сво|ѣмъ храминѣ на пѣсцьѣ.
 ꙗ снниде дождь и приаждъ рѣкы и възвѣаша вѣтри и опьрѣша⁵ са хра|минѣ
 тон. ꙗ паде са. ꙗ бо ра|зрушени⁶ еа веле⁷ зѣло.

(Матф., VII 24—27.)

¹ ѣ — кириллич. и — т. е. словеса, местоим. именит.-вин. множ.; не творить
нѣтъ — с родит. при отрицании.

² мжж, мжжъ боуѣ — дат. ед. в конце глаголическое ж вм. ю, оу вследствие
описки.

³ вѣтри — с лишней буквой р в первом слогѣ, — частая описка под. воздей-
ствием написания следующего слога.

⁴ потыкъ са хрѣстиа тои — Савв. кн. — *προσπεσοу τῆ οἰκίᾳ ἰησοῦ*; ср. соответствие местоимению *ἰησοῦ* — слав. тои, — местоименне с указательным, а не членным значеннем.

⁵ остраша са — Остром.

⁶ раздрожение — Зограф., Ассеман., Остром.; *разрешение* — Савв. кн.

⁷ велико — Остром.

2.

Никтоже во не приставлять приста|вление паата не б|асна ризе
веть|сь. възметь во коньуннъ свои | отъ ризы | колыши днра бждеть. | ни
б|анедать енна нова въ мѣхы ветьхы. аще ли же ни. проса|дуть са мѣси.
| енно пролзеть са. | и мѣси погыбашть. нъ енно ново | въ мѣхы новы б|ан
каштъ. | о|во с|елюдетъ са.

(Матф., IX, 16, 17.)

3.

Подобно естъ црствне небеско|е улѣкоу доможитоу. | же изи|де коупно
утро¹ | науть двла|толь виноградоу своемоу. с|вѣщавъ же с| двлатолю по
пъна|зоу на день. посла са въ | виногдъ свои. | ишедь въ трети|жъ годинн.
ендѣ ины на трѣжи|щи стоашта прадъны | т|мъ роуе идѣте и въ въ
виног|рдъ мон. | еже бждеть правдѣ | дамъ вамъ. они же идѣ. пакы же
и|шедь въ шестѣжъ и въ дека|тѣжъ го|диннъ с|твори такожде. въ единн|жъ же
на десете годиннъ ишедь. обрѣ|те друугыи стоашта прадъны. | гла имъ
у|то стоите сьде все|сь день прадъни. | глаша емоу т|ко. никтоже насъ не
нама|тъ. гла и|мъ идѣте и въ въ виног|рдъ | мон | еже бждеть правдѣ
при|мете. кеуероу же бы(въ)шо². гла | гнъ виног|рда къ приста|вни|коу свое-
моу. при|зони двлатола. | даждъ имъ мѣ|ждѣ. науенъ о|тъ послѣднихъ до
прѣ|внихъ. | пришедьше же нже въ единн|жъ на | десете годинн³. при|са по
пъна|зю. | пришедьше прѣ|ени мнѣ|а|хъ са в|аште приати. | при|са по | пъна-
зоу. при|мѣше же рѣн|та|ахъ на гнъ⁴ глашше. како съа по|сладнаа единн|
уасъ с|твори|ша | рѣвны нама с|твори|а са еси. понесъшениъ т|агота
дѣне и вѣр⁵ о|тъ же отъвѣр|авъ роуе единому нхъ друуже не | обидѣ
тебе. не по пъна|зоу ли с|вѣштахъ с| тобою. въз|ыми | свое и идѣ. хощѣ
же се|моу послѣ|ди|моу дати яко и тебе. | гла | насть ми а|тъ с|твори ми въ |
своихъ ми⁶ еже хощѣ. ашче око твоо | амако естъ. яко азъ елагъ есмь...

(Матф., XX, 1—15.)

¹ утро.

² в рукописи ешшо.

³ нже въ единн|жъ на десете годинн — пере-
вод греческого: οἱ [иже] περι τῶν ἑνδε-
κάτην ἡρῶν.

⁴ В Зографском и Остромировом ко-
дексах гла.

⁵ В Зографском код. кара.

⁶ въ своихъ ми — перевод греческого
сочетания ἐν τοῖς ἐμοῖς.

Се же вѣдите. яко аще еи вѣдвалъ гнѣ храма. въ кнѣж стрѣжжъ тѣтъ
 придетъ. вѣдвалъ оубо еи ꙗко не еи оставилъ. | подѣржати храма своего. ... Кто
 оубо есть вѣрѣныи рабъ и мѣдры. его же поста. вѣн гѣ надъ домоу своимъ.
 да дасть имъ въ брѣмя пшѣтъ и хлѣ. блажень рабъ гѣ. егоже пришеде гѣ
 скон обратитъ тако тво. рашита. аминь глахъ вамъ. яко на. да въсьмь нмѣ
 ннмъ поставитъ — и. дшѣ ли рѣуетъ зълъ. | рабъ въ срѣдци своемъ. къснѣтъ
 мон гнѣ прити. ꙗко научитъ еи. ти клеветы своимъ. ести же и | инти съ инѣни
 цамн. придетъ. | гнѣ раба того въ донь въ нѣжѣ. | не уаотъ. ꙗко въ уасъ въ
 нѣжѣ не. вѣсть. ꙗко прѣтшеть ꙗко полъма. | ꙗко уасъ его съ упокрити поафжитъ.
 тоу еждетъ падуъ и | ск(р)ѣжетъ ¹ зжеомъ.

(Матф., XXIV, 43, 45—51.)

¹ В рукописи — склѣжетъ.

5.

На мѣстова ¹ сѣда. лиши сѣдѣ ² кнѣжнѣнници и фѣрисси. | въсь ³ оубо еанко
 ашѣ рѣжжѣ вамъ. | блжстн. съблуданте и теори. те. по дѣломъ же ихъ не
 ходитѣ. | глахѣтъ бо и не теоратъ. събирѣжжѣ ⁴ же брѣмена тажѣки и не
 оудо. къ носима. ꙗко възлагѣтъ на | плѣща уавска. а прѣстомъ. | своимъ не хо
 тѣтъ денгжѣти ихъ. | въсь же дѣла скон теоратъ да вѣдн. ли еждѣтъ
 уавкы. рширѣ. жжѣтъ же хранилишта скон. ꙗко вели. уавжѣтъ подѣметы въскрѣни. |
 ри. зъ своихъ ⁵ любѣтъ же прѣ. ждѣвъзѣлганнѣ на вѣверѣхъ. | ꙗко прѣждѣсѣданнѣ
 на сонъминшѣихъ. ꙗко целѣваннѣ на трѣжншѣихъ. | ꙗко нарицати ⁶ са отъ уавк
 рабѣн. | ... горе ва. мѣ кнѣжнѣнници и фѣрисси. | упо. крити ⁷ яко оуншѣлате вънѣ
 щѣ. | нове стѣклѣнници ⁸. ꙗко паропсидѣ ⁸. | жтрѣждѣ же смѣтъ пѣлни хышѣннѣ.
 ꙗко неустоты. фѣри. сѣю слѣпе. оуншѣти прѣжде вънѣтрнѣе стѣклѣнници ꙗко пароп
 сидѣ. | да еждѣтъ и вънѣщнѣе нма уи. сто.

(Матф., XXIII, 2—7, 25—26.)

¹ мѣстова — Зограф.

² сѣдомѣ — Ассеман., Остром.

³ въсь — винит. множ. ср. р. — паустѣ

⁴ съблуданте — Зограф., Остром.

⁵ μεγαλόνοισι τὰ χράσκεδα τῶν πλατίων αὐτῶν — увеличивают края своих плащей; подѣметы и въскрѣниѣ (-ш) — одного значения.

⁶ нарицати са — Зограф.

⁷ горе ва. мѣ кнѣжнѣнници и фѣрисси. | упо. крити — οὐαὶ ὄντι, ὑπαρματαῖς καὶ φαρισαῖοι, ὀποκριταί; в другом месте (23) то же греческое выражение переведено так: горе ва. мѣ кнѣжнѣнници и фѣрисси. | лицевѣри.

⁸ дателън. ед. ч.

6.

Тѣ же прѣдѣ ¹ посѣлѣтъ шѣтъ нѣма. ꙗко съ. ва. зѣ и въ темьнѣнници ². ꙗко прѣдѣдѣ
 | радн жѣны филиппа брата своего. | яко ожени са съ. глаше бо нѣма прѣ-

Дови- не достонгъ тебѣ имвти жонъ| филипа брата своего. Иродъ же гнѣз-
аше са на нь. ꙗ хотѣаше и оубити и не | можааше. Иродъ во бокаше са
ноана. | вѣды и мѣжа праведна и ста. и хр|нѣлаше и. ꙗ послушаша его
многого тво|рѣше. ꙗ въ сласть его послушаша. | ꙗ приклоутьшю са³ дѣни
потребноу. | вгда иродъ рождѣствоу своему вечернъ творѣаше кнѣземъ
своимъ| и тѣснѣтникомъ. ꙗ старенши|намъ галилеискимъ⁴. и въшедши| дѣштери
сѣа иродивдѣ. ꙗ пласкѣши| и оугождѣши иродови. ꙗ възлежаштиимъ съ
нимъ. рече цѣрь дѣвици про|си оу мене вмоуже аште хоцши и да|мъ ти.
ꙗ клатъ са ви вко егоже аште| просиши дамъ ти. до полъ цѣрствѣ| моего.
она же ишедши рече къ мате|ри свои. тесо прошѣ. она же рече гла|вѣ
ноана крститель. ꙗ въшедъ|ши аене съ тѣштаниемъ къ цѣрю. | проси глѣшти
хоцѣ да даси ми. | отъ него на блюдѣ глѣж ноана крѣ|ститель. ꙗ при-
скрѣбенъ бысть |цѣрь за⁵ клатвы. и възлежаши|их съ нимъ. не въскотѣ
отърѣши| са ви. ꙗ аене посълавъ цѣрь ко|на. повелъ принести глѣж егѣ.
онъ же шедъ оусѣкнѣ и въ|въ| темь|ници. ꙗ принесе глѣж егѣ на мисѣ| и
дасть ѣ дѣвици. ꙗ дѣвица дасть ѣ матери свои. | и слышавѣше оубици егѣ.
възаса троупъ его и по|ложша и въ гробѣ.

(Марк, VI, 17—29.)

¹ Αὐτὸς γὰρ ὁ Ἡρώδης

² ἔδησεν (аор. δέω — „вязать“, „заключать в оковы“) αὐτὸν ἐν τῇ φυλακῇ (φυλακῇ — „стража“, „тюрьма“).

³ Вм. приклоутьшю са; прилоутьшю — Остромир.

⁴ вечернъ творѣаше кнѣземъ своимъ и тѣснѣтникомъ ꙗ стареншинамъ галилеискимъ —
δειπὸν ἰποῖεи τοῖς μεριστάσι αὐτοῦ καὶ τοῖς χιλιάρχοις καὶ τοῖς πρώτοις τῆς Γαλιλαίας
(см. словарь).

⁵ В значении „из-за“, „по причине“, в соответствии греческому διὰ с винитель-
ным: διὰ τοῦ ὄρκου [ὁ ὄρκος — „клятва“] καὶ τοῦς συνανακειμένους [прич. к гла-
голу συνανακειμαι] — „вместе возлежать за столом“; συν — „вместе“, в славян-
ском переводе нет соответствующего префикса при глаголе, зато добавлено
местоимение „съ нимъ“, чтобы точнее передать совместность возлежания за
столом: за клатем и възлежашихъ съ нимъ.

7.

Уакъ единъ¹ съхождалаше отъ и|ема въ ериж. ꙗ въ разбонныкы въ|падс-
иже и съелѣкѣше и. и въземъ| възложѣше отидѣ. оставѣше елѣ² | живѣ смѣтъ.
по приклоуаю же нере|и единъ съхождалаше нѣтемъ темь. | видѣвъ ꙗ мнло
нде. такожде же и | левѣдннѣ. бывѣ|въ| на томъ мѣстѣ. | пришевъ и видѣвъ
ꙗ мнмо нде. са|марѣннѣ же единъ градъ приде на|дѣ нь³. ꙗ видѣвъ ꙗ мн-
лосрѣва. ꙗ при|ставъ обяза строупы его възлежѣ|ма ольн⁴ и кино. въсаждѣ
же и на свои ско|тъ приведе и въ гостиницѣ. ⁵ ꙗ приле|жа емъ. ꙗ на оутрѣни

ишедъ изымъ| двѣ пѣнаса дастъ гостинникоу· | ꙗ рече емоу прилежи смь·
і жо аште при|ждивеши· азъ егда възвратѣ | са въздамъ ти·

(Лука, X, 30—31.)

¹ В Зограф., Ассеман. кодексахъ стеръ; в Остромир. — иакти.

² В Остромир. кодексе — лъ жина саца.

³ приде надъ нъ — перевод греческого сочетания ἦλθε κατ' αὐτόν.

⁴ В Остромир. кодексе елен; в Зографскомъ масле.

⁵ В Саввиной книгѣ — къ господж.

8.

ꙗ рече| къ нимъ кто отъ васъ имать дру|гъ· ꙗ идеть къ нему полу
ношнѣ· | ꙗ речеъ емоу друже даждъ ми въ зан|мъ¹ три хлѣбы· ꙗе дру|гъ
ми при|де съ пѣти къ мнѣ· ꙗ не имамъ уе|со положити прѣдъ нимъ· ꙗ отъ
нз ж|трѣждѣ отвѣштавъ речеъ не |твори ми тродѣ· юже двѣри затво|рени
сѣтъ· ꙗ дѣти мои съ мѣно|ж на ложн сѣтъ· не можъ вѣста|ти дати² тебѣ·
глаж камъ аште и не| дастъ емоу вѣставъ зане естъ | дру|гъ емоу³ нъ за
безоуство его | вѣставъ дастъ емоу елико трѣ|боуоуть· ꙗ азъ глаж камъ·
просите| и дастъ са камъ· ꙗшите⁴ и обраще|те тлъцѣте и отвѣрзѣте са
ва|мъ· всѣмъ бо просан приемлетъ· ꙗ нштан обрѣтаатъ· ꙗ тлъкшцоумоу⁵
отвѣрзѣте са.

(Лука, XI, 5—10.)

¹ Так и в Ассеман. кодексе и в Саввиной книгѣ. В Зограф. кодексе — заемъ.

² В Зограф. кодексе — дати.

³ В Ассеман. кодексе — зливе дру|гъ его естъ.

⁴ В Зограф. кодексе — иште; в Ассеман. код. и в Саввиной кн. иште.

⁵ В Остромиров. код. — тлъ'коуцоуоумоу.

9.

такъ едннѣ сътвори| веверж· и зъва мѣногы· | и посѣла рабѣ свои въ
годѣ¹ вевера· | рѣшн зъванымъ градѣте· ꙗко оу|же готока сѣтъ всѣ²·
ꙗ наудса³ въ|коупъ⁴ отърцати са всен· прѣкы | рече емоу· слово коуинхъ
и нилмъ | неждѣ нзннн и ендѣти е· моаж та нштан ма отъроуна⁵· и
дру|гы| рече сжпржѣ воловьныхъ коупн|хъ пать· и градѣ⁶ искоуснтѣ ихъ· |
моаж та нштан ма отъроуна⁷· и дру|гы рече женж пошев⁸ и сево | рздн
не можъ прити· и пришѣдъ ра|бѣ тѣ повѣдъ се гспднпоу своему· | Тогда
разгнѣвакъ са гсподннѣ домоу· рече рабоу своему· нзннн | мадро⁹ на
распѣтнѣ и стѣгнѣ градѣ | ꙗ нштаннѣ и бѣдннѣнѣ и хромнѣнѣ и слѣпнѣнѣ вѣведи
сѣмо· ꙗ рече рабѣ· | гн бысть ꙗкоже¹⁰ повѣлъ· и еште мѣ|сто естъ· и рече
гъ рабоу· нзннн на пѣ|ти и халжгъ· и оубѣдн въннн да | напалъ|напалъ|нитѣ¹¹
са домъ¹² мон.

(Лука, XIV, 16—23.)

Ср. передачу в Синайском требнике и в Остромировом ев. (см. ниже).

¹ В Зограф. код. година.

² В Саввиной книге сочетание в единств. числе: — *гетѣво естъ все.*

³ В других рукописях — *наша.*

⁴ В Зограф., Остромир. код. — *коуля.*

⁵ В Зограф. код. — *отъруема.*

⁶ В Саввиной книге — *наж*; в Остромир. код. — *хоня.*

⁷ В Зограф. код. и в Савв. кн. — *отъ,*
рекълса.

⁸ В Зограф. код. — *помхъ.*

⁹ В Савв. кн., в Ассеман. и Остромир. кодексах — *скоро.*

¹⁰ В Остромир. и Ассеман. код. — *сже.*

¹¹ Описки: лишнее *напалъ.*

¹² В Саввиной книге — *храмъ.*

10.

Кѣто бы отъ васъ хотан стагнъ созьдати. не прѣжде ли съдъ раштьотъ доволъ. аште нмать нже¹ ость на съврѣшннѣ. да не егда положитъ основаниѣ. и не можеть съврѣшити. въсн внидаштен наугнѣтъ ржгати са емоу глѣшнѣ. яко съ улевнѣ наугать зьдати. и не може съврѣшити. ани кымъ цсръ нды къ нномуу цсрю. сънннн са на брань. не съдъ ли прѣжде съврѣшавлатъ аште снагнъ естъ. съ десатнж тьсжштъ² сървстн | градшнзлаго. съ дѣвѣма деса|тъма [тъ] тьсжштма на нь. аште | ани же нн-сште дадеуе емоу сжштю. | молнтѣж посълавъ молнтъ са о | мнрѣ.

(Лука, XIV, 28—32.)

¹ В Зографск. код. — *сже.*

² В Зографск. код. — *тьсаштѣ.*

11.

Уан единъ добра рода иде на стра|нж длаеус. приати себе цсрственнѣ | і възврати са. Призываетъ же и десать рабъ своихъ. і дасть имъ де|сать мѣнасъ. і рече къ нимъ. коу|пж дѣнѣ доньдеже придж. | гражда|не же его неидендѣхж его. посъла|ша молнтѣж въ слѣдъ его глѣшнѣ | не хощемъ семоу да цсрствоуоутъ | надъ нами. і бысть егда са възврати. приимъ цсрственнѣ. і рече | да пригласать емоу рабы тѣ. | имъ же дасть сървѣро. да оуе|стъ какъ коупжж сжтъ сътворннн. | прнде же прѣвѣ глѣ гн. мѣнъ тво|въ придѣла десать мѣнасъ. і рече | емоу блжгы рабе и добры. яко о ма|лѣ вѣрнѣ бысть. еждн обла|еть нмы надъ десатнж градъ. | і прнде въторѣ глѣ. | мѣнасъ тво|въ гн. сътвори д мѣнасъ. рече же н | тѣмоу. і ты еждн надъ патнж | градъ. і друугы прнде глѣ гн. | се мѣнасъ твоѣ шже нмѣхъ. по|ложонж въ оуброусъ козахъ ко са | тебе. яко улевнѣ врь еси. възе|машн его же не положъ. і жнвешн | его же не съвѣ. глѣ емоу отъ оустъ | твоихъ сжждѣ ти зълы рабе. | въдѣаше яко азъ улевнѣ врь | есмъ. въземла его же не съхъ. і поуыто | не въдѣастъ моего сървѣра пѣнн | жннкомъ. і азъ

пришеде съ ли|хвоѣмъ настадалъ е вниѣ. ꙗ прѣ|дѣстоуашннѣмъ рече. възь|
мѣте отъ него мѣнасъ. ꙗ дади|те ни мѣштуому. ꙗ. мѣнасъ | ꙗ рѣша емоу
гн имать ꙗ мѣнасъ. |

(Лука, XIX, 12—25.)

12.

Съсѣди же и нже и въ|хѣмъ видѣан | прѣжде вко сльпъ въ. глаахъ.
не съ | ли естѣ съдан и проса ови глаахъ | вко съ естѣ. онъ же глааше вко
азъ | есмь.

...веса и къ | фарисеѣмъ. нже въ ниогад сль|пѣ... не маса¹ же вѣры
нюден о | немъ. вко въ сльпъ и прозъръ до|нѣдже призываша родителъ
то|го прозърѣвъшаго. и въпросиша ѣ | глашште. съ ли естѣ снъ вко.
егоже въ гаете вко сльпъ са родн. | како оубо нынѣ виднть. отъкъшта |
ств² же ꙗ мѣ родителъ его и рѣсте³ въвѣ | вко съ естѣ снъ наю. ꙗ вко
сльпъ са ро|дн. како же нынѣ виднть не въвѣ. ли | кто емоу открьзе оун
въ не въвѣ. са|мого въпросите. въздрастѣ ни мѣтѣ. самъ о себѣ да гаетѣ.

(Иоан., IX, 8—9, 13, 18—21.)

¹ В Остромир. кодексе — не мша.

² В Остромир. код. — отъвѣста.

³ В Зограф. код. — рвста; в Остромир. код. — ровста.

Из Ассеманиева кодекса.

Рече господь притѣмъ снѣмъ. оуподоби са¹ црство небесное² уловѣкоу
црю. же въсхотѣ³ сътазати са о словеси⁴ съ рабы сконни. науенѣшю же
емоу сътазати са о словеси⁵. прнѣса⁶ емоу длѣжннѣ единѣ длѣженѣ
тѣмоѣмъ талантѣ⁷. не нишѣоу же емоу увесо⁸ въ(з)дѣти. повелъ господь его да
продадатѣ⁹ н. и жени его и уада и въсе слико ниѣзаше и отъдатѣ. и падѣ
же оубо работѣ¹⁰ клнѣаше са глагола. господн. потрѣпи на мѣнѣ¹¹ и въсе
тѣ въздашѣ. милосръдовашѣ же господь раба того поусти и н длѣгъ отъ-
поусти емоу. нишедѣ же работ обрѣте единого отъ клекрѣтѣ¹² сконхъ же къ
длѣженѣ емоу сътомъ пѣнасъ¹³ и емѣ¹⁴ и двѣлаше¹⁵ глагола. даждѣ ми
ниже ми еси длѣженѣ падѣ же клекрѣтотѣ¹² молѣаше и глагола. потрѣпи
на мѣнѣ¹¹ и въсе ти въздам онъ же не хотѣаше нѣ ведѣ и въсади и къ
темъннѣмъ дождѣже въ(з)дастѣ емоу длѣгъ весь. видѣвшѣ же клекрѣтн¹²
кѣнѣшад. ¹⁶ съжаанша си зѣло и пришедѣше съказаша господноу¹⁷ своему
въсѣ кѣнѣшад. тогда призываѣ и господнѣмъ его глагола емоу. рабе ажкѣвн
всѣ длѣгъ твои отъпоустихъ тебѣ. понеже оумоли ма. не подобаше ли и

ТЕБѢ ПОМИЛОВАТИ КЛЮЧЕРА¹² ТВОЕГО ЯКО И АЗЪ ТА¹³ ПОМИЛОВАХ; И ПРОГНѢВАЕВЪ
СА ГОСПОДЬ ЕГО ПРѢДАСТЬ И ИЖУИТЕЛЕМЪ ДОНЪДЕЖЕ ВЪ(З)ДАСТЬ ДАДЪГЪ ВЕСЬ.

(Матф., XVIII, 23—34.)

Сравни. ниже текст по Саввиной книге.

1 В Зограф. и Марини. кодексах —
оуподокнао са; в Саввиной книге —
подокныо еств.

2 несков — в Зограф., Марини. код.,
в Савв. кн.

3 В Савв. кн. — извоан.

4 В Савв. кн. — съквцати слово.

5 В Савв. кн. — сърицати слово.

6 В Савв. кн. — приквде са.

7 В Савв. кн. — галамьтъ.

8 В Савв. кн. — уто.

9 В Савв. кн. — прадати са.

10 В Савв. кн. — раяъ ѿнъ; — греч.
ο δοῦλος ἐκεῖνος.

11 В Савв. кн. — ѿ мнѣ.

12 В Савв. кн. — подроугъ; подроугъ ѿнъ;
подроуги; подроуга.

13 В Остромир. код. — чать.

14 В Савв. кн. — мнѣ.

15 В Савв. кн. — внише.

16 В Савв. кн. — бьмажшам.

17 В Савв. кн. — ган.

18 В Савв. кн. — теке.

Из Синайского требника.

1.

ѿ ѿ
мо на многы болаши.

ѿ на традѣшнмъ са траса|вицѣш. клѣуѣшнѣш зж|бѣ. трасомы же да
вѣкоу|снѣть подѣ вѣуѣрѣ мало клнш|ца. а вѣды трѣт|ьен дѣнь да| млаву'ко.
да не вѣстѣ же снн| сластн і яко останѣтъ его| да съжжѣтъ в [„з“] свѣща
вѣ црѣ|кѣ. і аще вѣстѣ імѣя да по|дѣстѣ цркѣ ан ма|ломошн. вѣ нма
тнѣ /. (44)

2.

ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ
мо на всѣ трасо трасавице.

Запрѣщаетъ ти імѣнемъ гнѣ|мь трасавице послѣднѣ| маже оу корѣна сѣшн
слабѣн|шнѣ в'сѣхъ мажѣ во ты ан са|ма н в'са твоа бѣнѣ са в'сѣ|хъ мѣ-
дрѣстен земьныхъ| мадрыхъ і крепѣстен крѣ|пѣкыхъ мѣжѣства мѣжѣска
і жѣнѣства жѣнѣска послѣднѣ| послѣушѣнѣныхъ послѣдѣ же вѣ боуѣстн
боунхъ емлѣ|тѣ [вм. емлетѣ] же непослоушѣнѣныа хоудооумныа і хоудоснѣ-
ныа тѣмъ пакѣстн теорнтѣ на| вѣрѣмѣнѣ мѣсауѣнѣа. ходнтѣ| скозѣ на і яко
скозѣ уѣто дроугѣ| мажѣко і скозѣ теоращѣа вола ваша не ты ан сама
і в'са| твоа бѣнѣ са прѣтыканѣн| прѣтыканѣныхъ емѣ і в'сѣ|хъ пострѣше-

нен уласкъ стрѣшашинныхъ въ крѣташе избѣгнѣтъ | ꙗко отъходите нынѣ же самон
 твѣе зарѣшашъ трасявнѣ оубон са нмѣи гнѣ... избѣгни ꙗко сего раки гнѣ...
 (45—45об.)

По изданию Л. Гейтлера.

1 „Через них“, „сквозь них“.

3.

зпоевдн стыхъ шць

о. | покланнн развоъ ꙗко в'семь грѣсѣ. | (Аще к'то развои сътвори. или
 отъ рожденнн своего оубнеть. ꙗко да поклает'са. Въ инон области. Толи
 по|томь да прннн бжде въ свое от'уство. (Аще бжде правено покла|лъ. о хлѣбѣ
 о водѣ. ꙗко да послушъ|своуетъ емоу еппп. и пове. Въ н|хъ же са естъ по-
 клалъ. Къ рожденнн оубнснаго. (Аще ли бжде. недоверъ | покла|лъ. То да не
 прнннать бжде въ|свое от'уство. (Аще к'то развои | сътвори не хота. ꙗко да
 да поклет'са въ о нн о хлѣ. о водѣ. |...)

(Аще котораа жена отроуа оудавн | в лѣта да пост'са. ꙗко о хлѣбѣ о
 во. |... (Аще которы простѣ людннн. враждѣш нмы. оудартн уна. и
 о|крѣвнннъ н. ꙗко денъ да поклет'с|а. | (Аще к'то въдош оукраде. сънвдъ|
 но уѣто. ꙗко денъ да поклет'са. | (Аще к'то въ ꙗ денъ нде на коладж. |
 еноуаръ. ѣкоже прѣѣе погани тво|рѣахъ. в лѣ да поклет'са о хлѣ | о во...)

(Аще к'то домъ заже|жетъ. ли гоумно. ꙗко лѣ да постѣ | о бѣ о во. (Аще
 к'то отъ монастырѣскыи цркви. токмо уѣто | оукраде. ꙗко лѣ да постѣ
 о хлѣ о во |... (Аще к'то алыкати не можеть. да н|спостѣ ꙗко псамъ .н з.

(Аще ли не оу|мветь. да дастъ цаты. (Аще ли | не нлатъ цаты. то да о
 крашн|на еше нлатъ. да дастъ. | (Аще к'то мѣзда възьметъ отъ | кого. по-
 стннса за нь. аще воды | се сътвори|а естъ. да алыуетъ | за са. елико н
 за оного. ꙗко еше естъ | възалъ. да | дастъ нннннмъ. | ѣко тоужда грѣхы
 въземаеть. | нвсть лѣпо да нменн оуѣт'са | хѣъ рабъ... (Аще которы влоорн-
 зецъ. сжпо|стн рѣдн клѣнеть. люте ѣко. да | дастъ нннннлѣ нмѣнне свос-
 н | шедъ въ монастыр'ь да постѣ |... (Аще к'то друга. своего оупонтъ | до
 рѣга. да постннса оба ꙗ денн. (Аще к'то сънвднно уѣто | оукраде. да постннъ
 ꙗ денн. (Аще ли естъ дѣтескъ. ꙗко денъ да по|стнн'са... (Аще к'то съ

рѣвоѣмъ вѣдѣ сътвори | толи роди дѣтищѣ. да скогодн | рабѣ тѣ | постнѣтъ
 лѣ едино. | ... (Аще к'то оудѣвасниш. ли брѣвь | скотнѣмъ. не вѣды вко
 оумрѣло | естъ. | или трѣвѣно ч'то безъ вѣды | вѣтъ. в'ї да | постнѣ'са...

(Листы 101—104, По изданию В. Бенешевича в сборнике в честь В. Ягича — Jagić — Festschrift, стр. 591—596.)

4.

Подобѣно естъ црѣство¹ иѣское. чюу | црю іже сътвори бракъ сѣоу |
 сквоѣмоу | посѣлз рабы своѣмъ. призываети званыи на | бракъ² | не хотѣлхъ
 прити | пакы посѣлз ины рабы гла. рѣцѣте³ званымъ. се овѣдѣ мои
 оуго|товлхъ. | юнѣци мои оупитѣ|нла⁴ исколна. | в'сѣхъ готовл⁵. | придѣте
 на бракъ². они же неро|ждѣше отнаж. овѣ на свѣло скво | овѣ же на коуплѣш
 своѣмъ а про|уи смѣше⁶ рабы его досади|ша имъ. и ізхнша ѣ | слы|шавѣ црѣ
 тѣ разгнѣва са | и посѣлавѣ⁷ воѣ своѣмъ погоу|би оубинца ты⁸. | грдѣтъ
 іхъ | зжсжз тогда гла ракомъ | своимъ бракъ оуготованъ | а званни не
 бѣша до|стоини ідѣте оубо на исходи|шз пѣтен⁹ | елико аще обраше|тс.
 призовѣте на бракъ. | ишедѣше раби ти⁸ на пѣти собѣ|рѣша в'са оверѣтѣ¹⁰
 зѣлымъ | же и доврѣ¹¹ ісплѣниша бракъ възлежашинихъ. вѣшсѣдѣ | же црѣ тѣ
 видѣтъ възлежашинихъ видѣ тоу ука не обѣлѣ|уена въ одѣни¹² брѣтнѣов |
 | гла смѣу дружо како вѣ|ниде сѣмо. не имѣ одѣни¹² брѣтнѣаго. онѣ
 же оумлѣ|чѣ. тогда рече црѣ слоуга|мъ съвазакѣше и по носѣ | и по
 рѣцѣ¹³ възъмѣте и вѣ|врѣзѣте¹⁴ и вѣ тѣмъ кро|мѣшнѣннѣ¹⁵ тоу вѣдѣтъ
 плауѣ и скрѣжетѣ¹⁶ зѣбо|мъ.

(Матф., XXII, 2—13.)
 По изданию Л. Гейтлера.

¹ црѣство — Мар.
² иабракы — Зогр. — множ. число, как в греческом оригинале. εις τοὺς γάμους единств. ὁ γάμος — „свадьба“, „брак“.
³ рѣцѣте — Зогр., Мар.
⁴ Именит. множеств. числа среднего рода как в греческом оригинале: τὰ ἀπὸ τὰ.
⁵ Именит. множ. числа среднего рода.
⁶ мѣше — Мар.
⁷ посѣла — Мар. — греч. πέμφας.
⁸ погоуки оубинца ты; — здесь, как и в других местах, сочетание с местоимением ты, ты... не имеет значения сочетания с членом (с артиклем): ты, ты... представляли обычное значение указательного местоимения

(в греч. ἐχέινος); ср. в греч. тексте: ἀπὸ λῆσος „погубил“, „умертвил“ | φορεῖς ἐχέινους; раби ти — οἱ δοῦλοι ἐχέינוι.
⁹ пѣтн — Мар.
¹⁰ оверѣтоша — Остром.; в Син. грѣбн. пропуск местоимения иже, находившегося перед глаголом; в'са иже оверѣтѣ; в греч. πάντας ἑαυτοῦ — собств. „всех сколько“; именит. πάντας ἑαυτοῦ.
¹¹ доврѣ — Ассеман.; Остром.
¹² Так и в Зограф., Остром.; одѣани — в Мар.
¹³ съвазакѣше оѣоу рѣцѣ и носѣ — в Мар.
¹⁴ носѣ вѣрѣзѣте — Ассеман., Мар.
¹⁵ Так [промышлѣннѣ] и в Зограф., Ассеман., Остром.; в Мар. — промышлѣннѣ.
¹⁶ скрѣжетѣ — Мар.

Из Синайской псалтыри.

1.

Обидѣ мѧ тѣлѣци мнози: ~ | юнѣци тоуугъни одръжаша мѧ: | Отверсе
 ва мѧ оуста своѣ яко | левѣ въсхыштаѧ і рикаѧ: | яко вода излѣихъ сѧ и
 рази|дѣ сѧ кости моѧ: Выстѣ | сръдѣце моѣ яко коснѣ та|ца посръдѣ урѣза
 моего: — | Нсѣше яко скѣдель крепость | моѣ: Н азъ'къ¹ моѣ прилѣ|не
 грѣтани моимѣ: Н въ|прѣстѣ сѣмрти съводе мѧ: | Яко обидѣ мѧ пѣси
 мнози: | Н сънемъ зѣловѣтнихъ о|сѣде мѧ: — | Пригвоздиша (прокопши)²
 носѣ моѣ і рѣ|цѣ моѣ: Нутѣмъ въсѧ кости моѧ.

(Псал., 21; 13—18.)

¹ ¹ над строкой подписано.

² прокопши — глосса писца к слову пригвоздиша.

2.

Въ нѣже¹ денѣ призовѣ тѧ. ѡдрѣ | оуслыши мѧ: — | Нде нувѣжъ яко дѣ'мѣ
 дѣни моѣ: і ко|сти моѧ яко соушило сосѣхъ сѧ: — | Покѣвѣнѣ быхъ яко
 сѣно и-сѣше сръдѣци | моѣ: яко забыхъ сѣнѣсти хлѣбѣ мо^н — | Отъ гласѣ
 въздыханѣя моѣго: | прилѣне кость моѣ плѣти моѣ: — | Оуподоенѣ сѧ
 немысти поусти|ны: Быхъ яко ношѣны вранѣ на ны|риши: — | Завѣдѣхъ
 і быхъ яко пѣтица собѣ|щнѣ сѧ на зѣдѣ: — — | Въсѣ денѣ поношлѧхъ ми
 вранѣ | моѣ: и хвалѧщи сѧ мноиж: | клѣнѣхъ сѧ: | Нде попелѣ яко хлѣбѣ
 въсѣ: Н пѣтѣ|е моѣ съ плачемъ рѣствѣрѣхъ: — — | Отъ' лица гнѣва твоего и
 вѣрости | твоѣя: Яко възнесѣ низверѣ|жѣ мѧ: — | Дѣньѣ моѣ яко сѣнѣ оукло
 чѣши сѧ: | Н азъ'къ яко сѣно неохъ: — — ||

(Псал., 101; 4—12.)

¹ Вместо — въ нѣже; вин. ед. к местоимению нѣ.

3.

Прѣкрати воды ихъ гѣ кровѣ: | і нзы рыбы ихъ: — — | Въскыпѣ земля
 ихъ жѣлами: — | Въ сѣкровишихъ црѣ ихъ: — | Рече и придѣ пѣсѣмъ моухъ: |
 Имѣшница въ всѣмъ прѣдѣлы ихъ: — — | Положи дѣжда имѣ градѣ: | Огнѣ
 попалѣющѣ въ зе|мѣ ихъ: — — | і нзы винограды ихъ: | і смонѣвннѣ ихъ | і
 и стрѣ'¹ въсѣ дрѣво прѣдѣ|ль ихъ: — — | Рече и придѣ прози² і гжѣвн|ца
 имѣже не къ үнсла: — — | Н похѣмъ въсѣ гравѣ зем'ѣ | ихъ: Н похѣмъ въсѣ
 плодѣ зе|мѣ ихъ: — — | Н оуби всѣмъ прѣвѣвнѣца въ зе|мѣ ихъ: Наушѣтокъ
 късѣго | троуда ихъ: і нзѣде ѡ съ сѣребромѣ: и | златомѣ...

(Псал., 104, 29—37.)

¹ В Болонской псалтыри — и сѣтре; в греческом тексте — καὶ σφύτρίφε — 3 л. ед. аориста к глаголу σφύτρίφω — „растираю, раздробляю, сокрушаю“.

² прози вместо прѣзи, ед. ч. прѣзъ — ἀρίς — „саранча“.

Из листков Ундольского.

Рече гъ притѣуж снѣ. подобно естъ | црство некое уакоу съвѣшоу |
 доброе съма на селѣ своемъ. съпащемъ же | уакомъ. приде врагъ его и
 въскъ павель | посрѣдѣ пшеница и ѿнде. егда же проза | бе¹ трѣва. и
 плодъ сътвори. тогда и ѡнса павель. пришедше же рабн гна рѣша емоу :
 гн не | доброе ли съма съклъ вен на селѣ своемъ. Отъ | нждоу же имать
 павель. онъ же рече нмъ. вр^а | гъ уакъ² то сътвори. Они же рѣша хоуши
 ли | да шедше нзъберемъ. онъ же рече ни еда како | въстрѣзаше павель.
 въстръгнете и съ | нми | пшеницѣ. Оставьте коупно растн до жа | твы.
 и въ время жатѣ рож жателемъ. шедше нзъберѣте прѣде павель и
 съважѣте³ въ⁴ | въ снопы. яко съжощн. а пшеницѣ съберѣте | въ житѣннцѣ
 мой.

(Матф., XIII, 24—32.)

Ср. текст и указанные там варианты по Зографскому кодексу.

¹ В Зограф., Марин. кодексах — прозаке.

² См. соответствующее примечание к тексту по Зографскому кодексу.

³ В Зограф. и Марин. кодексах — съважате.

⁴ въ (=м) — вин. множ. числа средн. р. См. соответствующее примечание к тексту по Зографскому кодексу.

Из Саввиной книги.

1.

Рече гъ притѣуж снѣ. подобно е | сть¹ | црстве некое² уакоу цро. |
 | же нзволи съвѣшати слово³ съ | рабы своимн. задѣнъшоу же | емоу | сѣрнцати
 слово. приеде са⁴ емоу е | динъ дльжннкъ тымъ таланъ | ть. и не имѣшоу
 емоу что⁵ въздати. | повелъ емоу гдъ | продати са. и женѣ | и все имѣнне
 свое падъ же рабъ онъ⁶ | кланяше са емоу. гла гн | потрѣпи | ѿ мнѣ⁷. и все
 ти въздѣмъ. | мнлоср | дозвѣ же гъ рабъ | того. отъпусти | и дльгъ отъ
 дастъ емоу. и шдъ | рабъ ть | оберѣе | одного подрѣ | гъ⁸ | свонхъ | же въ
 дльжннъ | емоу | р | мъ | пзназъ. и нмъ. его | бнѣ | ше⁹. и гла | въздѣмъ | ми
 нмъ же | е | си | дльжннъ. падъ же | подроугъ онъ¹⁰ | моляше | гла. | потрѣпи | ѿ
 мнѣ⁷ и | въ | здѣмъ | ти. онъ же не хотѣше. нъ | ве | дъ | и | въсѣди | въ | тьмннцѣ.
 донде | же | въздастъ | все | дльгъ | свои. | вн | дѣвѣше же | подроузи¹¹ | его | бже | аж |
 | щѣ¹². | съжлнша | си | зло. и | при | шдѣше. | съназаша | гвн | его | все | бы | въшлѣ.

ТОГДА ПРИЗВЕДЕВЪ СГО. ГДЬ ГЛА | СМОУ. РАБЕ АЖАВЪ. ВЪСЬ ДЛЪГЪ ТВО | ОСТА-
 ВИХЪ ¹³ ТЕБѢ. ПОНЕЖЕ МОЛН ¹⁴ МА. | НЕ ПОДОБЛШЕ АН Н ТЕБѢ ПОМИЛОВАТИ |
 ПОДРОУГА ¹⁵ СВОЕГО. ИНОЖЕ Н ДЗЪ ТЕ | БС ¹⁶ ПОМИЛОВАХЪ. Н ПРОГНЪВАВЪ СА
 ГДЬ | ЕГО. ПРЕДАТЬ | МЖУНТВАМЪ. ДО | НДЕЖЕ ВЪЗДАСТЬ ВЪСЬ ДЛЪГЪ СВОИ.

(Матф., XVIII, 23—34.)

Ср. выше текст по Ассеманневу кодексу.

- ¹ В Ассеман. код.— оуподоен са.
² В Ассеман. код.— невьсьноо.
³ В Ассеман. код.— въскотъ сътазати са
 о словеси.
⁴ В Ассеман. код.— приаеса.
⁵ В Ассеман. код.— тесо.
⁶ В Ассеман. код.— работъ.
⁷ В Ассеман. код.— на мьна, на мьна.
⁸ В Ассеман. код.— клеветать.

- ⁹ В Ассеман. код.— делявшие.
¹⁰ В Ассеман. код.— клеветотъ.
¹¹ В Ассеман. код.— клеветати.
¹² В Ассеман. код.— вьнъшал.
¹³ В Ассеман. код.— отъпоустихъ.
¹⁴ В Ассеман. код.— оумолн.
¹⁵ В Ассеман. код.— клеветати.
¹⁶ В Ассеман. код.— та.

2.

УАНЪ (СДН | НЪ ВЪ БОГЛЪ. (ИЖЕ НАСАДН ВНОГРД | ДЪ ¹ ((Н ИСКОПА ВЪ НЕМЪ
 ГОУНОА ². (Н ПРЪ | ДАСТЬ | ДЪЛАТЕЛЬМЪ ³ ((ОТИДЕ. (Н СГ | Д | ЖЕ ПРИДЕ ⁴ ВРЪМА
 (СМЛТИ (⁵ ПОСЪ | ЛА РАБЫ СВОА КЪ ДЪЛАТЕЛЬМЪ НМЛТЪ | ВНА СВОЕГО ⁶. ((ДЪЛАТЛЕ
 ДЪЛАТЛЕ Р | БЪ ЕГО БИША. А ДРОУГАА ОУБНША. | ОБЫ ЖЕ КАМЕНЕМЪ ПОКНША.
 ПЛКЪ | ПОСЪЛА НИМЪ РАБЫ МНОЖЫША. ПРЪ | ВЪХЪ. Н ТЪМЪ СТВОРИША ТАКО | ЖДЕ ⁷.
 ПОСЛАДН ⁸ ЖЕ ПОСЪЛА СНА СВОЕ | ГО ⁹ КЪ НИМЪ ГЛА. ПОСТЫДАТЬ СА ¹⁰ СНА | МОЕГО.
 ДЪЛАТЛЕ ЖЕ ВИДЪВЪШО СНА ⁹ | ЕГО РЪША К СЕБѢ ¹¹. СЕ (ОСТЬ НАСЛЪДЪ | НИКЪ
 ПРИДЪТЕ ДА ОУБНЕМЪ СГО. Н | ОУДАРЖИМЪ НАСЛЪДНЕ ¹² ЕГО. Н ТМЪШЕ ¹³ | Т | ИЗ-
 ВЕДОША ¹⁴ ИЗ ВНОГРДАД. (Н ОУБН | ША ЕГО... ¹⁵

(Матф., XXI, 33—39.)

- ¹ В Мариин. кодексе после этих слов
 следуют: | оидотомъ | оградн.
² В Мариин. кодексе следуют слова:
 | созда я немъ стабъ.
³ В Мариин. код.— вьдесты н дьлательмъ.
⁴ В Мариин. код.— приеланн са.
⁵ В Мариин. код.— врьма плодомъ.
⁶ В Мариин. код.— примати плоды его.
⁷ В Мариин. код.— толде.
⁸ В Мариин. код.— послъдъ.

- ⁹ В Мариин. код.— смъ свои, смъ.
¹⁰ В Мариин. код.— оусрамляють са —
 греч. ἐντραπήσονται.
¹¹ В Мариин. код.— рьша въ себе —
 греч. εἶπον ἐν ἑαυτοῖς.
¹² В Мариин. код.— достоинно.
¹³ В Мариин. код.— вьше.
¹⁴ В Мариин. код.— извѣса вонъ.
¹⁵ В Мариин. код.— оубнша и.

Житие Іакова урнорнзъца. много имъ оумиленье.

...блгсть нвкын | отъшльць. въ веснѣмъ грдѣ. порфурнѣнъ нарицашемъ.
 именовъ іаковѣ. и съ малокрѣмьнааго | сего жтвѣа соуѣт'нааго отъкрѣтъ
 са. жнеѣ нѣ въ коен | пщерѣ еі. автъ. толико же. ал'убоѣж и блдгыннн |
 дѣлм. нощпшнѣв. уастнѣ авн са и оугоднѣ боу. |...Блсн же мж|жа
 ж тню днѣаште са к н'емоу събраахъ са. их'же м'ножаншнн. везаконъ
 нынхъ самаранъ вѣахъ вѣры. | Аже енда к н'емоу приходаша бжнї уловѣкъ.
 на | мнозѣ оглаша отъ бжннхъ кн'нгъ. на истнннѣж | вѣрж обрѣтааше...
 [самаряне] събравѣше же са всн въ жилиштѣ жрьца своего. и много
 мтсанѣше и проказывѣше. | коньуанъ° юдинъ аша съвѣтъ. и прнзвѣаше
 бе | стоуднж женж и блданж. даша он два десатн | златнцъ. и нно толико
 жде обѣштывашше | дашн он. аште възможѣтъ запатн бжню рѣбоу | нкѣбоу.
 икоже нмъ тоѣж вноѣж. възможшї | отъ земѣа своѣа съ стоудомъ мжжа
 отъгнатн. | тѣмн обѣштаннн побѣждѣна жена. ндѣтъ | и н'емоу. поздѣ зѣло
 нощннѣ. и тѣкнжѣ | шн в дѣврн молааше юго въвѣстн ѣ. ономоу | же не
 хоташтоу. и на мнозѣ то сътворшн отъ | алгажштоу. прѣбываше бе стоуда
 тѣкж | штн. и съ многоѣж молнтвоѣж молашн прна | тн ѣ. и малы оувѣрзѣ
 и ендѣв ѣ мнѣаше мь | уѣтоу бытн. и прѣкрѣстнѣ себе затворнѣв за |
 ключн дѣврн. и възвратнѣв са и ставѣ на вѣсто | къ. прнажнѣ молнтѣж бо
 говн прншоаше. | многоу же часоу мнжѣшюу. и нощн оужѣ | прѣполовашн
 са. не прѣстанѣше тѣкжштн | и всанкомъ гласомъ вѣльѣштн. помнаоун | ма
 рѣе бжнн еда како зѣврнн нзѣдена бж | дѣж прѣдѣ глвоѣж твоѣж. | По
 мыслнѣв же пр | вѣдѣннн. и вѣдн въ мѣстѣхъ тѣхъ зѣврнн | множество
 въ размыша'еньѣв вѣпадѣ. отѣрѣ | зѣ дѣврн и глагола юн. отъждоу прншла
 | всн | сѣмо. кого ли нштѣшн. она же рече. отъ манасты | рѣ шемъ сѣде
 блнзъ сѣштааго. и послѣ ма нгоу | меньѣа донвѣстн прѣсворѣ въ сѣж вѣсь.
 и възѣр | тнѣвшн мн са. и ндѣштн в манастнрѣ. омырко | хѣ на мѣстѣ сѣмъ.
 да мол'ж та уаѣе бжнн помна | шн ма и прннмн. да не бж | дѣж зѣврнн

изъдена. | Тѣгда же оуже оумносерднѣе са въведе ѿ. и прѣдъ|ставиле же
 вода и хлѣбъ. вълѣзъ самъ въ жтрѣ|н'шѣхъ кавтыжъ закауи са. оставиле
 женѣ въ въ|нѣшн'ни кавт'цѣ. она же ѿд'ши помалѣудеъ малъ уа|съ.
 и потомъ наудъ криуати. и плаужшти прикрьже|себе къ дѣвремъ. и съ
 горькими слѣзми зовѣаше |стадо. и прѣклониле са дѣврьцими. и ендѣеъ
 ѿ|одръжнѣи и окы въ мнозѣ болѣзни сѣштѣ |въ недооумѣнни бысть. что
 си же видѣтъ или |у'то же сѣтворитъ въпраша же. она же гла омоу |
 приз'ри на ма и прѣкрести ма. яко сръдучноѣ |болѣзньѣхъ одръжнѣи
 всѣмъ. то слышавѣ излѣ|зъ и дѣню наложи крадѣ великѣ. и лѣвѣи
 своѣ |ржѣхъ въложи на огнѣ. деснѣи мажа отъ масла |стынхъ. грѣаше ѿ
 теплостнѣхъ ржѣхъ своѣхъ. и |прѣкрѣстиа ѿ часто по прѣсеме не прѣсташе. |
 она же своимъ студомъ трѣпашти. и хоташти |же оуловити. и на похо-
 тѣнью зло стадо привес|ти. гла омоу. моля ти са мзи ми сръдце
 на |дальзе. да ми прѣстанетъ одръжаштиа ма болѣ|знь. онъ же по сѣштн
 въ немъ простости. творѣ|ше же на крау'бѣ. коупно же и проказы-
 ства лѣ|каваго вѣды и боа са. ѿда колн отъ многоаго |к и'енъ поветенъ.
 бесъмрътнѣи болѣзнь нане|сѣтъ. до двою или до трнѣ уасѣ. тако без
 милости лѣвѣи ржѣхъ къ огню прѣдѣа трѣпаше. дѣне|анже оудове
 ржѣннѣхъ прѣстѣ |изгорѣвшѣ отъладоша. то же сотоннѣскыи
 къзнемъ |протнѣма са творѣаше. якоже омоу отъ огнѣ |прнѣтѣаштѣи
 болѣзньѣхъ несѣтѣннѣи |зълоуоумоу помыслоу не нанти на сръдце: она |
 же прѣславною то видѣвшн и в' себе быешн. |видѣше бо ржѣхъ стадо отъ
 огнѣа оуже всѣхъ |изгорѣвшѣхъ. въспаака'шн горце и въздѣхнѣ|в'шн прилде
 къ ноглѣ стадо. и ржѣма скон|ма бнѣштн са в прѣсн въпнѣаше. оу горе
 мѣ|нѣ оказнѣн. и отъмнѣннѣн. оу горе мнѣ яко снѣдѣ всѣмъ огнѣ
 въунадо. оу горе мнѣ |яко |жнште² всѣмъ днѣволѣ. стн же оужастнѣ
 про|тнѣмъ томоу бытѣ. рече к и'енъ вѣстанн жено. |и съ многоѣ |ноуждѣи
 въставиле ѿ отъ зомѣа. |и прилжно молнтѣж сѣтвориле. гла же повѣ|дѣ
 ми что ти вѣстѣ. она же и'коли прншѣд'шн |к' са. якоже вѣаше дѣло. по

всѣмоу съказа въ|моу ивнѣшнѣ моу лжквѣнѣнхъ самарѣнѣ. | наипаче же
сотонинно поубоуѣннѣ на прѣвѣднѣаго и вѣстаннѣ...

(34-я тетрадь рукописи. По изда-
нию С. Северьянова, стр. 513—517.)

¹ В греческом оригинале было: πρὸ τῆς κέλλησσοῦ = „перед твоею пещерою (пе-
ред келией)“; переводчик прочитал слово — „κέλλης“ как „κεφαλῆς“ („κεφαλῆ“ —
„голова“).

² Недописано ам; ~~жмннѣ~~. Позднее надписано ам в виде дуги.

Из Киевских листков.

Въ к̄ г̄ днь к̄л̄мента.

В̄ъ | же н̄н̄. л̄ѣта | огрѣдѣжъ | блаженнаго к̄л̄мента | м̄ж̄уеника твоего
| папежа | ӯстьѣжъ | веселѣши: | под̄а|зъ | милостивѣи. | д̄л̄ | евоже | ӯстьѣ | ӯстьимъ.
| сл̄оѣжъ | оубо | м̄ж̄уениъ | его | насладуе|мъ: | г̄мь:.

Над̄ь | онад̄ь.

Рованн̄ӣ | г̄ӣ | принесенн̄ӣ | свѣт̄и. | ӣ | ходатаѣцю | блаженному к̄л̄ментоу |
| м̄ж̄уеникоу твоемоу. | с̄мь | н̄н̄ | отъ | грѣх̄ | скверности | наших̄ | оӯсти: | г̄мь:

Прѣфациѣ: | до | вѣт̄н̄ӣ | б̄ж̄в. | (У)̄стьмӣго | к̄л̄мента | зако|нника | ӣ | м̄ж̄у-
| ника | ӯси | ӯстиаце. | же | оут̄аже | в̄н̄|ти | блаженному | апосто|лоу твоемоу
| петроу. | въ | ӣнокости | подроугъ; | въ | непо|вѣд̄и | оӯвенн̄къ. | въ | ӯсти | на|м̄-
| стник̄. | въ | м̄ж̄уени | на|сладник̄...

(Начало текста этого миссала,
по изданию В. Ягича. Glagolitica.
Wien, 1890.)

Из Остромирова кодекса.

1.

Ӯлк̄ | н̄вкын | с̄тво|ри | веуер̄жъ | ввѣ|жъ | и | зъв̄з | м̄н̄о|г̄ы | и | пост̄лз | р̄з̄б̄
| свон | въ | год̄ъ | веуер̄н. | р̄ещи | зъ|вѣнн̄мъ | пр̄н̄д̄ѣте. | яко | оуже | оу|готовлз
| с̄ж̄ѣ | въ|са | и | науаша | въ|коуп̄ъ | от̄г̄рнц̄|ти | с̄а | вс̄н̄ | пр̄в̄ын̄ | р̄ече | моу
| свѣло | коупнх̄ | и | н̄|м̄л̄мъ | ноужд̄. | | н̄зн̄ти | и | в̄нд̄|ти | ю | мола̄ж̄ | та. | и | м̄н̄ | ма
| от̄р̄оӯ|на | и | дроуг̄ы | р̄ече | с̄ж̄р̄ж̄гъ | волов̄|нн̄х̄ | коупн|х̄ | пат̄ | и

кошѣ | несклѣнѣ ихъ | моужъ та. нмѣн | ма отрѣубна | и друугы рече же | не
 поухъ и сего | ради не можъ при | ти и пришьдъ | рабъ тъ повѣда | господин
 ноу сво | юмоу се тогда рѣ | згнѣвалъ са гъ | домоу. рече рабъ | сво | юмоу
 изиди скоро на распѣ | тнѣ. и стѣгнѣ | глѣдоу и нища | ш. и вѣднѣнѣ. |
 и хромѣнѣ и слѣ | пынѣ вѣзднѣ съ | моу и рече рабъ. | гнъ бысть же | повѣдѣ и
 ѡше мѣ | сто ѡуть и рече гъ | рабоу. изиди на | пѣти и хлѣбѣ | и оубѣди
 вѣннѣ | ти. да напѣ | нѣтъ са домъ мон.

(Лука, XIV, 16—23.)

Сравните текст по Маринскому кодексу и отмеченные там главные варианты.

2.

...уло | вѣнѣ нѣкѣн | нмѣ двѣ сына | и рече мѣннѣ ¹ съ | нѣ юу о | цю
 о | үе. | даждѣ ми досто | ннѣ ² часть нмѣ | ннѣ и раздѣ | ли | нма нмѣннѣ |
 и не по мѣно | зѣ | хъ ³ дѣннѣ съ | вѣрѣвъ вѣсе мѣннѣ | н сынъ отиде на | странѣ
 далече. и | тоу растоу | ннѣ | ннѣ своѣ жнѣтѣ | вѣднѣно изиди | вѣшоу же юмоу |
 къса. ⁴ бысть гла | дѣ крѣпѣкъ на | странѣ тон. и тѣ | науатѣ лища | ти са ⁵
 и шѣдѣ | приѣлн са юдн | юмѣ. от житѣ | ль тоѣ страны и посла | л и на
 села | своѣ пасть сви | ннѣ и желѣзше | насытити урѣ | во своѣ. отъ рождѣ | цѣ
 ѡже вѣдѣ | хъ | сви | ннѣ и ни | кто же не да | шѣ ⁶ юмоу къ себе | же при
 шѣдѣ ⁷ рече. | коликоу изидѣ | ннѣ о | цѣ моужѣ | изыбыва | ѣтъ | хлѣбн ⁸ азъ
 же | съде гла | дѣмъ гы | бнѣ ⁹ вѣстѣвъ. | дѣ къ о | цю мо | юмоу. и рекъ юмоу |
 о | үе. съгрѣ | шнѣхъ | на небо и прѣдѣ | тобоу ¹⁰ оуже ¹¹ нѣ | смѣ досто | ннѣ из |
 рѣши са сынъ | твои сътвори | ма ѡко юдннѣ | го отъ изидѣ | ннѣ твои
 и вѣ | стѣвъ иде къ о | цю | сво | юмоу ѡше же | юмоу далече съшоу ¹² оу | зѣрѣ
 и о | цѣ | юго и мнѣ юмоу | бысть и текъ | пѣде на вы | шѣ юго. | и облабѣ | зѣ
 и рѣ | че же юмоу сынъ | о | үе. съгрѣ | шнѣхъ | на небо и прѣдѣ | тобоу ¹⁰
 оуже ¹¹ нѣ | смѣ досто | ннѣ. | нареши са си | ѣ | твои рече же о | цѣ. | къ рабо | ль
 сво | нѣ изнесѣте о | деждѣ прѣвѣ | жѣ. | и о | бѣ | цѣте и | дадите прѣсте | нѣ на
 рѣжѣ юго. | и сапогы на но | зѣ ¹³ и приве | дѣ | шѣ тельцѣ оупн | танѣ и ¹⁴
 зако | лѣте. ¹⁵ и вѣ | шѣ да | веселимъ са | ко | ко си | ѣ мон съ. мрѣ | тетъ въ и
 о | жнѣ | изгѣ | белъ ¹⁶ въ и | о | брѣте са и на | уаша ¹⁷ веселнѣ | са. въ же о | шѣ юго | стѣ
 рѣн на свѣ | тѣ и ѡко г | лѣдѣ | приѣлннѣ са | къ домоу. слы | ша пѣннѣ и ли | кѣнѣ и | си
 зѣва | въ юдннѣ отъ | рабѣ. ¹⁸ вѣпраша | шѣ. у | что оубо | си | шѣ о | шѣ же | рече юмоу
 ѡко | бра | тѣ твои при | де и зако | лѣ о | цѣ | твои тельцѣ | оупн | танѣ ¹⁴ | ѡко съдрѣ | зѣ

и | прѣнати разгнѣ|валъ же са и не | хотѣаше вънн|ти оцъ же шго и|шѣдъ
 молѣаше | и онъ же отъвѣ|щавъ. рече о|юу | своемуу се колн|ко лѣтъ ра-
 бота|шъ тебе и нико|лиже заповѣди | твою не прѣстѣ|пихъ и мѣнѣ ни|
 колиже не дѣлѣ |ши козѣлате. | да съ друугы мо|ими възвеселиаъ са
 быхъ ¹⁹ югда | же сиъ твои съ. и|зѣдѣи твою имѣ|нию съ любодѣ|нцами
 приде. | заклѣ шмоу. те|льць пнгомы|и онъ же рече ю|моу уадо. ты |
 въсегда съ а|ношъ ши и въса ⁴ мо|ю твою сътъ въ|звеселити же | са
 и възрадо|вати подоба|ше яко братъ ²⁰ твои съ. мрѣтъъ | въ н ожне-
 и|згнѣлъ въ н о|бръте са.

(Лука, XV, 11—32.)

¹ В Марининском кодексе — шнн.

² В Маринин. и Зограф. кодексах — достоиннш.

³ В Маринин. код. — не по мѣнѣхъ, — с з.

⁴ В Маринин. и Зограф. код. — мягкий с: въсь (= вьш) — им.-вин. множ. ч. ср. р. греч. πάντα.

⁵ Так, амшати са, и в Ассеманиевом код. и в Саввиной книге. В Маринин. и Зограф. код. — с тематическим гласным и: амшати са.

⁶ С отрицанием не и в Маринин. код. и в Савв. книге. Но в Зограф. и Ассеман. код. нет отрицания: никтоже даше [в]моу (Зограф.).

⁷ Ср. в греческом тексте: εἰς αὐτὸν δὲ ἐλθὼν [εἶπε]...

⁸ Ср. в греческом тексте: κόσοι μισθοὶ τοῦ πατρὸς μου περισσεύουσιν ἄρτων; слав. изъимати — греч. περισσεύω — изобиловать, оставаться лишним (в остатке); напр. дѣла на десате — кома оукуроухъ... име изъима [остались в остатке] зѣдшениъ (Маринин.; Иоан., VI, 13).

⁹ В Зограф. и Маринин. гладомъ гнѣш; ср. гласный о в основе имени и иную основу наст. времени.

¹⁰ В греческом тексте — ἐν ὀφθαλμοῖς σου — „в глазах твоих“, — в славянском передано — прѣдъ твою.

¹¹ В Зограф., Маринин., Ассеман. код. — юже.

¹² Вместо сѣшю.

¹³ В Маринин. код. — не носъ, — с з.

¹⁴ В Зограф., Маринин. код. — оунитати; инф. оунитати; в Остромир. код. — оунитати.

¹⁵ Так, с ѡ, в Зограф. код. и в Савв. кн. В Маринин. и Ассеман. код. с и; замѣлите.

¹⁶ В Савв. кн. — погнѣлъ.

¹⁷ С -ша и в Зограф. код., в Маринин. код. — нѣтаса.

¹⁸ Так и в Зограф., в Маринин. код. В Савв. кн. — ракл. В Ассеман. код. — отрокъ. Ср. греческий текст: προσκαλεσάμενος ἕνα τῶν παιδῶν. — προσκαλεῖω — призывать; παῖς — мальчик, отрок, слуга, раб. Обычно же ракл — δοῦλος.

¹⁹ Так и в Савв. кн. Но в Зограф. и Маринин. код. — възвеселиаъ шннѣ.

²⁰ В Зограф. и Маринин. код. — братъ.

Греческий текст.

Ὁ μὴ εισερχόμενος δια τῆς θύρας εἰς τὴν αὐλήν τῶν προβάτων, ἀλλὰ ἀναβαίνων ἄλλα χόθεν, ἐκεῖνος κλέπτης ἐστὶ καὶ ληστής· ὁδὲ εισερχόμενος διὰ τῆς θύρας ποιμὴν ἐστὶ τῶν προβάτων τούτων ὁ θυρωρὸς ἀνοίγει, καὶ τὰ πρόβατα τῆς φωνῆς αὐτοῦ ἀκούει, καὶ τὰ ἴδια πρόβατα καλεῖ κατ' ὄνομα, καὶ ἐξάγει αὐτά. καὶ ὅταν τὰ ἴδια πρόβατα ἐκβάλῃ, ἔμπροσθεν αὐτῶν πορεύεται. καὶ τὰ πρόβατα αὐτῷ ἀκολουθεῖ, ὅτι οἶδας· τὴν φωνὴν αὐτοῦ. ἄλλοτριῶν δὲ οὐ μὴ ἀκολουθήσωσιν, ἀλλὰ φεῦξονται ἀπ' αὐτοῦ. ὅτι οὐκ οἶδαςι τῶν ἄλλοτρίων τὴν φωνήν.

(Иоан. X, 1—5.)

По Марининскому кодексу.

...не въходан | двѣрьми въ дворъ овъуни· нъ прѣла | за инждоу· тѣ тать естъ и разбон | инникъ· а въходан двѣрьми· пасты | рѣ естъ овъциамъ· семоу двѣрь | инникъ отъ врьзлатъ· | овъца гласъ е | го слышатъ· | свою овъца глашлатъ | по имени | изгонитъ я· | егда сво | ю овъца нждснетъ· прѣдъ | нимн ходи | тѣ· | овъца по немъ | нждтъ· въко въда | тѣ гласъ его· по тоуждемъ | же не нжд | тѣ· нъ въжатъ | отъ него· въко не зна | ютъ тоуждникъ гласа.

(Иоан., X, 1—5.)

По Зографскому кодексу.

... не въхо | да | двѣрьми въ дворъ о | вьуни· нъ прѣла | за | иноу | доу· тѣ тать естъ | разво | инникъ· а въход | а | двѣрь | ми· пастырь естъ овцамъ· | семоу двѣрь | инникъ отъ врьзлатъ· | | овъца гласъ его | слышатъ· | | свою | овъца глашлатъ | по имени | изгонн | тѣ я· егда сво | ю овъца | | нждснетъ· прѣдъ | н' | нимн ходитъ | овъца | по н' | емъ | нждтъ· въко въ | да | тѣ гласъ его· по тоужде | мъ же не | нждтъ· нъ въжа | тѣ | отъ н' | его въко не зна | ютъ штюждего гласа.

(Иоан., X, 1—5.)

По Остромирову кодексу.

...не | въходан двѣрьми | въ дворъ овъуни· | нъ прѣла | за | инждоу· тать юсть и ра | збонникъ· а въ | ходан двѣрьми | пастырь юсть овъцамъ семоу вра | таръ отъ врьзав | тѣ и овъца гласъ | юго слышатъ и | свою овъца глашлатъ по имени· и н | згонитъ я и югда | свою овъца нждснетъ· прѣдъ | нимн хо | дитъ и овъца по нв | мъ нждтъ· | ако въ | да | тѣ гласъ юго | по шюждемъ же не | нждтъ· нъ въжа | тѣ | отъ нюго· | ако не зна | ютъ шюждн | ихъ гласа.

(Иоан., X, 1—5.)

3. Ъе изиде съян да съятъ. 4. и съвѣстному ова оубо падѣ при пѣти. и приидѣ пѣтица небесьскыи и позобаша ѿ. 5. Другахъ же падѣ на клинчѣхъ. изко не имѣаша земля многы ꙗзвѣ прозабѣхъ. зане не шылаше гажениѣ земля. 6. сльнцоу же възвѣзъшию прѣсвѣдѣ. и зане не шылахъ корениѣ нескѣхъ. ꙗ. а другоу гла падѣ въ тръни. и възиде тръниѣ и подлѣи ѿ. 8. Другахъ же падѣ на землѣи добрѣ и давахъ плодѣ ово съто. ово шестѣдсѣтъ. ово три десѣти.

(Матф., XIII 3—8.)

Новоболгарский.

3. Ето, излѣзе сѣячъ да сѣе; 4. и когато сѣеше, едно падна край пѣтя; и долетѣха птици и го искълѣаха 5. Друго падна на каменисто [мѣсто], гдѣто нѣмаше много прѣсть; и скоро поникна, понеже прѣстьта не бѣше дълбока. 6. А когато изгрѣ сльнце, биде попарено и, понеже нѣмаше коренъ, изсѣхна. 7. Друго падна в тръни, и израснаха трънитѣ и го заглушиха. 8. Друго падна на добра земля и даде плод: едно сто, друго шестдесетъ, а друго тридесетъ.

ѣ имеет неодинаковое звуковое значение — е или 'а: излѣзе = излезе, долетѣха = долетѣха. См. отдел о ѣ в старославянском языке.

ж произносится как „глухой“ гласный ѣ (вроде русского гласного и, отодвинутого в задний ряд). Так произносится и ѣ в середине слова.

В конце слова ѣ, ѣ не имеют звукового значения.

Сербский.

3. Где, изиђе сијач да сије. 4. И кад сијаше, једна [зерна] падоше край пута; и дођоше птице и позобаше их. 5. А друга падоше на каменита [мјеста], гдје не бијаше много земље, и одмах изникоше, јер не бијаше у дубину земље. 6. И кад обасја сунце, повенуше, и, будући да немаху жила, посахнуше. 7. А друга падоше у трње; и нарасте трње и подави их. 8. А друга падоше на земљу добру и доношаху род, једно по сто, а једно по шесет, а једно по тридесет.

h, h — это согласные палатальные *m'*, *d'* с слабой шипящей фрикацией: h — *t'ш'*, h — *d'ж'*.

р между согласными представляет собой слогообразующий звук: зрна — зр-на; љ, њ — мягкие л', н'.

Словинский.

3. Glej, izšel je sejalec sejat. 4. In ko je sejal, padlo je nekaj [zrnja] poleg ceste; in priletela so tice in so [ga] pozobale. 5. Drugo je pa padlo na skalnata tla, kjer ni imelo mnogo zemlje; in precěj je pognalo, ker ni imelo globokc zemlje. 6. Ko je pa vzšlo solnce, ovenelo je; in, ker ni imelo korenine, usahnilo je. 7. Drugo je pa padlo v trnje; in trnje je zraslo in ga udušilo. 8. Drugo je pa padlo na dobro zemljo, in dajalo je sad, nekaj po sto, nekaj po šestdeset, a nekaj po trideset.

Знаком *e* передается не только гласный *e*, но и „глухой“ гласный *a* (вместо более ранних *ъ*, *ь* в кратком слове) *šel-šal*, *sejalec-sejalac*.

r между согласными указывает на слогаобразующий *r* *zruja* — *zr|n'a*.

ol между согласными имеет значение *o* *solnce* == *so*лнце, *lj* = *l'*, *nj* = *n'*. *zemlje* = *zeml'e*, *trnje* = *tr|n'e*.

Словацкий.

3. [Raz] vyšiel rozsieváč, aby rozsieval. 4. A jako rozsieval, niektoré [zrnká] padly vedlá cesty, a prileteli vtáci a sozobali ich. 5. A niektoré padly na [miesta] skalnaté, kde nemaly vel'a zemi, a hned' vzišly, preto že nemaly hlboko zemi; 6. ale keď vyšlo slnce, vyhořely a preto že nemaly koreňa, vyschly. 7. A iné padly do trňa, a [keď] vzišlo trnie, udusilo ich. 8. A [zase] iné padly na dobrú zem a vydaly úžitok, niektoré sto, niektoré šest'desiat, a niektoré tridsat' [násobný].

Посредством *e* передается сочетание *je* или *je vyšiel rozsieváč* == *višiel rozsieváč*

r, l между согласными указывают на слогаобразующие *r, l'* *zrnká* == *zrnkã*, *hlboko* == *hl|bojko*.

Слогаобразующие *r, l* могут быть долгими *trnie-tr|nie* Значок ' над гласными указывает на долготу гласного *dobrú* == *dobrũ* *h* — гортанный согласный.

Чешский.

3. A₁ vyšel rozsevač, aby rozsival. 4. A když on rozsival, některá padla podlé cesty, a přileteli ptáci i szobali je. 5. Jiná pak padla na místa skalnatá, kdež neměla mnoho země, a rychle vzešla, proto že neměla hlubokosti země. 6. Ale když slunce vzešlo, vyhořela, a proto že nemela kořene, uschla. 7. Jiná pak padla do trní; i zrostlo trní, a udusilo je. 8. A jiná padla v zemi dobrou, i vydalo užitek některé stý, jiné šedesátý, a jiné třicátý.

ě — гласный *e* после мягких *n, t, d* některá — *n'ek-terã*

ě после губного согласного указывает на *je řepa* == *přepa*. Сочетание же *tě* имеет значение *tie* или *mn'e* *země* == *zemje*, *zemn'e*.

ř — палатальный согласный *ř²* или *ř³* — мягкий *ж'* или *ш'* со слабыми вибрациями самого кончика языка.

h — гортанный согласный. Значок над гласными указывает на долготу гласного. *mista* == *místa*.

Верхнелужицкий.

3 Hlaj, syjeŕ wuńdže k rozsywanju. 4. A jako won rozsywaše, padže někotre při puću; a ptaki přilečichu a zežrachu to samo. 5. Někotre pak padže na skałojte, hdžež wiele zemje njeměješe; a wzeńdže hnydom, tehodla, zo nje běše hluboko we zemi. 6. Jako pak slůnco běše wzešlo, zwjadny wono; a dokelž korjenja njeměješe, wuskhny wono. 7. Někotre pak padže bjez černje; a te černje rosčechu sōbu a zdusychu to samo. 8. Někotre pak padže na dobru zemju, a přinjese płody, někotre sto króć, někotre šesćdzesat króć, nekotre pak třicy króć.

ó — закрытый гласный о, близкий к и (ü),
ě = ie.

Значок ' при согласном указывает на мягкость согласного. Другой способ передачи мягкости согласного — посредством j. Так обычно передается мягкость согласного перед гласным — c'ernje.

f после k, l, r имеет звуковое значение š: rfi = rši.

l — твердый плавный л.

h — гортанный согласный.

Сочетание „k rozsywanju“ (syjeŕ wuńdže k rozsywanju) находится в соответствии немецкому сочетанию с zu: es ging ein Saemann aus, zu saen.

Нижнелужицкий.

3. Lej, jaden sejc žešo ven set. 4. A gaž won sejašo, paže někotare na drogu, a ptaški pšizocho a jo zežrachu. 5. Někotare paže na kam'en'owate, žož w'ele zem'e n'emějašo, a wóno ned huzchózi, togodla, až dŕymoku zem'u n'emějašo. 6. Gaž pak to šlyn'co gorej što běšo, jo wóno spalone, a togodla až kór'en'a n'emějašo, husknu wono. 7. Někotare padnu na šern'e, a te šern'e rosčechu gorej a jo zatknuchu. 8. Někotare pak paz'e na dobru zem'u a dawašo płod, někotare sto krot, někotare šesćzaset krot, někotare pak třišzasca krot.

См. замечания к верхнелужицкому тексту. Мягкость согласного передается во всех случаях посредством значка ' : šern'e, kam'en'owate.

to šlyn'co, c to — в соответствии немецкому „die Sonne“, с членом die: Gaž pak to šlyn'co gorej što běšo... — Als aber die Sonne aufging...

Польский.

3. Oto wyszedł rozsiewca, aby rozsiewał. 4. A gdy on rozsiewał, niektóre padło podle drogi; i przyleciały ptaki a pozobaly je. 5. Drugie zasię padło na miejsca opoczyste, gdzie nie miało wiele ziemi; i wnet weszło, iż nie miało głębokości ziemi. 6. Ale gdy słońce weszło, wygorzało, a iż nie miało korzenia, uschło. 7. A drugie padło między ciernie, i wzrosły ciernie a zadusily je. 8. A drugie padło na ziemię dobrą, i wydało pożytek, jedne setny, drugie sześćdziesiąt, a drugie trzydziestny.

ó — гласный u: niektóre = n'ekture...

ą — носовой гласный o.

ę — носовой гласный e; в конце слова, в речи, находящейся вне воздействия книжного произношения, произносится, неносовой e. wodę = wode.

sz = ś (ш), ź = ż (ж).

rz = ź или ś (ś после k, p, t) korzenia = kozeń'a, trzy = tŕy.

ł — твердый л.

Мягкость согласного передается различно: посредством значка ' перед согласным и в конце слова słońce, посредством буквы ł перед гласным: nie miało = n'ie m'ato, ziemi = z'em'i.

Русский.

3. Вот вышел сеятель сеять. 4. И когда он сеял, иное упало при дороге; и налетели птицы и поклевали то. 5. Иное упало на места каменистые, где не было много земли; и скоро взошло, потому что земля была неглубока. 6. Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. 7. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. 8. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Белорусский.

3. Вось вышаў сявец¹ сеяць. 4. І калі ён сеяў, іншае ўпала пры дарозе, і наляцелі птушкі і паклявалі тое. 5. Іншае ўпала на месцы камяністыя, дзе не было многа зямлі, і хутка ўзышло, бо зямля была неглыбокая. 6. Калі ж сонца ўзышло, яно завяла, і дзеля таго што не мела каранняў, засохла. 7. Іншае ўпала ў цярновец, і ўзышоў цярновец і заглушыў яго. 8. Іншае ж упала на добрую зямлю і прынесла плод: адно ў сто раз, другое ў шэсцьдзесят, іншае ж ў трыццаць.

В белорусском г = h.

Украинский.

3. От вийшов сівач сіяти. 4. І коли він сіяв, то инше зерно упало при дорозі, і налетіли птахи й поклювали його. 5. Друге же упало на каменистім місці, де небагато було землі, і зараз зійшло, бо не глибоко було в землі. 6. А як піднялось сонце, то й зів'яло воно і, не маючи коріння, посохло. 7. А инше влало проміж терен, і виріс терен і заглушив його. 8. Инше же упало на добру землю й дало овощ, одно в стократ, инше в шістьдесят, а инше в тридцять.

В украинском в = ѱ (ц) перед согласным и в конце слова.

і указывает на і после мягкого согласного.

г = h

Греческий.

3. Ἰδοὺ. ἔξηλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείρειν. 4. καὶ ἐν τῷ σπείρειν αὐτὸν, ἃ μὲν ἔπεσε παρὰ τὴν ὁδὸν. καὶ ἤλθεν τὰ πετεινά, καὶ κατέφαγον αὐτά. 5. ἄλλα δὲ ἔπεσον ἐπὶ τὰ πετρῶδη, ὅπου οὐκ εἶχε γῆν πολλήν, καὶ εὐθέως ἐξανάτελε, διὰ τὸ μὴ εἶχειν βάθος γῆς. 6. ἡλίου δὲ ἀνατείλαντος ἐκαυματίσθη, καὶ διὰ τὸ μὴ εἶχειν ῥίζαν ἐξηράνθη. 7. ἄλλα δὲ ἔπεσον ἐπὶ τὰς ἀκαθάρας, καὶ ἀνέβησαν αἱ ἀκανθαὶ, καὶ ἀπέπνιξαν αὐτά. 8. ἄλλα δὲ ἔπεσον ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλήν, καὶ ἐδίδου καρπὸν, ὃ μὲν ἑκατόν, ὃ δὲ ἑξήκοντα, ὃ δὲ τριάκοντα.

¹ Употребляется еще имя сейбіт, но в более широком значении: не только сейбіт ў полю, но и сейбіт буры и т. п.

авно, авъ — εὐθέως — тотчас, немедленно, скоро.

авъкати — πεινάω — голодать, ощущать голод.

авъуба — πείνα — голодание, ощущение голода.

аминь — ἀμήν (др.-евр.) — истинно (слово с значением подтверждения).

аште (аше) — εἰ, εἴαν — если, ли.

бзочуство — ἀναίδεια — бесстыдство, наглость.

бестоуднъ — ἀναίδής — бесстыдный, наглый.

благы раве и добры (Мар.) — εὖ, ἀγαθὲ δοῦλε; εὖ — „хорошо“, или усиливает значение прилагательного, что передано переводчиком двумя прилагательными: благы и добры.

блаженъ — μακάριος — блаженный, счастливый.

блуднъ — 1) ἀσχημόνως — непристойный, неприличный; 2) ἀσώτος (ἀ-σώτος — собств. „которого нельзя спасти“; σώζω — спасать) — распутный, развратный.

бо — γάρ, δέ — ведь, же, потому что.

бракъ — γάμος, множ. γάμοι — свадьба.

брънь — πόλεμος — война.

бръшно — βρώσις, βρῶμα, τροφή — пища.

бръма — φορτίου — груз, ноша, бремя; бръмвна тажъна — φορτία βαρέα (βαρὺς — тяжелый).

- бръшти, не бръшти — *καταφρονέω* — пренебрегать, презирать.
 боун, боун, боун — *μωρός* — глупый.
 боуесть, боуество — *μορία* — глупость.
 боукты, вин. множ. боукъен (Зогр., Маринн.) — *τὸ γράμμα* — написанное, письмо, запись, записка, расписка.
 бѣдѣти — *γρηγορέω* — бодрствовать.
 бѣкъшаа — прич. прош. именит.-вин. множ. средн. — *сѣлаша вѣсъ* (= *вѣса*) *бѣкъшаа* (Ассем.) — *γεγόμενα: διεσάφησαν πάντα τὰ γεγόμενα.*
 бѣда — *ἀνάγκη* — необходимость, нужда.
 бѣднѣ — *ἀνάπηρος* — изувеченный, калека.
 бѣлоризъць — *λευκοχιτών* — мирской человек, в противоположность носящему черную одежду (черные ризы) — *γρηγορίζъць* — *μοναχός* — монах.
 жаръ — *καύσω* — жар, зной.
 евануати — *μεγαλύνω* — увеличивать.
 есенъымъ — см. *вѣсьнѣ*.
 естерк (естеръ) — *δειπνον* — пир, обед.
 естеръ — *εσπερου же вѣкъшю* — *ὄψιας δὲ γεγόμενος, ὄψια* — вечер, позднее время.
 вина, тожъ винож — *λαβή, πρὸς τὴν λαβήν* — этим поводом, этим слабым местом, за которое можно ухватиться (*λαβή*).
 винарь — *ἀμπελοργός* — возделывающий виноград, ухаживающий за ним; лат. *cultor vineae*.
 виноградъ — *ἀμπελών* — виноградник.
 витати — *κατασχηθῶ* — останавливаться для отдыха; гнездиться (о птицах).
 вом — вин. множ. — *τὰ στρατεύματα* — войско; ед. *вои, воинъ*; имя *вои* имело также значение „лагерь“ (*στρατόπεδον*), „поход“ (*στρατιά*).
 врагъ — *ἐχθρός* — враждебный, неприязненный (как существительное), враг.
 вражда — *ἐχθρα* — неприязнь, вражда.
 врьуба — *ἰασις* — лечение, исцеление.
 вѣръзъте — вместо *вѣръзѣте* — *ἐκβάλετε* (*ἐκβάλλω* — „выкидывать“); *вѣръшти, вѣръгъ* — бросать, ввергать.
 вѣздаи — *ἀποδίδωμι (ἀπο-δίδωμι)* — отдать, возратить, воздавать.
 вѣзрасть — *ἡλικία*, лат. *aetas* — возраст (в особенности зрелый возраст).
 вѣзлѣжити — *ἀνάκεισθαι* — собств. „лежать наверху“ в значении (*ἀνά* — „наверху“, „вверху“) „возлежать за столом“.

вздымать ко кочьннж свож — *ἄρει γὰρ τὸ πλήρωμα αὐτοῦ; αἶβω* — поднимать, брать на себя; *πλήρωμα* — полнога, множество, исполнение.

взкоупъ — *ἀπὸ μιᾶς* — вместе.

взнъ — *ἔξω* — вне, снаружи.

взпль — *κραυγή* — крик.

взскрннж — *κράσπεδον* — край одежды.

взскжж — *ἵνα τί* — зачем? для чего?

взстави — *ἀνίστημι* — ставить на ноги, поднимать.

взстаннж — *ἀνάστασις* — восстание.

взстръгнжтн — *ἐκρίζω* — вырывать с корнем.

взстръзатн — *συλλέγω* — собирать, извлекать.

взхотътн — *ἐθέλω (ἐ-θέλω)* — хотеть, пожелать.

взхыштатн; вко лвъж взхыштам | рикам — *ὡς λέων ὁ ἀρπάζων καὶ ὠρρόμενος; ἀρπάζω* — хватать, похищать; *ὠρόμαι* — реветь, выть.

вжн — *τράχηλος* — шея.

взь — *κώμη*, лат. *vicus* — поселок, деревня.

взьнъ, въ вьснъмъ градъ (Супр.) — *κωμόπολις, ἐν κωμόπολει* — местечко, поселение, среднее между городом и деревней (взь).

вздъ, не вдъ вазъ — *οὐκ οἶδα ὑμᾶς* — не знаю вас.

вврж мтн, вврж нмътъ — *πιστεῦσαι πιστεύσει* — верить, полагаться.

ваште — *πλείον*, в греч. множ. *πλείονα* — больше.

гласъ — *φωνή* — звук, голос, крик.

гласатн — *καλέω* — называть.

гнон — *κοπρία* — навоз, навозная куча.

година — *ώρα* — час, время года.

годъ — *ώρα* — время, определенное время.

господинъ (гнъ) — *κύριος*, лат. *dominus* — господин; гнъ домоу — *οἰκοδεσπότης* — домовладыка, хозяин; гнъ храма — *οἰκοδεσπότης* — домовладыка.

господъ (гдъ) — *κύριος* — лат. *dominus* — имеющий власть, господин, хозяин; гдъ домоу — *οἰκοδεσπότης* — домовладыка, хозяин дома.

гостинница — *πανδοχεῖον* (вместо *πανδοχεῖον* — *πανδοχεῖω* — принимать всех, быть содержателем гостинницы) — гостинница.

готовъ — *ἔτοιμος* — готовый, приготовленный.

гражданинъ, множ. граждане — *πολίτης, множ. πολῖται* — гражданин, граждане.

грьтатъ — *λάρυξ* — глотка, гортань.

градж I л. ед. — *ἔρχομαι* — итти, приходить.

да — ἵνα — чтобы (в передаче конъюнктива); да напльнитъ са домъ мѣн (Маринн.) — ἵνα γεμισθῆ ὁ οἶκος μου.

давити — πνίγω — душить, давить.

двѣрникъ (Зогр., Мар.), вратарь (Савв.) — θυρωρός — привратник.

дыра — σχίσμα — разрыв, дыра, раскол (σχίζω — раскалывать, разрезать).

добръ родъ, укъ добра рода — ἄνθρωπος εὐγενής — благородный человек.

доволь — δαπάνη — издержки, расход, деньги на расход.

домовнъ [укъ] — οἰκοδεσπότης, лат. pater familias — глава дома, хозяин; уловкъ домовнъ — ἄνθρωπος οἰκοδεσπότης.

домъ — οἶκος — дом, а также θεραπεία (Матф., XXIV, 45): върны разъ и мждры егоже постаентъ гнѣ надъ домомъ своимъ да дастъ имъ [!] въ врѣмѣ пиштж ихъ (Мар.) — ὁ πιστὸς δοῦλος καὶ φρόνιμος, ὃν κατέστησεν ὁ κύριος αὐτοῦ ἐπὶ τῆς θεραπείας αὐτοῦ, τοῦ δίδοναι αὐτοῖς τὴν τροφήν ἐν καιρῷ; — θεραπεία — ухаживание за ч.-л. или за к.-н., прислуга, челядь.

дон'вѣже — ἕως — пока не..., пока.

дон'вдже — ἕως — пока, пока не...

досадити — ὑβρίζειν — поступать нагло с кем-н., наносить обиду.

достоннъ — 1) ἄξιος — достойный, стоящий чего; 2) ἐπιβάλλον — составляющий долю, часть; τὸ ἐπιβάλλον — часть, доля; ἐπιβάλλω — накидывать то, что непосредственно должно следовать, приходится: дждъ ми достоннъ часть (Остром.) — δὲ μοι τὸ ἐπιβάλλον μέρος; μέρος — часть, доля.

достонтъ — ἔξεστι (ἔξ-εστι), безличн. „позволено“, „возможно“.

двати (двяти), двши — ποτέω — делать.

двлатель — 1) γεωργός, лат. agricola — возделывающий землю; 2) ἐργάτης, лат. operarius — работник, работник-земледелец и др.

двтишь — παιδίον, уменьшит. к παῖς — дитя, ребенок.

двтьскъ — νεώτερος, νήπιος — дитя.

еда, еда како (лл. Ундольск.) — μή, μήποτε — чтобы когда-нибудь не..., чтобы не...

елнко (жлнко) — ὅσου — сколький, сколько.

елъ жнѣъ — ἡμιθανής — полумертвый, едва живой (ἡμι- — „полу-“).

емлетъ (жм'етъ), емлати (жмлати) — κρατέω — брать под свою власть, брать.

етерь — τίς — некто.

жаба — βάτραχος — лягушка.

женство (Син. тр.) — τὰ γυναικεία, лат. mulieria — женственность.

жилище — жилище; в Супр. рукоп. соответствует греческому *δοχεῖον* — вместилище, сосуд.

жнты:ица — ἀποθήκη — складочное место, амбар.

жрѣвьць — πῶλος — жеребенок, вообще молодое животное.

зѣло — σφόδρα — очень, весьма (σφοδρός — сильный, крепкий).

зѣвѣдѣти — ἀγρυπνέω — не спать, бодрствовать.

зѣнмъ, даждь ми въ зѣнмъ — χρῆσόν μοι — ссуди мне, дай в долг мне.

зѣклати — θύω — приносить в жертву, закалывать животное.

зѣн'в — διὰ τό, ὅτι — потому что, так как, что...

зѣконьникъ (Киев. лл.) лат. sacerdos — священнослужитель.

зѣповѣдь — ἐντολή — поручение, приказание, заповедь.

зѣповѣдати, зѣповѣдѣти — ἐντέλλομαι — поручать, приказывать.

зѣпати — συνἑμποδίζω — расставить сети, поймать в ловушку.

зѣлие или множ. зѣлиа (зѣлиа) — λάχανον — зелень.

зѣлатица — νόμισμα — монета.

зѣдати (зѣдати) — οἰκοδομέω — строить дом, вообще строить.

зѣдь — δῶμα — жилище, крыша, стена.

нде — καί, ὅτι — союз и, что.

нѣрен — ἱερεὺς — священник.

нѣждити — διαπανάω — издерживать, расходовать.

нѣжелити — ἐθέλω (ἐ-θέλω) — хотеть, желать.

нѣзѣврати (лл. Ундольск.) — ἐκλέγω — выбирать.

нѣзѣсти, нѣзѣмъ, прич. прош. нѣзѣдъ — καταφαγῆι — съедать.

нѣмъа (Син. тр.) — имеющий, богатый; прич. наст. к нѣмъти.

нѣюгда — ποτέ — когда-то.

нѣюкость (Киев. лл.) — лат. peregrinatio — странствование.

нѣюдоу — ἀλλαχόθεν — в другом месте.

нѣюусити — δοκιμάζω — пробовать, испытывать.

нѣюпѣти, нѣюпѣвмъ 1 л. множ. — συλλέγω — собирать, в значении вы-
полоть.

нѣюпѣвѣдь (Киев. лл.) — лат. praedicatio — исповедывание, провозгла-
шение.

нѣюстѣати — 1) πράττω (Лука, XIX, 25) — делать, взять; 2) ἐξετάσαι —
спрашивать; 3) ἀνακρίναι — расспрашивать.

нѣюходити — ἐξέρχομαι — выходить.

нѣюходитиште — διέξοδος — проход, путь (διέξ, διέξ — перед гласным —
собств. δια-εχ, δια — „через“, ἐχ — „из чего-н.“), ὁδός ἢ — „до-
рога“, „путь“.

исъхнѣти, аор. 3. ед. исъшо (высохнуть) — ξηραίνω — сушить; исъшо — ἐξηράνθη.

ити (ити по н'бмь) — ἀκολουθέω (αὐτῷ) — следовать за... (за ним).

иуезнѣти, аор. 3. множ. иуезж — ἐκλείπω (ἐκ-λείπω) — оставлять, покидать, исчезать.

иуиснѣти, аор. 3. множ. иуиса въся кости моя (Син. пс.) — ἐξαριθμέω (ἐξ-αριθμέω) — исчислять, перечислять; ἐξηρίθμησαν πάντα τὰ ὀστά μου — пересчитали все мои кости.

ишедѣше (Син. тр.) вм. is-šedъše или вм. is-šedъše — ἐξελεύσασθε.

иштнѣти = иуиснѣти.

камению (камению) — 1) πέτραι — камни; 2) τὸ πετρῶδες — каменная почва; на каменникъ — ἐπὶ τὰ πετρῶδη.

кшица — каша.

кшѣтати — κλάζειν (κλάζω) — издавать сильный звук.

кшвереть — σύνδουλος — балкано-лат. collibertus — сораб, сотоварищ по рабству, по зависимости от господина.

кшътка, уменьшит. к имени кшът — δωμάτιον, уменьшит. к δωμά — комнатуха, отделенный уголок в комнате, кладовка.

клати са, имперф. 3. множ. кшъвахъ са — ὀμνῶμι — клясться.

когѣждо — родит.-вин., именит. кшъждо — ἕκαστος — каждый; призькшъ. одного когѣждо дшъжннкъ (Ассем.) — προσκαλεσάμενος ἕνα ἕκαστου τῶν χρωφειλετῶν.

коладѣ, еноуаръ колада — καλύδα, лат. calendae — календы — первый день мѣсяца; аще кто въ 1 днь еноуарѣ на коладѣу ндѣтъ, кшкѣе прѣвѣе погани творѣхѣу (Кормчая XIII в. Румянц. музея, ныне Б-ки имени В. И. Ленина).

коньунна, възъмѣтъ бо коньуннѣ своѣх — см. възъмѣтъ — αἴρει...

коньуннѣ[е] — τέλος, τελευταίου — наконец, в конце концов.

коренъ (Син. тр.) — ὁ μάγος — волхв, кудесник; корвиниць; корвиню — μαγείαι — магия, собств. „применение корней растений“

коръ — χόρος — единица хлебной меры, равная 6 аттическим димнам.

крада — πυρά — костер.

кромъшн'ни, кромъштын'ни — ἑξώτερος — крайний; наречие ἐξωτέρω — дальше, вне; это сравнительная степень наречия к ἔξω (ἐκ — „из“) — „вне“, „снаружи“; наречие ἔξω переводится наречием кромъ; а в соответствии прилагательному ἑξώτερος образовано прилагательное кромъштын'ни или кромъшн'ни.

кръпность — ἰσχύς — сила.

коупль (коупль), **коупль дънте** — *πραγματεύσασθε* — производите торговый оборот; **коупль сътъ сътворилн** — *διεπραγματεύσατο* — сделали торговый оборот.

коупьно — *ἄμα* — вместе; **коупьно оутро** (Маринн.) — *ἄμα πρωί* — вместе с ранним утром; **прѡі** — рано утром.

къзнь — *μηχανή* — вымысел, хитрость, кознь.

къннжъникъ или **кънггъунн** — *γραμματέυς* — человек, имеющий дело с книгами (изучающий или пишущий книги).

къназь (къназь) — *ἄρχων* — правитель, начальник (Марк, VI, 21); **къназн** — *μεγιστᾶνας* — вельможи.

къснъти — *χρονίζω* — долго оставаться где-н., медлить, задерживаться.

ли — *ἤ* — или.

лвкъг'нтъ (лвкъгнтъ) — *λευίτης* — церковный служитель.

лнкъ, **вин. множ. лнкы** — *χορός* — хор; хор, как совокупность лиц, вместе поющих и пляшущих.

лнкв — *τοκός* — рост, процент, рожденное (дитя).

лншатн са — *ὑστερεῖσθαι* — отставать, нуждаться в чем-н., терпеть недостаток; *ὑστερος* — позднейший, после приходящий, в переносном значении — худший, низший.

лжѡ — *κοίτη* — ложе, постель.

лъпо — хорошо.

лътѡ — *ἔτος* — год.

лътъ, **лътъ нвсть** — *ἔξεστι* — возможно; *οὐκ ἔξεστι* — невозможно, нельзя.

любѡдънца — *πόρνη*, лат. *meretrix* — блудница, распутная женщина.

людннъ — *λαϊκός* — мирской, несведущий человек.

лжквѡ — *πονηρός* — злой, дурной, чорт.

маломѡштнн — *πένης* — бедный.

мамѡна — *μαμωνᾶς* — богатство, мамона.

манѡстнръ, **манѡстъръ** — *μοναστήριον*.

млнѡсръдѡватн с родит. падежом — *σπλαγγνίζομαι* с родит. падежом (*τινός* или *περί τινος*) — сжаливаться; *σπλάγγνον*, обычно во множ. числе — *τὰ σπλάγγνα* — внутренности, сердце, печень, — в переносном значении — сердце, самое милое, самое дорогое.

миръ — 1) *εἰρήνη*, лат. *pac* — мир, спокойствие; 2) *κόσμος*, лат. *mundus* — мир, вселенная.

мѡлитѡ (Лука, XIV, 32), в данном случае в значении греческого слова *πρεσβεία* — посольство, делегация; **мѡлитѡ послѡати** — *πρεσβεῖαν ἀποστέλειν* — посольство (делегацию) отправить.

- моудити** — *χρονίζω* — медлить, мешкать, долго оставаться где-н.
- мънасъ** — жен. рода, мънаса — *μυᾶ*, винит. множ. *μυᾶς*; с с эта форма вошла в основу славянской передачи, — мина, гривна в 100 драхм.
- мъножан**, **мъножаншз** (мъножьнша)...; **посъла нны рабъы мъножьнша прьвѣтъ** (Савв. кн.) — *ἀπέστειλεν ἄλλους θρούλους πλείονας τῶν πρῶτου* — послал других рабочих, более многочисленных по сравнению с первыми.
- мъшница** — *σχιψ* — мошка, комар.
- мытарь** — *τελώνης* — сборщик пошлин.
- мъзда** — *μισθός* — плата.
- мъздънница** или **мытынница** — *τελώνιον* — таможня.
- мънни**, **мъньши** женск. рода — 1) *μικρότερος*, лат. *minor* — меньший; 2) *νεώτερος* (Лука, XV, 12), сравнительная степень к *νέος* (новый) младший.
- мъуть** — *φάντασμα* — явление, призрак, привидение.
- мъсудънын** — *σεληνιαχός* — лунный (*σελήνη* — луна).
- мъхъ** — *ἄσχος* — кожаный мех, кожаный мешок.
- мъжьство** — *ἀνδρία* — мужество, храбрость; *ἀριστεία* — отличие; *ἄρσεν* — мужского пола.
- маньникъ** — *μισθός* — наемный работник; *μισθός* — плата.
- манпавъ** — превосх. степень к наречию *пакы* — *μᾶλλον* — весьма, очень; сравнит. степень к наречию *мала*.
- наслъднѣ** (наслъднѣ) — *κληρονομία* — наследство; *κληρός* — жребий.
- наслъдникъ** — 1) *κληρονόμος* — наследник; 2) в Киев. лл. — *successor* — преемник в к.-н. деятельности.
- науагъкъ** — *ἀπαρχή* — начатки, первенцы, лучшая и отборная часть чего-либо.
- нерождъше** — *οἶδε ἀμελήσαντες*, прич. к *νερздити*, *нерздити* — *ἀμελεῖν* — не заботиться, пренебрегать.
- невнстага** — *ἀκρασία* — невоздержанность, неумеренность (*ἀκρατής* — бессильный, слабый).
- неясътъ** — *πελεχάυ* — птица пеликан, неясътъ.
- ни**, **аще ли же ни...** — *εἰ δὲ μήγε* — если же нет...
- низъврѣштн**, аор. 1 ед. *низъврѣгъ*, аор. 3 ед. *низъврѣже* — *κατάρρῳ* — ниспровергать, уничтожать.
- никогдаже** — *οὐδέποτε* (*οὐδέ-ποτε*) — ни даже когда-либо, т. е. никогда.
- никотврѣн** — *οὐδεῖς* — ни один, никто, никакой.
- ништь**, **ништнн** — *πτωχός* — нищий, бедный, — собств. робко нагибающийся перед всеми; *πτώσσω* — припадать, нагибаться (от страха).
- нырнце** — *οἰκόπεδον* — основание дома, развалины.

ивъколн — 1) потѣ — когда-нибудь, когда-либо; 2) в Супр. рук. μόλις — с трудом, наконец.

обити, аор. 3 множ. обидѣ — περιουλοῦμαι — окружить со всех сторон; κυκλώ — описывать круг; κύκλος — круг.

область — ἐξουσία, — лат. potestas — власть.

облабызати — καταφιλέω — целовать много раз.

облаштити, 1 ед. облашкѣ, повелит. 2 множ. облашцѣте — ἐνδύω — надевать на кого-н., одевать кого-н. во что-н.; ἐν-δύω; δύω — надевать на себя, собств. погружать.

обою (обое) — ἀμφοτέρου, множ. ἀμφοτέρα — то и другое.

обръсти, 1 ед. обрѣштѣ; обрѣтати, 1 ед. обрѣташ; εὕρισκω — находить, найти, аор. 3 ед. обрѣтъ — (Ассеман.) — εὗρεν — нашел, встретил.

объдѣ — ἄριστον — завтрак, закуска, обед.

объштити — καταπαγγέλλομαι — обещать.

оглашати — κατηχέω — наставлять, учить.

оградѣти, оградѣти — кругом обходить, проходить.

ограждѣцѣ (Киев. лл.) — родит. времени — лат. annua festivitate.

одръжати — 1) περιέχω — окружать, обнимать, заключать в себе;

2) συνέχω — удерживать на одном месте, крепко держать вместе, сдавливать (Супр. рук.).

одѣнню, одѣннню — τό ἔνδυμα — одежда, от глагола одѣти, одѣждѣ, одѣждѣши или одѣяти — ἐνδύω или περιβάλλω.

окашнѣ — ἄθλιος — несчастный, жалкий.

окръсть — περι — кругом, вокруг.

окы (Супр. рук.) — акы, какѣ — как, подобно.

олен, елен — ἔλαιον — масло.

омръкнѣти, омръцати — покрыться тьмою, оказаться во тьме, впотьмах; омръкохъ на мѣстѣ семь (Супр. рук.) — ὄψησέν μοι ἐν τῷ τόπῳ τοῦτῳ.

оплатѣ (Киев. лл.) — лат. ablatum; надѣ оплатѣ — super oblata.

оплотѣ — φραγμός — ограда.

опражнѣти (опражнѣти) — καταργέω — оставлять бездейственным.

опръшаса — аор. 3 л. мн., опръшти, опръш — προσχέπτω — толкать, ударять обо что, упереться.

осъсти, аор. 3 ед. осъде — περιέχω (περι-έχω) — окружать; сънемъ зълъбнвнхъ осъде ма — συναγωγή πονηρευμένων περιέσχον με.

отрицати се — παραιτεῖσθαι — отказываться, приводя в свое доказательство что-либо.

отрѣшнн — λύω — развязывать, отвязывать.

открѣсти, открѣзати — ἀνοίγω — открывать, отпирать; аор. 3 множ.

открѣса: открѣса из ма оуста своа — ἤνοιξαν ἐπ' ἐμέ τὸ στόμα αὐτῶν.

отврѣшнн, 1 ед. отврѣржж — ἀποβάλλω (ἀπο-βάλλω) — кидать прочь, отвергать.

отъпоустннн — 1) ἀπολύω (ἀπο-λύω) отвязывать, пускать; 2) ἀφήμι (ἀπο-ίημι) — отпускать, отсылать, бросать; см. отрывок из Ассеман. кодекса.

отъротѣннъ — παρητημένος — отказавшийся.

отъстѣннн — μεθίστημι — переставлять, удалять, изгонять; отъстѣл'еннъ
вждж отъ стровннъ домоу (Зогр.) — μετασταθῶ τῆς οἰκονομίας.

отъмннннн (отъмн'енн — Супр.) — σκοτίζω — затмевать, помрачать, ослеплять, хότος — темнота; горе мннъ окаяннн н отъмн'еннн — ὄμιον ἀθλία καὶ ἐσκοτισμένη.

отъшьальць — ἀναχωρητής — отшельник, анахорет.

плкость — ἡ ἐνόχλησις — тягость, неприятность.

плкы — πάλιν — опять; [львь] плкы — усиливает значение наречия львь, —
εὐθέως — тотчас.

плвжь (Киев. лл.) — др.-верхн.-немецк. bâbes, лат. pontifex — папа.

плрѣпсннл — ἡ παροφίς, родит. παροφίδος — небольшое блюдо (раньше:
„побочное кушанье“, „лакомое блюдо“).

пастыръ — ποιμήν — пастыръ, пастух.

плув, сравнительная степень к наречию плкы — μάλλον — больше, лучше,
сравнительная степень к наречию м'ала — весьма, очень.

пнща — τροφή — пища, содержание, провиант.

пнщнннцн (пнщнннцн) — ὁ μεθύων — пьющий, пьяница; μέθη — пьянство.

плать — ῥάχος — лоскут.

плъть — σάρξ — мясо, тело, плоть.

плъвель — τὸ ζιζάνιον; плъвель — τὰ ζιζάνια — сорная трава.

повѣдѣти — ἀπαγγέλλω (ἀπο-, ἀγγέλλω) — докладывать, сообщать; ἀγγέλλω —
извещать; ἄγγελος — вестник, посол.

поганъ — лат. paganus — языческий, язычник.

погыбати, 1 ед. погыбамъ — ἀπόλλομι — губить, уничтожать, умерщвлять,
лишаться чего-либо.

подобати, подобавтъ — δεῖ — должно, следует, нужно.

подроугъ (Киев. лл.) — comes — спутник, содруг; подроугъ (Савв. кн.) —
σύνδουλος — сораб, сотоварищ по зависимости от господина.

подъметъ — κράσπεδον — кайма одежды.

позокати — жатаφάγειν — съедать, поклевать (о птицах).

положить (правдѣ и'нмь) — παρὰ τίθημι — класть или ставить что-либо перед кем-ни будь.

польма — дат. — творит. двойств. к имени полъ, см. протвсати полъма.

понецити — ὀνειδίζω — ругать, бранить; ὀνειδος — ругательство.

попеченью (попеченью) — φροντίς — дума, забота, попечение; φρονέω — мыслить.

послушествовати — μαρτυρέω — свидетельствовать, подтверждать.

послѣдн же — ὕστερον δε — позже, после; послѣдъ — ὕστερον — позже, после.

пострашению — устрашение.

посланию (Син. тр.) — ἡ διακονία — служение, выполнение порученного дела.

потръбнъ — εὐχαιρος — удобный, подходящий.

поучению — μελέτη — наставление.

похотьню — θέλημα — желание, воля; θέλω — хочу, желаю.

пояти — взять; женѣ пояти — γαμέω — жениться; женѣ поять — γυνῆ:χα ἔγημα — я жену взял, я женился.

правда — δίκαιον — право, справедливость.

празднъ — ἀργός — недейтельный, праздный.

привывати — αὐξάνω — увеличивать, усиливать.

привръшн, 2 ед. привръжши — ἐπιρρίπτω — накладывать, набрасывать на что-л.; привръжъ себѣ къ дкрьемъ (Супр.)

пригвоздити — ὀρύσσω — копать, рыть, выкопать, прокопать; глосса переписчика Син. пс. к глаголу пригвозднша; прокопаша — греч. ὄρυξαν.

пригласити, прич. прош. пригласъ — φωνέω — издавать звук, звать; φωνή — голос, звук.

приделати — προσεράζομαι (προς-, ἐρράζομαι) — приделывать, присоединять.

придѣти — προσφέρω — подносить, присоединять.

приидити — προσδαπανάω — сверх того еще издержать, πρὸς — к тому, сверх того, кроме того; δαπανάω — издерживать, расходовать.

приключан, по приключю — κατὰ συχυρία; συχυρία — случайность, случай; συχυρέω — встречаться, сталкиваться, приключаться.

приключити са, приключушью са — дат. причины — случиться, быть, произойти.

прилежати — ἐπιμελέομαι — заботиться о...

прильпѣти, прильпѣти — κολλάω — кленть, прилипать; прильпѣти са — κολλάομαι — приклеиваться, приставать.

присванѣти, аор. 3 множ. присвадѣ — χαυματισθῆναι — быть спаленным (солнцем), увянуть.

прискръбѣнь — περιλυπος — очень печальный (περί — „кругом“, „очень“, λῦπη — „скорбь“, „печаль“).

приставленію (приставленно) — ἐπιβλημα — накинутое, заплата; ἐπιβάλλω — накидываю, набрасываю.

приставляти (приставляти) — ἐπιβάλλω — накидывать, класть на что-либо.

приставленіе домовъное — οἰκονομία — управление домом.

приставникъ — 1) ἐπίτροπος — опекун, поверенный, управляющий;

2) приставникъ дому — οἰκονόμος — управляющий домом.

притѣя — παραβολή — сравнение, притча.

прозавати, прозавѣсти, прозавѣсти — (лл. Ундольск.) — βλαστάνω — давать ростки.

проказывати, проказывати — μηχανᾶσται — делать уловки.

проказство — πανουργία, κακούργια — коварство, хитрость.

проколати — ὀρύσσω — прорыть, прокопать.

просвора — προσφορά (ἄρτος), лат. oblativ — приношение, жертвенное приношение (хлеб); [долести] просворж (Супр.) — в греч. вин. множ. имени εὐλογίας — в значении латин. benedictiones — благословение.

просьсти, 1 ед. просадж — ῥήγνυμι — рвать, разрывать.

протесати полъма, 3 ед. протешеть и полъма (Марин.) διχοτομέω — рассекать, разделять на две части; δίχα — на две части; томή — резанье.

пръвъ — πρῶτος — первый, лучший.

пръвѣю (пръвѣю) — πρῶτου — сперва.

пръвѣнць — πρωτότοκος — первородный.

пръси — множ. женск. рода — грудь.

пръстѣнь — δακτύλιος — перстень; δάκτυλος — палец, перст.

пръсть — δάκτυλος — палец, перст.

пръсть (пръсть Син. пс.) — χυῶς — кучка выкопанной земли, прах, ничтожество; см. съвѣсти.

пръдължѣти — παρατίθημι — ставить или класть ч.-н. возле кого-н., перед кем-н., предложить.

пръдставѣти — παρίστημι — ставить возле, перед.

пръдѣль — ὄριον — граница.

пръдвѣвъзвѣганію — ἡ πρωτοκλισία — первое место за столом (κλισία — ряд возлежащих за столом).

пръдвѣсъданію — ἡ πρωτοκαθέδρια — первое место (καθέδρα — седалище).

пръмо — κατέναντι — против.

пръполовити — делить пополам, на половины.

пръстѣпѣти — παρέρχομαι — итти, проходить мимо.

прътъжанию — τὸ πρόσκομμα — преткновеніе, препятствие.

прѣткати — προσκόπτειν (-πτω) — толкать, ударять обо что-н., на-
талкивать на что-н.

прѣфлицѣ (Киев. лл.) — лат. praefatio — вступительное слово.

пржгъ, множ. **пржси** — ἀκρίς — саранча.

псъ — κύων — собака, пес.

псьен, **псьени** — κυνός — собачий; **псьи**[въ] **моуха**.

пьяльничъ — 1) **херматистѣ** — меняла, разменивающий деньги; **херма-
тиѣ** — разделять на мелкие части; **хѣрма** — отрезанный кусок,
мелкая монета; 2) **трапѣза** — стол, меняльный стол.

пьяна — δηνάριον — римский denarius — мелкая серебряная монета.

пять — ὁδός — дорога.

рѣкотати — δουλεύω — быть рабом, служить кому; **доѣлос** — раб.

рѣвви — ραββί, из др.-еврейск. — „мой учитель“.

рѣзвон — φόνος — убийство, кровопролитие.

рѣзнити сѣ, аор. 3 множ. **рѣзидѣ сѣ** — διασχορπίζω — рассеивать, раз-
брасывать, разъединять одно от другого.

рѣспѣтнѣ, множ. **рѣспѣтнѣ** — πλατῆτα — дорога, улица, скрещивание
дорог.

рѣстоунити — διασχορπίζω — рассеивать, в переносном значении — рас-
трачивать.

рѣширѣти — πλατύνειν — расширять.

рѣштити (вместо **рѣс-унити**), 1 ед. **рѣштитѣ**, 3 ед. **рѣштитѣтъ** — φηρίζω —
считать.

рѣнза — ἱμάτιον — платье, верхнее платье.

рѣнкати — ὀρούμαι — реветь, выть.

рѣканиа — вин. множ. (Киев. лл.) — др.-верхн.-немецк. **arvat** — лат.
тшпега — дары.

рѣдъ — γένεά — род, поколение.

рѣжьць — уменьшит. к имени **рогъ** — κεράτιον, уменьшит. к имени **жѣ-
рас** — рог.

рѣжати сѣ — ἐμπαίζω — насмехаться над кем-н.

рѣжгъ (Син. тр.) ὀνειδισμός — брань, ругань. Ср. значение имени **рѣжгъ**
(„поруганье“) в таком тексте из Супрасльской рукописи: **повѣж-
денъ бѣхъ мѣжи сими скатыими и бѣхъ въсьмъ въ рѣжгъ** (по изд.
Северьянова, стр. 78).

сѣпогъ — ὑπόδημα — обувь, сандалий; **ὑποδέω** — подвязывать

сѣвѣтльничъ — λαμπάς, λαμπάδες — свѣточы, факелы.

сѣ — ἰδοῦ — вот.

εσλο — ἀγρός — поле.

εσкозъ — через, сквозь.

εскотъ — κτήνος — домашний скот.

εскрѣзѣть — ὁ βρυγμός — кусанье, скрежет (βρύχειν — скрежетать зубами).

εскадѣль, εскадѣль — ὄστρακον — глиняный черепок, черепица.

εсладѣть, εвсладѣть — ἡδέως — сладко, приятно (ἡδύς — сладкий, приятный).

εслово — 1) λόγος, — лат. verbum, ratio; 2) расчет, счет.

εсмокъвьница, εсмоковница — συκῆ, συκιά — фиговое дерево, смоковница;

собирает. εсмокъвьньѣ (Син. пс.) — αἱ συκαί — смоковница.

εсобаѣнна (εсобаѣннѣ) сѣ пѣтница вместо εсобаѣнна сѣ (Син. пс.), причастие

к [о]сѣбѣннѣ сѣ — μονάζω — жить уединенно.

εсѣтоннѣсьскѣ, прилагат. от существ. εсѣтона — σατανᾶς — дьявол, сатана.

εстарѣннѣ, сравнит. степень к старѣ — πρεσβύτερος, сравн. степень к πρεσ-

βυς — старый.

εстарѣннѣнна (Марк, VI, 21) — πρῶτος — первый, главный, глава.

εстѣль — πύργος, — лат. turgis — башня, оплот.

εстрѣжа — φυλαχή — стража, первая, вторая стража ночи или первая,

вторая... часть ночи — ἡ πρώτη, δευτέρα, τρίτη, τετάρτη φυλαχή.

εстрѣньѣ домоу — οἰκονομία — управление домом.

εстроуль — τραῦμα — рана, повреждение.

εстоудѣ — αἰσχύνη — стыд.

εстьгна (и стьгны Остром.) — ῥόμη — узкая улица, переулок.

εстькльница — ποτήριον — чаша для питья.

εсушило — φρύγιον — сухой хворост.

εсъирати — обычно συνάγειν; но в Маринн. так переведен глагол δεσ-

μεύειν — вязать, связывать; в Зограф. и Остромир. съвѣзлѣтъ —

δεσμεύουσι.

εсъамудати — συντηρέω — вместе сохранять, соблюдать (сυντηρέω — хра-

нить, беречь).

εсъестннѣ, εвъ прѣстѣ съирати съвѣде ма — εἰς χόβν θανάτου κατήγαγες με —

в прах (в пыль) смерти ты низвел меня; κατάγω — низводить; см.

прѣсть.

εсъѣлѣшти, съѣлѣкж, прич. прош. съѣлѣкж — ἐκδύω — снимать с кого-н.

что (платье), раздевать.

εсъврѣшннѣ (εсъврѣшннѣ) ἀπαρτισμός — совершение, окончание.

εсъврѣшннѣ — ἐκτελέσαι — окончить.

εсъвѣтъ (Супр.) — γνώμη — решение, принятое на совете.

εсъвѣштѣвати — βουλευόμεναι — советоваться, совещаться.

εсъвѣшати — συμφωνέω — быть согласным, договариваться (собств. —

звучать согласно).

- съвъѡати слово** — συναίρω (συν-αίρω) — вместе соединять, συναίρω λόγον — сводить счета с кем-н.
- съвѡзати** — δεῖν — вязать, заключать в оковы, заключать в темницу.
- съзѡдати, съзидати** — οἰκοδομέω — строить.
- съкровища** — ταμείου — кладовая, казначейство.
- сънити, 1 ед. сънидѡ** — καταβαίνω — сходить; сънит: сѡ — συμβάλλω (σύν, βάλλω) — сбрасывать в одно место, соединять.
- сънмишти** — συναγωγή — место собрания (συνάγειν собирать, συν — „с“, „вместе“, ἄγειν — „вести“, „приводить“).
- сънмъ (сънсмъ — Син. пс.)** — 1) συναγωγή — соединение, собрание; 2) συττροφή — сжимание, скопище (народа); 2) συνέδριον — заседание совета.
- сънѡдъ** — пища, корм.
- сънѡсти** — съесть.
- сърицати слово** — συναίρω λόγον — сводить счета с кем-н.
- сърѡсти, 1 ед. сърѡштѡ, аор. 3 ед. сърѡтѡ** — ἀπαντάω — итти навстречу.
- съсѡхнѡти сѡ, аор. 3 множ. съсѡхѡ сѡ (сѡсѡхѡ сѡ — Син. пс.)** — συμ-φρόγω — сосохнуться (σύν, φρόγω — сушить); аор. 3 множ. συνεφρόγησαν.
- съсѡдъ** — ἀγγεῖον — сосуд.
- сътворити** — ποιέω — сделать, совершать.
- сътазати сѡ** — 1) συζητέω — обсуждать с кем-н. что-н.; спорить; σύν, ζητέω — искать, рассматривать, расспрашивать; 2) сътазати сѡ о словесн (Ассеман.) — συναίρω λόγον — сводить счета; συναίρω — вместе поднимать.
- съходити** — καταβαίνω — сходить, сходить вниз.
- съде** — ὧδε — здесь, тут.
- сърѡбро** — τὸ ἀργύριον — серебряная монета, деньги; уменьшит. к имени ἄργυρος — серебро.
- съдалишти** — καθέδρα — место сидения.
- съмо** — ὧδε — сюда.
- съно** — χόρτος — трава.
- сънь** — σκιά — тень, сень.
- съпрѡжѡ** — ζεύγος — упряжь, пара волов в одной упряжи, в одном ярме (в иге); съпрѡжѡ воловьиних патѡ — ζεύγη βδῶν πάντε.
- съсѡдѡ** — γείτων — сосед.
- таллнѡтъ** — τάλαντον — 1) вес, определенный вес — около 22 кг.; 2) определенная сумма денег, у афинян — ок. 6000 драхм (ок. 1500 руб.).

татъ — ὁ κλέπτης — вор.

тельць — μόσχος — молодое животное, теленок, бычок.

тешти, 1 ед. тѣжъ — τρέχω — бежать; прич. прош. тѣжъ — δραμών.

тѣшти — χροῶν — стучать, ударять; повелит. 2. множ. тѣщѣте; причастие наст. вр. тѣщы, тѣщѣща — родит. ед. м. р.

толнко же — столько же.

тоуило — ληρός, лат. togribator — чан, корыто, точило, в котором выжимают виноград.

трѣщища — ἀγορά — собрание; место собрания; базар, рынок.

трѣнниъ (трѣннѣ, трѣннѣ) — τὰ ἄκανθα — колючее растение, терние.

трѣпяти (Супр.) ὑπομένω — оставаться (некоторое время на месте), выдерживать, терпеть.

трѣвьнь — θυτικός — жертвенный.

трѣва = трава — χόρτος — трава.

трѣславнѣ — 1) τρόμος — дрожь, 2) πυρετός — лихорадка.

тоу — ἐκεῖ — там.

тоуждъ = штюждъ — ἀλλότριος — чужой.

тоуутьнь — πῖον — жирный.

тъкъмо (токъмо) — μόνοу — только.

тъма вместо тъма — σκοτεινότης — темнота.

тъштаниъ — ἡ σπουδή — поспешность, рвение, старание.

тысѣштыннѣ — ὁ χιλιάρχος — начальник тысячи солдат, тысяцкий.

тъма (Ассем.) — μυριάς — десять тысяч.

тагота — βάρος — тяжесть, груз, тягота.

ѳу — 1) восклицание ох! о!; 2) ѳу, не ѳу — ὄπω, οὐ еще не, не.

ѳубо ѳѳо, — οὐ, ἄρα — же, итак, ведь; кѣто ѳубо вѣтъ... — τίς ἄρα ἐστίν... — кто же (кто ведь)...

ѳувѳоуѣ — σουδαρίον, лат. sudarium — платок.

ѳувѣднѣ — ἀναγκάζω — вынуждать, заставлять, принуждать кого-н. доводами, убеждать; ἀνάγκη — необходимость.

ѳувѣрѣнѣ, 1 ед. ѳувѣрѣжъ — приоткрыть; малы ѳувѣрѣзъ — νοίζας — много приоткрыв дверь.

ѳудавнѣ — πνίγω — душить, давить.

ѳудавнѣнна — πνιγτόν — удушенное.

ѳудъ — μέλος — член.

ѳужастьнь — прилагат.; существ. ѳужастъ — θάμβος — ужас.

ѳуже — ἤδη — уже.

ѳуклоннѣ са — ἐκκλίνω (ἐκ-κλίνω) — отклоняться, уклоняться.

ѳупнѣтанъ — σιτευτός — откормленный; σιτεύω — откармливать.

уподобити — ὁμοίω — уподоблять, сравнивать, равняться.

уста — στόμα — рот, уста.

утагати (Киев. лл.) — лат. poterego — иметь возможность, быть в состоянии, удостоиться.

фарисеи — ὁ φαρισαῖος, от др.-еврейск. perušim — „отделенные“; так называлась у древних евреев особая группа ревнителей религиозного закона, в особенности его ритуала.

халыга — φραγμός — ограда, забор, застава.

халпати — ἐπαίτεω — требовать, просить.

хадатати — быть заступником — лат. intercedo; причаст. наст. вр. дат. ед. муж. рода хадататицю влжвнуомуу климентоу (Киев. лл.) — intercedente beato Clemente.

храинна — οἶκος — жилище, дом.

храмъ — οἶκος — дом.

хранниште — φυλακτήριον (Матф., XXIII) — оплот (собств. „место, в котором находится стража“; φύλαξ — сторож); ἀποθήκη (Лука, XII) — склад, амбар.

худоуумын — глупый.

худосяльни — ἀπαλός — изнеженный, мягкий, слабосильный.

хытенин — ἀρπαγή — похищение, грабеж, алчность (ἀρπάζειν — похищать, грабить).

целованию — ὁ ἀσπασμός — приветствие.

цата — νόμισμα — монета, деньги; слав. цата вместо герман. — kintus, а это из латин. centum или quintus.

члати (члати) — προσδοκᾶω — ждать, ожидать.

чрьноризьць — μοναχός — монах.

чрьво — 1) γαστήρ, 2) κοιλία — живот, чрево, желудок.

чьсть (Киев. лл.) — 1) лат. honor — честь; 2) dignitas — достоинство, честь.

чьстити (Киев. лл.) — лат. recolo — почтить, прич. наст. вр. именит. множ. чьстаче — лат. recolentes.

часьть — τὸ μέρος — часть, доля.

чтуждь = чуждь — чужой.

чзвд (чзвд) — πληγή — рана от удара.

чко (чко) — ὅτι, ὡς — что, потому что, так как, как.

уже (Супр.) — именит. множ. средн. рода, в ед. уже.

ярость, ярость — θυμός — гнев, негодование.

яръ, яръ — αὐστηρός — острый, суровый, строгий.

яда, еда — μή, μήτι, μήποτε — не, чтобы не; яда колн — μήποτε — чтобы когда-нибудь не...

ядинъ, ядинъ — 1) εἷς — один; 2) μόνος — единственный, один только; 3) τις — некто, один; γὰρ ядинъ добра рода... — ἄνθρωπος τις εὐγενής...

яинко, яинко — именит.-вин. единств. средн. рода — ὅσα — именит.-вин. множ. средн. р. — сколько.

ямати, ямати (Савв. кн.) — брать.

ямъ — ерусалимъ — Ἱερουσαλήμ.

январь — лат. januarius — январь.

ярихъ, върихъ, нарихонъ — Ἱεριχώ — город пальм, находившийся в долине, ниже Иерусалима.

ятрина — ἐνδότερος, лат. interior — внутренний.

ятрьждоу, нзятрьждоу — ἔσωθεν — изнутри.

ядро — ταχύ, ταχέως — быстро, скоро.

язка (язъ) вместо язка (язъ) — 1) ἀσθένεια — слабость, немощь, 2) νόσος — болезнь.

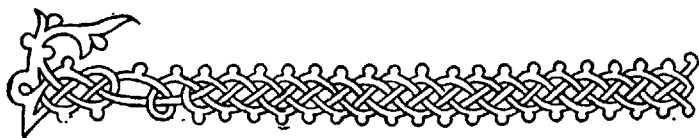
яти въръ — πιστεύω — верить; не яса же въры — οὐκ ἐπίστευσαν οὐδὲ — не поверили же...

юже — ἤδη — уже.

юньць — ταῦρος — бык, молодой бык.

упокрнть — ὑποκριτής — лицемер (актер).

Очерки МОРФОЛОГИИ

ОЧЕРКИ МОРФОЛОГИИ

ИМЕННЫЕ ОСНОВЫ. ИХ ОБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Имена существительные и прилагательные в славянских языках с давнего времени представляют собою корни в сочетании с суффиксами. Таких имен, основа которых представляла бы только корень, нет в славянских языковых группах с давнего времени. Но они были некогда. Немногие реликты таких имен вскрываются в морфологическом составе славянских языков исторического периода. К таким реликтам относятся, например, следующие имена.

кгу, винит. кгъвъ. Форма кгъвъ стала служить и для именит. ед. ч. Но старопольские памятники представляют указание на кгу для XIV—начала XV в.; в словинских и хорватско-чакавских диалектах до сих пор держится kŕi. Ср. в „Авесте“ hŕi — „сырое мясо“. Как видно, это имя представляло собою корень без суффикса.

Форма именит.-винит. двойств. числа оѿи, уѿи. Перед окончанием именит.-винит. дв. -ї находится бессуффиксальная основа, равная корню: ок- → оѿ-, уш- → уѿ- (из оуs-, а это из ауs-); ср. греч. ὄσσε (из οκiε), лат. aures (вм. ausi), лит. akis, ausis.

гышьпо; в первой части этого слова находится корень гу тот же, что и в гов-ѣдо — „рогатый скот“; тьп-о — с корнем гла-

гольного происхождения; пшеч., пшеши; инфин. mēti; лит. minti — „мять“; гупьно — „место, где мнет [топчет колосья] рогатый скот“.

nevēsta вместо nev-ēd-ta — „вновь взятая, вновь данная“; ср. в семантическом отношении албанское название „новобрачной, невесты“: re, от прилагат. ri, re — „новый, новая“ (из gēfē, а это из νεϋίος).

gavopъ — „ворон“: южно-сл. gavrapъ, чешск. havrap, польск. gavrap. И это слово представляет собою сложение, в состав которого входит бессуффиксальный корень ga [v]- и vopъ. Тот же корень находится в имени gav-a (украинск. gava — „ворона“, словинск. gāvэс — „чибез“ (vanellus). Это gav- вместо gōv-; с кратким гласным тот же корень в имени gov-огъ.

Бессуффиксальные корни входили в первую часть ономастопетических образований с повторением корня:

cho-cho-ть: вост.-сл. хохол — „чуб“, чешск. chochol, польск. chochól — „конец снопа“;

go-go-ть, go-go-ть: вост.-слав. гоголь — „anas clangula“, польск. gogol, gogolica; того же происхождения глагол go-go-tati;

gol-gol-ть: ст.-сл. галгаль, сев.-русск. гологолить — „балагурить, болтать“; тот же корень в имени gol-сь;

kol-kol-ть: русск. колоколъ, полабск. klāk'ól.

kor-kor-ть: чешск. křākor — „кудахтанье“; в глаголе kor-kor-i-ti — „хорохориться“, „кудахтать“.

por-por-ть — „знамя“: южно-сл., чешск. prarogъ, др.-русск. поропоръ; польск. prarofes; корень por — „развевающееся“.

Повторение — одно из средств выражения эмоциональной окраски слова: „ясный-ясный день“; франц. c'est beau-beau („это прекрасно-прекрасно“). В особенности часто применяется повторение слова в тюркских языках. Турецк.: öfme yarip yarip — „не пой так печально“ (yarip — „печальный“); yarly yarly daylarynyzdan, ašdum, souq souq sularyñyz išdim — „я прошел по снежным вашим горам, я пил холодные ваши воды“ (yarly — „снежный“, souq — „холодный“). (См. в моей статье в „Revue des études slaves“, V, 52—57).

§ 2. Слова-корни у славян уже в доисторическую эпоху стали употребляться с суффиксальными элементами, применявшимися в образовании именных форм. Так, латинскому pūs, греческому μῦς в славянском соответствует мушь; латинскому cor (родит. cordis), греческому κῆρ соответствует слав. serd-a: южно-сл. srěda,

русск. *среда*, или образование с суффиксом уменьшительного значения *-ъсе* — *srǫd-ъсе*, или образование с тематическим гласным *-о* в сложных именах, например, ст.-сл. *сръдъвольнъ*; греческому *θῆρ* соответствует слав. *zvěr-ь* и мн. др.

§ 3. Славянские имена, как они сформировались в доисторическое время, представляют собою корень в сочетании с различными суффиксальными элементами. Происходило объединение разных суффиксальных элементов. Основы имен оканчивались суффиксальными элементами *о*, *ǫ* (*ъ*), *ū* (*у*, *ъу*), *ĩ* (*ь*), *а*, *еп* (*мен*), *es* (*ос*), *et*, *ter*. Перед этими суффиксальными, тематическими элементами могли быть другие суффиксы. Например: *-d-* (*čę-d-o*), *-k-* (*зна-k-ъ*), *-ъп-* (*рęт-ъп-о*) и др. Были и иные комбинации суффиксов, изменявшие соответствующим образом значение основы. Например: *-ъп-ik-o-*: *dylž-ъп-ikъ*.

Некоторые суффиксы утратили свое значение словообразующих элементов, войдя в состав корня: они стали непродуктивными, т. е. они перестали входить в образование новых слов. Например: *-r-*: *rigъ*, *žigъ*, *dobrъ*; *-tъ*: *vold-tъ* (южн.-сл. *vlastъ*, вост.-сл. *волость*), *tatъ* („вор“, „утаивающий“); *-mo-*: *kosmъ* (сравн. *kos-a*) и др.

В связи с значительными изменениями, пережитыми в фонетической системе славянских языковых групп, суффиксальные тематические элементы получили с течением времени иное значение: они стали относиться не к основе, а к окончанию, — стали флексией. Например, дат. мн. *vozo-тъ* → ст.-сл. *voz-ъмъ*, *kostъ-mi* → ст.-сл. *кост-ыми* и др., как на это будет указано ниже, в обозрении судьбы склонения, отражающейся в языке старославянских памятников.

Суффиксы именных основ.

I.

§ 4. Суффиксы, представляющие собою гласные звуки. Такими суффиксами были в разных индоевропейских языках *о*, *а*, *ǫ*, *ĩ*, *й*, *ū*.

В языке славян в связи с фонетическими процессами доисторической эпохи эти гласные изменились: *ū* изменился в *у* (*ы*), гласные *й*, *ĩ* редуцировались: *supъ* вместо *sūpūis*, *gostъ* вместо *gostĩs*; гласный *о* → *ъ* перед *s*, *m* (*n*) в конечном слоге (*vozъ* — именит.-винит. ед., родит. мн.); после *j* (*i*) появился *e* вместо

о, в вместо ъ: воѣ-ь → воі (іь → і), творит. ед. воіе-ть. Перед гласным вместо ѱ находилось в языке славян сочетание ѡв: l'uby — l'ubъve. Тематический гласный і чередовался с еі, тематический ѱ чередовался с оѡ; перед согласным и в конце слова еі → і, перед гласным еі → ѡі (gosti — родит. ед., gostыje — именит. мн.); оѡ перед согласным и в конце слова заменился посредством и, перед гласным -ov (synu — родит. ед., synove — именит. мн.)

1) Суффикс -о. Это в именах мужского и среднего рода.

Мужской род. В именит. и винит. ед. -ь, после мягкого согласного 'ь: возь, воіь → воі. Ср. дат. мн.: vozo-ть, воіе-ть.

Многие имена с тематическим суффиксальным элементом -о представляли в корне гласный о (или оѡ → и), в чередовании с е, ь, ѡ или с і, у (ы вместо ѱ) в корне, появившемся в глагольном образовании. Такие имена имели значение имен действий. Некоторые из них получили затем предметное, вещественное значение.

Например: богъ — берѡ, бьрати;	зогъ (rozогъ) — зьрѣти;
догъ (orzdogъ; южн.-	звонъ — зьвнѣти;
сл. razdogъ) — дерѡ,	возь — vezѡ;
дьрати;	гноіь — гнѣти
громъ — гръмѣти;	

Средний род: seło, mѣsto, pol'e, lice.

2) -а. Имена преимущественно женского рода. Были на -а и немногие имена мужского рода: žena, gora, губа, lipa, slava; vojevoda.

3) -і. Имена мужского и женского рода.

Мужск. р.: рѡть, огонь, звѣрь.

Женск. р.: kostь, ось, věдь („знание“), solь, музь, chotь („желание“), копь („начало“; iskoni), zemь (другое образование было с суффиксом -ja — zemja), jадь или ѣдь („еда, кушанье“), вьсь („деревня“).

Имена с суффиксальным -і (-ь) служат для названий конкретных предметов (solь, рѡть и др.), а также для названий действий, явлений: věдь: ст.-сл. вѣдь — „знание“, зловѣдь, ядь — „пища“, „еда“, „ядение“, владь — „заблуждение“ и др.

Посредством того же суффикса производилась субстантивизация прилагательных: прилагат. зьль — существ. зьль — „злоба“; прилагат. tvьrdь — существ. tvьrdь; прилаг. studenь — существ. studenь — „холод“; прилаг. ѡьрнь — существ. ѡьрнь и др.

Некоторые существительные с этим суффиксом (-ь) получили коллективное значение: *čedь* — „народ“; *děть* — „дети“; *vetъзь* — „ветошь“, „тряпѣ“, „res antiquae“; *русь* — „русские, страна русских“.

4) -*ī*. При именах мужского рода на -*з* были имена женского рода на -*т*: *vykъ* — *vyčt* („волчица“). Так и в прилагательных: *čьgnъ* — *čьgnт*. Имена эти были производными от прилагательных (*vyk-*, *čьgn-*). Прилагательные на -*ī* получили значение существительных. Такой же процесс был пережит в др.-индийском языке: *kr̥ṣṇāḥ* — „черный“, *kr̥ṣṇī* — „черная“ и в значении „ночь“; *tāraṇāḥ* — „сияющий“, *taraṇī* — „светлая“ и в значении „жар“. Имена на -*т* стали употребляться еще в доисторическую эпоху с суффиксом -*ka* (→ -*ca*): *vyčīca*, *čьgnica*.

5) -*ī* (-*ь*). Имена мужского рода: *supъ*, *voъ*, *domъ*, *medъ*, *vygchъ*, *poъ*.

6) -*ī* (*y* — *ы*). Имена женского рода, относившиеся к женщинам или служившие названием конкретных предметов — *sveky*, *jetru*, ст.-сл. *ивлады*; *žьny* — „жернов“, *by* — „бровь“. Некоторые имена на -*y* имели общее (отвлеченное) значение: *сѣly* — „исцеление“, *l'uby* или с суффиксом -*ь*: *l'uby* — „любовь“ (*лювь ивлцмърънж* — Син. тр.). В ряде случаев имена на -*y* получили суффикс -*n'ī*: *sošedyn'ī*, *orbyn'ī*, *gьrdyn'ī*, *pravyn'ī*, *pustyn'ī*. Об этом см. ниже, в отделе о суффиксе *n'ī*.

II.

§ 5. Отмеченные выше тематические элементы были весьма часто в сочетании с другими суффиксальными элементами.

При каких-то условиях происходило согласование гласного в корне и в суффиксе. Примеры такой „гармонии гласных“ немногочисленны. Вероятно, это обломки прежних отношений в образовании гласных в корне и в суффиксе. Ср. *lebedā* — *loboda*, *teneto* — *tonoto*, *lebedь* — *labodь* (*la* вместо *lō*) — „лебедь“, *jetreba* — *otroba*, *klepetь* — *klorotь* — „шум“, „стук“, *lepetь* — *lorotь* (глагол *lorotati* — „невнятно, быстро говорить“), *kльсьть* (ст.-сл. *кльцеть зьбь* — „лясканье зубами“) — *klokotь*: *падаше вьрвь въ ладнѣ и твораше клокоть*; ср. глагол (*klokotati*).

Представим краткое обозрение этих сочетаний, расположив их по тем согласным звукам, какие входили в состав суффиксов.

§ 6. *-jъ* (именит. ед. мужск. р.), *-je* (средн. р.), *-ja* (женск. р.). Мужск. р.: *kop'ь, požь, struji* (i в.м. jъ) — „дядя по отцу“.

В отношении к лицам имена с суффиксом *-jъ* указывали на деятельность их: *děi* (i в.м. jъ) — ст.-сл. *zъlodyn*, *storg-jъ* → *storžь* — ст.-сл. *стражь*, вост.-сл. *стóрожь*; *vod-jъ*: — ст.-сл. *вождь*, др.-русск. *вожь*; *sqryg'ь* (рыг- в чередовании с por-).

То же значение представляли имена мужского рода с суффиксом *-ja*: ст.-сл. *дръводъла* — „плотник“, *врдътуа* (*tek-ja; tekq, tečeši*).

Средний р.: *pol'e, mor'e, pletje* → *plēt'e* — ст.-сл. *плешть*, русск. *плечо*, зап.-сл. *plese; vêtje* → *vēt'e*: ст.-сл. *въште* — „совет“, русск. *въче*; *lože* (*log-je*) — ст.-сл. *лже* („цепь“).

Женский р. *-ja*: имена существительные, а также прилагательные, указывали на нечто реализованное, конкретное. Корень этих имен был общим с глагольными образованиями: *krad-ja* (*krad-ti* → *krasti*) — ст.-сл. *кращда*, русск. *кража*; *тъg-ja* → *тъža* (*тъgati*); ст.-сл. *шжда*, сев.-русск. *ѡжа*; *pit-ja* (*pitěti*) — ст.-сл. *пища*; *тъk-ja* → *тъča* (*тъknoti*) — ст.-сл. *вртътуа*; *vol-ja* → *vol'a* (*voliti*); ст.-сл. *вьри* — „спор“ (*вьрати*); *such-ja* → *suža* — „нечто сухое, сухое время“ (*sušiti*); *гъd-ja* (*гъděti*) — ст.-сл. *ръжда*, русск. *ржа*; *svět-ja* (*světiti*) — ст.-сл. *свъшта*, вост.-сл. *свѣча*, зап.-сл. *svěca* и др.

Сочетание *-jā* на ступени редукции отразилось в славянской фонетике в виде *-t*. Такого происхождения был *t* после мягкого *n'* в суффиксе *-n't* (*pustyn't, гъrdyn't*), а также в имени *гъран't*: зап.-сл. *ран'i* (*гъран't*) от имени мужского рода — *гъранъ*: зап.-сл. *ран*. Корень *гър-* чередовался с *жур-* из *geур-*: *жура, жур-анъ*.

ii, ije, ija.

Суффиксальный *j(i)* мог быть в сочетании с предшествующим редуцированным гласным *ь*, переходившим в *й*: *ьj* → *ij*. После *j* (или *i*) следовал суффикс (окончание) *ь* для мужского рода (*ijъ* → *ii*), *e* для среднего рода (*ije* или *ije*), *a* для женского, а также для мужского рода; окончание *-ija* в именительном ед. было представлено с результатом ослабления: *-it*.

Мужск. р.: *čьrvii, rěpii, vorbli* („воробей“), *solvii, ulii* (корень *ul-*; сравн. *ul-ica*), *žerblī*: ст.-сл. *жръбни*, ст.-сл. *гъздани*.

Средний р.: а) Имена, производные от прилагательных, имеющие значение субстантивизированного качества: *velič-ije* (прилаг. *velikъ*), *съdory-ije*: ст.-сл. *съдравиѡ* (прилаг. *съdoryъ*).

б) Имена, производные от причастия прошедш. вр. страдат., представляющие значение имен действий и явлений (*nomina actionis*): *prošen-ije* (прич. *prošen-*), *vidën-ije*, *tygrën-ije*. Примеры для а) и для б) из Синайского требника.: *се сътъ дѣла, алъканне, жадаанне, земеаьганне, кланяанне, покоренне, прѣтрѣпѣанне обидѣ, нищелюбие, страшнолюбие, срдѣчьное рыданне, . . . покаанне* (69^{об.}, 70).

в) Имена, производные от существительных, имеющие собирательное значение: *dob-ije*, *prqt-ije*, *kapen-ije*, ст.-сл. *лѣзню*, *крьеню*: *на крьени ѡбъснхомъ ѡрганы ншѣ* — „на вербах мы повесили наши органы“ (Син. пс.)

г) Имена на *-ije*, снабженные префиксом, получающие конкретное значение: *pri-mog-ije*, *ogs-prt-ije*, ст.-сл. *распжню*, ст.-сл. *адножню*, *возмьльню*, *подрѡужню* — „чета, супруг, супруга“.

Женский р.: *oldji*: ст.-сл. *ладни*, *аьдни*, ст.-сл. *ильни*.

То же образование представляли имена мужского рода *sqdii* — „судья“, *vëtii* — „оратор“, „вития“.

Суффикс *-ii* такого же происхождения; входил в состав суффикса имен мужского рода *-lii*, *-ъçii* или *-ьçii*. Имена с такими суффиксами служили для названия лиц по их деятельности. Они изменялись одинаково с именами женского рода на *-ja* или на *-li*: *-balii*, ст.-сл. *бални* — „врач“, т. е. заговариватель (*ba-jati*); *lovь-çii* — „ловец“, „охотник“, ст.-сл. *кънигъунн* или *кѡукаръ* — „книжник“, *ураццатебс*; *lovь-çii* или *ловьсь* — „охотник“; ст.-сл. *крьмьунн*, *самьунн* — „управляющий“, *шръунн* — „живописец“, *сѡкатунн* — „повар“, *баньунн* — „банщик“.

-ija: *bratrija* или *bratija* — имя с коллективным значением; ср. греч. *φρατρία* — „братство“, „род“, „колени“, др.-инд. *bhātryam* — „братство“. Те же элементы были в составе суффикса имени женского рода *og-lija*: польск. *rolia*, ст.-чешск. *rolie*, белорусск. *ралля*, украинск. *рілля*.

-ějъ → *-ēi*, после палатального согласного — *-ai*: имена мужского рода; *ručai* — „ручей“, „поток“ (*ručati* — „издавать шум, звук“), *svъvučai*, *obučai*, *svъlučai*, *prikl'učai*, *lišai*.

-ēja — имена женского рода: *verēja*; корень *ver-*, чередовавшийся с *vor-*, *vъг-*: ст.-сл. *врати* — „запереть“, *зъворъ* — „запор на дверях“, *аьжля* — „птица“, „курица“, — т. е. сидящая на яйцах.

Суффикс *-j-* (*-jo*, *-ja*) входил в состав и некоторых других суффиксов: *-k-jo* (*-ak-jo* (*аць*)), *-gj-*, *-in-jo* (*poslëdъn'ь*), *-it-jo*, *-tajo*, *-lsko* — *išče*, в основы сравнительной степени и причастий.

§ 7. -ко, -ка: зна-къ (znati), zol-къ — ст.-сл. злѣнь (корень zol — чередовавшийся с zel-: zel-ъje), zvq-къ (zvъn-ěti), zvq-къ; mor-къ — ст.-сл. мракъ, русск. морок; kly-къ; kamu-къ (kamu — „камень“); kremy-къ — „кремень“; remy-къ — „ремень“; chu-къ — „шум“; sor-ka — „сорока“.

С течением времени суффикс -к- с предшествующим суффиксальным гласным основы о, ѡ, ѡ, і, у (ы) стал представлять одну морфологическую часть — суффикс -ok-, -ѡk-, -ѡk-, -ik-, -uk-.

После гласных ѡ, і, ѡ согласный k изменился в с в связи с воздействием артикуляции гласного переднего ряда. О результате этой ассимиляции и об отсутствии ее замечания сделаны в отделе фонетики.

-ѡk-, -ѡk-, -ѡс-: имена уменьшительного значения. — Мужск. р.: domъкъ, kvěтъкъ или svěтъкъ, dъnyкъ, oтъсь (корень ot-; ср. прилагательное ot-ъŕi- — „отцовский“; ср. в латинском, греческом, готском языках atta — „бабушка“); ст.-сл. цвѣтъць, градъць, ромъць (rogъ), сжтъць (сжкъ — „сук“), тельць.

Средн. р.: съrdьсе (ср. в литовском яз. без соответствующего суффикса: širdis); съlpьсе, jaice, ст.-сл. дрѣвцье, уадьцье, младцье („младенец, новорожденный“).

Женск. р.: dѣvъka, klěтъka, rqсьka, овьса (ср. в литовском, латинском и греческом языках без соответствующего суффикса: лит. avis, лат. ovis, гр. ὄφις), ст.-сл. дѣврьца.

В именах женского рода с уменьшительным значением суффиксом был также -іса в соответствии именам мужск. р. на -ѡсь.

-ѡk-. Имена с этим суффиксом обозначают действие и результат его, а также конкретный предмет с таким результатом. Много этих имен на -ѡk- образовано от причастий прош. страд.: пащѣтъкъ, ostatъкъ или ostanъкъ, pibyтъкъ, ст.-сл. съвѣтъкъ (съ-vit-) — „сверток“, „тетрадь“.

С суффиксом -ѡk- были образованы некоторые имена от порядковых числительных: peтъкъ (peтъ), desѣтъкъ (desѣтъ), ст.-сл. yтврьтъкъ (yтврьтъ).

-ѡсь, -ѡса. Имена мужского р. с корнем глагольного происхождения, обозначающие действующих лиц: bogъсь (bog'q), šьvьсь (šiti), tvogъсь (tvoriti), ст.-сл. жьрьць, радьса (raditi — „советовать“), ст.-сл. ѡубница, съвьца — „палач“, шдьца — „обжора“, вилѡпница и др.

Для имен женск. р. применятся суффикс *-ica* (см. ниже).

-ьсь. Имена мужского рода, производные от прилагательных, имеют значение носителей качества или свойства, на которое указывает прилагательное: *slěpьсь* (*slěpъ*), *starьсь* (*starъ*), *сьптьсь* (*сьптъ*), *пъгтвьсь* (*пъгтвъ*), ст.-сл. *стоудьньць* — „колодезь“ (*studenъ*), *pitomьсь*, *godimьсь* — русск. *родимец* — „родич“, „падучая болезнь младенцев“.

В именах женского рода такого значения суффиксом является *-ica* (см. ниже).

-icь. Имена мужского рода с уменьшительным значением. Ст.-сл. *кораблиць* → *корьблиць* — „небольшое судно“, *агниць* (при имени с другим суффиксом: *агницьца*), *Растиць* — имя моравского князя Рагислава); сербо-хорв. *kop'ic*, *větric*, *ogn'ic* — „огонек“; из сербских памятников: *кораблиць*, *уловъуиць*, *Тодоричь*, *Оурошичь*; словинск. *kop'ic*, *požic* (уменьшит. к имени *pož* — *мъжь*).

-ice. Имена среднего рода с уменьшительным значением. Болгарск. *вѣдрице* (уменьшит. к имени „вѣдро“), *мѣстице* — „местечко“ и др. Сербо-хорв. *pol'ice* — „польце“ (уменьшит. к имени „*pol'e*“), *zdravl'ice*.

-ikъ. Имена уменьшительного значения: *požikъ*, *možikъ*.

-ica, *-ika*. С этим суффиксом представлены имена женского р. с разным значением.

а) Имена уменьшительного значения: *děvica*, *gubica*, ст.-сл. *дъштица* (*дъска*), *крупница*, *голъбница*.

б) Имена, производные от прилагательных или причастий, указывающие на носителя какого-нибудь качества или свойства: *starica*, *junica*, *сьgnica*, *ищеница*, *рьшенца* (*рьшен-*, корень *рьsh-* *рьshati*).

Некогда, в глубокой давности, от прилагательного было образовано и имя *vyčica* — от прилагательного *vyk-*. Основной вид формы мужского рода был *vykъ*, женского р. — *vyčī*. Позднее формы женского р. на *ī* были распространены посредством суффикса *-ka*, а предшествующий суффиксальный элемент *ī* стал образовывать с *-ka* один суффикс: *-ika* → *-ica*.

Ст.-сл. *вжика*; *друзи мои* и *близки мои* (Син. тр.).

в) Имена женского р. в соответствии именам мужского р. с тою же общею частью, но с разными суффиксами: *žьpica* (*žьпсь*, м. р.), *любодница* (*любодън*), *вратарница* (*вратар'ь*), *владъуица* (*владъуи*).

г) Имена, производные от числительных порядковых и собирательных: ст.-сл. *въторница* — „вторичность“, *третьница* — „третич-

ность"; седмица (порядк. седм-ъ) — „7“, „неделя“, дъвонца (дъвон), тронц — „тройственность“, четвернца или четворнца, паторнца (паторъ) и др.

-*ьп-ико*, -*ьп-иса*. Суффиксы *-ико*, *-ика* → *-иса* часто входили в сочетание с суффиксом *-ьп* имен прилагательных, — с суффиксом, указывавшим на отношение к кому-нибудь или к чему-нибудь: *дыльп-* (*дылгъ*), *грѣьп-* (*грѣч-*), *вѣьп-* (*вѣра*). Имена с суффиксами *-ьпикъ*, *-ьписа* имели разное значение.

а) Они служили для названия лиц по их деятельности или состоянию в связи с предметом, к которому относилось прилагательное на *-ьп*: *дыльпникъ* — *дыльписа*, *грѣьпникъ* — *грѣьписа*, *гравьдьпикъ*, *кгвьпникъ* — „человекоубийца“, *мьстьникъ* — „мститель“, ст.-сл. *вратьникъ* — „привратник“, *пъмажьникъ* — „меняльщик денег“, *хыцьникъ*, *изъавьникъ*. Из Синайского требника отрывок с именами действующего лица на *-ьпникъ*, *-ьць*, *-ьца*: *тъмъ же и ты гадѣ ежди въ доерѣ брашьнѣ ѣдениъ мьсто* — *соухъдъць* [„будь сухоядцем вместо ядения хорошей пищи“], *въ вынопитнъ мьсто* — *водопница*, *въ смьха мьсто* — *слъзоточьпникъ*, *въ волнунъ мьсто* — *смьвьрътъ са*, *въ макъко дьганнъ мьсто* — *жестокодьганьпникъ*, *въ съвадьника мьсто* — *миротворецъ*, *въ сварънника мьсто* — *кротолювецъ*, *въ хыцьника мьсто* — *рзъдавьпникъ нъвъннъ своего...* (70^{об.}).

Некоторые имена такого образования приобрели значение вещественных, конкретных предметов: ст.-сл. *источьпникъ*, *сървьрьпникъ*, *прзъдьпникъ*, *дръвонникъ* — „лес“ (Син. тр.), *дньпница* — „утренняя звезда“, *колесьпница*.

б) Имена с суффиксом *-ьписа* стали указывать на помещение, на местонахождение чего-нибудь: ст.-сл. *жытьпница* (*жито*, *житьп-*), *горьпница*, *мызьпница* — „таможня“ (*мызда*), *ризьпница* — „кладовая, казначейство, сокровищница, помещение для одежды“ (*риза*), *къннжьпница* — „библиотека“.

Дальнейшее конкретное значение: *вьрьвьпница* — „вербное воскресенье“ (т. е. день верб), *цвѣты на врьвьпници* (Син. тр.).

-*ѣсь*: *заяѣсь*, *тѣсѣсь*.

-*к-ѣ* → -*ць*. Имена мужского рода с значением орудий действия: *би-ць*, *бри-ць* — „бритвенный нож“.

-*а-ко*, -*ѣако* (-*а-ко*). Имена с таким суффиксом служили для названия лиц мужского р. по их занятиям и качествам: *тѣжакъ* — „земледелец“ (*тѣжати*), *поѣжакъ* (*positi*), ст.-сл. *прѣсникъ* — „нищий“, *повакъ* — „новый человек“, *junакъ* (*junъ*), *sirакъ* (*sirъ*); русск. *моряк*, *гуляк* или *гуляка* и др.

-a-*kjo* → a-*čь*. Имена, называющие лицо по его деятельности, а также имена лиц и предметов по их выдающимся признакам: *ǰgr-a-čь*, *og-a-čь*, *kov-a-čь*, *vodačь*, ст.-сл. *копачь*, *водачь* — чешск. *bradáč*, русск. *бородач*; ст.-сл. *вьрачь* (корень *вьг-* „бормотать“), чешск. *břicháč* — „человек с большим животом (брюхач)“, *колачь* (*koło*).

-*čii*, -*čii*. Имена того же значения, как и с суффиксами -*аць*, -*сь*: *kravьčii* — „портной“ (собств. „кроильщик“), *lovьčii* — „ловец“, „охотник“, ст.-сл. *кънигъѣни* или *кънижъникъ*, *кръмъѣни* — „кормчий“, *банъѣни* — „банщик“. Об образовании этого суффикса см. выше, в пункте о суффиксе -*ii*.

-*oko-*: *svědokъ* — „свидетель“, ст.-сл. *инокъ* — „один, монах“, русск. *ходок*, *съдокъ*, польск. *vidok* — „свет, открытое место“.

-*у-ka*: *voldyka*: южн.-сл. *vladyka*, *motyka* (корень *mot-*; того же корня латин. *mattea* — „дубина“, *mateola* — „орудие для вбиванья в землю“; др.-верхн.-нем. *medela* — „плуг“; др.-инд. *matyá* — „борона“).

g.

§ 8. -*ga*, -*g-jo* → *žь*: *stru-ga* (*stru-*) — „течение“ (ср. *stru-ja*); *spa-ga* — „сила“; *słu-ga* (корень *słu-*: *słu-ti*, *słow-o*, *słu-чь*) — „слушающий“, „слуга“; ст.-сл. *лежага*: *ниты*, *смыкы*, *ложыгы* — *жѣтѣ*, *дрáжотас*.

možь; ср. готск. *manpa*, др.-инд. *mánuḥ* — „человек“.

-*a-ga*, -*ja-ga* (*'aga*): болгарск. *мажага* (увелич. к имени *маж*), *вълчага*; сербск. *sovùl'aga* (увелич. к имени *sova*).

-*e-go*, -*e-gjo* → -*e-žь*, *ē-ga*: южно-слав. *ковьсегъ* — „ящик“, „судно“; *grabežь*, *lurežь* — „грабеж“, *mečežь*, болгарск. *грабеж*, *сърбеж*; ст.-сл. *потьпѣга* (вместо *po-тьр-ēga*) — „жена, отпущенная, оставленная мужем“: *вьськъ прильпъман са потьпъзь пръшемы дъеть* (Сб. Клоца). Ср. словинск. *potepiga* — „женщина-потаскуха“; ср. словинский глагол *potepsti se*, *potepati se* — „шляться“. Глагольный корень *тер-* в чередовании с *тьр-*, *těr-* (*těr-*) — „бить“, „колотить“: лит. *terii* — „мажу, пачкаю“; корень *těr-* отражается в украинских словах *потіпака* — „бродяга“, *потіпаха* — „бродяга, потаскуха“.

-*i-ga*: *veriga* — „цепь“ (*вьг-о* — „запираю“), русск. *коврига*.

-*o-go*, -*o-ga*: *sarogъ*, *ostrogъ* — „ограда“: *оградн* и [виноградник], *острогомь* (Син. тр.), ст.-сл. *вьрьогъ*, др.-русск. *Сварогъ* (ср. др.-инд. *svarg* — „свет, небо, солнце“, *svargāḥ* — „небо“); *trьvoga*.

-*ę-ga*. Имена с эмоциональной окраской: польск. *vlożęga*; может быть русские имена на -*яга*: *воряга*, *волочага*, *парняга* (но возможно, что русск. -*яга* из -'ага).

-*u-ga*, -*ju-ga* (-'и-га). Имена с эмоциональной окраской: *jauga* — „глубокая яма“, словинск. *vlačūga*, сербск. *raп'uga* (увелич. к имени *raп* — „пень“), болгарск. *влячуга*, *влѣчуга*, украинск. *пестрюга*, русск. *парнюга*, *звѣрюга*, *мальчуга* или *мальчуган*.

-*у-га*: *катыга* — „одежда“ (Супр. рук.), *крькыга* — „свод у крыши“, и др. (Супр. рук.). Имена с эмоциональной окраской: русск. *промотыга*, *мухрыга*, *потопыга*, *топтыга*.

-п-

§ 9. -*но*, -*на*. Мужск. р.: *станъ* (*sta-пъ*), *съпъ* (*сър-пъ* → *съпъ*; *сър-ати*), *гъпъ* — „горшок“, *сьпъ*.

Средн. р.: *sukno* (*suk-no*, *sučiti*), *volkno*: южн.-сл. *vlakno*, вост.-сл. *волокну*; *гупо* (*гу-но*; *гу-* вместо *гоу-*; чередовался с *гъв-*: *гъвати*); *вѣно* — „приданое“, *зыно*.

Женск. р.: *борна*: вост.-сл. *борона*, *сѣ-на* (*кој-на*; тот же корень в глаголе *кај-а-ти* — „мстить“); *сторна*: южн.-сл. *strana*, вост.-сл. *сторона* (*stor-на*, *pro-stor-ъ*).

-*пъ*, -*спъ*, -*зпъ*. Имена женского рода с корнями глагольного происхождения: *данъ* (*da-пъ*); *дол-пъ*, южн.-сл. *dĭpъ*, польск. *dłoa*, русск. *долонь*, *ладонь*; ср. лит. *dėlna*, *dãlna* — „ладонь“, латышск. *delna*, с корнем *del-*, как в глаголе лит. *duļi*, латышск. *delu* — „стираю, изнашиваю“; *борпъ*: южн.-сл. *брапъ* — „война“; *сѣпъ*; *казпъ*; *баспъ* (*ba-*, *bajati*); *пѣспъ* (*pě-ti*); *жизпъ* (*ži-ti*); *къзпъ* — „кознь“ (*къ-* в чередовании с *ku-*, *kov-*: *kujō*, *kovati*); *приязпъ* (*prija-ti* — „помогать“).

-*п-ја* → -*п'а*. Имена того же происхождения, как и имена на -*пъ*: *топ'а* вм. *топ-пја* (*top-iti*), ст.-сл. *пръгъниа* — „косогор, горная седловина“ (*gyb-пја*; *gyb-a-ti*, *za-gyb-a-ti*).

-*а-но*, -*а-на*, -*а-нѣ* — *bratanъ* — „сын брата“, *жипанъ* или *гърапъ* (чешск., польск. *raп*) — „глава родовой группы“; *golvanъ* — „с большой головой“.

съметана, *пол'ана*.

гъртанъ.

-*е-но*, -*е-на*-, -*е-нѣ*.

ръшено, *вертено*; южн.-сл. *vrĕteno*, вост.-сл. *веретено*;

pel-ена;

grebeň, jesenĭ, ст.-сл. степенъ.

-ĕ-no → ě-no: kolĕno (корень kol-, чередовавшийся с kel- → čel-, čel-пъ; южн.-сл. člĕpъ — ср. и лит. kelỹs — „колено“); polĕno (pol-, polti: русск. *полоть* — „надвое разрубать“).

-ĕn-ino, jan-ino. Вторая часть этого сложного суффикса -ino указывала на единичность и в формы множественного числа не входила. Значение этих существительных — имена лиц по их принадлежности к коллективу какой-нибудь страны, какого-нибудь места жительства, к общественному классу: sel'apinĭ — sel'ane, gordjaninĭ — gordjane — ст.-сл. гражданинъ — граждане, русск. *горожанин* — *горожане*; — ст.-сл. самарининъ — „житель Самарии“; галилянинъ — „житель Галилеи“; волиринъ; slovĕninĭ, множ. slovĕne. Суффикс -ĕninĭ указывал, что корень этого имени относился к названию местности или реки Slovъ (или Slovo, Slova): slovĕninĭ — из *Слова* или из *Словы* (со *Слова*, со *Словы*). Корень slov- восходил к более раннему сочетанию k'loц — имел значение „течь, орошать, чистить“. Ему соответствует в литовском šliuo²-ju („мету, чищу“), топонимические Šlavė, Šlovė, в др.-индийском śrāv-apa (название дождливого осеннего месяца), в латинском cluere („чистить“), в греческом κλύ-ζ-ειν („плескать, полоскать, чистить“). Неизвестно, где находилась местность или река Slov (Slovo, Slava), по имени которой называлось население ее. Но в топонимии Повислинья и Поднепровья названия с slov- имеются¹. Например: несколько сел „Словени“ в Могилевском, Смоленском и других краях.

Русский язык в соответствующем суффиксе имеет гласный 'а: 'ания, 'ане: пол'ане, деревл'ане. Может быть в этом суффиксе, как и в суффиксах имен прилагательных 'ан (мѣд'анъ) и 'ам (пр'амъ), гласный 'а представлял собою замену гласного е (-ĕninĭ, -'ĕпъ, -'ĕпъ) в соответствии гласному ě южнославянских языков (-ĕninĭ, -ĕпъ, -ĕпъ).

-ĕn-iko → -ĕn-ьсь: младънць, пръвнънць.

-ino. Имена мужского рода. Суффикс -ino³ сообщает имени значение единичности: gospodinĭ, ст.-сл. поганинъ — „язычник“, см. в предшествующем пункте -ino в составе -ĕnino. *Ср. тот

¹ J. Rozadowski, Encore une étymologie — ou pseudologie — du mot slave („Сборник филологических и лингвистических студия А. Белићу“. Београд 1921. Стр. 129—131).

M. Budimir, Jevr. k'leu-, teći, plaviti, Pratt, čistiti (в том же сборнике, 97—112)

же суффикс в именах др.-русск. роуснѣ, нѣмунѣ, в личных именах болгарск. Бойчин (Бойко), Дойчин (Дойко).

-ina. а) Существительные, производные от прилагательных, представляющие собою названия места и состояния со свойством, на которое указывает прилагательное: povina — „новь“; soltina, ст.-сл. слатина — „болото“; положнѣ еси землѣ плодovitѣ въ слатинѣ (Син. пс.); южн.-сл. рѣпина — „горная цепь“ (роп — „бесплодный“), глѣбина (глѣбок); obytina, ст.-сл. обьштина, русск. обьчина (обьтъ — „общий“); oтѣcina (oтѣсь — „отчий“); tišina (tichъ); sѣdina (sѣdъ); istina (istъ — „действительный“); zыina (zыль — „злой“).

б) Имена, производные от существительных. Обозначают они продукт, получаемый от животных или от конкретного предмета: ст.-сл. звѣрина — „дичина“ (звѣрь), вълчина — „волчья шкура“ (вълкъ), пажина — „паутина“ (пажкъ), рогозина (рогозъ), вълкотина (bъlvota): по добонъ естъ пѣсоу на своѣ вълкотинѣ възвращѣшю еѣ (Син. тр.).

в) Имена на **-ina**, производные от существительных со значением собирательным: корѣца — „ежевика, кустарник“, дѣжина.

г) Имена на **-ina** со значением уменьшительным или увеличительным. Они также произведены от существительных: godina — „час“ (godъ), chyzina — „хижина“ (chuzъ), ст.-сл. хъвнина — „обиталище“, польск. psina — „собачонка“, сербск. psina — увеличит. к имени pas, польск. dz'ečina — „дитя“, словинск. glavina — „большая голова“.

-izna. Имена, близкие по значению к именам на **-ina**: bѣlizna, ст.-сл. бѣкорѣзна, главѣзна, — „глава книги, головная повязка“.

-теп в чередовании с **-тѣп**, **-тѣп** в именительном единств. ч. мужск. и средн. р.: -berте, ст.-сл. бръма, русск. беремѣ (ber-φ, bor-, бър-ati); pledте → pleте (pled-, рѣd-i-ti), sѣте; -те вместо тѣп; в других формах -тѣп: родит. ед. бермене, sѣмене...; каму; -у вместо -ѣп; родит. ед. камене; жестьму, жестьмукъ, жестьмень.

-ипо. Имена с корнем глагольного происхождения. Служат именами для лиц по их действиям: бѣгипъ, ст.-сл. вѣстоумъ — „заботящийся о ребенке“, παιδαγωγός; регипъ — „ударяющий“, (рег-φ, рѣг-а-ti), русск. опекун, пискун.

-ьпо, -ьпа, -ьп'ь, -ьп'а.

-ьпо: мужск. р. овьпъ — „баран“ (ср. овьса), остьпъ — „острее“, „жало“.

средн. р. боръьпо: ст.-сл. врѣшно — „пища“ (ср. лат. far, farina — „полба“, „мука“); рѣтьпо; роитьпо: южн.-сл. рѣатьпо, русск.

полотно (корень *polst-*, чередовавшийся с *ryt*; *ryt-ть* → *rylstь*; польск. *piłść* — „войлок“, „полет“).

-*ьпа*: *grivna*.

-*ьп'ь*: *sežen'ь*, др.-русск. *сажень* — „сажень“, *съвѣзъп'ь* — „пленник“, *studen'ь* — „декабрь“.

-*ьп'а*: ст.-сл. *вечерни* — „ужин“, *officium vespertinum*, *tempus vespertinum*; *паковальп'а*, русск. *пекарня*, *купальня*, *конюшня*; польск. *p'ekarn'a*, *kovaln'a* и др.

-*уп'и*. Некогда в доисторическую эпоху эти имена представляли основу на *-ū* → *-у* (ы), которая была затем распространена суффиксом *-п'и*. Это имена женского рода. Одни из них были образованы от имен существительных и служили названиями для живых существ при наличии имен мужского рода с общей частью основы: *огбъ* — *огбуп'и* (ст.-сл. *рабъ* — *рабъп'и*), *sqšedъ* — *sqšedyn'и* (ст.-сл. *свѣдъ* — *свѣдъп'и*). Если же не было формы мужского р., которая имела бы общую основную часть с формой женского рода, то форма женского р. на *-у* не распространялась посредством *-п'и*: *jetry* — „жена мужнина брата“, *perłody* (ст.-сл. *нплоды* — „бесплодная, нерождающая женщина“). Не было распространено посредством *п'и* и имя *svekry* при наличии *svekъгъ*: имя мужского р. было производным от женского и определялось в отношении рода элементами *-ьг-*: *svek-ъгъ*.

Суффикс *-уп'и* в именах живых существ женского р. имел актуальное значение во II—IX вв. н. э. и позднее, как указывают на это слова, появившиеся в это время: при *къпегъ* (→ *къпедъ*, II—V вв.) появилась *къпегуп'и*; при новообразованиях *поганинъ* — „язычник“, *самарининъ* появились формы *поганин'и*, *самаринин'и* (ст.-сл., IX в.); ср. и в др.-русск. *болырыни*, [г]осу-дарыни; в польск. *gospodyni*, а также более позднее *lotryni* — „разбойница“, *p'emkyni* — „немка“ — и имена женского рода, производные от имен мужского р. на *-са* (*radca* — „советник“, *dozorca* — „наблюдатель“, *władca* — „властитель“, *wychowawca* — „воспитатель“): *radčyni*, *dozorčyni*, *władčyni*, *wychowawčyni*; к польскому средневековью относится и передача немецкого слова „Hofmeister“ — *ochmistř* и к нему относящееся имя женского рода *ochmistřyni* — „домоуправительница, воспитательница, экономка“.

В старославянских памятниках находится и результат такого новообразования: вместо *рабъп'и* появилось образование *раба* под влиянием имени мужского рода *рабъ*: пристави къ нему единна рабъни

в Марининском ев., от Матфея; в соответствующем же месте от Луки — *раба една*.

Другие имена на *-yni* имели общую часть с прилагательными и служили именами общего значения, представляя субстантивизацию качества: *bolgъ* (ст.-сл. *влагъ*) — *bolgyn'i* (ст.-сл. *влагын'и*), *gъrdъ* — *gъrdyn'i*, *pustъ* — *pustyn'i*, *svętъ* — *svętyn'i*, *prostъ* — *prostyn'i*. Имена на *-yn'i* этой группы были близки по значению к именам того же происхождения (от прилагательных), снабженным суффиксами *-ostъ*, *-ota*: ст.-сл. *влагостъ*, *gъrd-ostъ*, *svęt-ostъ*, *pust-ota*, *prost-ota*.

Некоторые имена на *-у*, производные от прилагательных, не получили распространения посредством суффикса *-n'i*. Такие имена на *-у* не распространялись также суффиксами *-ostъ*, *-ota*: *cęly* — „исцеление“, *l'uby* — „любовь“.

-т-

§ 10. *-то (-тъ), -ьто, -ьта*.

Мужск. р.: *dy-тъ* (корень *dy-* вместо *dhū-*, в чередовании с *dhоц-: dujо*); *glu-тъ* — ст.-сл. *глѹмъ* — „сцена, театр“; *kos-тъ* — „волосы“ (ср. *kos-a*), *đu-тъ* (*đu-* — корень звукоподражательного значения), *u-тъ* (*u-* того же происхождения в *u-cho*, лат. *auris*; ср. др.-иранск. *u-ši* — „уши“, „ум“);

жъ-ьтъ — „яро“.

Средн. р.: *ramo* — „плечо“ (ср. нем. *Arm*); *pis-ьто* (*pis-a-ti*), *běl-ьто*; русск. повѣс(ь)мо.

Женск. р.: *vęd-ьта*, *kъgč-ьта*.

-imo. Имена мужского р. со значением родства: *otъč-имъ*, *ro-brat-имъ* — „неродной брат“, *rodimъ* — „родственник“.

-л-

§ 11. *-ло-*.

Мужск. р.: *ozlъ* — „узел“, *ty-лъ* (*ty-ti* — „жиреть, становиться тучным“).

Средн. р.: *dęlo* (*dę-ti* — „положить“), *greb-ло*, *teg-ло*: русск. *тягло*, болг. *тегло*; *žeg-ло*; *ob-velk-ло*: южн.-сл. *oblęklo*.

Женск. р.: *тъg-ла*, *ži-ла*, (*ži-ti*), *strę-ла*.

-ль, -сль: имена женского р.: *by-ль* — 1) „растение“, 2) „былое“, *prę-by-ль*; *sopль*; ст.-сл. *лѣторасль* — „годовой, летний побег, ветвь“.

Суффикс *-l-* входил и в образование имени *grabli* — именит.

множ. С -l- это слово представляют не только восточнославянские и южнославянские (сербо-хорв., словинский), но и северо-западные: польский, кашубский, полабский (польск. grable и grab'e). Ср. -l- в лит. grėblỹs, в латышск. greblis.

-eto, -eta, -ēlī (-ēl'ь, '-al'ь).

pelv-el'ь: ст.-сл. пльвель, вост.-сл. полвель — „сорная трава“;

ср. ст.-сл. пльва — „мякина“;

bъč-eļa — „пчела“;

guběl'ь, korpěl'ь, obitěl'ь (вм. ob-vit-ēlī-), обкутъль в сербском Мирославовом ев. XII в. (вм. слогъ), svirěl'ь, pečal'ь, mьčal'ь.

-ilo. Ср. болг. бодил — „чертополох“ (растение). Тот же суффикс в именах среднего рода применялся с значением уменьшительным. В таком значении он был актуальным в славянских языках в течение долгого времени. Ср. личные имена на -ило: Блудило, Дедело (Дед), Нежило (или Нежата), Путило (или Путята, Путьша), Радило (или Радко), Ярило (или Ярец, Ярыш) и др. у русских. У болгар в этих случаях применялись и имена на -ил: Божил.

-ol-.

sok-ol'ь, sop-ol'ь — „что течет“.

-vto, -vto.

Мужск. р.: og-ыль — „угол“; koz-ыль (koz-a), og-ыль.

Средн. р.: sed-ыло.

Жен. р.: met-ыла.

-yļa: mog-yļa, kob-yļa.

-dlo: в речи предков южных и восточных славян dlo → lo; после t, d, z звуковой вид этого суффикса у всех славян был -slo. Названия орудий действия: bi-dlo — bi-lo („палка“, „кол“), gьr-dlo — gьr-lo (gьr-, чередование с žьr-, žьr-a-ti), ry-dlo — ry-lo, ši-dlo — ši-lo, my-dlo — my-lo, ra-dlo — ra-lo („плуг“; корень og-, og-a-ti — „пахать“), kadi-dlo — kadi-lo, že-dlo — že-lo („жало“), zьrsa-dlo — zьrsa-lo („зеркало“), běli-dlo — běli-lo, čьgni-dlo — čьgni-lo, kri-dlo — kri-lo („крыло“; корень kri- — „лететь“; ср. лит. skriėti — „лететь дугою, лететь кругом“, латышск. skriet — „бежать“, „лететь“).

ст.-сл. поурьпало;

-slo: čislo (корень čit-, čit-ti — „считать“), maslo (maz-a-ti), veslo (ved-ti → vesti).

-l'ija, -l'ii (-l'ija).

og-līja — „пахотное поле“: польск. *rola*, ст.-чешск. *rolie*, белорусск. *раля*, укр. *рілля*;

ba-līi (корень *ba-* — „говорить“, *ba-jati*) — ст.-сл. *вланн* — „врач“.

-г-.

§ 12. -го-.

Мужск. р.: *da-гь* (*da-ti*), *pi-гь* (*pi-ti*), *ži-гь* (*ži-ti*), *kuгь* (*ku* — звукоподражательного происхождения, как и в названии той же птицы *ko-košь*, *koгуть*).

Средн. р.: *bed-ro*, *jad-ro*, *reb-ro*.

Женск. р.: *mě-ra*, *vud-ra*.

-гь: *dьb-гь* или *dьb-гь*.

-ero, -oro, -ēro → '-aro, -era, -bra.

Мужск. р.: *sěv-егь*, *stož-егь* или *stož-агь* — „шест специального назначения на гумне“; *gov-огь*, *stob-огь* — „столб“, „двор“; *top-огь*, если это не заимствование иранского *tapari*.

Женск. р.: ст.-сл. *кот-ора*, *кот-ора* — „борьба“, „спор“.

-ar'ь в именах лиц по их ремеслу. Отвлечен был этот суффикс от заимствованных слов с суффиксом, восходившим к латинскому *agius*, слов, прошедших через германское или балкано-германское посредство: *lěkar'ь*; *bukar'ь* — ст.-сл. *воукар'ь*, — „человек, занимающийся книгами, грамотей“; ст.-сл. *мытар'ь*, *грънь-тар'ь*, — „горшечник“, *врътоградар'ь*, — „садовник“, *рыкар'ь*, *вратар'ь* или *вратьникъ* — „привратник“.

-ura, '-ura в именах уменьшительного значения. Русск. *дъвчурка*, *дъвчурка*, *печурка*; словинск. *košûga* — „плоховьякая корзинка“, *hižûga* — „хижина“ и др.

-yра: *sekyra* или *sěkyra* — *sokura*.

-tera: *pek-tera*: ст.-сл. *пештера*, русск. *пещера*;

-tro: *větrь*, *u-tro*;

-ьго: *věd-ьго* — *вдверь* — родит. мн. (Син. тр.).

-т-.

§ 13. -то: *dolto* или *dolto* вместо *dolb-to*, *delbto*: южн.-сл. *dłato*, *dlěto*, вост.-сл. *долото* (корень *dolb-*, *delb-*, *dьlb-iti*); *bolto*: южн.-сл. *bláto*, вост.-сл. *болото*; ср. лит. *balà* — „обвал, торфяное болото“; *vor-ta*: ст.-сл. *врата*, русск. *ворота*, польск. *wrota* (корень *vor-*; *za-vor-гь* — „запор“); *po-to* (*pon*, *o-pon-a*, *ryp-o*), *žito*, *sito*, *tešto* вм. *těsk-to*, (*těsk-*, *tisk-ati*).

-*ть* или *-ть-къ* в отглагольных именах: *быть* (by-ti) — „жилище“; *most* в м. *mol-ть*, южн.-сл. *młatъ*, русск. *молот* (mol- в чередовании с *mel-*: *mel-ti*, *mel'p*); *mostъ* вместо *mot-ть* (mot- в чередовании с *met-*, *metó* — „бросаю“); *rok-ть* (rok- в чередовании с *pek-*, *pekq* — „пеку“); ст.-сл. *сѣюстатъ* (sq-po-sta-ть); *пацѣтъкъ* (pa-čq-ti), *ostatъкъ* (o-sta-ti).

-tŭ → *ть*. Такого происхождения суффикс в форме *супина*, некогда бывшей формою винительного цели имен с основой на *-ŭ* (с суффиксом *-tŭ*): *lovitъ*, *vidětъ*; ср. в латинском яз. суффикс *супина* — *tum* (laudatum).

-ta: *nevěsta* (nev-ěd-ta), *vьrsta* (вм. *vьrt-ta*).

-ть. Имена с этим суффиксом относились к действиям и явлениям. С течением времени некоторые из этих имен получили общее, абстрактное значение, а некоторые стали обозначать действующих лиц и отдельные предметы.

-da-ть или *dě-ть* (da-ti, děti) — ст.-сл. *благодать* или *благодать*, *po-da-ть*; *čьсть* в м. *čьt-ть* (čьtq — „считаю“); *mastъ* — „жир“ (maz-ati); *съ-мыг-ть*, *lětъ* („возможность“), *pastъ*, *napastъ* в м. *pad-ть*, *strastъ* в м. *strad-ть* (strad-a-ti), *volstъ* в м. *vold-ть* — ст.-сл. *власть*, вост.-сл. *волость*; *věstъ* в м. *věd-ть*, *zavistъ* в м. *za-vid-ть*, *pektъ* — ст.-сл. *пекать*, вост.-сл. *печь*, зап.-сл. *ресь*; *mogъ* — ст.-сл. *мощь*, вост.-сл. *мочь*, зап.-сл. *мос[ь]*; *čestъ* („часть“, корень *čes-*, чередование с *kqs-*, *kqsъ* — „кусок“, *kqsati*), *tatъ* (ta-i-ti), *gьrstъ* — „горсть“, ср. сербо-хорв. глагол *grtati* — „сгребать в кучу“; *pi-ть*; ср. в греческом *νῆμα* — „пряду“, *νῆμα* — „нить“.

-eto, *-oto*, *-ьto*, *-ьto*.

а) Имена женского р. с суффиксом *-ota*, производные от прилагательных, представляли субстантивизацию качества или свойства: *suchota*, *prostota*, *dьlgota*, *vysota*, *lichota*, *льgota* (льг-тък-), ст.-сл. *великота* („величина“), *юнота*, *нищета*, (прилаг. *лишьта*), *соуѣт* (соуи — „пустой“, „напрасный“).

Некоторые из этих имен получили конкретное значение. Например, в старославянском *юнота* = „молодежь“, „юнцы“, *юноша* и *дѣти* и *старьци* съ *юнотами* (Син. тр.). Близки по значению к именам с суффиксом *-ota* имена на *-otъ*: *golotъ* (gol-), *lichotъ* (lŭch-). В ст.-славянском *golotъ* имело значение „лед“.

К той же группе имен относилось существительное мужского р. *životъ* (živ-).

б) *-eto*, *-oto* — имена среднего рода, относившиеся к конкретным предметам: *rešeto*, *teneto* или *tonoto*.

в) Непроизводные имена с значением звуковых явлений, состоящих из повторяющихся актов: *treretъ*, *lepetъ*, *grochotъ*, *chochotъ*, *kľokotъ*, *kľьcъtъ* — иждени гласницъ снж отъ раба твоего, творещи казуеть здыи его (Син. тр.), *гъръtъ*, *šъръtъ*, *търъtъ*, *скъгъtъ*, *тцьtъ* — „фантастическое явление“ (*тцьtъ-a-ti*).

-*ětъ*: *pečatъ*;

-*uto*, -*'uto*: *kog-utъ* и *kok-otъ* — „пѣтух“; в личных именах уменьшительного значения: польск. *Blizuta*, *Boguta*; русск. *Малюта* и др.

-*ьtъ*: *погъtъ*, *olkъtъ*: южн.-слав. *lakъtъ*, вост.-сл. и зап.-сл. *lokъtъ*; *коръtъ*; чешск. *koretъ*, русск. *копотъ* (производный глагол *копнуть*).

-*yto*: *кор-yto*, *кор-yto*.

-*ęt*: имена молодых существ: *kozyłę* — именит. мн. *kozy-łęta*; *tełę* — *tełęta*, *otročę*, *dętę* (*dę-t-ęt-*).

-*ętсе*: сс младатычс (Син. тр.).

-*tai*, -*atai*: имена глагольного происхождения с значением действующего лица: *ortai* → *ratai*; ср. в литовском *artójis*; *chodatai*, *povodatai*, *vozatai* — „возчик“.

-*telъ*: имена, производные от глаголов. Их значение — название действующего лица: *prijateljъ* (*prijati* — „помогать“), *dělatelъ* — „рабочий“, *žetelъ* (*zęti* — „жать“), ст.-сл. *датель*, *прядатель*, *гоуинтель*, *мьунтель*, *оуунтель*. От имен с глагольной частью на -i отвлечен суффикс -*itelъ*: ст.-сл. *повозителъ*, *всьсодържителъ*.

-*ter*: в чередовании с -*tēr* (в именит. ед.): имена женского р.: *matер* — (именит. *mati* вместо *matēr*), *дъkter* — (именит. ед. *дъkti* вместо *дъktēr*; ст.-сл. *дъшти*, вост.-сл. *дъчи* → *дочь*).

-*tera*: *pek-tera*: ст.-сл. *пештера*, русск. *пещера*.

-*tro*: *vě-trъ*.

-*tę* (-*tęt-*): *dě-tę*, родит. *dě-tęte* (*dě-* перед согласным, *doj-* перед гласным; *doj-i-ti* → *doiti*).

-*tja*: *оп-u-tja*: болг. *онушта*, русск. *онуча*, зап.-сл. *опуса* (*оп* — префикс с значением *въ*; *и* — корень: *об-u-ti*; ср. лит. *aĩti*); *рогk-tja*: ст.-сл. *прашта* — „праща“, сербо-хорв. *ргаца*, польск. *проса* (ср. др.-польск. *прок*, др.-русск. *порок* — „стенобойное орудие“).

-*itjo*, (-*itъjъ*): имена молодых существ. Ст.-сл. *козълиштъ* — „козленок“ (*козъль*), *отроуништъ* (*отрок*), *пѣтнштъ* — „птичка“, *двѣтнштъ* (*двѣта*), *роуништъ* — „молодой раб“ (Супр. рук.), *роуништъ* (Супр. рук.) — „молодой

раб", собственно „сын рабыни“; грълнхнштъ — „молодая горлинка“ (грълица). Позднее такие образования стали применяться в качестве патронимических имен (от имени отца: русск. *Павлович*, сербск. *Pavlović*, польск. *Pawłowic* и т. п.).

-otja, в том же значении, как суффикс *-ota*: сербск. *gluhoća* = *gluhota*, *dobroća* = *dobrota*; словинск. *běloća* = *bělota*, *čistoća* = *čistota* и др.

tva: имена глагольного происхождения с значением действий. Некоторые из них стали обозначать конкретные предметы: *klę-tva* (*klę-ti*), *lovi-tva* (*lovi-ti*), *žę-tva* (*žę-ti*), *žыг-tva* (*žer-ti*: ст.-сл. жрътн, наст. вр. *žыг-ѡ*); *bri-tva*.

Встречается в церковнославянских текстах и новообразование для мужского рода: *рыбнѣтъ* — „рыбак“.

-ostъ, -ostja → *-ošća*. Это были имена, близкие по значению к именам с суффиксом *-ota*, производным от прилагательных (см. выше): *tich-ostъ* — *tich-ota* (*tichъ*), *tepъ-ostъ* — *tepъ-ota*, *topъ-ota* (*tepъ*, *topъ*), *ŕut-ostъ* (*ŕutъ*), *mōdr-ostъ* (*mōdrъ*), *miŕ-ostъ* (*miŕъ*), *rad-ostъ, rad-ostja* — ст.-сл. радоста, сербск. *radošća*, украинск. радости (мн. ч.); украинск. жалости (мн. ч.), любви, старости; ст.-сл. благость (благъ), нѣмость (нѣмъ), правость (правъ), мрътвость тѣлоу (Син. тр.).

-sto: *monisto*, мн. *monistъ* — „ожерелье“: вко невьста оукрси ма моннсты (Син. тр.). Ср. лат. *monile* — „ожерелье, ошейник“, др.-инд. *manuā* — „шея“.

-bstvo, -bstvije: имена, производные от прилагательных и от существительных и обозначающие свойство или сущность.

а) ст.-сл. богатство, мждръство, мнѣньство, въ обидѣньствѣ мѣсто — „вместо того чтобы обижаться“ (Син. тр.).

б) чловѣчьство, дѣвство — „девственность“, мѣжьство, отъчьство, владъчьство, прѣзорьство, братръство, балъство неждомъ (Син. тр.), кесъ мръцьство — греч. ἀδελφικία (Син. тр.), подобьствню; чльство: трпльцьство — „терпеливость“ (Сб. Клоца).

-d-

§ 14. *-do, -da*: *sta-do, čę-do* — „чадо“ („зачатое, зародыш“; *čę-ti*); *быг-do* — „возвышенность“; *гре-da, борz-da* — южн.-сл. *brazda*, вост.-сл. *борозда*.

-ada: *grom-ada* или *gram-ada*; ср. др.-инд. *grāmaḥ* — „куча“, „толпа“.

-dŕo. См. в пункте о суффиксах с согласным *d*.

-edo (-ędo), -eda (ęda): skaredъ (skaređъ), skareda.

-ędo: govedo — „скот“.

-ędo в чередовании с -ędo: lebedъ — labędъ — „лебедь“, ст.-польск. kravadź — совр. польск. kraveđź — „край“.

-oda: jag-oda (ср. лит. úga — „ягода“); lob-oda или leb-eda; svob-oda; ср. др.-инд. sabhā, гот. sibja — „род“, др. верхн.-нем. sirra; корень тот же, что и в местоимении svoj из svo + суффикс притяжательного значения -jъ; ср. и ст.-сл. *свобьство* — „лицо“, „личность“. Слово svoboda первоначально имело такое значение: это то, что находится в среде „своих“; там „свобода“, где „свои“.

-ьda: prav-ьda (pravъ), kriv-ьda (krivъ), voržьda: ст.-сл. вражда (vorgъ — врагъ).

-jadъ: čel-jadъ → čel'adъ; pľoščadъ (pľosk-jadъ), русск. *рухлядь*, *чернядь*, *пестрядь* — „пеньковая ткань“.

-b-

§ 15. -oba-, -eba: имена, обозначающие нечто отрицательное, жалкое, грубое, неуклюжее: зъ-oba, žal-oba, chud-oba, рtr-oba или jętr-eba — „внутренности“.

-ьba: имена действий. Некоторые из них получили значение конкретных предметов или явлений. Некоторые же стали именами с общим, отвлеченным значением: bog-ьba, chval-ьba, svat-ьba, druž-ьba, sqd-ьba, služ-ьba; ст.-сл. алъуба, мольба.

В Синайском требнике в значении „исцеление“ применяется слово с корнем чъл- и с суффиксами -ьба, -ы (-ъь-), -иню: чъльем для рабуу твоюу (30 об), чъленью, ичъленью, пресаща чълье, чъльба наша (41).

-ьb-ito: дължьентъ — „наймит“ („Русск. Правда“), белорусск. сейбит („сеятель“).

-p-

§ 16. -po(-pъ), -pa: chol-pъ — южн.-сл. chlarъ, польск. chłor, вост.-сл. *холоп*; kti-pa (ср. греч. *κροβω* — „ударяю“, „раздробляю“); sto-pa (sto-j-ati); ги-ра — „яма“, „дыра“ (корень ги- в чередовании с гов- перед гласным: гов-ъ).

-ерь, -оръ, -ьръ: ст.-сл. врьтель — врьтп — врьтъшь — „пещера“; болг. врьзоп — „связка“ (врьзвам — „вяжу“).

§ 17. -vo (-vъ). Мужск. р.: gně-vъ (вм. gnoi-vo); погнъ: ст.-сл. нрѣвъ, вост.-сл. норов (ср. лит. pógas — „воля“, „желание“); sta-vъ или sta-nъ.

Средн. р.: červo, ст.-сл. чръво (čer — вм. ker — „резать“), pi-vo (pi-ti).

-avo, -ava. Мужск. р., грк-авъ, женск. р.: дѣв-г-ava, шир-ava — „трава“ (ср. лит. pauгаĩ — „болотное растение“, латыш. pauга — „трава“).

-ēva: роп'ēva → роп'ava — „покрывало“: приемы покрыва („принявший покрывало, плащаницу“ — Син. тр.). Ср. лат. rannus — „кусочек материи“, гот. fana — „кусочек полотна“. Корень ran- — „кусочек полотна“.

-ivo, -iva. Средн. р.: šěč-ivo, ognivo, женск. р.: tět-iva (ср. лит. tēpti — „натягивать“).

-ova: дѣв-ova.

-tvo: klę-tva (см. выше в пункте с суфф. -t-).

-ъstvo: мѣж-ъство, богат-ъство (см. выше в пункте с суфф. -t-)

Z, S.

§ 18. -znъ, -izna: žiznъ, božaznъ (имена глагольного происхождения: ži-ti, boja-ti se, prija-ti — „помогать, иметь расположение к кому-нибудь“; того же происхождения имя действующего лица с суффиксом -telъ: prija-telъ); bēlizna, ukorizna. См. § 9.

-ъz-: ѡбъзъ — корень ѡб — „лизанье, поцелуй“; сравните глагол именного происхождения ѡбъzati („лизать“), как на это указывает суффикс в инфинитиве -a-, а в настоящем времени -je (наст. вр. ѡбъzъ). Ср. лат. labium — „губа“; др.-верхн.-нем. laffan — „лизать“.

§ 18^a. -so- (-sъ): бѣ-съ (вместо бѣд-съ; ср. лат. foedus — „отвратительный, гнусный“, лит. baidyti — „пугать“); гол-съ (корень тот же, что в имени гол-гол-ъ, ст.-сл. глаголь), крѣсъ вм. kandso-.

-es в чередовании с -os в именах среднего рода: nebo — nebesa, slovo — slovesa.

-isko, -iskjo. Имена, имевшие значение места действия или нахождения чего-нибудь. Суффикс -isko был продуктивен в группах, легших в основу западнославянских языков. В восточных и в южных славянских группах применялся суффикс -išče:

ognisko или ognišče (-šče вместо -iskjo), gnoisko или gnoišče („места сунавозом“), съпмиšče (где „место собрания“, съпмъ — „собрание“), исходница водьна — „водные источники“ (Син. пс.); гробниште или гробниште — „место гроба“, т. е. место ямы; съкровниште — „сокровище“ — греч. θησαυρός, т. е. место, где нечто скрывают.

Некоторые имена с этим суффиксом получили значение увеличительных имен. Русск. *домѣще*, *возѣще* („большой воз“), *ртище* („большой рот“, фамилия Ртищев) и др.

Появилось и иное значение этих имен — значение уничижения, пренебрежения, презрения. Русск. *Иванчище*; „Кирилище черньчище с своею братицею... много челом бьем“, — писал игумен Белозерского монастыря в своих посланиях князьям (в начале XV в.).

-cho вместо -so после *i*, *u*: smě-chъ (smě-j'q), uspě-chъ (spě-ti), grě-chъ, stū-chъ (stū-ti, stov-o).

-cha. а) Женского р.: strě-cha (вместо stroj-sa; stroj в значении „простираť“); r'u-cha — „яма“, „волчья яма“ (r'u-ti — „рыть“).

-ichъ: ženichъ.

-uchъ: kožuchъ (от имени koza), ср. в др.-инд. название кожи; тоже производное от имени „коза“: adžā — „коза“, adžīnam — „кожа“.

-echъ или ěchъ, с -ch- неясного происхождения: lem-echъ или lem-ěchъ, lem-ěшь (lem- в чередовании с lom-i-ti).

-oшь, с š из ch тоже неясного происхождения: pust-oшь, kokoшь или kokotъ — „петух“.

-s- (-s-, -as-, -is-) применялся также при выражении эмоциональной окраски слова: этот суффиксальный элемент придавал ему уменьшительное значение. Русск. *Быкас* (уменьшительное название лица „Бык“), *Дурас* (*Дурак*), *Лобас* (*Лобан*), *Рыкас* (*Рыкун*), *Бабис* (уменьшительное название лица по прозвищу „Баба“), *Иванис* и др.

Еще чаще для имен уменьшительного или увеличительного значения применялся -ch-, служивший и в других случаях (в глаголах) суффиксальным элементом в выражении эмоциональности. Такого значения были суффиксы -chъ, -cha, -ahъ, -acha, -echa, -ěcha, -jecha, -ocha, -ochъ, -ucha, -chъno. Вместо -ch- мог быть -š-: русск. *полох*, южн.-сл. pľachъ; чешск. brach (bratr), kmoch (kmoť „кум“), Pech (Petr); польск. Stach (Stanisław), Bolech (Bolesław); болг., сербск. сиромах, русск. *рубаха*; mat-jecha, ст.-сл. маштеха, русск. *мачеха*; русск. *тулѣха* („толстая

неповоротливая женщина"), *бабѣха, Олѣха*; *pustocha*; русск. *пройдоха*, русск. *шелох, шорох*; *star-ucha*; сербо-хорв. *očuh* — „вотчим“, *jáguh* — „овечка“; русск. *мал-ыш, послед-ыш*; русск. *Ивахно, Прохно, Братухно, Жирохно*.

-š, -ša, -иša: русск. *Ярош (Ярун)*, польск. *Boguś (Bogustav)*, русск. *Ратьша (Ратько), Путьша, Кириша, Са-ша (Алекса-ха, Александр)*, болг. *благуша, белуша* и др.

Суффиксы прилагательных.

§ 19. -о-, -а-: пов-ъ (дат. мн. мужск. р. пов-о-тъ), пов-о, пов-а.

-ī- → -ь- — прилагательные, утратившие падежные формы: ст.-сл. *свободь, испльнь* — „полный“, *разлнхъ, прьпрость, судобь* — „легкий“, *правь* — „прямой“.

-ī-. Некогда в доисторическую эпоху были прилагательные женского р. на -ī-: *star-ī, љgn-ī, љlt-ī*. Но в доисторическую же эпоху эти прилагательные стали употребляться в значении существительных и получили суффикс -ка → -са: *starī-са, љgnī-са, љltī-са*. Ср. такой же процесс, пережитый в др.-индийском языке: *kṛṣṇī* — „черная“ и в значении „ночь“; *tarapī* — „сияющая“ и в значении „жар“.

-ī- → -ъ-: *sold-ъ-*, с присоединением суффикса -ко-: *sold-ъ-къ*, ст.-сл. *сладъкъ* (ср. в литовском языке *sald-ū-s*); *glad-ъ* тоже был распространен посредством суффикса -ко-: *glad-ък-ъ* (ср. лит. *glod-ūs*); *lyg-ъ-*, тоже с суффиксом: *lyg-ъ-къ*.

-ī- → -у (-ы). Некогда в доисторическую эпоху были прилагательные женского рода на -ī- → у: *gъrd-у, prost-у, l'ub-у, cѣl-у*. Ср. греческие имена *ἰθῦς* — „прямое направление“ при прилагательном *ἰθῦς* — „прямой“; др.-инд. *tanūh* при прилагательном *tanūh*. Эти прилагательные, как и прилагательные на -ī-, получили значение существительных. Некоторые из них стали употребляться с суффиксом -п'і: *gъrdy-п'і, prosty-п'і*. С этим суффиксом стали образовывать имена с такой общей частью прилагательного, какая была также в сочетании с суффиксами -ость, -ота: *gъrd-ость, prost-ота*.

-j-.

§ 20. -jo-, -ja. Суффиксы прилагательных с притяжательным значением: *suī* — „напрасный“; ср. армянск. *suī* — „ложный“, др.-инд. *ṣūnyaḥ* — „пустой“;

овьсь, отьсь или отьпъ, ст.-сл. уловьтъ, гобаждъ, дѣл'ь — „мужественный, храбрый“.

По образцу давних прилагательных притяжательных с суффиксом -ъь возникали по славянским языкам подобные прилагательные и позднее — прилагательные от новых слов. Ст.-сл. авраам'ь, никкол'ь (никкол'ь); ведены кон пилати — „веденный пилатовыми воинами“ (Син. тр. 49^{об}), пилатинъ — „пилатову“ (Син. тр. 49), освобожден отъ рабства фарауша — „освободивший от фараонова рабства“ (Син. тр. 5^{об}); фараушь — прилагат. от имени фарауезъ — фарау („фараон“); в Син. пс. фараосъ, фараоса.

Суффиксы -jo, -je входили в состав основы сравнительной степени и причастий (см. ниже, в отделе о формах). Суффикс -jo (-ъь, -je, -ja) входил в сочетание с суффиксом отношения -ьп: -ьп', -ьп'е, -ьп'а: отьп'ь — „отцов“, братьп'ь.

Суффикс -jo (-ja) был в сочетании с предшествующим -l (→ в): ѡъь → li, ije, ija: кур-li (kur-ije, kur-ija), lisii, рьsii (песня моухы — Син. пс.), овьč-ii, vel-ii, ст.-сл. вражни.

-jes, -jbs, -ējes, -ējbs → ēis — суффиксы сравнительной степени. Об их применении см. в пункте о сравнительной степени: бол'е (средн. р.), бол'ы (мужск. р.), бол'ши (женск. р.); добрѣje (средн. р.), добрѣi (мужск. р.), добрѣiши (женск. р.).

-k-

§ 21. -oko, -ъko (-'ъko). Эти суффиксы с -ko отвлечены от прилагательных с основой на -o (-o-ko) и на -й (-ъ-ko): глѡб-окъ, ѡир-окъ, вус-окъ, жест-окъ, глѡд-ъкъ, sold-ъкъ (сладкъ), ѡг-ъкъ, ср. ѡг-ота, оз-ъкъ, теж-ъкъ, ср. тежъ, теж-естъ, теж-остъ, гог-ъкъ; крѣр-ъ и крѣр-ъкъ; ст.-сл. дръзъ и дръзъкъ.

-eko: daleкъ.

-ъsko. Прилагательные с этим суффиксом имеют такое значение: принадлежащий или свойственный группе, виду: жепь-ъскъ, дѣт-ъскъ, словѣп-ъскъ, л'уд-ъскъ, ст.-сл. поганьскъ — „языческий, свойственный язычникам“, уловьтъскъ, проротъскъ — в греческом тексте соответствует родит. мн. *προφήτων*. Но прилагательное с суффиксом -ъь указывает на индивидуальную принадлежность; в греческом тексте такому прилагательному соответствует родит. ед.: проротъ — *προφήτου*; въ нма пророте — *εις ὄνομα προφήτου* (Матф., 10, 4); ср.: *ζητάετε φρονεμα проротъскыма — οἰχοδομητε τοὺς τειφους τῷ проротъ* (Матф., 23, 29).

В связи с таким значением прилагательных с суффиксом *-sko* находилось значение, указывавшее на отношение к местонахождению: *mog-ъskъ*, *zem-ъskъ*, ст.-сл. *nebesъskъ*, *дрѣва польсканъ*, *галиленскъ* — τῆς Γαλιλαίας, въ земан ег'уипетскъ (Син. пс.) — ἐν γῆ Αἰγύπτου.

-П-

§ 22. *-но-*, *-на-*: а) *sol-пъ*: ст.-сл. *сланъ* — „солёный“, *tēs-пъ* в.м. *těsk-пъ* (корень в чередовании с *tisk-*: *tisk-a-ti*), *čьg-пъ*, *ры-пъ* (ср. лит. *pilti* — „лить“, „сыпать“, „наполнять“);

б) в причастии прош. страд.: *da-пъ*, *děla-пъ*.

-eno: а) *čьgv-enъ* — „красный“, *stud-enъ* (*stud-ъ*), *zel-enъ* (*zel-ъje*);

б) в причастии прош. страд.: *vez-enъ*, *chval'enъ*, *proš-enъ*.

-ēno: *-ēno*, *'ano* (*-ънь*, *'ань*). Прилагательные, производные от существительных. Их значение: состоящий из того материала, какой называется существительным: *rud-шепъ* → *rumenъ* (*rud-* „красота“, *ruda*); *дрѣвнъ* (*дрѣво*), *льн-ънь* (*льнь*), *мѣднъ*, *кожанъ*, *межданъ* в.м. *mozg-ēno* (*mozgъ*).

В русском языке соответствующие образования представляли суффикс *'ань*: *рум'ань*, *мѣд'ань*, *льн'ань*. Может быть *'ан-* представляло собою замену *-en-*, с *e*, как и в суффиксах *-enipъ* и *-eshъ* в соответствии южнославянским *-ēnipъ*, *-ěshъ*: *пол'ане*, *пр'амь*.

-ino. Прилагательные притяжательные, производные от существительных: *sestr-inъ*, *vojevod-inъ*, *zvěr-inъ*, *mater-inъ*, ст.-сл. *дѣла пътенъца голженна*.

-ino → *yno* (*-ъпъ*). Прилагательные, указывающие на отношение к тому, что названо в основной базе слова: *dyž-ъпъ* (*dyž-ъ*), *věr-ъпъ* (*věr-a*), *grěš-ъпъ* (*grěch-ъ*), *medv-ъпъ* (*medъ*), *um-ъпъ* (*um-ъ*), *běd-ъпъ*, *zim-ъпъ*, *zem-ъпъ* (*zem-ъ*, *zem-ja*), ст.-сл. *приятнъ* — „которого можно принять“, „приятный“ (*при-шти*), *достинъ* (*достшти*).

С суффиксом *-ъп-* позднее книжные люди на юге образуют прилагательные от причастий страдат. Так в Синайском требнике: *уавъмънадо* (40^{об.}), *ты ео бѣ сы неиспсаненъ*. *вознаудаленъ же і* *монъгладголаненъ* (34).

В некоторых прилагательных суффикс *-ъп-* был в сочетании с *-jo* (*-ъп'ъ*, *-ъп'е*, *-ъп'а*): *bratr-ъп'ъ* или *brat-ъп'ъ*, *ot-ъп'ъ* — „отцов“, *dal-ъп'ъ* — „дальний“, *bliz-ъп'ъ*, *gor-ъп'ъ* — „верхний“, *ispod-ъп'ъ* — „нижний“ (*is-pod-*), *niž-ъп'ъ*, *vyš-ъп'ъ*, ст.-сл. *владъмън'ъ*, *дрѣвн'ъ*, *врѣдн'ъ*, *дъньскн'ъ* (*дъньскъ*).

Суффикс *-ьп'ь* (*-ьп'е*, *-ьп'а*) входил в сочетание с суффиксом *-тје*: *-тјьп'ь* — *доша-тјьп'ь*: ст.-сл. *домашт'ь* (нар. *дома*), *кромашт'ь* (*кромь*), *ныняшт'ь* (*нынь*).

-š[ь]п'. В старославянском и в других славянских языках представлены прилагательные наречного происхождения с суффиксом *-š[ь]п'*. Происхождение согласного *-š-* здесь неясно. Если он появился в этих случаях после утраты редуцированных гласных в слабом положении, то он фонетически заменил собою согласный *s* перед палатальным *n'* в таком прилагательном, как *дъпъсьп'ii*, *дъпъсьп'е* или *допъсьп'еје*: *дъньсьп'ни*, *дъньсьп'е*, *дъньсьп'сю* (ср. в Синайском тр. вь *дъньсьмен* *день*) → *днеш'ни* (*dneš'ii*), *днешне*, *днешн'сю*. По образцу этого прилагательного с суффиксом *шп'* появились и прилагательные *въувраш[ь]п'ни*, *ныняш[ь]п'ни*, *кромаш[ь]п'ни*;

-сп: *desпъ* — „правый“.

-пѣ. Суффикс причастия наст. вр. Кроме именительного ед. мужск. и средн. р. основа на *-пѣ* была распространена посредством *-јо*. См. в отделе форм.

-ш-

§ 23. *-то* (-мъ). а) Суффикс причастия наст. вр. страд.: *vezo-тъ*, *vezo-то*, *vezo-ша*; *chvali-тъ*.

б) Суффикс порядковых числительных: *sed-ь-тъ* — *sed-тъ*, *os-тъ*

в) *golѣтъ* — „большой“, *ргѣтъ* — ст.-сл. *пръмъ*.

В русском языке этот суффикс имеет гласный *'а*: *пр'амъ*. Может быть, *'а* в этом случае, как и в суффиксах *'анин*, *'ан* (*мѣд'анъ*) указывает на эти суффиксы с носовым *ѣ* в соответствии южнославянским с *ě*: *-ѣш-*, *-ѣпш-*, *-ѣп-*.

-т-

§ 24. *-то*. а) *čes-тъ* (*čes-* — в чередовании с *kom-*, *kom-ъ*; ср. лит. *kiš-ti* — „затыкать“, „забивать“); *žyl-тъ*.

б) порядковые числительные: *četvѣ-тъ*, *pe-тъ*, *šes-тъ*, *devѣ-тъ*, *desѣ-тъ*.

в) причастие прош. вр. страд.: *kle-тъ*, *rov-itъ*.

-ато. Прилагательные, производные от существительных. Их значение: снабженный тем, что обозначается существительным: *bog-atъ*, *kriš-atъ*, *rog-atъ*, *žen-atъ*, ст.-сл. *пернать* („пернатый“, *перо*).

-ito, -ov-ito. Прилагательные, близкие по значению к прилагательным с суффиксом *-ato*. Ст.-сл. *домовѣтъ* — „имеющий дом“, „домоуправитель“, *плодовѣтъ*, *именитъ* (има), *маснитъ* (масть — „жир“), *срьдантъ*, *трѣдоватъ* — *трѣдовѣтъ* — „болезненный“.

-asto, -isto. Прилагательные с значением: снабженный чем-нибудь в большей мере сравнительно с другими: *гѣб-астъ*, *гѣѣ-истъ*, ст.-сл. *плещинстѣ* — „плечистый“.

-tijo: tretii, tretije, tretija.

-tjo: niz-tjo — ст.-сл. *ништѣ* — „нищий“; *doma-tjo* — ст.-сл. *домашнѣ*, *кромѣштнѣ*, *кмыштнѣ* (Син. тр.), *вънѣштнѣ* (вънѣ); *oby-tjo* — ст.-сл. *обыштѣ* — „общий“, зап.-сл. *объс-* (чешск. *obes-nŭ* — „общий“).

-tvo: tьvг-tvъ, ѣvгs-tvъ — „крепкий“.

-nt. См. в пункте о суффиксе *-n-*.

§ 25. *-d-, -do-: tvьrdъ* (корень *tvьr-* в чередовании с *tvor-*, *tvōr-* → *tvar-*: *tvor-i-ti*, *tvar'ь*).

-г-.

§ 26. *-ro: vьd-гъ* (*vьd-ě-ti*), *dob-гъ* (*dob-a* — „подходящее время“), *chyt-гъ* (*chyt-i-ti*), *моk-гъ* (*моѣ-i-ti*), *pьs-t-гъ* (*pьs-a-ti*), *гъd-гъ* (*гъd-ě-ti*).

-л-.

§ 27. *-lo: a) gni-лъ* (*gni-ti*) *krōg-лъ* (*krōg-ъ*), *kys-лъ* или *kys-ěлъ* (*kys-nō-ti*), *top-лъ* — *top-лъ* (*top-i-ti*).

б) Суффикс причастия прош.: *vez-лъ*, *mog-лъ*, *chvali-лъ*.

-eto, -ьto: ves-e-лъ, svѣt-ь-лъ, тьd-ь-лъ — „медленный“, *qt-ь-лъ* — „утлый“.

-livo, -ьlivo. Прилагательные с значением: склонный к чему-нибудь: *тьrѣ-livъ*, *лъžь-livъ*, *тыѣa-livъ*, ст.-сл. *неразоумьлань*, *завндьлань*.

-v-.

§ 28. *-vo: ži-vъ* (*ži-ti*), *kri-vъ* (ср. латышск. *krēiss* — „левый“); *pra-vъ* (ср. лит. *prō* — „мимо“, лат. *prō* — „перед“).

-avo, -ivo, -livo, -ьlivo. Производные прилагательные со значением: снабженный чем-нибудь, склонный к чему-нибудь: *krъv-avъ*, *ѣk-avъ*, *velič-avъ*; *лъžь-ivъ*, *lѣn-ivъ*, *miѣost-ivъ*, *тьrѣ-livъ*, *тыѣa-livъ*, ст.-сл. *завндьлань*, *послоушьлань*.

-ovo. Прилагательные притяжательные: *dѣd-ovъ*, *spѣd-ovъ*; ст.-сл. *домъ петровъ*, *змиивъ*. Но в прилагательных, образованных от заимствованных слов на *en*, применяется суффикс *-ev-*, а не *-ov-*: *архивировевъ*, *закъсоевъ*.

Близки по значению прилагательные, указывающие на материал, из которого что-нибудь сделано: ст.-сл. *трын-окъ* (трынокъ *кльць*).

-s-.

§ 29. *-so, -cho* после *i, u, r, k*: *rusъ* вместо *rud-so-, vetъschъ* (ср. лат. *vetus*).

-ъs (-ъs-jo) — суффикс причастия прош. вр.: *vez-ъs* → *vez-ъ*, родит. ед. мужск. и средн. р. *vez-ъs-ja* → *vezъša*. См. в отделе о формах.

-aso, -eso. — Польск. *b'ałasy* — „беловатый“, „белесый“, *żółtasy* — „желтоватый“; русск. *бѣлесый*; ст.-сл. *пелесъ* — „серый“.

-asto, -isto. См. выше, в пункте о суффиксе *-t*.

-sno: *desnъ* („правый“), *гѣsnъ* („истинный“).

Сложные имена.

§ 30. В памятниках старославянского языка находятся нередко сложные имена. Многие из них не взяты были из живой речи, а составлены переводчиками в соответствии греческому оригиналу: благо-вол'ению — *εὐ-δοχία*; благо-словнию — *εὐ-λογία*; благо-ушестию — *εὐ-σέβεια*; вель-льпнию — *μεγαλο-πρέπεια*; жестоко-срднию — *σκληρο-καρδία*; живо-инсыць — *ζω-γράφος*; земля-мърню — *γῆω-μετρία*; зъло-словити — *κακολογῆιν*; ино-племеньникъ — *ἄλλο-φυλος*; мало-доушню — *μικρο-ψυχία*; слово-словити — *δοξο-λογῆιν*; сьверро-любнию — *φιλ-αργυρία*, братро-творению (Син. тр.) — *ἀδελφο-ποιία* и др.

В Моравии появились некоторые сложные имена, представлявшие частичный перевод соответствующего немецкого слова. Ст.-сл. *малъ-жена* — „жена“: *малъ-* представляет собою перевод немецкого *mahl* (*mäl*) — „уговор“, „супружеский договор“ (нем. *mäl-wib*). Ср. в русском переводе хроники Георгия Амартола: *квинста ж[о] са в рѣчь князь ѹлковсразнъ двѣ животиѣ, моужь и жена [!], шже и сирити нарицаются, рече въслы... людие же клятвы приложивша тѣмъ малъженомъ... (В. М. Истрин. Книгы временныхъ и образныхъ георгия мниха. I. Пгр. 1920. Стр. 428—429).*

Ср. чешское слово *vāpose* (*vā-pose*) — нем. *Weihnachten*.

В образовании новых сложных слов применялись те же средства, какими пользовались славяне и в давнее время. Эти средства были такие.

§ 31. 1) Повторение коренной части имени.

а) *ba-ba* — „старая женщина“, „бабушка“ (из языка детей).

bo-bo-ny — „суеверие, связанное с говорением“. Корень *bo* представлял собою ступень ослабления *bā-*: *bā-j-ati* — „говорить“, *ba-līi* — „врач“.

bol-bol-a: русск. *болобола, болоболка, балаболка* — „пустомеля“, „болтун“; глагол *bol-bol-i-ti*: южн.-сл., чешск., словацк. *blaboliti* — „болтать“, „лепетать“, лужицк. *blobotać* — „лепетать“, „заикаться“. Корень *bol-* — „лепет“, „болтовня“ — звукоподражательного происхождения, как и в латинском *balbus* — „заика“, „картавый“.

gol-gol-ъ: ст.-сл. глаголъ, русск. (сев.) *голоболить* — „болтать вздор“. Корень *gol-* звукоподражательного происхождения. Тот же корень в имени с суффиксом *-so*: *gol-сь*.

kol-kol-ъ: ст.-сл. *кълкълъ*, русск. *колокол* или *колоколо*. И тот корень звукоподражательного происхождения. Ср. в др.-инд. значение соответствующего корня *ka-* в слове *kalakalaḥ* — „неопределенный, неясный крик; шум“; в греч. *κἀλῶ* — „кричу, зываю“.

ma-ma — „мать“. Удвоение представляют и другие языки: персидск. *māshā*, греч. *μάμα, μάμη*, лат. *мама, мамма* и др. Повторение слога *mā-*, находившегося в имени *mā-tēr*, — повторение, идущее от языка детей.

por-por-ъ: южн.-сл. *ргарог* — „знамя“. Корень *por-* („развевающееся и издающее особый звук“) звукоподражательного происхождения.

б) Корень во второй части сложения представлен был в редуцированном виде.

da-d-ja: ст.-сл. *дажда*, русск. *про-дажа*. Корень *dō* (→ *da*): *da-ti*, *da-гъ*, *da-пъ*.

de-d-ja (корень *dē-*, чередовавшийся с *dē-*: *dē-ti* — „класть“): ст.-сл. *ѡдажда* (вм. *o-ded-ja*; ср. в семантическом отношении севернорусский глагол „*оболокаться*“ вм. *ob-velk-a-ti se* или *ob-voik-a-ti se*); ст.-сл. *идѡжда*.

tę-t-iva; *tę-ti-* „бить“.

2) Первая часть представляла корень, не распространённый суффиксом:

gu-тѣп-о; *gu* — тот же корень, что и *gov-* перед гласным (*gev-ędo*) — „рогатый скот“.

§ 32. 3) Первая часть представляет собою именную основу (существительное, прилагательное, местоимение, числительное) с тем или иным тематическим элементом.

а) Первая часть — основа на согласный: *šet-ver-pogъ*: ст.-сл. *тѣтврѣногъ*.

б) Первая часть — основа на *ĭ* (→ *ь*): *pokъ-legъ*: польск. *posleg*, русск. *ночлег*. Степень ослабления основы *gostĭ* представляла первая часть имени *gos-podъ* — „гостевладыка“, которым был „домовладыка“. См. в отделе фонетики, § 91.

в) Первая часть — основа на *ĭ*: *medv-ědъ*, т. е. „медоед“. Это имя для медведя было описательным, заменявшим собою более давнее, которое не применялось в обиходной речи, как имя тема. По той же причине забылось давнее название медведя и в других индоевропейских языках.

г) Наиболее продуктивным образованием было такое, в котором первая часть представляла тематический элемент *-o*. На *-o* оканчивалась первая часть не только в основах на *-o*, но и в других случаях: ст.-сл. *плодо-роднѣ*, *вож-вода*; *водо-носъ* или *водо-носъ*, *мъздо-давѣць*, *звѣро-гиднѣ* или *звѣрѣвиднѣ*; *медо-тогънѣ*; *крѣко-протнѣ*, *словописател'ѣ* и *шарописател'ѣ* („рисовальщики“, Супр. рук.).

Этот тип именного склонения был продуктивным в славянских языках и вытеснял сложные образования, состоявшие из двух отдельных частей. Например, в названиях местных пунктов в области поляков: *Čarny-las* — в XV в. — *Čarnolas* — позднее („Чернолес“); *Dług'e pole* — в XV в. — *Długopole* — позднее („Долгополе“).

В сложных именах с первой частью на *-o* бывали такие сочетания, в которых два соседних слога имели одинаковые артикуляции. В этих случаях происходило устранение повторения одинаковых звуков (гаплогия): ст.-сл. *ласкрѣдъ* („похоть“, „удовольствие“) вместо *lasko-sъrdъ* (*sъrdъ*-все); *волесъ протнѣнъ сѣтвласѣнѣмъ ласкрѣдемъ* (Син. тр.); русск. *знаменосец* вместо *знаменоносѣц*; *корнос(ый)* или *курнос(ый)* вместо *кърноносѣ*; *близорук* вместо *близозорок*; сербск. *tan̄kosa* вместо *tan̄kokosa* (женское имя, т. е. женщина с тонкой косой); польск.: *krajuobraz* вместо *krajoobraz* („ландшафт“).

д) Особое замечание в сложных именах с *-i* в первой части: русск. *Володимѣръ*, *Судимѣръ*, *Мьстиславъ*, *Ростиславъ*, *Воротиславъ*, *Държикрай* (*Держикрай*), *Мьстибогъ*, *скопидом*; украинск. *гонивѣтер*; польск. *Kazim'eŕ*, *Volimir*, *Vrocisław*, *Sędzi-sław*, *Dźerżikraj*, *ŕercip'ęta* („вертопрах“; *p'ęta* — „пятка“) и др.; чешск. *pudivĕtr* („ветрогон“; *puđiti* — „гнать“), *vrtipata* („вертопрах“; *pata* — „пятка“).

В первой части этих имен была не глагольная форма, а имен-ная с суффиксом *-i*, представлявшим собою редукцию суф-фиксального сочетания *-iĭo*, находившегося в таких именах, как *sođii*, *balli*. С таким гласным представлена была первая часть сложения и в женском роде, *-i* вм. *-iĭa*: *Kuninoga*, *Kuĭinoga*, *Lisigora*, *Kobyliŕeka* („кобылья поляна“) — топографические имена в польских областях. Значение некоторых из таких сложных имен: *voldi-ŕeĭgъ* — „славный властительством“ (*-ŕeĭgъ* — „славный“, кельт. *māgos* — „великий“, гот. *waila-mērs* — „имеющий хорошую славу“); *kazi-ŕeĭgъ* — „славный наказанием врага“; *dyŕžikrai* — „краедержец“. На именное значение первой части могут указывать такие варианты: *гони-вътръ* и *вътро-гонъ*, чешск. *vrĭ-pata* и русск. *верто-прах*; польск. *golibroda* („брадобрей“) и *brodogoĭ*; польск. *rasibŕuch* („обжора“, „дармод“) и чешск. *bŕichopasek* и др.

С течением времени во всех славянских группах первая часть сложения на *-i* стала восприниматься как глагольная форма, в качестве повелительного наклонения. Такому процессу могло содействовать не только сходство первой части на *-i* с формой повелит. накл. ед. числа, но и то, что были и такие имена, в первой части которых была действительно основа глагольного происхождения: *Pri-by-slavъ*, *Iz-e-slavъ* и др. (см. в 5-м пункте). В связи с изменением в грамматическом значении первой части на *-i* появились многочисленные образования, в которых первая часть была действительной формой повелительного наклонения. Например: русск. *Федор Умойся грязью*, *Завихвост*, *Взверни-зуба* (1477 г.), *Подсекикорова* (XVII в.), *Пролейбрага* (1550 г.), *Варивода* (1614 г.); украинск. *Варивода* (1552 г.), *Омочихвост* (1654 г.), *Убийкобыла* (1563 г.); болг.: *нехранимайка* („негодяй“), *развъѣпрах* („мот“), *изгори-погача* (*погача* — „род пирога“); сербск.: *Ломигора*, *Млатишума* (*шума* — „лес“), *Пушибрк* (*пушити* — „курить“; *брк* — „ус“), *Пециреп* (*пеци* — „пеки“, *реп* — „хвост“), *Пожрикобыла* и т. п.

§ 33. 4) Первая часть представляет прежнюю падежную форму. Например:

гркoв-еѣтъ — „рукоять“; в первой части (*гркoв-*) отражается прежняя форма местного пад. двойств. числа (с *ov* вместо *ou* перед гласным).

bratu-ĉeđъ — „племянник“; первая часть представляет прежнюю форму дательного единств. числа или родительного двойств. (*bratu-ĉeđa* — „дети двух братьев“).

Польск. *psu-brat* — „собачий сын“, „негодяй“.

Ст.-сл. *домовъзаконьникъ*, греч. *οἰκουμης* — „управляющий домом“.

§ 34. 5) Первая часть сложного имени могла быть глагольного происхождения. Например:

véd-golsъ → *vègolsъ* — „знающий (,понимающий“) голос“; чешск. *vèhlas* — „благоразумие“, „осторожность“; ст.-сл. *некъ-гласъ* — „невежественный человек“; украинск. *невіглас*, *невіголос* — „невежда“, „глупец“.

pe-je-syть — „пеликан“ (*je-ti* — „брать“, *syть* — „сытость“, „насыщение“).

pe-je-vèгъ — „недоверчивый“.

jastrèbъ; может быть, в первой части лежит форма 3 л. ед. наст. *jastr[ъ]*; *гèбъ* — это *гèбъ* или *гèба* — русск. *рябчик*. (Другие объяснения: 1) в первой части — имя действующего лица с суффиксом -ть; 2) *jas* — соответствует греческому *ῥαξ* [*ῥαξ* — „быстрый“], латинскому *ac-* [*acutus* — „заостренный“]; -t- переходная артикуляция от *s* к *t*).

Стри-бог: „се вѣтри, Стрибожи внуци“ (Слово о полку Игореве); первая часть *stry-* — глагол с корнем *stry-*, бывший в чередовании с *ster-*: *sterti*: ст.-сл. *про-стрыти*, русск. *простереть*.

Глагольную форму видят также в имени бога Киевского Олимпа „Дажьбогъ“: *дажь* — 2 л. ед. ч. повелит. накл. Происхождение первой части личного старопольского имени *Das'bog* неясно. Можно полагать, др.-русск. *дажь-* в имени „Дажьбогъ“ было иного происхождения: оно могло соответствовать древнеиндийскому *dah-* (*dahati* — „сиять“, „палить“), готскому *dags* (нем. *Tag*), т. е. „Дажьбогъ“ — „яркое сияние, солнце“. На это значение указывает русская вставка в переводе хроники Иоанна Малалы: „И посем царствова сын его именем Солнце, его наричют Дажьбог... Солнце царь сын Сварогов еже есть Дажьбог“ (Ипат. список летописи под 1114 г.).

Глагольного происхождения первая часть таких личных имен: русск. *Събыслав* (*съ-by-slavъ*), *Изяслав* (*iz-ę-slavъ*), *Завихвост*; польск. *Přibyslav*, *Ubyslav*, *Vislav*, *Zavichvost*, *N'eznamir*, *N'edamir*.

В этих именах находится в первой части глагольная основа *-by-*, *-ę-* (*je-ti* — „брать“), *vi-* (*vi-ti*), *zna-* (*zna-ti*), *da-* (*da-ti*). На глагольное значение этой части указывают и префиксы, употреблявшиеся при глаголах: *pr-*, *iz-* (*iz-*), *za-*, *u-*.

§ 35. 6) Первой частью является неизменяемое слово: *medju* (между), *pe-*, *pa-*, *so-*, *u-*, *bez-*, *per-* (южн.-сл. *ptě-*), *pa-* или *ptě-* и др.: ст.-сл. *междурамь* (Син. пс.), *недъгъ*, *испризнь*, *отъ пръне-млаганъ* (Син. тр.), *испръзорство* (Супр. рук.), *nebogъ* = *ubogъ*, *sošedъ*, *soprogъ* („один из двух волов в одном ярме“), *rametъ*, *pradedъ* или *prededъ*, ст.-сл. *bezrukiъ* — „безрукий“, *pronьmъ* — „дьявол“ и др.

В первой части находится наречие: ст.-сл. *вельвъль*, *вельвъльнъ*, *вельвъльнъ*, *вельвъльнъ*, *домъживьць* — „местный житель“.

§ 36. Вторая часть сложного имени представляет собою имя существительное или прилагательное.

В тех случаях, если сложным именем было существительное, то второй частью служило существительное, которое было глагольного или именного происхождения: *voje-voda* (*vedo*), *medvêdъ*, ст.-сл. *благодътъ* (дѣти — „класть“), *sošedъ* (*šed-ěti*); *vêgolsъ*, *bratu-čedъ*.

Если сложное имя имело значение прилагательного, то второю частью было существительное или прилагательное: ст.-сл. *соухоржънъ*, *маловъръ*, *юдннотадъ* (*юдннотадомуу сыноу* — Син. тр.), *милосръдъ*, *цѣломъждъ*, *вельвъльнъ*.

§ 37. В разное время происходили объединения двух слов в одно. Так, например, во всех славянских языках происходило с числительными: *dъva na desete*, *dъvadeseti*, *četyredesete*: русск. *двенадцать*, *двадцать*; болг. *дванайсет*, *двайсет*, *четирийсет* и т. п.

То же происходило и с некоторыми другими сочетаниями: *братъ* — *сестра* воспринималось как сложное имя двойств. числа *братъ-сестромъ* — дат. пад. дв.; *стръ* [*страсть* — „страдание“] *стѣомъ* *мънкъ ѳвѣламни* и *соуламни братоу* — *сестроу* — родит. дв. (из поздних церк.-сл. памятников); русск. *отец* — *мать* („у чужова отца — матери“ = у чужих родителей); *хлеб* — *соль* („или хлеб-соль моя вам надоела“, Крылов; „довольствоваться моею хлеб-солью“, Пушкин).

В результате процесса утраты самостоятельного значения отдельных частей словесного сочетания появлялись не только новые образования имен, но и наречий. Ср. русское наречие *ономѣдни* — „несколько дней тому назад“, „позавчѣра“ — вместо сочетания [въ] *ономъ-дъне*; такого же происхождения сербское (штокавское) наречие *onomadne* (а в м. в.); ср. в кайкавском сербо-хорватском наречии *vetomadne* — „недавно“ (ve в м. в.; въ-томъ-дъне).

Склонение имен существительных

1. Прежние основы на -о, -ю (в чередовании с -е, -ѳ).

§ 38.

Мужской род

	градъ	отрокъ	врагъ	грѣхъ	кон'ь	вратъ	мѣжъ	краи	отъць	пѣнасъ кѣнасъ
Единственное число										
И.	градъ	отрокъ	врагъ	грѣхъ	кон'ь	вратъ	мѣжъ	краи (вм. крайъ)	отъць	пѣнасъ
Р.	града	отрока	врага	грѣхъ	коню	вратю	мѣжи	краю	отъцю	пѣнасю
Д.	градоу	отрокоу	врагоу	грѣхоу	коню	вратю	мѣжию	краю	отъцю	пѣнасю
В.	градъ	отрокъ	врагъ	грѣхъ	кон'ь	вратъ	мѣжъ	краи	отъць	пѣнасъ
Т.	градомъ	отрокомъ	врагомъ	грѣхомъ	коньямъ	вратемъ	мѣжемъ	краямъ	отъцемъ	пѣнасомъ
М.	градъ	отроць	вразъ	грѣсъ	кон'и	вратю	мѣжи	краи	отъци	пѣнаши
Зв.	граде	отроуе	вразе	грѣше	коню	вратю	мѣжию	краю	отъчуе	кѣнаже
Множественное число										
И. Зв.	гради	отроци	врази	грѣси	кон'и	вратю	мѣжи	краи	отъци	пѣнаши
Р.	градъ	отрокъ	врагъ	грѣхъ	кон'ь	вратъ	мѣжъ	краи	отъць	пѣнасъ
Д.	градомъ	отрокомъ	врагомъ	грѣхомъ	кон'смъ	вратемъ	мѣжемъ	краемъ	отъцемъ	пѣнасмъ
В.	градъ	отроки	вразы	грѣхы	кон'иа	вратю	мѣжиа	краиа	отъциа	пѣнасиа
Т.	градъ	отроки	вразы	грѣхы	кон'и	вратю	мѣжи	краи	отъци	пѣнаши
М.	градѣхъ	отроцѣхъ	вразѣхъ	грѣсѣхъ	кон'ихъ	вратюхъ	мѣжихъ	краихъ	отъцихъ	пѣнашихъ
Двойственное число										
И. В. Зв.	града	отрока	врага	грѣхъ	коню	вратю	мѣжи	краю	отъциа	пѣнасю
Р. М.	градоу	отрокоу	врагоу	грѣхоу	коню	вратю	мѣжию	краю	отъцю	пѣнасю
Д. Т.	градомъ	отрокомъ	врагомъ	грѣхомъ	конюмъ	вратемъ	мѣжимъ	краемъ	отъцимъ	пѣнасомъ

	сло	вѣко ¹	нго	полю	знамению	лице
Единственное число						
И. В. Зв.	сло	вѣко	нго	полю	знамению	лице
Р.	слова	вѣка	нга	поля	знамени	лица
Д.	слоу	вѣкоу	нгоу	полю	знамению	лицю
Т.	словомъ	вѣкомъ	нгомъ	полемъ	знамениемъ	лицемъ
М.	словъ	вѣць	нсъ	пол'н	знамени	лица
Множественное число						
И. В. Зв.	слова	вѣка		поля	знамени	лица
Р.	словъ	вѣць		пол'ь	знамени	лица
Д.	словомъ	вѣкомъ		полемъ	знамениемъ	лицемъ
Т.	слова	вѣкы		пол'н	знамени	лица
М.	словехъ	вѣцехъ		пол'нхъ	знаменихъ	лицихъ
Двойственное число						
И. В.	словъ	вѣць		пол'н	знамени	лица
Р. М.	слоу	вѣкоу		полю	знамению	лицю
Д. Т.	словама	вѣкома		полемъ	знамениема	лицема

2. Прегние основы на -й (в чередовании с -оцъ, -й).

§ 40. сынъ, вошь, домъ, полъ ², врьхъ, медъ.

Единственное число						
И. В.	сынъ			домъ		полъ
Р.	сыноу			домоу		полоу
Д.	сыновн			домовн		
Т.	* сынъмъ (сыномъ)					
М.	сыноу			домоу		полоу
Зв.	сыноу					
Множественное число						
И. Зв.	сынове					
Р.	сыновъ			домовъ		
Д.	* сынъмъ (сыномъ)					
В.	сыны					
Т.	сынъми					
М.	* сынъхъ (сынохъ)					
Двойственное число						
И. В. Зв.	сыны					полы (на полы)
Р. М.	сыновоу					
Д. Т.	сынъма					полъма

¹ ресница, глаз. ² половина.

§ 41. С основой на *-o* были имена мужского и среднего рода.

Форма именит. ед. в именах мужск. рода совпала вследствие фонетических изменений с формой винит. ед. ч. Давним признаком формы именительного падежа ед. числа в основах на *-o* мужск. р., как и в основах на *-ŷ*, на *-ī* (мужск. и женск. рода), на *-ū* (*y*) был согласный *z*. Конечное сочетание *-os* изменилось у славян в *-ŷs* → *-ъ*: *voъzъ*, *vykъzъ*; ср. греч. *λόκος* и лат. *lupus* — „волк“.

Давним признаком формы винит. пад. ед. числа был носовой согласный (*n*, *m*) во всех индоевропейских языках, в том числе и в славянской группе. Конечное сочетание *-on* изменилось в *-ŷn* → *-ъ*: *vyъzъ*, *vykъzъ*; ср. греч. *λόχον*, лат. *lupum* (см. в отделе о конце слова). После мягкого согласного у славян *-ъ*: *kopъ*. Вследствие изменения конечных *-ŷs*, *-ŷn* в *ъ* одинакова стала форма в именит. и винит. ед. числа и в основах на *-ŷ*: *supъ* вм. *sūpŷs* — именит.; *sūpŷn* — винит.

§ 42. В именах среднего рода именит. одинаков с винительным и в ед. и во множ. числе. В ед. числе он оканчивался на *-o*, во множ. на *-a*. В ед. числе такое оформление обязано было воздействию формы именит. ед. местоимений, оканчивающихся на *d*: *to* вм. *tod*. Если бы не было связи формы именной с местоименной, то форма имени имела бы и в среднем роде окончание *ъ* (*'b*), так как в основах на *-o* окончанием именит.-винит. ед. был согласный *n* (*m*); а в основах на согласный форма именительного ед. числа не имела особого окончания, представляя одну основу на *-os*, которое изменилось бы фонетически в *-ŷs* → *ъ*, как и *on* → *ŷn* → *ъ*. О связи форм местоименных с именными см. ниже замечание в отделе об основах на *-a*.

§ 43. Форма родит. ед. числа в основах на *-o* муж. и средн. рода оканчивалась на *-a*, которое, вероятно, вместо *-ōd* — сочетание, свойственное древней форме исходного падежа (*ablativus*), подобного древнеиндийской форме на *-ād*: *vŷkād*. См. в отделе о конце слова.

§ 44. В творит. ед. числа, как и в дат. множ., ясно обнаруживается тематический гласный *o*, после мягкого согласного *e*, прежней основы: *vozo-ть* — *vozo-мь*, *grado-мь* — твор. ед., *vozo-ть*, *vozамь*, *gradомь* — дат. мн. Окончанием творит. ед. в именах

мужск. и средн. рода у славян было *-тъ*, а окончанием дат. множ. для всех основ служило *-тѣ*.

§ 45. Звательная форма представляла результат чередования *o* с *e* (*ber-||bog-*): *vozel grade! otrove!* Ср. то же чередование в греческом склонении: *λόχος||λόχε*. См. в отделе о чередовании гласных.

В именах на *-ць* (*отъць*) звательная форма представляла сочетание *-тѣ*: *отътѣ*: *k* изменился в *č* в давнее доисторическое время, — тогда, когда не было изменения *k* в *c*, *g* в *dz*, *ch* в *s'*. Основа именит. ед. *ot'ikōz* или *ot'ikūs* (корень *ot-* суффикс *-iko-s*), звательная форма — *ot'iče* → *ot'če*. Гораздо позднее обнаружилось воздействие предшествующих гласных переднего ряда на следовавшие за ними *k*, *g*, *ch*: последние изменились в таких случаях в *c*, *dz*, *s'*, как изменились они и перед заменой дифтонга *oi*, — перед *ě*, *i* (*otrocě*, *otrocī*). См. в отделе об изменении заднебных согласных.

Форма зват. *кѣнаже*, *пѣнаже* в именах *кѣназь*, *пѣназь* — в именах сравнительно позднего происхождения (они появились в результате встреч и взаимоотношений славян с германскими племенами, в первые века новой эры), — представляет *-же* по образцу других имен, в которых было чередование свистящих и шипящих: *отъць||отътѣ* и др.

Звательная форма с основой на *-jo* (*коп'ь*) издавна имела окончание *и*, как в форме с основой на *-й*: *коп'и!* *кгају!*

§ 46. Количественное чередование отражалось в именит.-вин. двойств. числа имен мужск. рода: *o||ō* → *a*: *voza*, *vozd*, *gradl*, *konь*. Ср. ту же ступень чередования в греческом окончании: *λόχος||λόχω*.

Для именит.-вин. двойств. числа средн. рода форма была распространена посредством *i*: *oi* → *ě*, а после мягкого согласного *'oi* → *'ei* → *'i*: *sel'ě* — *соль*, *иза*, *пол'н*. Окончанием формы родительного двойств. числа во всех основах был гласный *и* (*ю*). Окончанием формы дат.-творит. двойств. числа также во всех основах было сочетание *-та* (*ма*).

§ 47. В местном ед. и множ. числа мужск. и средн. рода, в именит.-вин. двойств. числа средн. рода, в именит. множ. числа мужск. рода основа была распространена посредством *i*: *oi*. Сочетание *-oi* в конце слова изменилось в *ě* или в *i* в зависимости от интонации: см. отделы о *ě* и *oi*. В *i* изменилось *oi* в форме именит. множ.

Задненебные согласные *k, g, ch* изменились перед заменой дифтонга *oj* в *c, dz, s'*: *отроць, вразь, жонньс* — местн. ед.; *отроци, врази, гръси* — именит. множ. ч.; *въць* — им.-вин. дв. ч. с *ъ* и в форме местного множ.: *отроцяхъ, вразяхъ, жонньсяхъ*. О *-chъ (-хъ)* см. ниже. После мягкого согласного дифтонг *oj* изменился в *ej*, а это в *i*: *на кон'и, на кон'ихъ*.

§ 48. Окончанием родит. множ. во всех основах был гласный *ъ*, после мягкого согласного *-ь*: *возь* — *возъ, отрокъ, кон'ь*. Если этому окончанию предшествовал *j*, то *jb* изменилось в *i*, как и в именит.-винит. ед. числа основ на *o* мужск. рода: *kraj-ъ* → *krai* — *краи*; в основах на *-i*: *gostyj-ъ* (вм. *gostej-ъ*) → *gostyi* → *gostii*.

§ 49. Винит. множ. в основах на *-o* мужск. рода имел окончание *y (ы)* после твердого согласного, *ę (а)* после мягкого согласного: *градъ, конь*. Так в старославянском языке, как и в других южнославянских языках (сербо-хорватском и словинском) — см. в отделе о конце слова. В восточнославянских и западнославянских языках окончанием винит. множ. мужск. рода после мягкого согласного был *ě (ѣ)*: *vozu, kopě*. Такие же отношения были и в формах родит. ед. и в винит.-именит. множ. основ на *-a*: *gogu* — *ulicę* — в южнославянских языках; *gogu* — *ulicě* — в восточнославянских и западнославянских. Происхождение *ě* в этих формах неясно.

§ 50. Характерным окончанием для основ на *-o* является *y (ы)* в форме творит. множ. После мягкого согласного *-i*: *vozu* — *возы, градъ, сваты, кон'и, пол'и*. О нем см. в отделе о конце слова.

§ 51. Окончанием формы местного множ. числа для всех основ у славян было сочетание *-sij*, изменившееся в давнее доисторическое время в *chъ* после *i, u*: *vozeshъ* (е вм. *oj*), *vyčeshъ, kon'ichъ* (*i* вм. *ei*), *supъchъ* (*ъ* вм. *ij*), *seleshъ, polichъ, gostъchъ* (*ь* вм. *ij*), *kostъchъ*, (*ь* вм. *ij*). Только в основах на *-a* окончание *-chъ* явилось по образцу формы местного множ. других основ: *gogachъ*. У славян оставались в некоторых случаях формы с *-sz*, без замены посредством *-chъ*. Так было в некоторых топонимических названиях, — в названиях мест по имени населения: *dol'ane, pol'ane, vьrbьčane* — *vъ dol'aszъ, vъ pol'aszъ, vъ vьrbьčasъ* вместо *vъ dol'an-sъ* (*ns* → *s*), *pol'an-sъ*... Об этом еще см. ниже, в отделе замечаний об основах на согласный.

§ 52. Как явление синтаксическое представляет собою в славянских языках с давнего времени применение формы родительного единств. числа вместо винительного в мужском роде, в именах лиц. Но в старославянском языке употребляется и форма винительного: *посъла рѣкъ свон; отъпоустниши рѣба твоѣго* (Мариин.).

§ 53. Для основ на *-ŷ* (*synъ*) отметим чередование в отношении тематических элементов: *ŷ* (ъ) в одних формах: в именит.-винит. (*synъ*); творит. ед. числа (*synътъ*), в дат.-твор. двойств. числа (*synъта*); в дат. (*synътъ*), винит. (*synу* вм. *sŷnŷ-ns*), местн. (*synъсѣ*) множ. числа; *оу* — в других формах. Сочетание *оу* изменилось в *и* перед согласным и в конце слова, — в *оо* перед гласным: *synу* — родит. ед. (вм. *sŷnoу-s*); местн. и зват. ед. (вм. *sŷnoу; sŷnōу*); *synovŷ* — дат. ед.; *synove* — именит. множ.; *synovъ* — родит. множ.; *synovu* — родит.-местн. двойств.

Количественное чередование *ŷ* с *ŷ* представлено в именит.-винит. двойств., как и в основах на *-o* мужск. рода и в основах на *-ŷ* мужск. и женск. рода: *synу*, как и *voza* (а вм. *ō*), *gosti, kosti*.

§ 54. Падежные формы старославянского языка по памятникам письменности XI в. ясно обнаруживают глубокие сдвиги, происшедшие в давней системе склонения. Прежние тематические элементы, характеризовавшие собою основу, отошли в категорию окончаний. Так в разных типах склонения: перед падежным окончанием находится основа на согласный. На происшедший процесс перераспределения элементов формы указывает, напр., такое явление: в новых заимствованных словах пользуются такими окончаниями, в составе которых имеются и прежний тематический элемент и прежнее падежное окончание: *-омъ* — как окончание дательного множ.: *фарсьѣомъ*; *-ови* — как окончание дательного ед.: *архиврѣови, петрови*.

Перераспределение элементов формы обнаруживается и на славянском материале, — на судьбе разных типов склонения, — на их объединении. Такое объединение было вызвано значением грамматического рода и одинаковостью звукового вида некоторых падежных форм с разными прежними основами: *возь, братъ, волъ, сынъ; гость, кость, клмень* (вин. ед.) и др. Объединение в образовании форм в зависимости от значения грамматического рода началось давно в речи славян. Оно происходило уже в доисторическую эпоху. Так, для всех имен женского рода

стали применять одно окончание в творит. единств. — *-jъ*: как *gorojъ, vodojъ, strujejъ*, так и *kostjъ, nitjъ*. Но в именах мужского рода с основой на *-j* оставалось прежнее окончание: *-шь*: *gostjъ*. (Некогда *-шj* → *-шь* было и в творит. ед. и в именах с основой на *-j* женского рода.) Для всех имен женск. рода для именительного множ. стали применять форму винительного множ.: *gory, vody, kosti, materi*; но в мужском роде именит. множ. отличался от винительного: *vozi — vozu, gostyje — gosti, kamene — kameni*. Для всех имен среднего рода в именит.-винит. множ. стала употребляться форма с окончанием *-а*, которое некогда было свойственно только основам на *-о*. Итак: не только *seļa, mēsta, pol'a*, но и с основой на согласный: *slovesa, sēmena, teleļa*.

Уже в доисторическую эпоху имена с основой на *-jo* мужск. рода (*kop'ъ*) образовывали звательную форму с окончанием *-и* подобно именам с основой на *-jъ*: *kop'ul kraju!*

Объединение форм с основой на *-о* и на *-jъ* отразилось в давнее время и на следующем областном явлении: в тех группах, которые легли в основу восточнославянских и западнославянских языков, форму творит. единств. основ на *-о* мужск. и средн. рода стали передавать с такими элементами: *-ьшь*, т. е. так, как в основах на *-jъ*: *bratjъшь (bratъшь), vozjъшь, seļjъшь, как gupjъшь, domjъшь*. (В южных группах такого объединения не происходило: *bratъшь — bratъшь*.)

Процесс объединения форм в зависимости от значения грамматического рода весьма значительно действовал в болгарских говорах, отразившихся в языке старославянских памятников XI в. Так, значительное объединение произошло в формах имен с прежней основой на *-о* и с прежней основой на *-jъ*. Например:

1) Родит. единств. прежних основ на *-о* представлен с окончанием *-оу*, как в формах с прежней основой на *-jъ*: *гласоу, родоу, радоу* (Супр. рук.).

2) Дательн. единств. с окончанием *-ови, -еви* (после мягкого согласного) в прежних основах на *-о* по образцу форм с прежней основой на *-jъ*: *мирози, сътникови, мжгови* (Савв. кн.), *къ вратеви* *велоу* (Син. тр.) и др.

Об окончании *-ови* в именах заимствованных (*петрови* и др.) см. выше.

3) И в форме творит. единств. отразился по болгарским говорам X—XI вв. процесс уравнивания в образовании ее по об-

разу *смытъ*, — с окончанием *-ъмь*, как это произошло некогда раньше в восточнославянских и в западнославянских группах: *гладъмь*, *трепетъмь* (Супр. рук.), *образъмь* (2 раза, Хиланд. лл.). Последовательно представлено такое образование в Киевских листках (*образъмь...*). Часто находятся такие формы в Остромировом кодексе (*взуръмь*, *доухъмь...*). В указанных памятниках такие образования представляли черту языка писателей их — моравина (Киев. лл.) и русского (Остром. код.).

4) Именит. множ. с окончанием *-овъ* в прежних основах на *-о*: *доухове*, *сждове*, *дрове* и др. (в Син. тр.); *-овъ* и в форме нового слова *попъ*: *попове* (Син. тр.)

5) Родит. множ. на *-овъ* того же происхождения: *грѣховъ*, *родовъ* (Ассеман. код.); *главы гиздаѣвшихъ сѧ змиговъ* (Син. тр.) и др.; с другой стороны, для имен с прежней основой на *-й* образуют формы по образцу форм с прежней основой на *-о*.

1) Родит. единств. *сыноу* и *сына*. (Савв. кн., Син. пс.)

2) Дат. единств. *сыновн* и *сыноу* (в разных памятниках).

3) Местный единств. *сыноу* и *сына* (в разных памятниках).

4) Именительный множ. на *-овн*, с *-н*, как в прежних основах на *-о*: *сыновн*, *волово* (Син. пс.).

5) В творит. единств., в дат. и местн. множ. старославянские памятники не представляют форм с *-ъмь*, *-ъмь*, *-хъ*, а с *-омь*, *-омь*, *-охъ*: *сыномь*, *домомь*, *сыномь*, *домохъ...* С гласным *о* представлены эти формы не только в памятниках глаголических, в которых находятся примеры замены сильного *ъ* посредством *о* (*вопъ* вместо *въпъ...*), но и в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи, где нет такой замены гласного *ъ*. Такое образование обязано воздействию форм с прежней основой на *-о*: *вратомь*, *возомь*, *возомь*; основа с *о* проведена в этих новообразованиях и в форму местного множ., вместо *ъ* [*хъ*].

§ 55. Имена среднего рода с прежней основой на *-о* в большей степени сохраняли в болгарских говорах XI в., а по другим славянским языкам и до сих пор сохраняют прежние формы. Связь с формами прежних основ на *-й* была незначительна. Она отражалась в языке некоторых старославянских памятников на образовании формы творит. единств.: *връшнъмь* — в Супрасльской рукописи, где отмечены были примеры с *-ъмь* и для имен мужск. рода. То же явление отразилось в Остромировом кодексе, как в памятнике восточнославянском: *дѣлъмь*, *сѣтъмь* (именит. *сѣто*)... (В восточнославянских и западнославян-

ских языках -ъмь в формах и мужск. и средн. рода с доисторической поры.)

В Супрасльской рукописи часто встречаются формы творительного ед. именит. среднего р. на -нмь (оуцннмь) с окончанием -нмь: оуцннмь, повелѣннмь оуцемъ, каменнмь, тръннмь, пѣваннмь („упованьем“) и др. Такое окончание появилось под влиянием сложных форм прилагательных: бол'ннмь, вышн'нмь и др. Такой процесс воздействия сложных форм прилагательных происходил в разных славянских группах. Ср. в чешских говорах: vobitl (вм. obil'je), родит. ед. vobitlho, дат. ед. vobitlŕni и т. д; кашубск. kãzan'è, родит. ед. kãzan'ègo, дат. kã zan'ètni и т. д

3. Прежние основы на -ĭ (в чередовании с -eĭ, -ĭ)

Мужской род

§ 56. гвоздь, голыть, господь, гость, грѣхъ¹, дрьколь², зверь, лкъть, медведь, ногть, огонь, пѣть, тать, тьсть, оушндь³, урькъ, жгль, во множ. числе люднѣ.

	Единственное число	Множественное число		Двойственное число
И. Р. Д. В. Т. М. Зв.	пѣтъ пѣти пѣти пѣтъ пѣтъмь пѣти пѣти	пѣтию (пѣтъю), люднѣ (-ью) пѣтии (пѣтъи), людни (-ни) пѣтъмъ, людъмъ пѣти, люди пѣтъми, людъми пѣтъхъ, людъхъ =И.	И. В. Зв. Р. М. Д. Т.	пѣти пѣтию (пѣтъю) пѣтъма

Женский род

§ 57. вьсь, врькъ, вьдь⁴, дьбрь, жалъ⁵, жрьдь, зьмь, испьтъ⁶, кльп, кодь⁷, конь⁸, сьрькъ, соль, тьбрь, тьрьдь, хоть⁹, уадь¹⁰, иадь, имена

¹ грѣхъ в ст.-слав. языке мужск. рода: грѣхъи мѣи; грѣхъии мѣшоу (Син. пс.).
² полено, палка, дрова. ³ беглец, изгнанник. ⁴ знание. ⁵ могила, могильная насыпь. ⁶ разыскивание, расследование, расспрашивание. ⁷ предсказывание, волшебство. ⁸ начало; ср. неконн; другое именное образование было основой на -о: конь, конь...: отъ конь = неконн. ⁹ желание, влечение, страсть к чему-н.; наложница, жена... ¹⁰ группа людей, народ (проста уадь...)

с суффиксами -нь, -сьнь, -ль, -сьль, -ѣль, -аль, -ть, -ость: врань, дльнъ, сьнь, блсьнь, пьсьнь, жьнь, кьзьнь¹, гьсан — МНОЖ. ЧИСЛО, мысьль, гьсьль, бьсьль, сьньль — печаль, вьсьль, кость, пасьть (вм. рад-ть-: пасьть), сьрасть (вм. strad-ть), вьсьль (вм. vold-ть), сьрьть, памать, вьсьль, грьсьль, крьсьль, бьсьль и др.

	Единствен- ное число	Множественное число		Двойствен- ное число
И.	кость	= В	И. В. Зв.	костн
Р.	костн	костнн(костьн)	Р. М.	костню (костью)
Д.	костн	костьмь	Д. Т.	костьма
В.	кость	костн		
Т.	костнѣ (костьѣ)	костьмн		
М.	костн	костьхъ		
Зв.	костн	= И. — В.		

§ 58. Чередование в отношении тематических элементов в основах на -ї (i||ej): оно было параллельно чередованию в основах на -й (ü||ou).

-ї (ь) в именит. и винит. ед. числа: gostь, kostь (gostis, kostis — им., gostin, kostin — вин.); в творит. ед. gostьмь, kostьмь; в дат.-твор. двойств.: gostьма, kostьма; в винит. множ. gosti, kosti вместо более раннего gostins, kostins (-ns — давнее окончание винит. множ. во всех основах; удлинение T, как и ü, перед ns: ins → Tns → T); твор. множ.: gostьmi, kostьmi; местн. множ. gostьchъ, kostьchъ.

-ej → i перед согласным и в конце слова: в родит. ед.: gosti, kosti (вм. gostej-s); в местном и зват. ед.: gosti, kosti (вм. gostej, kostej); -ej перед гласным изменилось в ij → ы: см. в отделе о гласном e. В род.-местн. двойств.: gostьju, kostьju; в именит. множ. мужск. рода: gostьje (вм. gostej-es); в родит. множ.: gostы, kostы (вм. gostej-ь → gostы, jь → i).

Количественное чередование, долгота T в именит.-винит. двойств. числа, параллельно основам на -ü (с ü → y) и основам на -o (с o → a): gosti, kosti.

§ 59. Написания в старославянских памятниках с нѣ (-ne) — в именит. множ. мужск. рода, -нѣ в творит. ед. женск. рода, -ни

¹ коварство; корень къ-, представляющий собою ступень редукции к полной код- или коу-: колати, коуж...

в родит. множ. мужск. и женск. рода, -ню в род. местном двойств. передают редуцированный и в этих сочетаниях: *нж* = *нж...* О сильном и слабом редуцированном *і* в этих сочетаниях см. в отделе о редуцированных гласных. В старославянских памятниках находятся также написания с *ь*: *ью*, *ьж*, *ьн*. В ряде случаев эти написания передавали некогда действительно сочетания с редуцированным *ь*, как указывает его замена посредством *e* в сильном положении. А такое положение было в форме родит. множ., так как конечный и редуцировался после гласного звука: *люден*, *зповѣден*. См. подробнее в отделе о редуцированных гласных.

§ 60. На именах с прежней основой на *і* мужск. рода отразилась в языке старославянских памятников XI в. связь с формами прочих имен мужск. рода. Например:

1) *огнь*, это имя представляло некогда основу на *-і*. Сравни. латин. *ignis*. В старославянских памятниках *огнь* представлен и с мягким *н'*, как *кон'ь*.

Родит. ед. или по-старому: *огни*, или по-новому: *огня*, как *кони*.

Дат. *огню*, как *коню*.

2) *пять*, дат. ед. *пятьоу* — в Клоц. Сб.

Элементы форм с прежней основой на *-о* и на *-jo* мужск. рода отражаются и на других именах с прежней основой на *-і*. Процесс такого действия пережит и другими славянскими языками.

С другой стороны, по образцу форм с основой на *-і* образованы формы именит. и родит. множ. имен с прежней основой на *-jo* мужского рода: *стрлжнѣ* (Супр. рук.; именит. ед. *стрлжь*), *вратѣи* (Ассеман. код.). В том же направлении проходило воздействие форм типа *гость* и в других славянских языках.

Весьма значительное воздействие оказали имена типа *gostь*, *kostь* на формы с прежней основой на согласный. Это воздействие происходило и в доисторическую эпоху и в исторические периоды славянских языков. См. ниже в замечаниях об основах на согласный.

Более архаична группа имен с прежней основой на *-і* (*-ь*) женского рода. Она и до сих пор в славянских языках представляет отдельную группу имен женск. рода с давними морфологическими элементами.

4. Прежние основы на *-a*, *-ja* (в чередовании с *-ǎ* → *-o*, с *-ə* → *-o*, с *-ī ā* → *-ī*: *pustyn'i*).

§ 61. вода, гора, жена, рыба...; *-ja*: вода, жема¹ зема, капли, лѣжа, можа, нѣжа, пишта, свѣшта, струи...; с другими суффиксами, оканчивавшимися на *-a*: *-ъja* → *-ī ja* или *-ъji* → *-īi*, *-ѣji* → *ѣīi*, *уп'i*, *-ька*, *-ьса*, *-іса*, *-ьпса*, *-іпа*, *-ізна*, *-ьба*, *-ьда*, *-оба*, *-ота*, *-тва*: вѣтрѣи, (вратѣи), ладѣи, свинѣи, сѣдѣи, бѣдѣи², корѣбѣи³, крѣмѣи, кѣн'нгѣи⁴ ловѣи, ⁵ рѣбѣи, поуѣи, грѣдѣи, кѣтъка, овѣца, дѣвѣца (дѣвѣи), старѣца, бѣждѣица, тѣмѣица, жѣтѣица, десѣица⁶, тиѣица, оуѣица, алѣубѣа, сѣдѣа, правѣа, зѣлоба, вѣсота, соуѣа, кѣтѣа, жѣтѣа...

§ 62. Имена с основой на *-a* принадлежали к женскому роду. Но немногие относились к мужскому роду: вѣчѣица, вѣдѣка (раннее доисторическое *volduka*), дрѣвѣица (плотник), пиѣица, прѣдѣтѣа („предшественник“), слоуѣа, старѣица, оуѣица, юноѣа и некоторые другие, а также имена на *-ни*: сѣдѣи, крѣмѣи, ловѣи. (Среди имен на *-ни* были и имена женск. рода: лѣдѣи, мѣлѣи.)

Образование форм для имен на *-a* мужск. рода было такое же, как и для имен женск. рода.

И. воѣвода, сѣдѣи

Р. воѣводы, сѣдѣи

Д. воѣводѣ, слоуѣа, сѣдѣи

В. воѣводѣ, сѣдѣи и т. д.

§ 63. Винит. ед. имен на *-a* имел окончание *o* — *ж*: *gog o* — *горж*, *vol' o* — *вољж*. Некогда в этой форме окончанием был носовой согласный, как и в других основах; сочетание же *-ǎp* → *-ǎp* (с лабиализованным *a* в зависимости от следующего носового согласного) → *o*; см. в отделе о носовых гласных.

Основы на *-a* в ряде форм представляли некогда гласный *a* краткий, который изменился в *o*. На такое явление указывают формы родит. ед., винит.-именит. множ. и формы с дифтонгом *oi*: дательн.-местного ед., именит.-винит. двойств.

Форма родит. ед.: *gogu*. Гласный *u* (*u*) свидетельствует об изменении гласного *o* более раннего времени; гласный же *o* в этом случае был вместо *ǎ*. Усиление лабиального элемента в гласном *o* было вызвано тем, что за ним следовал носовой согласный. Кроме того, произошло удлинение гласного, вследствие того, что далее находилось сочетание *ps*: см. в отделе

¹ печаль, горе; ² врач: глагол *вѣсти* — заговаривать; ³ корабельщик, моряк

⁴ книжный человек — *бувар'ъ*; ⁵ охотник — *ловѣцъ*; ⁶ десятая часть.

Единственное число

И.	гора	рѣка	нога	земля	строуа	дѣвѣца (дѣвѣцѣ)	рѣбѣн'и
Р.	горы	рѣкы	ногы	земля	строуа	дѣвѣца	рѣбѣнѣа
Д.	горѣ	рѣцѣ	нозѣ	земл'и	строун	дѣвѣци	рѣбѣн'и
В.	горѣ	рѣкѣ	ногѣ	землѣ	строуѣ	дѣвѣцѣ	рѣбѣнѣѣ
Т.	горѣмъ	рѣкѣмъ	ногѣмъ	землѣмъ	строуѣмъ	дѣвѣцѣмъ	рѣбѣнѣмъ
М.	горѣ	рѣцѣ	нозѣ	земл'и	строун	дѣвѣци	рѣбѣн'и
Зв.	горо	рѣко	ного	землю	строуѣ	дѣвѣце	рѣбѣнѣѣ

Множественное число

И. Зв. В.	горы	рѣкы	ногы	земля	строуа	дѣвѣца	рѣбѣнѣа
Р.	горѣ	рѣкѣ	нозѣ	земл'ѣ	строун	дѣвѣцѣ	рѣбѣн'ѣ
Д.	горамъ	рѣкамъ	ногамъ	землѣмъ	строуѣмъ	дѣвѣцимъ	рѣбѣнѣмъ
Т.	горамн	рѣкамн	ногамн	землѣмн	строуѣмн	дѣвѣцимн	рѣбѣнѣмн
М.	горахъ	рѣкахъ	ногахъ	землѣхъ	строуѣхъ	дѣвѣцѣхъ	рѣбѣнѣхъ

Двойственное число

И. Зв. В.	горѣ	рѣцѣ	нозѣ	земл'и	строун	дѣвѣци	
Р. М.	гореу	рѣкоу	ногоу	землю	строуѣ	дѣвѣцю	
Д. Т.	горама	рѣкама	ногама	земляма	строуѣма	дѣвѣцима	

о конце слова. Итак: *gorons* → *gorūns* → *gory*. После мягкого согласного в южнославянских языках было окончание *q*, тоже указывающее на носовой элемент в этой форме, на *-ns: vol'q* — *воля*, *зсмля*. В языках восточнославянских и западнославянских в именах с мягким согласным окончанием был *ě (vol'ě)*, неясный в своем происхождении.

Такой же звуковой вид имела и форма винит. множ.: здесь, как и в других основах, окончанием было некогда *-ns: gory* — *ulicq* или *ulicě* (с *ě* в языках восточнославянских и западнославянских).

Дифтонг *-oj* (в формах дат.-местн. ед., именит.-вин. двойств.) изменился в *ě* после твердого согласного: *gorě* — *горь*. Согласные *k, g, ch* в дат.-местн. ед., имен.-вин. двойств. перед *ь* изменились в *c, dz, ś: rōcě* — *рщь*, *podzě* — *нозь*, *mušě* (*mucha*) — *моушь*.

После древнего мягкого согласного дифтонг *oj* изменился в *ei*, а это в *i: vol'i* — *вол'и*, *zsmal'n*, *юношн*.

Звательная форма единств. представляла собою некогда основу с результатом ослабления (ступень редукации) долгого *ā: э*. А вместо этого гласного у славян *o*, у греков *α: goro!* *ženo!* См. в отделе о гласном *o* и в отделе о чередовании гласных. После мягких согласных гласный *o* изменился в *e* — *vol'e!* *zsmal'e!* *юноше!* *дъвнцѣ!* *изгнѣнѣ та гьъ* *трасавнцѣ ютрьнѣъ* *послѣднѣъ* *мазѣ* (Син. гр.).

§ 64. С древнего времени обнаруживается связь именного образования с местоименным. Она была актуальна в судьбах славянских языков в разные периоды. В давнее доисторическое время эта связь имела значение для образования формы именит.-винит. ед. среднего рода, с окончанием на *-o: seŕo*, *igo* (*igo*) — в основах на *-o* (именит.-вин. имел окончание *-on*, которое изменилось бы в *-ŭp* → *ъ*), *sŕovo*, *pebo* — в основах на *-es||-os* (именит.-вин. оканчивался на *-os*, которое изменилось бы в *-ŭs* → *-ъ*). Но в связи с формой именит.-вин. ед. местоимений, оканчивавшегося на *-o* (*to* из *tod*), стали оформлять гласным *o* и именит.-вин. падеж имен среднего рода: *igo*, *pebo*.

То же явление отразилось на образовании формы творит. ед. женского рода основ на *-a*. Если судить по указанию формы этого падежа в литовском языке, система которого близка была к системе славянской, то можно полагать, что окончанием творит. ед. в этих основах был некогда носовой согласный *m (n)* лит. *gaṅkṃ* вместо *gaṅkat*. У славян окончанием был бы носовой

гласный *o*, как и в винит. единств.: *gokŕ, gorŕ*. Но такие формы издавна отсутствуют у славян. При образовании формы творит. ед. в этих именах стали пользоваться иными морфологическими элементами, — элементами формы местоимений женск. рода: *tojŕ, opojŕ, jejŕ, gogojŕ, vol'ejŕ; gorŕŕŕ, zemljŕŕ*. С окончанием *jŕ* стали представлять форму творит. ед. во всех именах женского рода: *kostjŕ, materjŕ, svekŕŕŕjŕ, kŕŕŕŕjŕ*.

В старославянских памятниках встречаются формы творит. ед. на *-ŕ*. Напр., в Супрасльской рукописи: *съ воѡвождŕ, съ ѡомѡ (ѡомѡ), рѡжжŕ, доушѡ*. Но такой звуковой вид этой формы представляет собою не давнее доисторическое образование на *-ŕ*, а явление позднейшее, явление фонетическое, — результат утраты *i̇* между гласными и ассимиляцию двух гласных: *ojŕ → ŕ*. Такое явление представлено и другими славянскими языковыми группами, — западнославянскими и диалектами словинскими. На то, что формы творит. ед. на *ŕ* (и на дальнейшую его замену) в этих языках появились вследствие утраты *i̇* между *o* и *ŕ* и вследствие ассимиляции и стяжения этих гласных в один долгий гласный, указывает долгота конечного слога: старо-чешск. *gukū*, польск. *gękr*. В конце слова у всех славян долгие гласные рано, в доисторическую эпоху, сократились. См. в отделе о количестве слога.

5. Прежние основы на согласный.

§ 65. Прежние основы с суффиксом *-ten* (в чередовании с *-tēn* в среднем роде, с *-tōn* в мужском роде), *-n*, *-en*.

Средний род

врѣмѡ (вм. *bergtēn*, в чередовании с *bergtēn-*: *врѣмѣн-*), *врѣмѡ* (*врѣмѣн-*), *нмѡ* (*нмѣн-*), *плѣмѡ* (*плѣмѣн-*), *пнсмѡ*¹ (*пнсмѣн-*), *сѣмѡ* (*сѣмѣн-*), *тѣмѡ* (*тѣмѣн-*), *чнсмѡ*¹ (*чнсмѣн-*).

Мужской род

камъ: (вм. *katōn*, в чередовании с *katēn-*), *плѡмъ* (*плѣмѣн-*), *крѣмѣнь*, *рѣмѣнь*, *чѣтъмѣнь* — формы винительного падежа ед. числа в значении именительного; *корѣнь*, *дѣнь*.

¹ буква. ² число.

Единственное число

Множественное число

И. Зв.	ИМА	КАМЫ	ДЬНЬ	ИМЕНА	*КАМЕНЕ	ДЬНЕ
Р.	ИМЕНЕ	КАМЕНЕ	ДЬНЕ	ИМЕНЪ	КАМЕНЪ	ДЬНЪ
Д.	ИМЕНИ	КАМЕНИ	ДЬНИ	ИМЕНЬМЪ	КАМЕНЬМЪ	ДЬНЬМЪ
В.	ИМА	КАМЕНЬ	ДЬНЬ	ИМЕНА	КАМЕНИ	ДЬНИ
Т.	ИМЕНЬМЪ	КАМЕНЬМЪ	ДЬНЬМЪ	[ИМЕНЪ]	КАМЕНЬМН	ДЬНЬХЪ
М.	ИМЕНЕ	КАМЕНЕ	ДЬНЕ	ИМЕНЬХЪ	КАМЕНЬХЪ	ДЬНЬМН

Двойственное число

И. В. Зв.	ИМЕНЪ	КАМЕНИ	ДЬНИ
Р. М.	*ИМЕНОУ	*КАМЕНОУ	ДЬНОУ
Д. Т.	ИМЕНЬМА	КАМЕНЬМА	ДЬНЬМА

§ 66. Прежние основы с суффиксом *-os* (в чередовании с *-es*).

небо (небес-) (вм. *nebos-*, в чередовании с *nebes-*), слово (словес-) (вм. *slavos-*, в чередовании с *slaves-*), древо (древес-), коло (колес-), око (оувес-), тело (тѣлес-), оухо (оувшес-), уудо (уудес-).

	Единственное число	Множественное число	Двойственное число	
И. В. Зв.	слово	словеса	И. В. Зв.	словеса
Р.	словеса	словесъ	Р. М.	словесоу
Д.	словесн	словесъмъ	Д. Т.	словесьма
Т.	словесъмъ	[словесы]		
М.	словеса	словесьхъ		

§ 67. Прежние основы с суффиксом *-et*.

агна — агна (агнат-), жрѣва — жрѣва (жрѣват-), класа¹ (класат-), козѣла (козѣлат-), овѣва (овѣват-), осьла (ослат-), отроуа (отроуат-).

¹ вьючное животное.

	Единственное число	Множественное число		Двойственное число
И. В. Зв. Р. Д. Т. М.	отроуа отроуате (отроуати) (отроуатьмь) отроуате	(отроуата) отроуать (отроуатьмь) (отроуаты) (отроуатьхъ)	И. В. Зв. Р. М. Д. Т.	{отроуать} {отроуатоу} {отроуатьма?}

§ 68. Прежние основы с суффиксом *-ter* (в чередовании с *-tēr* в именительном пад. ед. числа).

мати (вм. matēr, в чередовании с mater-), дъшти (вм. dъktēr, в чередовании с dъkter-).

	Единственное число	Множественное число
И. Р. Д. В. Т. М. Зв.	мати. матере матери мзтерь матернхъ (матерьхъ) мзтери =И.	матери матерь матерьмъ матери *матерьми *мзтерьхъ =И. В.

§ 69. С основой на согласный были имена мужского, среднего и женского рода.

Для именительного ед. числа эти основы не имели особого окончания. В именах на *-теп* он характеризовался долготой гласного в этом суффиксе: в мужском роде *-tōp*, изменившееся в *-ту* (см. отдел о конце слова); в среднем роде *-tēp*, изменившееся в *-те*. Итак *кату*, *сѣте*.

Долготой гласного отличалась форма именит. ед. и в основе на *-ter*: *-ter* → *ti*: *mati*, *dъkti* — ст.-слав. *мати*, *дъшти*.

В других формах основа была с кратким гласным *e* во всех именах мужск., средн. и женск. рода. Например, родит. ед. *katene*, *sēmene*, *matere*.

В именах на *-es* (средний род) именит. падеж имел в суффиксе основы гласный *o*: *-os*; в других же формах суффикс был с гласным *e* — *-es*: *pebos* → *pebo*; родит. ед. *pebese*.

Признаком форм с этими основами является окончание *e* в форме родит. ед. всех имен, — окончание вместо более раннего *-es*: *kaŋene, sēmeŋe, pebeŋe, teļēte, matere*.

То же окончание *e* (вместо *-es*) свойственно было форме именит. множ. мужского рода: *kaŋene*.

Что касается имен женского рода в отношении именительного падежа множ. числа, то они издавна все (всех основ) объединились в следующем: для именительного падежа множ. числа стала служить форма винительного: *gory, kosti, materi*. Об окончаниях *y* (*ы*), *i* (основ на *ĭ*) в винит. множ. замечания были сделаны выше. Об *-i* в основах на согласный см. ниже.

Имена среднего рода также объединились в окончании для именит.-винит. множ. числа: для всех имен среднего рода обобщено было в доисторическую эпоху окончание *-a*, которое некогда было свойственно основам на *-o*. Итак: *sēmena, pebesa, teļēta*, как и *mēsta, seļa*.

Форма винит. ед. оканчивалась в именах мужск. и женск. рода на *-ь*, получившийся вместо *-ьп* из *-ĭп*. Такое сочетание (*ĭп* → *ьп*) было некогда у славян вместо *п* (вместо слогового *п̣*) после согласного в конце слова. Согласный же *п* или *т* характеризовал собою форму винит. падежа ед. числа в разных основах во всех индоевропейских языках: *kaŋen-ьп* → *камень, матерь*.

Признаком винительного множ. в морфологических системах всех индоевропейских языков было сочетание *-ns*. См. замечания об основах на *-o, -ĭ, -i, -a*. То же сочетание было в этой форме и в основах на согласный мужск. и женск. рода. Сонорный *п* между согласными, как и в конце слова после согласного, был носителем слога: *п̣*. В славянской ранней фонетической системе было в этих случаях *ĭп*; перед *пs* гласный *ĭ* удлинялся: *ĭпs* → *ĭпs*, а это заменилось гласным *ī*: см. о конце слова — *kaŋeni, materi*.

§ 70. Уже в давнее доисторическое время произошло тесное объединение имен, имевших основу на согласный, с именами, представлявшими основу на *-ĭ* (*ь*). Одинаковые окончания в некоторых формах содействовали этому сближению и воздействию, — воздействию со стороны имен с основой на *-ĭ* (*ь*). Издавна одинаковы были окончания форм винительного ед. мужск. и женск. рода: *-ь*. О его происхождении замечания были сделаны выше: *gostĭn* → *gostь, kostĭ-n* → *kostь; kaŋen-ьп* (*ьп* вм. *п̣*) → *камень, матерь*.

Одинаковы были окончания и формы винит. множ. числа в этих именах: *gostĭ-ns* → *gostĭ, kostĭ-ns* → *kostĭ; kaŋen-ĭns* (*-ĭns*

им. ѓs) → kameni, materi. На гласный -i оканчивалась форма дательного ед. в основах на -i и во всех именах с основой на согласный: gosti, kosti; kameni, nebesi, materi.

Одинаково с основами на -i (-ь) стали передавать и формы творит. ед. мужск. и средн. рода, дат.-твор. двойств. для мужск., средн. и женск. рода, дат., твор., местный множ. числа для всех имен с основой на согласный — с гласным -ь перед окончанием (-i → ь был раньше тематическим элементом основы на -i): как gostьь, gostьма, gostьмъ, gostьчъ, так и каменьь (słowesьь, teleqьь), каменьма, каменьмъ (słowesьь, teleqьь, materьь), каменьи, каменьчъ.

§ 71. В стороне от этого объединения стояли некоторые фониетические образования: они иногда отстают от процессов, переживаемых обыденной речью, как имена особой значимости. В этих именах и в историческое время по славянским областям держатся, хотя как реликты, давние образования. С течением времени и эти реликты заменяются обычными формами. Так, у чехов в старое (историческое) время были имена dol'ane, vrbčane — название групп населения и местности их жительства. Формы дат., творит., местн. представлены были в давнем виде, без ь: dol'an-мъ → dol'amъ → dol'am, въ dol'an-сь → въ dol'ansъ → въ dol'asъ → въ dol'as. Такие же реликты представляют памятники русские, сербо-хорватские и современные говоры словинские и словацкие. Напр.: содомламъ (= содомламь) — в Архангельском ев. конца XI в. (именит. множ. содомлани), огуптамн, македонамн — в толкованиях на слова Григория Богослова, XIV в. (именит. ед. огуптани, македонани), дубровчамъ грађамъ (дат. мн. — дубровчанам, гражданам) в сербской грамоте боснийского бана (правителя) Кулика 1189 года; goričam — в словинском (именит. goričane), v Topolčach — у словаков (именит. Topolčane).

§ 72. В отдельных славянских языках воздействие форм с прежней основой на -i позднее отражается и на других формах имен с основой на согласный. Это воздействие пережито было и в языке писцов старославянских памятников. Так, при прежних формах именительного камъ, пламя находятся и новые — камень, пламень — формы винительного падежа, но применяемые и для именительного, как гость, пать, служившие для именит. и винит. Другие имена мужск. рода совсем не засвидетельствованы с -ы: представлены формы на -ь: ремень.

Остатки прежних форм на -у (*у*) представлены до сих пор в южносербских говорах — *капѣ*, а также в кашубском языке: *катэ, рѣтэ, їетэ, јаѣтэ* (э гласный средне-переднего ряда, ослабленный, явившийся в кратком слоге вместо у — *у*). В XVII—XVIII вв. было *катої* (*ої* вместо у) и у полабских славян.

При традиционной форме родит. единств. на -е (*камене*) встречаются в старославянских памятниках формы с окончанием -и в разных именах с основой на согласный, — как в именах с прежней основой на *ї*: *камени, дъни, вѣвни, словеси, матери*.

С таким же окончанием употребляется и форма местного ед., при старой на -е: *на камени, въ дъни; на небеси, въ колеси* (2 последних примера из Син. пс.).

Во множественном числе представлена старая форма именит. на -е: *камене*. Но имеются образования и с элементами основ на *ї*: *камenni, дъnnи*, как *пѣnnи*. Так и в родительном множ.: *дъnnи* (*дъnnи*), *дъштерnnи* (*дъштерен* — Син. пс.).

Такие образования форм именит. и родит. множ., по образцу форм с прежней основой на -ї, были продуктивны во всех славянских языках. Ср., напр., русские формы *каменя, камней, людей*.

§ 73. Именит.-винит. двойств. числа издавна имел форму с окончанием -i, как в основах на -ї: *камени, матери, имени*. Для имен среднего рода чаще применяется в языке старославянских памятников окончание *ъ*, — по образцу имен среднего рода с прежней основой на -о: *именъ, словесъ*, как *селъ*.

Связь с именами среднего рода с прежней основой на -о отразилась и на образовании формы творит. множ.: она представлена в старославянском языке с окончанием -ы: *имены, словесы*, как *свлы*.

Весьма значительный результат такого воздействия основ на -о среднего рода отразился в языке старославянских памятников еще в следующем: нередко формы имен с прежней основой на -es (-os) образуются с новой основой, в зависимости от формы именительного падежа ед. числа, оканчивавшейся на -о: *слово* (*slowo* вм. *slavos*), — образуются так, как представлены были формы для имен с основой на -о: *село, място*.

Итак: родит. ед. *слова, нбѣа*, дат. ед. *словоу, нбѣоу*, местн. ед. *словѣ*, как *село, свѣа, селоу, селѣ*.

Подобно этому появились формы дат. ед. *окоу*, твор. *окомь*, местн. *оцѣ*, при именительном ед. *око* (прежняя основа *okos* в именит. ед., *оѣс-* — в других формах).

В таком же направлении происходили новообразования в именах с прежней основой на *-es (-os)* и по другим славянским языкам.

§ 74. Для имен *око, оухо* в двойственном числе издавна употреблялись формы с иной давней основой, — с основой на *-ĭ*.

И.-В. *оѣн, оуѣн*

Р.-М. *оуню, оушню*

Д.-Т. *оуниа, оушниа*

И в других славянских языках сохранились эти формы. Под воздействием ряда имен, основы которых в одних формах имели гласный *e* (из *ь* в сильном положении), в других нуль звука (утрата *-ь* в слабом положении), возникло подобное чередование и в именах с давним *-e (men)*: *вѣрмена* — им.-вин. множ., на *камни* (Син. пс.), — так, как *дѣнь* — *днѣ*, *вѣрѣнь* — *вѣрна* и т. п. То же явление пережито и в русском языке под влиянием имен с „беглыми“ *o, e*: *ров* — *рва*, *лѣд* — *лѣда* и др.

§ 75. В отношении имен женского рода отметим употребление формы родит. ед. в значении винительного. Это — явление синтаксическое. Оно отражается и в именах женск. рода с давней основой на *-ĭ* *свекры, свекръво...*

Ср. родит. в значении винительного в таких примерах: *любан сына[!]* и *дѣштерѣ* (Савв. кн.); *любан оѣца[!]* и *матерѣ* (Супр. рук.);

обращошн александра и ъ юго матерѣ пуроннѣ (Супр. рук.) и др. Применение формы родит. *матерѣ, дѣштерѣ* вместо винит. *матерь, дѣштерь* вызвано воздействием сочетаний с родительным вместо винительного при именах мужск. рода, — при именах лиц: см. указанные примеры. Пример для *свекры*: *свекръво своѣ* (Зограф.) вм. *свекръвь своѣ*.

§ 76. По основам на согласный образованы были некогда некоторые формы во множественном числе для имен мужск. рода с суффиксом *-aninъ* в ед., *-an* во множ., а также с суффиксами *-tel-, -ar-*. Показания языка старославянских памятников: именит. ед. *гражданнѣ, дѣлтелѣ, създѣтелѣ, мытарѣ*.

Именит. множ. *граждане, дѣлтеле* или *дѣлтеле, създѣтеле* или *създѣтеле, с мягким л', как в формах ед. числа; мытары*.

Родит. множ. *гражданѣ, дѣлтель*. В образовании других форм множ. числа представлены элементы форм с основой на *-o, -jo*.

Дат. множ. на *-'emъ: дѣлтелямъ*.

Вин. множ. на *-'a: дѣлтсамъ*.

Твор. множ. на -ы и на 'н: дѣлатели, родители; прѣдъ многы съвѣдѣтели (Син. тр.), мытары, или с мягким согласным, как в единственном числе и в именительном множ.: съ мытар'н, родителей'н.

По образцу форм мужского рода с основой на -о стали образовывать и форму именительного падежа: съвѣдѣтели, мытари; крѣстьяни (Супр. рук.).

В единственном числе эти имена издавна представляли образование с основой на -о, -jo: gordjaninъ — гражданинъ, родит. ед. gordjanina — гражданна...; dѣlatel'ь — дѣлатель, родит. ед. dѣlatel'a — дѣлатель; цѣлтелю (зват.) болашннмъ, дателю (зват.), прѣсациннмъ (Син. тр.).

В отношении основ на -anin- в ед., на -an- во множ. отметим формы дат., твор. и местного множ.: в старославянских памятниках эти формы представляли окончания -ан-емъ, -ан-ы, -ан-ехъ: гражданемъ, гражданы, гражданехъ. Но выше мы отметили в славянских языках реликты давних форм, восходивших к -an-тъ → -амъ, -an-ти → ати, -an-съ → асъ (местн. множ.): dolamъ, dalasъ. Возможно, что такие реликты были и по говорам славян болгарских. Но в старославянских они не отразились.

6. Прежние основы на -й (→ у в конце слова, -ѣу перед гласным).

§ 77. брѣды¹ (брѣдѣ-), боукы² (боукѣ-), жрѣны (жрѣнѣ-), локы³ (локѣ-), любы (любѣ-), цѣлы (или цѣльа), неплоды (неплодѣ-), свекры (свекрѣ-), тыкы⁴ (тыкѣ-), црѣны (црѣнѣ-), хоржгы⁵ (хоржгѣ-), штры (штрѣ-).

	Единственное число	Множественное число		Двойственное число
И.	свекры	свекрѣн	И. В.	свекрѣн
Р.	свекрѣе	свекрѣтъ	Р. М.	свекрѣѣоу
Д.	свекрѣи	свекрѣвамъ	Д. Т.	свекрѣвамѣ
В.	свекрѣѣ, любѣѣ, крѣѣ	свекрѣи		
Т.	свекрѣннѣ (свекрѣвнѣ)	свекрѣамн		
М.	свекрѣе	свекрѣвахъ		

По этим основам изменялись и два слова-корня: кгу („кровь“) и бру („бровь“).

¹ топор. ² буква. ³ лужа. ⁴ тыква. ⁵ знамя; из монгольского orongo, ho-gongo; слав. stamica, zaslava, porogъ — южнослав. prarog.

§ 78. К этим основам принадлежали имена женского рода.

В именит. пад. ед. ч. эти имена представляли гласный у (ы) вм. ѱ, с утратой конечного s, на которое указывают соответствия с другими индоевропейскими языками. Ср. др.-инд. *śvaśrūḥ* (*śvaśruḥ*), лат. *socus*, слав. *svekry*; латышск. *džirnis*; слав. *žьny* („жернов“).

В других формах основа была с-зѡ, потому что далее следовал гласный: *svekgъve* — род. ед., *svekgъvi* — дат. ед. и т. д.

В единственном числе формы были образованы так, как в именах с основой на согласный. Согласный элемент здесь был -ѡ (-ъѡ): родит. *svekgъv-e*, сѣъѡ (просаща цѣльѡ, ты вси цѣльѡ, Син. тр.); дат. *svekgъv-i*; винит. *svekgъv-ь*.

В других формах отразилось воздействие форм для имен женск. рода с основой на -ї (-ь) и на -а. По основам на -ї образована форма творит. ед. *svekgъвьj*, вин.-именит. множ. *svekgъvi*. Позднее в отдельных славянских языках, в том числе и в болгарском, формы основ на -ї отразились и на образовании родит. и местн. ед.: ст.-сл. *свѣкръѡ*, позднее *свѣкръи*, отъ кръѡ, во кръѡ (2 последних примера из Син. пс.); *кръѡи свѡ* (Син. тр.).

В Синайской псалтыри в именительном множ. представлено окончание -ѡ, как в основах на согласный мужского рода. С таким окончанием находится в этом случае и причастие: *късѡвьѡи* *нѣплодъѡ въ домъ*; *мѣре ѡ уѡдъѡхъ вѣсѡвѡшѡе сѡ*.

Формы дат., твор., местн. множ. и дат.-твор. двойств. рано по славянским языкам стали образовываться по образцу имен на -а: ст.-слав. *цркъѡвѡмъ*, *цркъѡвѡми*, *цркъѡвѡхъ*; *цркъѡвѡмѡ*.

Форма вин. ед. с основой на -ъѡ стала служить в славянских языках и для именит. ед. В ст.-сл. *свѣкры*, но *кръѡь*. Другие имена на -ъѡ по славянским языкам: *brъv' [ъ]*, *svekgъv' [ъ]*, *jetъv' [ъ]*, *l'ubъv' [ъ]*. Но по славянским группам некоторые имена на -у (ы) держались долго. Так, в старопольских памятниках письменности XIV—XVI вв.: *kry*, *jetry*, латинский перевод — *uxor fratris mariti*; *šv'ekry*, латинский перевод — *socus* (в судебных записках). Но уже и тогда в других говорах употреблялись формы *krev*, *jetrev*. В кашубских говорах до сих пор употребляют прежние формы: *kry* (krə), *cékri*, *marchi* („морковь“). Держалась эта форма и у полабских славян (*kroј*; у → oј). В некоторых русских говорах до сих пор держится форма *свѣкры* (Вологодская, Рязанская, Тульская области, район Ростова-на-Дону).

В области хорватов на юго-западе находятся формы именит. ед. tiki (вм. tyky), smoki (вм. smoky), skki (вм. sygyky), kti (вм. kry). Так по говорам чакавской группы. Существительное km вместо kry) — в хорватском говоре острова Цреса (родит., пад. kvi). Несклоняемое же имя l'ubi (вм. l'uby) в значении „жена“ употребляется и в других сербо-хорватских краях.

В языке старославянских памятников в винительном падеже единственного числа употреблялась не только форма на -ъь, но и форма родительного на -ъь, как и в основах на согласный женского рода; см. выше. В именах на -ы, -ъь- форма на -ъь в винительном пад. употреблялась не только в именах лиц (ско-кръь), но и предметов: вьннѣ въ цръкьь, да отвръзеть цръкьь (Супр. рук.).

Особое замечание о сочетании любви дьяти, прълюбы дьяти. Возможно полагать, что любви в этом сочетании восходит к древней форме не именительного, а винительного падежа. Подобное образование винительного пад. представлено было в латинском и в греческом языках: лат. socium (именит. socius, род. socius), греч. ἰχθύ (именит. ἰχθύς — „рыба“).

МЕСТОИМЕНΙΑ

Личные местоимения

§ 79.

	1 лицо	2 лицо	Возвратное
Единственное число			
И.	азъ	ты	
Р.	мене	тебе	себе
Д.	мнѣ, ми	тебѣ, ти	себе, си
В.	ма	та	са
Т.	мѣноу	тебѣю	себѣю
М.	мнѣ	тебѣ	себѣ
Множественное число			
И.	мы	вы	
Р.	насъ	васъ	
Д.	намъ, ны	вамъ, вы	
В.	ны	вы	
Т.	нами	вами	
М.	насъ	васъ	

	1 лицо	2 лицо	Возвратное
Двойственное число			
И.	въ	ва	
Р. М.	нлю	влю	
Д. Т.	нама	вма	
В.	на	ва	

§ 80. Именительный ед. 1 л. был представлен в доисторическое время у славян сочетанием *jazъ*, с *j*, появившимся перед гласным *a* в начале слова (*jagne*, *javiti* и др.) См. в отделе о начале слова.

В тех славянских группах, которые легли в основу болгарских, непоследовательно были представлены сочетания со вторичным *j*: при сочетаниях с *ja-* были и сочетания с *-a*: *javiti*, *aviti*; *jagne*, *agne*. Без *j* было и местоимение *азъ*. В таком звуковом виде оно было в языке славян Солунского района, — в языке, элементы которого легли в основу языка первых славянских (кирилло-мефодиевских) переводов, и в говорах, находившихся далее к востоку полуострова (*азъ*). Но были и такие болгарские группы, на западе и юго-западе, которые представляли это местоимение с *j*: *jazъ*.

Позднее, в X—XI вв., утрачен конечный *ъ*: *азъ* → *az*, *jazъ* → *jaz*. В сочетании *az* согласный не был в позднейшее время утрачен: с *этим согласным связалось значение этой формы, — значение формы именит. ед. 1 л.; один гласный *a* был бы не выразителен для этой передачи.

В виде *az* (*as*) это местоимение существует и поныне в восточноболгарской области.

Сочетание же *jaz* в юго-западных болгарских областях имело иную судьбу. Во многих говорах обнаружилась тенденция распространить эту форму элементами *-e*, *-eka*, *-ika*, *-ka*: *jaze*, *jazeka*, *jazika*, *jaska*. В таком виде это местоимение существует до сих пор в юго-западной Македонии. В других говорах конечный согласный *z* утрачен: *jaz* → *ja*. Сочетание *ja* было достаточно выразительным для формы именит. ед. 1 л., как это обнаруживается в истории и других славянских языков. По говорам юго-западной Македонии держится до настоящего времени и сочетание с конечным *s* (из *z*): *jas*.

В Синайском требнике и в Синайской псалтыри встречается форма родительного ед. м'не: *паче м'не, не отъсташи отъ мене* и др. Та же форма служит и для винительного падежа: *прими м'не* и *помнаоун ма* (Син. тр.) Это — новообразование, под влиянием формы дательного ед.: *мнѣ*. Такой же процесс пережит и всеми западнославянскими языками. Отразился он и на востоке: *щете мене, ѿ мене, мене ради* в Добриловом ев. 1164 г.. Такое же новообразование для формы родит.-винит. было и в речи серба Григория, одного из писцов Мирославова ев. (XII в.): *а мене гд не забуди грѣшнаго, нь съхрани мене; да мене не храниши грѣшнаго.. помнаоун мене григория грѣшнаго.*

Дат. и местн. ед. 1 л. старославянские памятники XI в. представляют с *ь* и *ъ*: *мнѣ, мнѣ*. К этому времени слабые *ъ, ь* были утрачены. Можно полагать, что в этом местоимении был гласный переднего ряда, *ь*. Так можно думать на основании отношения формы дат.-местн. и формы твор. ед. во 2 л. и в возвратном местоимении: там представлено такое чередование в этих формах: в дат.-местн. гласный переднего ряда, в твор. — гласный заднего ряда: *тебѣ, себѣ* — *тобоуж, собоуж*. Повидимому, подобное чередование было и в формах 1 л.: *мнѣ* — *мнѣоуж*.

§ 81. Формы дат. ед. *ми, ти, си* — энклитики. Такие местоимения были во всех славянских языках. Происхождение *i* в этих формах — из дифтонга *oi*. См. в отделе о *ě* и *i*.

Энклитически употреблялись и местоимения для дат. множ.: *мы, вы*: *ѣзвѣстно мы естъ* (Син. тр.).

Вин. ед. *ма, та, са*. Эти формы древнего происхождения. Гласный *ѣ* — вместо *ѣп* (*ēp*). См. в отделе о носовых гласных. Эти местоимения в старославянском языке не употреблялись энклитически. Они имели попрежнему самостоятельное значение в отношении ударения: *приведѣте прѣдъ ма* (Супр. рук.), *на та оупѣбахъ* (Син. пс.).

Самостоятельное значение имели и формы вин. множ.: *мы, вы*: *тогда научиште глаголющимъ горамаъ падеже на ны і хлѣбомъ покрите ны*.

Несколько позднее, в XII—XIII вв. и формы *ма, та, са* стали несамостоятельными, в отношении ударения примкнув к соседнему слову. В связи с этой несамостоятельностью произошло ослабление в их образовании. Редукция выражалась в отвердении согласного и в изменении артикуляции гласного, в его передвижке в задний ряд: *ма* → *мѣ*, *та* → *тѣ*, *са* → *сѣ*. Так передаются эти местоимения в среднеболгарских памятниках XII—XIV вв.

С заменой гласного *ъ* посредством *ь* эти местоимения получили такой звуковой вид: *мъ, ть, съ*. Так по болгарским говорам и в настоящее время. С этим можно сравнить процесс отвердения *с* в *с'а* (из *са*) при таких же условиях, отразившийся в русских говорах (северных и среднерусских): *умдойса, раздтън'са* и др.

В отношении формы именит. мн. 1 л. представлено новообразование в Киевских листках: *мы, с м-*, как в других формах множ. числа.

Для вин. мн. употребляются не только давние формы этого падежа (*мы, вы*), но и формы родит. *насъ, васъ*: [приде] *насъ* *мж-итъ*, *аще изгонниши насъ* (Савв. кн.).

В двойств. числе для именит. и винит. 1 л. употреблялись разные формы: *въ* — для именит., *на* — для винит.: *отъвѣштася же мѣ родители* (*ъ* — в глаголическом памятнике, в кириллическом — *и: родители*, т. е. отец и мать) *его* и *рѣств: ... въ не въвъ* (Марин.) — "... *мы [оба] не знаем*".

В винит. двойств. кроме давних форм *на, ва* употребляются и новые: *мы, вы*, как во множ.

Для 2 л. *вы* применяется и для именит. двойств.

§ 82. Неличные местоимения

Основа на -о тъ, то, та				Основа на -е и [ѡ], ѡ [ѡе], ѡ [ѡе]		
Единственное число						
И.	тъ	то	та	[иѡе]	[ѡѡе]	[ѡѡе]
Р.	того	—	тога	ѡго	—	ѡга
Д.	томуу	—	тона	ѡмоу	—	ѡна
В.	тъ	то	та	и [ѡн']ь	ѡ	ѡ
Т.	тъмь	—	томь	нмь	—	ѡнмь
М.	томь	—	тон	ѡмь	—	ѡн
Множественное число						
И.	ти	та	ты	[иѡс]	[ѡѡс]	[ѡѡс]
Р.	—	тъхъ	—	—	нхъ	—
Д.	—	тъмъ	—	—	нмъ	—
В.	ты	та	ты	ѡ	ѡ	ѡ
Т.	—	тъми	—	—	нми	—
М.	—	тъхъ	—	—	нхъ	—

Основа на -o
тъ, то, та

Основа на -je
и[же], ю[же], ѝ[же]

Двойственное число

И. В.	та	тъ	тъ	[ѝже]	[нже]	[нже]
Р. М.	—	тою	—	—	юю	—
Д. Т.	—	тъма	—	—	нма	—

§ 83. Формы неличных местоимений объединяются в одну группу склонения местоименного, — объединяются общими чертами и в образовании основы, и в окончаниях.

В образовании основы общую черту этого склонения составляет распространение основы посредством *i* (*j*): *toi-*, *ovo-* и др. Такое распространение было в следующих формах: в творит. ед. мужск. и средн. рода; в родит., дат., творит. и местн. ед. женск. рода; в родит., дат., творит., местн. множ. всех родов; в родит.-местн., в дат.-творит. двойств. для всех родов.

Перед согласным *oi* изменилось в *ě*: *toi-mi* → *těmь* (творит. ед. мужск. и средн. рода), *toi-sū* → *těchъ* (родит. множ.) и др.

Перед гласным — *oi* (*oj*): *toje* — в южных группах, *tojě* (*toě*) — в восточных и западных (родит. ед. женск. рода); *toi-i* → *toi* (дат.-местн. ед. женск. рода) и др.

После палатального согласного *oi* изменилось в *e*, а сочетание *e* перед согласным заменилось монофтонгом *i*: *je-mi* → *ji-mь* → *i-mь* (творит. ед. мужск. и средн. рода). Перед гласным *jej-*: *jej-i* → *jei* (дат.-местн. ед. женск. р.) и др.

На дифтонг *oi* указывает также судьба *k*, *g*: эти согласные изменились в таком положении в *s*, *dž*: *kogo*, но *čemь* (творит. ед.); *tъnogъ*, но *tъnodzěmi* (творит. множ.)

Характерными чертами в окончаниях неличных форм являются следующие.

1) В родит. ед. мужск. и средн. рода -so и -go. Окончание -so, которому имеются соответствия и в других индоевропейских языках (др.-инд. *tasya*, др.-прусс. *stesse*), удержалось только в одном местоимении: *česo* (именит. *čьto*). Во всех других местоимениях окончанием этого падежа служит -go (*togo*). Его происхождение неясно.

2) В дат. ед. мужск. и средн. рода -mu: *tomu*, *jemu*, *čemu*.

3) В местном един. мужск. и средн. -ть: тошь, јеть, џеть.

4) Родительный множ. всех родов на -сѣъ (-сѣ из -s). тѣсѣъ, ісѣъ. Согласным -s- характеризовалось окончание этой формы местоимений и в других индоевропейских языках: др.-инд. -s-ām (téṣām), лат. gum, вм. sum (istōrum), др.-прусск. -s-on (stēison).

Возможно полагать, что такое же окончание было и в личных местоимениях: пасъ, васъ вм. pōs-son, vōs-son.

5) В славянских языковых группах доисторического времени в состав окончания дательного и местного ед. мужск. и средн. рода входило сочетание -му (дат.), -ть (местн.), но не -sm с последующим гласным, как это было в некоторых других индоевропейских языках. Слав. тому, тошь, др.-инд. tasmai (ta-smai), др.-прусск. stesmu (stes-mu), умбр. esmei — дат. ед.; др.-инд. tāsmin, умбр. esme — местн.

§ 84. Именит.-вин. ед. средн. рода оканчивался на гласный основы -о. Некогда за этим гласным следовало собственное окончание падежа -d (-t), которое в славянском утрачено в конце слова (так и в некоторых других языках, — в греческом, в балтийских). Ср. др.-инд. tát (tád вм. to-d), лат. -tud (istud вм. is-tod), греч. τό, слав. то. Гласный -о стал служить приметой именит.-вин. пад. ед. числа и в именах: сею, слово (см. в отделе об именах).

Винит. ед. мужск. рода с -ъ после твердого согласного, с -ь после мягкого: ть, опъ, јь → і. Некогда признаком этого падежа во всех индоевропейских языках был носовой согласный (n, m), как и в именах. Ср. др.-инд. táṃ, греч. τόv.

Особое замечание о сочетании јь. Оно изменялось в і: посла и — „послал его“, и видъ и — „и увидел его“. Если же это местоимение было в сочетании с предлогом въп (о предлогах въп → вь, съп → съ, къп → къ см. в отделе о конце слова), то согласный и в таком сочетании не утрачивался: он ассимилировался с ј: въп-јь → въп'ь — ст.-сл. вьн'ь. С течением времени носовой согласный отошел от предлога, так как в других случаях этот предлог был в виде вь. Такой же процесс перераспределения элементов сочетания произошел и в сочетаниях с предлогами къп, съп: къп-јемѣ → къп'-емѣ → къ-п'емѣ; съп-јимъ → → съп'-имъ → съ-п'имъ. Появилась тенденция образовывать эти местоимения с п' и после других предлогов: за-п'ь — за п'ь и др. Подробнее см. в отделе о конце слова.

Родит. ед. женск. рода на *ę* или на *-ĕ*. На *-ę* эта форма оканчивалась в группах, легших в основу южнославянских языков, на *-ĕ* в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских. Ст.-сл. *гѣа, ѡа*, др.-русск. *гѣъ, ѡѣ*. Такое же различие было представлено и в формах винит.-именит. множ. женск. рода. После мягкого согласного: ст.-сл. *ѡѣѡ, ѡа*, др.-русск. *ѡѣѡ, ѡа*. Ср. те же окончания в именных основах на *ја* и в винит. множ. мужск. рода в основах на *-јо*: ст.-сл. *зѣмля, коня*, др.-русск. *зѣмль, конь*.

В творительном падеже ед. женск. рода характерным славянским оформлением был носовой элемент, как и в именах: *toj-ŕ*. Ср. соответствующую форму, без носового согласного в др.-инд. *tauā*, в др.-иран. *aētaua*. Как было указано выше, в отделе об именных формах, элементы *-o-ŕ* стали издавна у славян морфологической приметой для творительного падежа ед. не только в местоимениях, но в именах на *-a*: *gora — gorojŕ* как *ta — tojŕ*. Именит. множ. мужск. рода оканчивался на *-i*: *ti, oni, sami, taci* (родит. *takogo*). Ср. *с(и) вм. к* перед *i* — явление, указывающее, что некогда тут был дифтонг *oi*. Когда-то окончанием этой формы был собственно гласный *-i*; гласный же *o* относился к основе: *to-i*. Такой вид эта форма имела и в других индоевропейских языках: греч. *toi*, латин. *istī* (конечный *ī* из *oi*), лит. *iẽ* (*-ĕ* тоже из более раннего дифтонга).

В разных индоевропейских языках, в том числе и в славянских, в давнее время сочетанием *-oi* стали оканчивать форму и имен существительных мужск. рода с основой на *-o*: греч. *λόχοι*, слав. *vьsī*.

Именит.-винит. множ. среднего рода имел то же окончание, как и в именах существительных — *a*: *ta, ona, jaže*. Так и в других индоевропейских языках: греч. *tá*, лат. *ista*.

В прочих формах окончания одинаковы с окончаниями форм имен существительных.

В именительном падеже ед., множ. и двойств. чисел утрачена была уже в доисторическое время форма местоимения с основой на *je* (*jego, jemu...*) Звуковой вид этих форм был такой: *i* (мужск. р.), *je* (средн. р.), *ja* (женск. р.) в ед., *i, ja, ję* или *jĕ* (*ĕ*) во множ., *ja* (мужск. р.), *i* (средн. и женск.) в двойств. Утрата этих форм была вызвана тем, что в таком виде они были недостаточно выразительны для функции именительного падежа. Но эти формы сохранились в сочетании с частицей *že*: *iže, ježe, jaže* и

др.— в местоимениях, имеющих иное значение, относительноное — (соответствует русским „который, которое, которая и др.). Сохранились эти формы и в сочетании с прилагательными: *dobrŭi* (*dobrŭ-i*), *dobroje* (*dobro-je*), *dobraja* (*dobra-ja*) и др. Вне же сочетаний для местоимения с основой на *-je* в именительном падеже стали применять другое указательное местоимение: в одних славянских группах *опъ*, *опо*, *опа* и т. д.; в других — *тъ*, *то*, *та*. В группах, легших в основу болгарского языка, применялись издавна *опъ*, *опо*, *опа...* в одних местах, *тъ*, *та*, *то...* в других, преимущественно на востоке. В языке старославянском *онъ*, *оно*, *она* — ед.; *они*, *она*, *оны* — мн.; *она*, *онъ* (средн. и женск. р.) в двойств.

§ 85. Так, как представлены формы *тъ*, *то*, *та*, склонялись местоимения *оуъ* („этот“), *онъ* („тот“), *какъ* (греч. *tís*, лат. *quis*, „какой“ — вопросит.), *такъ* (лат. *talis* — „такой“), *иакъ*, *иакъ же*, глаголич. *вкъ*, *вкъ же* (греч. *oĩos*, *oĩs dĩpote*, лат. *qualis*, *quicunque* — „какой, какой бы ни“), *сикъ* (лат. *talis* — „такой“), *всьмакъ*, глаголич. *всьмакъ*, *самъ*, *къ*-(*къто*).

самъ, *самого*, *самоу*...

сама, дат. [*товъ*] *самон*...

всьмакъ, *всьмакого*, *всьмакому*, *всьмацъма* (твор.), *на всьмакомъ мьстѣ*...

такъ — „такой“: *такъ ко оуставъ естъ* (Син. тр.), *вхървѣвъ на такъ ѱѣвъ* [*ѱловкъ*] (Син. тр.); *такого*, *такому*... *какъ ты едннъ вьси гї какы моа сятъ вьды* (Син. тр.).

иакъ, *иакого*, *иакому*, *ицъма*: *ицъма недѣгомъ*, *ицъхъ* (родит. мн.); *ризы сго льшташта са бѣлы зьло вко I снѣгъ. вцъхъ же* („каких“) *не можетъ гнафен* [„красильщик“] *бѣлнн* (Зограф.).

Для местоимений *коликъ* (греч. *póros*, лат. *quantus* — „какой, сколь великий“) *толнъ* (греч. *tozobtos*, лат. *tantus* — „столь большой“), *ю нкъ* (греч. *oĩos*, лат. *quantus* — „какой, сколь великий“), представлены в языке старославянских памятников формы разного образования, именные и местоименные.

Именные формы: *толнъ*, *толна* (родит. ед. мужск. и средн. р.), *толнку*, *толн.омъ* (твор. ед. мужск. и средн. р.) и др.; местоименные формы: *толнцъма* (творит. ед. мужск. и средн. р.), *толнцъми* (творит. множ.), *толнцъхъ* (местн. множ.).

§ 86. Отражаются в старославянских памятниках и иного образования формы, — образования, подобные сложным формам прилагательных: *новннхъ* — *новнхъ* — родит. мн.; *новннъ* — *новнмъ* — дат. мн. В старославянских памятниках обнаруживаются подоб-

ного образования формы и для местоимений *тъ, овъ, самъ, такъ*. Напр.: *тъ* в.м. *тъи* (*тъ-и*) — именит. ед. мужск. р. в Зограф. код.; *тн* — именит. мн. в Супр. рук.; *тъа* — именит. мн. женск. р. в Савв. кн.; *такъа* — винит. мн. в Супр. рук. и др.

Процесс такого образования форм для местоимений пережит и всеми другими славянскими языками.

§ 87. Подобно формам *jego, jemu, imъ, jeje(jejè), jei* и т. д. склонялись местоимения с палатальным согласным: *сь-(čьto)* и местоимения притяжательные: *moi, moje, moja; tvoi, tvoje, tvoja. svoi, svoje, svoja; paъ, paše, paša; vaъ, vaše, vaša; č'i (чн) č'ije (чнъ), č'ija (чнъ)*.

Представим формы для местоимений притяжательных (*вашъ*), *кѣто — уѣто* и для местоимений с разными основами — *сь, кн*. Наконец, отметим формы местоимения *весь*.

ВАШЪ

	Единственное число	Множественное число
И.	вашъ, ваше, ваша	ваши, ваши, (средн. р.), ваша
Р.	вашего, —, вашей	вашихъ
Д.	вашему, —, вашим	вашимъ
В.	вашь, ваше, вашихъ	ваша, ваша, вашихъ
Т.	вашимъ, —, вашимъ	вашими
М.	вашемъ, —, вашим	вашихъ
Двойственное число		
И. В.	ваша (мужск. р.)	ваши (средн. и женск. р.)
Р. М.		вашю
Д. Т.		вашима

§ 88. Притяжательные местоимения были образованы в глубокой давности от личных местоимений посредством суффикса possessивного значения *-jo-*: *pas-jo* (из *pōs-jo-*) → *paše* — (именит. пад. мужск. р. *vaъ*), *vas-jo* — (из *vōs-jo-*) → *vaše* (именит. пад. мужск. р. *vaъ*). И местоимения *moje (moi), tvoje (tvoi), svoje (svoi)* были образованы от личных: от основ 1 л. ед. ч. *по-, tvo-, svo-*. (В формах личных местоимений *tv-, sv-* не имели согласного *v*: *tebe, tobojъ, sebe, sobojъ*.)

В старославянских памятниках имеются примеры формы местного падежа ед. числа мужск. и средн. рода с окончанием -нѣ: *монѣ*, *нашнѣ* (Син. пс., Син. тр.). В этих примерах отразился процесс объединения формы местного с формой творительного, — процесс, пережитый в историческое время и другими славянскими группами (напр., русск. диалект. *в моим*, *в нашем доме*, *в новом доме*).

Посредством того же суффикса -jo образованы и местоимения possessивного значения:

сьје → čīje — (именит. пад. ед. ч. мужск. р. čīi — ушн) — от местоимения сь;

къје → kūje — (именит. пад. ед. ч. kūi — кын, кою, каю).

§ 89. Местоимение kūi — кын издавна имело падежные формы разного образования: одни от основы које-, другие по типу сложных форм прилагательных: твор. пад. ед. ч. кынѣ, родит. пад. мн. ч. кынхъ и др. См. парадигму.

КЫН

Единственное число				Множественное число		
И.	кын	кою	каю	чин.	каю	кыя
Р.	коюго	—	коюа	—	кынхъ	—
Д.	коюмоу	—	коюн	—	кыннѣ	—
В.	кын	кою	каѣ, коѣ	кыя	каю	кыя
Т.	кыннѣ	—	коюѣ	—	кыннн	—
М.	коюѣ	—	коюн	—	кынхъ	—
Двойственное число						
Для двойственного числа засвидетельствована только одна форма — винит. пад. женск. рода: чѣн.						

§ 90. Указание на отношение к кому-нибудь представлял также суффикс -tego, -того. Такой суффикс применялся к местоимению ko-: *kotoro-* (*kotorgъ-i* → *kotoryi*, ст.-сл. *которыи*, *котораи* — женск. р.), *kotero-* (ст.-сл. *котерыи*). В славянских группах в состав местоимения такого образования входило и къ-: *кътого-*, *къtego-*. К таким образованиям восходят чешское *který*, польск.

któgu и др. Для местоимения *который*, *которая* падежные формы образовывались по типу сложных форм прилагательных: *котораго* (*котораго*), *котороуямоу* (*котороуямоу*)...

С суффиксом *-tego* было еще местоимение *стеръ* — лат. *aliquis*, „некоторый, один“, образованное от указательного словечка *e*; см. в отделе о начале слова. Изменялось это местоимение по именному склонению: *стера*, *стероу*.

§ 91.

КЪТО		УЪТО
И.	къто	уъто
Р.	кого	уесо, [уьсо, уьсого, уьсого]
Д.	кому	уьмду, [уьсомоу, уьсомоу]
В.	кого	уъто
Т.	чьмь	уньмь
М.	комь	уемь, [уьсомь]

Происхождение этих местоимений: *къ-*(*ко-*) восходит к основному *k^ho-*, а *сь-*(*сье-*) — к основному *k^hej-*, *k^he-*: слав. *къто* — др.-инд. *kāh* („кто?“), женск. рода др.-инд. *kā*, лит. *kàs*, женск. р. лит. *kà*, лат. *quae* (из *qua-i*); слав. *сьто* (только средн. рода) — лат. *quis*, *quid*, хет. *kuiš*, *kuit*.

В славянских группах доисторического времени произошло иное распределение этих основ сравнительно с судьбой их в других индоевропейских языках. У славян местоимения с основой *ко-* (*къто*, *kogo*...) стали относиться к лицам, а с основой *сье-* (*сьто*, *сьeso*...) к вещам.

Для именительного падежа местоимения в виде *къ*, *сь* были недостаточно полными: они получили распространение посредством местоименного элемента *-to*: *къто*, *сьто*. Но *сь* сохранялось в сочетании с *же* и с отрицанием *пи*: *пицьже*, ст.-сл. *нѣтъже*. По славянским группам удержалось *сь* и с отрицанием *пи*, без частицы *же*: *пиць*. Старочешский и словинский языки указывают на такое местоимение. Без распространения посредством *-to* это местоимение могло быть в сочетании с предлогами: *па-сь*, *за-сь* и др. Ср. в чешском, в польском *za-č*, *pro-č*, *v-pi-ve-č* — „в ничто“, в словацком *pa-č*, *pi-vo-č*.

В чакавской группе сербо-хорватского языка сохранялось *сь* и без сочетания с другими элементами: чакавское местоимение *ѡа*.

Родит. пад. kogo, с окончанием -го, типичным для славянских групп. В местоимении česo окончанием было -so, которое имеет себе соответствия и в некоторых других индоевропейских языках, как отмечено было выше.

В языке старославянских памятников для местоимения кѣто отразились формы нового образования.

1) Для формы родительного падежа применялось давнее сочетание *кѣсо*; но появилась и подновленная форма, с гласным ъ, как в именительном-винительном: *кѣсо*.

В старославянском языке ранних рукописей такого новообразования для родительного пад. ед. числа не было. Не было *кѣсо* и в том старославянском оригинале, к которому восходило древнесербское Мирославово ев., текст которого представляет только форму *кѣсо*.

Процесс обобщения *сь* для родительного пад. пережит был и многими западнославянскими группами: *čso* → *čso* и вследствие ассимиляции — *со*, которое стало применяться в значении винительного-именительного пад. Так в чешском, в лужицких, в польском языках.

2) Форма родительного *кѣсо* или *кѣсо* стала восприниматься как основа и оформляться падежными окончаниями: *кѣсого* (*кѣсого*), *кѣсоу* (*кѣсоу*), *кѣсомь* (местн.).

По славянским группам сохранялось и давнее окончание -so. Сравните сербо-хорватское чакавское *ča* вместо *сь*, родит. пад. *česà*, с новым окончанием -a именного происхождения. С таким окончанием и другие местоимения в сербо-хорватском языке: *toga*, *n'ega*.

Для винительного в местоимении кѣто издавна служит форма родительного: *kogo*. Применение для названия лиц в винительном падеже ед. числа формы родительного распространяется затем и на некоторые другие местоимения и на имена.

§ 92. Издавна были сочетания местоимений кѣто, чѣто с нѣ- в начале: *нѣкѣто*, *нѣчѣто*. Такие сочетания имели значение неопределенных местоимений: *нѣкѣто* — лат. *aliquis*, „некто“, „кто-нибудь“, *нѣчѣто* — лат. *aliquid*, „нечто, что-нибудь“.

Были местоимения кѣто и чѣто и в сочетании с отрицанием *ни*: *никѣто*, *ничѣто*.

В сочетаниях с предлогами местоимения *нѣкѣто*, *нѣчѣто*, *никѣто*, *ничѣто* предлог находился после *нѣ*-, *ни*-: *нѣ отъ кого* — „от кого-нибудь“, *ни о комь же*, *ни о чѣмь же* — „ни о ком“, „ни о чем“.

Единственное число				Множественное число		
И.	съ [сьн, снн]	сѣ	сн	снн[сн]	сн	снѣ, сѣѣ
Р.	сого	—	сѣѣ	—	снхѣ	—
Д.	сомоу	—	сѣн	—	снмѣ	—
В.	съ	сѣ	снѣ, сѣѣ	снѣ, сѣѣ	сн	снѣ, сѣѣ
Т.	снѣ	—	сѣѣ	—	сннн	—
М.	сѣѣ	—	сѣн	—	снхѣ	—
Двойственное число						
И. В.	снѣ, сѣѣ		сн		сн	
Р. М.	—		сѣѣ		—	
Д. Т.	—		снмѣ		—	

§ 94. Происхождение этого местоимения: славянскому согласному *s* соответствует в литовском *š* (*šis*), в латинском *k* (*ci-tra* — „по сю сторону, по эту сторону“), т. е. этот *s* такого же происхождения, как *s* в *desęty*, *rysati* — вместо основного незаднелабияльного *k*. См. в отделе о согласных *k'*, *g'*.

Неясны по своему происхождению сочетания с *se-* (*sego*, *setu*, *seję* и др.) и с *si-* (*sime*, *sichę* и др.). Если бы для этих падежей служила основа, восходящая к *k'o-*, то было бы у славян *so-*, *sę-*, как *togo*, *tęmь*: согласный *s* такого происхождения был твердым в языке славян. Можно полагать, что формы этого местоимения появились с гласным *e*, *i* под воздействием форм местоимений с мягким согласным: *jego*, *jemu*, *pašь* — *pašego*, *pašemu* и др.

Ряд форм был образован от основы *sijo-*: винит. пад. ед. ч. женск. р. *syjo* → *sijo* (снѣ), винит.-именит. пад. множ. ч. женск. р., винит. пад. множ. ч. мужск. р. *syje* → *sije* (снѣ), именит.-вин. пад. дв. ч. мужск. р. *syja* → *sija* (снѣ).

Распространенная основа бывала и в именит. пад. ед. ч. мужск. р.: *сьн* — *снн* (→ *сн*). На существование для именительного пад. ед. ч. мужского рода *съ* и *сьн* (*сь-i*) может указывать то, что по болгарским говорам *ь* в сочетании *сьi* не подвергался

ассимиляционному воздействию следующей артикуляции для *i*: *ь* оставался таким же, каким он был в форме *сь* (*сь*). На такое образование гласного *ь* в *сьн* указывает его судьба: *ь* → *с*: *сьн* (Син. тр.). См. отдел о редуцированных *и*, *ы*. Распространенная основа входила и в образование формы именит. пад. ед. ч. среднего рода: *сьнѣ* (*сьнѣ*).

§ 95. Местоимения *тъ*, *та*, *то*, *сь*, *си*, *се* в сочетании с именами не представляли собою членных элементов, не были тогда артиклем, а продолжали сохранять прежнее значение указательных местоимений. Постпозитивное или препозитивное положение их соответствовало, за весьма немногими отклонениями, положению местоимений *ἐκεῖνος* и *αὐτός* в греческом оригинале. Например, местоимения перед именем: *въ тѣ уасѣ нѣцѣи мѣногы* — *ἐν αὐτῇ δὲ ὥρᾳ ἐθεράπευσε πολλοὺς*; *господи остави ѿ н се льто* — *χόριε, ἄφε; αὐτῆν καὶ τοῦτο τὸ ἔτος*. Местоимение после имени: *коупууть село то* — *ἀγοράζει τὸν ἀγρὸν ἐκείνου*; *вы възидаете въ праздникъ съ* — *ὁμεις ἀνάβητε εἰς τὴν ἑορτὴν ταύτην*.

§ 96.

вьсь

Единственное число				Множественное число		
И.	вьсь	вьсѣ	вься	вьси	вься	вься
Р.	вьсего	—	вьсѣа	—	вьсѣхъ	—
Д.	вьсемоу	—	вьсѣи	—	вьсѣмъ	—
В.	вьсь	вьсѣ	вьсѣѣ	вься	вься	вься
Т.	вьсѣмь	—	вьсѣмѣ	—	вьсѣми	—
М.	вьсѣмь	—	вьсѣи	—	вьсѣхъ	—

О звуковом виде этого местоимения см. в отделе об изменении *k*, *g*, *ch* в зависимости от гласных переднего ряда: *liko* → *lice*, *polьga* → *polьdz'a*, *вьча* → *вь'a*.

В старославянском языке это местоимение было с мягким *с'*: *вься* (глаголич. *вьсь*). Но в памятниках имеются следы, указывающие на отвердение *с'*: *вьса*, *вьсѣ*. Следует полагать, что формы с твердым *с* представляют результат фонетического процесса — результат отвердения зубных *з*, *ч*, *с*. См. в отделе о старославянских *з*, *ч*, *с*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

I.

§ 97. Формы прилагательных представляют образование такое же, как имена существительные с основой на -о мужского и среднего рода и с основой на -а женского рода: добръ, dobro, dobra, как возъ, seło, gora; sin'ъ, sin'e, sin'a, как коп'ъ, pol'e, vol'a.

Такого же образования были формы прилагательных с суффиксом -ію-: -ѣѣ → іі (именит. пад. ед. ч. мужск. р.), -ѣе → іе (именит. пад. ед. ч. средн. р.), -ѣа (именит. пад. ед. ч. женск. р.): lisii, lisije, lisija; vylčii, vylčije, vylčija; ст.-сл. вражни, вражню, вражня; родит. пад. ед. ч. lisija (мужск. и средн. р.), дат. lisiju (мужск. и средн. р.) и т. д., как краја, крају и т. д.

добръ — пѣшь

Единственное число						
И.	добръ	добро	добра	пѣшь	пѣше	пѣшиа
Р.	добра	—	добры	пѣшиа	—	пѣшиа
Д.	доброу	—	добръ	пѣшо	—	пѣши
В.	добръ	добро	добра	пѣшь	пѣше	пѣшиа
Т.	добромь	—	доброя	пѣшемь	—	пѣшемь
М.	добръ	—	добръ	пѣши	—	пѣши
Множественное число						
И.	добрн	добра	добры	пѣши	пѣшиа	пѣшиа
Р.	—	добръ	—	—	пѣшь	—
Д.	доброя	—	добрамь	пѣшамь	—	пѣшамь
В.	добры	добра	добры	пѣшиа	пѣшиа	пѣшиа
Т.	добры	—	добрами	пѣши	—	пѣшамн
М.	добряхъ	—	добрахъ	пѣшихъ	—	пѣшихъ
Двойственное число						
И. В.	добра	добръ	добръ	пѣшиа	пѣши	пѣши
Р. М.	—	доброу	—	—	пѣшо	—
Д. Т.	добрама	—	добрама	пѣшема	—	пѣшема

Звательная форма ед. числа в старославянских памятниках обычно заменяется формой именительного падежа. Но употребляются для мужского рода и формы на -ѡ, в особенности если для субстантивированных прилагательных. Напр.: *окажиѡ* и *небоже*; *фарисею сльпе*; *рабо лжкзвы* (Супр. рук.); *добры рабо благы* и *взръне*, но — *злы рабо* и *лзы* (примеры из Маринн. код.).

Такого же именного образования были формы сравнительной степени прилагательных и причастий настоящего и прошедшего времени. О причастиях см. ниже, в отделе замечаний о глаголе.

II.

§ 98. С давнего доисторического времени для прилагательных употреблялись именные формы в сочетании с формой местоимения *i*, *jego*, *jemu* и т. д. Старославянский язык свидетельствует о таком виде этих образований.

добрыи

пѣшни

Единственное число

И.	добрыи	доброу	добрѣи	пѣшни	пѣшоу	пѣшиѣи
Р.	доброуѣго	—	добрыѣ	пѣшиѣюго	—	пѣшиѣи
Д.	доброуѣмоу	—	добрыи	пѣшиюмоу	—	пѣшни
В.	добрыи	доброу	добрыѣ	пѣшни	пѣшоу	пѣшыѣи
Т.	добрыимь	—	доброуѣ, добрыѣ	пѣшнимь	—	пѣшеѣ, пѣшыѣи
М.	добрыюмь	—	добрыи	пѣшнимь въ вѣшь-, н'нимь	—	пѣшни

Множественное число

И.	добрыи	добрѣи	добрыѣ	пѣшни	пѣшиѣи	пѣшиѣи
Р.	—	добрыихь	—	—	пѣшнихь	—
Д.	—	добрыимь	—	—	пѣшнимь	—
В.	добрыѣи	добрѣи	добрыѣ	пѣшиѣи	пѣшиѣи	пѣшиѣи
Т.	—	добрыими	—	—	пѣшними	—
М.	—	добрыихь	—	—	пѣшнихь	—

Двойственное число

И. В.	добра	добрѣи	добрѣи	пѣшнн	пѣшнн	пѣшнн
Р. М.	—	доброу	—	—	пѣшню	—
Д. Т.	—	добрѣи	—	—	пѣшнннн	—

§ 99. Подобное образование форм прилагательных, в сочетании с местоимениями от основ на *jo-*, представлены еще в литовском языке. Там в ряде случаев такие сочетания именной и местоименной форм являются еще в более прозрачном виде, чем в старославянском языке. Так, напр., именит. пад. ед. ч. мужск. рода *basàs-is* (слав. *bošъ-i*), женск. р. *bāso-jo* (слав. *bса-ja*), дат. пад. ед. ч. мужск. р. *basāmū-jēm* (слав. *bosu-jemu*), дат. пад. мн. ч. мужск. р. *basēms-ēms*, дат. пад. мн. ч. женск. р. *basóms-ióms* (слав. *bosy-ímъ* для всех родов) и др.

В славянских группах доисторического периода произошли изменения в этих образованиях.

Прилагательные в сочетании с местоимениями *i, je, ja* первоначально имели, вероятно, такое значение: они представляли собою субстантивизированные прилагательные. Например: *maŷi (maŷi)* = малыш, малец, т. е. „мал вот он“. Другая черта была свойственна сложным формам прилагательных: они подчеркивали свойство или качество предмета, каким он отличался среди прочих предметов того же качества или свойства; они сосредоточивали внимание говорящего на этой черте называемого предмета.

Когда местоимения *i, je, ja* перестали употребляться отдельно от прилагательного, а стали служить формальными его элементами, ослабевало значение определенности, указательности такого прилагательного. В сочетаниях прилагательных с указательным местоимением это значение (значение указательности, определенности) переносилось на местоимение: *maŷi tь supь*.

§ 100. 1) В формах единств. числа женского рода, в родит., дат., творит., местном, в родит.-местном двойств. числа для всех родов местоименная форма употреблялась не в полном виде, а только во второй своей части (применялся второй слог местоименного сочетания): *ѣ* или *ѣ* вм. *jeje* или *jeje* (с *-ѣ* в груп-

пах, легших в основу восточнославянских и западнославянских языков) — в родит. пад. ед. ч., i вм. *jei* — в дат.-местн. пад. ед. ч., *jo* вм. *jejo* — в творит. пад. ед. ч., *ju* вм. *jeju* — в родит.-местном двойств.: не *dobru-jeje*, а *dobru-je*; не *dobrě-jei*, а *dobrě-i* и т. д. См. парадигму.

2) В формах, имевших в окончании согласный — *-ть* (творит. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода), *-сѣть* (родит. и местн. пад. множ. ч.), *-тъ* (дат. пад. мн. ч.), *-ті* (творит. пад. мн. ч. в основах на *-а*), *-та* (дат.-творит. двойств.), местоименная часть присоединялась к основе прилагательного на *-у* (*ы*) или на *'i* (после мягкого согласного).

Итак: твор. пад. ед. ч. мужск. и средн. р. *dobru-іть*, *řeši-іть*, а не *dobromъ-іть*, *řešemъ-іть*; родит. пад. мн. ч. для всех родов *dobru-ічѣть*, *řeši-ічѣть*, а не *dobrъ-ічѣть*, *řešъ-ічѣть*; дат. пад. мн. ч. для всех родов *dobru-ітъ*, *řeši-ітъ*, а не *dobromъ-ітъ*; *řešemъ-ітъ* (мужск. и средн. р.), *dobratъ-ітъ* (женск. р.) и др. См. парадигмы именных и сложных форм прилагательных. Но в литовском сохранилась более древняя формация. Напр., дат. пад. мн. ч. *basėms-ėms* (мужск. р.), *basomsiomis* (женск. р.) и др.

Однообразие основной части в этих сложных формах прилагательных, несомненно, было вызвано воздействием местоименного склонения, в котором во всех этих падежах основа имела одинаковый звуковой вид — на *ě* или на *-i* (после мягкого согласного): *těmъ*, *těchъ*, *těmъ* — *pašimъ*, *pašichъ*, *pašimъ* и др. Значительная связь форм прилагательных с местоименными обнаруживалась и в исторической жизни славянских языков.

Старославянские памятники не имеют форм местного пад. ед. ч. мужск. и средн. рода на *-ьмь* (*-смь*) для прилагательных с мягким согласным, а представляют *-нмь*: на *вѣшь'нмь мѣсть*, *дѣл'нмь*. Это *-нмь* вм. *-ьмь* едва ли представляет результат фонетического изменения, а появилось, вероятно, в связи с таким же окончанием именной части. Таким образом, форма местного пад. ед. ч. мужск. и средн. рода представляет одинаковое окончание с творительным пад. ед. ч. Такой же процесс был пережит и в других славянских группах, при этом он отразился и на прилагательных с твердым согласным, а также на местоимениях. Так, в польском языке одинаково стала передаваться форма местного и творительного пад. ед. ч. мужск. и средн. р. в прилагательных и место-

имениях: *tanim* („дешевым“, „о дешевом“), *dobrut*; *pit*, о *pit*; *tum*, на *tum*. Так и во многих северновеликорусских говорах: с *родным*, в *родным* (домъ)...

В творительном пад. ед. ч. женского рода форма оканчивалась на *-жъ* (добръжъ), но чаще встречаются формы на *-ожъ*, как в именном склонении (добръожъ).

§ 101. Фонетические изменения, пережитые болгарскими говорами в X—XI вв., именно утрата *ǐ* между гласными и ассимиляция или диссимиляция гласных, сильно изменили звуковой вид прилагательных.

-авго → *-асго* → *-аго* → *-аго*: добраго, добраго;

-оушюу → *-оуоуоуоу* → *-оуоуоу*: доброуоуоуоу, доброуоуоу, ништююу, ништююу.

-въ → *-ве* → *-вѣ* → *-ѣ*, или

-ѣ → *-ѣа*: добръѣмь, добръѣмь, добръѣмь.

Сочетание *-ни* в форме именит. ед. ассимилировалось в *-ы*: добры, лжквы.

§ 102. В ряде случаев форма именит. ед. мужск. рода имеет сочетание *-ои* (*-oi*) вм. *-ѣи*, *-еи* (*-ei*) вм. *-ѣи*: сватои, прѣждрон, кышьи'еи. Об этом см. в отделе о редуцированных *ы*, *и*.

§ 103. В ряде случаев отразился в старославянских памятниках весьма важный процесс нового образования форм прилагательных — под новым воздействием местоименного склонения.

Такой же процесс пережит был всеми славянскими языками в историческое время. Несколько примеров: *живого* (Савв. кн.) — с *-ого*, как *кого*, *того*, *самого*; *благовърномуу* (Ассеман. код.), *прѣвомуу*, *послѣдньомуу* (Зограф.), *нѣсьномуу* (Син. тр.), *сѣтомуу* (свѣтомуу, лл. Ундольского).

Более многочисленны примеры таких форм прилагательных в памятниках среднеболгарских (XII—XIV вв.).

В таком же направлении проходил процесс воздействия местоименных форм на формы прилагательных в сербском и в восточнославянских языках: *първомуу*, *кышьнемуу* (Святосл. Изборник 1073 г.), *дѣтськомуу*, *горьтющемуу* и др. (Смоленская грам. 1229 г.), *дѣтскогоу*, *леуучьшогоу* и др. (в той же грамоте). В западнославянских языках: *dobrego*, *dobremu* — в польском, *dobrêho*, *dobrêmu* и т. д. — в чешском, как *tego*, *temu* (чешск. *mêho*, *mêtu* и др.).

§ 104. Для прилагательного *мъногъ* в старославянских памятниках имеются формы разного образования: 1) именного, 2) местоименного, 2) сложные.

1) *мъногъ* — именит. ед. мужск. р.

мънога — родит. ед.

мъногѹ — дат. ед. и др.

2) *мънозъмн* — твор. мн., но и по именному образованию — *мъногами* — твор. мн. женск. р., во *мнозыхъ*, но и во *многахъ* (Син. пс.).

3) *мъногымъ* — *мъногымъ* (Син. пс.), но и *мънозъмъ*, *мъногомъ* — дат. мн. мужск. р.:

мъногымн (Син. тр.).

Прилагательные *штюждъ* (*тоуждъ*) — „чужой“ (о нем см. в фонетике, в отделе о гласном и в заимствованных словах) старославянские памятники представляют также в формах разного образования:

1) по именному склонению — *тоуждемъ* — дат. мн. мужск. р. (как *коньмъ*);

2) в сочетании с местоименными элементами, как сложные формы прилагательных — *тоуждаго*, *тоуждани* (именит. мн. мужск. р.), *тоуждникъ* (родит. мн.);

3) по местоименному склонению — *тоуждего* (*штюждего*), *тоуждемоу*, *къ тоуждемъ*, *тоуждени* (местн. ед.).

§ 105. Несклоняемые прилагательные. В старославянском языке, как и в других славянских языках, были такие прилагательные, которые не подвергались изменению. Они оканчивались на -ь и были близки к наречиям. К таким прилагательным относились: *испълнь* („полный“), *пръпрость* („простенький“), *разлнчь* („различный“), *свободь* („свободный“): *пръздъмъ испълнь двенци твоъ* (Син. пс.) — в соответствии греческому *δικαιοσύνης πλήρης ἡ δεξιά σου* („правды полна твоя правая рука“); *дѣва на десате коша испълнь* (Мариин. код.) — греч. *δέδεκα κοφίνας πλήρεις* („двенадцать полных корзин“); *житие пръпрость ѡтца їванъ* (Супр. рук.) — греч. *βίος ἐν ἐπιτομῇ* („житие вкратце, в кратком, простом изложении“); *многѹ и разлнчь гнѣвоу* (Супр. рук., — „многому и разному гневу“); *къ рабъ непорѹчьнъ. посъланъ бысть свободь отъ грѣха* (Супр. рук., — „к рабыне непорочной был послан [к] свободной от греха“); *свободь соуть сынове* (Святосл. Изборник 1073 г.) и др.

Сравнительная степень

§106. БОЛ'НИ

ДОБРЪН

I

МЪНОЖИЯ

Единственное число

И.	бол'ни, [бол'ьн]	болю	бол'ьши	добрън	добръю	добрънши	мъножиан	мъножию	мъножианши
Р.	бол'ьша	—	бол'ьшиа	добръншиа	—	добръншиа	мъножианшиа	—	мъножианшиа
Д.	бол'ьшю	—	бол'ьшию	добръншию	—	добръншию	мъножианшию	—	мъножианшию
В.	лоуцьшь, [бол'ьни]	болю, бол'ьше	бол'ьшиъ	добрън	добръю	доб'ьшиъ	мъножиан	мъножию	мъножианшиъ
Т.	бол'ьшемь	—	бол'ьшиемь	добръншемь	—	добръншиемь	мъножианшемь	—	мъножианшиемь
М.	бол'ьши	—	бол'ьши	добрънши	—	добрънши	мъножианши	—	мъножианши

Множественное число

И.	бол'ьше	бол'ьшиа	бол'ьшиа	добрънше	добръншиа	добръншиа	мъножианше	мъножианшиа	мъножианшиа
Р.	—	бол'ьшь	—	—	добръншь	—	—	мъножианшь	—
Д.	бол'ьшемь	—	бол'ьшиамь	добръншемь	—	добръншиамь	мъножианшемь	—	мъножианшиамь
В.	бол'ьшиа	бол'ьшиа	бол'ьшиа	добръншиа	добръншиа	добръншиа	мъножианшиа	мъножианшиа	мъножианшиа
Т.	бол'ьши	—	бол'ьшиамн	добрънши	—	добръншиамн	мъножианши	—	мъножианшиамн
М.	бол'ьшихъ	—	бол'ьшиахъ	добръншихъ	—	добръншиахъ	мъножианшихъ	—	мъножианшиахъ

Двойственное число

И. В.	бол'ьшиа	бол'ьши	бол'ьши	добръншиа	добрънши	добрънши	мъножианшиа	мъножианши	мъножианши
Р. М.	—	бол'ьшю	—	—	добръншию	—	—	мъножианшию	—
Д. Т.	бол'ьшиама	—	бол'ьшиама	добръншиама	—	добръншиама	мъножианшиама	—	мъножианшиама

бол'ни (сложные формы)

	Единственное число			Множественное число		
	И.	бол'ни	болю, [бол'шею]	бол'ьни з	бол'ьши	бол'ьшиа
Р.	бол'ьшиаго	—	бол'ьшиаа	—	бол'ьшиннхъ	—
Д.	бол'ьшиювмоу	—	бол'ьшини	—	бол'ьшинимъ	—
В.	бол'ьни	болю, [бол'шею]	бол'ьшикы	бол'ьшиаа	бол'ьшиа	бол'ьшиаа
Т.	бол'ьшинимъ	—	бол'ьшеи	—	бол'ьшиними	—
М.	бол'ьшинимъ	—	бол'ььни	—	бол'ьшинихъ	—

добрѣи (сложные формы)

И.	добрѣи	добрѣю	добрѣиши
Р.	добрѣишиаго	—	добрѣишиаа

и т. д.

см. парадигмы прилагательных.

§ 107. Суффиксы сравнительной степени в давнее доисторическое время в языке славян были такие:

1) *-jbs-* и *-jes-*. Соответствующие суффиксальные элементы были и в латинской сравнительной степени на *-jos* → *-jus*: *maior*, *maius* (вм. *majos*).

Суффикс *-jes-* в языке славян входил в образование основы только для именит.-винит. ед. среднего рода. Для всех других форм основа была с суффиксом *-jbs-*

В основе с таким суффиксом (*-jbs-*, *-jes-*) нет суффиксов имен прилагательных *-ok*, *-ѣk*, *-ѣk-*, *-ѣn-*, *-jь-* и других.

Образование таких основ сравнительной степени происходило в то давнее время, когда существовали формы прилагательных и без этих суффиксов или же сочетания *-ok-*, *-ѣk-*, *-ѣk-*, *-ѣn-*, *-jo-* имели в то время такое значение, которое соответствовало значению основы сравнительной степени.

Такой же суффикс сравнительной степени (-jbs-, -jes-) находился в тех бессуффиксальных прилагательных, которые имели на корневом слогe нисходящую (циркумфлексную) интонацию.

Итак:

bol-, с нисходящей интонацией. Корень этот имел значение „сила“: др.-инд. bālam — „сила“, лат. de-bilis — „увечный, немощный“. Основа сравнительной степени именит.-вин. ед. средн. рода boljes. Согласный j ассимилировался с предшествующим согласным: boljes → bol'es-; именит.-вин. ед. средн. рода bol'e, ст.-сл. *болѣ*.

bolg-, с нисходящей интонацией: серб. blāg, русск. *бóлог*. Основа именит.-вин. ед. средн. р. bolg-jes → bolžes-; именит.-вин. ед. средн. р. bolže; ст.-сл. *блажѣ*.

blēd-, с нисходящей интонацией: серб. blēd, blījed. Основа именит.-вин. ед. средн. р. blēd-jes → blēd'es-; серб. blēdē; это же прилагательное с суффиксом -ьп- представляло основу сравнительной степени с иным суффиксом.

-ejes- (см. ниже).

čēst- (вм. kīnst-), с нисходящей интонацией: серб. čēst; ср. лит. kīmštas, с -iṃ-, а не с -im-; см. в отделе о носовых гласных. Основа именит.-вин. ед. средн. р. čēst-jes → čqšt'es-; именит.-вин. ед. čqšče, ст.-сл. *чашче*, русск. *чаще*.

chūd — (гласный вм. дифтонга ou) с нисходящей интонацией: серб. hūd, словин. hūd. Основа именит.-вин. ед. средн. р. chudjes → chudēs; именит.-вин. chud'e, ст.-сл. *хуждѣ*, русск. *хуже*.

krōt — с нисходящей интонацией: серб. krūt, словин. krōt. Основа именит.-вин. ед. средн. р. krōtjes → krōtēs-, именит.-вин. ед. krōt'e: серб. krūcē, русск. *круче*.

l'ūt-, с нисходящей интонацией: серб. l'ūt, словин. l'ūt. Основа именит.-вин. ед. средн. р. l'uťes-; именит.-вин. ед. средн. р. l'uť'e: серб. l'ūcē, ст.-сл. *люште*, русск. *луче*.

mold-, с нисходящей интонацией: серб. mlād, словин. mlād, русск. *мóлод*. Основа именит.-вин. ед. средн. р. mold-jes → mold'es-; именит.-вин. ед. средн. р. mold'e: серб. mlādē, ст.-сл. *млаждѣ*, русск. *молóже*.

тѣп-; ср. лат. tīpus-, тїпио- „уменьшать“, греч. μῖνυθω — „уменьшать“. Основа именит.-вин. ед. средн. р. тѣпjes → тѣп'es; именит.-вин. ед. средн. р. тѣп'e: серб. тѣп'ē, ст.-сл. *мьнѣ*.

such-, с нисходящей интонацией: серб. *sûch*; ср. в литовском и греческом краткость гласного *a* в дифтонге *aû*, соответствующем славянскому гласному *u*: у славян нисходящая интонация была на кратких гласных и на гласных долгих, заменивших собою более ранние дифтонги с кратким слоговым гласным: лит. *saûsas*, греч. *aûz*; (вм. более раннего *sausz*); основа именит.-вин. ед. средн. р. *soûs-jes*; именит.-вин. ед. средн. р. *suše*.

vet- („большой“); именит.-вин. ед. средн. р. *vetje[s]* → *vetě*: серб. *vàcē*, ст.-сл. *вашѣ*, др.-русск. *в'аче* (*Вячеславъ*).

gl̥ob- (с суффиксом *gl̥obok-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *gl̥objes* → *gl̥obl'e*, ст.-сл. *гльблю*, серб. *dùbl'ē*.

kr̥ep- (с суффиксом *kr̥epok-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *kr̥epljes* → *kr̥epl'e*, ст.-сл. *крѣплю*.

šir- (с суффиксом *širok-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *širjes* → *šir'e*, ст.-сл. — *шнрю*, серб. *šîrē*.

vys- (с суффиксом *vysok-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *vysjes* → *vyše*, ст.-сл. *вышѣ*, серб. *vîšē*.

žest- (с суффиксом *žestok-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *žestjes* → *žeščē*, ст.-сл. *жштѣ*, серб. *žeščē*, русск. *жѣще*. Основа прилагательного *жест* — была актуальна для словообразования и в IX в. Об этом свидетельствует такое новообразование в старославянском языке — *жестосерднѣ*, представляющее собою перевод греческого сложного слова *σκληροκαρδία* — „жестокосердие“ (*σκληρός* — „сухой, твердый, крепкий“).

kort- (с суффиксом *kortъk-*); — ср. в литовском соответствующее прилагательное без суффикса — *kartūs* — „резкий, колкий, горький“. Именит.-вин. ед. средн. р. *kortjes* → *korl'e*, ст.-сл. *крштѣ* (в русском списке XI в. Слов Григория Назианзина), серб. *krâcē*, русск. *короче*.

niz- (с суффиксом *nizъk-*) — именит.-вин. ед. средн. р. *nizjes* → *niže*, ст.-сл. *нижѣ*, серб. *nižē*.

sold- (с суффиксом *soldъk-*) (ср. в литовском языке соответствующее прилагательное без суффикса — *saldūs*), именит.-вин. ед. средн. р. *soldjēs* → *solld'e*, ст.-сл. *слздѣ*, серб. *slâdē*.

Такое же образование основы сравнительной степени было для *pak-* (ст.-сл. *пакъ* — „опять“), *perd-* (*perdъ*, ст.-сл. *прѣдъ*, русск. *передъ*), *posl̥ed-* (ст.-сл. *послѣдъ* — „потом, после“): *pak-jes* — ст.-сл.

пъуѣ („скорее, больше“); *perd-jes* — ст.-сл. ꙗꙗѣ; *poslĕd-jes-* — ст.-сл. послѣѣде („потом, после“).

Прилагательные с иными суффиксами (-ьп-, -jь-, -г- и др.) не представляли образования основы сравнительной степени с суффиксом *-jes-* (*silьпъ, smĕšьпъ, goldьпъ, vòльпъ, dòbjь* → *dobl'ь, dòbgь* и др.): не было прилагательных без этих суффиксов; а для прилагательных с суффиксальной основой служили для сравнительной степени иные элементы — *-ĕjes* (*silьп-ĕ-jьs-*; см. ниже).

Интонация в основе сравнительной степени в этих образованиях, с суффиксом *-jes-*, была иная сравнительно с интонацией в обычной основе: ср. русск. *dòrog* вм. *dòrgo* (с нисходящей интонацией на *og*) и русск. *doròzhe* вм. *dòrže* (с восходящей интонацией) и все другие примеры.

§ 108. Во всех других формах бессуффиксальных прилагательных с нисходящей интонацией суффиксом основы сравнительной степени было сочетание *-jьs-*: *bol-jьs-* → *bol'ьs-*, *such-jьs-* → *sušьs-* и т. д.

В давнее доисторическое время образование форм сравнительной степени, всех форм, кроме именительного ед. мужского рода и именит.-вин. ед. среднего рода, производилось от основы, *р а с п р о с т р а н е н н о й* посредством *-j-*, в составе суффикса *-jo-* для мужского и среднего рода, *-ja-* для женского. Тот же самый элемент *-j-* (*-jo-*, *-ja-*) входил в тех же формах в состав основы для причастий настоящего и прошедшего времени (см. ниже в отделе замечаний о глаголе).

Итак: *bol-jьs-j-* → *bol'ьš-(sj → š)*, *sold-jьs-j-* → *sold'ьš-* (ст.-сл. *сѣлѣш-*), *niž-jьs-j-* → *nižьš-* и др.

Род. ед. мужск. и средн. *bol'ьš-а*.

Дат. ед. мужск. и средн. *bol'ьš-и* и т. д. См. парадигмы.

Необходимы дополнительные замечания к формам именит. мужск. и женск. рода ед. и мужск. рода мн.

Форма именительного ед. мужск. рода представляла некогда только основу сравнительной степени: *bol'ьs*. С утратой конечного согласного *s* эта форма стала оканчиваться на *-ь*: *bol'ь, шьп'ь, sold'ь* и др., затем эта форма получила распространение посредством *-i*, на который оканчивалась та же форма с суффиксом *-ĕjьs* → *ĕis* → *ĕi*: *krasьněi*. Итак: *bol'ь-i, шьп'ь-i, sold'ь-i* и др. Гласный *ь* ассимилировался со следующим гласным высокого подъема *i*: он стал тоже гласным высокого подъема, оставаясь попрежнему

гласным редуцированным: *bol'yi, mьn'yi* → *bol'ii, mьn'ii* (ст.-сл. *bol'ni, mьn'ni*); см. в отделе о редуцированных *ý (ò), ì*.

Форма именительного мн. мужского рода представляла окончание *-e*, как в именных формах с основой на согласный, — *bol'ьš-e, mьп'ьše-*, *sol'd'ьe* и др. Такое же окончание было в именит. мн. мужск. рода и в форме причастий.

Форма именительного ед. женского рода имела окончание *-i*, как в некоторых именах существительных (*pustyn'i*): *bol'ьši, mьп'ьši* и др. Прочие формы были образованы так, как от именной основы на *-ja*: родит. ед. *bol'ьšq* или *bol'ьšë* (с окончанием *ë* в группах, легших в основу восточных и западных языков); дат. ед. *bol'ьši* и т. д.

§ 109. С давней доисторической поры идут также иного образования основы сравнительной степени: суффиксу *-jes-* (в именит.-вин. ед. средн. рода) или *-jьs-* (во всех других формах) предшествовал гласный *ë*. Перед этим гласным *k* → *č*, *g* → *ž*, *ch* → *š*, а гласный *ë* в этих случаях (после *č, ž, š*) изменился в *ā*: тьного, сравнительная степень *тьпожаје* (именит.-вин. ед. средн.р.) и др. После других согласных *ë* → *è*: *staro*, сравнит. степень *starèje* (именит.-вин. ед. средн. р.).

Образование основы сравнительной степени с *-ëjes-*, *-ëjьs-* → *-ëis-* (*jь* → *т*) применялось для прилагательных с восходящим (акутовым) ударением, а также для суффиксальных прилагательных, входивших со своими суффиксальными элементами в состав основы сравнительной степени.

Итак.

а) *сьдòrv-*, от с восходящей интонацией: русск. *здòров* (ударение на второй части полногласия), чешск. *zdrāv* (долгота; слог же с прежним нисходящим ударением сократился в чешском языке: *hlās*, русск. *гòлос* — с ударением на первой части полногласия), сербск. *zdrāv* (в сербском языке слог под давним долгим или восходящим ударением сократился: о видах ударения, об интонации см. в отделе об ударении). Основа сравнительной степени именит.-вин. ед. средн. р. — *сьдòrv-ëjes* → *сьдòrvëjes-*; для прочих форм — *сьдòrvëjьs-* → *сьдòrvëis-*. Именит.-вин. ед. средн. р. — *сьдòrvëje*: ст.-сл. *сьдравъю*, русск. *здòровьје*. Именит.-вин. ед. мужск. р. *сьдòrvëjьs* → *сьдòrvëis* → *сьдòrvëi*; *stār-*, с восходящей интонацией: сербск. (чакавское) *stāro* (с ударением " в. давнего долгого восходящего: *zràv, kràva*), чешск. *stāro* (с

долготой а). Основа сравнительной степени *starěješ-*, *starěis-* именит. ед. женск. р. *starěiši*, родит. ед. мужск. и средн. р. *starěiša* и т. д.

sŭt, с восходящей интонацией: серб. (чакавское) *sŭto*, чешск. *svto*. Основа сравнит. степени — *sytějes-*, *sytěis-*, *sytěiš-*.

mŭl-, с восходящей интонацией: серб. *mŭlo*, чешск. *mŭl*. Основа сравнит. степени — *milějes-*, *milěis-*, *milěiš-*.

ryln-, с восходящей интонацией: см. в отделе о сочетаниях *tyrt*, *tyrt*, *tylt*, *tylt* и о чередовании, где ясно обнаружена восходящая интонация этого корня. Основа сравнит. степени — *rylnějes-*, *rylněis-*, *rylněiš-*.

sľab-, с восходящей интонацией: серб. *sľabo*. Основа сравнит. степени — *sľabějes-*, *sľaběis-*, *sľaběiš-*.

Такое же образование основы сравнительной степени представляло прилагательное *nov-*: *novějes-*, *nověis-*, *nověiš-*. Хотя это прилагательное в своем древнем образовании имело нисходящую интонацию на кратком гласном *o*, но оно было одним из тех немногих прилагательных, в сложной форме которых акцент (ударение) не переходил на окончание, а оставался на корне, но интонация изменялась: из нисходящей она становилась восходящей (акутовой): *povъ* — *povъi*. В связи с восходящей интонацией и находилось образование сравнительной степени с суффиксом *-ějes-*, *-ějes-*: *novějes-*, *novějes-*.

б) Суффиксальные прилагательные, с разной интонацией (с разным ударением).

-r-: *bdrъ* (*bdr-r-ъ*; тот же корень в глаголе *bděti*). Основа сравнит. степени *bdrějes-*, *bdrěis-*, *bdrěiš-*.

mrdъ (*mrd-r-ъ*) — основа сравнит. степени *mrdějes-*, *mrděis-*, *mrděiš-*.

dobъ (*dob-r-ъ*) — основа сравнит. степени *dobrějes-*, *dobrěis-*, *dobrěiš-*.

-jъ-: *dobjъ* (*dob-jъ*; корень тот же, что в прилагательном *dobъ*); в группах, легших в основу южнославянских и восточнославянских — *dobl'ъ*. Основа сравнит. степени *dobl'ajes-*, *dobl'ais-*, *dobl'aiš-*; ст.-сл. *доблан* — именит. пад. ед. ч. мужск. р. (*доблѣн* в Супр. рук.; ѣ вм. ѣ после палатального согласного; см. в отделе о старославянском ѣ).

-el-: *veselъ* (*ves-el-ъ*) — основа сравнит. степени *veselějes-* — *veselěis-*, *veselěiš-*.

-*īn(-ьn)*: *blōpnъ* (bol'-ьn-ъ) — основа сравнит. степени *bol'ьnějes-*, *bol'ьněis-*, *bol'ьněiš-*.

choldьnъ (русск. *холод, холоден*) — основа сравнит. степени *choldьnějes-*, *choldьněis-*, *choldьněiš-*: русск. *холоднѣе*.

goldьnъ (gold'-ьn-ъ; русск. *голоден*) — основа сравнит. степени *goldьnějes-*, *goldьněis-*, *goldьněiš-*. Русск. *голоднѣе*.

ogvъnъ (ogv'-ьn-ъ) серб.-чакавское *gāvān*, русск. *ров'он*) — основа сравнит. степени *ogvъnějes-*, *ogvъněis-*, *ogvъněiš-*.

sīlьnъ (sīl'-ьn-ъ) — основа сравнит. степени *sīlьnějes-*, *sīlьněis-*, *sīlьněiš-*.

-*ьk-*, -*ьk-*: *mĕkъkъ* (mĕk'-ъk-ъ) — основа сравнит. степени *mĕkъčajes-*, *mĕkъčais-*, *mĕkъčaiš-*; ст.-сл. *макъуан* — именит. пад. ед. ч. мужск. р., *макъуанша* — родит. пад. ед. ч. мужск. и средн. р. *горъкъ* — *горъčajes-*, *горъčais-*, *горъčaiš-*: ст.-сл. *горъуан*.

-*at-* *bogātъ* (bog-at-ъ) — основа сравнит. степени *bogatĕjes-*, *bogatĕis-*, *bogatĕiš-*, ст.-сл. *вогатън* — именит.-вин. пад. ед. ч. мужск. р.; *вогатънша* — родит. пад. ед. ч. мужск. и средн. р.; *вогатънша* (вин. пад. множ. ч. мужск. р.) *сътворать* (русский список Слов Григория Назианзина XI в.); серб. *bogàtijъ* — именит. пад. ед. ч. мужск. р., старочешск. *bohatejъ*.

-*ьch-*: *vĕtъchъ* (vet'-ъch-ъ; ср. лит. диалект. *vĕtušas*, лат. *vĕtus* — „старый“, греч. *fĕtos* → *ĕtos* — „год“). Основа сравнит. степени *vĕtъšajes-*, *vĕtъšais-*, *vĕtъšaiš-*; ст.-сл. *встьшан* — именит. пад. ед. ч. мужск. р.

og-: *mъpnōgo* (mъp-og-o) — основа сравнит. степени *mъpnožajes-*, *mъpnožais-*, *mъpnožaiš-*: ст.-сл. *мъножан* — именит.-вин. пад. ед. ч. средн. р., *мъножан* — именит. пад. ед. ч. мужск. р., *мъножанша* — род. пад. ед. ч. мужск. и средн. р.; *мъножанше* — именит. пад. множ. ч. мужск. р., *мъножанша* — винит. пад. множ. ч. мужск. и женск. р.¹

§ 110. Сложные формы сравнительной степени имели образование такое же, как прилагательные с мягким согласным перед окончанием, т. е. с основами на -*ъo*, -*ja*: *bol'ъša-jego*, *bol'ъšu-jemu* и т. д.

¹ См. также статьи: A. Vaillant'a: 1) „Vocalisme des comparatifs slaves“ („Revue des études slaves“, IX, 1—2, стр. 5—12), 2) „Le comparatif slave en — ĕjĭ“ (там же, XI, 1—2, стр. 5—11).

Превосходная степень. Для передачи превосходной степени служила сравнительная степень с префиксальной частью *paǐ* → *paǐ-*: *paǐ-veř'es-*, ст.-сл. *нанваште*; *paǐ-starèjes-*, *paǐ-starèis-*, ст.-сл. *нанстаръю*, *нанстаръи*, *нанскоръю*; *нанстаръиши* — родит. пад. ед. ч. мужск. и средн. р.

В славянских языках превосходная степень передавалась также описательно. Например: „самый новый“, „новѣе естъ“ — в русском языке; *самн съшто въсѣхъ новѣишше* (Супр. рук.) в старославянском языке.

§ 111. В языке старославянских памятников отражаются изменения в образовании сравнительной степени.

1) Происходило, как и в других славянских языках, обобщение в применении суффиксов *-ъю*, *-ъи*, *-ъиш* — или *'е*, *'ьш*: при прежних образованиях сравнительной степени *люшѣ*, *люшти*, *люштиши* и др. (*лють*), обнаруживаются и новообразования: *лютъю* (Супр. рук.); при прежнем *кръп'и* есть и новое *кръп'иш*; при прежнем *мьн'и* — новое *мьн'иш* и др.

2) В старославянском языке, как и в других славянских языках, давняя форма именит.-винительного пад. ед. ч. среднего рода с суффиксами *-jes-*, *-èjes-* получила значение наречия: *bol'e*, *тъп'e*, *повѣје* и т. п.

Для формы именит.-вин. пад. ед. ч. среднего рода стала употребляться форма нового образования, — с основой прочих форм, на *-š*: *bol'ьше*, *повѣише*. Ст.-сл. *болю*, сложная форма *болюю*, но и *бол'ьшо*, *бол'ьшою*; *осъжденне бол'ьше* (Маринн. код.), *осъжденне бол'ьшсѣ* (Зограф. код.).

3) Для винительного пад. ед. ч. мужск. рода чаще находится форма именительного пад. ед. ч.: *бол'и*, *старъи*. Но и прежняя — *лоуцьшъ*.

4) В именительном мн. мужского рода часто находятся формы с окончанием *-и*, как в прочих именах прилагательных: *мъножиши* и др. Но имеются и формы давние, с *-е*.

5) Окончание *-и* входит и в образование формы именит.-вин. пад. мн. ч. среднего рода: *гор'ьши*, *бол'ьши* и др. Но чаще формы прежние на *-а*: *гор'ьшиа*, *бол'ьшиа* и др.

6) В старославянском языке на формах сравнительной степени отразилось воздействие форм с *ъ* после непалатального согласного, — форм типа *добръи*, *старъи*: с *ъ* стали образовывать эту форму и после *у*, *ж*, *ш* — *мъножьишиа* (Маринн.).

Это новообразование происходило тогда, когда *ъ* после *ч, ж, ш* не заменялся гласным *а*, как и в формах повелительного наклонения (покажите), см. ниже § 156.

Формы с *ъ* после *ч, ж* в сравнительной степени встречались и в тех старославянских рукописях, которые были под руками у русских и сербских писцов: *мъножьн, мъножьши* — в русских рукописях, *множьши* в сербском Мирославовом ев. Сравните в той же рукописи написание с *а* после *ч, ж, ш, щ* не в сравнительной степени: *объуан, уаша, оужась, плащаница* и др., — написания, отражающие соответствующее явление языка старославянского оригинала: в нем не было тогда *чд, жд, шд* вместо *ча, жа, ша*; написания с *чъ, жъ, шъ* в формах сравнительной степени и повелительного наклонения указывали на новообразование этих форм, происшедшее под воздействием форм с *ъ* после непалатального согласного (*добрън, востън!*).

На связь в образовании форм сравнительной степени с *ъ* и с *а* после *ч, ж, ш* указывают и северновеликорусские говоры: они представляют тоже объединение в отношении гласного в суффиксе сравнительной степени; только направление в обобщении было не одинаково: в северновеликорусских говорах объединение было по формам с *а*: *легчѧје, м'акчѧје, громчѧје, добр'ѧје, сил'н'ѧје, скор'ѧје*.

§ 112.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

	Количественные числительные	Порядковые числительные
1	юднѣ, юднѣ, -о, -а	пръвѣ, -о, -а
2	дѣва м. р. дѣвъ ср., ж. р.	вѣторѣ, -о, -а
3	триѣ (трѣѣ) м. р., три ср., ж. р.	трѣтнн (-тнн), -ннѣ, -ннѣ
4	четырѣ м. р., -рн ср., ж. р.	устврѣтъ, -о, -а
5	пять	пять, -о, -а
6	шесть	шесть, -о, -а
7	седмь	седмь, -о, -а
8	осмь	осмь, -о, -а
9	дѣвять	дѣвять, -о, -а

	Количественные числительные	Порядковые числительные
10	дессать	дессать, -о, -я
11	юдинъ (-о, -я) на десатъ	прывъ на десате, юдиннадсать
12	дъви (-ъ) на десате	въторъ на десате, дъванадсать, дъванадсатьнъ
13	триъ (три) „ „	третин на десате, тринадсать
14	четыре (-ри) „ „	уветрѣтъ на десате, четырнадсать, четырнадсатьнъ
15	пять „ „	пять на десате, пятнадцатьнъ
16	шестъ „ „	шестъ на десате, шестнадцать
17	седмъ „ „	седмъ на десате, седмнадцать, седмнадцатьнъ
18	осмъ „ „	осмъ на десате, осмондсать
19	двѣтъ „ „	двѣтъ на десате, двѣтънадцатьнъ
20	дъви десати	дъвядсать, дъвядсатьнъ, дъкодсать
30	три десати (-то)	тридсатьнъ
40	четыре (-ри) десате(-ти)	четырндсать, четырндсатьнъ,
50	пять десать	пятьдсать, пятьдсатьнъ
60	шестъ десать	шестъдсать
70	седмъ десать	седмдсатьнъ, седмдсатьнъ
80	осмъ десать	осмдсать, осмдсатьнъ
90	двѣтъ десать	двѣтъдсать, двѣтъдсатьнъ
100	съто	сътънъ
200	дъвъ сътъ	[дъвоусътънъ], дъвосътънъ, двоуго- сътъно [дъво]
300	три съта	трисътънъ
400	четыри съта	[четырѣсътънъ]
500	пять сътъ	[патисътънъ]
1000	тысашти (тысашти)	тысаштънъ (тысаштънъ)
2000	дъвъ тысашти	[дъвоутысаштънъ]
3000	три тысашта	тритысаштънъ
4000	четыри тысашта	
5000	пять тысаштъ	
10000	тъмъ, несъвъдъ	

Для названия „10000“ служили имена „тъмъ“ („темнота“) или несъвъдъ („непонятность“). Те же имена, а также несъвъдъ имели значение — „большое, бесчисленное количество“.

В русских памятниках письменности XV—XVII вв., восходивших к южнославянским, указаны и другие имена для больших чисел: *лѣгонѣ* — „сотни тысяч“, *леодры* — „миллионы“, *враны* — „десятки миллионов“. Бесконечное же число названо русским словом — *колода*: „бесчисленная лежит *колода*, ей же больше нѣсть числа и чловѣкомъ от бога утаено; невозможно бо есть чловѣку таину Божию вѣдѣти“.

§ 113. Числительное *ѣднѣ*, *ѣднѣ*, *ѣднѣ* имели такие же формы, как местоимение *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*: род. *ѣднѣ* или *ѣднѣ* м. и ср. р., *ѣднѣ* ж. р.; дат: *ѣднѣ* и т. д.

И. В.	дѣва м. р., дѣвъ ср., ж. р.	дѣвъ
Р. М.	—	дѣвою —
Д. Т.	—	дѣвами —
И.	трию (трѣю) м. р., три ср. р., три ж. р.	
Р.	—	трин (трѣн) —
Д.	—	трѣмъ —
В.	—	три —
Т.	—	трѣмн —
М.	—	трѣхъ —
И.	четыре м. р., четыри ср. р.	четыри ж. р.
Р.	—	четырь —
Д.	—	четырьмъ —
В.	—	четыри —
Т.	—	четырьмн —
М.	—	четырьхъ —

§ 114. Числительные 5—9 были именами на -ь, производными от порядковых числительных *пять*, *шесть* и т. д. Их склонение было такое же, как имен с основой на -ї (-ь): *кость*, *пять*.

Числительное *дѣсѣ* имело некоторые формы по основам на согласный: местн. ед. *дѣсѣ*, им. мн. *дѣсѣ*, род. мн. *дѣсѣ*.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	дѣсѣ	дѣсѣ, дѣсѣн
Р.	(дѣсѣ), дѣсѣн	дѣсѣ
Д.	дѣсѣн	дѣсѣмъ
В.	дѣсѣ	дѣсѣн
Т.	дѣсѣнѣ (дѣсѣмъ)	дѣсѣн
М.	дѣсѣ, дѣсѣн	дѣсѣхъ

И.-В.	дѣсати (дѣсать)
Р.-М.	(дѣсатѹ)
Д.-Т.	дѣсатьма

Числительное съто имело такие же формы, как имя среднего рода на -о: съта, сътоу и т. д.; тысяшти (тысяшти) изменялось как имя с основой на -ја: тысяшта, тысяшти и т. д.

При сочетаниях имен с числительными 11—19 форма имен находилась в согласовании с именем единиц 1, 2, 3 и т. д.: ѡднѣ на дѣсате ѡуѡеникъ; дѣва на дѣсате ѡуѡеника (именит. дв. в согласовании с дѣва); ѹстыре на дѣсате ѡуѡеници; пать на дѣсате ѡуѡеникъ.

Числительные, состоящие из десятков и единиц, передавались так: между именем десятков и единиц находился союз и или ти: патьдѣсать и седьмь или патьдѣсать ти седьмь.

Для передачи числительных 21—29 применялся и такой способ: название единиц называлось между десятками: ѹстыре между дѣсатьма — „24“.

§ 115. Порядковые числительные представляли собою формы прилагательных и изменялись по основам на -о в мужск. и средн. р. и по основам на -а в женск. р.: им. пать, род. пати, дат. патѹ и т. д.

Сложные формы для них были обычного образования: патын, патамѡ, патѹюмоу и т. д.

В образовании основы этих числительных имя единиц иногда бывало представлено с тематическим гласным -о: дѣвѡнадѣсатьнѣ, ѡсѡнадѣсатьнѣ, дѣвѡдѣсать и др.

Отметим и такое образование: дѣвѡнадѣсатѣѡуѡѣноу сльнѣцѣ — („двенадцатилучезарное солнце“ — Супр. рук.).

§ 116. Собирательные числительные.

дѣвѡн	седморѣ (седмерѣ)
трон	ѡсморѣ (ѡсмерѣ)
ѹствѣрѣ (ѹствѣрѣ)	дѣкаторѣ (дѣктерѣ)
паторѣ (патѣрѣ)	дѣсаторѣ (дѣсатѣрѣ)
шѣсторѣ (шѣстерѣ)	

Склонение их было такое же, как местоимений мѡн, тѡн, свѡн: род. дѣвѡмѡ, дат. дѣвѡюмоу и т. д.

При формах множ. числа дъвоп, трои находится имя во множ. числе: дъвоп людяно, дъвопхъ людин.

В сочетании с именем собирательного значения, представленным в форме единственного числа, такие числительные употреблялись в среднем роде, а имя существительное в родит. падеже — четверо братица.

ГЛАГОЛ

§ 117. Тематические основы настоящего времени.

1. Прежняя основа на -е в чередовании с -о.

		Инфинитив		
2 л. ед. ч.	несешн	3 л. мн. ч.	несѣтъ	нести
	кѣдешн		кѣдѣтъ	вести
	реуешн		рекуѣтъ	рѣшн
	можешн		могѣтъ	мошн
	грѣбешн		грѣбѣтъ	грѣшн
	идешн		идѣтъ	ити
	мьрешн		мьрѣтъ	мрѣшн
	врѣжешн		врѣжѣтъ	врѣжшн
	пѣнешн		пѣнѣтъ	пѣшн
	берешн		берѣтъ	бѣршн
	женешн		женѣтъ	гѣншн

2. Прежняя основа на -пе в чередовании с -по.

двигнешн	двигнѣтъ	двигнѣти
сѣхнешн	сѣхнѣтъ	сѣхнѣти
мннешн	мннѣтъ	мннѣти

3. Прежняя основа на -је в чередовании с -јо

знаюшн	знаѣтъ	знати
колюшн (kol'cěi),	колюѣтъ	клати
пишошн	пишѣтъ	писати
плачушн	плачуѣтъ	плакати
дѣлаюшн	дѣлаѣтъ	дѣлати
оубиваюшн	оубиваѣтъ	оубивати
сѣюшн	сѣѣтъ	сѣти, сѣяти
оумѣюшн	оумѣѣтъ	оумѣти
коупоушн	коупоуѣтъ	коуповати
бесѣдоушн	бесѣдоуѣтъ	бесѣдовати

4. Прежняя основа на -i.

ВНДШИИ	ВНДАТЬ	ВНДЪТИ
ВВАНШИИ	ВВЛАТЬ	ВВЛЪТИ
МЛЪУНШИИ	МЛЪУМАТЬ	МЛЪУМАТИ
СЛЪШНШИИ	СЛЪШМАТЬ	СЛЪШМАТИ
ХВЛАНШИИ	ХВЛААТЬ	ХВЛАНТИ

§ 118. Нетематические основы настоящего времени.

			Инфинитив	
1 л. ед. ч.	всмы	3 л. мн. ч.	суть	быти
	взмь		вздауть	вздъти
	кмь (нзъмь)		кдауть (нзъдауть)	ксти (нзъсти)
	дмь		ддауть	дати

§ 119. Формы глагола были образованы от разных основ: одни имели такую основу, которая отражается в формах настоящего времени; другие были с основой такой, какую представляла форма инфинитива. От основ настоящего времени были образованы формы настоящего времени, повелительного (желательного) наклонения и причастия наст. вр. От основ инфинитива — формы имперфекта в его древнейшей формации, аориста, инфинитива, супина и причастия прошедшего времени.

Основа настоящего вр. была с суффиксальными, с тематическими элементами и (в немногих глаголах) она не имела таких элементов. Тематическими элементами основ наст. вр. были следующие.

1. Гласный *e*, чередовавшийся некогда с *o*; ср. форму 2 л. ед. ч., представлявшую окончание *-ši* после основы: *neseši* (*nese-ši*), *vedeši*, *grebeši*, *rečeši* (вм. *rek-e-*), *možeši* (вм. *mog-e-*).

Тематический гласный *-o-* был в формах 3 л. множ. ч., в повелительном (желательном) наклонении, в причастии наст. вр.

3 л. мн. ч. *pesoť* вм. более раннего *peso-nti* (*-nti* — окончание формы 3 л. мн. ч.), ст.-сл. *весаѣтъ*:

Повелит. накл. 2 и 3 ед.: *nesi*, *beri*, *гъси*, *pomodzi*; 1 и 2 мн.: *nesěmъ* — *nesěte*, *berěmъ* — *berěte*, *гъсěmъ* — *гъсěte*, *pomodzěmъ* — *pomodzěte*. Гласные *i* и *ě* в этих формах — вместо более раннего дифтонга *oi* (см. в отделах об *ě*, *i*). Гласный же *o* принадлежал основе. Ср. греческие соответствующие формы 2 л. *φέροι* — *φέροιτε*.

Основа причастия наст. вр. *pesont-*. Именит. пад. ед. ч. мужск. рода *pesy* вм. *pesonts* (см. конец слова). Родит. пад. ед. ч. мужск. р. *pesotja*, ст.-сл. *весаѣштѣ*.

2) Суффикс *-ne-*, чередовавшийся некогда с *-no-* в тех же формах, как в основах на *e/o*.

2 л. ед. ч. — *dvigneši*, 3 л. мн. ч. — *dvignōtš* (ст.-сл. *двигнѣтъ*):
mineši — *minōtš* (ст.-сл. *минѣтъ*).

3. *-je*, чередовавшийся некогда с *-jo-* в тех же формах, как в основах на *e/o*.

Перед тематическим *-je-/-jo-* был а) корень без суффикса или б) корень, распространенный суффиксом.

а) Корень, оканчивавшийся гласным или согласным.

<i>Znaješi</i> — <i>znajōtš</i> ;	основа <i>zna-je-</i> , <i>zna-jo-</i>
<i>krŷješi</i> — <i>krŷjōtš</i> ;	основа <i>krŷ-je-</i> , <i>krŷ-jo-</i>
<i>sěješi</i> — <i>sějōtš</i> ;	основа <i>sě-je-</i> , <i>sě-jo-</i>
<i>gniješi</i> — <i>gnijōtš</i> ;	основа <i>gni-je-</i> , <i>gni-jo-</i>
<i>kol'eši</i> — <i>kol'ōtš</i> ;	основа <i>kol-je-</i> , <i>kol-jo-</i>
<i>mel'eši</i> — <i>mel'ōtš</i> ;	основа <i>mel-je-</i> , <i>mel-jo-</i>
<i>stel'eši</i> — <i>stel'ōtš</i> ;	основа <i>stel-je-</i> , <i>stel-jo-</i>
<i>bor'eši</i> — <i>bor'ōtš</i> ;	основа <i>bor-je-</i> , <i>bor-jo-</i>
<i>pišeši</i> — <i>pišōtš</i> ;	основа <i>pis-je-</i> , <i>pis-jo-</i>
<i>vežeši</i> — <i>vežōtš</i> ;	основа <i>vež-je-</i> , <i>vež-jo-</i>
<i>drēm'l'eši</i> — <i>drēm'l'ōtš</i> ;	основа <i>drēm-je-</i> , <i>drēm-jo-</i>

б) Корень, распространенный посредством *-a-*, *-va-*, *-ě-*, *-u-*.

- a-*: *dělaješi* — *dělajōtš*; основа *děl-a-je-*, *děl-a-jo-*;
orbotaješi — *orbota jōtš* (ст.-сл. *работашнѣ — работаштъ*);
želaješi — *želajōtš*; основа *žel-a-je-*, *žel-a-jo-*.
- va-*: *ubivaješi* — *ubivajōtš*; основа *u-bi-va-je-*; *u-bi-va-jo-*;
umyvaješi — *umyvajōtš*.
- ě-*: *uměješi* — *umějōtš*; основа *um-ě-je-*, *um-ě-jo-*;
čŷrněješi — *čŷrnějōtš*; основа *čŷrn-ě-je-*, *čŷrn-ě-jo-*;
tylěješi — *tylējōtš*; основа *tyl-ě-je-*, *tyl-ě-jo-*.
- u-*: *kupuješi* — *kupujōtš*; основа *kup-u-je-*, *kup-u-jo-*;
raduješi — *radujōtš*; основа *rad-u-je-*, *rad-u-jo-*;
cělujеshi — *cělujōtš*; основа *cěl-u-je-*, *cěl-u-jo-*.

4. Гласный *-i-*.

- vidiši* — *vidětš*; основа *vid-i-*;
vodiši — *vodětš*; основа *vod-i-*;
goniši — *gonětš*; основа *gon-i-*;
moriši — *moretš*; основа *mor-i-*;
chvališi — *chvalětš*; основа *chval-i-*;
myčiši — *myčětš*; основа *myč-i-*.

Глаголы с нетематической основой:

jes-: 1 л. ед. jesъ, 3 л. мн. sq-ть (ст.-сл. сътъ);

věd-: věть (вм. void-mī), vědětъ;

jad- (éd-): jamъ (ěть), jadětъ (ědětъ);

dad (da-d-): damъ (вм. dadmī), dadětъ.

§ 120. Основы инфинитива представляли собою корень без суффикса или корень с суффиксальным элементом.

Инфинитивная основа равная корню. Он оканчивался а) согласным или б) гласным.

а) nesti — основа nes-; vesti — основа ved- (dt → st); pasti — основа pad-; greti — основа greb- (bt → t); pekti: ст.-сл. пѣшти, вост.-сл. печи (печь), зап.-сл. peci — основа pek-; mogti: ст.-сл. мошти, вост.-сл. мочи (мочь), зап.-сл. moci — основа mog-; tekti: ст.-сл. тѣшти, вост.-сл. течи (течь), зап.-сл. teci — основа tek-; kolti: ст.-сл. колти, вост.-сл. колоти (колоть) — основа kol-; borti se: ст.-сл. брати ся, вост.-сл. боротися (бороться) — основа bor-

б) znati, biti, kryti, čuti, pēti — основы zna-, bi-, kry-, ču-, pē-

Глаголы с инфинитивной основой, равной корню, представляли основу настоящего времени с суффиксами *e/o* или *je/jo*. Именно: глаголы с инфинитивной основой на согласный имели основу наст. вр. с суффиксом *e/o* или *je/jo*: vede-ši, kolje-ši → kol'eši. В глаголах с инфинитивной основой на гласный основа настоящего времени оканчивалась на *je/jo*: zna-je-ši.

Инфинитивная основа представляла собою корень, распространенный суффиксом. Суффиксы в этих основах были следующие:

1) -no-: dvignōti, vuknōti, minōti. Основа настоящего времени этих глаголов была с суффиксом *ne/no*: dvig-ne-ši.

2) -ě-, который изменился в *a* после палатального согласного и в *ě* после иного согласного: bojati se, běžati, kričati, slyšati; viděti, gorěti, neměti, čygněti, uměti. Глаголы с таким инфинитивным суффиксом имели основу наст. вр. разного образования.

а) Основа наст. вр. на *i*: vidi-ši, gori-ši, běži-ši, kriči-ši.

б) Основа наст. вр. на *-je/jo*: nemě-je-ši, čygně-je-ši, umě-je-ši, dovylěti — dovyl-ěje-ši и др. Это — глаголы, производные от имен прилагательных или существительных: пѣшь, сыпь, шъ, довълъпъ.

3) -i-. Глаголы с такой инфинитивной основой по большей части были производными от имен прилагательных или существитель-

ных: voziti (vozь), lubiti (l'ubь), dьžiti (dьlgь) obnažiti (nagь), gostiti (gostь), moriti (morь) dēliti (dēľь), saditi (sadь) и др.

Основа наст. вр. этих глаголов представляла также гласный *i*: l'ubi-ši, obnaži-ši, sad-i-ši и др.

В глаголах непроезводных гласный корня был не *o*, а *e* или на ступени редукации: voziti, но vez-ti → vesti, vezeši; voditi, но ved-ti → vesti, vedeši; ložiti, но ležati, ležiši; moriti, но mьrēti, mьreši; goniti, но ženeši, gьnati.

4) *-a-*. а) Глаголы, производные от существительных и прилагательных: dēl-a-ti (dēľo), jьgr-a-ti (jьgra), gněv-a-ti se (gněvь), orgavyd-a-ti (orgavyda), prij-a-ti — „благоприятствовать“ (ср. др.-инд. priyah — „любимый, дорогой“), гьрьт-a-ti (гьртьт), žьрьт-a-ti (žьртьт), skьžьt-a-ti (skьžьтьт), tьpєt-a-ti (tьpєтьт) и др.

Основа наст. вр. этих глаголов оканчивалась на *je/jo* с таким же гласным *a* (*-aje-*) и в некоторых глаголах без гласного *a* (*-je-*): dēl-aje-ši, orgavyd-aje-ši, prij-aje-ši. В глаголах, производных от имен с суффиксами *-at-*, *-ьt-*, *-et-* и обозначавших шуму, основа наст. вр. представляла *-je*: гьртьtješi: ст.-сл. рьльштеши; žьртьtješi: ст.-сл. шьльштеши, вост.-сл. шепчеши (шепчешь) и др.

б) Гласный *a* имеют основы многочисленных глаголов итеративного значения. Они являются производными от глаголов с разной инфинитивной основой. Если в корне итеративного глагола был гласный *e*, *o*, *ь*, *ь*, то в основе итеративного глагола вместо них был долгий гласный: *ě* в соответствии *e*, *a* в соответствии *o*, *y* (*ы*) в соответствии *ь*, *i* в соответствии *ь*.

Неитерат. grebti → greti, итерат. (za)grěb-a-ti.

Неитерат. pletti → plesti, итерат. (sь)plět-a-ti.

Неитерат. rekti: ст.-сл. решти, итерат. (na)rěk-a-ti.

Неитерат. bodti → bosti, итерат. bad-a-ti.

Неитерат. pomogti: ст.-сл. помомшти, итерат. po-mag-a-ti.

Неитерат. dvignoti, итерат. dvigati, dvidz-a-ti.

Неитерат. karṇoti → karṇti, итерат. karati.

Неитерат. pačeti, итерат. pačinati.

Неитерат. ryčeti („спорить“), итерат. perpirati: ст.-сл. прьльпирати.

Неитерат. istьrti, а также tertit: ст.-сл. тьртати, вост.-сл. теретьи (тереть), итерат. (na)tir-a-ti.

Не представлено было удлинение гласного в коренном сочетании *-ьт-* перед согласным (ot)vyzti → (ot)vyrsti, итерат. (ot)vyzati: ст.-сл. (ot)вьзати.

В глаголах с инфинитивной основой на *-i* этот гласный изменялся в *i* (*j*) перед *a* при образовании основы итеративного значения, и происходила ассимиляция *j* с предшествующим согласным.

Неитерат. *voziti*, итерат. *vazj-a-ti* → *važati*.

Неитерат. *poziti*, итерат. *pasj-a-ti* → *pašati*.

Неитерат. *szmōtiti*, итерат. *szmōtj-a-ti* → ст.-сл. съмѣтити.

Неитерат. *roditi*, итерат. *radj-a-ti*: ст.-сл. рѣдати, вост.-сл. ражати (ражать).

Неитерат. *choditi*, итерат. *chadj-a-ti*: ст.-сл. хаждати, вост.-сл. хажати (хажать).

Неитерат. *lomiti*, итерат. *lamj-a-ti*: ст.-сл. [лрѣ]ламлати.

Неитерат. *gvozdit*, итерат. *[pri]gvazdj-a-ti* → *[pri]gvaždžati*: ст.-сл. [при]гвѣждати.

б) *-va-*. Этот суффикс также входил в образование основы итеративного значения. Но удлинения гласного в корне не происходило.

Неитерат. *biti*, итерат. *[u]bi-va-ti*.

Неитерат. *grēti*, итерат. *[sz]grē-va-ti*.

Неитерат. *stati*, итерат. *sta-va-ti*.

Неитерат. *dati*, итерат. *da-va-ti*.

Неитерат. *velēti*, итерат. *[po]velē-va-ti*.

в) Инфинитивная основа имела суффиксальные элементы *-ova-*. Соответствующая основа наст. вр. оканчивалась на *je/jo* с предшествующим гласным *i*: *uje/ujo*. Это были глаголы, производные от имен и глаголов.

besēd-ova-ti, наст. вр. *besēd-uje-ši* (*besēda*).

vēr-ova-ti, наст. вр. *vēr-uje-ši* (*věra*).

rad-ova-ti se, наст. вр. *rad-uje-ši se* (*radъ*).

kup-ova-ti, наст. вр. *kup-uje-ši* (*kupiti*).

min-ova-ti, наст. вр. *min-uje-ši* (*minōti*).

В старославянских памятниках отражается воздействие форм с основой настоящего вр. на образование форм, имевших основу инфинитива. Так, в Мариинском кодексе находятся формы аориста *ѡумьръша*, инфинитива *ѡумьръти*, с *ь*, как в формах наст. вр. *мьръж*, *мьръши*; *ѡпьръша са* (3 л. мн. аор.), — с *пър-*, как *ѡпьръж* (инфин. *ѡпьръти*). То же явление отразилось и на формах глагола *стрѣти*: аор. *прѣстрѣръж*, *прѣстрѣръства*. То же наблюдается и в других памятниках XI в.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 121. Основы на -е/-а.

Инфинитив							
	вексти	решти	мошти	връшти	пати	шти	кърлати
Единственное число							
1.	векж	решж	могж	връжж	пънж	ндж	керж
2.	векши	решши	могши	връжши	пънши	ндши	керши
3.	векеть	решеть	можеть	връжеть	пънеть	ндеть	кереть
Множественное число							
1.	векемъ	решемъ	можемъ	връжемъ	пънемъ	ндемъ	керемъ
2.	векете	решете	можете	връжете	пънете	ндете	керете
3.	векятъ	решятъ	могятъ	връжятъ	пънятъ	ндятъ	керытъ
Двойственное число							
1.	векевъ	решевъ	можевъ	връжевъ	пъневъ	ндевъ	керева
2.	векета	решета	можета	връжета	пънета	ндета	керета
3.	векете	решете	можете	връжете	пънете	ндете	керете

§ 122. Основы на -ле/-ло.

Инфинитив			
	двигнѣти	сѣхнѣти	минѣти
Единственное число			
1.	двиглж	сѣхлж	минлж
2.	двигнешн	сѣхнешн	минешн
3.	двигнетъ	сѣхнетъ	минетъ
Множественное число			
1.	двигнемъ	сѣхнемъ	минемъ
2.	двигнете	сѣхнете	минете
3.	двигнѣтъ	сѣхнѣтъ	минѣтъ
Двойственное число			
1.	двигневъ	сѣхневъ	миневъ
2.	двигнета	сѣхнета	минета
3.	двигнете	сѣхнете	минете

§ 123. Основы на -je/-jo.

Инфинитив							
	ЗНАТИ	КАЛТИ	ПАЛКАТИ	ДВАЛТИ	СЪТИ, СЪДТИ	ОУМЪТИ	БЕСЪДОВАТИ
Единственное число							
1.	ЗНАЮ	КОЛЮ	ПАЛУЮ	ДВАЛЮ	СЪЮ	ОУМЮ	БЕСЪДОУЮ
2.	ЗНАЮШИ	КОЛЮШИ	ПАЛУЮШИ	ДВАЛЮШИ	СЪЮШИ	ОУМЮЮШИ	БЕСЪДОУЮШИ
3.	ЗНАЮТЬ	КОЛЮТЪ	ПАЛУЮТЪ	ДВАЛЮТЪ	СЪЮТЪ	ОУМЮЮТЪ	БЕСЪДОУЮТЪ
Множественное число							
1.	ЗНАЮМЪ	КОЛЮМЪ	ПАЛУЮМЪ	ДВАЛЮМЪ	СЪЮМЪ	ОУМЮЮМЪ	БЕСЪДОУЮМЪ
2.	ЗНАЮТЕ	КОЛЮТЕ	ПАЛУЮТЕ	ДВАЛЮТЕ	СЪЮТЕ	ОУМЮЮТЕ	БЕСЪДОУЮТЕ
3.	ЗНАЮТЬ	КОЛЮТЪ	ПАЛУЮТЪ	ДВАЛЮТЪ	СЪЮТЪ	ОУМЮЮТЪ	БЕСЪДОУЮТЪ
Двойственное число							
1.	ЗНАЮЕЪ	КОЛЮЕЪ	ПАЛУЮЕЪ	ДВАЛЮЕЪ	СЪЮЕЪ	ОУМЮЮЕЪ	БЕСЪДОУЮЕЪ
2.	ЗНАЮТА	КОЛЮТА	ПАЛУЮТА	ДВАЛЮТА	СЪЮТА	ОУМЮЮТА	БЕСЪДОУЮТА
3.	ЗНАЮТЕ	КОЛЮТЕ	ПАЛУЮТЕ	ДВАЛЮТЕ	СЪЮТЕ	ОУМЮЮТЕ	БЕСЪДОУЮТЕ

§ 124. Основы на -i.

Инфинитив				
	ХВАЛТИ	ТРЪПЪТИ	ВНДЪТИ	СЛЫШЪТИ
Единственное число				
1.	ХВАЛЮ	ТРЪПЛЮ	ВНДЮ	СЛЫШЮ
2.	ХВАЛШИ	ТРЪПШИ	ВНДИШ	СЛЫШИШ
3.	ХВАЛТЪ	ТРЪПНТЪ	ВНДИТЪ	СЛЫШИТЪ
Множественное число				
1.	ХВАЛМЪ	ТРЪПНМЪ	ВНДИМЪ	СЛЫШНМЪ
2.	ХВАЛТЕ	ТРЪПНТЕ	ВНДИТЕ	СЛЫШИТЕ
3.	ХВАЛАТЪ	ТРЪПАТЪ	ВНДАТЪ	СЛЫШАТЪ
Двойственное число				
1.	ХВАЛВЕЪ	ТРЪПНВЕЪ	ВНДИВЕЪ	СЛЫШНВЕЪ
2.	ХВАЛТА	ТРЪПНТА	ВНДИТА	СЛЫШИТА
3.	ХВАЛТЕ	ТРЪПНТЕ	ВНДИТЕ	СЛЫШИТЕ

Инфинитив					
	БЫТИ	ВѢДѢТИ	ИСТИ	ДАТИ	ИМѢТИ
Единственное число					
1.	ИСМЬ	ВѢМЬ (ВѢДѢ)	ИМЬ	ДАМЬ	ИМѢМЬ
2.	ИСН	ВѢСН	ИСН	ДАСН	ИМѢСН
3.	ИСТЬ	ВѢСТЬ	ИСТЬ	ДАСТЬ	ИМѢТЬ
Множественное число					
1.	ИСМЬ	ВѢМЬ	ИМЬ	ДАМЬ	ИМѢМЬ
2.	ИСТЕ	ВѢСТЕ	ИСТЕ	ДАСТЕ	ИМѢТЕ
3.	ИЖЬ	ВѢДАТЬ	ИДАТЬ	ДАДАТЬ	ИМѢТЬ
Двойственное число					
1.	ИСЬ	ВѢЬ	ИЬ	ДАЬ	ИМѢЬ
2.	ИСТА	ВѢСТА	ИСТА	ДАСТА	ИМѢТА
3.	ИСТЕ	ВѢСТЕ	ИСТЕ	ДАСТЕ	ИМѢТЕ

§ 126. Об основах настоящего времени замечания были сделаны выше. В отношении окончаний следует отметить, что формы настоящего времени старославянского языка представляют собою продолжение форм более давнего времени,—продолжение с немногими изменениями.

В 1 л. ед. в тематических основах был гласный *o*. По всей вероятности, это было окончание более давней формы конъюнктива, оканчивавшегося на *-am*. Ср. лат. *feram*. У славян *-am* (*-ap*) в конце слова изменилось в *-ap* → *-o*. Ср. форму винит. ед. основ на *-a*: *gogo*. Но конечное *-on* → *-in* → *y* (*ы*): *кату*. См. замечания о конце слова.

В основах на *-i* было такое же окончание—*o*. Гласный же *i* в положении перед согласным изменялся в давнее время в неслоговой *i* (*j*) и ассимилировался с предшествующим согласным. *posi-o* → *pos-o*, *vozi-o* → *voj-o*, *chodi-o* → *chod'-o* — ст.-сл. *хождѣ*,

вост.-сл. *хожу*; *chvatj-ŕ* → *chvatj-ŕ* — ст.-сл. *хваштѣ*, вост.-сл. *хвачу*;
myštj-ŕ → *myščo* — ст.-сл. *мыштѣ* и др.

В нетематических основах окончанием формы 1 л. ед. у славян было *-ть* из *-шї*. В других индоевропейских языках ему соответствует *-шї*. Напр.: греч. *εἶμι*, лит. *esmi*, ст.-сл. *ѡсмь*.

Согласный *d* ассимилировался с *m*: *dm* → *m*: *věd-ть* → *věть*, *jad-ть* → *ja-ть*, *dad-ть* → *da-ть*.

С окончанием *-ть* издавна в славянских языках употреблялся и глагол *imать* (*imать* — с редуцированным *i* в группах, легших в основу западнославянских языков; см. отдел о редуцированных *ŷ*, *i*). Но в других формах окончания были такие же, как в тематических основах: 2 л. *-ši*: *imaši* (*imaši*).

Появление *-ть* в форме 1 л. ед. этой основы (*-ima-*) связано было с воздействием форм *ja-ть*, *da-ть*, — с *m* после *a*. И позднее в историческое время в южных и западных славянских языках обнаруживалось воздействие более ранних форм на *-am* на образование формы 1 л. ед. с новой основой на *-ā*, получившейся фонетически *vm. -aje* (после утраты *i* и после ассимиляции *ae*): *děta-m*, *pyta-m*, как *dām*, *imām* (*imām*, *imām*).

§ 127. 2 л. ед. В тематических основах окончанием было *-ši*, в нетематических — *-si*. Согласные *ss*, *ds* в нетематических основах ассимилировались в *s* — *jesi* *vm. jes-si*, *věsi* *vm. věd-si*, *jasi* *vm. jad-si*, *dasi* *vm. dad-si*. Окончанию славянской формы 2 л. ед. *-si* соответствует в других индоевропейских языках окончание *-sai* формы среднего залога. Напр. греч. *τίθεσαι*, др.-инд. *bhāgase* (*e* из более раннего *ai*).

Неясно происхождение окончания *-ši* тематических основ. Это окончание указывает на более раннее *-si*, в котором *s* изменился в *ch*, а согласный *ch* → *š* перед гласным переднего ряда, перед *i* или перед *e* → *i* (но не перед заменой дифтонга *oi*: перед этой заменой, т. е. перед *ě* или *i*, согласный *ch* → *s'*: дат. ед. *mus'ě*, именит. мн. *ženis'i*; именит. ед. *muča*, *ženichъ*). Согласный *z* изменился в *ch* после гласного *i* (*voziši*), а затем был обобщен и для других тематических основ (*neseši* и др.). В др.-греческом, в др.-индийском было окончание *-si*: греч. *ἔσει*, др.-инд. *bhārasī* — „несешь“. В славянской языковой группе соответствующее окончание представлено было не с заменой краткого *i*, т. е. не с *ь*, а с *-i*. Происхождение долгого *i* в этом окончании неясно.

Позднее происходила редукция конечного *-i*: *-ши* → *-шь* → *-ш*: *несеш*, *хвалиши*. Такое же изменение пережито было и другими

славянскими языками. Ослабление конечного *-i* в глагольных формах происходило во многих славянских группах. Такова судьба конечного *i* в форме 2 л. ед. повелительного наклонения и в инфинитиве. Напр.: польск. *p'eś!*, чешск. *peš!*, русск. *брос'!* *трон'!*; польск. *p'eść*, чешск. *peš!*, русск. *ходит'*, карпатско-украинск. *ходит* и т. п.

§ 128. 3 л. ед. и мн. Форма 3 л. ед. всех основ представляет в старославянском языке окончание *-тъ*. То же сочетание входило в состав окончания и в форме 3 л. мн.; *-жтъ*, *-атъ*.

История этих форм в восточнославянских языках, а также соответствия других индоевропейских языков указывают на *-t* с гласным переднего ряда, — на *ть*. В др.-русских памятниках XI—XIII вв. эти формы передаются с окончанием *-тъ*. До сих пор в южнорусских (южновеликорусских) говорах, в украинской и белорусской группах эти формы имеют *т'* (в белорусск. *т'* → *ц'*). В других индоевропейских языках формы 3 л. ед. имели некогда *-ti*, формы 3 л. мн. *-nti*. Напр., др.-инд. *bhárati* — 3 л. ед., *bháranti* — 3 л. мн.; греч. *ἔστί*, 3 л. мн. *φέρουσι* вм. *φέρουσι*.

Несомненно, в древней славянской морфологической системе форма 3 л. ед. и мн. имела в окончании *-tī* → *-тъ*. В славянской группе, легшей в основу болгарской, окончание *-ть* этих форм рано, ранее второй половины IX в., изменилось в *-тъ*. Это изменение было связано с теми значительными фонетическими процессами, которые пережиты были славянскими группами в доисторическую эпоху и в разные периоды исторической жизни, — пережиты в конце слова. См. отдел о конце слова. Одним из результатов ослабления конечного слога была утрата палатализации в артикуляции согласного. Согласные перед гласными переднего ряда в доисторической фонетической системе славян были палатализованы. (См. соответствующий пункт в фонетике.) Утрата палатализации согласного *t'* повела к изменению гласного *ь*, следовавшего за согласным *t'*, повела к веляризации его: *-tь* → *-тъ*.

Процесс отвердения конечного *t'* в форме 3 л. происходил в разное время по славянским группам. Повидимому, в западнославянских группах он отвердел раньше, чем в других славянских группах. Наиболее позднее отвердение *t'* в форме 3 л. происходило в восточнославянских группах, — в севернорусских и западноукраинских.

В старославянском языке окончание *-тъ* в IX в. было несомненно с гласным редуцированным заднего ряда. На наличие редуцированного *ъ* в этой форме указывают отчасти написания с *ы* перед словом, начинавшимся с *и-*: *преславнты и*, *поставнты и* и т. п. В этих случаях знак *ы* имел значение гласного редуцированного *ы*: см. отдел о редуцированных *ы*, *і* в старославянском языке. Еще более показательны примеры, в которых глагольная форма на *-тъ* была в тесном сочетании с местоимением *сь*: в этих случаях гласный *ъ* был в сильном положении и заменился на западе болгарской области в XI в. гласным *о*: *можетсь* в м. *можетъ-сь* — „может этот“ (как *можетъ-сь* дати *плать* *своа*, Мариин. код., Иоанн, VI, 52), *лежитъ-сь* в м. *лежитъ-сь* — „лежит этот“ (Ассеман. код., Лука, II, 34). В подобном тесном объединении с местоимением *сь* были и имена. И в этих объединениях *ъ* → *о* в XI в. на западе болгарской области: *родось* в м. *родъ-сь*, *народъ-сь* в м. *народъ-сь*, *образъ-сь* в м. *образъ-сь* (Мариин. код.) и др.

К XI в. слабые редуцированные были утрачены в болгарских говорах. Следовательно, формы 3 л. ед. и мн. оканчивались на твердый согласный *-т*: *несет*, *может*, *молит*; *несат*, *молат*.

§ 129. В старославянских памятниках XI в. изредка находятся формы 3 л. без *-т*. Напр.: *е* в м. *встъ* (Зограф., Мариин., Ассеман.), *вждо*, *може* (Мариин.), *саде*, *въроуж* — 3 л. мн. (Ассеман.). Наиболее часты примеры этих форм без *-т* в Супрасльской рукописи, — в памятнике, в котором и в других отношениях отразились черты новые в большей мере, чем в архаических глаголических памятниках.

Прежде чем дать объяснение этим формам без *-т*, следует учесть показания памятников среднеболгарской эпохи и современных болгарских говоров. В среднеболгарских памятниках XII—XIV вв. формы 3 л., в особенности 3 л. ед., передаются без *-т* чаще, чем даже в Супрасльской рукописи. В современных болгарских говорах форма 3 л. ед. не имеет *-т*. Только в окраинной области, на западе Македонии, она оканчивается на *-т*: *несит*, *молит*, *питат* („спрашивает“). В 3 л. мн. в восточноболгарских говорах форма оканчивается на *т*: *несят* → *несът* → *несат*. Но по говорам западноболгарским утрачен был *т* и в этой форме: *неса* — „они несут“.

Полагаем, что утрата *-т* в формах 3 л. произошла в болгарском языке в XI—XIV вв., а не в доисторическую эпоху, как думают некоторые, возводя такие формы к доисторическим *nese*

вм. *neset*, — с *t*, как в формах аориста (а не с *-tb*). Процесс утраты *-t* в формах 3 л. происходил в разное время и в других славянских языковых группах, напр., в севернорусской, где в историческое время ясно засвидетельствовано было окончание *-тъ*, позднее (с конца XIII в.) *-тъ*. Примеры без *-t*, находящиеся в восточнославянских памятниках XI в., непоказательны: они попали из южнославянских оригиналов или появились по образцу этих оригиналов.

В отношении формы 3 л. множественного числа отметим еще следующее. Давним окончанием этой формы было *-nti*. Согласный *n* в сочетании с предшествующим гласным изменился в носовой гласный: *neso-nti* → *nesoťь*, *bero-nti* → *beroťь*; ср. др.-инд. *bhārantī*, греч. *φέρουσι* из *φέροντι*; *chvali-nti* → *chvaloťь*, *prosi-nti* → *prosoťь*.

В нетематических основах *n* находился между двумя согласными. В таком положении в давней фонетической системе *n* был слогообразующим (*ŋ*) и изменялся затем в *ьп* (как *г*, *л* → *ьг*, *ьл*); сочетание *ьп* → *е*: *vedeťь*, *jadeťь*, *dadeťь*.

Неясно, было ли когда-нибудь *seťь*. Следы такой формы некоторые из лингвистов видят в словацком *sa* и в западнославянском *set*, *se*. Но трудно показать, что эти формы с заменой гласного *е* (у словаков *е* → *а*, у болгар *е* → *е*) давнего происхождения и восходят к *seťь*. Возможно полагать, что эти формы (*sa*, *set*) появились в результате объединения с формой 3 л. мн. основ на *-i*: словацк. *hláďa*, *letia*, *vidia*; макед. *хвалет*, *горет*.

Старославянский язык имел форму 3 л. мн. *сѣть*. В доисторическую эпоху эта форма в славянских группах оканчивалась на *тъ*: *soťь*.

§ 130. 1 лицо мн. ч. Окончание этой формы было с давнего времени не одинаково по славянским группам. Она оканчивалась на *-тъ*, *-те*, *-то*. Соответствия этим окончаниям в других индоевропейских языках были представлены в виде *-tos* (→ *-tus* в латинском яз.), *-tes* (греч.-дорическое *-τες*), *-ten* (греч. *-τεν*), *-те* (в литовском), *-та* (вм. *-то* в др.-индийском).

В старославянском языке форма 1 л. мн. оканчивалась на *-мъ*: *несемъ*, *хвалимъ*, *исемъ*, *даемъ*. Несомненно, были в областях, занятых тогда болгарскими славянами, и формы с окончанием *-ме*. В памятниках среднеболгарских и в современных болгарских говорах представлены формы с таким окончанием.

В старославянских памятниках находятся формы с окончанием *-ы*. В одних случаях такое окончание в форме 1 л. наст. или аориста, имперфекта могло появиться фонетически *вм. ѣ* перед *и* следующего слова. Напр.: *слышахомъ и* — „мы слышали его“ (Мариин.). В этом случае посредством *ы* передан был гласный редуцированный *ѣ*. Но имеются и такие примеры, в которых гласный *ы* в окончании *-мы* не был обусловлен воздействием артикуляции следующего гласного *и*. То было окончание, появившееся в связи с личным местоимением *мы*: да *оувъмы ганимы* (Клоц. сб.), *накажымы*, *нмамы* и др. (Супр. рук.); в аористе: *съиндохомы*, *помажьхомы* и др. (Супр. рук.). Воздействие формы личного местоимения на глагольную форму отражалось и в давнее время, как об этом может свидетельствовать окончание 1 л. двойственного числа *-вѣ*: *pesevĕ*, *chvalivĕ*, — с *вѣ*, как и форма именит. двойств. (*vĕ*). В других индоевропейских языках форма глагола 1 л. в двойственном числе имела окончание *-va* (в литовском яз.), *-vas* (в др.-индийском). Воздействие личного местоимения на глагольную форму происходило и позднее. На это явно указывают формы *сне* 1 л. мн., *све* (*сфе*) 2 л. мн. *вм. сме* (ст.-сл. *смь*), *сте* (ст.-сл. *ств*) в говорах юго-востока, юга и запада Македонии (к востоку от Солуня, в Костуре, в Дебре): *н*, *в* появились в глагольных формах в связи с местоимениями *ни* 1 л. мн. („мы“), *ви* 2 л. мн. („вы“). Окончание 1 л. мн. *-шу* указанного происхождения находится также на западе, в польском языке, в лужицких, в чешских говорах восточной Моравии.

Влияние личных местоимений на окончания глагольных форм происходило и в других языках. Например, в немецких говорах Баварии окончанием 1 л. мн. глаголов является *г. wir hammr* (*wir haben*), — с *г*, как местоимение *wir* (= *wir*).

Форма 2 л. мн. представляла окончание *-te*, как и в других индоевропейских языках.

§ 131. 1 лицо дв. ч. — *-vĕ*: *pesevĕ*. Окончание это с гласным *ĕ* появилось под воздействием формы местоимения 1 л. именит. *vĕ*. См. выше.

2 лицо дв. *-ta*: *neseta*.

3 лицо дв. *-te*: *nesete*.

В других индоевропейских языках в состав окончания форм двойственного числа входили гласные *a*, *o*: лит. *-va* — 1 л., лит. *-ta* — 2 л., греч. *-тoυ* — 3 л.

В старославянских памятниках форма дв. 3 л. не одинаково передана во всех случаях: при формах на -*тѣ* имеются формы на -*та*. При этом в памятниках с значительными отступлениями от прежней языковой нормы начальных славянских переводов окончание -*та* в форме 3 л. дв. вытесняет прежнее окончание -*тѣ*. Так в Саввиной книге. В Супрасльской рукописи совсем нет форм на -*тѣ*. Такой же процесс замены окончания -*тѣ* в 3 л. дв. окончанием -*та* пережит и другими славянскими языками. Так в языках, имеющих категорию двойственного числа, — в языках словинском, в верхнелужицком: словинск. *neseta*, верхн.-луж. *n'esetaj*.

На актуальность окончания *a* для формы двойственного числа указывает и то, что в некоторых славянских языковых группах этот гласный стали применять и в окончании формы 1 л. дв.: -*ва* вм. *вѣ*. Так в словинском языке: *peseva*, *pletewa*. Так было во многих польских говорах. Тут, в польской области, при процессе утраты категории форм дв. числа некоторые элементы этих форм перешли в формы мн. числа. В польских говорах в восточной области форма 1 л. мн. оканчивается на -*ва* (*pieševa*), на -*та* в западных говорах (*piešeta*). С окончанием -*та* представляют эту форму некоторые чешские говоры на севере Моравии и словацкие на сев.-востоке Словакии. Еще иной процесс стал обнаруживаться в болгарской области в XI в. в судьбе форм двойственного числа в настоящем времени, в аористе и имперфекте: различие грамматической категории под воздействием того же различия в местоимениях и именах. Для 2 и 3 л. женского и среднего рода стали употреблять окончание -*тъ*, с *ъ*, как в именительном двойств. числа местоимений и имен: *посъластъ ѿ сестръ ѿго къ нему...* — „обе сестры его послали к нему...“ (Савв. кн.); *видѣстъ очн* (Савв. кн.), *въроужтъ*, *тъ ѿ [две Марии] астъ ѿ* (Супр. рук.). Такой же процесс происходил и в других славянских группах. Так в словинском языке: окончания -*ва*, -*та* служат для мужского рода, а для среднего и для женского применяется окончание с гласным -*e* (из *ѣ*), как в местоимениях и именах: *pletewa* 1 л. дв. — мужск. р., *pletewe* — женск. и средн. Ср. формы именит. двойственного числа имен и местоимений в словинском языке: *ta* — мужск., *te* — женск. и средн.; *dva človeka*, *dve žené*. Верхн.-луж.: -*taj* — 2 и 3 л. дв. для мужского рода, -*tej* для женского и среднего; *nesetaj* — *nesetej*.

Имперфект

§ 132. Инфинитивные основы на согласный и на -лр-.

	вед-	рен-	мог-	пън-(па-)	кля- (вм. кол-)	съхнѣ-
Единственное число						
1.	ведѣахъ	реуаахъ	можаахъ	пънѣахъ	коляахъ	съхнѣахъ
2.	ведѣаше	реуааше	можааше	пънѣаше	коляаше	съхнѣаше
3.	ведѣаше	реуааше	можааше	пънѣаше	коляаше	съхнѣаше
Множественное число						
1.	ведѣахомъ	реуаахомъ	можаахомъ	пънѣахомъ	коляахомъ	съхнѣахомъ
2.	ведѣашете	реуаашете	можаашете	пънѣашете	коляашете	съхнѣашете
3.	ведѣахѣ	реуаахѣ	можаахѣ	пънѣахѣ	коляахѣ	съхнѣахѣ
Двойственное число						
1.	ведѣахоевъ	реуаахоевъ	можаахоевъ	пънѣахоевъ	коляахоевъ	съхнѣахоевъ
2.	ведѣашета	реуаашета	можаашета	пънѣашета	коляашета	съхнѣашета
3.	ведѣашете	реуаашете	можаашете	пънѣашете	коляашете	съхнѣашете
Инфи- нитивн	костн	рештн	моштн	вѣштн	кляштн наст. вр. колыштн	съхнѣштн

§ 133. Инфинитивные основы на тематический гласный *-i*.

	ХВАЛН-	НОСИ-	ХОДИ-	ЛЮБИ-
Единственное число				
1.	ХВАЛМАХЪ	НОСИМАХЪ	ХОЖДАХЪ	ЛЮБИМАХЪ
2.	ХВАЛМАШЕ	НОСИМАШЕ	ХОЖДАШЕ	ЛЮБИМАШЕ
3.	ХВАЛМШЕ	НОСИМШЕ	ХОЖДАШЕ	ЛЮБИМШЕ
Множественное число				
1.	ХВАЛМАХОМЪ	НОСИМАХОМЪ	ХОЖДАХОМЪ	ЛЮБИМАХОМЪ
2.	ХВАЛМАШЕТЕ	НОСИМАШЕТЕ	ХОЖДАШЕТЕ	ЛЮБИМАШЕТЕ
3.	ХВАЛМАХЪ	НОСИМАХЪ	ХОЖДАМАХЪ	ЛЮБИМАХЪ
Двойственное число				
1.	ХВАЛМАХОВЪ	НОСИМАХОВЪ	ХОЖДАМАХОВЪ	ЛЮБИМАХОВЪ
2.	ХВАЛМАШЕТА	НОСИМАШЕТА	ХОЖДАМАШЕТА	ЛЮБИМАШЕТА
3.	ХВАЛМАШЕТЕ	НОСИМАШЕТЕ	ХОЖДАМАШЕТЕ	ЛЮБИМАШЕТА
ИНФИНИТИВ	ХВАЛНИ	НОСИТИ	ХОДИТИ	ЛЮБИТИ

§ 134. Инфинитивные основы на гласный *-i, -y (-ы), -и* корня.

	би-	кры-	юти
Единственное число			
1.	БИМАХЪ	КРЫМАХЪ	ЮТИМАХЪ
2.	БИМАШЕ	КРЫМАШЕ	ЮТИМАШЕ
3.	БИМАШЕ	КРЫМАШЕ	ЮТИМАШЕ
Множественное число			
1.	БИМАХОМЪ	КРЫМАХОМЪ	ЮТИМАХОМЪ
2.	БИМАШЕТЕ	КРЫМАШЕТЕ	ЮТИМАШЕТЕ
3.	БИМАХЪ	КРЫМАХЪ	ЮТИМАХЪ
Двойственное число			
1.	БИМАХОВЪ	КРЫМАХОВЪ	ЮТИМАХОВЪ
2.	БИМАШЕТА	КРЫМАШЕТА	ЮТИМАШЕТА
3.	БИМАШЕТЕ	КРЫМАШЕТЕ	ЮТИМАШЕТЕ
ИНФИНИТИВ	БИТИ	КРЫТИ	ЮТИТИ

§ 135. Инфинитивные основы на гласный -а или -ё корня или суффикса

	зна-	вьра-	плака-	бесъдова-	съ-	трьпъ-	оумъ-
Единственное число							
1.	знаахъ	вьраахъ	плакаахъ	бесъдоваахъ	съахъ	трьпъахъ	оумъахъ
2.	знааше	вьрааше	плакааше	бесъдовааше	съаше	трьпъаше	оумъаше
3.	знааше	вьрааше	плакааше	бесъдовааше	съаше	трьпъаше	оумъаше
Множественное число							
1.	знаахомъ	вьраахомъ	плакаахомъ	бесъдоваахомъ	съахомъ	трьпъахомъ	оумъахомъ
2.	знаашете	вьраашете	плакаашете	бесъдоваашете	съашете	трьпъашете	оумъашете
3.	знаахъ	вьраахъ	плакаахъ	бесъдоваахъ	съахъ	трьпъахъ	оумъахъ
Двойственное число							
1.	знааховъ	вьрааховъ	плакааховъ	бесъдовааховъ	съаховъ	трьпъаховъ	оумъаховъ
2.	знаашета	вьраашета	плакаашета	бесъдоваашета	съашета	трьпъашета	оумъашета
3.	знаашете	вьраашете	плакаашете	бесъдоваашете	съашете	трьпъашете	оумъашете
инфи- нтив	знати	вьрати	плакати	бесъдовати	сѣти	трьпати	оумѣти

Единственное число			
1.	бѣхъ	бѣдахъ	идѣхъ
2.	бѣ	бѣдѣше	идѣше
3.	бѣ, бѣше (редко) бѣше (1 раз в Савв. кн.)	бѣдѣше	идѣше
Множественное число			
1.	бѣхомъ	бѣдахомъ	идѣхомъ
2.	бѣсто [?]	бѣдѣшето	идѣшето
3.	бѣша, бѣдѣхъ (чаще) бѣхѣ (Савв. кн.) бѣша (1 раз в Зогр. код.)	бѣдѣхѣ	идѣхѣ
Двойственное число			
1.	бѣхѣхъ [?]	бѣдѣхѣхъ	идѣхѣхъ
2.	бѣста [?]	бѣдѣшета	идѣшета
3.	бѣсте, бѣдѣшете	бѣдѣшете	идѣшете

§ 137. В объяснениях форм настоящего времени отмечены были окончания, входившие в образование этих форм. Эти окончания условно называются в лингвистической практике „первичными“ окончаниями в отличие от окончаний „вторичных“, применявшихся в образовании форм имперфекта, аориста и повелительного (желательного) склонения. „Вторичные“ окончания отличались от „первичных“ не во всех формах, а только в формах единственного числа и в одной форме множественного, в форме 3 л. мн. В прочих формах окончания были одинаковы и в формах настоящего времени с тематическими основами и в формах имперфекта, аориста, повелительного (желательного) склонения. На основании следов, отразившихся на звуковом виде славянских форм, и на основании сравнения с соответствующими формами других индоевропейских языков полагаем, что „вторичными“ окончаниями были такие:

Ед. 1. л. - <i>m</i> (- <i>n</i>)	Мн. —
2. - <i>s</i>	—
3. - <i>t</i>	3. - <i>nt</i>

Сравните парадигму имперфекта в др.-индийском языке:

Ед. 1. <i>ábharām</i> (a-bhara-m)	Мн. <i>ábharāma</i>
2. <i>ábharah</i> (ḥ вм. s)	<i>ábharata</i>
3. <i>ábharat</i>	<i>ábharant</i>

Перед конечным согласным *m* (*n*) гласный *o* подвергся у славян усилению лабиализации: *-ōp* → *-ūp* → *-ъ*: 1 л. ед. *rado-p* → *radъ* (аорист). Конечные *s*, *t* утрачены, как и другие согласные в конце слова.

Конечное сочетание *-nt* в форме 3 л. мн. имело следующую судьбу в славянской фонетике доисторической эпохи. Если окончанию *-nt* предшествовал гласный *o*, то *-ont* → *o*. Так в простом аористе: *rado-nt* → *radō*; так в имперфекте: *-achō*: *pesěachō*. Если окончание *-nt* находилось после согласного, то *n* был слогообразующим, а *o* → *ьп* → *ę* перед согласным: *-nt* → *ьnt* → *ę* [t]. Так в форме 3 л. мн. сигматического аориста: *věd-s-nt* → *věsę*.

§ 138. Образование славянского имперфекта, сложившееся в доисторическую эпоху, не имело себе соответствия в формах имперфекта других индоевропейских языков. Суффиксами славянского имперфекта были такие:

1) *-ěach-*, после палатального согласного *-ěach-* → *-āach-*. Такой суффикс применялся в следующих типах глаголов: а) с инфинитивной основой на согласный: *pes-ěach-*, *vedě-ach-*, *рьпě-ach-*, *тоž-aach-*, *геč-aach-*, *вьž-aach-*; б) в глаголах с инфинитивной основой на *-p-*: *съchn-ěach-*; в) в глаголах с инфинитивной основой на тематический гласный *-i-*; при этом гласный *i* становился перед гласным неслоговым *i* или *j* и ассимилировался с предшествующим согласным: *chvali-ěach-* → *chval'-aach-*, *prosi-ěach-* → *proš-aach-*, *chodi-ěach-* → *chōd'-aach-*: ст.-сл. *хѡждахъ*.

2) *-jaach-*. Такой суффикс был в основе имперфекта для глаголов с коренным *i* в инфинитивной однослоговой основе: *bi-ti*, *vi-ti*. Появление *j* в этом сочетании неясно. Возможно, что *j* был в инфинитивной основе, если далее следовал гласный суффикса: *bj-*. Сочетание *bj* изменилось в давнее время в *iʃ* *bj* → *biʃ*. (См. о редуцированных *i*, *ý*: *biʃ-aach-*). На то, что

тут был редуцированный *i*, указывает передача его не только посредством *n*, но и посредством *ь*: *вьъахъ* (*вьахъ*), *пвьъахъ*, *вьъше* (Зогр.).

Может быть, что с давнего времени были эти формы с гласным *i* полного образования в связи с *bi-*, *vi-*, *pi-* в инфинитиве, в аористе: *biti*, *pitī*, *bičъ*, *pičъ*.

Также может быть давнего происхождения имперфектная основа *roj-ěach-* → *roj-aach-*. Перед согласным — коренная основа *roj-* → *rě-* (*rěti*, *rěčъ*, *rělъ*), перед гласным — *roj-*.

С суффиксом *-jaach-* стали затем образовывать имперфект и для коренных инфинитивных основ с *-у* (*ы*), *-и*: *кгу-jaach-*, *ту-jaach-*; *ѣи-jaach-*.

3) *-ach-*. При инфинитивной основе на гласный *a*, принадлежавший корню или суффиксу (*-a-*, *-ова-*), на гласный *ě*, тоже принадлежавший корню (*ě* из *ē*, а не из *oj*) или суффиксу, суффикс *-ach-* присоединялся к такой основе (на *-a-*, *-ова-*, *-ě*): *зна-ach-*, *вьа-ach-*, *дѣла-ach-*, *рѣка-ach-*, *besědova-ach-*, *сѣ-ach-*, *имѣ-ach-*.

Как появились имперфектные суффиксы *-ěach-*, *-ach-* неясно. Основа имперфекта на *-ěach-* или на *-aach-* распространена была гласными *o/e*: гласным *o* в формах 1 л. ед., мн. и дв., 3 л. мн. — *veděačo-*; гласным *e* в прочих формах: *-veděaše-*. Итак:

Ед. 1. *veděachъ* (конечное *-on* → *-ŭn* → *-ъ*)

2. *veděaše* (конечный *s* утрачен)

3. *veděaše* (конечный *t* утрачен)

Мн. 1. *veděačomъ* (*veděačo-мъ*)

2. *veděašete*

3. *veděačo* (*-ch-ont* → *-čo*; конечный *t* затем, после образования носовых гласных, утрачен).

Дв. 1. *veděačově* (*veděačo-вě*)

2. *veděašeta*

3. *veděašete*.

Следует отметить звуковой вид корня имперфектной основы глаголов на *-or*, *-ol*: *bor-* (*bortī se*): южн.-сл. *bratī se*, вост.-сл. *бороти с'а*; *kol-* (южн.-сл. *klatī*, вост.-сл. *колоти*); в основу имперфекта положен был звуковой вид корня форм настоящего времени, а не инфинитива. Имперф. ст.-сл. *вѣр'махъ*, *вѣр'махъ*, *кол'махъ*, с *вѣр'-*, *кол'-*, как в настоящем времени: *колюши* (вм. *kol-je-ši*), а не *клати* (инфин. *клати*).

Близки к основам настоящего времени основы имперфекта глаголов на -*gr*:- *dvign-ěach*-, с *dvign*-, как *dvigneši*.

§ 139. В памятниках старославянского языка XI в. имеются указания на такие изменения, происшедшие в X—XI вв. в области языка славян Болгарии.

1) Как отмечено было выше, уже с давнего времени основы имперфекта сближались с основами настоящего времени. Процесс этого объединения позднее распространялся еще шире. В XI в. были формы имперфекта с основой настоящего времени и для таких глаголов: *зъваахъ* и новое образование *зъваше*, с *зъв-*, как в наст. вр. (Супр. рук.); *всѣдволаше*, но и новое *всѣдоуаше* (Супр. рук.) и др. Позднее в болгарском языке такие образования (с основой наст. вр.) получают общее применение: *берѣх* (а не *брах*), *плачѣх* (а не *плаках*) и др.

2) Произошло объединение в окончаниях форм 2 л. мн. и 2., 3 л. дв. в имперфекте и сигматическом аористе. Аористные -*сте*, -*ста* стали применяться в X—XI вв. и для форм имперфекта. В глаголических памятниках такие образования еще редки. Но в кириллической Супрасльской рукописи преимущественно употребляются формы на -*сте*, -*ста*, а в Саввиной книге имеются только такие формы: *ведѣасте* (*ведѣсте*), *ведѣаста* (*ведѣста*) и др.

3) На основах имперфекта отразились фонетические процессы: ассимиляция и стяжение гласных: *ведѣахъ* → *ведѣхъ*, *ведѣше*; *можааше* → *можаше*; *живѣаше* → *живѣше*; *славаахъж* → *славаахъж*; *крыаше* → *чрыаше*; *ушыаше* → *ушыше* и др.

§ 140. Для глагола *бѣти* в старославянских памятниках употреблялись в значении имперфекта формы аористного образования: *бѣхъ*, *бѣ* (см. парадигму). Формы для 2 л. мн., 1 л. и 2 л. дв. не встречаются в этих памятниках. Можно полагать, что они имели такое образование: *бѣсте* 2 л. мн., *бѣховѣ* 1 л. дв., *бѣста* 2 л. дв. Формы с -*ѣл-* находятся только в 3 л. ед., мн. и дв.: *бѣаше*, *бѣахъж*, *бѣашете*. Повидимому такие формы представляют новообразование, появившееся под влиянием имперфекта с -*ѣл-* (*несѣаше*, *несѣахъж*) других глаголов. Показательно распределение форм с *бѣ-* и *бѣл-* в Супрасльской рукописи: в тех частях, в которых сильно отражаются новые языковые черты, там находятся *бѣаше*, *бѣахъж*; в частях более архаичных — *бѣ*, *бѣша*.

§ 141.

Аорист

Простой аорист

	мог-	пад-	обрът-(об-рът-)	нд-	двнг-	свд-	крд-
Единственное число							
1.	могъ	падъ	обрѣтъ	ндъ	двнгъ	свдъ	крдъ
2.	може	паде	обрѣте	нде	двнже	свде	крде
3.	може	паде	обрѣте	нде	двнже	свде	крде
Множественное число							
1.	могомъ	падомъ	обрѣтомъ	ндомъ	двнгомъ	свдомъ	крдомъ
2.	можете	падете	обрѣтете	ндете	двнжете	свдете	крдете
3.	могъ	падъ	обрѣтъ	ндъ	двнжъ	свдъ	крдъ
Двойственное число							
1.	моговъ	падовъ	обрѣтовъ	ндовъ	двнговъ	свдовъ	крдовъ
2.	можета	павета	обрѣвета	ндета	двнжета	свдета	крдета
3.	можете	падете	обрѣтете	ндете	двнжете	свдете	крдете
	мошти	пасти	обрѣсти	нсти	двнгшти	свсти	крсти

Сигматический аорист

§ 142. Инфинитивные основы на согласный и на -пр-

	всд-	рек-	мог-	па- (вм. рьп-)	кля- (вм. кол-)	двнг-	мннж-		
Единственное число									
1.	всѣсь	ведохъ	рѣхъ	рѣкохъ	могохъ	пасъ (пахъ)	кляхъ	двнгохъ	мннжхъ
2.	[ведѣ]	[ведѣ]	[рѣуѣ]	[рѣуѣ]	[може]	па	кля	[двнжѣ]	мннж
3.	[ведѣ]	[ведѣ]	[рѣуѣ]	[рѣуѣ]	[може]	па	кля	[двнжѣ]	мннж
Множественное число									
1.	всѣсомъ	всдохомъ	рѣхомъ	рѣкохомъ	могохомъ	пасомъ (пахомъ)	кляхомъ	двнгохомъ	мннжхомъ
2.	всѣсте	ведѣсте	рѣсте	рѣкѣсте	могѣсте	пастѣ	клястѣ	двнгѣсте	мннжстѣ
3.	всѣса	ведѣша	рѣша	рѣкоша	могѣша	паса (паша)	кляша	двнгоша	мннжша
Двойственное число									
1.	всѣсовѣ	вѣдоховѣ	рѣховѣ	рѣкоховѣ	могоховѣ	пасовѣ (паховѣ)	кляховѣ	двнгоховѣ	мннжховѣ
2.	всѣста	вѣдѣста	рѣста	рѣкѣста	могѣста	паста	кляста	двнгѣста	мннжста
3.	всѣсте	вѣдѣсте	рѣсте	рѣкѣсте	могѣсте	пастѣ	клястѣ	двнгѣсте	мннжстѣ
инфи- нитив	всѣсти (вм. vedti)	рѣшти (вм. rekti)	мошти (вм. mogti)	пати	кляти	двнгшти	мннжти		

§ 143. Инфинитивные основы на гласный корня или суффикса

	зна-	плака-	бесѣдова-	съ-	трьпъ-	оумъ-	бн-	кры-	ю-
Единственное число									
1.	знахъ	плакахъ	бесѣдовахъ	сѣхъ	трьпахъ	оумѣхъ	бнхъ	крыхъ	юхъ
2.	зна	плака	бесѣдова	сѣ	трьпѣ	оумѣ	бн, бнтѣ	кры	ю
3.	зна	плака	бесѣдова	сѣ	трьпѣ	оумѣ	бн, бнтѣ	кры	ю
Множественное число									
1.	знахомъ	плакахомъ	бесѣдовахомъ	сѣхомъ	трьпѣхомъ	оумѣхомъ	бнхомъ	крыхомъ	юхомъ
2.	знасте	плакасте	бесѣдовасте	сѣсте	трьпѣсте	оумѣсте	бнсте	крысто	юсте
3.	знаша	плакаша	бесѣдоваша	сѣша	трьпѣша	оумѣша	бнша	крыша	юша
Двойственное число									
1.	знаховѣ	плакаховѣ	бесѣдоваховѣ	сѣховѣ	трьпѣховѣ	оумѣховѣ	бнховѣ	крыховѣ	юховѣ
2.	знаста	плакаста	бесѣдоваста	сѣста	трьпѣста	оумѣста	бнста	крыста	юста
3.	знасте	плакасте	бесѣдовасте	сѣсте	трьпѣсте	оумѣсте	бнсте	крысте	юсте
Инфи- нитив	знати	плакати	бесѣдовати	сѣти	трьпѣти	оумѣти	бнти	крыти	юти

Единственное число					
1.	бѣхъ ¹⁾	бѣхъ	вѣдѣхъ	чѣсъ, изъсѣтъ (изъ-сѣтъ)	дѣхъ
2.	бѣ	бѣ, бѣстъ	вѣдѣ	чѣстъ, изъ	дѣ, дѣстъ
3.	бѣ	бѣ, бѣстъ	вѣдѣ	чѣстъ; изъ	дѣ, дѣстъ
Множественное число					
1.	бѣхомъ	бѣхомъ	вѣдѣхомъ	чѣсомъ, изъсомъ	дѣхомъ
2.	бѣсте	бѣсте	вѣдѣсте	чѣсте, изъсте	дѣсте
3.	бѣша	бѣша	вѣдѣша	чѣса, изъса	дѣша
Двойственное число					
1.	бѣховѣ	бѣховѣ	вѣдѣховѣ	чѣсовѣ, изъсовѣ	дѣховѣ
2.	бѣста	бѣста	вѣдѣста	чѣста, изъста	дѣста
3.	бѣсте	бѣсте	вѣдѣсте	чѣсте, изъсте	дѣсте

§ 145. Ъ) Формы простого или сильного (асигматического) аориста засвидетельствованы старославянскими памятниками для инфинитивных основ, оканчивавшихся согласным. Были образования простого аориста и для глаголов с основой на -пѣ-, которому предшествовал согласный: *dvig-pѣ-*. Суффикс -пѣ- в форму простого аориста не входил. Были формы этого аориста также для глагола *ити*, с основой *ид-*. Но не для всех инфинитивных основ на согласный были представлены в старославянском языке формы простого аориста. Так, для основ с кратким *e* в корне (*ved-*, *nes-*, *tek-* и др.) были только формы 2 и 3 л. ед.: *вѣде*, *рече* и др. Эти формы оказались устойчивыми в глагольной системе и вытеснили собою соответствующие формы сигматического аориста. В болгарском и сербо-хорватском языках они удержались дольше. Для других же лиц не засвидетельствованы в старославянских памятниках формы простого аориста для основ с кратким *e* в корне: напр. **vedѣ*, **vedomѣ* и т. п. В этих случаях употреблялись формы сигматического аориста.

Образование формы простого аориста было следующее. За инфинитивной основой следовал гласный *o* или *e*, за которым

¹⁾ Эти формы применялись в значении имперфекта.

шло „вторичное“ окончание (см. замечания к формам имперфекта). Гласный *o* был в формах 1 л. ед., мн. и дв., 3 л. мн., т. е. в тех же случаях, как и в формах имперфекта.

Ед. 1. *pad-o-n* → *padŭn* → *padъ*.

2. *pad-e-s* → *pade*.

3. *pad-e-t* → *pade*.

Мн. 1. *pad-o-мъ*.

2. *pad-e-te*.

3. *pad-o-nt* → *padŏ*.

Дв. 1. *pad-o-vě*.

2. *pad-e-ta*.

3. *pad-e-te*.

[Разумный человек] созда храмина съю на камене. I съиндо дождъ и прндъ раякы и къкъаша (сигм. аор.) вътрн. I наладъ на храмина тж. и не паде са (Марин. ев.); скръби I вьды о вратъ мь (Син. пс.); колънъ мон изнеможете отъ поста (Син. пс.).

Такие образования славянского аориста имели себе соответствие в др.-индийском и др.-греческом имперфекте без аугмента: др.-инд. *bhāgam*, гомеров. греч. *φάρου*. В некоторых случаях эти формы употреблялись там и в значении аориста.

В старославянских памятниках обнаруживается ясно, что в живой речи XI в. эти формы выходили или вышли из употребления, заменившись формами сигматического аориста. В особенности показательна в этом отношении Супрасльская рукопись: в этой обширной рукописи только 1 пример простого аориста.

§ 146. 2) Сигматический аорист представлял основу, образованную от разных инфинитивных основ, на согласный и на гласный. Суффиксом основы сигматического аориста был *s*. За этим суффиксом в формах 1 л. ед., мн. и дв. следовал гласный *o*. За основой на *-s* или *-so* находилось „вторичное окончание“.

В основах на согласный коренной гласный в формах сигматического аориста был долгим *ē* (*ě*) вместо *ě*, а (из *ō*) вместо *ō*: *věd-s* → *věs-* (ср. *ved-ti* → *vesti*), *bad-s* → *bas-* (ср. инф. *bod-ti* → *hosti*).

Ед. 1. *věd-s-on* → *věsŭn* → *věsъ*.

2. [*vede* — форма простого аориста].

3. [*vede* — форма простого аориста].

Мн. 1. *věd-so-мъ* → *věsomъ*.

2. *věd-s-te* → *věste*.

3. *věd-s-nt* → *věsę*.

Дв. 1. vĕd-so-vĕ → vēsovĕ.

2. vĕd-s-ta → vēsta.

3. vĕd-s-te → vēste.

Согласный *s* изменился в *ch* после *i*, *u*, *r*, *k*: bichъ, рĕchъ (корень был роj-), krychъ, čuchъ, borchъ — ст.-сл. брахъ (инфин. брати, вост.-сл. бороти); žerchъ — ст.-сл. жрхъ (инфин. жрѣти — „приносить жертву“); rĕk-so-p → rĕkchъ → rĕchъ. По образцу с этим звуковым видом аориста появились уже в доисторическую эпоху формы с *ch* и в основах на -ĕ (из ě), на -a: vidĕchъ, tьgrĕchъ, slъšachъ, znachъ, bygachъ и др. Но после *ę* оставался *s*: рĕsъ, рĕsĕ — 3 мн. с основой рĕ- из рьп-.

Не происходило изменения *s* в сочетании -st: biste, kryste. См. отдел об изменении *s* в *ch*.

С суффиксом -с-, со- находятся формы аориста во многих старославянских памятниках, преимущественно в Мариинском, Зографском, Ассеманиевом кодексах и в Синайской псалтыри: мѣхъ — 1 л. ед. (мѣти — „братъ“): заповѣдомъ твоимъ възѣ мѣхъ — „верил“ (Син. пс.); мѣсомъ — 1 л. мн.: мнѣмъ мы сънамѣсомъ ед („собрались“) в'сн възкоупъ (Син. тр.); ѡбмѣса ми („обняли меня“) колезни смъртътыма (Син. пс.); наугасъ — 1 л. ед., наугаса 3 л. мн. (наугати), пропаса (пропати), класъ (клати), привѣса — 3 л. мн. (привѣсти), съблѣюсъ (блѣюсти); оутѣнни ого възгаса тѣло ого и погрѣса [погрѣбли“, инф. погрѣти] в (Мариин.) и др.

Но и в этих, а в особенности в других памятниках отражается процесс обобщения аористного суффикса -х-; с этим суффиксом появляются и основы с -а: помѣхъ вместо помѣсъ (инфин. мѣти — „братъ“), въздохомъ, възаша; пропаша (пропати — „распять“); чагахъ (чаугати); проклаша (проклати).

Формы же с прежней основой на согласный, формы типа възъ, басъ, бласъ, — заменяются новыми формами на -ох- (см. ниже).

В Супрасльской рукописи совсем нет форм с основой на -с-, -со-.

В старославянском языке формы аориста 2 и 3 л. ед. с однослоговой основой на гласный были распространены посредством ть: внѣть (вн), пнѣть (пн), възпѣть, клѣть (кля), мѣть, помѣть (пом), примѣть мн [„принял ли ты“] чнстотѣ дѣвѣства / глѣть / примѣть (Син. тр.).

На -тъ оканчивалась форма 2 и 3 л. ед. в глаголах вьстѣ (вм), дѣстѣ (да), сънѣстѣ (нзъ). Но были и формы без -тъ: вн, кля, вм и др. Это -тъ находилось в связи с окончанием -тъ 3 л. ед. наст. вр. В памятниках такое окончание в аористе обнаруживается чаще

в формах 3 л. В особенности ясно указывает на такое происхождение окончания -ть форма аориста дать. Процесс переноса окончания формы 3 л. наст. времени в формы аориста, а также имперфекта происходил и в древнерусском языке: с окончанием -ть встречается, хотя не часто, и форма 3 л. аориста и в особенности имперфекта, не только в единственном, но и во множественном числе: възложь на нѧ рѹчь и отъидеть (ев. 1339 г.), хоуждашь (Остром. ев.), оугнѣтахоуть (Арханг. ев.), ндишьть, ннишьть, творѣхоуть (Житие Феодосия Печерск. по списку XII века).

§ 147. В старославянских памятниках обнаруживается новое формирование сигматического аориста для основ однослоговых, оканчивавшихся на согласный,— для основ, от которых были образованы когда-то формы простого аориста. Новообразование состояло в том, что однослоговая основа на согласный распространялась суффиксом -ох-, -ос- (перед -те, -та). В 3 л. мн. -ош, с -ш перед а. Только 2 и 3 л. ед. оставались при прежних формах на -е: веде, паде, рече, движе. Такие новообразования появились, вероятно, вследствие изменения форм простого аориста, недостаточно ясного в своих морфологических элементах. В языке первых (кирилло-мефодиевских) славянских переводов таких новых форм сигматического аориста не было. Их нет в Маринском кодексе, в Синайской псалтыри, в Клоцовом сборнике. В других глаголических памятниках и особенно в кириллических такие формы аориста встречаются нередко. Появление новых образований аориста происходило и в других славянских областях. В болгарском и сербо-хорватском языках эти формы употребляются и в настоящее время— *ведох, веде, веде*. (Во множ. числе произошли изменения в окончаниях.) В истории западных славянских языков соответствующие новообразования представляли гласный *e*: *vedech, vede, vede*.

Перфект. Плюсquamперфект.

§ 148. 1) Давний перфект, который представляют некоторые индоевропейские языки в их истории, издавна отсутствовал в славянских языках. В качестве реликта давней формы перфекта была в старославянском языке форма 1 л. *вѣдъ*, употреблявшаяся в значении настоящего времени,— „я знаю“,—греч. *foída*: ст.-сл. ^ъ и не *вѣдъ како нѣдъ* (Супр. рук.). Окончание -ъ восходило к дифтонгу -ai, которым оканчивалась форма 1 л. перфекта с окончанием

среднего залога. Такого происхождения окончание -ѣ в др.-индийском (напр., *tutudē*), Т в латинском (*tutudT*; наст. вр. *tundo* — „ударяю, стучу“).

Действие, прошедшее в отношении к тому моменту, когда говорят о нем, в славянских языковых группах издавна стали передавать описательно, посредством форм наст. вр. *jestь*, *jesi* и т. д. в сочетании с причастием прошедшего вр. на -/- данного глагола: *jestь nesъ*, *jesi nesъ*, *jestь nesъ* и т. д. Значение этих передач отличалось нередко от значения греческого перфекта и было ближе к значению греческого аориста. В старославянских переводах греческого текста такая передача служила чаще для перевода греческого аориста, чем перфекта.

Ед. *прншьль юсмь* [*прншьла всмь*, *прншло юсмь*]

прншьль вси

прншьль юсть.

Мн. *прншьли юсмъ* м. р., [*прншьлы юсмъ* ж. р., *прншьла юсмъ* ср. р.]

прншьли юсте м. р.

прншьли сжтъ м. р.

Дв. *прншьла юскъ* м. р. [*прншьль юскъ* ж. и ср. р.]

прншьла юста м. р.

прншьла юсте м. р.

Примеры из Мариинского кодекса: *аште всмъ кого умь овндьль* — греч. *εἰ τιὸς τι ἐσποχοφάντησα*; *увоо всмъ ште не доконьуаль* — греч. *τί ἐτι ὕστερῳ*; *единого вси не доконьуаль* — гр. *ἕνα εὐστερεῖ*; *даль вси* — греч. *ἐδωχας*; *оуподобило сѧ юсть* — греч. *ὡμοίω θη*; в Ассеман. код. аорист: *оуподобен сѧ*; *сътворилъ юсть* — греч. *ἐποίησεν*; *сжтъ прншьли* — греч. *εἰσίν (ἤχουσιν)*; *сжтъ сътворилн* — греч. *διεπραγματοῦσατο*.

В XI в. в речи болгарских славян были перфектные сочетания с редуцированными вспомогательными частями в 3 л. ед. и в 3 л. мн., с *ю* или в *вм.* *юсть*, с *сж* *вм.* *сжтъ*. В 3 л. ед. стали совсем опускать вспомогательную часть (*ю*, *юсть*). Реже такое опущение было в 3 л. мн. Так об этом свидетельствует Супрасльская рукопись, в которой так много и других новых языковых черт: *прншьль юсть*, *повельль юсть*, *посълалъ юсть*, но и — *ю прншьль*, *нъ ли прншьло*, *оумръль ю*, *ю посълала*, и еще чаще без *ю*, *юсть*: *сътворилъ*, *сътворила*, *показалъ* и др.

3 л. мн.: *сжтъ прншьли*, *сж прншьли*; *сжтъ прилли*, *сж провали*, *съртали сѧ сжтъ*, но и — *съртали*, *косьдвоали*. (Супр. р.).

Синайский требник представляет примеры с опущенной связкой и для 1 лица. Такие примеры относятся к разговорной

речи, к энергично-утверждающему ответу: испытала̑ : въпрѣ : вѣтъ ли ти годѣ игуменъ и братръ в'сѣ („нравится ли тебе игумен и вся братия“?): о'вѣ? : годѣ.

§ 149. 2) Действие, происшедшее ранее другого прошедшего действия (плюсквамперфект), передавалось в старославянском языке так же, как и в других славянских языках, — посредством вспомогательных форм имперфекта вѣхъ, вѣше и т. д. или аористных форм (с имперфектным значением) вѣхъ, вѣ и т. д. в сочетании с причастием прош. вр. на -/- для данного глагола: сжеди же и нже и (вин. ед., т. е. слепца) вѣхъ видѣли прѣжде, вѣо сѣлѣ вѣ, глаголахъ (Мариин.); не вѣ же ... пришьлѣ вѣ вѣсь (εἰς τὴν πόλιν, Зограф.); сѣвѣкше вѣстѣнѣхъ твоѣхъ одеждѣ вѣ же ма вѣ оукра-силѣ (Син. тр.).

Передавалось давнопрошедшее действие и посредством перфекта для быти в сочетании с причастием прошедшего времени данного глагола — видѣлѣ вѣсмь вѣлѣ.

Будущее время.

§ 150. Особое образование форм будущего времени, представленное в истории некоторых индоевропейских языков, было утрачено в славянских языковых группах в давнее время. Не отразились давние формы будущего времени и в старославянских памятниках. Следы таких форм имеются в некоторых др.-русских памятниках XI в., в Святославовом Изборнике 1073 г., в Словах Григория Назианзина, в Путятиной Минее. Именно, там встречаются формы причастия будущего времени в таком виде: вѣшащю, вѣшащю („будущее“) и др. Эти формы указывают, что они образованы от основы будущего времени вѣш-, восходящей к *bysj-* в м. *bysi-* (/ в положении перед гласным). Следовательно, суффиксом форм будущего времени был некогда *-si-*. Итак, будущее время для этого глагола имело когда-то такой вид:

Ед. 1 л. *byšq* (в м. *bū-sī-ām*)

2 л. *byši-ši* (в м. *bū-sī-sī*)

3 л. *byši-tь* (в м. *bū-sī-tī*) и т. д.

Согласный *ш* изменился в *ch* после *ū*; *chj* → *š* (в 1 л. ед.), *chi* → *ši*.

В др.-индийском и литовском языках в состав основы будущего времени входил суффикс *sjo* в чередовании с *si*, как и в славянской форме. Ср. лит.: *būsiu*, *būs(i)*, *būsime*, *būsīte* и др.

§ 151. Уже в доисторическую эпоху будущее время в славянских языковых группах передавалось иным способом.

1. Получили значение будущего времени формы настоящего времени перфективных глаголов — *datъ, tekъ, tečeši, vъnido, vъzъmъ, dvignъ* и т. д.: да шьдъше коупимъ хлѣбъ; не оукрадеши, вѣжл'юбнши — вѣзл'юбнши; зноже трюдиши са тако и мѣздѣ примешши (Син. тр.).

2) В разных языках, индоевропейских и неиндоевропейских, передача будущего времени связана с фактором эмоциональным, — с выражением желания, намерения. Так, например, в новогреческом языке на смену давним формам будущего времени явилась описательная передача для действия в будущем, — передача, в состав которой входили формы настоящего времени вспомогательного глагола „хочу“, „хочешь“... — *θέλω, θέλεις*... в сочетании с союзом цели или намерения *ἵνα* („чтобы“). Вследствие несамостоятельного значения в этом сочетании форм *θέλω, θέλεις*... они заменились посредством формы *θέ*, служившей для 3 л. ед. Это *θέ* в таких сочетаниях стало служить элементом, указывающим на будущее время. Вместе с союзом *να* сочетание *θε να* средуцировалось в *θα*: *θα πίνω* — „буду пить“, *θα αγαπῶ* — „буду любить“ (*ἀγαπῶ* — „люблю“). В связи с таким же значением появилась и в французских говорах передача будущего времени посредством вспомогательных форм *veux, veut* — „хочу, -ешь, -ет“: *il ne veut pas pleuvoir* — (собств. „не хочет итти дождь“) вместо *il ne pleuvra pas* („дождь не пойдет“).

В славянских языковых группах доисторической эпохи в передаче будущего времени также отражался фактор эмоциональный. Оно стало передаваться посредством сочетания форм настоящего времени глаголов *bъdъ, bъdeši* и т. д., или *imать (imать), imаši (i maši)* и т. д., или *chotjъ (chъtjъ), chotješi (chъtješi)*, или *načьnъ, načьneši* в сочетании с инфинитивом данного глагола: *bъdъ bъrati (imать bъrati, chotjъ bъrati, načьnъ bъrati)*. В старославянских памятниках применялись все эти вспомогательные формы: *имамъ ити; имѣти имашн съкровшите; не имате вѣрити; намъ хощешн са знати; утѣ хощете ми дати I азъ вамъ прѣдамъ и (Маринн. ев.); пакы имать прити, тогда имать дѣло твоѣ нескрошено быти („тогда твоѣ дело будет рассмотрено“, Син. тр.); ср. форму причастия для хотѣти в передаче будущего времени: сѣдъ хотѣши быти („суд, имеющий быть“, Син. тр.); не вѣрѣти на чьнѣтъ — греч. *καταφρονήσι*; не навидѣти са на чьнѣтъ — греч. *μισήσοισι*.*

В состав сочетаний со вспомогательными формами *ждѣ*, *ждѣши* входили обычно прилагательные и причастия страдательного залога: *ждѣти ждѣти*, *ждѣши ждѣши* и т. п.

Глагол *хотѣти*, *хѣти* имел в старославянском языке не только самостоятельное значение „хотеть“, греч. θέλει, лат. *velle*, но он применялся и в качестве вспомогательного глагола с значением предстоящего действия: ведомый на казнь „*хотѣти поше и држи и до мѣста иде же хотѣше скончати са*“ („где ему предстояло скончаться“, Супр. рук.); *похѣше же и* (двойств. ч.) *повеле дѣрати жельзы ногѣты дондеже урѣва наутѣнати хѣти иждѣти са* („пока кишки будут готовы вывалиться“).

Позднее в истории болгарского языка передача будущего времени изменялась в таком же направлении, как в новогреческом языке: в качестве грамматического элемента стала служить форма 3 л. ед. *ште* (вместо *хѣтѣти*) в сочетании с союзом *да* перед личной формой глагола: *ште да несеш*. И в болгарском языке пережита редукция *ште да*: *ште*, *шта*, *ша*, *жда*, *жа*: *ште несеш*, *ште нешат* (3 л. мн.) и т. д. Грамматические элементы *ште*, *ша* и др. представлены по болгарским диалектам. Стремление к эмоциональной насыщенности, проявляющееся в передаче будущего времени, вызвало в болгарской среде Македонии применение иноязычного элемента, — именно, *к'*: *к'е несеш*; *к'* — это передача палатального согласного *ћ* сербской речи. Из Македонии такой способ передачи будущего времени распространился далеко на юго-восток Болгарии. Эмоциональным фактором вызваны и некоторые слова с *ћ*, передававшимся в речи болгар Македонии посредством *к'*. Таково происхождение наречия *век'е*. На заимствовании наречий также ясно отражается фактор эмоционально-экспрессивный — стремление к более яркому выражению. Об условиях, при которых происходило проникновение сербских элементов в речь македонских болгар, говорится подробно в моих „Македонских кодичах XVI—XVIII веков“ (1933).

3) Для будущего предварительного служила издавна в славянских языках описательная передача, состоявшая из форм *бѣдо*, *бѣдѣши* и т. д. в сочетании с причастием прош. вр. для данного глагола. Так было и в старославянском языке: *аще ли ждѣти недовѣр покаялъ с[а], тогда не примѣти ждѣти въ свое от'устѣво* (Син. тр.); *да аще ны деснѣти* [„застигнет“] *день смъртѣны въ грѣсѣхъ те вѣскажѣ* [„зачем“] *са и родили ждѣсмѣ* (Син. тр.).

Повелительное наклонение

§ 152. Основы настоящего времени на *-е/-о* и на *-е/-но*

	ведешн	речешн	можешн	врьжешн	пньошн	ндешн	берешн	двнгрешн
Единственное число								
2.	ведн	рчн	помошн	врьшн	пньн	ндн	берн	двнгрн
3.	ведн	рчн	помошн	врьшн	пньн	ндн	берн	двнгрн
Множественное число								
1.	ведьмъ	рчьмъ	помозьмъ	врьзьмъ	пньмъ	ндьмъ	берьмъ	двнгрньмъ
2.	ведьте	рчьте	помозьте	врьзьте	пньте	ндьте	берьте	двнгрньте
Двойственное число								
1.	ведьвь	рчьвь	помозьвь	врьзьвь	пньвь	ндьвь	берьвь	двнгрньвь
2.	ведьта	рчьта	помозьта	врьзьта	пньта	ндьта	берьта	двнгрньта
3.	[ведьте]	[рчьте]						

§ 153. Основы настоящего времени на *-е/-ю*

	знаюшн	колюшн	плачушн	двляюшн	сьюшн	оумьюшн
Единственное число						
2.	знан	кол'н	плаун	двлян	сьн	оумьн
3.	знан	кол'н	плаун	двлян	сьн	оумьн
Множественное число						
1.	знаньмъ	кол'ньмъ	плауньмъ	двлянмъ	сьньмъ	оумьньмъ
2.	знанте	кол'нте	плаунте	двлянте	сьнте	оумьнте
Двойственное число						
1.	знаньвь	кол'ньвь	плаунвь	двлянвь	сьньвь	оумьньвь
2.	знанта	кол'нта	плаунта	двлянта	сьнта	оумьнта
3.	[знанте]	[кол'нте]				

§ 154. Основы настоящего времени на -i

	хвалѣши	трьпѣши	вѣдѣши	слышиши
Единственное число				
2.	хвали	трьпи	вѣдь	слыши
3.	хвали	трьпи	вѣдь	слыши
Множественное число				
1.	хвалѣмъ	трьпѣмъ	вѣдѣмъ	слышѣмъ
2.	хвалѣте	трьпѣте	вѣдѣте	слышѣте
Двойственное число				
1.	хвалѣвѣ	трьпѣзѣ	вѣдѣвѣ	слышѣвѣ
2.	хвалѣта	трьпѣта	вѣдѣта	слышѣта
3.	[хвалѣте]	[трьпѣте]		

§ 155. Нетематические основы настоящего времени

	всмь	взмь	цмь	дамь
Единственное число				
2.	вѣди	вѣдь	цѣдь, нзѣдь	дадь
3.	вѣди	вѣдь	цѣдь, нзѣдь	дадь
Множественное число				
1.	вѣдѣмъ	вѣдѣмъ	цѣдѣмъ, нзѣдѣмъ	дадѣмъ
2.	вѣдѣте	вѣдѣте	цѣдѣте, нзѣдѣте	дадѣте
Двойственное число				
1.	вѣдѣвѣ	вѣдѣвѣ	цѣдѣвѣ, нзѣдѣвѣ	дадѣвѣ
2.	вѣдѣта	вѣдѣта	цѣдѣта, нзѣдѣта	дадѣта
3.	вѣдѣте	вѣдѣте	цѣдѣте	дадѣте

§ 156. В значении повелительного (желательного) склонения у славян с доисторической поры служат формы желательного склонения (optativus). Такие формы были для всех лиц и чисел, кроме 1 л. ед. и 3 л. мн.

Образование форм повелительного (желательного) склонения в славянских языках было такое. В состав формы входила основа настоящего времени. В основах на *-e/-o*, *-ne/-no*, *-je/-jo*, гласным основы был *o*; после палатального согласного (в основах на *-je/-jo*) гласный *o* → *e*: *zna-je-*, *děla-je-*, *pis-jo-* → *piše-*, *plak-jo-* → *plāče-*, *vežjo-* → *veže-*. Основа на *-o* и на *-e* распространена была гласным *-i-*, суффиксом оптативной основы: *beroi-*, *tīkoi-*, *tīkoi-*, *mogoi-*, *znajei-*, *plāče-i-*.

Основу повелительного (желательного) склонения оформляли „вторичные“ окончания: *-s* во 2 л. ед., *-t* в 3 л. ед., *-тъ* в 1 л. мн., *-te* во 2 л. мн., *-vě*, *-ta*, *-te* в дв. Конечные *-s*, *-t* были утрачены. Дифтонг *-oi* изменился в *-i* в единственном числе, в *-ě* во множественном в зависимости от интонационных отношений. См. в отделах *o* *é* и *i*. Дифтонг *-ei* → *i*:

2—3 ед. *beri!*: ср. греч. *φέρεις, φέροι*;

1—2 мн. *berětmъ beretel* — греч. *φέροιμεν, φέροιτε*;

гъси! гъсѣтъ! гъсѣте!

pomodzil pomodzěm! pomodzěte!

2 л. двойств.: *въстанѣта, примѣта* (Супр. рук.);

3 л. двойств.: *вѣдѣте оуши твоѣ! вѣнмажшѣ гласъ молитвы мось*
(Син. пс.);

2 ед. *znajeis* → *znai!* 3 ед. *znajeit* → *znai!* 1 мн. *znaimъ!* 2 *znajte!*

plāci! plācimъ! plāčite!

Так и в старославянском языке.

В старославянских памятниках XI в. имеются формы повелительного склонения для глаголов с основой на *-je* с гласным *а* перед окончанием мн. и двойств. числа — *нитате* (Зограф.), *сѣважате* (Маринин.), *платате, покажате* (Савв. кн.) и др. Это *а* вместо *ъ*, произносившегося как *ä* и переходившего в *а* после палатального согласного. А с гласным *ъ* формы повелительного склонения появились под влиянием форм этого склонения в основах на *-e/-o*: *вѣдѣмъ, вѣдѣте, носѣте*.

Формы повелительного склонения с *а* после палатальных согласных были и в тех старославянских рукописях, которыми пользовались русские и сербские писцы: *нитате, сѣважате* в Остромир. ев.; *одеждате са* в Словах Григория Богослова, Миросл. ев.

В старославянских памятниках находятся формы повелит. накл. и с гласным *ъ* после палатального согласного — *ѡубѣзьмъ*, *покрыѣте*, *вѣнемѣте*, *покажѣте*, *иштѣте* — в Зограф. ев. Формы с *ъ* представляют новообразование более позднего времени, чем с *а* из *ъ*: эти новообразования подновлены формами с *ъ* в прежних основах на *-е/-о*: *несѣмъ*, *несѣте*, подновлены тогда, когда уже не происходило изменения *ъ* после палатального согласного в *а*. Формы с *ъ* (*е*) после *ч*, *ж*, *ш* представляют и современные болгарские диалекты.

§ 157. В основах настоящего времени на *-i* формы повелительного склонения имели основу с таким же гласным, *i*, в ед., во мн. и в дв.: *chvali!* *chvalimъ!* *chvalitel!* *chvalivѣ!* *chvalital!* *chvalitel!* Так и в старославянском языке. Только глагол *vidiši*, (*viděti*) получил формы повелит. накл. в ед. ч. такого же образования, как в нетематических основах, — с-зь: *vidъ* → *vidъь*: ст.-сл. *виждь*, вост.-сл. *вижь*, зап.-сл. *vidъь*. Во мн.— *vidimъ!* *viditel!* В дв.— *vidivѣ!* *vidital!* *viditel!*

§ 158. Для глагола *byti* (*jesъ*, *jesi...*) пользовались издавна для повелительного склонения формами от иной основы: *bođi!* *bođemъ!* *bođete!*

Нетематические основы *věd-*, *jad-*, *dad-* имели в единственном числе суффикс *-ъь*, а во множественном и двойственном *-i*: *vědъ* → *vědъь*, с разной заменой *ǰ'* по славянским языковым группам: в ст.-сл. *жд*, в вост.-сл. *ж*, в зап.-сл. *dž*; *jadъ* → *jadъь*; *dadъ* → *dadъь*.

В Синайском требнике встречаются формы повелит. склонения этих глаголов в единственном числе с гласным *-и*: *повѣжди*, *дажди*, *вижди*. С таким окончанием появились эти формы под воздействием прочих форм повелительного склонения на *-и* в единственном числе: *вѣди!* *хвали!* Ср. подобный процесс, отразившийся на сербских формах: *jeđi* (*jeђи* — „ешь“), *viđi* (*виђи* — „смотри!“).

В истории всех славянских языков происходило образование формы повелительного склонения во множественном числе под воздействием формы единственного числа. Это воздействие ясно отражается на судьбе форм повелит. склонения глаголов с нетематической основой. Так, в чешском языке в единств. числе употребляются замены давней формы — *vězi!* *jezi!* В таком звуковом виде эти формы входили и в образование формы мн. числа: *vězme!* *vězte!* *jezte!* Так и в словацком (*vedzi!* — *vedzme!*) и в польском. Так и в русском: *еши!* (вместо *ежь*) — *ешите!*

В связи с формой единственного числа на *-i* в истории славянских языков появились формы с *-i* и во мн. числе: *pesi!* — *pesitel!* (а не под влиянием форм с основой на *-i*: *chvalitel!*). Такое образование формы мн. числа повелительного наклонения было и в некоторых болгарских говорах XI в.: *призовите* — отразилось в Зограф. ев. (Матф., XXII, 9).

Для 1 л. ед. и для 3 л. мн. служили в старославянском языке формы настоящего времени с союзом *да*: *да вѣдѣ*, *да вѣдѣтъ*.

Только для глагола *вѣсти* в некоторых памятниках отразился реликт древней формы конъюнктива в 3 л. мн.: *вѣдѣ* = „пусть будут“: и на *оуишувени намъ вѣдѣ* — лат. *et in purificationem nobis sunt* (Киевские лл.); *вѣдѣ урѣсла ваша прѣпоисана* — греч. *ἔτρωσαν αἱ ὀσφύες περιζωσμένα* (Зогр., Мар., Ассем. код., Савв. кн.). Обычно же для 3 л. мн. служило сочетание *да вѣдѣтъ*.

Условное наклонение (conditionalis).

§ 159. Условное наклонение передавалось у славян описательно: посредством сочетания причастия прошедшего времени на *-l-* с такими формами: *biшь*, *bi*, *bi* и др. Старославянский язык свидетельствует о такой передаче. Возможно полагать, что эти *biшь*, *bi* и т. д. представляли собою остатки древних форм желательного наклонения (*optativus*). На оптативную функцию этих *biшь*, *bi*... может указывать параллель в литовском языке, в морфологическом строе которого так много одинаковых черт с строем славянским. *Optativus* в литовском языке передается посредством *biau* 1 л. ед., *bei* 2 л. ед. (слав. *bi*), *bime* 1 л. мн. в сочетании с супином.

Древнейший языковой пласт старославянских памятников XI в. указывает на такие формы:

Ед. 1.	ѣнмь	Мн.	ѣнмѣ
2.	ѣн		ѣнсте
3.	ѣн		ѣмъ

Несколько примеров из Марииинского кодекса: *азъ вѣзѣлъ ѣнмь* — „я взял бы“; *аште ѣн разумѣлъ ты* — „если бы ты понимал“; *аште ѣн вѣдѣлъ, ты ѣн проснал*; *радъ ѣн былъ да ѣн видѣлъ*; *аште не ѣн былъ зѣлодѣн, не ѣнмь* (вм. *ѣнмѣ* — 1 мн.) *прѣдали его*; *аште ли ѣнсте вѣдѣли, николѣже ѣнсте осудили*; *уѣто ѣмъ отвѣщали* — „что отвечали бы они“; *да ѣмъ слышали* и др.

Рано стала обнаруживаться связь этих кондициональных форм с формами аориста *buchъ, bu* и т. д. Одним из ранних отражений этой связи было образование формы 2 л. мн. с окончанием *-ste*: *biste* (вм. *bite*). Позднее воздействие форм аориста *бхъ* отражалось и на других кондициональных формах. В старославянских памятниках XI в. форма 3 л. мн. при давней *бъ* представлена и такая: *бнша* или *бъша*: *уто бнша сътвориши* — „что они сделали бы“; *слугы мои подвизаша са бѣша* — „мои слуги вступили бы в борьбу“. Оба примера взяты из Маринского же кодекса.

В поздних языковых пластах старославянских памятников XI в. применяется в качестве кондициональной формы аорист *бхъ* во всех лицах. Напр., в Супрасльской рукописи: *ѡроу н того да бхъ не вѣдѣлъ* — греч. *ἔπιθε μὲ τοῦτον ἐγὼ ἴσασθου* — „о если бы я не знал его“; *ѡроу да бѣ обрѣлъ лютеина* — „о если бы он нашел более лютых“.

Причастие настоящего времени

§ 160.

	ведешн, веджъть			двигнешн, двигнжъть		
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
Единственное число						
И.	веды	веды	веджшн	двнгны	двнгны	двнгнжшн
Р.	веджшты	веджшты	веджшты	двнгнжшты	двнгнжшты	двнгнжшты
Д.	веджштыю	веджштыю	веджшты		и т. д.	
В.	веджштыѣ	веджштыѣ	веджштыѣ			
Т.	веджштыемь	веджштыемь	веджштыемь			
М.	веджштыи	веджштыи	веджштыи			
Множественное число						
И.	веджштыѣ	веджштыѣ	веджштыѣ			
Р.	веджштыѣ	веджштыѣ	веджштыѣ			
Д.	веджштыемь	веджштыемь	веджштыамь			
В.	веджштыѣ	веджштыѣ	веджштыѣ			
Т.	веджштыи	веджштыи	веджштыамн			
М.	веджштыихъ	веджштыихъ	веджштыихъ			
Двойственное число						
И. В.	веджштыѣ	веджштыи	веджштыи			
Р. М.	веджштыю	веджштыю	веджштыю			
Д. Т.	веджштыема	веджштыема	веджштыема			

	знаюшн, знать			хвалашн, хвалать		
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
Единственное число						
И. Р. Д. В. Т. М.	знаа знааштѣ знааштѹ знаашть знааштемь знааштн	знаа знааштѣ знааштѹ знааште знааштемь знааштн	знааштн знааштѣ знааштн знааштѣ знааштѣ знааштн	хвала хвалаштѣ хвалаштѹ хвалашь хвалаштемь хвалаштн	хвала хвалаштѣ хвалаштѹ хвалашть хвалаштемь хвалаштн	хвалаштн хвалаштѣ хвалаштн хвалаштѣ хвалаштѣ хвалаштн
Множественное число						
И. Р. Д. В. Т. М.	знааште знаашть знааштемь знааштѣ знааштн знааштнхъ	знааштѣ знаашть знааштемь знааштѣ знааштн знааштнхъ	знааштѣ знаашть знааштѣмь знааштѣ знааштѣмн знааштѣхъ	хвалаште хвалашь хвалаштемь хвалаштѣ хвалаштн хвалаштнхъ	хвалаштѣ хвалашь хвалаштемь хвалаштѣ хвалаштн хвалаштнхъ	хвалаштѣ хвалашь хвалаштѣмь хвалаштѣ хвалаштѣмн хвалаштѣхъ
Двойственное число						
И. В. Р. М. Д. Т.	знааштѣ знааштѹ знааштемѣ	знааштн знааштѹ знааштемѣ	знааштн знааштѹ знааштѣмѣ	хвалаштѣ хвалаштѹ хвалаштемѣ	хвалаштн хвалаштѹ хвалаштемѣ	хвалаштн хвалаштѹ хвалаштѣмѣ

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
Единственное число						
И. Р. Д. В. Т. М.	ведыи (= vedyi) ведыштаюго ведыштююмоу ведыштин ведыштиннь ведыштиннь	ведыштем ведыштикюго ведыштююмоу ведыштем ведыштиннь ведыштиннь	ведыштин ведыштаю ведыштин ведыштинь ведыштинь (-штем) ведыштин	хвалли (= chvalēi) хваллашюго хваллаштююмоу	хваллаштем хваллаштикюго И Т. Д.	хваллаштин хваллаштаю
Множественное число						
И. Р. Д. В. Т. М.	ведыштем — — ведыштаю — —	ведыштинь ведыштинихъ ведыштиннь ведыштинь ведыштинни ведыштинихъ	ведыштаю — — ведыштаю — —	хваллаштем	хваллаштинь хваллаштинихъ И Т. Д.	хваллаштаю
Двойственное число						
И. В. Р. М. Д. Т.	ведыштинь — —	ведыштин ведыштюю ведыштинни	ведыштин — —	хваллаштинь — —	хваллаштин хваллаштюю хваллаштинни	хваллаштин — —

§ 163. Формы причастий, как и инфинитив и супин, принадлежали по своим морфологическим элементам к именным формам.

1) Формы причастий настоящего времени были образованы от глагольных основ наст. вр. В основах на *-e/-o*, *-ne/-no*, *-je/-jo* основа была гласным *-o*: *vedo-*, *dvigno-*, *znajo-*. Суффиксом причастия наст. вр. был *-nt-*, как и в других индоевропейских языках: *vedont-*, *dvignont-*, *znajont-*, *chvalint-*. Ср. лат. *laudant-*, лит. *vižant-*. Когда-то в далеком прошлом доисторической эпохи эти формы принадлежали к группе имен с основой на согласный. След принадлежности причастий к именному склонению на согласный сохранился в окончании формы именит. мн. мужск. рода на *-e*: *vedoŭ'e* (ст.-сл. *ведѣшѣ*), как *kamene*, *lѣpe*. Позднее (в доисторическую эпоху) основа причастий была распространена посредством *-jo-* в мужск. и средн. роде и посредством *-ja-* в женск. роде, и вследствие этого формы причастий стали оформляться, как имена с основой на *-jo-* и на *-ja-*.

Именит. ед. мужск. р. имел некогда окончание *-s*: *vedont-s* → *vedūns* → *vedy*; сочетание *ts* → *s*: см. замечания о группах согласных; *-ons* в конечном слоге изменился в *-īns* → *y*: см. в отделе о конце слова. Форма именит. ед. мужск. рода стала применяться и для именит. ед. средн. рода.

Основа всех прочих форм была распространена посредством */*, находившимся в составе суффиксов *-jo-* (*-jo-*), *-ja-*, (*-ja-*), — явление, отмеченное выше и в образовании форм сравнит. степени. Происходила ассимиляция *tj*: *tj* → *t̄'* с дальнейшим изменением по славянским группам: в группах, легших в основу болгарской, *t̄'* → *štš* → *št'*, в группах, легших в основу восточнославянской, *t̄'* → *č*; в группах западнославянских — *t̄'* → *s*.

Сочетание *-op-* перед согласным изменилось в *r*.

Падежные окончания в мужск. и средн. р. были такие, как в основах на *-jo*: *kop'ь*, *kop'a* и т. д.

Род. ед. *vedoŭ'a*: ст.-сл. *ведѣшѣ*. Дат. ед. *vedoŭ'iu*: ст.-сл. *ведѣшѣю*.

Вин. ед. м. р. *vedoŭ'ь*: ст.-сл. *ведѣшѣ*. Для среднего рода вин. ед. совпадал некогда с именительным: *vedy*. Но рано стала употребляться в вин. ед. форма с основой *t̄'*: *vedoŭ'e*. В ст.-сл. памятниках вин. ед. ср. р. на *-шѣ*: *ведѣшѣ*. Только в одном случае встретилась в памятниках форма для вин. одинаковая с именит.: *сты* — в Супрасльской рукописи. В именит. мн. мужск. р. *vedoŭ'e*:

ст.-сл. вѣдѣште, с окончанием -ѣ, как в именных основах на согласный. В именит. мн. средн. р. vedq̄t'a: ст.-сл. вѣдѣшта, как и в других именных формах среднего рода.

В женском роде посредством *j* (в составе суффикса -*ja*) в причастиях, как и в сравнительной степени, была распространена основа для всех форм, не исключая и именит. ед. Именит. ед. vedq̄t'i: ст.-сл. вѣдѣшти. Окончание 'i такого же происхождения, как и в форме именит. ед. pustyn'i, orbun'i и др. Образование форм причастий женск. р. происходило по основам на -*ja* (struja, vol'a). Род. ед. vedq̄t'ę или vedq̄t'ě: ст.-сл. вѣдѣшта, в восточнослав. и западнослав. языках окончанием был гласный ě (ъ). Дат. ед. vedq̄t'i: ст.-сл. вѣдѣшти и т. д.

§ 164. Основы на -*jo*. Именит. ед. мужск. р. — znajont-s → znaje. Так передавался и именит. ед. средн. р. В других формах носовой гласный был *o*: родит. ед. znajot'a, plačot'a, vežot'a: ст.-сл. знаѣшта, плачуѣшта и др. Именит. ед. женск. р. znajot'i, plačot'i: ст.-сл. знаѣшти, плачуѣшти и др.

§ 165. Основы на -*i*. Именит. ед. мужск. р. chvalint-s — сочетание, которое фонетически изменилось бы в chvalt: -ints → -ins → *t*. Но в славянских группах с доисторической эпохи для именит. ед. мужск. служило сочетание chvale, с носовым *e*, как в других падежных формах, в окончании которых не было -ns, удлинявшего предшествующий гласный. Именит. ед. средн. р. chvale. Родит. ед. мужск. и ср. р. chvalint-ja → chvaleŋ'a: ст.-сл. хвалашта. Именит. ед. женск. р. chvalint-ji → chvaleŋ'i: ст.-сл. хвалашти.

§ 166. В отношении форм причастия наст. вр. в старославянском языке отметим следующее.

а) Сложная форма причастия именит. ед. мужск. рода оканчивалась неслоговым *i* (*j*), получившимся вместо *i* после гласного: нести = pesy_i, хвалит = chvale_i (*j*).

б) В сложной форме причастия в образование именит.-винит. ед. средн. рода входила именная форма на -ште: вѣдѣшто-ю, знаѣшто-ю, хвалашто-ю; не потан у'го сѣще въ тебѣ (Син. тр.).

в) В именит. мн. мужск. р. встречается сложная форма с окончанием -и, как в именит. мн. основ на -*jo*: сѣшти, вѣдашти, алачушти; Син. тр.: искѣщи, но рядом именная форма на -ѣ: искѣще; невендащи, но тут же вѣдаще и др.

г) Среди позднейших языковых черт, отразившихся в некоторых памятниках XI в., преимущественно в Супр. рук., имеется

указание на то, что форма винит. ед. на -што стала применяться в значении деепричастия. Напр.: *повелъвааше народъ градъскыхъ привожди ѡмлашше* [!] и (Супр. рук.); *мѡ* [молитва] на *воинскъ наджше* (Син. тр.).

д) В болгарском языке XI в., как и в других славянских языках, происходил процесс объединения в образовании формы именит. ед. мужск. р. основ на -е/-о с формой основ на -i: обобщалось окончание *а* или его замена. По всем славянским группам проходила такая стадия: согласный, находившийся перед *у* (*у* — *vedu*, *pesu*) оставался твердым. Таким он был в древнерусском языке: *веда, неса, мога* (вм. более ранних *веды, несы, могы*). Таким он до сих пор остается в чешском языке: *veda, pesa*. Такую же стадию представляли и болгарские говоры XI в. На нее указывают примеры Зограф. и Мариин. кодексов, — написания с модифицированным глаголическим юсом малым, с крючком: *ѣ*. Передаем этот знак посредством *а*: *града* (градан), *жива* (живан), *са* (сан). Изменение значка юса малого потребовалось для того, чтобы отметить, что слог *са* (*града, са*) не следует читать так, как слог *да, са* (*вода, носа*), в которых *д, с* были мягкими перед давним гласным переднего ряда (*вод'а*): в *града* согласный *д* был т в е р д ы м. Передавалось это сочетание и посредством обычного написания *а*: *градан* (Зограф., Ассеман., Клоцов Сб.). Были в XI в. и формы именит. ед. этих основ с результатом дальнейшего изменения, — с окончанием -жи: *живжи* (Син. пс.). Формы причастия на -жи представлены и в памятниках среднеболгарской эпохи. Так, в Добриловом ев. (XII в.) находятся *сжи, ѡджи, ѹтъжи, граджи*, но и 2 раза *сен*, указывающее на более раннее *сан* (*в* вместо *а*).

Русские рукописи XI—XII вв. также указывают, что в их старославянских оригиналах при обычной форме именит. ед. мужск. рода причастия наст. вр. на *ы* (*несы*) встречались изредка и формы на *а* после твердого согласного. Были в этих старославянских оригиналах и формы на *ж*. Так, в Сб. Святослава 1073 г. находятся такие написания этих форм: *живан, жьра*; в Словах Григория Богослова *са, сан, сж, сжи*; в Чудовской псалтыри *сжи, живжи*.

е) Для глаголов *видѣти, горѣти* причастие наст. вр. представлено в традиционном звуковом виде: *видашт- (видѣшти), горашт- (горѣшти)*. Но представлены также и образования с носовым *ж*: *видѣшти, горѣшти* (в Зогр., Мариин., Ассем.).

вести (ved-ti → vesti)			хвалити, вратити			знати			
М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Единственное число									
И. Р. Д. В. Т. М.	ведѣ ведѣши ведѣше ведѣшь ведѣшомъ ведѣши	ведѣ ведѣши ведѣше ведѣшь ведѣшомъ ведѣши	ведѣши ведѣша ведѣши ведѣши ведѣшомъ ведѣши	хвалѣ, вратѣ хвалѣши, вратѣши хвалѣши хвалѣшь хвалѣшомъ хвалѣши	хвалѣ хвалѣши хвалѣши хвалѣше хвалѣшомъ хвалѣши	хвалѣши, вратѣши хвалѣша хвалѣши хвалѣши хвалѣшомъ хвалѣши	знаѣ знаѣши знаѣше знаѣшь знаѣшомъ знаѣши	знаѣ знаѣши знаѣше знаѣшь знаѣшомъ знаѣши	знаѣши знаѣша знаѣши знаѣши знаѣшомъ знаѣши
Множественное число									
И. Р. Д. В. Т. М.	ведѣше ведѣшь ведѣшомъ ведѣша ведѣши ведѣшихъ	ведѣши ведѣшь ведѣшомъ ведѣши ведѣши ведѣшихъ	ведѣша ведѣши ведѣшомъ ведѣша ведѣши ведѣшихъ	хвалѣши, вратѣши хвалѣшь хвалѣшомъ хвалѣша хвалѣши хвалѣшихъ	хвалѣши хвалѣшь хвалѣшомъ хвалѣши хвалѣши хвалѣшихъ	хвалѣша хвалѣшь хвалѣшомъ хвалѣша хвалѣши хвалѣшихъ	знаѣше знаѣшь знаѣшомъ знаѣша знаѣши знаѣшихъ	знаѣши знаѣшь знаѣшомъ знаѣши знаѣши знаѣшихъ	знаѣша знаѣшь знаѣшомъ знаѣша знаѣши знаѣшихъ
Двойственное число									
И. В. Р. М. Д. Т.	ведѣши ведѣши ведѣшомъ	ведѣши ведѣши ведѣшомъ	ведѣши ведѣши ведѣшомъ	хвалѣши хвалѣши хвалѣшомъ	хвалѣши хвалѣши хвалѣшомъ	хвалѣши хвалѣши хвалѣшомъ	знаѣши знаѣши знаѣшомъ	знаѣши знаѣши знаѣшомъ	знаѣши знаѣши знаѣшомъ

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Единственное число									
И. Р. Д. В. Т. М.	коды (кодъ) кодъшюго кодъшюмоу кодъши кодъшныи кодъшныи	кодъшеи кодъшеюго кодъшюмоу кодъшеи кодъшныи кодъшныи	кодъшии кодъшам кодъшии кодъшии кодъшии (-шеи) кодъши	хед'аши (хед'аш) ¹ хед'ашюго	хед'ашеи хед'ашюго и т. д.	хед'ашии хед'ашам	хед'ашии ¹ хед'ашюго	хед'ашеи и т. д.	хед'ашии хед'ашам
Множественное число									
И. Р. Д. В. Т. М.	кодъшии — — кодъшам — —	кодъшии кодъшиихъ кодъшныи кодъшии кодъшныи кодъшиихъ	кодъшам — — кодъшам — —	хед'ашии —	хед'ашеи хед'ашниихъ и т. д.	хед'ашам —	хед'ашии —	хед'ашеи хед'ашниихъ и т. д.	хед'ашам —
Двойственное число									
И. В. Р. М. Д. Т.	кодъшии — —	кодъшии кодъшюу кодъшныи	кодъшии — —						

¹ в окончании не было слоговым, а было $\ddot{}$ или $\dot{}$.

М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Единственное число								
вѣлъ	вѣло	вѣла	хвѣланъ	хвѣлао	хвѣлана	зналъ	знало	знала
Множественное число								
вѣли	вѣла	вѣлы	хвѣлани	хвѣлаа	хвѣланы	знали	знааа	зналы
Двойственное число								
вѣла	вѣлъ	вѣль	хвѣлаа	хвѣланъ	хвѣлаъ	знааа	зналъ	зналь

§ 170. Причастие прошедшего времени с разными падежными формами представляло некогда формы с основой на согласный. Основа этого причастия была образована от основы инфинитива с присоединением суффикса $-i\ddot{u}s \rightarrow -ъs$ или $-i\ddot{u}s \rightarrow -vъs$. Суффикс $-ъs$ находился после согласного: $vedъs-$. Инфинитивная основа на $-p\ddot{o}-$ входила в образование основы причастия без этого суффикса, если корень оканчивается согласным: $-dvigъs-$ (инф. $dvign\ddot{o}ti$). Инфинитивная основа на тематический гласный $-i$ также представляла суффикс $-i\ddot{u}s$; гласный $-i$ перед гласным изменялся в \dot{i} (j) и ассимилировался с предшествующим согласным: $chval\dot{i}-ъs \rightarrow chval'ъs-$, $pos\dot{i}-ъs \rightarrow po\ddot{s}ъs-$, $vort\dot{i}-ъs \rightarrow vort'ъs-$ с разными заменами по славянским группам (ст.-сл. *врантъ*) и т. п.

В других инфинитивных основах на гласный причастным суффиксом был $-i\ddot{u}s \rightarrow -vъs$: $bivъs-$, $vidѣvъs-$, $kryvъs-$, $znavъs-$, $byravъs-$, $minovъs-$.

Для именит. ед. мужск. и средн. р. служила основа без особого окончания: $vedъs \rightarrow vedъ$, $dvigъs \rightarrow dvigъ$, $chval'ъs \rightarrow chval'ъ$, $po\ddot{s}ъs \rightarrow po\ddot{s}$ и др.; $bivъs \rightarrow bivъ$, $vidѣvъ$, $znavъ$, $byravъ$, $minovъ$ и др.

Во всех других формах основа причастия была распространена посредством *i* (*j*) в составе суффикса *-jo* (*-jo-*) для мужск. и средн. р. в составе суффикса *-ja* (*-ja*) для женск. р. Произошла ассимиляция *j* с предшествующим *s*: *sj* → *š*. Падежные окончания были такие же, как в основах на *-jo* мужск. и средн. р., и как в основах на *-ja* женск. р. Только в именит. мн. числа мужск. р. сохранялось прежнее окончание *-e*, — окончание основ на согласный.

Именит. ед. мужск. и ср. р.	<i>vedъ</i>	вм.	<i>vedъs</i>
Родит.	—	<i>vedъša</i>	вм. <i>vedъs-ja</i>
Дат.	—	<i>vedъšu</i>	вм. <i>vedъs-ju</i>

Винит. мужск. р. *vedъšъ*: в среднем роде употреблялась для винит. форма на *-še*: *vedъše*.

Именит. ед. женск. р.	<i>vedъši</i>
Родит.	— <i>vedъšę</i> или <i>vedъšę</i> .

В сложных формах именит. ед. мужск. р. представлял сочетание с редуцированным *ŷ* или *i* перед *i*: *vedŷi* вм. *vedъ + i*, *chval'ii* вм. *chval'ъ + i*.

В образование именительного ед. средн. р. входила форма на *-še*: *vedъše + je*, *chval'ъše + je*.

Отметить еще следует вид основы причастия прош. вр. в отношении ступени в ряду чередования гласных: она бывала нередко на ступени редукции. Так было и в причастии прош. вр. с суффиксом *-lo-* и в причастии прош. вр. страдательного залога. Напр.: *šьdъ*, *šьdъša*; *šьdlъ* — *šьlъ*, *šьdla* — *šьla*; *vyrgъ*, *vyrgъša*; *vyrglъ*, *otъvyrglъ*; прич. прош. вр. страд. *vyžepъ*, *otъvyžepъ* (инфин. *vergti*: ст.-сл. *врѣшти*); *vykъ*, *vykъša*, *sъvykъša*, *obykъša*; *sъvyklъ*, *sъvykla*; прич. прош. вр. страд. *vyčepo*, *obyčepo* (инфин. *velkti*: ст.-сл. *влѣшти*); *stьrtъ*, *stьrtъša*; *stьrlъ*, *stьrla*; прич. прош. страд. *stьrtъ*, *prostьrtъ* (инфин. *sterti*, *prosterti*: ст.-сл. *стрѣти*, *прострѣти*); *umьgъ*, *umьgъša*; *umьglъ*, *umьgla* (инфин. *umerti*: ст.-сл. *оумрѣти*) и др.

В старославянском языке отражаются и образования от основы с гласным полного образования, какой был некогда (до перестановки и до появления носовых гласных) в основе инфинитива: *mer-*, *ster-*, *pen-*: из Синайского гр.: *оумерѣшааго*, *оумерѣшаа*, *простерѣ ноуѣ свои на расноуѣ*, *расноуѣ са на расноуѣ*.

§ 171. В отношении старославянских форм причастия прош. вр. отметим следующее.

а) Сложная форма причастия в именит. пад. ед. ч. мужск. рода представляла в конце $\dot{\text{I}}$ ($\dot{\text{j}}$), который получился вместо $\dot{\text{i}}$ после гласного. На изменение гласного $\dot{\text{i}}$ в таком положении в гласный редуцированный $\dot{\text{i}}$, а затем в неслоговой $\dot{\text{I}}$ указывает усиление редуцированного ъ , ь в предшествующем слоге: створѣ , изволе , привлече (Син. тр.).

б) Новообразование в инфинитивных основах с тематическим $-\dot{\text{i}}$: при старых формах хвал'ь , хвал'ьши , ношьше , прстѣпль'ь и др. в некоторых старославянских памятниках XI в. находятся образования на $-\text{нѣ}$; хвалнѣ , извѣнѣ , поустнѣ , прстѣпнѣ и др. Примеров таких новообразований в памятниках немного. Так, в Мариинском ев. при 186 примерах причастий с $'ь$ (хвал'ь) имеется только один пример на $-\text{нѣ}$. Даже в Саввиной книге, представляющей много отклонений от раннего типа старославянского языка, находятся всего два примера на $-\text{нѣ}$ при 69 на $'ь$. Только в Супрасльской рукописи, изобилующей новыми языковыми чертами, преобладают формы на $-\text{нѣ}$: 598 при 117 на $'ь$.

в) Появляются образования основы с суффиксом $-\text{нѣ}$ после согласного: въздвнѣнѣ , въздѣхнѣ , дрѣзнѣ . Так и в причастии на $-\text{лѣ}$, $-\text{ла}$, $-\text{ло}$: въздвнѣлѣ (въздвнѣлѣ) и др. То же явление было отмечено выше и в формах аориста.

г) Появляются образования причастия прош. вр. с таким же гласным в корне, какой был в инфинитиве: при прежнем образовании извѣлѣ , сѣвѣлѣ обнаруживаются причастные основы с $-\text{лѣ}$ -, как в инфинитиве: сѣвѣлѣ , сѣвѣлѣше .

Позднейшей чертой является деепричастное значение формы на $-\text{ше}$, как это отразилось в Супрасльской рук.: $\text{повѣлѣ юг сѣвѣлѣши}$ („раздеть“) и сѣвѣлѣше вни н.— Ср. в той же рукописи указание на такое же значение формы наст. вр. на $-\text{ше}$.

Причастие прош. вр. с суффиксом $-\text{ло}$ имело только формы именительного падежа: ед. ч.: vedl'ь или vel'ь , vedlo — velo , vedla — vela ;

мн. ч.: vedli или veli — мужск. р., vedla — vela — средн. р., vedly — vely — женск. р.

Дв.: vedla или vela — мужск. р., vedle — velé — средн. и женск. р.

Причастие страдательного залога
Настоящее время

§ 172:

ВЕДЕШН, ВЕДЖТЬ			ДВЕНЕШН, ДВЕНЖТЬ			
М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Единственное число						
И. Р. Д.	ВЕДОМЪ ВЕДОМЛ ВЕДОМОУ и т. п. по основам на -о	ВЕДОМО ВЕДОМЛ ВЕДОМОУ	ВЕДОМА ВЕДОМЫ ВЕДОМЪ и т. п. по основам на -а	ДВЕНГОМЪ ДВЕНГОМЛ и т. д.	ДВЕНГОМО ДВЕНГОМЛ и т. д.	ДВЕНГОМА ДВЕНГОМЫ и т. д.

§ 173.

ЗНАЮШН, ЗНАЖТЬ			ХВАЛШН, ХВАЛЖТЬ			
М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Единственное число						
И. Р. Д.	ЗНАЮМЪ ЗНАЮМА ЗНАЮМОУ и т. д. по основам на -о	ЗНАЮМО ЗНАЮМА ЗНАЮМОУ	ЗНАЮМА ЗНАЮМЫ ЗНАЮМЪ и т. д. по основам на -а	ХВАЛНМЪ ХВАЛНМА ХВАЛНМОУ и т. д.	ХВАЛНМО ХВАЛНМА ХВАЛНМОУ и т. д.	ХВАЛНМА ХВАЛНМЫ ХВАЛНМЪ и т. д.

М. р.		Ср. р.	Ж. р.	М. р.		Ср. р.	Ж. р.
Единственное число							
И. Р.	ведомын (-мън) ведомаюго и т. д.	ведомою ведомаюго и т. д.	ведомаа ведомаа и т. д.	двигномын двигномаюго и т. д.	двигномою двигномаюго и т. д.	двигномаа двигномаа и т. д.	
М. р.		Ср. р.	Ж. р.	М. р.		Ср. р.	Ж. р.
Единственное число							
И. Р.	знаюмын (-мън) знаюмаюго и т. д.	знаюмою знаюмаюго и т. д.	знаюмаа знаюмаа и т. д.	хваанмын хваанмаюго и т. д.	хваанмою хваанмаюго и т. д.	хваанмаа хваанмаа и т. д.	

Прошедшее время

§ 175.

А

	вести (vedti → vesti)			хвалити, вратити			знати			клати
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.
	Единственное число									
И. Р. Д.	ведснѣ ведена веденоу	ведонѣ ведена веденоу	ведена ведены ведонѣ	хвалюнѣ (вращтѣнѣ) хвалюна хвалюноу	хвалисно (вращтѣно) хвалюна хвалюноу	хвалюна (вращтѣна) хвалюны хвалюнѣ	знанѣ знана знаноу	знано знана знаноу	знана знаны знанѣ	клатѣ клата клатоу
	и т. д. по основам на -о		и т. д. по основам на -а	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.

Б

И. Р.	ведснѣн (-нѣн) ведонаюгѣ	ведсною веденаюгѣ	веденаѣ ведонѣнѣ	хвалюнѣн хвалюна- югѣ	хвалисною хвалисна- югѣ	хвалюнаѣ хвалюнѣнѣ	знанѣн (глагола- нѣн)	знаною знанаюгѣ	знанаѣ знанѣнѣ	клатѣн клатаягѣ
	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.	и т. д.

§ 176. 1) Причастие настоящего времени страдат. было образовано от основ настоящего вр. на *-о, -но, -ю* → *-је, -і* с причастным суффиксом *-мо*: *vedo-мо, dvigno-мо, знаје-мо, chvali-мо*.

Именит. пад. ед. ч. мужск. р. — *vedomъ, dvignomъ, знајемъ, chvalimъ*.

Родит. — *vedoma, dvignoma, знајема, chvalima*.

Прочие формы были образованы по основам на *-о* в мужск. и средн. р. и по основам на *-а* в женск.

§ 177. 2) Причастие прошедшего времени страд. было образовано от инфинитивной основы. Суффиксами основы этого причастия были *-ено, -по, -то*.

Суффикс *-ено* применялся в тех случаях, когда инфинитивная основа представляла собою корень на согласный: *ved-ено, pes-ено, дѣм-ено, на-дѣнено* (*dǫti; dom-* или *dǫm-*); *bor-ено, kol-ено*. Но в основах глаголов *bor-, kol-* (*bortǫ, koltǫ*) было и иное образование этого причастия. См. ниже.

Тот же суффикс применялся в глаголах с основой на *-пр-*, перед которым был согласный (*dvig-*): *dviž-ено*.

Суффикс *-ено* применялся и в глаголах с тематическим гласным *-і* в инфинитиве. Гласный *і* перед гласным был неслоговым *i* или *j* и ассимилировался с предшествующим согласным: *chvali-ено* → *chval'ено*; *vozi-ено* → *vož-ено*; *vortǫ-ено* → *vorč'ено* — с дальнейшим изменением по славянским группам (ст.-сл. *враштено*, вост.-сл. *ворочено*); *lovǫ-ено*; ст.-сл. *ловяно*.

Суффикс *-ено* входил в состав основы причастия и некоторых других глаголов.

Напр.: *bito*; но и *bǫj-ено*; *krǫv-ено* — (инфин. *kruti*), *gǫv-ено* (инфин. *guti*); *zabǫv-ено* (инфин. *zabyti*).

Суффикс *-но* находился при инфинитивной основе на *-а* или *ѣ* корня или тематического суффикса: *zna-но, deša-но, sѣ-но* (*sѣti*), *vidѣ-но*.

Суффикс *-то* при инфинитивной основе, равной корню и оканчивавшейся гласным: *bi-* (*biti*), *pѣ-* (*pѣti*). Также при инфинитивной основе на носовой согласный или на плавный *-г-*: *ryp-* → *pe-* (*pѣti*), *klǫp-* → *kle-* (*klѣti*), *stǫg-*: *pѣto-, klѣto-, паѣto-, стѣto-, ѣгto-*.

Как и в других причастиях прошедшего вр., основа представляла в ряде случаев ступень редукции: *tyr-to* (инфин. *terti*: ст.-сл. *трьти*, вост.-сл. *терети*), *styr-to* (инф. *sterti*: ст.-сл. *стрьти*, вост.-сл. *стерети*, *простерети*), *ob-vylčeno* → *obylčeno* (инфин. *obelčeno*: ст.-сл. *обьлчєно*), *telč-eno* (инфин. *telk-ti*: ст.-сл. *гльшти*), *vyž-eno* (инфин. *verg-ti*: ст.-сл. *врьшти* — „бросить“).

§ 178. В языке старославянских памятников XI в. отметим следующие черты в образовании причастий прошедшего времени страд.

а) Суффиксом *-eno* пользуются и в некоторых глаголах с основой на *-r*, *-l*: *жрьтъ* (*жрьти* — „приносить жертву“) и *жрвнъ*; *вррнъ*, производное существительное *вррннъ*; но и старое *бранъ*, *браннъ*.

С суффиксом *-to*, возможно, с более давнего времени показано причастие *врьсто*, *отвьрьсто* (*гробъ отвьрьсть* — „открытая могила“); производное существительное *отвьрьстнъ*; давняя основа *vyz-*, инфинитив *verz-*: *verzti* → *versti*: ст.-сл. *врьсти*, *отвьрьсти*.

б) Появляются новообразования в отношении звукового вида корня: вместо ступени редукции применяется звуковой вид, как он представлен в инфинитиве: при прежнем *обьлчєнъ* находится новое образование *обьлчєнъ* (инфин. *обьлшти*).

в) В основах на *-и* с предшествующим губным согласным в образовании причастной формы входит основа без *л'*: *взълчєнъ*, *ослабєнъ*, *прослабєнъ* (Савв. кн. и др.) см. в отделе об *l'-epentheticism*. Позднее процесс изменения основы причастия прош. вр. страд. в основах на *-i* отразится последовательно на всех глаголах: *воден* (вм. *вожден*), *просен* (вм. *прошен*) и др.

Дательный самостоятельный (*dativus absolutus*).

§ 179. Причастие в форме дательного падежа в сочетании с именем или местоимением в том же падеже могло иметь особое значение, не находясь в зависимости от главных членов предложения, в какой была форма дательного в других случаях: *рече сыновѣи, мнѣ вѣмѣ бысть*. Глагольное значение сказуемого и того глагола, основа которого лежала в форме причастия, относилось к разным субъектам. Дательный самостоятельный обычно указывал на время, когда происходило действие или

к которому относилось явление: *еще сему глаголющюу приде единъ отъ архиснагога (Мариин.)* — „в то время, когда он говорил [во время его речи], пришел один от главы синагоги“; *часома же двѣма минувъшема расхождаше са по малюу тѣма* — „по прошествии двух часов тѣма понемногу стала расходиться“ (Супр. рук.).

Ср. такие нередко встречающиеся сочетания, в которых еще яснее представлена независимость дательного самостоятельного, — случаи, в которых наречие *се* („*вот*“) отделяет его от прочих членов предложения. И графически в памятниках остался след такого синтаксического значения дательного самостоятельного: перед *се* писец ставил нередко точку, так как у него здесь была пауза: *еще сему глаголющюу къ народомъ. се мати и братръ его стояхъ внѣ* (Мариин.) — „еще он говорил народу [еще он не окончил свою речь к народу] — вот его мать и братья стояли наружи“; *сплациемъ же улкомъ приде врагъ его* (Мариин.) — „во время сна людей пришел его неприятель“; *слънцоу же въспъвъшюу прискаде* (Мариин.) — „когда солнце взошло, оно [растение] увяло“.

Дательный самостоятельный причастия может быть в сочетании с наречием: *поздъ же бывъшюу пристыпиша къ немуоу оученици его* (Мариин.) — „когда же было поздно, подошли к нему его ученики“; *вечеръ сщюу глагол'ств...* (Мариин.) — „во время вечера вы говорите...“.

Супрасльская рукопись представляет редкие примеры дательного самостоятельного при отношении глаголов причастия и сказуемого к одному и тому же субъекту: *строужемоу юмоу въз'пи* — „когда с него сдирали кожу, он воскликнул“; *ведомомъ бывъшемъ... блюдеми вѣлахъ* — „когда их вели, они были охраняемы“.

Инфинитив. Супин.

§ 180. К именным формам глагола принадлежали, кроме причастий, также инфинитив и супин.

Инфинитив оканчивался на *-ti*. По происхождению это была, вероятно, форма дательного ед. имени основ на *-ī* (в литовском этому суффиксу соответствует *-ti*). Слав. *biti, znati, vidēti, nesti, vedti* → *vesti*.

Сочетания *g-ti*, *k-ti* изменились в *-t̄i* с дальнейшим изменением по славянским группам: ст.-сл. -шти, вост.-сл. -чи, сербохорв. -ći (ћи), словин. -či, зап.-сл. -ci; *mogti*: ст.-сл. мошти, вост.-сл. мочи, зап.-сл. мосі; *rekti*: ст.-сл. рѣшти, вост.-сл. печи, зап.-сл. ресі.

§ 181. Супин оканчивался на -тъ. Это — давняя форма винит. ед. с основой на -й (суффикс -t̄j-): *t̄im* → *t̄ip* → *тъ*. В латинском языке славянскому -тъ соответствовал -tum (da-t̄i-m), в литовском -tu вм. -tup (*dūtū*). Его значение было — винительный цели. В связи с этим значением он применялся при глаголах движения.

На именное значение супина указывает то, что форма другого имени, находящегося при нем, представлена в родительном пад. (а не в винит.).

В старославянском языке в глаголах с корнем на -к, -г (пек-, жег-) супин образован с шт, под влиянием инфинитива *пѣшь*, *жѣшь*.

Несколько примеров сочетаний с супином: *тѣсо видѣтъ изидѣте въ поустыниѣ; вѣшедѣ видѣтъ възлежацихъ; приде видѣтъ гроба; сѣпржѣ воловьинихъ коупихъ пать и градъ некоюснѣ ихъ (Марин. код.); да не възвратнѣ са въспать възать ризъ своихъ (Савв. кн.); наж рыбѣ локентѣ; приде жона отъ самарна поурѣтъ воды (Зограф. код.); разидѣтъ са вѣтъ (Син. пс.); посълаветъ и оумытъ са (Син. тр.), съиндоша са раби твои жать (Син. тр.).*

Но в Супрасльской рукописи отражается уже новая конструкция, — воздействие сочетаний инфинитива с винительным падежом: *посълана бѣста мѣунѣ рекомыа рагы, съвазати же бѣса пришевштабѣштад са к' и'нѣ.*

Тут ясно отражается и другая черта: замена супина инфинитивом (*съвазати* вм. *съвазати*).

Пример замены супина инфинитивом можно отметить и в Зографском и в Маринском кодексах: *І идѣхъ вси кождо нап'сати са въ свои градъ (Лука, II, 3, Зограф.).* В Саввиной книге, в Ассеманиевом и Остромировом кодексах — супин: *нап'сати са (Ассеман., Остромир.), написати са (Савв. кн.).* Такая замена отражается и в древнесербских и древнерусских списках. Возможно полагать, что не во всех случаях эта замена внесена русским или сербским переписчиком: некоторые примеры ее перенесены были из старославянских оригиналов.

Только в двух славянских группах сохранилось применение

супина: в словянском и нижнелужицком языках. В прочих языках супин заменен инфинитивом.

В старославянских памятниках отражается такое синтаксическое изменение: иногда употреблен не инфинитив или супин, а конъюнктив, т. е. сочетание союза да с личной формой глагола: *изиде съян да съеть* в тексте Матф., XIII, (Мариин.); но в тексте Марка, IV, 3 — супин: *се изиде... съать*. В греческом тексте — инфинитив: *ἐξῆλθεν ὁ σπεῖρω τοῦ σπεῖρειν*; и повелея г҃ъ [господь — „господин“] его да продадатъ („его“), Матф., XVIII, 25 (Мариин.).

В греческом тексте — винительный с инфинитивом: *ἐκέλευεν αὐτὸν ὁ κύριος πρᾶξαι*.

Конъюнктив получил с течением времени широкое применение в языке южных славян. В особенности же интенсивен был процесс применения конъюнктива в разных болгарских группах. В болгарском языке инфинитив совсем утратил свою актуальность и заменился конъюнктивом: *излѣзе съячь да сѣе* (Матф., XIII); *господарьтъ му заповѣда да продадатъ него*; (Матф., XIII); *аз искамъ, сестро, тукъ да загина* (Хр. Ботев) — „я хочу, сестра, здесь погибнуть“.

Весьма широко применяется конъюнктив и в других балканских языках, — в новогреческом, албанском, румынском.

Форма сать, сати.

§ 182. В Супрасльской рукописи, в Синайской псалтыри, в Клоцовом сборнике находится глагольная форма *сать* в значении вводного слова — „говорит“, „говорят“ (русск. „де“, „мол“): *послушаи уѣто сать вели҃гистъ: слышавъше, сать, гласъ їдѣ въспати І падж на земѣ ници* (Сб. Клоца). В Клоцовом сборнике в одном случае представлено *сати*. В Супрасльской рукописи *сать* находится рядом с аористом *рече*: одно служит пояснением другого.

Происхождение *сать*, *сати* неясно. Одни из лингвистов предполагают в этом форму 3. л. наст. вр.; другие — 3 л. аориста. Была сделана попытка, совсем неубедительная, объяснить эти формы как местоимение *са* в сочетании с местоимением *ти* (*тъ*); это *са* будто бы находилось при вводном глагольном слове, имевшем значение „говорить“; с течением времени это вводное слово было утрачено.

Настоящее время						
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. Р. Д. В.	сѣ сѣшѣ сѣшѣю сѣшѣть и т. д.	сѣ сѣшѣ сѣшѣю сѣ, сѣшѣ и т. д.	сѣшѣ сѣшѣа сѣшѣи сѣшѣиш и т. д.	вѣдѣ вѣдѣшѣ вѣдѣшѣю вѣдѣшѣть и т. д.	вѣдѣ вѣдѣшѣ вѣдѣшѣю вѣдѣшѣте и т. д.	вѣдѣшѣ вѣдѣшѣа вѣдѣшѣи вѣдѣшѣиш и т. д.
И. Р. Д.	сѣшѣ сѣшѣишѣго сѣшѣишѣюмоу и т. д.	сѣшѣю сѣшѣишѣго сѣшѣишѣюмоу и т. д.	сѣшѣи сѣшѣишѣа сѣшѣишѣи и т. д.	вѣдѣи вѣдѣишѣишѣго вѣдѣишѣишѣюмоу и т. д.	вѣдѣишѣю вѣдѣишѣишѣго вѣдѣишѣишѣюмоу и т. д.	вѣдѣишѣишѣ вѣдѣишѣишѣа вѣдѣишѣишѣи и т. д.
Страдательный залог						
И. Р.				вѣдомо вѣдомо и т. д.	вѣдомо вѣдомо и т. д.	вѣдомо вѣдомо и т. д.

Прошедшее время						
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. Р. Д. В.	БЫЕЪ БЫЕЪШС БЫЕЪШЮ БЫЕЪШЬ И Т. Д.	БЫЕЪ БЫЕЪШС БЫЕЪШЮ БЫЕЪШЕ И Т. Д.	БЫЕЪШН БЫЕЪША БЫЕЪШН БЫЕЪШН И Т. Д.	БЫДЪЕЪ БЫДЪЕЪШС БЫДЪЕЪШЮ БЫДЪЕЪШЬ И Т. Д.	БЫДЪЕЪ БЫДЪЕЪШС БЫДЪЕЪШЮ БЫДЪЕЪШЕ И Т. Д.	БЫДЪЕЪШН БЫДЪЕЪША БЫДЪЕЪШН БЫДЪЕЪШЬ И Т. Д.
И. Р. Д.	БЫЕЪШ БЫЕЪШКАГО БЫЕЪШЮМОУ И Т. Д.	БЫЕЪШЕШ БЫЕЪШКАГО БЫЕЪШЮМОУ И Т. Д.	БЫЕЪШНН БЫЕЪШАКА БЫЕЪШНН И Т. Д.	БЫДЪЕЪШ БЫДЪЕЪШКАГО БЫДЪЕЪШЮМОУ И Т. Д.	БЫДЪЕЪШЕШ БЫДЪЕЪШКАГО БЫДЪЕЪШЮМОУ И Т. Д.	БЫДЪЕЪШНН БЫДЪЕЪШАКА БЫДЪЕЪШНН И Т. Д.
	БЫЛЪ	БЫЛО	БЫЛА	БЫДЛА	БЫДЛО	БЫДЛА
Страдательный залог						
И. Р. Д.	[за] БЫЕВЕНЪ [за] БЫЕВЕНА [за] БЫЕВЕНОУ И Т. Д.	[за] БЫЕВЕНО [за] БЫЕВЕНА [за] БЫЕВЕНОУ И Т. Д.	[за] БЫЕВЕНА [за] БЫЕВЕНЫ [за] БЫЕВЕНЪ И Т. Д.	БЫДЕНЪ БЫДЕНА БЫДЕНОУ И Т. Д.	БЫДЕНО БЫДЕНА БЫДЕНОУ И Т. Д.	БЫДЕНА БЫДЕНЫ БЫДЕНЪ И Т. Д.

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. Р. Д. В.	идѣ идѣша идѣшю идѣшь и т. д.	идѣ идѣша идѣшю идѣше и т. д.	идѣши идѣша идѣши идѣши и т. д.	идѣ идѣши идѣшю идѣшь и т. д.	идѣ идѣши идѣшю идѣше и т. д.	идѣши идѣша идѣши идѣши и т. д.
И. Р. Д.	идѣи идѣшиаго идѣшюмоу и т. д.	идѣшею идѣшиаго идѣшюмоу и т. д.	идѣшиа идѣшаа идѣшии и т. д.	идѣи идѣшиаго идѣшюмоу и т. д.	идѣшею идѣшиаго идѣшюмоу и т. д.	идѣшиа идѣшаа идѣшии и т. д.
	идѣ	идѣ	идѣ	идѣ	идѣ	идѣ
Страдательный залог						
И. Р. Д.	идѣнъ идѣна идѣноу и т. д.	идѣно идѣна идѣноу и т. д.	идѣнъ идѣны идѣнъ и т. д.	идѣнъ идѣна идѣноу и т. д.	идѣно идѣна идѣноу и т. д.	идѣнъ идѣны идѣнъ и т. д.